А. С. ПУШКИНЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ ЕГО СОЧИНЕНІЙ

ИЗДАНІЕ В. В. КОМАРОВА

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

П. А. ЕФРЕМОВА.

ТОМЪ ПЯТЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. В. Комарова, Фонтанка, д. № 74.
1887.

А. С. ПУШКИНЪ

ПОЛНОЕ

СОБРАНІЕ ЕГО СОЧИНЕНІЙ

ИЗДАНІЕ В. В. КОМАРОВА

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

П. А. ЕФРЕМОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. В. Комарова, Фонтанка, д. № 74.
1887.

lib.pushkinskijdom.ru

Бумага фабрики К. П. Печаткина.

lib.pushkinskijdom.ru

А. С. ПУШКИНЪ.

Съ гравюры, приложенной къ 1 т. «Ста русскихъ литераторовъ»

1839.

Дозволено цензурою. Спб., 13 января 1887 г.

lib.pushkinskijdom.ru

lib.pushkinskijdom.ru

ОТРЫВКИ

ИЗЪ ЛИЦЕЙСКИХЪ ЗАПИСОКЪ.

1815—1817.

I.

Семья моего отца, его воспитаніе, французы-учителя: Воит... Mr. Martin. Отецъ и дядя въ гвардіи. Ихъ литературныя знакомства. Бабушка и ея мать — ихъ бѣдность. Иванъ Абрамовичъ. Свадьба отца. Смерть императрицы Екатерины—рожденіе Ольги. Отецъ выходитъ въ отставку и ѣдетъ въ Москву. Рожденіе мое.

Первыя впечатлѣнія. Юсуповъ садъ,[1] землетрясеніе,[2] няня. Отъѣздъ матери въ деревню. Первыя непріятности—гувернантки. Рожденіе Льва. Мои непріятныя воспоминанія. Смерть Николая.[3] Монфоръ, Русло, Кат. П. и Анна Ивановна. Нестерпимое состояніе. Охота къ чтенію. Меня везутъ въ Петербургъ. Езуиты. Тургеневъ. Лицей.

1811. Философскія мысли.—Мартинизмъ.—Мы прогоняемъ Пилецкаго.

1812, 1813. Дядя Василій Львовичъ. Дм. Дм., война съ Ан.

---

[1] Здѣсь, при встрѣчѣ съ императоромъ Павломъ, няня Пушкина не успѣла снять картуза съ дитяти, за что императоръ ее разбранилъ и самъ снялъ съ него картузъ. Поэтому Пушкинъ впослѣдствіи говаривалъ, что его сношенія съ дворомъ начались при императорѣ Павлѣ.

[2] 14 октября 1802 г., въ Москвѣ.

[3] Старшій братъ поэта, умершій ребенкомъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Ник. Свѣтская жизнь. Лицей, открытіе. Куницынъ. Гр. Аракчеевъ. Начальники наши. Мое положеніе. Чечневъ. Фроловъ.

1814. Государыня въ Царскомъ Селѣ. Графъ Кочубей. Смерть Малиновскаго. Безначаліе. Пріѣздъ Карамзина. 15 лѣтъ.

1815. Извѣстіе о взятіи Парижа. Пріѣздъ матери. Пріѣздъ отца. Стихи etc. Отношеніе къ товарищамъ. Мое тщеславіе. Экзаменъ, Державинъ.

II.

..... большой грузинскій носъ, а партизанъ почти вовсе былъ безъ носу. Давыдовъ является къ Бенигсену: «Князь Багратіонъ, говоритъ, прислалъ меня доложить вашему высокопревосходительству, что непріятель у насъ на носу...» — На чьемъ носу, Денисъ Васильевичъ, отвѣчаетъ генералъ, ежели на вашемъ, то онъ ужъ близко, если же на носу князя Багратіона, то мы успѣемъ еще отобѣдать.

Жуковскій даритъ мнѣ свои стихотворенія.

—

8-го ноября. Шишковъ и г-жа Бунина увѣнчали недавно князя Шаховскаго лавровымъ вѣнкомъ...

—

Мои мысли о Шаховскомъ.—Шаховской никогда не хотѣлъ учиться своему искусству и сталъ посредственной стихотворецъ. Шаховской не имѣетъ большаго вкуса: онъ худой писатель. Что же онъ такой? Неглупой человѣкъ, который, замѣчая все смѣшное или замысловатое въ обществахъ, пришедъ домой, все записываетъ и потомъ, какъ ни попало, вклеиваетъ въ свои комедіи.

—

10 декабря. — Вчера написалъ я третью главу: Фатама или разумъ человѣческій, читалъ ее С. С., и вечеромъ съ товарищами тушилъ свѣчки и лампы въ залѣ. Прекрасное занятіе для философа! Поутру читалъ жизнь Вольтера.

Началъ я комедію — не знаю, кончу ли ее. Третьяго дня хотѣлъ я написать ироическую поэму: Игорь и Ольга...

Лѣтомъ напишу я Картину Царскаго Села.

1. Картина суда.
2. Дворецъ. День въ Ц. С.
3. Утреннее гулянье.
4. Полуденное гулянье.
5. Вечернее гулянье.

lib.pushkinskijdom.ru

6. Жители Царскаго Села.

Вотъ главные предметы вседневныхъ моихъ записокъ—но это еще будущее.

—

29-го.—Итакъ я счастливъ былъ итакъ я наслаждался,
Отрадой тихою, восторгомъ упивался!..
И гдѣ веселья быстрый день?
Промчались лѣтомъ сновидѣнья,
Увяла прелесть наслажденья,
И снова вкругъ меня угрюмой скуки тѣнь!..

Я счастливъ былъ! нѣтъ, я вчера не былъ счастливъ: поутру я мучился ожиданьемъ, съ неописаннымъ волненьемъ стоя подъ окошкомъ, смотрѣлъ на снѣжную дорогу — ее не видно было! Наконецъ я потерялъ надежду, вдругъ нечаянно встрѣчаюсь съ нею на лѣстницѣ... сладкая минута!

Онъ пѣлъ любовь, но былъ печаленъ гласъ.
Увы! онъ зналъ любви одну лишь муку. (Жуковскій).

Какъ она мила была! какъ черное платье пристало къ милой Бакуниной!

Я былъ счастливъ 5 минутъ!

—

17-го.—Вчера провелъ я вечеръ съ Иконниковымъ.* Хотите ли вы видѣтъ страннаго человѣка, чудака—посмотрите на Иконникова. Поступки его—поступки сумасшедшаго; вы входите въ его комнату: видите высокаго, худаго человѣка, въ черномъ сюртукѣ, съ шеей окутанной чернымъ, изорваннымъ платкомъ. Лицо блѣдное, волосы не острижены, не расчесаны; онъ стоитъ задумавшись, кулакомъ нюхаетъ табакъ изъ коробочки—онъ дико смотритъ на васъ. Вы ему близкой знакомый, вы ему родственникъ или другъ — онъ васъ не узнаетъ. Вы подходите, зовете его по имени, говорите свое имя, онъ вскрикиваетъ, кидается на шею, цѣлуетъ, жметъ руку, хохочетъ задушевнымъ голосомъ, кланяется, садится, начинаетъ рѣчь, не доканчиваетъ, третъ себѣ лобъ, ерошитъ голову, вздыхаетъ. Передъ нимъ карафинъ воды; онъ наливаетъ стаканъ и пьетъ, наливаетъ другой, третій, четвертый—спрашиваетъ еще воды и еще пьетъ, говоритъ о своемъ бѣдномъ положеніи. Онъ не имѣетъ ни денегъ, ни мѣста, ни покровительства; ходитъ пѣшкомъ изъ Петербурга въ Царское Село, чтобы освѣдомиться о

* Одинъ изъ гувернеровъ лицея.

lib.pushkinskijdom.ru

какомъ-то мѣстѣ, которое обѣщалъ ему какой-то шарлатанъ. Онъ бѣденъ, гордъ и дерзокъ; разсыпается въ благодареньяхъ за ничтожную услугу или простую учтивость, неблагодаренъ и даже сердится за благодѣянье, ему оказанное,—легкомысленъ до чрезвычайности, мнителенъ, чувствителенъ, честолюбивъ. Иконниковъ имѣетъ дарованія, пишетъ изрядно стихи и любитъ поэзію.—Вы читаете ему свою пьесу—на отрѣзъ говоритъ онъ: такое-то мѣсто глупо, безъ смысла, низко;—за то за самые посредственные стихи кидается вамъ на шею и называетъ васъ геніемъ. Иногда онъ учтивъ до безконечности, въ другое время грубъ нестерпимо. Его любятъ иногда, смѣшитъ онъ часто, а жалокъ почти всегда.

III.

СОБСТВЕННОРУЧНЫЙ СПИСОКЪ ЛИЦЕЙСКИХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ.

1-я часть.

Посланія.	Пущину.	Лирическія.
Къ Александру.	»	Наполеонъ на Эльбѣ.
КъЖуковскому.	Ломоносову	Воспоминанія въ Ц. С.
» » »	Трубецкому.	Къ Оранскому принцу.
Къ Батюшкову.	Лицинію.	Пѣвецъ.
Къ Галичу.	Кюхельбекеру.	Слеза.
» »	Аристарху.	Истина.
Дельвигу.	Оправданная лѣнь.	Усы.
Дельвигу.	Друзьямъ.	Мечтатель.
Сестрѣ.	Шишкову.	Ринальда.
Бонопарте.	Актрисѣ.	Двѣ пѣсни.
Къ Юдину.	(Завѣщанія).	Пирующіе студенты.
		=
		XV элегій.
		Эпигр. Надп.
		Картины.
		Леда.

lib.pushkinskijdom.ru

ИЗЪ КИШИНЕВСКАГО ДНЕВНИКА И ЗАМѢТОКЪ.[1]

1821—1823.

2-го апрѣля (1821) вечеръ провелъ у Н. Д. Прелестная гречанка. Говорили объ А. Ипсиланти; между пятью греками, я одинъ говорилъ какъ грекъ; всѣ отчаялись въ успѣхѣ предпріятія этеріи. Я твердо увѣренъ, что Грецiя восторжествуетъ, и 2,500,000 турокъ оставятъ цвѣтущую страну Эллады законнымъ наслѣдникамъ Гомера и Ѳемистокла. Съ крайнимъ сожалѣніемъ узналъ я, что Владиміреско не имѣетъ другаго достоинства, кромѣ храбрости необыкновенной—храбрости достанетъ и у Ипсиланти.

—

3-го. Третьяго дня хоронили мы здѣшняго митрополита;[2] во всей церемоніи болѣе всего понравились мнѣ жиды: они наполняли тѣсныя улицы, взбирались на кровли и составляли тамъ живописныя группы. Равнодушіе изображалось на ихъ лицахъ; со всѣмъ тѣмъ ни одной улыбки, ни одного нескромнаго движенія! Они боятся христіанъ и потому во сто кратъ благочиннѣе всѣхъ.

—

Читалъ сегодня посланіе князя Вяземскаго къ Жуковскому.[3] Смѣлость, сила, умъ и рѣзкость, но что за звуки! Кому былъ Фебъ изъ русскихъ ласковъ — неожиданная риема «Херасковъ» не примиряетъ меня съ такой какофоніей. Баратынскій—прелесть.

—

9 апрѣля. Утро провелъ съ Пестелемъ; умный человѣкъ во всемъ смыслѣ этого слова. Mon coeur est matérialiste, говоритъ онъ, mais ma raison s'y refuse. Мы съ нимъ имѣли раз-

[1] Въ черновыхъ рукописяхъ встрѣчается программа «Записокъ»: Кишиневъ—пріѣздъ мой изъ Кавказа и Крыму, Орловъ, Ипсиланти, Каменка. (Фонт.). Греческая революція. Липранди. 12 годъ. Mort de sa femme. Le rénégat. Паша Арзрумскій.

[2] Неизданные стихи Пушкина о смерти и похоронахъ митрополита были указаны, но не выписаны, въ книгѣ г. Анненкова «Пушкинъ» и пр.

[3] Напечатано въ «Сынѣ Отечества» 1821, № 10.

lib.pushkinskijdom.ru

говоръ метафизической, политической, нравственной и проч. Онъ одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ умовъ, которыхъ я знаю....

—

Получилъ письмо отъ Чадаева. Другъ мой, упреки твои жестоки и несправедливы: никогда тебя не забуду. Твоя дружба мнѣ замѣнитъ счастье,—одного тебя можетъ любить холодная душа моя.—Жалѣю, что не получилъ онъ моихъ писемъ...

—

18 Juillet 1821. Nouvelle de la mort de Napoléon.
Bal chez l'archevêque arménien.

—

Страсти мои утихаютъ, тишина царитъ въ душѣ моей, ненависть, раскаяніе, все исчезаетъ — любовь, одушевленіе.... (около 16 авг. 1822).

—

Послѣ обѣда во снѣ видѣлъ Кюхельбекера. — 1 іюля день счастливый. (1823).

—

Только революціонная голова, подобная Мар. и И. можетъ любить Россію—такъ какъ писатель только можетъ любить ея языкъ... Все должно творить въ этой Россіи и въ этомъ русскомъ языкѣ.—(Іюль 1823).

ПРОГРАММА КОМЕДІИ.

ИЗЪ КРѢПОСТНИЧЕСКАГО И ШУЛЕРСКАГО МІРА.

Валберхова—вдова.* Сосницкій ея братъ, Брянскій—любовникъ Валберховой, Рамазановъ, Боченковъ.—Сосницкій даетъ завтракъ, Брянскій принимаетъ гостей, Рамазановъ узнаетъ Брянскаго. Изъясненіе. Пополамъ. Начинается игра. Сосницкій все проигрываетъ, гнетъ на карту Величкина (старый слуга). Отчаяніе его.

I. Сосницкій и Валберхова. — В. игралъ? С. игралъ. В. Долго ли тебѣ быть Богъ знаетъ гдѣ? добро бы либералъ... да ты-то что? Зачѣмъ не въ свѣтѣ... гдѣ вся молодежь? С. Вы всѣ бранчивы... Скучно... То ли дѣло ночь играть. В. Скоро ли

---

* Пушкинъ означилъ дѣйствующихъ лицъ именами актеровъ, которые должны бы были ихъ играть. При программѣ помѣщаемъ и сохранившіеся наброски комедіи.

lib.pushkinskijdom.ru

отстанешь? С. Нѣтъ, сестрица милая... Уѣзжай. У меня будетъ завтракъ. В. Игра?... С. Нѣтъ... В. Прощай.

II. С. Карты!.... Величкинъ. Проиграетесь.... С. Полно врать.... Я поспѣю.

III. Валберхова и Брянскій.

IV. Брянскій и Рамазановъ — узнаютъ, уговариваются.

V. Валберхова. Что за шумъ? Величкинъ. Играютъ. Валв. Поди за Брянскимъ.

VI. Валберхова. И Брянскій такой же.

VII. Брянскій и Валберхова. — Бр. Я пополамъ! Ему урокъ.... проигрывается....

VIII. Сосницкій въ отчаяніи. Брянскій. Величкинъ уговариваетъ, тотъ ставитъ его на карту, проигрываетъ. Величкинъ плачетъ, Сосницкій тоже. Брянскій и Рамазановъ.—Конецъ.

(4 іюня ночью, 5 іюня поутру).

—

Брянскій. Рамазановъ, Сосницкій, вы здѣсь, а мнѣ ничего не сказали.

—

— Мочи нѣтъ усталъ, проигрался, пора въ театръ нашъ... даетъ послѣдній завтракъ, онъ застрѣлится.

—

Я шелъ къ тебѣ сестра... (благо даже) въ одномъ домѣ.. Мы недѣлю не видались, что ты дѣлалъ? Занятъ былъ. Сегодня я дома, пріѣзжай пожалуйста. Тебѣ надо быть у... Я даю завтракъ. Богъ знаетъ какое общество. Зачѣмъ тебя нѣтъ въ свѣтѣ и проч.

—

«Скажи, какой судьбой другъ другу мы попались;
Въ одномъ дому живемъ и мѣсяцъ не видались.
Откуда и куда?»—Я шелъ къ тебѣ, сестра,
Хотѣлось мнѣ съ тобой увидѣться.—«Пора!»
Ей Богу занятъ былъ... дѣлами, службой;
Я дорожу, сестра, твоею дружбой,
Люблю тебя душой... Приду я иногда
Съ тобою посидѣть, но видишь ли, бѣда,
Всегда разъѣдемся—я дома, ты въ каретѣ...
Никакъ не съѣдемся...

lib.pushkinskijdom.ru

«Но мы могли бы въ свѣтѣ
Видаться каждый день...»
Конечно, я бы могъ
Пуститься въ свѣтъ. Нѣтъ, нѣтъ, избави Богъ!
По счастью модный кругъ теперь совсѣмъ не въ модѣ,
Ты знаешь. . . . . на свободѣ
Не ѣздимъ въ общество, не знаемъ... дамъ,
И васъ оставили на жертву...
Любезникамъ осьмнадцатаго вѣка.
А впрочемъ не найдешь живаго человѣка
Въ отборномъ обществѣ.
«Хвалиться есть ли чѣмъ?
Что тутъ хорошаго? Ну, я прощаю тѣмъ,
Которые. . . . . .
Привыкли... лишь къ пороку...
Казармы нравятся имъ больше нашихъ залъ,
Но ты, который съ годъ учиться пересталъ,
Который не зналъ походной пыли съ роду,
Зачѣмъ перенимать у нихъ пустую моду?»
—Какая нужда въ томъ? Въ кругу своемъ они
О дѣльномъ говорятъ, читаютъ Жомини.
«Да ты не читывалъ съ тѣхъ поръ, какъ ты родился;
Ты шлафрокомъ однимъ, да трубкою плѣнился.
Тебѣ ужъ грустно тамъ, гдѣ только банка нѣтъ,
Гдѣ вѣчно не курятъ и долженъ быть одѣтъ.»*

—

---

* Г. Анненковъ полагаетъ, что къ этой же комедіи принадлежитъ и слѣдующій отрывокъ:

Все жалобы, упреки, слезы—мочи нѣтъ!
Откланяюсь пока; она мнѣ надоѣла;
Къ тому жъ и безъ нея мнѣ слишкомъ много дѣла:
Я отыскалъ за Каменнымъ Мостомъ
Вдову съ племянницей; пойду туда пѣшкомъ.
Подъ видомъ будто бы невиннаго гулянья.
Ахъ!.. матушка!.. Предвижу увѣщанья!..
А, здравствуйте, maman!
«Куда же ты? постой!
Я шла къ тебѣ, мой другъ. Мнѣ надобно съ тобой
О дѣлѣ говорить...»
— Я зналъ.

lib.pushkinskijdom.ru

ИЗЪ ЖУРНАЛА

ГРЕЧЕСКАГО ВОЗСТАНІЯ. *

NOTICE SUR LA RÉVOLUTION D'IPSYLANTI.

I.

Le hospodar Ipsylanti trahi la cause de l'ethérie et fut cause de la mort de Riga et... Son fils Alexandre fut ethériste (probablement du choix de Capo-d'Istria et de l'aveu de l'empereur). Ses frères Канъ, Контогони, Софіаносъ, Тапо. Michel Suzzo fut reçu ethériste en 1820; Alexandre Suzzo hosp. de Valac. apprit le secret de l'ethérie par son secrétaire (Valetto) qui se laissa pénétrer ou gagner en devenant son gendre, Alex. Ips. en janvier 1821 envoya un certain Aristide en Servie avec un traité d'alliance offensive et deffensive entre cette province et lui, général des armées de la Grèce. Aristide fut saisi par Alexandre Suzzo, ses papiers et sa tête furent envoyés à Constantinople — cela fit que les plans furent changés tout de suite. Michel Suzzo écrivit à Kichineff. On empoisona Alexandre Suzzo et Ipsylanti passa à la tête de quelques arnautes et proclama la révolution.

II.

Les capitans sont des indépendants, corsaires, brigands ou employés turcs revetus d'un certain pouvoir. Tels furent Lampro etc. et en dernier lieu Formaki, Iordaki-Olimbiotti, Колокотрони, Контогони, Anastas etc. Iordaki-Olimbiotti fut dans l'armée d'Ipsylanti. Ils se retirèrent ensemble vers la frontière de la Hongrie. Alex. Ipsylanti menacé d'assassinat s'enfuit d'après son avis et fulmina sa proclamation. Iordaki à la tête de 800 h. combattit 5 fois l'armée turque et s'enferma enfin dans le monastère (de Scovlian). Trahi par les juifs, entouré des turcs il mit le feu et la poudre et sauta.

«Имѣй терпѣнье,
Мой другъ. Не нравится твое мнѣ поведенье...»
—А въ чемъ же?
«Да во всемъ. Во первыхъ, ты жены
Не видишь никогда—точь въ точь разведены:
Адель всегда одна, все дома; ты въ каретѣ,
На скачкѣ, въ оперѣ, на балахъ, вѣчно въ свѣтѣ;
Или нельзя никакъ съ женою посидѣть?..»

* Три письма Пушкина о греческой революціи помѣщены въ VII томѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

Formaki, capitan, ethériste, fut envoyé de la Morée à Ipsylanti, se battit en brave et se rendit à cette dernière affaire. Décapité à Constantinople.

III. NOTICE SUR PENDA-DÉKA.

Penda-Déka fut élévé à Moscou; en 1817 il servit à un évêque grec refugié.... et fut remarqué de l'empereur et de Capo d'Istria. Lors du massacre de Galatz il s'y trouva. 200 grecs assassinèrent 150 turcs. 60 de ces derniers furent brulés dans une maison où ils s'étaient réfugiés. P. D. vint quelques jours après à Ibraïl comme éspion. Il se présenta chez le Pacha et fuma avec lui comme sujet russe. Il rejoignit Ipsylanti à Tergovitsch: celui-ci l'envoya calmer les troubles de Jassy—il y trouva les grecs vexés par les boyards; sa présence d'esprit et sa fermeté les sauvèrent. Il prit des munitions pour 1,500 hommes tandis qu'il n'en avait que 300. Pendant 2 mois il fut prince de Moldavie. Кантакузенъ arriva et prit le commandement. On se retira vers Stinka. Кантакузенъ envoya P. D. reconnaitre les ennemis. L'avis de P. D. fût de se fortifier à Barda (1-re station vers Jassy). Кантакузенъ se retira à Skovlian, et demanda que P. D. fit son entrée dans la quarantaine. Penda-Déka accepta. P. D. nomma son second Papas-Ouglou-Arnaute.

Il n'y a pas de doute que le prince Ipsylanti eut pu prendre Ibraïl et Jourja. Les turcs fuyaient de toutes parts croyant voir les russes à leur trousse. A Boucharest les députés bulgares (entre autre Capidgi....) proposèrent à Ipsylanti d'insurger tout leur pays—il n'osa!

Le massacre de Galatz fut ordonné par A. Ipsylanti en cas que les turcs ne voulussent pas rendre les armes.

lib.pushkinskijdom.ru

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

1822.

№ 1.

По смерти Петра I движеніе, переданное сильнымъ человѣкомъ, все еще продолжалось въ огромныхъ составахъ государства преобразованнаго. Связи древняго порядка вещей были прерваны навѣки, воспоминанія старины мало по малу исчезали. Народъ, упорнымъ постоянствомъ удержавъ бороду и русскій кафтанъ, доволенъ былъ своею побѣдою и смотрѣлъ уже равнодушно на нѣмецкій образъ жизни обритыхъ своихъ бояръ. Новое поколѣніе, воспитанное подъ вліяніемъ европейскимъ, часъ отъ часу болѣе привыкало къ выгодамъ просвѣщенія. Гражданскіе и военные чиновники болѣе и болѣе умножались; иностранцы, въ то время столь нужные, пользовались прежними правами; схоластической педантизмъ по прежнему приносилъ свою непримѣтную пользу; отечественные таланты стали изрѣдка появляться и щедро были награждаемы. Н..... наслѣдники сѣвернаго исполина, изумленные блескомъ его величія, съ суевѣрной точностію подражали ему во всемъ, что только не требовало новаго вдохновенія. Такимъ образомъ дѣйствія правительства были выше собственной его образованности и добро производилось ненарочно, между тѣмъ какъ азіятское невѣжество обитало при дворѣ.*

Петръ I-й не страшился народной свободы, неминуемаго слѣдствія просвѣщенія, ибо довѣрялъ своему могуществу и презиралъ человѣчество, можетъ быть болѣе, чѣмъ Наполеонъ.**

---

* Доказательства тому: царствованіе безграмотной Екатерины I, кроваваго злодѣя Бирона и сладострастной Елизаветы. А. П.

** Послѣ этого въ рукописи зачеркнуто: «Въ самомъ дѣлѣ исторія представляетъ около его всеобщее рабство. Указъ, разорванный княземъ Долгорукимъ (Note) и письмо съ береговъ Прута приносятъ великую честь необыкновенной душѣ самовластнаго государя; впрочемъ всѣ состоянія, окованныя безъ разбора, были равны предъ его дубинкою.» Въ Кишиневскихъ бумагахъ поэта г. Бартеневъ нашелъ черновой набросокъ этого мѣста «Замѣчаній» (Р. Арх. 1881 г.): «Петръ I-й не страшился народной свободы, неминуемаго слѣдствія просвѣщенія. Геній его вырывался за предѣлы своего вѣка; ибо, довѣряя сво-

lib.pushkinskijdom.ru

Все дрожало, все безмолвно повиновалось. Аристократія послѣ его неоднократно замышляла ограничить самодержавіе; къ счастію хитрость государей торжествовала надъ честолюбіемъ вельможъ и образъ правленія остался неприкосновеннымъ. Это спасло насъ отъ чудовищнаго феодализма и существованіе народа не отдѣлилось вѣчною чертою отъ существованія дворянъ. Если бы гордые замыслы Долгорукихъ и проч. совершились, то владѣльцы душъ, сильные своими правами, всѣми силами затруднили бъ или даже вовсе уничтожили способы освобожденія людей крѣпостнаго состоянія, ограничили бъ число дворянъ и заградили бъ для прочихъ сословій путь къ достиженію должностей и почестей государственныхъ. Одно только страшное потрясеніе могло бы уничтожить въ Россіи закоренѣлое рабство; нынче же политическая наша свобода неразлучна съ освобожденіемъ крестьянъ; желаніе лучшаго соединяетъ всѣ состоянія противу общаго зла и твердое, мирное единодушіе можетъ скоро поставить насъ на ряду съ просвѣщенными народами Европы. — Памятниками неудачнаго боренія аристократіи съ деспотизмомъ остались только два указа Петра III о вольности дворянъ, указы, коими предки наши столько гордились и коихъ, справедливѣе, должны были бы стыдиться.

Царствованіе Екатерины II имѣло новое и сильное вліяніе на политическое и нравственное состояніе Россіи. Возведенная на престолъ заговоромъ нѣсколькихъ мятежниковъ, она обогатила ихъ на счетъ народа и унизила безпокойное наше дворянство. Если царствовать значитъ знать слабость души человѣческой и ею пользоваться, то въ семъ отношеніи Екатерина заслуживаетъ удивленіе потомства. Ея великолѣпіе ослѣпляло, привѣтливость привлекала, щедроты привязывали. Самое сластолюбіе сей хитрой женщины утверждало ея владычество. Производя слабый ропотъ въ народѣ, привыкшемъ уважать и пороки своихъ властителей, оно возбуждало——сорев-

---

ему могуществу, онъ почиталъ его неприкосновеннымъ. Всеобщее рабство и безмолвное повиновеніе. Всѣ состоянія были равны подъ его палкой. Мы видимъ заговоры противъ жизни государя, но не противу его власти. Послѣ же смерти великаго человѣка страхъ, напечатлѣнный его владычествомъ, начинаетъ исчезать. Аристократія неоднократно старается ограничить государей; но хитрость торжествуетъ надъ честолюбіемъ и самодержавіе остается неприкосновеннымъ.»

http://pushkinskijdom.ru

нованіе въ высшихъ состояніяхъ, ибо не нужно было ни ума, ни заслугъ, ни талантовъ для достиженія втораго мѣста въ государствѣ. Много было званныхъ и много избранныхъ, но въ длинномъ спискѣ ея любимцевъ, обреченныхъ презрѣнію[1] потомства, имя страннаго Потемкина будетъ отмѣчено рукою исторіи. Онъ раздѣлитъ съ Екатериною часть воинской ея славы, ибо ему обязаны мы Чернымъ моремъ и блестящими, хоть и безплодными, побѣдами въ сѣверной Турціи.[2]

Униженная Швеція и уничтоженная Польша—вотъ великія права Екатерины на благодарность русскаго народа. Но современемъ исторія оцѣнитъ вліяніе ея царствованія на нравы, откроетъ жестокую дѣятельность ея деспотизма подъ личиной кротости и терпимости; народъ угнетенный намѣстниками, казну расхищенную любимцами, покажетъ важныя ошибки ея въ политической экономіи, ничтожность въ законодательствѣ, ... фиглярство въ сношеніяхъ съ философами ея столѣтія, и тогда голосъ обольщеннаго Вольтера не избавитъ ея славной памяти отъ (нареканія) Россіи.

Мы видѣли, какимъ образомъ Екатерина унизила духъ дворянства. Въ этомъ дѣлѣ ревностно помогали ей любимцы. Стоитъ напомнить о пощечинахъ, щедро ими раздаваемыхъ нашимъ князьямъ и боярамъ, о славной роспискѣ Потемкина, хранимой донынѣ въ одномъ изъ присутственныхъ мѣстъ государства,[3] объ обезьянѣ графа Зубова, о кофейникѣ князя Куракина и проч. и проч.

Екатерина знала плутни и грабежи своихъ любимцевъ, но молчала. Ободренные таковою слабостію, они не знали мѣры своему корыстолюбію, и самые отдаленные родственники вре-

---

[1] Вмѣсто зачеркнутаго: «ненависти».

[2] Безплодными, ибо Дунай долженъ быть настоящею границею между Турціею и Россіей. Зачѣмъ Екатерина не совершила сего важнаго плана въ началѣ французской революціи, когда Европа не могла обратить дѣятельнаго вниманія на воинскія наши предпріятія, а взнуренная Турція—намъ упорствовать? Это избавило бы насъ отъ будущихъ хлопотъ.—А. П.

Въ черновомъ наброскѣ послѣ этого еще было:

«А Молдавія и Валахія сдѣлались бы русскими губерніями...»

[3] Потемкинъ послалъ однажды адъютанта взять изъ казеннаго мѣста 100.000 рублей. Чиновники не осмѣлились отпустить эту сумму безъ письменнаго вида. Потемкинъ на другой сторонѣ ихъ отношенія своеручно написалъ: дать, дать... А. П.

lib.pushkinskijdom.ru

менщика съ жадностію пользовались краткимъ его царствованіемъ. Отселѣ произошли сіи огромныя имѣнія вовсе неизвѣстныхъ фамилій и совершенное отсутствіе чести и честности въ высшемъ классѣ народа. Отъ канцлера до послѣдняго протоколиста все крало и все было продажно. Такимъ образомъ— развратило и—государство.

Екатерина уничтожила званіе (справедливѣе: названіе) рабства, а раздарила около милліона государственныхъ крестьянъ (т. е. свободныхъ хлѣбопашцевъ) и закрѣпостила вольную Малороссію и польскія провинціи. Екатерина уничтожила пытку, а тайная канцелярія процвѣтала подъ ея патріархальнымъ правленіемъ; Екатерина любила просвѣщеніе, а Новиковъ, распространившій первый лучъ его, перешелъ изъ рукъ Шешковскаго[1] въ темницу, гдѣ и находился до самой ея смерти. Радищевъ былъ сосланъ въ Сибирь, Княжнинъ умеръ подъ розгами[2] и Фонъ-Визинъ, котораго она боялась, не избѣгнулъ бы той же участи, если бъ не чрезвычайная его извѣстность.

Екатерина явно гнала духовенство, жертвуя тѣмъ своему неограниченному властолюбію и угождая духу времени. Но лишивъ его независимаго состоянія и ограничивъ монастырскіе доходы, она нанесла сильный ударъ просвѣщенію народному. Семинаріи[3] пришли въ совершенный упадокъ. Многія деревни нуждаются въ священникахъ. Бѣдность и невѣжество этихъ людей, необходимыхъ въ государствѣ, ихъ унижаетъ и отнимаетъ у нихъ самую возможность заниматься важною своею должностію. Отъ сего происходитъ въ нашемъ народѣ презрѣніе къ попамъ и равнодушіе къ отечественной религіи, ибо напрасно почитаютъ русскихъ суевѣрными: можетъ быть нигдѣ болѣе, какъ между нашимъ простымъ народомъ, не слышно насмѣшекъ на счетъ всего церковнаго. Жаль! ибо греческое вѣроисповѣданіе, отдѣльное отъ всѣхъ прочихъ, даетъ намъ особенный національный характеръ.

Въ Россіи вліяніе духовенства столь же было благотворно, сколько пагубно въ земляхъ римско-католическихъ. Тамъ оно

---

[1] Домашній палачъ кроткой Екатерины. А. П.

[2] Пушкинъ ошибся въ этомъ указаніи, ибо дѣло о пьесѣ «Вадимъ» возникло уже послѣ смерти Княжнина.

[3] Зачеркнуто: «которыя записѣли отъ монастырей, а нынѣ отъ епископовъ».

lib.pushkinskijdom.ru

признавая главою своею папу, составляло особое общество, независимое отъ гражданскихъ законовъ, и вѣчно полагало суевѣрныя преграды просвѣщенію. У насъ, напротивъ, завися, какъ и всѣ прочія состоянія, отъ единой власти, но огражденное святынею религіи, оно всегда было посредникомъ между народомъ и государемъ, какъ между человѣкомъ и божествомъ. Мы обязаны монахамъ нашей исторіею, слѣдственно и просвѣщеніемъ. Екатерина знала все это—и имѣла свои виды.

Современные иностранные писатели осыпáли Екатерину чрезмѣрными похвалами: очень естественно — они знали ее только по перепискѣ съ Вольтеромъ, и по разсказамъ тѣхъ именно, коимъ она позволяла путешествовать.

Фарса нашихъ депутатовъ, столь непристойно разыгранная, имѣла въ Европѣ свое дѣйствіе. «Наказъ» ея читали вездѣ и на всѣхъ языкахъ. Довольно было, чтобы поставить ее на ряду съ Титами и Траянами. Но перечитывая сей лицемѣрный «Наказъ», нельзя воздержаться отъ праведнаго негодованія. Простительно было Фернейскому философу превозносить добродѣтели Тартюфа..... въ коронѣ: онъ не зналъ, онъ не могъ знать истины, но подлость русскихъ писателей для меня непонятна.

. . . . . .

. . . . Русскіе защитники самовластія въ томъ несогласны и принимаютъ славную шутку г-жи де-Сталь за основаніе нашей конституціи . . . . . .

. . . . .

2 августа 1822 (Кишиневъ).

ПЛАНЪ ПОЭМЫ «ВЛАДИМІРЪ».

Владиміръ, раздѣливъ на удѣлы Россію, остается въ Кіевѣ; молодые богатыри со скуки разъѣзжаются; съ нимъ Илья Муромецъ и Добрыня—Печенѣги нападаютъ на Кіевъ—Владиміръ посылаетъ гонцовъ къ сыновьямъ—дѣти его собираются—кромѣ Мстислава, Илья ѣдетъ за нимъ—встрѣчаетъ своего сына, сражается съ нимъ—Мстиславъ, при немъ молодые богатыри—идутъ на Косоговъ. Мстиславъ въ горахъ (влюбляется въ ихъ царевну амазонку Армиду), оставленные богатыри разъѣзжаются—Илья ѣдетъ далѣе, узнавъ о любви Мстислава, находитъ его и везетъ къ отцу—царевна за ними ѣдетъ—она пристаетъ къ печенѣгамъ. Сраженія, de grands combats et des

lib.pushkinskijdom.ru

combats encore: a) на Кіевъ нападаютъ соединенные народы; b) боги языческіе, изгнанные крещеніемъ, ихъ одушевляютъ; d) (sic) Хозарскій князь колдунъ. Мечъ Еруслана объ двухъ ударахъ. Колдунъ убитъ Мстиславомъ.

Илья хочетъ представить сына Владиміра, вмѣстѣ ѣдутъ...

Царевна Косоговъ влюбляется въ Мстислава. Ея мать, волшебница, старается заманить Мстислава, Мстиславъ упорствуетъ ея прелестямъ она въ сраженіи его увлекаетъ подъ видомъ Косога, убившаго его друга. Превращается вновь. Мстиславъ на островѣ наслажденія. Гонецъ пріѣзжаетъ къ его дружинѣ, не застаетъ его. Владиміръ въ отчаяніи.

Царевна жалуется своей матери, та обѣщаетъ соединить ее съ Мстиславомъ.

Илья въ молодости обрюхатилъ царевну татарскую—она вышла замужъ, объявила сыну, сынъ ѣдетъ отыскивать отца.

Илья находитъ пустынника, который пророчествуетъ ему участь Россіи.—Мстиславъ увлеченъ чародѣйствомъ въ горы кавказскія.—На Россію нападаютъ съ разныхъ сторонъ всѣ враги ея.—Мстиславъ по вечерамъ видитъ ладію и дѣву.

КРИТИЧЕСКІЕ ОТРЫВКИ.

Д'Алямберъ сказалъ однажды Лагарпу: не выхваляйте мнѣ Бюфона. Этотъ человѣкъ пишетъ—благороднѣйшее изо всѣхъ пріобрѣтеній человѣка было сіе животное гордое, пылкое и проч. Зачѣмъ просто не сказать лошадь. Лагарпъ удивляется сухому разсужденію философа, но д'Алямберъ очень умный человѣкъ, и, признаюсь, я почти согласенъ съ его мнѣніемъ.

Замѣчу мимоходомъ, что дѣло шло о Бюфонѣ, великомъ живописцѣ природы. Слогъ его цвѣтущій, полный, всегда будетъ образцомъ описательной прозы. Но что сказать объ нашихъ писателяхъ, которые, почитая за низость изъяснить просто вещи самыя обыкновенныя, думаютъ оживить дѣтскую прозу дополненіями и вялыми метафорами? Эти люди никогда не скажутъ дружба, не прибавивъ: сіе священное чувство, коего благородный пламень и пр. Должно бы сказать рано по утру, а они пишутъ: едва первые лучи восходящаго солнца озарили восточные края лазурнаго неба. Какъ это все ново и свѣжо, развѣ оно лучше потому только, что длиннѣе?

lib.pushkinskijdom.ru

Читаю отчетъ новаго любителя театра: сія юная питомица Таліи и Мельпомены, щедро одаренная Аполлономъ. Боже мой! А поставь: это молодая хорошая актриса, и продолжай такъ же, будь увѣренъ, что никто не замѣтитъ твоихъ выраженій, никто спасибо не скажетъ. И развѣ завистливый зоилъ, коего неусыпная зависть изливаетъ усыпительный свой ядъ на лавры русскаго Парнаса, коего утомительная тупость или глупость можетъ только сравниться съ неутомимой злостію... Боже мой! Зачѣмъ просто не сказать лошадь, не короче ли?

Вольтеръ можетъ почесться прекраснымъ образцомъ благороднѣйшаго слога; онъ осмѣялъ въ своемъ... изысканность выраженій Фонтенеля, который никогда не могъ ему того простить.[1]

Точность, опрятность, вотъ первыя достоинства прозы. Она требуетъ мыслей, безъ нихъ блестящія выраженія ни къ чему не служатъ; стихи дѣло другое. Впрочемъ и въ нихъ не мѣшало бы нашимъ поэтамъ имѣть сумму идей гораздо позначительнѣе, чѣмъ у нихъ обыкновенно видно; съ воспоминаніями о протекшей юности литература наша далеко не подвинется.

Вопросъ: чья проза лучшая въ нашей литературѣ. Отвѣтъ: Карамзина. Это еще похвала небольшая.

О СТИХОТВОРЕНИИ ДЕМОНЪ.

(1824).

... Многіе были того мнѣнія и даже указывали на лицо, которое Пушкинъ будто бы хотѣлъ изобразить въ этомъ странномъ стихотвореніи... Кажется, они не правы; по крайней мѣрѣ я вижу въ «Демонѣ» цѣль болѣе нравственную. Не хотѣлъ ли поэтъ олицетворить сомнѣніе? Въ лучшее время жизни — сердце, не охлажденное опытомъ, доступно для прекраснаго. Оно легковѣрно и нѣжно. Мало по малу вѣчныя противорѣчія

---

[1] Первоначально было: «не могъ ему простить его справедливыя насмѣшки» и внизу сдѣлана выноска: «кстати о слогѣ: должно ли въ семъ случаѣ сказать: не могъ ему и пр. или не могъ ему простить справедливыхъ насмѣшекъ? Кажется, что слова сіи зависятъ не отъ глагола могъ, управляемаго частицею не, но отъ неопредѣленнаго наклоненія простить, требующаго винительнаго падежа; впрочемъ Н. М. Карамзинъ пишетъ иначе.

lib.pushkinskijdom.ru

существенности рождаютъ въ немъ сомнѣніе: чувство мучительное, но непродолжительное... Оно исчезаетъ, уничтоживъ наши лучшіе и поэтическіе предразсудки души... Не даромъ великій Гёте называетъ вѣчнаго врага человѣчества—духомъ отрицающимъ... И Пушкинъ не хотѣлъ ли въ своемъ «Демонѣ» олицетворить сей духъ отрицанія или сомнѣнія и начертать въ пріятной картинѣ печальное вліяніе его на нравственность нашего вѣка?*

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ЕВГЕНІЮ ОНѢГИНУ.

Вотъ начало большаго стихотворенія, которое, вѣроятно, не будетъ окончено.—Нѣсколько пѣсенъ, или главъ Евгенія Онѣгина уже готовы. Писанныя подъ вліяніемъ благопріятныхъ обстоятельствъ, онѣ носятъ на себѣ отпечатокъ веселости, ознаменовавшей первыя произведенія автора Руслана и Людмилы.—Первая глава представляетъ нѣчто цѣлое. Она въ себѣ заключаетъ описаніе свѣтской жизни петербургскаго молодаго человѣка въ концѣ 1819 г. и напоминаетъ Беппо, шуточное произведеніе мрачнаго Байрона. — Дальновидные критики замѣтятъ, конечно, недостатокъ плана. Всякій воленъ судить о планѣ цѣлаго романа, прочитавъ первую главу онаго. Станутъ осуждать и антипоэтическій характеръ главнаго лица, сбивающагося на Кавказскаго Плѣнника, также нѣкоторыя строфы, писанныя въ утомительномъ родѣ новѣйшихъ элегій, «въ коихъ чувство унынія поглотило всѣ прочія».—Званіе издателя не позволяетъ намъ ни хвалить, ни осуждать сіе новое произведеніе. Мнѣнія наши могутъ показаться пристрастными. Но да будетъ намъ позволено обратить вниманіе почтенной публики и гг. журналистовъ на достоинство, новое въ сатирическомъ писателѣ: наблюденіе строгой благопристойности въ шуточномъ описаніи нравовъ. Ювеналъ, Катуллъ, (Петроній), Вольтеръ и Байронъ далеко не сохранили должнаго уваженія къ читателямъ и къ прекрасному полу. Говорятъ, что наши дамы начинаютъ читать по русски. Смѣло предлагаемъ имъ произве-

---

* Письмо къ Н. И. Гречу о «Бахчисарайскомъ фонтанѣ», написанное почти одновременно съ этой замѣткою, см. въ т. VII.

lib.pushkinskijdom.ru

деніе, гдѣ найдутъ онѣ подъ легкимъ покрываломъ сатирической веселости наблюденія вѣрныя и безпристрастныя.—Другое достоинство, почти столь же важное, приносящее не малую честь сердечному незлобію нашего автора, есть совершенное отсутствіе оскорбительной личности, ибо не должно сіе приписывать единственно отеческой бдительности нашей цензуры, столь же заботливо охраняющей гражданъ отъ нападенія простодушной клеветы или насмѣшливаго легкомыслія.

ЗАМѢТКА

КЪ ПОЭМѢ ЦЫГАНЫ.

Долго не знали въ Европѣ происхожденія цыгановъ и считали ихъ выходцами изъ Египта. Донынѣ въ нѣкоторыхъ земляхъ и называютъ ихъ египтянами. Англійскіе путешественники разрѣшили, кажется, всѣ недоумѣнія. Доказано, что цыганы принадлежатъ отверженной кастѣ индѣйцевъ, называемыхъ паріа. Языкъ и то, что можно назвать ихъ вѣрою, даже черты лица и образъ жизни — вѣрныя тому свидѣтельства. Ихъ привязанность къ дикой вольности, обезпеченной бѣдностью, вездѣ утомила мѣры, принятыя для преобразованія праздной жизни спхъ бродягъ. Они кочуютъ въ Россіи, какъ и въ Англіи; мужчины занимаются ремеслами, необходимыми для первыхъ потребностей, торгуютъ лошадьми, водятъ медвѣдей, обманываютъ и крадутъ; женщины промышляютъ ворожбой, пѣснями и плясками.—Въ Молдавіи цыганы составляютъ большую часть народонаселенія, отличаются дикостію и бѣдностію; но всего замѣчательнѣе то, что въ Бессарабіи и Молдавіи крѣпостное состояніе существуетъ только между ними; тамъ нѣтъ крѣпостныхъ, кромѣ сихъ.... приверженцевъ первобытной свободы. Это не мѣшаетъ имъ однако же вести дикую кочевую жизнь, довольно вѣрно описанную въ сей повѣсти. Дань ихъ составляетъ... доходъ супруги господаря.—Они отличаются передъ прочими большей нравственной чистотой; они не промышляютъ ни кражей, ни обманомъ; впрочемъ они также дики, также бѣдны, также любятъ музыку, занимаются тѣми же грубыми ремеслами.

---

lib.pushkinskijdom.ru

О ПРИЧИНАХЪ,

ЗАМЕДЛИВШИХЪ ХОДЪ НАШЕЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Причинами, замедлившими ходъ нашей словесности, обыкновенно почитаются: 1-е, общее употребленіе французскаго языка и пренебреженіе русскаго. Всѣ наши писатели на то жаловались, но кто же виноватъ, какъ не они сами? Исключая тѣхъ, которые занимаются стихами, русскій языкъ ни для кого еще не можетъ быть довольно привлекателенъ; у насъ нѣтъ еще ни словесности, ни книгъ; всѣ наши знанія, всѣ наши понятія съ младенчества почерпнули мы въ книгахъ иностранныхъ; мы привыкли мыслить на чужомъ языкѣ; метафизическаго языка у насъ вовсе не существуетъ. Просвѣщеніе вѣка требуетъ важныхъ предметовъ для пищи умовъ, которые уже не могутъ довольствоваться блестящими игрушками, но ученость, политика, философія порусски еще не изъяснялись. Проза наша еще такъ мало обработана, что даже въ простой перепискѣ мы принуждены создавать обороты для понятій самыхъ обыкновенныхъ, и лѣность наша охотнѣе выражается на языкѣ чужомъ, механическія формы котораго давно уже готовы и всѣмъ извѣстны. Но, скажутъ мнѣ, русская поэзія достигла высокой степени образованности. Согласенъ, что нѣкоторыя оды Державина, не смотря на неправильность языка и неровность слога, исполнены порывами генія, что въ «Душенькѣ» Богдановича встрѣчаются стихи и цѣлыя страницы, достойныя Ляфонтена, что Крыловъ превзошелъ всѣхъ намъ извѣстныхъ баснописцевъ, исключая можетъ быть того же самаго Ляфонтена, что Батюшковъ, счастливый сподвижникъ Ломоносова, сдѣлалъ для русскаго языка то же самое, что Петрарка для итальянцевъ, что Жуковскаго перевели бы на всѣ языки, если бы онъ самъ менѣе переводилъ... (Одесса, 1824).

О ВДОХНОВЕНІИ И ВОСТОРГѢ.

(по поводу статьи: о направленіи нашей поэзіи).

Критикъ смѣшиваетъ вдохновеніе съ восторгомъ. Вдохновеніе есть расположеніе д у ш и къ живѣйшему принятію впечатлѣній и соображенію понятій, слѣдственно и объясненію оныхъ. Вдохновеніе нужно въ геометріи, какъ и въ поэзіи. Во-

lib.pushkinskijdom.ru

сторгъ исключаетъ спокойствіе—необходимое условіе прекраснаго. Восторгъ не предполагаетъ силы ума, располагающаго частями въ отношеніи къ цѣлому. Восторгъ непродолжителенъ, непостояненъ, слѣдовательно не въ силахъ произвесть истинное, великое совершенство. Гомеръ неизмѣримо выше Пиндара. Ода стоитъ на низшихъ ступеняхъ творчества. Она исключаетъ постоянный трудъ, безъ коего нѣтъ истинно великаго. Трагедія, комедія, сатира—всѣ болѣе ея требуютъ творчества, fantaisie, воображенія, знанія природы. И плана не можетъ быть въ одѣ! Единый планъ Дантова «Ада» есть уже плодъ высокаго генія! Какой планъ въ одахъ Пиндара? Какой планъ въ «Водопадѣ», лучшемъ произведеніи Державина?

ВСТРѢЧА СЪ П. А. ГАННИБАЛОМЪ.

1824 года ноября 19-го, Михайловское.—Вышедъ изъ лицея я тотчасъ почти уѣхалъ въ псковскую деревню моей матери. Помню, какъ обрадовался сельской жизни, русской банѣ, клубникѣ и проч. Но все это нравилось мнѣ недолго. Я любилъ и донынѣ люблю шумъ и толпу.

(На оборотѣ того же листка):

... попросилъ водки. * Подали водку. Наливъ рюмку себѣ, велѣлъ онъ ее и мнѣ поднести; я не поморщился и тѣмъ, казалось, чрезвычайно одолжилъ стараго арапа. Черезъ четверть часа онъ опять попросилъ водки, и повторилъ это разъ 5 или 6 до обѣда...

О Г-жѣ СТАЛЬ И О Г-нѣ МУХАНОВѢ.

1825.

Изъ всѣхъ сочиненій г-жи Сталь, книга: «Десятилѣтнее изгнаніе» должна была преимущественно обратить на себя вниманіе русскихъ. Взглядъ быстрый и проницательный, замѣчанія разительныя по своей новости и истинѣ, благодарность и доброжелательство, водившія перомъ сочинительницы—все приноситъ честь уму и чувствамъ необыкновенной женщи-

---

* Вѣроятно Петръ Абрамовичъ Ганнибалъ, послѣдній сынъ «арапа Петра Великаго», пережившій своихъ братьевъ.

lib.pushkinskijdom.ru

ны. Вотъ что сказано объ ней въ одной рукописи: «Читая ея книгу Dix ans d'exil, можно видѣть ясно, что тронутая ласковымъ пріемомъ русскихъ бояръ, она не высказала всего, что бросилось ей въ глаза. * Не смѣю въ томъ укорять краснорѣчивую, благородную чужеземку, которая первая отдала полную справедливость русскому народу, вѣчному предмету невѣжественной клеветы писателей иностранныхъ». Эта снисходительность, которую не смѣетъ порицать авторъ рукописи, именно и составляетъ главную прелесть той части книги, которая посвящена описанію нашего отечества. Г-жа Сталь оставила Россію какъ священное убѣжище, какъ семейство, въ которое она была принята съ довѣрчивостью и радушіемъ. Исполняя долгъ благороднаго сердца, она говоритъ объ насъ съ уваженіемъ и скромностію, съ полнотою душевною хвалитъ, порицаетъ осторожно, не выноситъ сора изъ избы. Будемъ же и мы благодарны знаменитой гостьѣ нашей: почтимъ ея славную память, какъ она почтила гостепріимство наше....

Изъ Россіи г-жа Сталь ѣхала въ Швецію по печальнымъ пустынямъ Финляндіи. Въ преклонныхъ лѣтахъ, удаленная отъ всего милаго ея сердцу, семь лѣтъ гонимая дѣятельнымъ деспотизмомъ Наполеона, принимая мучительное участіе въ политическомъ состояніи Европы, она не могла, конечно, въ сіе время (въ осень 1812 года) сохранить ясность души, потребную для наслажденія красотами природы. Не мудрено, что почернѣлыя скалы, дремучіе лѣса и озера наводили на нее унынie.

Недоконченныя ея записки останавливаются на мрачномъ описаніи Финляндіи.

Г-нъ Мухановъ (Сынъ Отеч. № 10), пробѣгая снова книжку г-жи Сталь, набрелъ на сей послѣдній отрывокъ и перевелъ его довольно тяжелою прозою, присовокупивъ къ оному слѣдующія замѣчанія на грѣзы г-жи Сталь: «Не говоря уже объ обличеніи вѣтренаго легкомыслія, отсутствія наблюдательности и совершеннаго невѣдѣнія мѣстности, невольно поражающихъ читателей, знакомыхъ съ твореніями

---

* Рѣчь идетъ о большомъ обществѣ петербургскомъ прежде 1812 года. А. П.—(Имя Муханова было означено только буквою М., а статья его была напечатана въ С. Отеч. 1825, № 10).

lib.pushkinskijdom.ru

автора книги о Германіи, я въ свою очередь былъ пораженъ самымъ разсказомъ, во всемъ подобнымъ пошлому пустомельству тѣхъ щепетильныхъ французиковъ, которые, немного времени тому назадъ, являясь съ скуднымъ запасомъ свѣдѣній и богатыми надеждами въ Россію, такъ радостно принимались шедрыми и подъ часъ неумѣстно-добродушными нашими соотечественниками (только по образу мыслей не нашими современниками).»

Что за слогъ и что за тонъ! Какое сношеніе имѣютъ двѣ страницы «Записокъ» съ Дельфиною, Коринною, Взглядомъ на французскую революцію и пр., и что есть общаго между щепетильными (?) французиками и дочерью Неккера, гонимою Наполеономъ и покровительствуемою великодушіемъ русскаго императора?*

«Кто читалъ творенія г-жи Сталь,» продолжаетъ г-нъ А. Мухановъ, «въ коихъ такъ часто ширяется она и пр...., тому точно покажется страннымъ, какъ безпредѣльные лѣса и проч.... не сдѣлали другаго впечатлѣнія на автора Коринны, кромѣ скуки отъ единообразія!» — За симъ г-нъ А. Мухановъ ставитъ въ примѣръ самого себя. «Нѣтъ! никогда,» говоритъ онъ, «не забуду я волненія души моей, расширявшейся для вмѣщенія столь сильныхъ впечатлѣній. Всегда буду помнить утра....» и проч.— Слѣдуетъ описаніе сѣверной природы, слогомъ совершенно отличнымъ отъ прозы г-жи Сталь.

Далѣе совѣтуетъ онъ покойной сочинительницѣ, посредствомъ какого либо толмача, разспросить извощиковъ своихъ о точной причинѣ пожаровъ и пр.

Шутка о близости волковъ и медвѣдей къ абовскому университету отмѣнно не понравилась г-ну А. Муханову; но г-нъ А. Мухановъ и самъ разшутился. «Ужели,» говоритъ онъ, «четыреста студентовъ, тамъ воспитывающихся, готовятъ себя въ звѣроловы? Въ этомъ случаѣ, академію сію могла бы она точнѣе назвать псарнымъ дворомъ? Ужели г-жа Сталь не нашла другаго способа отыскивать причинъ, замедляющихъ ходъ просвѣщенія, какъ перерядившись Діаной, заставить читателя рыскать, вмѣстѣ съ собою въ лѣсахъ финляндскихъ

---

* Ср. въ томѣ VII, стр. 28.

lib.pushkinskijdom.ru

по порошамъ за медвѣдями и волками, и зачѣмъ ихъ искать въ берлогахъ?.... Наконецъ отъ страха, наведеннаго на робкую душу нашей барыни» и проч.

О сей барынѣ должно было говорить языкомъ вѣжливымъ образованнаго человѣка. Эту барыню удостоилъ Наполеонъ гоненія, монархи довѣренности, Европа своего уваженія, а г-нъ А. Мухановъ журнальной статейки, не весьма острой и весьма неприличной.

Уваженъ хочешь быть, умѣй другихъ уважить.

Ст. Ар.

9 Іюня 1825.

О ПРЕДИСЛОВІИ Г-НА ЛЕМОНТЕ КЪ ПЕРЕВОДУ БАСЕНЪ И. А. КРЫЛОВА.

Любители нашей словесности были обрадованы предпріятіемъ графа Орлова, хотя и догадывались, что способъ перевода, столь блестящій и столь недостаточный, нанесетъ нѣсколько вреда баснямъ неподражаемаго нашего поэта. Многіе съ большимъ нетерпѣніемъ ожидали предисловіе г-на Лемонте; оно въ самомъ дѣлѣ очень замѣчательно, хотя и не совсѣмъ удовлетворительно. Вообще тамъ, гдѣ авторъ долженъ былъ необходимо писать по наслышкѣ, сужденія его могутъ иногда показаться ошибочными; напротивъ того, собственныя догадки и заключенія удивительно правильны. Жаль, что сей знаменитый писатель едва коснулся такихъ предметовъ, о коихъ мнѣнія его должны быть весьма любопытны. Читаешь его статью * съ невольной досадою, какъ иногда слушаешь разговоръ очень умнаго человѣка, который, будучи связанъ какими-то приличіями, слишкомъ многаго не договариваетъ и слишкомъ часто отмалчивается.

Бросивъ бѣглый взглядъ на исторію нашей словесности, авторъ говоритъ нѣсколько словъ о нашемъ языкѣ, признаетъ его первобытнымъ, не сомнѣвается въ томъ, что онъ способенъ къ усовершенствованію и, ссылаясь на увѣренія русскихъ, предполагаетъ, что онъ богатъ, сладкозвученъ и обиленъ разнообразными оборотами.

---

* По крайней мѣрѣ въ переводѣ, напечатанномъ въ «Сынѣ Отечества». Мы не имѣли случая видѣть французскій подлинникъ. А. П.

lib.pushkinskijdom.ru

Мнѣнія сіи не трудно было оправдать. Какъ матеріалъ словесности, языкъ славяно-русскій имѣетъ неоспоримое превосходство предъ всѣми европейскими; судьба его была чрезвычайно счастлива. Въ XI вѣкѣ древній греческій языкъ вдругъ открылъ ему свой лексиконъ, сокровищницу гармоніи, даровалъ ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное теченіе рѣчи; словомъ, усыновилъ его, избавя такимъ образомъ отъ медленныхъ усовершенствованій времени. Самъ по себѣ уже звучный и выразительный, отселѣ заемлетъ онъ гибкость и правильность. Простонародное нарѣчіе необходимо должно было отдѣлиться отъ книжнаго; но впослѣдствіи они сблизились, и такова стихія, данная намъ для сообщенія нашихъ мыслей.

Г. Лемонте напрасно думаетъ, что владычество татаръ оставило ржавчину на русскомъ языкѣ. Чуждый языкъ распространяется не саблею и пожарами, но собственнымъ обиліемъ и превосходствомъ. Какія же новыя понятія, требовавшія новыхъ словъ, могло принести намъ кочующее племя варваровъ, не имѣвшихъ ни словесности, ни торговли, ни законодательства? Ихъ нашествіе не оставило никакихъ слѣдовъ въ языкѣ образованныхъ китайцевъ, и предки наши, въ теченіе двухъ вѣковъ стеная подъ татарскимъ игомъ, на языкѣ родномъ молились русскому Богу, проклинали грозныхъ властителей и передавали другъ другу свои сѣтованія. Таковой же примѣръ видѣли мы въ новѣйшей Греціи. Какое дѣйствіе имѣетъ на порабощенный народъ сохраненіе его языка? Разсмотрѣніе сего вопроса завлекло бы насъ слишкомъ далеко. Какъ бы то ни было, едва ли полсотни татарскихъ словъ перешло въ русскій языкъ. Войны литовскія не имѣли также вліянія на судьбу нашего языка; онъ одинъ оставался неприкосновенною собственностію несчастнаго нашего отечества.

Въ царствованіе Петра I началъ онъ примѣтно искажаться отъ необходимаго введенія голландскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ словъ. Сія мода распространяла свое вліяніе и на писателей, въ то время покровительствуемыхъ государями и вельможами; къ счастію явился Ломоносовъ.

Г. Лемонте въ одномъ замѣчаніи говоритъ о всеобъемлющемъ геніи Ломоносова; но онъ взглянулъ не съ настоящей точки на великаго сподвижника Великаго Петра.

Соединяя необыкновенную силу воли съ необыкновенною

lib.pushkinskijdom.ru

силою понятія, Ломоносовъ обнялъ всѣ отрасли просвѣщенія. Жажда науки была сильнѣйшею страстію сей души, исполненной страстей. Историкъ, риторъ, механикъ, химикъ, минералогъ, художникъ и стихотворецъ — онъ все испыталъ и все проникъ..... Первый углубляется въ исторію отечества, утверждаетъ правила общественнаго языка его, даетъ законы и образцы классическаго краснорѣчія, съ несчастнымъ Рихманомъ предугадываетъ открытія Франклина, учреждаетъ фабрику, самъ сооружаетъ махины, даритъ художества мозаическими произведеніями и наконецъ открываетъ намъ истинные источники нашего поэтическаго языка.

Поэзія бываетъ исключительно страстію немногихъ, родившихся поэтами: она объемлетъ и поглощаетъ всѣ наблюденія, всѣ усилія, всѣ впечатлѣнія ихъ жизни; но если мы станемъ изслѣдовать жизнь Ломоносова, то найдемъ, что науки точныя были всегда главнымъ и любимымъ его занятіемъ, стихотворство же иногда забавою, но чаще должностнымъ упражненіемъ. Мы напрасно искали бы въ первомъ нашемъ лирикѣ пламенныхъ порывовъ чувства и воображенія. Слогъ его, ровный, цвѣтущій и живописный, заемлетъ главное достоинство отъ глубокаго знанія книжнаго славянскаго языка и отъ счастливаго сліянія онаго съ языкомъ простонароднымъ. Вотъ почему преложенія псалмовъ и другія сильныя и близкія подражанія высокой поэзіи священныхъ книгъ суть его лучшія произведенія.* Они останутся вѣчными памятниками русской словесности; по нимъ долго еще должны мы будемъ изучаться стихотворному языку нашему; но странно жаловаться, что свѣтскіе люди не читаютъ Ломоносова, и требовать, чтобъ человѣкъ умершій семьдесятъ лѣтъ тому назадъ, оставался и нынѣ любимцемъ публики. Какъ будто нужны для славы великаго Ломоносова мелочныя почести моднаго писателя!

Упомянувъ объ исключительномъ употребленіи французскаго

---

* Любопытно видѣть, какъ тонко насмѣхается Тредьяковскій надъ славянщизнами Ломоносова, какъ важно совѣтуетъ онъ ему перенимать легкость и щеголеватость рѣченій изрядной компаніи! Но удивительно, что Сумарковъ съ большою точностію опредѣлилъ въ одномъ полустишіи достоинство Ломоносова-поэта:

Онъ нашихъ странъ Мальгербъ, онъ Пиндару подобенъ!

Enfin Malherbe vint et le premier en France etc. А.П.

lib.pushkinskijdom.ru

языка въ образованномъ кругу нашихъ обществъ, г. Лемонте, столь же остроумно, какъ и справедливо, замѣчаетъ, что русскій языкъ чрезъ то долженъ былъ непремѣнно сохранить драгоцѣнную свѣжесть, простоту и, такъ сказать, чистосердечность выраженій. Не хочу оправдывать нашего равнодушія къ успѣхамъ отечественной литературы, но нѣтъ сомнѣнія, что если наши писатели чрезъ то теряютъ много удовольствія, по крайней мѣрѣ языкъ и словесность много выигрываютъ. Кто отклонилъ французскую поэзію отъ образцовъ классической древности? Кто напудрилъ и нарумянилъ Мельпомену Расина и даже строгую музу стараго Корнеля? Придворные Людовика XIV. Что навело холодный лоскъ вѣжливости и остроумія на всѣ произведенія писателей XVIII столѣтія. Общество M-mes du Deffand, Boufflers, d'Epinay, очень милыхъ и образованныхъ женщинъ. Но Мильтонъ и Данте писали не для благосклонной улыбки прекраснаго пола.

Строгій и справедливый приговоръ французскому языку дѣлаетъ честь безпристрастію автора. Истинное просвѣщеніе безпристрастно. Приводя въ примѣръ судьбу сего прозаическаго языка, г. Лемонте утверждаетъ, что и нашъ языкъ, не столько отъ своихъ поэтовъ, сколько отъ прозаиковъ долженъ ожидать европейской своей общежительности. Русскій переводчикъ оскорбился симъ выраженіемъ; но если въ подлинникѣ сказано civilisation européenne, то сочинитель чуть ли не правъ.

Положимъ, что русская поэзія достигла уже высокой степени образованности: просвѣщеніе вѣка требуетъ пищи для размышленія, умы не могутъ довольствоваться однѣми играми гармоніи и воображенія, но ученость, политика и философія еще по русски не изъяснялись; метафизическаго языка у насъ вовсе не существуетъ. Проза наша такъ еще мало обработана, что даже въ простой перепискѣ мы принуждены создавать обороты для изъясненія понятій самыхъ обыкновенныхъ, такъ что лѣность наша охотнѣе выражается на языкѣ чужомъ, ко его механическія формы давно готовы и всѣмъ извѣстны.*

Г. Лемонте, входя въ нѣкоторыя подробности касательно жизни и привычекъ нашего Крылова, сказалъ, что онъ не го-

* Ср. выше, на стр. 20, отрывокъ, набросанный въ Одессѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

воритъ ни на какомъ иностранномъ языкѣ и только понимаетъ по французски. Не правда! рѣзко возражаетъ переводчикъ въ своемъ примѣчаніи. Въ самомъ дѣлѣ, Крыловъ знаетъ главные европейскіе языки и сверхъ того онъ, какъ Альфіери, пятидесяти лѣтъ выучился древнему греческому. Въ другихъ земляхъ таковая характеристическая черта извѣстнаго человѣка была бы прославлена во всѣхъ журналахъ; но мы въ біографіи славныхъ писателей нашихъ довольствуемся означеніемъ года ихъ рожденія и подробностями послужнаго списка, да сами же потомъ и жалуемся на невѣдѣніе иностранцевъ о всемъ, что до насъ касается.

Въ заключеніе скажу, что мы должны благодарить графа Орлова, избравшаго истинно-народнаго поэта, дабы познакомить Европу съ литературою сѣвера. Конечно, ни одинъ французъ не осмѣлится кого бы то ни было поставить выше Лафонтена, но мы, кажется, можемъ предпочитать ему Крылова. Оба они вѣчно останутся любимцами своихъ единоземцевъ. Нѣкто справедливо замѣтилъ, что простодушіе (naiveté, bonhomie) есть врожденное свойство французскаго народа; напротивъ того, отличительная черта въ нашихъ нравахъ есть какое-то лукавство ума, насмѣшливость и живописный способъ выражаться: Лафонтенъ и Крыловъ представители духа обоихъ народовъ.

P. S. Мнѣ показалось излишнимъ замѣчать нѣкоторыя явныя ошибки, простительныя иностранцу, напримѣръ сближеніе Крылова съ Карамзинымъ (сближеніе, ни на чемъ неосновательное), мнимая неспособность языка нашего къ стихосложенію совершенно метрическому и проч.

Н. К.

12 августа (1825).

ОБЪ ОПРЕДѢЛЕНІИ РОМАНТИЗМА

ПО ФОРМѢ ПРОИЗВЕДЕНІЙ.

Наши критики не согласились еще въ ясномъ различіи между родами классическимъ и романтическимъ. Сбивчивымъ понятіемъ о семъ предметѣ обязаны мы французскимъ журналистамъ, которые обыкновенно относятъ къ романтизму все, что имъ кажется ознаменованнымъ печатью мечтательности и германскаго идеологизма, или основаннымъ на предразсудкахъ

lib.pushkinskijdom.ru

и преданіяхъ простонародныхъ. Опредѣленіе самое источное. Стихотвореніе можетъ являть всѣ эти признаки, а между тѣмъ принадлежать къ роду классическому. Къ сему роду должны относиться тѣ стихотворенія, коихъ формы извѣстны были грекамъ и римлянамъ, или коихъ образцы они намъ оставили. Если же вмѣсто формы стихотворенія будемъ брать за основаніе только духъ, въ которомъ оно написано, то никогда не выпутаемся изъ опредѣленій. Гимнъ Пиндара духомъ своимъ, конечно, отличается отъ оды Анакреона, сатира Ювенала отъ сатиры Горація, «Освобожденный Іерусалимъ» отъ «Энеиды»— всѣ они однако жъ принадлежатъ къ роду классическому. Какіе же роды стихотвореній должно отнести къ поэзіи романтической? Тѣ, которые не были извѣстны древнимъ, и тѣ, въ коихъ прежнія формы измѣнились или замѣнены другими.

О НАРОДНОСТИ ВЪ ЛИТЕРАТУРѢ.

Съ нѣкотораго времени у насъ вошло въ обыкновеніе говорить о народности, жаловаться на отсутствіе народности; но никто не думалъ опредѣлить, что разумѣетъ онъ подъ словомъ народность.

Одинъ изъ нашихъ критиковъ, кажется, полагаетъ, что народность состоитъ въ выборѣ предметовъ изъ отечественной исторіи... Другіе видятъ народность въ словахъ, оборотахъ, выраженіяхъ, т. е. радуются тому, что, изъясняясь порусски, употребляютъ русскія выраженія.[1]

Народность въ писателѣ есть достоинство, которое вполнѣ можетъ быть оцѣнено одними соотечественниками: для другихъ оно или не существуетъ, или даже можетъ показаться порокомъ. Ученый нѣмецъ негодуетъ на учтивость героевъ Расина; французъ смѣется, видя въ Кальдеронѣ — Коріона, вызывающаго на дуэль своего противника и проч. Все это однако жъ носитъ печать народности. Есть образъ мыслей и чувствованій, есть тьма обычаевъ, повѣрій и привычекъ, принадлежащихъ исключительно какому нибудь народу. Климатъ, образъ жизни, вѣра

---

[1] Оставлены мѣста для выписки мнѣній.

lib.pushkinskijdom.ru

дають каждому народу особенную физіономію, которая болѣе или менѣе отражается и въ поэзіи. Въ Россіи....[1]

О СТАРОЙ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ,

СЪ ОЧЕРКОМЪ ФРАНЦУЗСКОЙ.

I. ИЗЪ ПРОГРАММЫ.[2]

Начало русской словесности; Кантемиръ въ Парижѣ обдумываетъ свои сатиры, переводитъ Горація, умираетъ 28-ми лѣтъ. Ломоносовъ, плѣненный гармоніею риѳмы, пишетъ въ первой своей молодости оду, исполненную живости etc., и обращается къ точнымъ наукамъ, degoûté славою Сумарокова. Сумароковъ въ сіе время. Тредьяковскій—одинъ, понимающій свое дѣло....

Ничтожество общее.[3] Французская обмельчавшая словесность envahit tout. Знаменитые писатели не имѣютъ ни одного послѣдователя въ Россіи, но бездарные писаки, грибы выросшіе у корней дубовъ: Дорать, Флоріанъ, Мармонтель, Гимаръ, M-me Жанлисъ, овладѣваютъ русской словесностію....

II-й отрывокъ.

Приступая къ изученію нашей словесности, мы хотѣли бы обратиться назадъ и взглянуть съ любопытствомъ и благоговѣніемъ на ея старинные памятники, сравнить ихъ съ этою бездною поэмъ, романсовъ ироическихъ, и любовныхъ, и простодушныхъ и сатирическихъ, коими наводнены европейскія литературы среднихъ вѣковъ. Въ сихъ первоначальныхъ играхъ творческаго духа намъ пріятно было бы наблюдать исторію нашего народа, сравнить вліяніе завоеванія скандинавскаго съ завоеваніемъ мавровъ. Мы бы увидали разницу между простодушною сатирою французскаго трувёра и лукавой насмѣшли-

---

[1] Замѣтка не докончена, но далѣе набросано, что Шекспиръ народенъ въ Отелло и Гамлетѣ; Вега и Кальдеронъ во всѣхъ частяхъ свѣта, гдѣ дѣйствуютъ ихъ герои; Аріостъ въ описаніи китайскихъ своихъ красавицъ и пр.

[2] Въ рукописи сохранился еще набросокъ программы 1830, два обзора русской словесности: «Лѣтописи, сказки, пѣсни, пословицы, посланія царскія, пѣснь о Полку Игоревѣ, Побоище Мамаево; царствованіе Петра, царствованіе Елизаветы,—Екатерины,—Александра; вліяніе французской поэзіи»:

[3] Дѣло идетъ о концѣ XVIII-го и началѣ текущаго столѣтія.

lib.pushkinskijdom.ru

востію скомороха, между площадной, полудуховной мистеріей и затѣями нашей старой комедіи. Но, къ сожалѣнію, старой словесности у насъ не существуетъ, за ними степь—и на ней возвышается единственный памятникъ: «Пѣснь о Полку Игоревѣ».

—

III-й отрывокъ.

Долго Россія оставалась чуждою Европѣ. Великая эпоха возрожденія не имѣла на нее никакого вліянія, рыцарство не одушевило чистыми восторгами, и благодѣтельное потрясеніе, произведенное крестовыми походами, не отозвалось въ нравахъ. Но Россіи опредѣлено было высокое предназначеніе.... Ея необозримыя равнины поглотили силу монголовъ и остановили ихъ нашествіе на самомъ краю Европы. Варвары, не осмѣлясь оставить у себя въ тылу порабощенную Русь, возвратились на степи своего востока. Образующееся просвѣщеніе было спасено растерзанной и издыхающей Россіей, а не Польшей, какъ еще недавно утверждали европейскіе журналы: но Европа, въ отношеніи Россіи, всегда была столь же невѣжественна, какъ и неблагодарна. Духовенство, поощрённое удивительной сметливостію татаръ, одно, въ теченіе двухъ мрачныхъ столѣтій, питало искру образованности. Въ безмолвіи монастырей иноки вели свою безпрерывную лѣтопись; архіереи въ посланіяхъ своихъ бесѣдовали съ князьями и боярами, утѣшая сердца въ тяжкія времена искушеній и безнадежности. Татары не походили на мавровъ. Они, завоевавъ Россію, не подарили ей ни алгебры, ни Аристотеля; нѣсколько сказокъ и пѣсенъ, безпрестанно поновляемыхъ изустнымъ преданіемъ, сохранили драгоцѣнныя полуизглаженныя черты народности и Слово о Полку Игоревѣ возвышается уединеннымъ памятникомъ въ пустынѣ нашей словесности.

—

IV-й отрывокъ.

Россія вошла въ Европу, какъ спущенный корабль, при стукѣ топора и при громѣ пушекъ. Но войны, предпринятыя Петромъ Великимъ, были благодѣтельны и плодотворны. Успѣхъ народнаго преобразованія былъ слѣдствіемъ Полтавской битвы и европейское просвѣщеніе причалило къ берегамъ завоеванной Невы.

Петръ I не успѣлъ довершить многое, начатое имъ. Онъ умеръ въ порѣ мужества, во всей силѣ творческой своей дѣя-

lib.pushkinskijdom.ru

тельности. Онъ бросилъ на словесность взоръ разсѣянный, но проницательный. Опъ возвысилъ Ѳеофана, ободрилъ Копіевича, не поладилъ съ Татищевымъ за его легкомысліе, угадалъ въ бѣдномъ школьникѣ вѣчнаго труженика—Тредьяковскаго. Сынъ молдавскаго господаря воспитывался въ его походахъ, а сынъ холмогорскаго рыбака, убѣжавъ отъ береговъ Бѣлаго моря, стучался у воротъ Заиконоспасскаго училища.

Въ началѣ 18 столѣтія французская литература обладала Европою. Она должна была имѣть на Россію долгое, рѣшительное вліяніе. Итакъ, прежде всего, надлежитъ намъ ее изслѣдовать.

—

V. ОТРЫВОЧНЫЯ ЗАМѢТКИ.

I. Когда въ XII столѣтіи, подъ небомъ полуденной Франціи, отозвалась риѳма въ прованскомъ нарѣчіи — ухо ей обрадовалось: трубадуры стали играть ею, придумывать для нея всевозможныя измѣненія стиховъ, окружили ее самыми затруднительными формами. Такимъ образомъ изобрѣтены рондо, вирле, баллада и тріолетъ. (Балладой называлось небольшое стихотвореніе, въ коемъ риѳма сочеталась извѣстнымъ образомъ и которое начиналось и оканчивалось тѣми же словами).

*

II. Разсматривая безчисленное множество мелкихъ стихотвореній, коими наводнена была Франція въ концѣ 16 столѣтія, нельзя не сознаться въ безплодной ничтожности сего мнимаго изобилія. Трудность, искусно побѣжденная, счастливо подобранное повтореніе (refrain), легкость оборота, простодушная шутка, искреннее изреченіе — рѣдко вознаграждаютъ усталаго изслѣдователя.

*

III. Труверы обратились къ новымъ источникамъ вдохновенія: аллегорія сдѣлалась любимою формою вымысла. Церковныя празднества и темныя преданія о древней трагедіи породили мистеріи. Явились лё, романъ, фабліо.

*

IV. Романтическая поэзія, коей изобразили мы смиренное рожденіе, пышно и величественно расцвѣтала во всей Европѣ. Италія имѣла свою тройственную поэму, Португалія — Луизіаду, Испанія—Лопе де-Вега, Кальдерона, Сервантеса, Англія—Шекспира, а у французовъ Вильонъ воспѣвалъ въ площадныхъ куплетахъ кабаки, и почитался народнымъ поэтомъ. Наслѣд-

lib.pushkinskijdom.ru

никъ его Маротъ, жившій въ одно время съ Аріостомъ и Камоэнсомъ, rima des triolets, fit fleurir la ballade.

*

V. Проза имѣла рѣшительный перевѣсъ: скептикъ Монтань, циникъ Рабле, были современники Тассу.

*

VI. Люди, одаренные талантами, будучи поражены ничтожностью французскаго стихотворства, думали, что скудость языка была тому виною и стали стараться пересоздать его по образцу древняго греческаго. Образовалась новая школа, коей мнѣнія, цѣль и усилія напоминаютъ школу нашихъ славяно-руссовъ, между коими также были люди съ дарованіями. Но труды Ронсара, Жоделя и Дюбелле остались тщетными. Языкъ отказался отъ исправленія ему чуждаго и пошелъ опять своею дорогой. Наконецъ пришелъ Малербъ, съ такой строгой справедливостію оцѣненный великимъ критикомъ Буало:

Enfin Malherbe vint et le premier en France
Fit sentir dans les vers une juste cadence... etc.

Но Малербъ нынѣ забытъ подобно Ронсару. Сіи два таланта истощили силы свои въ бореніи съ механизмомъ языка, въ усовершенствованіи стиха. Такова участь, ожидающая писателей, которые пекутся болѣе о наружныхъ формахъ слова, нежели о мысли—истинной жизни его, не зависящей отъ употребленія!

*

VII. Какимъ чудомъ, посреди общаго паденія вкуса, вдругъ явилась толпа истинно великихъ писателей, покрывшихъ такимъ блескомъ конецъ XVII вѣка! Политическая ли щедрость кардинала Ришельё, покровительство ли Людовика XIV—причиною такого феномена, или каждому народу предназначена судьбою эпоха, въ которой созвѣздіе геніевъ вдругъ является, блеститъ и исчезаетъ. Какъ бы то ни было, вслѣдъ за толпой бездарныхъ или несчастныхъ стихотворцевъ, заключающихъ періодъ старинной французской поэзіи, тотчасъ выступаютъ Корнель, Буало, Расинъ, Мольеръ и Ляфонтенъ. И владычество ихъ надъ умами просвѣщеннаго міра гораздо легче можетъ объясниться, нежели ихъ неожиданное пришествіе!

*

VIII. У другихъ европейскихъ народовъ поэзія существовала прежде появленія геніевъ, одарившихъ человѣчество сво-

lib.pushkinskijdom.ru

ими созданіями. Сіи геніи шли по дорогѣ уже проложенной, но возвышенные умы 17-го столѣтія застали у французовъ народную поэзію въ пеленкахъ, справедливо презрѣли ея безсиліе и обратились къ образцамъ классической древности. Буало—поэтъ, одаренный мощнымъ талантомъ, рѣзкимъ умомъ, обнародовалъ свое уложеніе, и словесность ему покорилась. Старый Корнель одинъ остался представителемъ романтической трагедіи, которую такъ славно вывелъ онъ на французскую сцену.

*

IX. Между тѣмъ великій вѣкъ миновался. Новыя мысли, новое направленіе отзывалось въ умахъ, алкавшихъ новизны. Пренебрегая цвѣты и благородныя игры воображенія, словесность...*

ЗАМѢТКИ ПРИ ЧТЕНІИ КНИГЪ.

(1825).

I. Мелкія замѣтки.

*

Переводчики суть подставныя лошади просвѣщенія.

*

Первый обожатель возбуждаетъ чувствительность женщины, прочіе бываютъ едва замѣчены. Такъ въ началѣ сраженія первый раненый производитъ болѣзненное впечатлѣніе и истощаетъ состраданіе наше.

*

On a admiré le cynique qui marcha devant celui qui niait le mouvement. Le soleil fait tous les jours la même chose que Diogène, mais ne persuade personne.

*

Выписка: Ma chi cerca sinseramente la verita invece de

---

* Мы привели эти замѣтки въ томъ видѣ, какъ они сообщены были г. Анненковымъ. Часть ихъ впослѣдствіи внесена была Пушкинымъ, въ измѣненномъ видѣ, въ черновой набросокъ третьей главы его статьи о Радищевѣ (Мысли въ дорогѣ). Что выписки взяты не съ одинаковыхъ рукописей указывается значительной разницей текста, напечатаннаго гг. Анненковымъ и Якушкинымъ. См. «Русскую Старину» 1884, № 12, стр. 517—522.

lib.pushkinskijdom.ru

lasciarsi spaventare del ridicolo dove far un ogetto di esame del ridicolo stesso.

—

II. О романахъ Вальтеръ-Скотта.

Главная прелесть романовъ W. Scott. состоитъ въ томъ, что мы знакомимся съ прошедшимъ временемъ, не съ enflure французской трагедіи, не съ чопорностію чувствительныхъ романовъ, не съ dignité исторіи, но современно, но домашнимъ образомъ. Они не походятъ (какъ герои французскіе) на холопей, передразнивающихъ la dignité et la noblesse. Ils sont familiers dans les circonstances ordinaires de la vie. leur parole n'a rien d'affecté, de théâtral, même dans les circonstances solennelles— car les grandes circonstances leur sont familières.

—

III. Объ Андре Шенье.

A. Chénier погибъ жертвой французской революціи, на 31-мъ году отъ рожденія. Долго славу его составляли нѣсколько элегій... и два или три отрывка. Общее сожалѣніе объ утратѣ всего прочаго. Наконецъ творенія его были отысканы и вышли въ свѣтъ въ 1819 году...

—

IV. О дѣленіи Европы на классическую и романтическую.

Побѣда будетъ несомнѣнно принадлежать классицизму, благодаря неожиданной помощи, доставленной журналомъ.* Данте (il gran padre Alighieri), Аріосто, Лопецъ, Кальдеронъ, Сервантесъ попали въ классическую фалангу.

—

V. Замѣчанія на анналы Тацита.

I.

Тиберій былъ въ Иллиріи, когда получилъ извѣстіе о болѣзни престарѣлаго Августа. Неизвѣстно, засталъ ли онъ его въ живыхъ. Первое его злодѣяніе (замѣчаетъ Тацитъ) было умерщвленіе Постума Агриппы, внука Августа. Если убійство политическое можетъ быть извинено государственной необходимостью, то Тиберій правъ. Агриппа—родной внукъ Августа,

* Моск. Телеграфомъ, дѣлившимъ такъ Европу, и относившимъ къ класс ической—народы латинскаго юга, къ романтической—германскія племена.

lib.pushkinskijdom.ru

имѣлъ право на власть и нравился черни—необычайною силою, дерзостью, и даже простотою ума. Таковыя лица всегда могутъ имѣть большое число приверженцевъ или сдѣлаться орудіемъ хитраго мятежника. Неизвѣстно, говоритъ Тацитъ, Тиберій или его мать Ливія убійство сіе приказали. Вѣроятно Ливія, но и Тиберій не пощадилъ бы его.

II.

Когда сенатъ просилъ дозволенія нести тѣло Августа на мѣсто сожженія, Тиберій позволилъ сіе съ насмѣшливой скромностью. Тиберій никогда не мѣшалъ изъявленію подлости, хотя и притворялся иногда, будто бы негодовалъ на оную. Вначалѣ же рѣшительный во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, кажется онъ запутаннымъ и скрытнымъ въ однихъ отношеніяхъ своихъ къ сенату.

III.

Августъ вторично испрашивалъ для Тиберія трибунства Точно ли въ насмѣшку и для невыгоднаго сравненія съ самимъ собою хвалилъ онъ наружность своего пасынка и наслѣдника? Въ своемъ завѣщаніи изъ единой ли зависти совѣтовалъ не распространять предѣловъ имперіи, простиравшейся тогда отъ—до—?

IV.

Тиберій не могъ быть доволенъ Германикомъ, оказавшимъ много слабости въ погашеніи бунта легіоновъ. Германикъ соглашается на требованія мятежниковъ, ограничиваетъ время службы, допускаетъ самовольныя казни, даже междоусобную битву. Блестящія пораженія непріятеля при Марсорскихъ селеніяхъ не заглаживаютъ столь явныхъ ошибокъ. Тиберій въ своей рѣчи старался ихъ прикрыть риторическими украшеніями; меньше хвалилъ онъ Друза, но откровеннѣе и вѣрнѣе. Счастливыя обстоятельства благопріятствовали Друзу, но сей оказалъ и много благоразумія: не склонился на требованія мятежниковъ, самъ казнилъ первыхъ возмутителей, самъ водворилъ порядокъ.

V.

Германикъ, тщетно стараясь усмирить бунтъ легіоновъ, хотѣлъ заколоться въ глазахъ воиновъ. Его удержали. Тогда одинъ изъ нихъ подалъ свой мечъ, говоря: «онъ вострѣе». Это показалось, говоритъ Тацитъ, слишкомъ злобно и жестоко самымъ яростнымъ мятежникамъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Самоубійство было обыкновенно въ древности. Мать Мессалины совѣтуетъ ей убиться. Мессалина въ нерѣшимости подноситъ ножъ то къ горлу, то къ груди, и мать ее не останавливаетъ. Сенека не препятствуетъ своей женѣ Паулинѣ послѣдовать за нимъ и проч. Предложеніе воина есть хладнокровный вызовъ, а не неумѣстная шутка.

VI.

Юлія, дочь Августа, извѣстная ссылкой Овидія, умираетъ въ изгнаніи и въ нищетѣ, но не отъ нищенства и голода, какъ пишетъ Тацитъ. Голодомъ можно заморить въ тюрьмѣ.

VII.

Тиберій отказывается отъ управленія государства, но изъявляетъ готовность принять на себя ту часть онаго, которую на него возложатъ.

Сквозь раболѣпства Галла Азинія видитъ онъ его гордость и предпріимчивость, негодуетъ на Скавра, нападаетъ на Готорія, который подвергается опасности быть убиту воинами. Они спасены просьбами Августа и Ливіи.

Тиберій не допускалъ, чтобы Ливія имѣла много почестей и вліянія.—Не изъ зависти, какъ думаетъ Тацитъ, онъ не увеличиваетъ, вопреки мнѣнію сената, число преторовъ, установленное Августомъ.

VIII.

Первое дѣйствіе Тиберіевой власти есть уничтоженіе народныхъ собраній на Марсовомъ полѣ, слѣдственно и совершенное уничтоженіе республики. Народъ рощетъ, сенатъ охотно соглашается. (Тѣнь правленія перенесена въ сенатъ).

IX.

Съ таковыми сужденіями не удивительно, что Тацитъ, бичъ тирановъ, не нравился Наполеону,—но удивительно чистосердечіе Наполеона, въ томъ признававшагося, не думая о добрыхъ людяхъ, готовыхъ видѣть тутъ ненависть тирана къ своему мертвому карателю...

X.

Тацитъ говоритъ о Тиберіи, что онъ не любилъ смѣнять своихъ проконсуловъ, однажды назначенныхъ. Ибо, прибавляетъ онъ важно, злая душа его не желала счастія многихъ...

lib.pushkinskijdom.ru

XI.

Нѣкто Вибій Серенъ, по доносу своего сына, былъ присужденъ римскимъ сенатомъ къ заключенію на какомъ-то безлюдномъ островѣ. Тиберій воспротивился сему рѣшенію, говоря, что человѣка, коему дарована жизнь, не слѣдуетъ лишать способовъ къ поддержанію жизни. Слова достойныя ума свѣтлаго и человѣколюбиваго! Чѣмъ болѣе читаю Тацита, тѣмъ болѣе мирюсь съ Тиберіемъ. Онъ былъ одинъ изъ величайшихъ государственныхъ умовъ древности. *

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА.

(объ исторіи малороссіи).

Что нынѣ называется Малороссія? что составляло прежде Малороссію? Когда отторгнулась она отъ Россіи? Долго ли находилась подъ владычествомъ татаръ? Отъ Гедимина до Сагайдачнаго, отъ Сагайдачнаго до Хмѣльницкаго, отъ Хмѣльницкаго до Мазепы, отъ Мазепы до Разумовскаго?

ОСТАТКИ

АВТОБІОГРАФІИ ПУШКИНА.

1825—1826.

БОЛѢЗНЬ. КАРАМЗИНЪ.

Болѣзнь остановила на время образъ жизни, избранный мною. Я занемогъ гнилою горячкою. Лейтонъ за меня не отвѣчалъ. Семья моя была въ отчаяніи; но черезъ шесть недѣль я выздоровѣлъ. Сія болѣзнь оставила во мнѣ впечатлѣніе пріятное. Друзья навѣщали меня довольно часто: ихъ разговоры сокращали скучные вечера. Чувство выздоровленія—одно изъ самыхъ сладостныхъ. Помню нетерпѣніе, съ которымъ ожидалъ я весны, хоть это время года обыкновенно наводитъ на меня

---

* Эта замѣтка находится въ письмѣ Пушкина къ Дельвигу отъ 23 іюля 1825 г. Въ черновомъ «трактатѣ о воспитаніи» приведенъ отзывъ о самомъ Тацитѣ: «Тацитъ есть великій сатирическій писатель, впрочемъ исполненный политическихъ предразсудковъ.»

lib.pushkinskijdom.ru

тоску и даже вредитъ моему здоровью. Но душный воздухъ и закрытыя окна такъ мнѣ надоѣли во время болѣзни моей, что весна являлась моему воображенію со всею поэтическою своей прелестью. Это было въ февралѣ 1818 года. Первые восемь томовъ Русской Исторіи Карамзина вышли въ свѣтъ. Я прочелъ ихъ въ своей постелѣ съ жадностію и со вниманіемъ. Появленіе сей книги (какъ и быть надлежало) надѣлало много шуму и произвело сильное впечатлѣніе; 3,000 экземпляровъ разошлось въ одинъ мѣсяцъ (чего никакъ не ожидалъ и самъ Карамзинъ) — примѣръ· единственный въ нашей землѣ. Всѣ, даже свѣтскія женщины, бросились читать исторію своего отечества, дотолѣ имъ неизвѣстную. Она была для нихъ новымъ открытіемъ. Древняя Россія, казалось, найдена Карамзинымъ, какъ Америка Колумбомъ. Нѣсколько времени ни о чемъ иномъ не говорили. Когда, по моемъ выздоровленіи, я снова явился въ свѣтъ, толки были во всей силѣ. Признаюсь, они были въ состояніи отучить всякаго отъ охоты къ славѣ. Ничего не могу вообразить глупѣе свѣтскихъ сужденій, которыя удалось мнѣ слышать на счетъ духа и слога Исторіи Карамзина. Одна дама, впрочемъ весьма почтенная, при мнѣ, открывъ вторую часть, прочла вслухъ: Владиміръ усыновилъ Святополка, однако не любилъ его... Однако!.. зачѣмъ не но? Однако! какъ это глупо! чувствуете ли всю ничтожность вашего Карамзина? Однако!—Въ журналахъ его не критиковали. Каченовскій бросился на одно предисловіе.

—

У насъ никто не въ состояніи изслѣдовать огромное созданіе Карамзина, за то никто не сказалъ спасибо человѣку, уединявшемуся въ ученый кабинетъ во время самыхъ лестныхъ успѣховъ и посвятившему цѣлыхъ 12-ть лѣтъ жизни безмолвнымъ и неутомимымъ трудамъ. Ноты Русской Исторіи свидѣтельствуютъ обширную ученость Карамзина, пріобрѣтенную имъ уже въ тѣхъ лѣтахъ, когда для обыкновенныхъ людей кругъ образованія и познаній давно оконченъ и хлопоты по службѣ замѣняютъ усилія къ просвѣщенію. Молодые якобинцы негодовали: нѣсколько отдѣльныхъ размышленій въ пользу самодержавія, краснорѣчиво опровергнутыя вѣрнымъ разсказомъ событій, казались имъ верхомъ варварства и униженія. Они забывали, что Карамзинъ печаталъ Исторію свою въ Россіи; что государь, освободивъ его отъ цензуры, снялъ

lib.pushkinskijdom.ru

знакомъ довѣренности, нѣкоторымъ образомъ, полагалъ на Карамзина обязанность возможной скромности и умѣрености. Онъ разсказывалъ со всею вѣрностію историка, онъ вездѣ ссылался на источники; чего жъ болѣе требовать было отъ историка? Повторяю, что Исторія Государства Россійскаго есть не только созданіе великаго писателя, но и подвигъ честнаго человѣка.

—

Нѣкоторые изъ людей свѣтскихъ письменно критиковали Карамзина. Никита Муравьевъ, молодой человѣкъ, умный и пылкій, разобралъ предисловіе, или введеніе: предисловіе!.... Мих. Орловъ, въ письмѣ къ Вяземскому, пенялъ Карамзину, зачѣмъ въ началѣ Исторіи не помѣстилъ онъ какой-нибудь блестящей гипотезы о происхожденіи славянъ, т. е. требовалъ романа въ исторіи — ново и смѣло! Нѣкоторые остряки за ужиномъ переложили первыя главы Тита Ливія слогомъ Карамзина. Римляне временъ Тарквинія, непонимающіе спасительной монархіи, и Брутъ, осуждающій на смерть своихъ сыновъ, ибо рѣдко основатели республикъ славятся нѣжною чувствительностію, конечно были очень смѣшны. Мнѣ приписали одну изъ лучшихъ русскихъ эпиграммъ: это не лучшая черта моей жизни.

—

....Кстати, замѣчательная черта. Однажды началъ онъ при мнѣ излагать свои любимые парадоксы. Оспаривая его, я сказалъ: «Итакъ вы рабство предпочитаете свободѣ? Карамзинъ вспыхнулъ и назвалъ меня своимъ клеветникомъ. Я замолчалъ, уважая самый гнѣвъ прекрасной души. Разговоръ перемѣнился. Я всталъ. Карамзину стало совѣстно, и прощаясь со мной, онъ ласково упрекалъ меня, какъ бы самъ извиняясь въ своей горячности: «Вы сказали на меня то, чего ни Шаховской, ни Кутузовъ на меня не говорили». Въ теченіе шестилѣтняго знакомства только въ этомъ случаѣ упомянулъ онъ при мнѣ о своихъ непріятеляхъ, противъ которыхъ не имѣлъ онъ, кажется, никакой злобы, не говоря уже о Шишковѣ, котораго онъ просто полюбилъ. Однажды, отправляясь въ Павловскъ и надѣвая свою ленту, онъ посмотрѣлъ на меня наискось.... Я прыснулъ, и мы оба расхохотались.

—

lib.pushkinskijdom.ru

Воображаемый разговоръ съ Александромъ Павловичемъ.

(Въ серединѣ 1825 г.).

Когда бъ я былъ царь, то позвалъ бы Александра Пушкина и сказалъ бы ему: «Александръ Сергѣевичъ, вы сочиняете прекрасные стихи; я читаю съ большимъ удовольствіемъ». А. П—ъ поклонился бы мнѣ съ нѣкоторымъ скромнымъ замѣшательствомъ, а я бы продолжалъ: «Я читалъ вашу оду Свобода! Прекрасно, хоть она писана немного сбивчиво, мало обдуманно; вамъ вѣдь было 17 лѣтъ, когда вы написали эту оду».—В. В. я писалъ ее въ 1817 году...—«Тутъ есть три строфы очень хорошія... Я замѣтилъ, вы старались очернить меня въ глазахъ народа распространеніемъ нелѣпой клеветы; вижу, что вы можете имѣть мнѣнія неосновательныя; но вижу, что вы уважали правду, личную честь даже въ царѣ». — Ахъ, В. В., зачѣмъ упоминать объ этой дѣтской одѣ? Лучше бы вы прочли хоть 3 и 6 пѣснь Руслана и Людмилы, ежели не всю поэму, или первую часть Кавказскаго Плѣнника, или Бахчисарайскій Фонтанъ. Онѣгинъ печатается, буду имѣть честь отправить 2 экземпляра въ библіотеку В. В., къ Ивану Андреевичу Крылову, и если В. В. найдете время... «Помилуйте. Александръ Сергѣевичъ, вы доставите намъ пріятное занятіе. Наше царское правило: дѣла не дѣлай, а отъ дѣла не бѣгай. Скажите, неужто вы все не перестаете писать на меня пасквили? Это нехорошо! Вы не должны на меня жаловаться; кажется, если я васъ не отличалъ еще, дожидая случая, то вамъ и жаловаться не на что. Признайтесь: любезнѣйшій нашъ товарищъ король Галліи или императоръ Австрійскій съ вами не такъ бы поступили! За всѣ ваши проказы вы жили въ тепломъ климатѣ. Что вы дѣлали у Инзова и у Воронцова?»—В. В., Инзовъ меня очень любилъ, за всякую ссору съ Молдаванами объявлялъ мнѣ комнатный арестъ и присылалъ мнѣ скуки ради французскіе журналы. А его сіятельство графъ Воронцовъ не сажалъ меня подъ арестъ, не присылалъ мнѣ газеть, но зная русскую литературу, какъ герцогъ Веллингтонъ, былъ ко мнѣ чрезвычайно.... «Какъ это вы могли ужиться съ Инзовымъ, а не ужились съ графомъ Воронцовымъ?»—В. В., генералъ Инзовъ добрый и почтенный старикъ, онъ русскій въ душѣ, онъ не предпочитаетъ перваго англійскаго шалопая всѣмъ извѣстнымъ и неизвѣстнымъ своимъ соотечественникамъ; онъ уже не волочится, ему не 18 лѣтъ....

lib.pushkinskijdom.ru

страсти если и были и въ немъ, то ужъ давно исчезли. Онъ довѣряетъ благородству чувствъ, потому что самъ имѣетъ чувства благородныя, не боится насмѣшекъ, потому что выше ихъ и никогда не подвергнется заслуженной колкости, потому что со всѣми вѣжливъ. Онъ не опрометчивъ, не вѣритъ... пасквилямъ.... В. В., вспомните, что всякое слово вольное, всякое сочиненіе возмутительное приписываются мнѣ, такъ какъ всякіе остроумные вымыслы кн. Циціанову. Я не оправдывался никогда, изъ пустаго вольнодумія; отъ дурныхъ стиховъ не отказывался, надѣясь на свою добрую славу, а отъ хорошихъ, признаюсь, и силы нѣтъ отказаться.—«Слабость непростительная. Но вы же и аѳей? Вотъ что ужъ никуда не годится». — Я аѳей? В. В., какъ можно судить человѣка по письму, писанному къ товарищу? Можно ли школьническую штуку взвѣшивать какъ преступленіе, а двѣ пустыя фразы судить, какъ бы всенародную проповѣдь? Я всегда почиталъ васъ, какъ лучшаго изъ европейскихъ нынѣшнихъ властителей (увидимъ однако, что̀ будетъ изъ Карла X), но вашъ послѣдній поступокъ со мною... ссылаюсь на собственное ваше сердце, противорѣчитъ вашимъ правиламъ и просвѣщенному образу мыслей...—«Признайтесь, вы всегда надѣялись на мое великодушіе?»—Это не было бы оскорбительно В. В. Вы видите, что я бы ошибся въ моихъ расчетахъ.... Тутъ бы онъ разгорячился и наговорилъ бы мнѣ много лишняго (хоть отчасти правды); я бы разсердился и сослалъ его въ Сибирь, гдѣ бы онъ написалъ эпическую поэму Ермакъ, или Кучумъ... размѣромъ и съ риѳмой...

О НАРОДНОМЪ ВОСПИТАНІИ.*

Послѣднія происшествія обнаружили много печальныхъ истинъ. Недостатокъ просвѣщенія и нравственности вовлекъ много молодыхъ людей въ преступныя заблужденія. Политическія измѣненія, вынужденныя у другихъ народовъ силою обстоятельствъ и долговременнымъ приготовленіемъ, вдругъ сдѣ-

---

* Въ предыдущихъ изданіяхъ эта «Записка» печаталась по черновому подлиннику, а нынѣ печатается по подлиннику, представленному Пушкинымъ императору Николаю Павловичу въ ноябрѣ 1826 г. (См. Историч. Вѣстникъ, 1884 г. № 1).

lib.pushkinskijdom.ru

лались у насъ предметомъ замысловъ и злонамѣренныхъ усилій. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, молодые люди занимались только военною службою, старались отличаться одною свѣтскою образованностію или шалостями; литература (въ то время столь свободная) не имѣла никакого направленія; воспитаніе ни въ чемъ не отклонялось отъ первоначальныхъ начертаній. Десять лѣтъ спустя, мы увидѣли либеральныя идеи необходимой вывѣской хорошаго воспитанія, разговоръ исключительно политическій; литературу (подавленную самой своенравною цензурою) превратившуюся въ рукописные пасквили на правительство и возмутительныя пѣсни; наконецъ и тайныя общества, заговоры, замыслы болѣе или менѣе кровавые и безумные.

Ясно, что походамъ 1813 и 1814 года, пребыванію нашихъ войскъ во Франціи и въ Германіи должно приписать сіе вліяніе на духъ и нравы того поколѣнія, коего несчастные представители погибли въ нашихъ глазахъ; должно надѣяться, что люди, раздѣлявшіе образъ мыслей заговорщиковъ, образумились; что, съ одной стороны, они увидѣли ничтожность своихъ замысловъ и средствъ, съ другой, необъятную силу правительства, основанную на силѣ вещей. Вѣроятно, братья, друзья, товарищи погибшихъ успокоятся временемъ и размышленіемъ, поймутъ необходимость и простятъ оной въ душѣ своей. Но надлежитъ защитить новое, возрастающее поколѣніе, еще не наученное никакимъ опытомъ, и которое скоро явится на поприще жизни со всею пылкостію первой молодости, со всѣмъ ея восторгомъ и готовностію принимать всякія впечатлѣнія.

Не одно вліяніе чужеземнаго идеологизма пагубно для нашего отечества; воспитаніе, или, лучше сказать, отсутствіе воспитанія есть корень всякаго зла. Не просвѣщенію, сказано въ высочайшемъ манифестѣ, отъ 13-го іюля 1826 года, но праздности ума, болѣе вредной, чѣмъ праздность тѣлесныхъ силъ, недостатку твердыхъ познаній должно приписать сіе своевольство мыслей, источникъ буйныхъ страстей, сію пагубную роскошь полупознаній, сей порывъ въ мечтательныя крайности, коихъ начало есть порча нравовъ, а конецъ погибель. Скажемъ болѣе: одно просвѣщеніе въ состояніи удержать новыя безумства, новыя общественныя бѣдствія.

Чины сдѣлались страстію русскаго народа. Того хотѣлъ

lib.pushkinskijdom.ru

Петръ Великій, того требовало тогдашнее состояніе Россіи. Въ другихъ земляхъ молодой человѣкъ кончаетъ курсъ ученія около 25-ти лѣтъ, у насъ онъ торопится вступить какъ можно ранѣе въ службу, ибо ему необходимо 30-ти лѣтъ быть полковникомъ или коллежскимъ совѣтникомъ. Онъ входитъ въ свѣтъ безо всякихъ основательныхъ познаній, безъ всякихъ положительныхъ правилъ, всякая мысль для него нова, всякая новость имѣетъ на него вліяніе. Онъ не въ состояніи ни повѣрять, ни возражать, онъ становится слѣпымъ приверженцемъ или жалкимъ повторителемъ перваго товарища, который захочетъ оказать надъ нимъ свое превосходство или сдѣлать изъ него свое орудіе.

Конечно, уничтоженіе чиновъ (по крайней мѣрѣ гражданскихъ) представляетъ великія выгоды; но сія мѣра влечетъ за собою и безпорядки безчисленные, какъ вообще всякое измѣненіе постановленій, освященныхъ временемъ и привычкою. Можно, по крайней мѣрѣ, извлечь нѣкоторую пользу изъ самаго злоупотребленія и представить чины цѣлію и достояніемъ просвѣщенія, должно увлечь все юношество въ общественныя заведенія, подчиненныя надзору правительства, должно его тамъ удержать, дать ему время перекипѣть, обогатиться познаніями, созрѣть въ тишинѣ училищъ, а не въ шумной праздности казармъ. Въ Россіи домашнее воспитаніе самое недостаточное, самое безнравственное: ребенокъ окруженъ одними холопями, видитъ одни гнусные примѣры, своевольничаетъ или рабствуетъ, не получаетъ никакихъ понятій о справедливости, о взаимныхъ отношеніяхъ людей, объ истинной чести. Воспитаніе его ограничивается изученіемъ двухъ или трехъ иностранныхъ языковъ и начальнымъ основаніемъ всѣхъ наукъ, преподаваемыхъ какимъ нибудь нанятымъ учителемъ. Воспитаніе въ частныхъ пансіонахъ не многимъ лучше; здѣсь и тамъ оно кончается на 16-тилѣтнемъ возрастѣ воспитанника. Нечего колебаться: во что бы-то ни стало, должно подавить воспитаніе частное.

Надлежитъ всѣми средствами умножить невыгоды, сопряженныя съ онымъ (напримѣръ, прибавить годы унтеръ-офицерства и первыхъ гражданскихъ чиновъ).

Уничтожить экзамены. Покойный императоръ, удостовѣрясь въ ничтожествѣ ему предшествовавшаго поколѣнія, желалъ открыть дорогу просвѣщенному юношеству и задержать какъ

lib.pushkinskijdom.ru

нибудь стариковъ, закоренѣлыхъ въ безнравствіи и невѣжествѣ. Отселѣ указъ объ экзаменахъ, мѣра слишкомъ демократическая и ошибочная, ибо она нанесла послѣдній ударъ дворянскому просвѣщенію и гражданской администраціи, вытѣснивъ все новое поколѣніе въ военную службу. А такъ какъ въ Россіи все продажно, то и экзаменъ сдѣлался новой отраслію промышленности для профессоровъ. Онъ походитъ на плохую таможенную заставу, въ которую старые инвалиды пропускаютъ за деньги тѣхъ, которые не умѣли проѣхать стороною. Итакъ (съ такого-то года) молодой человѣкъ, невоспитанный въ государственномъ училищѣ, вступая въ службу, не получаетъ впередъ никакихъ выгодъ и не имѣетъ права требовать экзамена.

Уничтоженіе экзаменовъ произведетъ большую радость въ старыхъ титулярныхъ и коллежскихъ совѣтникахъ; что и будетъ хорошимъ противодѣйствіемъ ропоту родителей, почитающихъ своихъ дѣтей обиженными.

Что касается до воспитанія заграничнаго, то запрещать его нѣтъ никакой надобности. Довольно будетъ опутать его однѣми невыгодами, сопряженными съ воспитаніемъ домашнимъ, ибо, первое, весьма немногіе станутъ пользоваться симъ позволеніемъ; второе, воспитаніе иностранныхъ университетовъ, не смотря на всѣ свои неудобства, не въ примѣръ для насъ менѣе вредно воспитанія патріархальнаго. Мы видимъ, что Н. Тургеневъ, воспитывавшійся въ гетингенскомъ университетѣ, не смотря на свой политическій фанатизмъ, отличался посреди буйныхъ своихъ сообщниковъ нравственностію и умѣренностію, слѣдствіемъ просвѣщенія истиннаго и положительныхъ познаній. Такимъ образомъ, уничтоживъ или, по крайней мѣрѣ, сильно затруднивъ воспитаніе частное, правительству легко будетъ заняться улучшеніемъ воспитанія общественнаго.

Ланкастерскія школы входятъ у насъ въ систему военнаго образованія и, слѣдовательно, состоятъ въ самомъ лучшемъ порядкѣ.

Кадетскіе корпуса, разсадникъ офицеровъ русской арміи, требуютъ физическаго преобразованія, большаго присмотра за нравами, кои находятся въ самомъ гнусномъ запущеніи. Для сего нужна полиція, составленная изъ лучшихъ воспитанниковъ; доносы другихъ должны быть оставлены безъ изслѣдованія и даже подвергаться наказанію; черезъ сію полицію

lib.pushkinskijdom.ru

должны будутъ доходить и жалобы до начальства. Должно обратить строгое вниманіе на рукописи, ходящія между воспитанниками. За найденную похабную рукопись положить тягчайшее наказаніе, за возмутительную — исключеніе изъ училища, но безъ дальнѣйшаго гоненія по службѣ: наказывать юношу или взрослаго человѣка за вину отрока есть дѣло ужасное и, къ несчастію, слишкомъ у насъ обыкновенное.

Уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній необходимо. Надлежитъ заранѣе внушить воспитанникамъ правила чести и человѣколюбія, не должно забывать, что они будутъ имѣть право розги и палки надъ солдатомъ; слишкомъ жестокое воспитаніе дѣлаетъ изъ нихъ палачей, а не начальниковъ.

Въ гимназіяхъ, лицеяхъ и пансіонахъ при университетахъ должно будетъ продлить, по крайней мѣрѣ, тремя годами кругъ обыкновенный ученія; по мѣрѣ того повышая и чины, даваемые при выпускѣ.

Преобразованіе семинарій, разсадника нашего духовенства, какъ дѣло высшей государственной важности, требуетъ полнаго, особеннаго разсмотрѣнія.

Предметы ученія въ первые годы не требуютъ значительной перемѣны. Кажется, однако жъ, что языки слишкомъ много занимаютъ времени. Къ чему, напримѣръ, 6-тилѣтнее изученіе французскаго языка, когда навыкъ свѣта и безъ того слишкомъ уже достаточенъ? къ чему латинскій или греческій? позволительна ли роскошь тамъ, гдѣ чувствителенъ недостатокъ необходимаго?

Во всѣхъ почти училищахъ дѣти занимаются литературою, составляютъ общества, даже печатаютъ свои сочиненія въ свѣтскихъ журналахъ. Все это отвлекаетъ отъ ученія, пріучаетъ дѣтей къ мелочнымъ успѣхамъ и ограничиваетъ идеи, уже и безъ того слишкомъ у насъ ограниченныя.

Высшія политическія науки займутъ окончательные годы. Преподаваніе правъ, политическая экономія по новѣйшей системѣ Сея и Сисмонди, статистика, исторія.

Исторія въ первые годы ученія должна быть голымъ хронологическимъ разсказомъ происшествій безо всякихъ нравственныхъ или политическихъ разсужденій. Къ чему давать младенствующимъ умамъ направленіе одностороннее, всегда непрочное? но въ окончательномъ курсѣ преподаваніе исторіи (особенно новѣйшей) должно будетъ совершенно измѣниться.

lib.pushkinskijdom.ru

Можно будетъ съ хладнокровіемъ показать разницу духа народовъ, источника нуждъ и требованій государственныхъ, не хитрить, не искажать республиканскихъ разсужденій, не позорить убійства Кесаря, превознесеннаго 2,000 лѣтъ, но представить Брута защитникомъ и мстителемъ коренныхъ постановленій отечества, а Кесаря честолюбивымъ возмутителемъ.

Вообще, не должно, чтобъ республиканскія идеи изумили воспитанниковъ при вступленіи въ свѣтъ и имѣли для нихъ прелесть новизны

Исторію русскую должно будетъ преподавать по Карамзину. Исторія государства россійскаго есть не только произведеніе великаго писателя, но и подвигъ честнаго человѣка. Россія слишкомъ мало извѣстна русскимъ; сверхъ ея исторіи, ея статистика, ея законодательство требуютъ особенныхъ каѳедръ. Изученіе Россіи должно будетъ преимущественно занять въ окончательные годы умы молодыхъ дворянъ, готовящихся служить отечеству вѣрою и правдою, имѣя цѣлію искренно и усердно соединиться съ правительствомъ въ великомъ подвигѣ улучшенія государственныхъ постановленій, а не препятствовать ему, безумно упорствуя въ тайномъ недоброжелательствѣ.

Самъ отъ себя я бы никогда не осмѣлился представить на разсмотрѣніе правительства столь недостаточныя замѣчанія о предметѣ столь важномъ, каково есть народное воспитаніе: одно желаніе усердіемъ и искренностью оправдать высочайшія милости, мною незаслуженныя, понудило меня исполнить ввѣренное мнѣ препорученіе. Ободренный первымъ вниманіемъ государя императора, всеподданнѣйше прошу его величество дозволить мнѣ повергнуть предъ нимъ мысли касательно предметовъ болѣе мнѣ близкихъ и знакомыхъ.

Александръ Пушкинъ.*

О БАЙРОНѢ.

(по поводу корсара, драмы олина).

—

1827.

Ни одно изъ произведеній лорда Байрона не сдѣлало въ Англіи такого сильнаго впечатлѣнія, какъ его поэма Корсаръ,

* На черновой помѣчено «Михайловское. 15 ноября 1826 г.»

lib.pushkinskijdom.ru

не смотря на то, что она достоинствомъ уступаетъ многимъ другимъ: Гяуру въ пламенномъ изображеніи страстей, Осадѣ Коринѳа, Шильонскому Узнику въ трогательномъ развитіи сердца человѣческаго, Паризинѣ, въ трагической силѣ, Чайльдъ Гарольду въ глубокомысліи и высотѣ паренія, и въ удивительномъ Шекспировскомъ разнообразіи — Донъ-Жуану. Корсаръ неимовѣрнымъ своимъ успѣхомъ былъ обязанъ характеру главнаго лица, таинственно напоминающаго намъ человѣка, коего роковая воля правила тогда одной частью Европы, угрожая другой. По крайней мѣрѣ англійскіе критики предполагаютъ въ Байронѣ сіе намѣреніе, но вѣроятно, что поэтъ и здѣсь вывелъ на сцену лицо, являющееся во всѣхъ его созданіяхъ и которое наконецъ принялъ онъ самъ на себя въ Чайльдъ Гарольдѣ. Какъ бы то ни было, поэтъ никогда не изъяснялъ своего намѣренія: сближеніе съ Наполеономъ нравилось его самолюбію.

Байронъ мало заботился о планахъ своихъ произведеній, или даже вовсе не думалъ о нихъ. Нѣсколько сценъ, слабо между собою связанныхъ, было ему достаточно для бездны мыслей, чувствъ и картинъ. Что же мы подумаемъ о писателѣ, который изъ поэмы Корсаръ выбираетъ одинъ только планъ, достойный нелѣпой повѣсти, и по сему дѣтскому плану составляетъ длинную трагедію, замѣнивъ очаровательную и глубокую поэзію Байрона прозой надутой и уродливой, достойной нашихъ несчастныхъ подражателей покойному Коцебу? Спрашивается: что же въ Байроновой поэмѣ его поразило? Неужели планъ? O miratores!

ВСТРѢЧА СЪ КЮХЕЛЬБЕКЕРОМЪ.

—

1827.

15 октября 1827. Вчерашній день былъ для меня замѣчателенъ: пріѣхавъ въ Боровичи въ 12 часовъ утра, засталъ проѣзжаго въ постелѣ. Онъ металъ банкъ гусарскому офицеру. Передъ тѣмъ я обѣдалъ. При расплатѣ недоставало мнѣ 5 руб., я поставилъ ихъ на карту. Карта за картой, проигралъ 1600. Я расплатился довольно сердито, взялъ взаймы 200 руб., и уѣхалъ очень недоволенъ самъ собой. На слѣдующей станціи

lib.pushkinskijdom.ru

нашелъ я Шиллерова Духовидца; но едва успѣлъ я прочитать первыя страницы, какъ вдругъ подъѣхали четыре тройки съ фельдъегеремъ. Вѣроятно, поляки, сказалъ я хозяйкѣ.—Да, отвѣчала она, ихъ нынче отвозятъ назадъ.—Я вышелъ взглянуть на нихъ. Одинъ изъ арестантовъ стоялъ опершись у колонны. Къ нему подошелъ высокій блѣдный и худой молодой человѣкъ, съ черною бородою, во фризовой шинели, и съ виду настоящій жидъ—и я принялъ его за жида, и неразлучныя понятія жида и шпіона произвели во мнѣ обыкновенное дѣйствіе; я поворотился имъ спиною, подумавъ, что онъ былъ потребованъ въ Петербургъ для допросовъ или поясненій... Увидѣвъ меня, онъ съ живостью на меня взглянулъ; я невольно обратился къ нему. Мы пристально смотримъ другъ на друга—и я узнаю Кюхельбекера. * Мы кинулись другъ другу въ объятія. Жандармы насъ растащили. Фельдъегерь взялъ меня за руку съ угрозами и ругательствомъ. Я его не слышалъ. Кюхельбекеру сдѣлалось дурно. Жандармы дали ему воды, посадили въ тележку и ускакали.

Я поѣхалъ въ свою сторону. На слѣдующей станціи узналъ я, что ихъ везутъ изъ Шлюссельбурга, но куда же?

Луга.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПИСЕМЪ, МЫСЛИ И ЗАМѢЧАНІЯ.

(1827—1831).

—

I.

Одна умная дама сказывала однажды, что если мужчина начинаетъ съ нею говорить о предметахъ ничтожныхъ, какъ бы приноравливаясь къ слабости женскаго понятія, то въ ея глазахъ онъ тотчасъ обличаетъ свое незнаніе женщинъ. Въ

---

* Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ, лицейскій товарищъ Пушкина, былъ осужденъ за 14 декабря 1825 г. на 20-лѣтнюю каторгу, но вмѣсто нея содержался въ Шлиссельбургской крѣпости, откуда по высочайшему повелѣнію 12 октября 1827 г. переведенъ въ Динабургскую крѣпость (въ этотъ переѣздъ и произошла описываемая встрѣча). 10 апрѣля 1831 г. онъ переведенъ въ Ревель, а 25 апрѣля въ Свеаборгъ въ крѣпость, 14 декабря 1835—на поселеніе въ Баргузинъ. Умеръ 11 августа 1846 г. въ Тобольскѣ (см. Голосъ 1880, № 300).

lib.pushkinskijdom.ru

самомъ дѣлѣ не смѣшно ли почитать женщинъ, которыя такъ часто поражаютъ насъ быстротою понятія и тонкостію чувства и разума, существами низшими въ сравненіи съ нами? Это особенно странно въ Россіи, гдѣ царствовала Екатерина II, и гдѣ женщины вообще болѣе просвѣщены, болѣе читаютъ, болѣе слѣдуютъ за европейскимъ ходомъ вещей, нежели мы, гордые. Богъ вѣдаетъ, почему?

*

Езуитъ Поссевинъ, столь извѣстный въ нашей исторіи, былъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ гонителей памяти Макіавелевой. Онъ соединилъ въ одной книгѣ всѣ клеветы, всѣ нападенія, которыя навлекъ на свои сочиненія безсмертный флорентинецъ, и тѣмъ остановилъ новое изданіе оныхъ. Ученый Conringius, издавшій II principe въ 1660 году, доказалъ, что Поссевинъ никогда не читалъ Макіавеля, а толковалъ о немъ по наслышкѣ.

*

Гёте имѣлъ большое вліяніе на Байрона. Фаустъ тревожилъ воображеніе Чайльдъ Гарольда. Два раза Байронъ пытался бороться съ великаномъ романтической поэзіи — и остался хромъ, какъ Іаковъ.

*

Дельвигъ не любилъ поэзіи мистической. Онъ говаривалъ: «чѣмъ ближе къ небу, тѣмъ холоднѣе.»

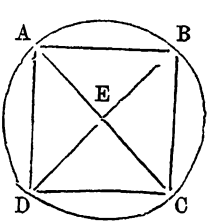
*

Отелло отъ природы не ревнивъ; напротивъ онъ довѣрчивъ. Вольтеръ это понялъ, и, развивая въ своемъ подражаніи созданіе Шекспира, вложилъ въ уста своего Орозмана слѣдующій стихъ:

Je ne suis point jaloux...
Si je l'étais jamais!..

*

Форма цифръ арабскихъ составлена изъ слѣдующей фигуры:



lib.pushkinskijdom.ru

AD (1), ABDC (2), ABECD (3), ADB + AC (4) и проч. Римскія цифры составлены по тому же образцу.

*

Какой-то лордъ, извѣстный лѣнивецъ, для своего сына пародировалъ извѣстное изреченіе: «не дѣлай никогда самъ то, что можешь заставить сдѣлать чрезъ другаго.» N., извѣстный эгоистъ, прибавилъ: «не дѣлай никогда для другаго то, что можешь сдѣлать для себя.»

*

Многіе негодуютъ на журнальную критику за дурной ея тонъ, незнаніе приличія и тому подобное: неудовольствіе ихъ несправедливо. Ученый человѣкъ, занятый своимъ дѣломъ, погруженный въ свои размышленія, не имѣетъ времени являться въ общество и пріобрѣтать навыкъ къ суетной образованности, подобно праздному жителю большаго свѣта. Мы должны быть снисходительны къ его простодушной грубости, залогу добросовѣстности и любви къ истинѣ. Педантизмъ имѣетъ свою хорошую сторону. Онъ только тогда смѣшонъ и отвратителенъ, когда мелкомыслiе и невѣжество выражается его языкомъ.

*

Человѣкъ по природѣ своей склоненъ болѣе къ осужденію, нежели къ похвалѣ... (говоритъ Макіавель, сей великій знатокъ природы человѣческой)...

Глупость осужденія не столь замѣтна, какъ глупость похвалы; глупецъ не видитъ никакого достоинства въ Шекспирѣ, и это приписано разборчивости его вкуса, странности, и т. п. Тотъ же глупецъ восхищается романомъ Дюкре-Дюминиля, или исторіей г. Полеваго, и на него смотрятъ съ презрѣніемъ, хотя въ первомъ случаѣ глупость его выразилась яснѣе для человѣка мыслящаго.

*

Divide et impera—есть правило государственное, не только Макіавелическое (принимаю это слово въ общенародномъ значеніи).

II.

Истинный вкусъ состоитъ не въ безотчетномъ отверженіи такого-то слова, такого-то оборота, но въ чувствѣ соразмѣрности и сообразности.

*

lib.pushkinskijdom.ru

Ученый безъ дарованія подобенъ тому бѣдному муллѣ, который изрѣзалъ и съѣлъ Коранъ, думая исполниться духа Магометова.

*

Однообразность въ писателѣ доказываетъ односторонность ума, хоть можетъ быть, и глубокомысленнаго.

*

Жалуются на равнодушіе русскихъ женщинъ къ нашей поэзіи, полагая тому причиною незнаніе отечественнаго языка; но какая же дама не пойметъ стиховъ Жуковскаго, Вяземскаго или Баратынскаго? Дѣло въ томъ, что женщины вездѣ тѣ же. Природа, одаривъ ихъ тонкимъ умомъ и чувствительностію самой раздражительною, едва ли не отказала имъ въ чувствѣ изящнаго. Поэзія скользитъ по слуху ихъ, не досягая души; онѣ безчувственны къ ея гармоніи; примѣчайте, какъ онѣ поютъ модные романсы, какъ искажаютъ стихи самые естественные, разстроиваютъ мѣру, уничтожаютъ риѳму. Вслушивайтесь въ ихъ литературныя сужденія, и вы удивитесь кривизнѣ и даже грубости ихъ понятія... Исключенія рѣдки.

*

Мнѣ пришла въ голову мысль, говорите вы: не можетъ быть. Нѣтъ, N. N., вы изъясняетесь ошибочно; что-нибудь да не такъ.

*

Чѣмъ болѣе мы холодны, разсчетливы, осмотрительны, тѣмъ менѣе подвергаемся нападеніямъ насмѣшки. Эгоизмъ можетъ быть отвратительнымъ, но онъ не смѣшонъ, ибо отмѣнно благоразуменъ. Однако, есть люди, которые любятъ себя съ такою нѣжностію, удивляются своему генію съ такимъ восторгомъ, думаютъ о своемъ благосостояніи съ такимъ умиленіемъ, о своихъ неудовольствіяхъ съ такимъ состраданіемъ, что въ нихъ и эгоизмъ имѣетъ всю смѣшную сторону энтузіазма и чувствительности.

*

Никто болѣе Баратынскаго не имѣетъ чувства въ своихъ мысляхъ и вкуса въ своихъ чувствахъ.

*

Примѣры невѣжливости.—Въ нѣкоторомъ азіятскомъ народѣ, мужчины каждый день, возставъ отъ сна, благодарятъ Бога, создавшаго ихъ не женщинами.

lib.pushkinskijdom.ru

Магометъ оспариваетъ у дамъ существованіе души.

Во Франціи, въ землѣ, прославленной своею учтивостію, грамматика торжественно провозгласила мужескій родъ благороднѣйшимъ.

Стихотворецъ отдалъ свою трагедію на разсмотрѣніе извѣстному критику. Въ рукописи находился стихъ:

Я человѣкъ и шла путями заблужденій...

Критикъ подчеркнулъ стихъ, усомнясь, можетъ ли женщина называться человѣкомъ. Это напоминаетъ извѣстное рѣшеніе: женщина не человѣкъ, курица не птица, прапорщикъ не офицеръ.

Даже люди, выдающіе себя за усерднѣйшихъ почитателей прекраснаго пола, не предполагаютъ въ женщинахъ ума, равнаго нашему, и приноравливаясь къ слабости ихъ понятія, издаютъ ученыя книжки для дамъ, какъ будто для дѣтей, и т. п.

*

Тредьяковскій пришелъ однажды жаловаться Шувалову на Сумарокова. «Ваше высокопревосходительство! меня Александръ Петровичъ такъ ударилъ въ правую щеку, что она до сихъ поръ у меня болитъ.»—Какъ же. братецъ?—отвѣчалъ ему Шуваловъ—у тебя болитъ правая щека, а ты держишься за лѣвую. «Ахъ, ваше высокопревосходительство, вы имѣете резонъ,» отвѣчалъ Тредьяковскій и перенесъ руку на другую сторону. Тредьяковскому не разъ случалось быть битымъ. Въ дѣлѣ Волынскаго сказано, что сей однажды въ какой-то праздникъ потребовалъ оду у придворнаго піиты Василія Тредьяковскаго; но ода была не готова, и пылкій статсъ-секретарь наказалъ тростію оплошнаго стихотворца.

*

Одинъ изъ нашихъ поэтовъ говорилъ гордо: пускай въ стихахъ моихъ найдется безсмыслица, за то ужъ прозы не найдется. Байронъ не могъ изъяснить нѣкоторые свои стихи. Есть два рода безсмыслицы: одна происходитъ отъ недостатка чувствъ и мыслей, замѣняемаго словами, другая—отъ полноты чувствъ и мыслей и недостатка словъ для ихъ выраженія.

*

«Все, что превышаетъ геометрію, превышаетъ насъ,» сказалъ Паскаль — и вслѣдствіе того написалъ свои философическія мысли.

*

lib.pushkinskijdom.ru

Un sonnet sans défaut vaut seul un long poëme. Хорошая эпиграмма лучше плохой трагедіи... Что это значитъ? Можно ли сказать, что хорошій завтракъ лучше дурной погоды?

Tous les genres sont bons, hors le genre ennuyeux. Хорошо было сказать это въ первый разъ; но какъ можно важно повторять столь великую истину? Эта шутка Вольтера служитъ основаніемъ поверхностной критикѣ литературныхъ скептиковъ; но скептицизмъ во всякомъ случаѣ есть только первый шагъ умствованія. Впрочемъ, нѣкто замѣтилъ, что и Вольтеръ не сказалъ: également bons.

*

Путешественникъ Ансело говоритъ о какой-то грамматикѣ, утвердившей правила нашего языка и еще неизданной, о какомъ-то русскомъ романѣ, прославившемъ автора и еще находящемся въ рукописи, и о какой-то комедіи, лучшей изъ всего русскаго театра и еще неигранной и ненапечатанной. Забавная словесность!

*

Л., состарѣвшійся волокита, говорилъ: Moralement je suis toujours physique, mais physiquement je suis devenu moral.

*

Вдохновеніе есть расположеніе души къ живѣйшему принятію впечатлѣній и соображенію понятій, слѣдственно и объясненію оныхъ. Вдохновеніе нужно въ геометріи, какъ и въ поэзіи.

*

Иностранцы, утверждающіе, что въ древнемъ нашемъ дворянствѣ не существовало понятіе о чести (point d'honneur), очень ошибаются. Сія честь, состоящая въ готовности пожертвовать всѣмъ для поддержанія какого-нибудь условнаго правила, во всемъ блескѣ своего безумія видна въ древнемъ нашемъ мѣстничествѣ. Бояре шли на опалу и на казнь, подвергая суду царскому свои родословныя распри. Юный Ѳеодоръ, уничтоживъ сію спесивую дворянскую оппозицію, сдѣлалъ то, на что не рѣшились ни могучій Іоаннъ III, ни нетерпѣливый внукъ его, ни тайно злобствующій Годуновъ.

*

Гордиться славою своихъ прѣдковъ не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушіе. «Государственное правило—говоритъ Карамзинъ—ставитъ уваженіе къ

lib.pushkinskijdom.ru

предкамъ въ достоинство гражданину образованному.» Греки въ самомъ своемъ униженіи помнили славное происхожденіе свое и тѣмъ самымъ уже были достойны своего освобожденія.. Можетъ ли быть порокомъ въ частномъ человѣкѣ то, что почитается добродѣтелью въ цѣломъ народѣ? Предразсудокъ сей, утвержденный демократической завистію нѣкоторыхъ философовъ, служитъ только къ распространенію низкаго эгоизма. Безкорыстная мысль, что внуки будутъ уважены за имя, нами имъ переданное, но есть ли благороднѣйшая надежда человѣческаго сердца?

Mes arrière-neveux me devront cet ombrage!

*

Сказано: les sociétés secrètes sont la diplomatie des peuples. Но какой же народъ ввѣритъ права свои тайнымъ обществамъ и какое правительство, уважающее себя, войдетъ съ оными въ переговоры?

*

Байронъ говорилъ, что никогда не возьмется описывать страну, которой не видалъ бы собственными глазами. Однако жъ въ Донъ-Жуанѣ описываетъ онъ Россію; за то примѣтны нѣкоторыя погрѣшности противу мѣстности. Напримѣръ, онъ говоритъ о грязи улицъ Измаила; Донъ-Жуанъ отправляется въ Петербургъ въ кибиткѣ, безпокойной повозкѣ безъ рессоръ, по дурной каменистой дорогѣ. Измаилъ взятъ былъ зимою, въ жестокій морозъ. На улицахъ непріятельскіе трупы прикрыты были снѣгомъ, и побѣдитель ѣхалъ по нимъ, удивляясь опрятности города: «помилуй Богъ, какъ чисто!..» Зимняя кибитка не безпокойна, а зимняя дорога не камениста. Есть и другія ошибки болѣе важныя.—Байронъ много читалъ и разспрашивалъ о Россіи. Онъ, кажется, любилъ ее и хорошо зналъ ея новѣйшую исторію. Въ своихъ поэмахъ онъ часто говоритъ о Россіи, о нашихъ обычаяхъ. Сонъ Сарданапаловъ напоминаетъ извѣстную политическую каррикатуру, изданную въ Варшавѣ во время суворовскихъ войнъ. Въ лицѣ Нимврода изобразилъ онъ Петра Великаго. Въ 1813 году Байронъ намѣревался черезъ Персію пріѣхать на Кавказъ.

*

Тонкость не доказываетъ еще ума. Глупцы и даже сумасшедшіе бываютъ удивительно тонки. Прибавить можно, что тонкость рѣдко соединяется съ геніемъ, обыкновенно простодушнымъ, и съ великимъ характеромъ, всегда откровеннымъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Не знаю гдѣ, но не у насъ,
Достопочтенный лордъ Мидасъ,*
Съ душой посредственной и низкой,
Чтобъ не упасть дорогой склизкой,
Ползкомъ проползъ въ извѣстный чинъ
И сталъ извѣстный господинъ.
Еще два слова объ Мидасѣ:
Онъ не хранилъ въ своемъ запасѣ
Глубокихъ замысловъ и думъ;
Имѣлъ онъ не блестящій умъ,
Душой не слишкомъ былъ отваженъ;
За то былъ сухъ, учтивъ и важенъ.
Льстецы героя моего,
Не зная, какъ хвалить его,
Провозгласить рѣшились тонкимъ и проч.

Пушкинъ.

*

Милостивый государь NN, вы не знаете правописанія и пишите обыкновенно безъ смысла. Обращаюсь къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою: не выдавайте себя за представителя цѣлаго народа и рѣшителя споровъ двухъ литераторовъ. Съ истиннымъ почтеніемъ etc.

*

Кс. находитъ какое-то сочиненіе глупымъ. Чѣмъ вы это докажете?—Помилуйте, простодушно увѣряетъ онъ, да я могъ бы такъ написать.

*

Проза кн. Вяземскаго чрезвычайно жива. Онъ обладаетъ рѣдкой способностью оригинально выражать мысли, къ счастью онъ мыслитъ, что довольно рѣдко...

*

Coquette, prude. Слово кокетка обрусѣло, но prude не переведено и не вошло еще въ употребленіе. Слово это означаетъ женщину, чрезмѣрно щекотливую въ своихъ понятіяхъ о чести (женской)—недотрогу. Таковое свойство предполагаетъ нечистоту воображенія, отвратительную въ женщинѣ, особенно молодой. Пожилой женщинѣ позволяется многое знать и многаго

* Изъ письма Н. С. Алексѣева къ Пушкину (Р. Арх. 1881, I, с. 173) видно, что лордомъ Мидасомъ названъ М. С. Воронцовъ.

lib.pushkinskijdom.ru

опасаться; но невинность есть лучшее украшеніе молодости. Во всякомъ случаѣ, прюдство или смѣшно, или несносно.*

*

Повторенное острое слово становится глупостью. Какъ можно переводить эпиграммы,—разумѣю не антологическія, въ которыхъ развертывается поэтическая прелесть, но ту, которую Буало опредѣляетъ: «Un bon mot de deux rimes orné».

*

Нѣкоторые люди не заботятся ни о славѣ, ни о бѣдствіяхъ отечества, его исторію знаютъ только со времени князя Потемкина, имѣютъ нѣкоторое понятіе о статистикѣ только той губерніи, въ которой находятся ихъ помѣстья; со всѣмъ тѣмъ почитаютъ себя патріотами, потому что любятъ ботвинью и что дѣти ихъ бѣгаютъ въ красной рубашкѣ.

*

Должно стараться имѣть большинство голосовъ на своей сторонѣ: не оскорбляйте же глупцовъ.

*

Появленіе Исторіи Государства Россійскаго (какъ и надлежало быть) надѣлало много шуму и произвело сильное впечатлѣніе. 3000 экз. разошлись въ одинъ мѣсяцъ, чего не ожидалъ и самъ Карамзинъ. Свѣтскіе люди бросились читать исторію своего отечества. Она была для нихъ новымъ открытіемъ. Древняя Россія, казалось, найдена Карамзинымъ, какъ Америка Колумбомъ. Нѣсколько времени нигдѣ ни о чемъ не говорили. Признаюсь, ничего нельзя вообразить глупѣе свѣтскихъ сужденій, которыя удалось мнѣ слышать; они были въ состояніи отучить хоть кого отъ охоты къ славѣ. Одна дама (впрочемъ очень милая), при мнѣ открывъ вторую часть, прочла вслухъ: Владиміръ усыновилъ Святополка, однако жъ не любилъ его... «Однако! зачѣмъ не но? однако! чувствуете ли всю ничтожность вашего Карамзина?»—Въ журналахъ его не критиковали: у насъ никто не въ состояніи изслѣдовать, оцѣнить огромное созданіе Карамзина. Каченовскій бросился на предисловіе. Никита Муравьевъ, молодой человѣкъ, умный и пылкій, разобралъ предисловіе (предисловіе!). Михаилъ Орловъ въ

---

* Въ рукописи добавлено: Prude—мужскаго рода не имѣетъ, но есть мужья prudes въ отношеніи своихъ женъ,—(нельзя выдумать глупѣе роли), — животныя самыя глупыя и скучныя.

lib.pushkinskijdom.ru

письмѣ къ Бутурлину пенялъ Карамзину, зачѣмъ въ началѣ своего творенія не помѣстилъ онъ какой нибудь блестящей гипотезы о происхожденіи славянъ, т, е. требовалъ отъ историка не исторіи, а чего-то другаго. Нѣкоторые остряки за ужиномъ переложили первыя главы Тита-Ливія слогомъ Карамзина; за то почти никто не сказалъ спасибо человѣку, уединившемуся въ ученый кабинетъ во время самыхъ лестныхъ успѣховъ и посвятившему цѣлыхъ 12 лѣтъ жизни безмолвнымъ и неутомимымъ трудамъ. Примѣчанія къ русской исторіи свидѣтельствуютъ обширную ученость Карамзина, пріобрѣтенную имъ уже въ тѣхъ лѣтахъ, когда для обыкновенныхъ людей кругъ образованія и познаній давно заключенъ и хлопоты по службѣ замѣняютъ усилія къ просвѣщенію. Многіе забывали, что Карамзинъ печаталъ свою исторію въ Россіи. Повторяю, что Исторія Государства Россійскаго есть не только созданіе великаго писателя, но и подвигъ честнаго человѣка.*

*

Французская словесность родилась въ передней и далѣе гостиной не доходила.

III.

Истинный вкусъ не въ томъ состоитъ, что въ безотчетномъ отзерженіи (dedaigne) такое-то слово, такой-то оборотъ, но въ чувствѣ соразмѣрности цѣлаго и сообразности частей.

*

Никто болѣе Баратынскаго не вложилъ (n'a mis) чувства въ свои мысли и болѣе вкуса въ свои чувства. Они въ немъ нераздѣлимы.

*

Наконецъ появилось собраніе стихотвореній Баратынскаго, такъ давно и съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемое. Спѣшимъ воспользоваться случаемъ высказать наше мнѣніе объ одномъ изъ первостепенныхъ нашихъ поэтовъ и быть можетъ, еще недовольно оцѣненномъ своими соотечественниками. Первыя произведенія Баратынскаго обратили на него вниманіе. Знатоки съ удивленіемъ увидѣли въ первыхъ опытахъ зрѣлость и стройность необыкновенную. Сіе преждевременное развитіе всѣхъ поэтическихъ способностей можетъ быть зависѣло отъ обстоя-

---

* Эта замѣтка представляетъ передѣлку Пушкинымъ той, которая по черновому оригиналу напечатана полнѣе на стр. 38—40.

lib.pushkinskijdom.ru

тельствъ, но уже предрекало намъ то, что нынѣ выполнено поэтомъ столь блистательнымъ образомъ.

*

Corrige le valet, mais respecte le maitre.

*

Соперники Баратынскаго—Батюшковъ и Жуковскій; сравненіе.—Первыя произведенія Баратынскаго были элегіи, и въ этомъ родѣ онъ первенствуетъ. Нынѣ вошло въ моду порицать элегіи, какъ въ старину старались осмѣять оды; но если вялыя подражанія Ломоносову и Баратынскому равно несносны, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что роды элегическій и лирическій должны быть исключены изъ разрядныхъ книгъ поэтической олигархіи. Къ тому же у насъ почти не существуетъ чистая элегія.—Въ древности отличалась она особымъ стихосложеніемъ, но иногда сбивалась на идилію, иногда входила въ трагедію, иногда принимала ходъ лирическій (чему въ новѣйшее время видимъ примѣры у Гёте).—Tous les genres sont bons, excepté l'ennuyeux: вотъ основаніе поверхностной критики; хорошая эпиграмма лучше плохой трагедіи,—что это значитъ? Можно ли сказать, что бутылка шампанскаго лучше дурной погоды?

*

Англійскіе критики оспаривали у лорда Байрона драматическій талантъ; они, кажется, правы.—Байронъ, столь оригинальный въ Чайльдъ-Гарольдѣ, въ Гяурѣ и въ Донъ-Жуанѣ, дѣлается подражателемъ, какъ скоро вступаетъ на поприще драмы. Въ Manfredt онъ подражалъ Фаусту,—замѣняя простонародныя сцены и ..... другими, по его мнѣнію благороднѣйшими. Но Фаустъ есть величайшее созданіе поэтическаго духа, служитъ представителемъ новѣйшей поэзіи, точно какъ Иліада служитъ памятникомъ классической древности.—Въ другихъ трагедіяхъ, кажется, образцомъ Байрону былъ Alfieri. Каинъ имѣетъ одну только форму драмы, но по безсвязности сцены и отвлеченнымъ разсужденіямъ въ самомъ дѣлѣ относится къ роду скептической поэзіи Чайльдъ-Гарольда.—Байронъ бросилъ односторонній взглядъ на міръ и природу человѣческую, потомъ отвратился отъ нихъ и погрузился въ описаніе самого себя, въ коемъ онъ поэтически создалъ и описалъ единый характеръ (именно свой); все, кромѣ..... etc., отнесъ онъ къ сему мрачному, могущественному лицу, столь таинственно плѣнительному.—Когда же онъ сталъ составлять свою трагедію, то

lib.pushkinskijdom.ru

каждому дѣйствующему лицу роздалъ онъ по одной изъ составныхъ частей сильнаго и сложнаго характера... и такимъ образомъ раздробилъ величественное свое созданіе на нѣсколько лицъ, мелкихъ и незначительныхъ. Байронъ чувствовалъ свою ошибку, и впослѣдствіе времени снова принялся за Фауста, подражая ему въ своемъ Превращенномъ уродѣ (думая тѣмъ исправить le chef d'oeuvre). Онъ представилъ намъ свой призракъ. Онъ создалъ себя вторично, то подъ чалмой ренегата, то въ плащѣ корсара, то издыхающимъ подъ схимой наконецъ, то странствующимъ посреди...

*

Скептицизмъ въ критикѣ, какъ въ философіи, есть только первый шагъ умствованія.

*

Есть различная смѣлость; Державинъ писалъ: Былъ на высотѣ.... когда счастіе тебѣ хребетъ свой съ грознымъ повернуло, ты видишь, видишь, какъ.... сіяніе вкругъ тебя.... Жуковскій говоритъ о Богѣ: «Онъ въ дымъ могилъ себя облекъ».

Мы находимъ эти выраженія смѣлыми. Крыловъ говоритъ о храбромъ мужикѣ: «Онъ даже хаживалъ одинъ на...»

Французы донынѣ еще удивляются смѣлости Расина, употребившаго слово pavé, помостъ.

И Делиль гордится тѣмъ, что онъ употребилъ слово vache. Жалка словесность, повинующаяся таковой мелочной и своенравной критикѣ. Жалка участь поэтовъ (какого бы достоинства они впрочемъ ни были), если они принуждены славиться позабытыми побѣдами надъ предразсудками вкуса.

Описаніе водопада: «Алмазна сыплется гора съ высотъ, и проч. Есть высшая смѣлость,—смѣлость изображенія, созданія, гдѣ планъ обширный объемлется творческою мыслію, такова смѣлость Шекспира, Dante, Miltone, Гёте въ Фаустѣ, Мольера въ Тартюфѣ, Фонъ-Визина въ Недорослѣ, Байрона въ Чайльдъ-Гарольдѣ.

Кальдеронъ называетъ молніи огненными языками небесъ, глаголющихъ землѣ. Мильтонъ говоритъ, что адское пламя давало только различать вѣчную тьму преисподней.

*

Браните мущинъ вообще, разбирайте всѣ ихъ пороки, не одинъ не подумаетъ заступиться. Но дотроньтесь сатирически до прекраснаго пола,—всѣ женщины возстанутъ на васъ единодушно,—онѣ составляютъ одинъ народъ, одну секту.

*

lib.pushkinskijdom.ru

Одна изъ причинъ жадности, съ которой мы читаемъ записки великихъ людей, — наше самолюбіе, мы рады ежели сходствуемъ съ замѣчательнымъ человѣкомъ чѣмъ бы то ни было, мнѣніями..... привычками, даже слабостями и пороками; вѣроятно, большее сходство имѣли бы мы съ мнѣніями, привычками и слабостями людей вовсе ничтожныхъ, если бы они оставляли намъ свои признанія.

ПРЕДИСЛОВІЕ

КО 2-му ИЗДАНІЮ РУСЛАНА И ЛЮДМИЛЫ.

1828.

—

Автору было двадцать лѣтъ отъ роду, когда кончилъ онъ Руслана и Людмилу. Онъ началъ свою поэму, будучи еще воспитанникомъ царскосельскаго лицея и продолжалъ ее среди самой разсѣянной жизни. Этимъ до нѣкоторой степени можно извинить ея недостатки.

При ея появленіи, въ 1820 году, тогдашніе журналы наполнились критиками болѣе или менѣе снисходительными.* Самая пространная писана г. Воейковымъ и помѣщена въ «Сынѣ Отечества». Вслѣдъ за нею появились вопросы неизвѣстнаго. Приведемъ изъ нихъ нѣкоторые.

«Начнемъ съ первой пѣсни. Commençons par le commencement:

«Зачѣмъ Финнъ дожидался Руслана?...

«Зачѣмъ онъ разсказываетъ свою исторію, и какъ можетъ Русланъ въ такомъ несчастномъ положеніи съ жадностію внимать разсказъ (или по русски разсказамъ) старца?

«Зачѣмъ Русланъ присвистываетъ, отправляясь въ путь? Показываетъ ли это огорченнаго человѣка? Зачѣмъ Фарлафъ съ своею трусостью поѣхалъ искать Людмилы? Иные скажутъ:

---

* Одна изъ нихъ подала поводъ къ эпиграммѣ, приписываемой Крылову:

Напрасно говорятъ, что критика легка;
Я критику читалъ Руслана и Людмилы:
Хоть у меня довольно силы,
Но для меня она ужасно какъ тяжка.

lib.pushkinskijdom.ru

затѣмъ, чтобы упасть въ грязный ровъ: et puis on rit et cela fait toujours plaisir.

«Справедливо ли сравненіе, стр. 45, которое вы такъ хвалите? Случалось ли вамъ это видѣть?*

«Зачѣмъ маленькій карла съ большою бородою (что между прочимъ совсѣмъ не забавно) приходитъ къ Людмилѣ? Какъ Людмилѣ пришла въ голову странная мысль схватить съ колдуна шапку (впрочемъ въ испугѣ чего не надѣлаешь?), и какъ колдунъ позволилъ ей это сдѣлать?

«Какимъ образомъ Русланъ бросилъ Рогдая, какъ ребенка, въ воду, когда

Они схватились на коняхъ;
. . . . . .
Ихъ члены злобой сведены;
Объяты, молча, костенѣютъ, и проч.?

Не знаю, какъ Орловскій нарисовалъ бы это.

«Зачѣмъ Русланъ говоритъ, увидѣвши поле битвы (которое совершенный hors d'oeuvre), зачѣмъ говоритъ онъ:

О поле, поле, кто тебя
Усѣялъ мертвыми костями?...
. . . . . .
Зачѣмъ же, поле смолкло ты
И поросло травой забвенья?
Временъ отъ вѣчной темноты,
Быть можетъ, нѣтъ и мнѣ спасенья! и проч.?

«Такъ ли говорили русскіе богатыри? И похожъ ли Русланъ, говорящій о травѣ забвенія и вѣчной темнотѣ временъ, на Руслана, который чрезъ минуту послѣ восклицаетъ съ важностью сердитой:

Молчи, пустая голова!
. . . . . .
Хоть лобъ широкъ, да мозгу мало!
Я ѣду, ѣду не свищу,
А какъ наѣду, не спущу!
. . . . Знай нашихъ! и проч.

«Зачѣмъ Черноморъ, доставши чудесный мечъ, положилъ его на полѣ, подъ головой брата? Не лучше ли бы было взять его домой?

«Зачѣмъ будить двѣнадцать спящихъ дѣвъ и поселять ихъ

---

* Указаніе страницы относится къ 1-му изданію.

lib.pushkinskijdom.ru

въ какую-то степь, куда, не знаю какъ, заѣхалъ Ратмиръ. Долго ли онъ пробылъ тамъ? Куда поѣхалъ? Зачѣмъ сдѣлался рыбакомъ? Кто такая его новая подруга? Вѣроятно ли, что Русланъ, побѣдивъ Черномора и пришедъ въ отчаяніе, не находя Людмилы, махалъ до тѣхъ поръ мечемъ, что сшибъ шапку съ лежащей на землѣ супруги?

«Зачѣмъ карла не вылѣзъ изъ котомки убитаго Руслана? Что предвѣщаетъ сонъ Руслана? Зачѣмъ это множество точекъ послѣ стиховъ: «Шатры бѣлѣютъ на холмахъ?»

«Зачѣмъ, разбирая Руслана и Людмилу, говорить объ Иліадѣ и Энеидѣ? Что есть общаго между ними? Какъ писать (и кажется серьезно), что рѣчи Владиміра, Руслана, Финна и проч. нейдутъ въ сравненіе съ Омеровыми? Вотъ вещи, которыхъ я не понимаю, и которыхъ многіе другіе также не понимаютъ. Если вы намъ объясните ихъ, то мы скажемъ: cujusvis hominis est errare: nullius, nisi insipientis, in errore perseverare (Philippis. XII. 2).»

Tes pourquoi, dit le dieu, ne finiront jamais.

Конечно многія обвиненія сего допроса основательны, особенно послѣдній. Нѣкто взялъ на себя трудъ отвѣчать на оныя. Его антикритика остроумна и забавна.*

Впрочемъ нашлись рецензенты совсѣмъ иного разбора. Наприм. въ Вѣстникѣ Европы, № 11, 1820, мы находимъ слѣдующую благонамѣренную статью:

«Теперь прошу обратить ваше вниманіе на новый ужасный предметъ, который, какъ у Камоэнса Мысъ Бурь, выходитъ изъ нѣдръ морскихъ и показывается посреди океана россійской словесности. Пожалуйста напечатайте мое письмо: быть можетъ, люди, которые грозятъ нашему терпѣнію новымъ бѣдствіемъ, опомнятся, разсмѣются и оставятъ намѣреніе сдѣлаться изобрѣтателями новаго рода русскихъ сочиненій.

«Дѣло вотъ въ чемъ: вамъ извѣстно, что мы отъ предковъ получили небольшое бѣдное наслѣдство литературы. т. е. сказки и пѣсни народныя. Что о нихъ сказать? Если мы бережемъ

---

* Послѣ статей А. Ѳ. Воейкова (С. От. № 34—37) было напечатано: «Письмо къ сочинителю критики на поэму Р. и Л.», въ которомъ авторъ, молодой гвардейскій офицеръ Дм. Петр. Зыковъ, предлагалъ вопросы о недостаткахъ поэмы (С. От. № 38). Антикритика напечатана въ №№ 41 и 42, съ подписью: «К. Григорій Б—въ» и «П. К—въ» (самъ же Воейковъ).

lib.pushkinskijdom.ru

старинныя монеты, даже самыя безобразныя, то не должны ли тщательно хранить и остатки словесности нашихъ предковъ? Безъ всякаго сомнѣнія. Мы любимъ воспоминать все, относящееся къ нашему младенчеству, къ тому счастливому времени дѣтства, когда какая нибудь пѣсня или сказка служила намъ невинною забавой и составляла богатство познаній? Видите сами, что я не прочь отъ собиранія и изысканія русскихъ сказокъ и пѣсенъ, но когда узналъ я, что наши словесники приняли странныя пѣсни совсѣмъ съ другой стороны, громко закричали о величіи, плавности, силѣ, красотахъ, богатствѣ нашихъ старинныхъ пѣсенъ, начали переводить ихъ на нѣмецкой языкъ, и наконецъ такъ влюбились въ сказки и пѣсни, что въ стихотвореніяхъ XIX вѣка заблистали Еруслаиы и Бовы на новый манеръ, то я вамъ слуга покорный.

«Чего добраго ждать отъ повторенія болѣе жалкихъ, нежели смѣшныхъ лепетаній?... Чего ждать, когда наши поэты начинаютъ пародировать Киршу Данилова?

«Возможно ли просвѣщенному, или хоть немного свѣдущему человѣку терпѣть, когда ему предлагаютъ новую поэму, написанную въ подражаніе Еруслану Лазаревичу? Извольте же заглянуть въ 15 и 16 №№ Сына Отечества. Тамъ неизвѣстный піитъ на образчикъ выставляетъ намъ отрывокъ изъ поэмы своей Людмила и Русланъ (не Еруслаиъ ли?). Не знаю, что будетъ содержать цѣлая поэма; но образчикъ хоть кого выведетъ изъ терпѣнія. Піитъ оживляетъ мужичка самъ съ ноготь, и борода съ локоть, придаетъ ему еще безконечные усы (С. От. стр. 121), показываетъ намъ вѣдьму, шапочку-невидимку и проч. Но вотъ что всего драгоцѣннѣе: Русланъ наѣзжаетъ въ полѣ на побитую рать, видитъ богатырскую голову, подъ которою лежитъ мечъ-кладенецъ; голова съ нимъ разглагольствуетъ, сражается... Живо помню, какъ все это, бывало, я слушалъ отъ няньки моей; теперь на старости сподобился вновь то же самое услышать отъ поэтовъ нынѣшняго времени!.. Для большей точности, или чтобы лучше выразить всю прелесть стариннаго нашего пѣснословія, поэтъ и въ выраженіяхъ уподобился Ерусланову разскащику, напримѣръ:

... Шутите вы со мною—
Всѣхъ удавлю васъ бородою!..

«Каково?

... Объѣхалъ голову кругомъ,

lib.pushkinskijdom.ru

И сталъ предъ носомъ молчаливо.
Щекотитъ ноздри копіемъ...

Картина, достойная Кирши Данилова!

«Далѣе: чихнула голова, за нею и эхо чихаетъ...

Я ѣду, ѣду не свищу,
А какъ наѣду, не спущу...

«Потомъ витязь ударяетъ въ щеку тяжкой рукавицей... Но увольте меня отъ подробнаго описанія; и позвольте спросить: если бы въ московское благородное собраніе какъ нибудь втерся (предполагаю невозможное возможнымъ) гость съ бородою, въ армякѣ, въ лаптяхъ, и закричалъ бы зычнымъ голосомъ: здорово ребята! Неужели бы стали такимъ проказникомъ любоваться? Бога ради, позвольте мнѣ, старику, сказать публикѣ, посредствомъ вашего журнала, чтобы она каждый разъ жмурила глаза при появленіи подобныхъ странностей. Зачѣмъ допускать, чтобы плоскія шутки старины снова появлялись между нами! Шутка грубая, не одобряемая вкусомъ просвѣщеннымъ, отвратительна, а ни мало не смѣшна и не забавна. Dixi.»

Долгъ искренности требуетъ также упомянуть и о мнѣніи одного изъ увѣнчанныхъ, первоклассныхъ отечественныхъ писателей, который, прочитавъ Руслана и Людмилу, сказалъ: я тутъ не вижу ни мыслей, ни чувства, вижу только чувственность.* Другой (а можетъ быть и тотъ же) увѣнчанный, первоклассный отечественный писатель привѣтствовалъ сей первый опытъ молодаго поэта слѣдующимъ стихомъ:

Мать дочери велитъ на эту сказку плюнуть.

12 февраля 1828.

ПРЕДИСЛОВІЕ

КО 2-му ИЗДАНІЮ КАВКАЗСКАГО ПЛѢННИКА.

Сія повѣсть, снисходительно принятая публикою, обязана своимъ успѣхомъ вѣрному, хотя слегка означенному, изображенію Кавказа и горскихъ нравовъ. Авторъ также соглашается съ общимъ голосомъ критиковъ, справедливо осудившимъ характеръ плѣнника, нѣкоторыя отдѣльныя черты и проч.

1828.

---

* Ив. Ив. Дмитріевъ.

lib.pushkinskijdom.ru

РОМЕО И ДЖЮЛЬЕТА, ШЕКСПИРА.

(1829).

Многія изъ трагедій, приписываемыхъ Шекспиру, ему не принадлежатъ, а только имъ поправлены. Трагедія Ромео и Джюльета, хотя слогомъ своимъ и совершенно отдѣляется отъ извѣстныхъ его пріемовъ, но она такъ явно входитъ въ его драматическую систему и носитъ на себѣ такъ много слѣдовъ вольной и широкой его кисти, что ее должно почесть сочиненіемъ Шекспира. Въ ней отразилась Италія, современная поэту, съ ея климатомъ, страстями, праздниками, нѣгой, сонетами, съ ея роскошнымъ языкомъ, исполненымъ блеска и concetti. Такъ понялъ Шекспиръ драматическую мѣстность. Послѣ Джюльеты, послѣ Ромео, сихъ двухъ очаровательныхъ созданій Шекспировской граціи, Меркутіо, образецъ молодаго кавалера того времени, изысканный, привязчивый, благородный Меркутіо, есть замѣчательнѣйшее лицо изо всей трагедіи. Поэтъ избралъ его въ представители italьянцевъ, бывшихъ моднымъ народомъ Европы, французами XVI вѣка.

—

Замѣтка о критикѣ.

Литература у насъ существуетъ, но критики еще нѣтъ; у насъ журналисты бранятся именами: классикъ и романтикъ, какъ старушки бранятъ повѣсъ франкмасонами и вольтерьянцами, не имѣя понятія ни о Вольтерѣ, ни о франкмасонствѣ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ЛѢТОПИСЕЙ.

1829.*

—

Tantæ ne animis scholasticis irae!

Распря между двумя извѣстными журналистами и тяжба одного изъ нихъ съ цензурою надѣлали шуму.—Постараемся изложить исторически все дѣло (sine ira et studio).

---

* Сокращенный цензурою текстъ возстановленъ по статьѣ «Историческ. Вѣстника» 1884 г., № 3.

lib.pushkinskijdom.ru

Въ концѣ минувшаго года редакторъ «Вѣстника Европы», желая въ слѣдующемъ 1829 году потрудиться еще въ качествѣ издателя, объявилъ о томъ публикѣ, все еще худо понимающей различіе между сими двумя учеными званіями. Убѣдившись единогласнымъ мнѣніемъ критиковъ въ односторонности и скудости Вѣстника Европы, сверхъ того движимый глубокимъ чувствомъ сострадания при видѣ безпомощнаго состоянія литературы, онъ обѣщалъ употребить наконецъ свои старанія, чтобы сдѣлать журналъ сей обширнѣе и разнообразнѣе. Онъ надѣялся отнынѣ далѣе видѣть, свободнѣе соображать и рѣшительнѣе дѣйствовать. Онъ собирался пуститься въ неизмѣримую область бытописанія, по которой Карамзинъ, какъ всѣмъ извѣстно, проложилъ тропинку, теряющуюся въ тундрахъ безплодныхъ. «Предполагаю работать самъ,» говорилъ почтенный редакторъ, «не отказывая однако жъ и другимъ литераторамъ участвовать въ трудахъ моихъ.» Сіи позднія, но тѣмъ не менѣе благія намѣренія, сія похвальная заботливость о русской литературѣ, сія скромная снисходительность къ своимъ сотрудникамъ, тронули и обрадовали насъ чрезвычайно. Пріятно было бы намъ привѣтствовать первые труды, первые успѣхи знаменитаго редактора Вѣстника Европы. Его глубокія знанія (думали мы), столь извѣстныя намъ по слуху, дадутъ плодъ во время свое (въ нынѣшнемъ 1829 году). Свѣтильникъ исторической его критики озаритъ вышеупомянутыя тундры области бытописаній, а законы словесности, умолкшіе при звукахъ журнальной полемики, заговорятъ устами ученаго редактора. Онъ не ограничитъ своихъ глубокомысленныхъ изслѣдованій замѣчаніями о заглавномъ листѣ Исторіи Государства Россійскаго, или даже разсужденіями о куньихъ мордкахъ, но вѣрнымъ взоромъ обниметъ наконецъ твореніе Карамзина, оцѣнитъ систему его розысканій, укажетъ источники новыхъ соображеній, дополнитъ недосказанное. Въ критикахъ собственно-литературныхъ мы не будемъ слышать: то брюзгливаго ворчанья какого нибудь стараго педанта, то непристойныхъ криковъ пьянаго семинариста. Критики г. Каченовскаго должны будутъ имѣть рѣшительное вліяніе на словесность. Молодые писатели не будутъ ими забавляться, какъ статьями, наполненными восклицаніями, пошлою бранью и неумѣстными цитатами.

lib.pushkinskijdom.ru

Писатели извѣстные не будутъ ими презирать, ибо услышатъ не жалкія шуточки журнальнаго гаера, но окончательный судъ своимъ произведеніямъ, оцѣненнымъ ученостью, вкусомъ и хладнокровіемъ.

Можемъ смѣло сказать, что мы ни единой минуты не усомнились въ исполненіи плановъ г. Каченовскаго, изложенныхъ поэтическимъ слогомъ въ объявленіи о подпискѣ на Вѣстникъ Европы. Но г. Полевой, долгое время наблюдавшій литературное поведеніе своихъ товарищей-журналистовъ, худо повѣрилъ новымъ обѣщаніямъ Вѣстника. Не ограничиваясь безмолвными сомнѣніями, онъ напечаталъ, въ 20-й книжкѣ Московскаго Телеграфа прошедшаго года, статью, въ которой сильно напалъ на почтеннаго редактора Вѣстника Европы. Давъ замѣтить неприличіе нѣкоторыхъ выраженій, употребленныхъ, вѣроятно неумышленно, г. Каченовскимъ, онъ говоритъ:

«Если бы онъ (Вѣстникъ Европы), старецъ по лѣтамъ, признался въ незнаніи своемъ, принялся за дѣло скромно, поучился, бросилъ свои смѣшные предразсудки, заговорилъ голосомъ безпристрастія; мы всѣ охотно уважили бы его сознаніе въ слабости, желаніе учиться и познавать истину, всѣ охотно стали бы слушать его.»

Странныя требованія! Въ лѣтахъ Вѣстника Европы уже не учатся и не бросаютъ предразсудковъ закоренѣлыхъ. Скромность, украшеніе сѣдинъ, не есть необходимость литературная; а если сознанія, требуемыя г. Полевымъ, и заслуживаютъ какое нибудь уваженіе, то можно ли намъ оныя слушать изъ устъ почтеннаго старца, безъ болѣзненнаго чувства стыда и состраданія?

«Но что сдѣлалъ до сихъ поръ издатель Вѣстника Европы?» продолжаетъ г. Полевой. «Гдѣ его права, и на какой воздѣланной его трудами землѣ онъ водрузитъ свои знамена: гдѣ, за какимъ океаномъ эта обѣтованная земля? Юноши, обогнавшіе издателя Вѣстника Европы, не виноваты, что они шли впередъ, когда издатель Вѣстника Европы засѣлъ на одномъ мѣстѣ, и неподвижно просидѣлъ болѣе двадцати лѣтъ. Дивиться ли, что теперь Вѣстнику Европы видятся чудныя распри, грезятся кимвалы бряцающіе и мѣдь звенящая?

На сіе отвѣтствуемъ:

Если г. Каченовскій, не написавъ ни одной книги, достойной нѣкотораго вниманія, не напечатавъ, въ теченіе двадцати

lib.pushkinskijdom.ru

шести лѣтъ, ни одной замѣчательной статьи, снискалъ однако жъ себѣ безсмертную славу; то чего же должно намъ ожидать отъ него, когда наконецъ онъ примется за дѣло не на шутку? Г. Каченовскій просидѣлъ двадцать шесть лѣтъ на одномъ мѣстѣ—согласенъ; но какъ могли юноши обогнать его, если онъ ни зачѣмъ и не гнался? Г. Каченовскій ошибочно судилъ о музыкѣ Верстовскаго—но развѣ онъ музыкантъ? Г. Каченовскій перевелъ Терезу и Фальдони—что за бѣда?

Доселѣ казалось намъ, что г. Полевой не правъ, ибо обнаруживается какое-то пристрастіе въ замѣчаніяхъ, которыя съ перваго взгляда являются довольно основательными. Мы ожидали отъ г. Каченовскаго возраженій неоспоримыхъ, или благороднаго молчанія, каковымъ нѣкоторые извѣстные писатели всегда отвѣтствовали на неприличныя и пристрастныя выходки нѣкоторыхъ журналистовъ. Но сколь изумились мы, прочитавъ въ 24 № Вѣстника Европы слѣдующее примѣчаніе редактора къ статьѣ своего почтеннаго сотрудника, г. Надоумки (одного изъ великихъ писателей, приносящихъ истинную честь и своему вѣку и журналу, въ коемъ они участвуютъ):

«Здѣсь приличнымъ считаю объявить, что препираться съ Бенигною я не имѣю охоты, отказавшись навсегда отъ безплодной полемики; а теперь не имѣю на то и права, предпринявъ другія мѣры къ охраненію своей личности отъ игриваго произвола сего Бенигны и всѣхъ прочихъ. Я даже не читалъ бы статьи Телеграфической, если бъ не былъ увлеченъ слѣдствіями неблагонамѣренности, прикосновенными къ чести службы и къ достоинству мѣста, при которомъ имѣю счастіе продолжать оную. Рдръ.»

Сіе загадочное примѣчаніе привело насъ въ большое безпокойство. Какія мѣры къ охраненію своей личности отъ игриваго произвола г. Бенигны предпринялъ почтенный редакторъ? что значитъ игривый произволъ г. Бенигны? что такое: былъ увлеченъ слѣдствіями неблагонамѣренности, прикосновенными къ чести службы и достоинству мѣста? (Впрочемъ смыслъ послѣдней фразы донынѣ остается теменъ, какъ въ логическомъ, такъ и въ грамматическомъ отношеніи).

Многочисленные почитатели Вѣстника Европы затрепетали, прочитавъ сіи мрачныя, грозныя, безпорядочныя строки. Не смѣли вообразить, на что могло рѣшиться рыцарское негодо-

lib.pushkinskijdom.ru

ваніе Міхаила Трофімовича. Къ счастію скоро все объяснилось...*

Оскорбленный, какъ издатель Вѣстника Европы, г. Каченовскій рѣшился требовать защиты законовъ, какъ ординарный профессоръ, статскій совѣтникъ и кавалеръ, и явился въ цензурный комитетъ съ жалобою на цензора, пропустившаго статью г. Полеваго.

Успокоясь на счетъ ужаснаго смысла вышеупомянутаго примѣчанія, мы сожалѣли о безполезномъ дѣйствіи почтеннаго редактора. Всѣ предвидѣли послѣдствія онаго. Въ статьѣ г. Полеваго личная честь г. Каченовскаго не была оскорблена. Говоря съ неуваженіемъ о его занятіяхъ литературныхъ, издатель Московскаго Телеграфа не упомянулъ ни о его службѣ, ни о тайнахъ домашней жизни, ни о качествахъ его души.

Новое лицо выступило на сцену: цензоръ С. Н. Глинка явился отвѣтчикомъ. Пылкость и неустрашимость его духа обнаружились въ его рѣчахъ, письмахъ и дѣловыхъ запискахъ. Онъ увлекъ сердца краснорѣчіемъ сѐрдца, и вопреки чувству уваженія и преданности, глубоко питаемому нами къ почтенному профессору, мы желали побѣды храброму его противнику; ибо польза просвѣщенія и словесности требуетъ степени свободы, которая намъ дарована мудрымъ и благодѣтельнымъ уставомъ. В. В. Измайловъ, которому отечественная словесность уже многимъ обязана, снискалъ себѣ новое право на общую благодарность свободнымъ изъясненіемъ мнѣнія, столь же умѣреннаго, какъ и справедливаго.

Между тѣмъ, ожесточенный издатель Московскаго Телеграфа напечаталъ другую статью, въ коей дерзновенно подтвердилъ и оправдалъ первыя свои показанія. Вся литературная жизнь г. Каченовскаго была разобрана по годамъ, всѣ занятія оцѣнены, всѣ простодушныя обмолвки выведены на позоръ. Г. Полевой доказалъ, что почтенный редакторъ пользуется славою ученаго мужа, такъ сказать, на честное слово; а донынѣ, кромѣ переводовъ съ переводовъ, и кой-какихъ заимствованныхъ кое-гдѣ статеекъ, ничего не произвелъ. Скудость, болѣе достойная сожалѣнія, нежели укоризны! Но что всего важнѣе,

---

* Сравните эпиграмму во II-мъ томѣ: «Обиженный журналами жестоко» и проч.

lib.pushkinskijdom.ru

г. Полевой доказалъ, что Міхаилъ Трофімовичъ нѣсколько разъ дозволялъ себѣ личности въ своихъ критическихъ статейкахъ, что онъ упрекалъ издателя Телеграфа виннымъ заводомъ (пятномъ ужаснымъ, какъ извѣстно всему нашему дворянству!); что онъ неоднократно съ упрекомъ повторялъ г. Полевому, что сей послѣдній купецъ (другое, столь же ужасное обвиненіе!) и все сіе въ непристойныхъ, оскорбительныхъ выраженіяхъ. Тутъ уже мы приняли совершенно сторону г. Полеваго. Никто, болѣе нашего, не уважаетъ истиннаго, родоваго дворянства, коего существованіе столь важно въ смыслѣ государственномъ; но въ мирной республикѣ наукъ, какое намъ дѣло до гербовъ и пыльныхъ грамотъ? Потомокъ Трувора или Гостомысла, трудолюбивый профессоръ, честный аудиторъ и странствующій купецъ, равны предъ законами критики. Князь Вяземскій уже далъ однажды замѣтить неприличность сихъ аристократическихъ выходокъ; но нехудо повторять полезныя истины.

Однако жъ, таково дѣйствіе долговременнаго уваженія! и тутъ мы укоряемъ г. Полеваго въ запальчивости и не умѣренности. Мы съ умиленіемъ взирали на почтеннаго старца, разстроеннаго до такой степени, что для поддержанія ученой своей славы принужденъ онъ былъ обратиться къ русскому букварю, и преобразовать оный такъ, что свѣдѣнія Міхаила Трофімовчиа въ греческой азбукѣ отнынѣ не подлежатъ уже никакому сомнѣнію.

Съ нетерпѣніемъ ожидали мы развязки дѣла. Наконецъ рѣшеніе главнаго управленія цензуры водворило спокойствіе въ области словесности и прекратило распри миромъ, равно выгоднымъ для побѣдителей и побѣжденныхъ....

ЗАСѢДАНІЕ НОВАГО ЛИТЕРАТУРНАГО ОБЩЕСТВА.

1829.

Нѣсколько московскихъ литераторовъ, приносящихъ истинную честь нашему вѣку, какъ своими произведеніями, такъ и нравственностію, видя безпомощное состояніе нашей словесности и наскуча звуками кимвала звенящаго, рѣшились составить общество для распространенія правилъ здравой критики Курганова и Тредьяковскаго и для удержанія въ границахъ

lib.pushkinskijdom.ru

повиновенія и благопристойности отступниковъ и насмѣшниковъ.

Общество имѣло первое свое засѣданіе на Малой Бронной, въ домѣ г. Х., бывшаго корректора типографіи, 17 октября сего года. Приглашеніе многочисленной публики. Нѣкоторыя сосѣднія дамы удостоили засѣданіе своимъ присутствіемъ. Предсѣдателемъ былъ избранъ единогласно г. Трандофырь, знаменитый переводчикъ безстрашнаго (польскаго) романа.

Секретаремъ былъ избранъ единогласно же Никодимъ Невѣждинъ изъ честнаго сословія слугъ, скромный молодой человѣкъ, оказавшій недавно отличные успѣхи въ словесности и, не смотря на лакейскій тонъ своихъ статеекъ, обѣщающій быть законодателемъ вкуса.

Ждали г-на ....цова, но онъ не могъ придти по причинѣ флюса, полученнаго имъ на ярмонкѣ, во время метанья чрезвычайно счастливой тальи.

Г. Трандофырь открылъ засѣданіе прекрасной рѣчью, въ которой трогательно изобразилъ онъ безпомощное состояніе нашей словесности, недоумѣніе нашихъ писателей, подвизающихся во мракѣ, не озаренныхъ свѣтильникомъ критики. Г. Трандофырь краснорѣчиво убѣждалъ... приняться за дѣло: «Что сдѣлали мы до сихъ поръ, почтенные слушатели, сказалъ онъ,— перевели романы, доставившіе намъ 700 р. отъ Ширяева и разобрали заглавный листъ Исторіи Государства Россійскаго;— труды безсмертные безспорно, но недостаточные для новаго преобразованія словесности, для истребленія неутомимыхъ нашихъ враговъ». Послѣ рѣчи г-на предсѣдателя г. Невѣждинъ прочелъ проектъ новаго журнала, имѣющаго быть издаваемымъ въ слѣдующемъ 1830 году подъ названіемъ Азіатскій Ракъ. Журналъ сей будетъ заключать въ себѣ четыре отдѣла: Отдѣлъ I. Изящная словесность. Переводы Байрона съ польскаго; стихи молодыхъ семинаристовъ; отрывки изъ записокъ г. Трандофыря. (Для примѣра г. секретарь общества прочелъ плѣнительное описаніе отрочества почтеннаго г. Трандофыря. Всѣ съ удовольствіемъ слушали милые проказы маленькаго купчика, тогда уже столь много обѣщавшаго). Отдѣлъ II. Критика.

---

lib.pushkinskijdom.ru

ЗАМѢТКИ О БОРИСѢ ГОДУНОВѢ.

1825—1830.

—

I.

Pour une préface.—Le public et la critique ayant accueilli avec une indulgence (et patience) mes premiers essais (il y avait) un temps où la sévérité et la malveillance m'eussent probablement dégoûté de la carrière, que j'allais embrasser,—je leur dois reconnaissance entière, et je le tiens quitte envers moi. Leur rigueur et leur indifférence ayant maintenant peu d'influence surmes travaux... (1825).

II.

Je me présente ayant renoncé à ma manière première. N'ayant plus à illustrer un nom inconnu et une première jeunesse, je n'ose plus compter sur l'indulgence avec laquelle j'avais été accueilli. Ce n'est plus le sourire de la mode que je brigue. Je me retire volontairement du rang de ses favoris, en faisant mes humbles remerciements de la faveur, avec laquelle elle avait accueilli mes faibles essais pendant dix ans de ma vie. (1829).*

III.

Lorsque j'écrivais cette tragédie j'étais seul à la campagne ne voyant personne, ne lisant que les journaux, etc... d'autant plus volontiers que j'ai toujours cru que le romantisme convenait seul à notre scene; je vis que j'etais dans l'erreur; j'approuvais avec une grande repugnance à... au public ma tragedie. Je voulais au moins la faire préceder d'une preface et la faire accompagner de notes, mais je trouve tout celà fort inutile. (1829).

IV.

Съ величайшимъ отвращеніемъ рѣшаюсь я выдать въ свѣтъ Бориса Годунова. Успѣхъ или неудача моей трагедіи будетъ имѣть вліяніе на преобразованіе драматической нашей системы. Боюсь, чтобы собственные ея недостатки не были отнесены къ романтизму, и чтобъ она тѣмъ самымъ не замедлила (его)

---

* Въ предисловіи къ изданію «Стухотвореній» Пушкина 1826 г. говорится, что это досуги перваго десятилѣтія авторской жизни, почему и эту замѣтку относили къ 1825 г.

lib.pushkinskijdom.ru

хода... Что касается до слога... хотя успѣхъ Полтавы ободряетъ меня...

19 Іюля (1829). Арзрумъ.

V.

Съ отвращеніемъ рѣшаюсь я выдать въ свѣтъ..... И хоть я вообще довольно равнодушенъ къ успѣху или неудачѣ своихъ сочиненій, но признаюсь неудача Бориса Годунова будетъ мнѣ чувствительна, а я въ ней почти увѣренъ. Какъ Монтань я могу сказать о моемъ сочиненіи: «c'est une oeuvre de bonne foi». Писанная мною въ строгомъ уединеніи, вдали охлаждающаго свѣта, плодъ добросовѣстныхъ изученій, постояннаго труда, трагедія сія доставила мнѣ все, чѣмъ писателю наслаждаться дозволено: живое занятіе вдохновенію, внутреннее убѣжденіе, что мною употреблены были всѣ усилія, наконецъ одобреніе малаго числа избранныхъ.... Трагедія моя уже извѣстна почти всѣмъ тѣмъ, мнѣніемъ которыхъ дорожу. Одного недоставало въ числѣ моихъ слушателей; того, кому я обязанъ мыслію моей трагедіи, чей геній одушевилъ и поддержалъ меня, чье одобреніе представлялось воображенію моему сладкою наградой и единственно развлекало посреди уединеннаго труда. *

VI,

Комедія о царѣ Борисѣ и о Гр. Отрепьевѣ писана въ 1825 году и долго не могъ я рѣшиться выдать ее въ свѣтъ. Изученіе Шекспира, Карамзина и старыхъ нашихъ лѣтописей дало мнѣ мысль облечь въ формы драматическія одну изъ самыхъ драматическихъ эпохъ новѣйшей исторіи. ** Шекспиру подражалъ я въ его вольномъ и широкомъ изображеніи характеровъ въ необыкновенномъ составленіи типовъ и въ простотѣ; Карамзину слѣдовалъ я въ свѣтломъ развитіи происшествій; въ лѣтописяхъ старался угадать образъ мыслей и языкъ тогдашняго времени. Источники богатые! Успѣлъ ли ими воспользоваться — не знаю. По крайней мѣрѣ труды мои были ревностны и добросовѣстны. ***

Долго не могъ я рѣшиться напечатать свою драму. Хоро-

---

* Карамзинъ умеръ 22 мая 1826.

** Зачеркнуто: Я писалъ въ строгомъ уединеніи, не смущаемый никакимъ чуждымъ вліяніемъ.

*** Зачеркнуто: Находясь въ уединеніи, не смущаемый никакимъ посторонимъ вліяніемъ, я могъ ошибочно судить о вкусѣ читающей публики

lib.pushkinskijdom.ru

шій или худой успѣхъ моихъ стихотвореній, благосклонное или строгое рѣшеніе журналовъ о какой нибудь стихотворной повѣсти слабо тревожили мое самолюбіе. Читая разборы самые оскорбительные, старался я угадать мнѣніе критики, понять со всевозможнымъ хладнокровіемъ въ чемъ именно состоятъ ея обвиненія, и если никогда не отвѣчалъ на оныя, то сіе происходило не изъ презрѣнія, но единственно изъ убѣжденія, что для нашей литературы il est indifférent, что такая-то глава Онѣгина выше или ниже другой. Но признаюсь искренно, неуспѣхъ драмы моей огорчилъ бы меня; ибо я твердо увѣренъ, что нашему театру приличны народные законы драмы Шекспировой а не придворный обычай трагедіи Расина, и что всякой неудачный опытъ можетъ замедлить преобразованіе нашей сцены Ермакъ А. С. Хомякова есть болѣе произведеніе лирическое, чѣмъ драма. Успѣхомъ своимъ оно обязано прекраснымъ стихамъ, коими оно написано.

Приступаю къ нѣкоторымъ частнымъ объясненіямъ. Стихъ, употребленный мною (пятистопный ямбъ), принятъ обыкновенно англичанами и нѣмцами. У насъ первый примѣръ оному находимъ мы, кажется, въ Аргивянахъ. — А. Жандръ въ отрывкѣ своей прекрасной трагедіи, писанной стихами вольными, преимущественно употребляетъ его. Я сохранилъ цезурку французскаго пентаметра на второй стопѣ и, кажется, въ томъ ошибся, лишивъ добровольно свой стихъ свойственнаго ему разнообразія.

Есть шутки грубыя, сцены простонародныя. Поэту не должно быть площаднымъ изъ доброй воли, если можетъ ихъ избѣжать; если жъ нѣтъ, то ему нѣтъ нужды стараться замѣнить ихъ чѣмъ нибудь инымъ.

Нашедъ въ исторіи — одного изъ предковъ моихъ, игравшаго важную роль въ сію несчастную эпоху, я вывелъ его на сцену, не думая о щекотливости приличія, con amore, но безо всякой дворянской спеси. (Если бы изъ этого можно было заключить о моей спеси, то я....). Изо всѣхъ моихъ подражаній Байрону дворянская спесь была самое смѣшное. Древнее русское дворянство не можетъ быть уважаемо—аристократію нашу составляетъ дворянство новое, древнее же пришло въ упадокъ; его права уравнены съ правами прочихъ сословій, великія имѣнія давно раздроблены, уничтожены, и никто, даже если бы.... и проч. Принадлежатъ къ такой аристократіи не пред-

lib.pushkinskijdom.ru

ставляетъ никакого преимущества въ глазахъ благоразумнаго человѣка, и уединенное почитаніе къ славѣ предковъ можетъ только навлечь нареканія въ страшномъ безсмыслiи или въ подражаніи иностранцамъ. (1830).

VII.

Не стану оправдывать правила, копми я руководствовался въ составленіи сей трагедіи; духъ вѣка требуетъ великихъ перемѣнъ и на сценѣ драматической; можетъ быть и онѣ обманутъ надежды преобразователей. Поэтъ, живущій на высотахъ созданія, яснѣе видитъ, можетъ быть, и недостатки привередливыхъ требованій, и то, что́ скрывается отъ взоровъ волнуемой толпы; но напрасно было бы ему бороться... Такимъ образомъ Lopes de Vega, Расинъ—уступали потоку. Но геній, какое направленіе ни изберетъ, остается всегда геній: судъ потомства отдѣлитъ золото, ему принадлежащее, отъ примѣси.

VIII.

Вѣроятно трагедія моя не будетъ имѣть никакого успѣха. Журналы на меня озлоблены. Для публики я уже не имѣю главной привлекательности: молодости и новизны литературнаго имени. Къ тому же главныя сцены напечатаны, или искажены въ подражаніяхъ. Раскрывъ наудачу историческій романъ г. Булгарина, нашелъ я, что у него о появленіи самозванца приходитъ объявлять царю кн. В. Шуйскій. У меня Борисъ Годуновъ говоритъ наединѣ съ Басмановымъ объ уничтоженіи мѣстничества, у г. Булгарина также. Все это—драматическій вымыселъ, а не историческое сказаніе. Одинъ у другаго... Но это еще не бѣда, les beaux esprits se rencontrent.

IX.

Мнѣніе митрополита Платона о Дмитріѣ Самозванцѣ, будто бы онъ былъ воспитанъ у езуитовъ, удивительно дѣтское и романтическое. Всякій былъ годенъ, чтобъ разыграть эту роль. Доказательство послѣ смерти Отрепьева: Тушинскій воръ и проч. и проч. и проч.*

---

* Кромѣ этихъ замѣтокъ о Борисѣ Годуновѣ см. три письма Пушкина, въ VII томѣ

lib.pushkinskijdom.ru

СТАТЬИ И ЗАМѢТКИ

ИЗЪ ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ 1830 г.

I. О НЕКРОЛОГІИ РАЕВСКАГО.

Въ концѣ истекшаго года вышла въ свѣтъ «Некрологія генерала отъ кавалеріи Н. Н. Раевскаго», умершаго 16 сентября 1829 года. Сіе сжатое обозрѣніе, писанное, какъ намъ кажется человѣкомъ свѣдущимъ въ военномъ дѣлѣ, * отличается благородною теплотою слога и чувствъ. Желательно, чтобы то же перо описало пространнѣе подвиги и приватную жизнь героя и добродѣтельнаго человѣка. Съ удивленіемъ замѣтили мы непонятное упущеніе со стороны неизвѣстнаго (автора) некролога: онъ не упомянулъ о двухъ отрокахъ, приведенныхъ отцомъ на поля сраженій въ кровавомъ 1812-мъ году!.. Отечество того не забыло.

—

II. О ВЫХОДѢ ИЛІАДЫ ВЪ ПЕРЕВОДѢ ГНѢДИЧА.

Наконецъ вышелъ въ свѣтъ такъ давно и такъ нетерпѣливо ожиданный переводъ Иліады! Когда писатели, избалованные минутными успѣхами, большею частію устремились на блестящія бездѣлки, когда талантъ чуждается труда, а мода пренебрегаетъ образцами величавой древности, когда поэзія не есть благоговѣйное служеніе, но токмо легкомысленное занятіе: съ чувствомъ глубокимъ уваженія и благодарности взираемъ на поэта, посвятившаго гордо лучшіе годы жизни исключительному труду, безкорыстнымъ вдохновеніямъ и совершенію единаго, высокаго подвига. Русская Иліада передъ нами. Приступаемъ къ ея изученію, дабы современемъ отдать отчетъ нашимъ читателямъ о книгѣ, долженствующей имѣть столь важное вліяніе на отечественную словесность.

—

III. О ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКѢ.

Въ одномъ изъ нашихъ журналовъ даютъ замѣтить, что «Литературная Газета» у насъ не можетъ существовать по

---

* Некрологія написана извѣстнымъ Д. В. Давыдовымъ.

lib.pushkinskijdom.ru

весьма простой причинѣ: у насъ нѣтъ литературы. Если бъ это было справедливо, то мы не нуждались бы и въ критикѣ; однако жъ произведенія нашей литературы, какъ ни рѣдки, но являются, живутъ и умираютъ, не оцѣненныя по достоинству. Критика въ нашихъ журналахъ или ограничивается сухими библіографическими извѣстіями, сатирическими замѣчаніями, болѣе или менѣе остроумными, общими дружескими похвалами, или просто превращается въ домашнюю переписку издателя съ сотрудниками, съ корректоромъ и проч.—«Очистите мѣсто для новой статьи моей», пишетъ сотрудникъ. «Съ удовольствіемъ», отвѣчаетъ издатель. И это все напечатано. Недавно въ одномъ журналѣ было упомяную о порохѣ. «Вотъ ужо вамъ, будетъ порохъ!» сказано въ замѣчаніи наборщика; а самъ издатель возражаетъ на сіе:

«Могущему пороку—брань,
Безсильному—презрѣнье.»

Эти семейственныя шутки должны имѣть свой ключъ и вѣроятно очень забавны; но для насъ онѣ покамѣстъ не имѣютъ никакого смысла.

Скажутъ, что критика должна единственно заниматься произведеніями, имѣющими видимое достоинство; не думаю. Иное сочиненіе само по себѣ ничтожно, но замѣчательно по своему успѣху или вліянію, и въ семъ отношеніи нравственныя наблюденія важнѣе наблюденій литературныхъ. Въ прошломъ году напечатано нѣсколько книгъ (между прочими Иванъ Выжигинъ), о коихъ критика могла бы сказать много поучительнаго и любопытнаго. Но гдѣ же онѣ были разобраны, пояснены? Не говоря уже о живыхъ писателяхъ, Ломоносовъ, Державинъ, Фонъ-Визинъ ожидаютъ еще египетскаго суда. Высокопарныя прозвища, безусловныя похвалы, пошлыя восклицанія уже не могутъ удовлетворить людей здравомыслящихъ. Впрочемъ «Литературная Газета» была у насъ необходима не столько для публики, сколько для нѣкотораго числа писателей, не могшихъ по разнымъ отношеніямъ являться подъ своимъ именемъ ни въ одномъ изъ петербургскихъ или московскихъ журналовъ.*

---

* Вслѣдъ за этой статьей въ рукописи помѣщена замѣтка: Объ Андре Шенье, какъ классикѣ:

Французскіе критики имѣютъ свое понятіе о романтизмѣ. Они относятъ къ

lib.pushkinskijdom.ru

IV. ОБЪ ИСТОРІИ РУССКАГО НАРОДА, ПОЛЕВАГО.

СТАТЬЯ I.

Мы не охотники разбирать заглавія и предисловія книгъ, о коихъ обязываемся отдавать отчетъ публикѣ; но передъ нами первый томъ Исторіи Русскаго Народа, соч. г. Полевымъ, и поневолѣ должны мы остановиться на первой строкѣ посвященія: Г-ну Нибуру, первому историку нашего вѣка. Спрашивается: кѣмъ и какимъ образомъ г. Полевой уполномоченъ назначать мѣста писателямъ, заслужившимъ всемірную извѣстность? Долженъ ли г. Нибуръ быть благодаренъ г. Полевому за милостивое производство въ первые историки нашего вѣка, не въ примѣръ другимъ? Нѣтъ ли тутъ, со стороны г. Полеваго, излишней самонадѣянности? Зачѣмъ съ первой страницы вооружать уже на себя читателя, всегда недоброжелательно расположеннаго къ выходкамъ авторскаго самолюбія и предубѣжденнаго противъ нескромности? Самое посвященіе, вѣроятно, не помиритъ его съ г. Полевымъ. Въ немъ господствуетъ единая мысль, единое слово: «Я» еще болѣе неловкое, чѣмъ ненавистное «Я». Послушаемъ г. Полеваго: «Въ то время, когда образованность и просвѣщеніе соединяютъ всѣ народы союзомъ дружбы, основанной на высшемъ созерцаніи жребія человѣчества, когда высокія помышленія, плоды философскихъ наблюденій, и великія истины прошедшаго и настоящаго, составляютъ общее наслѣдіе различныхъ народовъ и быстро раздѣляются между обитателями отдаленныхъ одна отъ другой странъ.»... тогда — чтобъ вы думали? «Я осмѣливаюсь поднести вамъ мою Исторію Русскаго Народа.»

Belle conclusion et digne de l'exorde!

Далѣе: «Я не поколебался писать Исторію Россіи послѣ Карамзина: утвердительно скажу, что я вѣрно изобразилъ Исторію Россіи; я зналъ подробности событій, я чувствовалъ ихъ, какъ русскій; я былъ безпристрастенъ, какъ гражданинъ міра....» Воля ваша: хвалить себя немножко можно; зачѣмъ

нему всѣ произведенія, носящія на себѣ печать унынія или мечтательности. Иные даже называютъ романтизмомъ неологизмъ и ошибки грамматическія Такимъ образомъ Андрей Шенье—поэтъ, напитанный древностью, коего даже недостатки проистекаютъ отъ желанія дать французскому языку формы греческаго стихосложенія, попалъ у нихъ въ романтическіе поэты.

lib.pushkinskijdom.ru

терять хоть единый голосъ въ собственную пользу? Но есть мѣра всему. Далѣе: «Она (картина г-на Полеваго) достойна вашего взора (Нибурова). Пусть приношеніе мое покажетъ вамъ, что въ Россіи столько же умѣютъ цѣнить и почитать васъ, какъ и въ другихъ просвѣщенныхъ странахъ міра.» Опять! какъ можно самому себя выдавать за представителя всей Россіи? За посвященіемъ слѣдуетъ предисловіе. Вступленіе въ оное писано темнымъ изысканнымъ слогомъ, и своими противорѣчіями и многословіемъ напоминаетъ философическую статью о Русской Исторіи, напечатанную въ Московскомъ Телеграфѣ и разобранную съ такою оригинальной веселостію въ Славянинѣ.

Пріемлемъ смѣлость замѣтить г-ну Полевому, что онъ поступилъ по крайней мѣрѣ неискусно, напавъ на Исторію Государства Россійскаго въ то самое время, какъ началъ печатать Исторію Русскаго Народа. Чѣмъ полнѣе, чѣмъ искреннѣе отдалъ бы онъ справедливость Карамзину, чѣмъ смиреннѣе отозвался бы онъ о самомъ себѣ, тѣмъ охотнѣе были бы всѣ готовы привѣтствовать его появленіе на поприщѣ, ознаменованномъ безсмертнымъ трудомъ его предшественника. Онъ отдалилъ бы отъ себя нареканія, правдоподобныя, если не совсѣмъ справедливыя. Уваженіе къ именамъ, освященнымъ славою, не есть подлость (какъ осмѣлился кто-то напечатать), но первый признакъ ума просвѣщеннаго. Позорить ихъ дозволяется токмо вѣтреному невѣжеству, какъ нѣкогда, по указу эфоровъ, однимъ хіосскимъ жителямъ дозволено было пакостить всенародно.

Карамзинъ есть первый нашъ историкъ и послѣдній лѣтописецъ. Своею критикой онъ принадлежитъ исторіи, простодушіемъ и апофѳегмами хроникѣ. Критика его состоитъ въ ученомъ сличеніи преданій, въ остроумномъ изысканіи истины, въ ясномъ и вѣрномъ изображеніи событій. Нѣтъ ни единой эпохи, ни единаго важнаго происшествія, которыя не были бы удовлетворительно развиты Карамзинымъ. Гдѣ разсказъ его неудовлетворителенъ, тамъ недоставало ему источниковъ: онъ ихъ не замѣнялъ своевольными догадками. Нравственныя его размышленія, своею иноческою простотою, даютъ его повѣствованію всю неизъяснимую прелесть древней лѣтописи. Онъ ихъ употреблялъ какъ краски, но не полагалъ въ нихъ никакой существенной важности. «Замѣтимъ, что сіи апофѳегмы», гово-

lib.pushkinskijdom.ru

ритъ онъ въ предисловіи, столь много критикованномъ и столь еще мало понятомъ, «бываютъ для основательныхъ умовъ или полу-истинами, или весьма обыкновенными истинами, которыя не имѣютъ большой цѣны въ исторіи, гдѣ ищемъ дѣйствія и характеровъ.» Не должно видѣть въ отдѣльныхъ размышленіяхъ насильственнаго направленія повѣствованій къ какой нибудь извѣстной цѣли. Историкъ, добросовѣстно разсказавъ происшествіе, выводитъ одно заключеніе, вы другое, г-нъ Полевой никакого: вольному воля, какъ говорили наши предки.

Г. Полевой замѣчаетъ, что пятая глава XII тома была еще недописана Карамзинымъ, а начало ея, вмѣстѣ съ первыми четырьмя главами, было уже переписано и готово къ печати. и дѣлаетъ вопросъ: «Когда же думалъ историкъ?»

На сіе отвѣтствуемъ:

Когда первые труды Карамзина были съ жадностію принимаемы публикою, имъ образуемою, когда лестный успѣхъ слѣдовалъ за каждымъ новымъ произведеніемъ его гармоническаго пера, тогда уже думалъ онъ объ исторіи Россіи и мысленно обнималъ свое будуще созданіе. Вѣроятно, что XII томъ не былъ имъ еще начатъ, а уже историкъ думалъ о той страницѣ, на которой смерть застала послѣднюю его мысль..... Гнъ Полевой, немного подумавъ, конечно, самъ удивится своему легкомыслѣнному вопросу.

СТАТЬЯ 2.

Дѣйствіе Вальтеръ Скотта ощутительно во всѣхъ отрасляхъ ему современной словесности. Новая школа французскихъ историковъ образовалась подъ вліяніемъ шотландскаго романиста. Онъ указалъ имъ источники совершенно новые, неподозрѣваемые прежде, не смотря на существованіе исторической драмы, созданной Шекспиромъ и Гёте.

Г-нъ Полевой сильно почувствовалъ достоинства Баранта и Тьерри, и принялъ ихъ образъ мнѣній съ неограниченнымъ энтузіазмомъ молодаго неофита. Плѣняясь романическою живостію истины, выведенной передъ насъ въ простодушной наготѣ лѣтописи, онъ фанатически отвергнулъ существованіе всякой другой исторіи. Судимъ не по словамъ г-на Полеваго, ибо изъ нихъ невозможно вывести никакого положительнаго заключенія; но основываемся на самомъ духѣ, въ которомъ вообще писана Исторія Русскаго Народа, на стараніи г-на Полеваго сохранить драгоцѣнныя краски старины и частыхъ

lib.pushkinskijdom.ru

его заимствованіяхъ у лѣтописей. Но желаніе отличиться отъ Карамзина слишкомъ явно въ г-нѣ Полевомъ, и какъ заглавіе его книги есть не что иное, какъ пустая пародія заглавія Исторіи Государства Россійскаго, такъ и разсказъ г-на Полеваго слишкомъ часто не что иное, какъ пародія разсказа исторіографа.

Исторія Русскаго Народа начинается живымъ географическимъ изображеніемъ Скандинавіи и нравовъ дикихъ ея обитателей (подражаніе Тьерри); но переходя къ описанію странъ, Россіею нынѣ именуемыхъ, и народовъ, нѣкогда тамъ обитавшихъ, г-нъ Полевой становится столь же теменъ въ изложеніи своихъ этнографическихъ понятій, какъ въ философическихъ разсужденіяхъ своего предисловія. Онъ или повторяетъ сбивчиво то, что было ясно изложено Карамзинымъ, или касается предметовъ, вовсе чуждыхъ исторіи русскаго народа, и, утомляя вниманіе читателя, говоритъ поминутно: «И такъ мы видимъ... Изъ сего слѣдуетъ... Мы въ нѣсколькихъ словахъ означили главныя черты великой картины...» между тѣмъ, какъ мы ничего не видимъ, какъ изъ этого ничего не слѣдуетъ, и какъ г-нъ Полевой въ весьма многихъ словахъ означилъ не главныя черты великой картины.

Желаніе противорѣчить Карамзину поминутно завлекаетъ г-на Полеваго въ мелочныя придирки, въ пустыя замѣчанія, большею частію несправедливыя. Онъ: то соглашается съ Татищевымъ, то ссылается на Розенкамфа, то утвердительно и безъ доказательства повторяетъ нѣкоторые скептическіе намеки г-на Каченовскаго. Признавъ уже достовѣрность похода къ Царюграду, онъ сомнѣвается, имѣлъ ли Олегъ съ собою сухопутное войско. «Гдѣ могли пройти его дружины», говоритъ г-нъ Полевой, «не чрезъ Булгарію по крайней мѣрѣ?» Почему же нѣтъ? Какая тутъ физическая невозможность? Оспаривая у Карамзина смыслъ выраженія: на ключъ, онъ пускается въ догадки, ни на чемъ не основанныя. Быть можетъ и Карамзинъ ошибся въ примѣненіи своей догадки: ключъ (символъ хозяйства), какъ котелъ у казаковъ, означалъ, вѣроятно, общее хозяйство, артель.* Въ древнемъ договорѣ Карамзинъ читаетъ: милымъ ближнимъ, ссылаясь на сгорѣвшій Троицкой спи-

* Стряпчій съ ключемъ вѣдалъ хозяйственною частію двора. Въ Малороссіи ключевать значитъ управлять хозяйствомъ. А. П.

lib.pushkinskijdom.ru

сокъ. Г-нъ Полевой, признавая, что въ другихъ спискахъ поставлено ad libita librarii милымъ и малымъ, подчеркиваетъ однако жъ слово сгорѣвшій, читаетъ малымъ (малолѣтнимъ, младшимъ) и переводитъ: дальнимъ (дальнимъ ближнимъ!). Не говоримъ уже о довольно смѣшномъ противорѣчіи; но что за мысль отдавать наслѣдство дальнимъ родственникамъ мимо ближайшихъ?

Первый томъ Исторіи Русскаго Народа писанъ съ удивительною опрометчивостію. Г-нъ Полевой утверждаетъ, что дикая поэзія согрѣвала душу скандинава, что пѣснопѣнія скальда воспламеняли его, что религія усиливала въ немъ врожденную склонность къ независимости и презрѣнію смерти (склонность къ презрѣнію смерти!), что онъ гордился названіемъ берсеркера и пр. а черезъ три страницы г-нъ Полевой увѣряетъ, что не слава вела его въ битвы; что онъ ея не зналъ; что недостатокъ пищи, одежды, жадность добычи были причинами его походовъ. Г-нъ Полевой не видитъ еще государства россійскаго въ начальныхъ княженіяхъ скандинавскихъ витязей, а въ Ольгѣ признаетъ уже мудрую образовательницу системы скрѣпленія частей въ единое цѣлое, а у Владиміра стремленіе къ единовластію. Въ удѣлахъ г-нъ Полевой видитъ: то образъ восточнаго самодержавія, то феодальную систему, общую тогда въ Европѣ. Промахи. указанные въ Московскомъ Вѣстникѣ, почти невѣроятны.

Г-нъ Полевой въ своемъ предисловіи весьма искусно даетъ замѣтить, что слогъ въ исторіи есть дѣло весьма второстепенное, если уже не совсѣмъ излишнее; онъ говоритъ о немъ почти съ презрѣніемъ.

Maître renard, peut-être on vous croirait....

По крайней мѣрѣ слогъ есть самая слабая сторона Исторіи Русскаго Народа. Невозможно отвергать у г-на Полеваго ни остроумія, ни воображенія, ни способности живо чувствовать; но искусство писать до такой степени чуждо ему, что въ его сочиненіи картины, мысли, слова, все обезображено, перепутано и затемнено.

P. S. Сказавъ откровенно нашъ образъ мыслей на счетъ Исторіи Русскаго Народа, не можемъ умолчать о критикахъ, которымъ она подала поводъ. Въ журналѣ, издаваемомъ ученымъ, извѣстнымъ профессоромъ, напечатана статья, въ коей брань доведена до изступленія; болѣе чѣмъ на тридцати

lib.pushkinskijdom.ru

страницахъ грубыхъ насмѣшекъ и ругательства, нѣтъ ни одного дѣльнаго обвиненія, ни одного поучительнаго показанія, кромѣ ссылки на мнѣніе самого издателя, мнѣніе весьма любопытное, коему доказательства съ нетерпѣніемъ должны ожидать любители отечественной исторіи.* Московскій Вѣстникъ... (et tu autem, Brute!) сказалъ свое мнѣніе на счетъ г-на Полеваго еще съ большимъ, непростительнѣйшимъ забвеніемъ своей обязанности, непростительнѣйшимъ, ибо издатель Московскаго Вѣстника доказалъ, что чувство приличія ему сродно, и что слѣдственно онъ добровольно пренебрегаетъ онымъ. Ужели такъ трудно нашей братьѣ критикамъ сохранять хладнокровіе? Какъ не вспомнить. по крайней мѣрѣ, совѣта старинной сказки:

То же бы ты слово
Да не такъ бы молвилъ.

—

ПРОГРАММА 3-Й СТАТЬИ.**

I.

Не смотря на то, что Исторія Русскаго народа писана на обумъ... промахи, указанные въ разныхъ журналахъ, доказываютъ конечно не невѣжество г. Полеваго, но только непростительную опрометчивость и поспѣшность (ибо ихъ можно было избѣжать, давъ себѣ время подумать и справиться). Презрѣніе, съ коимъ г. Полевой отзывался въ своихъ примѣчаніяхъ о Карамзинѣ, издѣваясь надъ его трудомъ,—оскорбляло нравственное чувство уваженія нашего къ великому соотечественнику. Но сія опрометчивость и необдуманность сильно повредили г. Полевому въ мнѣніи малаго числа просвѣщенныхъ и благоразумныхъ читателей, ибо онѣ поколебали, если не совсѣмъ уничтожили довѣренность, которую онъ способенъ былъ внушить. Теперь мы читаемъ Исторію русскаго народа, не полагаясь на добросовѣстность труда и вѣрность розысканій, но на каждое слово невольно требуемъ подтвержденія повторенаго, если не имѣемъ времени или способовъ справляться сами.—Исторія русскаго народа состоитъ изъ отдѣльныхъ отрыв-

---

* Выписки, коими наполнена сія статья, въ самомъ дѣлѣ пойдутъ въ примѣръ галлиматьи: но самый текстъ почти отъ нихъ не отличается. А. П.— (Дѣло идетъ о «Вѣстникѣ Европы» Каченовскаго).

** Набросана въ Болдинѣ осенью 1830 г., но статья осталась не написанною.

lib.pushkinskijdom.ru

ковъ, часто не имѣющихъ между собой связи по духу, въ коемъ они писаны, и походитъ болѣе на журнальныя статьи, чѣмъ на книгу, обдуманную однимъ человѣкомъ и проникнутую единствомъ духа.

Но не смотря на сіи недостатки Исторія русскаго народа заслуживаетъ вниманія по многимъ остроумнымъ замѣчаніямъ (NB. Остроуміемъ называемъ мы не шуточки, столь любезныя нашимъ веселымъ критикамъ, но способность сближать понятія и выводить изъ нихъ новыя и правильныя заключенія), по своей живости, хоть и неправильной, по взгляду и воззрѣніямъ, недальнимъ и часто невѣрнымъ, но вообще новымъ и достойнымъ критическихъ изслѣдованій.

Второй томъ, нынѣ вышедшій изъ печати, имѣетъ, по нашему мнѣнію, большое преимущество передъ первымъ. 1) Въ немъ нѣтъ сбивчиваго предисловія и гораздо менѣе противорѣчій и многорѣчій. 2) Тонъ нападенія на Карамзина уже гораздо благопристойнѣе. 3) Самый разсказъ не есть уже пародія разсказа Карамзина, но нѣчто собственно принадлежащее Полевому.

Второй томъ начинается взглядомъ на всеобщее состояніе Европы въ XI столѣтіи....

II.

Г. Полевой предчувствуетъ истину, но не умѣетъ ее отыскать. Онъ чувствуетъ, что Россія была совершенно отдѣлена отъ Западной Европы. Онъ предчувствуетъ тому причину, но вскорѣ желаніе приноровить систему новѣйшихъ историковъ къ Россіи увлекаетъ его. Онъ видитъ опять феодализмъ (называетъ его семейнымъ) и полагаетъ его необходимымъ для развитія силъ новой Россіи. Дѣло въ томъ, что въ Россіи еще не было феодализма, а были удѣлы, князья и ихъ дружина, что Россія не окрѣпла и не развилась въ удѣльныя междоусобія, но напротивъ ослабѣла и сдѣлалась легкою добычею татаръ, что боярство не есть феодализмъ:

Феодализмъ—частность, боярство—общность.
Бояре жили въ городахъ при дворѣ княжескомъ,
Не укрѣпляя своихъ помѣстій,
Не сосредоточиваясь въ маломъ семействѣ,
Не враждуя противу королей,
Не продавая своей помощи городамъ;

lib.pushkinskijdom.ru

но

Они были вмѣстѣ придворные и товарищи,
Составляли союзы,
Считались старшинствомъ,
Соперничали.

*

Феодализмъ могъ бы развиться, какъ первый шагъ учрежденій независимости (общины—были бы второй), но онъ не успѣлъ. Онъ разсѣялся во времена татаръ; былъ подавленъ Іоанномъ III, гонимъ, истребляемъ Іоанномъ IV.—Мѣсто феодализма заступила аристократія и могущество ея въ междуцарствіе возросло до высочайшей степени. Она была наслѣдственная — отселѣ мѣстничество, на которое до сихъ поръ привыкли смотрѣть самымъ дѣтскимъ образомъ. Не Ѳеодоръ, а Языковъ и меньшое дворянство уничтожили мѣстничество и боярство. Съ Ѳеодора и Петра начинается революція въ Россіи, которая продолжается и до сего дня.

Какое время силы нашего боярства?—Во время удѣловъ, когда удѣльные князья сами сдѣлались боярами.—Когда пало боярство?—При Іоаннахъ, которые къ одному мѣстничеству не дерзнули прикоснуться.—Были ли дворянскія грамоты?—Мининъ!—Было ли зло мѣстничество?.. Вездѣ ли существовало оно? Зачѣмъ уничтожено было оно? И было ли оно въ самомъ дѣлѣ уничтожено?—Петръ.*

---

* Приводимъ кстати сохранившіся въ тетрадяхъ Пушкина историческія и политическія замѣтки.

Attentat de Ѳеодоръ. Lâcheté de la haute noblesse (между прочимъ и моего пращура Никиты Пушкина). Les rangs. Chute de la noblesse.

Pierre I. Son указъ de 1714.

Opposition de Dolgorouky (niaise, dans le genre de celle des Panine).

Pierre III. Истинная причина дворянской грамоты. Екатерина. Alexandre. Новосильцовъ. Чарторижскій. Кочубей. Speransky, popovitch turbulent et ignorant. Les moyens avec lesquelles ont accomplit une révolution, ne sont plus ceux qui la consolident.—Pierre I est tout à la fois Robespierre et Napoléon (La révolution incarnée).

La haute noblesse n'étant pas héréditaire (de fait) elle est donc noblesse à vie. Moyens d'entourer le despotisme de stipendiaires dévoués et d'étouffer toute opposition et haute indépendance.

L'hérédité de haute noblesse est une garantie de son indépendance. Le contraire est nécessairement moyen de tyrannie ou plutôt d'un despotisme lâche etc. Mon despotisme: loix cruelles, coutumes douces.

lib.pushkinskijdom.ru

Вы поняли великія достоинства французскаго историка, поймите жъ и то, что Россія никогда ничего не имѣла общаго съ остальною Европою, что исторія ея требуетъ другой мысли, другой формулы, чѣмъ мысли и формулы, выведенныя Гизотомъ изъ исторіи христіанскаго запада. Не говорите: иначе нельзя было быть. Коли было бы это правда, то историкъ былъ бы астрономъ и событія жизни человѣческой были бы предсказаны въ календаряхъ, какъ и затменія солнечныя. Но провидѣніе—не алгебра; умъ человѣческій, по простонародному выраженію—не пророкъ, а угадчикъ. Онъ видитъ общій ходъ вещей и можетъ выводить изъ онаго глубокія предположенія, часто оправданныя временемъ, но невозможно предвидѣть ему случая. Одинъ изъ остроумныхъ людей прошлаго столѣтія предсказалъ могущество Россіи, но Наполеона никто не могъ предсказать.*

III.

Феодальное право, основанное на правѣ завоеванія.
Что были предводители?
Что былъ народъ?
Тѣлохранители.
Власть королевская.
Продажа вольности городамъ.
Парламенты.
Vénalité des charges.
Ришелье.

(Въ другомъ мѣстѣ):

Stabilité—première condition du bonheur

Comment s'accomode-t-elle avec la perfectibilité indéfinie.

Кромѣ того встрѣчается еще набросокъ: Русское дворянство, что нынѣ значитъ? Какими способами дѣлаются дворяне: что изъ этого слѣдуетъ. Былое презрѣніе къ сему званію.—Дворянинъ помѣщикъ.—Его вліяніе и важность; рекрутство, права.—Двор. въ службѣ.—Двор. въ деревнѣ.—Происхожденіе дворянства.—Двор. при дворѣ.»

* Уже въ 1836 г., на проектѣ письма кн. Вяземскаго къ гр. Уварову с тогдашней литературѣ, противъ мѣста, гдѣ говорится, что «Устряловъ не усомнился вывести на одну доску Карамзина и Полеваго,» Пушкинъ написалъ: «О Полевомъ не худо было бы напомнить и пространнѣе. Не должно забывать, что онъ сдѣланъ членомъ корреспондентомъ нашей академіи за свою шарлатанскую книгу, писанную безъ смысла, безъ изысканій и безо всякой совѣсти—не говорю уже о плутовствѣ подписки, что уже касается управы благочинія, а не академіи наукъ.» (Соч. кн. Вяземскаго, II, 225).

lib.pushkinskijdom.ru

Споры аристократіи съ парламентами.

Уничтоженіе феодализма.

1) Феодальное правленіе—система простая и сильная, было основано на правѣ завоеванія. Побѣдители, присвоивъ себѣ землю и собственность побѣжденныхъ, обратили ихъ самихъ въ рабство и раздѣлили все между собою. Предводители получили большіе участки. Слабые прибѣгнули къ покровительству сильнѣйшихъ, и феодальная іерархія установилась.

2) Каждый владѣлецъ управлялъ въ своемъ участкѣ по своему, устанавливая свои законы, соблюдая свои выгоды и стараясь окружить себя достаточнымъ числомъ приверженцевъ, для удержанія въ повиновеніи своихъ вассаловъ или для отраженія хищныхъ сосѣдей. Для сего избирались большею частію вольные люди, составлявшіе нѣкогда войско завоевателей. Современемъ они смѣшались съ побѣжденными, и такимъ образомъ установились взаимныя обязательства между владѣльцами и вассалами.

3) Короли, избираемые вначалѣ владѣльцами, были властителями только въ собственномъ своемъ участкѣ. Въ случаѣ войны съ непріятелемъ, новыхъ налоговъ или споровъ между двумя могущими сосѣдами, они созывали сеймы. Сеймы сіи составляли сначала одни знатные владѣльцы и военные люди. Духовенство было призвано впослѣдствіи властолюбивыми палатными мерами (Maire du Palais), а народъ гораздо позже, когда королевская власть почувствовала необходимость противупоставить новую силу дворянству, соединенному съ духовенствомъ.

4) Судопроизводство находилось въ рукахъ владѣльцевъ. Для записыванія ихъ постановленій избирались грамотеи изъ простолюдиновъ, ибо знатные люди занимались единственно военной наукою и не умѣли читать. Когда же война призывала бароновъ къ защитѣ королевскихъ владѣній или собственныхъ замковъ, то въ ихъ отсутствіи сіи грамотеи чинили судъ и расправу, сначала отъ имени бароновъ, а впослѣдствіи сами отъ себя. Продолжительныя войны дали имъ время основать свою самобытность. Такимъ образомъ родились парламенты.

5) Нужда въ деньгахъ заставила бароновъ и епископовъ продавать вассаламъ права, нѣкогда присвоенныя завоевателями. Сначала откупились рабы отъ вассаловъ, затѣмъ общины пріобрѣли привиллегіи. Впослѣдствіи времени, короли, для

lib.pushkinskijdom.ru

уничтоженія власти сильныхъ владѣльцевъ, непрестанно покровительствовали общинѣ, и когда мало по малу народъ откупился, владѣльцы обѣднѣли и стали проситься на жалованье королей. Они выбрались изъ феодальныхъ своихъ вертеповъ...

6) Короли почувствовали всю выгоду новаго положенія. Дабы покрыть новые, необходимые расходы, они прибѣгнули въ продажѣ судебныхъ мѣстъ, ибо доходы отъ правъ, покупаемыхъ городами, начали истощаться и казались уже опасными. Сія мѣра утвердила независимость гражданскихъ чиновниковъ (de la magistrature) и сіе сословіе вошло въ соперничество съ дворянствомъ, которое возненавидѣло его.

7) Продажа гражданскихъ мѣстъ упрочила вліяніе достаточной части народа, слѣдовательно столь же благоразумна, какъ и другіе законы. Напрасно пошли противъ сей мѣры, будто бы варварской и нелѣпой.

8) Но вскорѣ замѣтили до какой степени сія мѣра укрѣпила независимость чиновниковъ. Ришелье установилъ коммисаровъ, т. е. временныхъ сановниковъ, уполномоченныхъ королемъ. Законники возроптали, какъ на нарушеніе правъ своихъ и злоупотребленіе общественной довѣренности. Ихъ не послушали и могущество министра подавило и ихъ, и феодализмъ.

V. О РОМАНѢ ЗАГОСКИНА: ЮРІЙ МИЛОСЛАВСКІЙ.

Въ наше время, подъ словомъ романъ разумѣемъ историческую эпоху, развитую въ вымышленномъ повѣствованіи. Вальтеръ Скоттъ увлекъ за собою цѣлую толпу подражателей. Но какъ они всѣ далеки отъ шотландскаго чародѣя! Подобно ученику Агриппы, они, вызвавъ демона старины, не умѣли имъ управлять и сдѣлались жертвами своей дерзости. Въ вѣкъ, въ который хотятъ они перенести читателя, перебираются они сами съ тяжелымъ запасомъ домашнихъ привычекъ, предразсудковъ и дневныхъ впечатлѣній. Подъ беретомъ, осѣненнымъ перьями, узнаете вы голову, причесанную вашимъ парикмахеромъ; сквозь кружевную фрезу à la Henri IV, проглядываетъ накрахмаленный галстухъ нынѣшняго dandy. Готическія героини воспитаны у madame Campan, а государственные люди XVI столѣтія читаютъ Times и Journal des Débats. Сколько несообразностей, ненужныхъ мелочей, важныхъ упущеній!

lib.pushkinskijdom.ru

сколько изысканности, а сверхъ всего какъ мало жизни! Однако жъ сіи бѣдныя произведенія читаются въ Европѣ. Потому ли, что люди, какъ утверждала madame de Staël, знаютъ только исторію своего времени и, слѣдственно, не въ состояніи замѣтить нелѣпости романическихъ анахронизмовъ? Потому ли, что изображеніе старины, даже слабое и невѣрное, имѣетъ неизъяснимую прелесть для воображенія, притупленнаго однообразной пестротою настоящаго, ежедневнаго?

Спѣшимъ замѣтить, что упреки сіи вовсе не касаются «Юрія Милославскаго». Г. Загоскинъ точно переноситъ насъ въ 1612 годъ. Добрый нашъ народъ, бояре, казаки, монахи, буйные шиши — все это угадано, все это дѣйствуетъ, чувствуетъ, какъ должно было дѣйствовать, чувствовать въ смутныя времена Минина и Авраамія Палицына. Какъ живы, какъ занимательны сцены старинной русской жизни, сколько истины, добродушной веселости, въ изображеніи характеровъ Кирши, Алексѣя Бурнаша, Ѳедьки Хомяка, пана Копычинскаго, батьки Еремѣя! Романическое происшествіе безъ насилія входитъ въ раму обширнѣйшую происшествія историческаго. Авторъ не спѣшитъ своимъ разсказомъ, останавливается на подробностяхъ, заглядываетъ и въ сторону, но никогда не утомляетъ читателя. Разговоръ (живой, драматическій вездѣ, гдѣ онъ простонароденъ) обличаетъ мастера своего дѣла. Но неоспоримое дарованіе г. Загоскина замѣтно измѣняетъ ему, когда онъ приближается къ лицамъ историческимъ. Рѣчь Минина на нижегородской площади слаба: въ ней нѣтъ порывовъ народнаго краснорѣчія. Боярская дума изображена холодно. Можно замѣтить два-три легкіе анахронизма и нѣкоторыя погрѣшности противъ языка и костюма. Напр. новѣйшее выраженіе: столбовой дворянинъ, употреблено въ смыслѣ человѣка знатнаго рода (мужа честна, какъ говорятъ лѣтописцы); охотиться, вмѣсто: ѣздить на охоту; пользовать, вмѣсто лечить. Эти два послѣднія выраженія не простонародныя, какъ, видно, полагаетъ авторъ, но просто принадлежатъ языку дурнаго общества. Быть въ отвѣтѣ, значило въ старину: быть въ посольствѣ. Нѣкоторыя пословицы употреблены авторомъ не въ ихъ первобытномъ смыслѣ: изъ сказки слóва не выкинешь, вмѣсто изъ пѣсни. Въ пѣснѣ словá составляютъ стихъ, и слова не выкинешь, не испортивъ склада; сказка — дѣло другое. Но сіи мелкія по-

lib.pushkinskijdom.ru

грѣшности и другія, замѣченныя въ 1-мъ № «Московскаго Вѣстника» нынѣшняго года,* не могутъ повредить блистательному, вполнѣ заслуженному успѣху «Юрія Милославскаго.» **

VI. О ЗАПИСКАХЪ САМСОНА.

Французскіе журналы извѣщаютъ насъ о скоромъ появленіи Записокъ Самсона, парижскаго палача. Этого должно было ожидать. Вотъ до чего довела насъ жажда новизны и сильныхъ впечатлѣній!

Послѣ соблазнительныхъ исповѣдей философіи XVIII вѣка, явились политическія, не менѣе соблазнительныя откровенія. Мы не довольствовались видѣть людей извѣстныхъ въ колпакѣ и въ шлафрокѣ, мы захотѣли послѣдовать за ними въ ихъ спальню и далѣе. Когда намъ и это надоѣло, явилась толпа людей темныхъ съ позорными своими сказаніями. Но мы не остановились на безстыдныхъ запискахъ Генріеты Вильсонъ, Казановы и Современницы. Мы кинулись на плутовскія признанія полицейскаго шпіона и на поясненія оныхъ клейменаго каторжника. Журналы наполнились выписками изъ Видока. Поэтъ Гюго не постыдился въ немъ искать вдохновеній для романа, исполненнаго огня и грязи. Недоставало палача въ числѣ новѣйшихъ литераторовъ. Наконецъ и онъ явился, и къ стыду нашему скажемъ, что успѣхъ его Записокъ кажется несомнительнымъ.

Не завидуемъ людямъ, которые, основавъ свои разсчеты на безнравственности нашего любопытства, посвятили свое перо повторенію сказаній, вѣроятно, безграмотнаго Самсона. Но при-

---

* Московскій Вѣстникъ будетъ издаваться въ нынѣшнемъ году въ томъ видѣ, въ какомъ издавался онъ въ 1827 и 1828. Сей журналъ почти постоянно отличается статьями любопытными, дѣльными критиками и благонамѣренностію. Прежніе сотрудники продолжаютъ участвовать въ семъ изданіи. (Прим. Лит. Газ.).

** Въ № 45 Лит. Газеты замѣчено: «Въ нынѣшнемъ году Сѣверная Пчела отличалась особенною неблагосклонностію къ гг. Загоскину, Пушкину и Кирѣевскому. Причины сему отыскать не трудно, г. Загоскинъ издалъ романъ, коего успѣхъ могъ повредить ходу историческаго романа г. Булгарина. Строгій приговоръ «Димитрію Самозванцу» (см. Лит. Газ. № 14) былъ приписанъ Пушкину... А. С. Пушкину предлагали написать критику историческаго романа г. Булгарина. Онъ отказался, говоря: чтобы критиковать книгу, надобно ее прочесть, а я на свои силы не надѣюсь...» и проч.

lib.pushkinskijdom.ru

знаемся же и мы, живущіе въ вѣкѣ признаній: съ нетерпѣливостію, хотя и съ отвращеніемъ, ожидаемъ мы Записокъ парижскаго палача. Посмотримъ, что есть общаго между нимъ и людьми живыми? На какомъ звѣриномъ ревѣ объяснитъ онъ свои мысли? Что скажетъ намъ сіе твореніе, внушившее графу Мейстру столь поэтическую, столь страшную страницу? что скажетъ намъ сей человѣкъ, въ теченіе сорока лѣтъ кровавой жизни своей присутствовавшій при послѣднихъ содроганіяхъ столькихъ жертвъ и славныхъ и неизвѣстныхъ, и священныхъ и ненавистныхъ? Всѣ, всѣ они—его минутные знакомцы—чредой пройдутъ передъ нами по гильотинѣ, на которой онъ, свирѣпый фигляръ, играетъ свою однообразную роль. Мученики, злодѣи, герои—и царственный страдалецъ, и убійца его, и Шарлотта Кордé, и прелестница Дю-Барри, и безумецъ Ювель, и мятежникъ Бертонъ, и лекарь Кастенъ, отравлявшій своихъ ближнихъ, и Папавуань, рѣзавшій дѣтей: мы ихъ увидимъ опять въ послѣднюю, страшную минуту. Головы, одна за другою, западаютъ передъ нами, произнося каждая свое послѣднее слово.... И насытивъ жестокое наше любопытство, книга палача займетъ свое мѣсто въ библіотекахъ, въ ожиданіи ученыхъ справокъ будущаго историка.

—

VII. О РАЗГОВОРѢ У КНЯГИНИ ХАЛДИНОЙ, ФОНЪ-ВИЗИНА.

Недавно въ одномъ изъ нашихъ журналовъ изъявили сомнѣніе: точно ли «Разговоръ у княгини Халдиной», напечатанный въ 3-мъ № «Литературной Газеты», есть сочиненіе Фонъ-Визина. Во-первыхъ, родной племянникъ покойнаго автора ручается въ достовѣрности онаго; во вторыхъ, не такъ легко, какъ думаютъ, поддѣлаться подъ руку творца Недоросля и Бригадира: кто хотя немного изучалъ духъ и слогъ Фонъ-Визина, тотъ узнаетъ тотчасъ ихъ несомнѣнные признаки и въ «Разговорѣ». Статья сія замѣчательна не только какъ литературная рѣдкость, но и какъ любопытное изображеніе нравовъ и мнѣній, господствовавшихъ у насъ лѣтъ сорокъ тому назадъ. Княгиня Халдина говоритъ Сорванцову ты, онъ ей также. Она бранитъ служанку, зачѣмъ не пустила она гостя въ уборную. «Развѣ ты не знаешь, что я при мужчинахъ люблю одѣваться?» —«Да вѣдь стыдно, В. С.», отвѣчаетъ служанка.—«Глупа, ра-

lib.pushkinskijdom.ru

дость,» возражаетъ княгиня. Все это, вѣроятно, было списано съ натуры. Мы и тутъ узнаемъ подражаніе нравамъ парижскимъ. Изображеніе Сорванцова достойно кисти, нарисовавшей семью Простаковыхъ. Онъ записался въ службу, чтобы ѣздить цугомъ. Онъ проводитъ ночи за картами—и спитъ въ присутственномъ мѣстѣ во время чтенія запутаннаго дѣла. Онъ чувствуетъ нелѣпость дѣловой бумаги — и соглашается съ мнѣніемъ прочихъ изъ лѣности и безпечности. Онъ продаетъ крестьянъ въ рекруты—и умно разсуждаетъ о просвѣщеніи. Онъ взятокъ не беретъ изъ тщеславія—и хладнокровно извиняетъ бѣдныхъ взяткобрателей. Словомъ, онъ истинно русскій баричъ прошлаго вѣка, каковымъ образовала его природа и полупросвѣщеніе. Здравомыслъ напоминаетъ Правдина и Стародума, хоть въ немъ и менѣе педантства. Прочитавъ «Разговоръ у княгини Халдиной», пожалѣешь невольно, что не Фонъ-Визину досталось изображать новѣйшіе наши нравы.

—

VIII. О СТАТЬЯХЪ КН. ВЯЗЕМСКАГО.

Нѣкоторые журналы, обвиненные въ неприличности ихъ полемики, указали на кн. Вяземскаго, какъ на зачинщика брани, господствующей въ нашей литературѣ. Указаніе не искреннее. Критическія статьи кн. Вяземскаго носятъ на себѣ отпечатокъ ума тонкаго, наблюдательнаго, оригинальнаго. Часто не соглашаешься съ его мыслями, но онъ заставляетъ мыслить. Даже тамъ, гдѣ его мнѣнія явно противорѣчатъ нами принятымъ понятіямъ, онъ невольно увлекаетъ необыкновенною силою разсужденія (discussion) и ловкостію самаго софизма. Эпиграмматическіе же разборы его могутъ казаться обидными самолюбію авторскому, но кн. Вяземскій можетъ смѣло сказать, что личность его противниковъ никогда не была имъ оскорблена; они же всегда преступаютъ черту литературныхъ преній, и поминутно, думая напасть на писателя, вызываютъ на себя негодованіе члена общества и даже гражданина. Но должно ли на нихъ негодовать? Не думаемъ. Въ нихъ болѣе извинительнаго незнанія приличій, чѣмъ предосудительнаго намѣренія. Чувство приличія зависитъ отъ воспитанія и другихъ обстоятельствъ. Люди свѣтскіе имѣютъ свой образъ мыслей, свои предразсудки, непонятные для другой касты. Какимъ образомъ разстолкуете вы мирному алеуту поединокъ двухъ

lib.pushkinskijdom.ru

французскихъ офицеровъ? Щекотливость ихъ покажется ему чрезвычайно странною, и онъ чуть ли не будетъ правъ.

Доказательствомъ, что журналы наши никогда не думали выходить изъ границъ благопристойности, служитъ ихъ добродушное изумленіе при таковыхъ обвиненіяхъ и ихъ единогласное указаніе на того, чьи произведенія болѣе всего носятъ на себѣ печать ума свѣтскаго, и тонкаго знанія общежитія.

—

IX. О КАРРИКАТУРѢ ВЪ АНГЛІИ И О ПОЛЕВОМЪ.

Англія есть отечество каррикатуры и пародіи. Всякое замѣчательное происшествіе подаетъ поводъ къ сатирической картинкѣ; всякое сочиненіе, ознаменованное успѣхомъ подпадаетъ подъ пародію. Искусство поддѣлываться подъ слогъ извѣстныхъ писателей доведено въ Англіи до совершенства. Вальтеръ-Скотту показывали однажды стихи, будто бы имъ сочиненные. «Стихи кажется мои,» отвѣчалъ онъ смѣясь; «я такъ много и такъ давно пишу, что не смѣю отречься отъ этой безсмыслицы!» — Не думаю, чтобы кто нибудь изъ извѣстныхъ нашихъ писателей могъ узнать себя въ пародіяхъ, напечатанныхъ недавно въ одномъ изъ московскихъ журналовъ.* Сей родъ шутокъ требуетъ рѣдкой гибкости слога; хорошій пародистъ обладаетъ всѣми слóгами, а нашъ едва ли и однимъ. Впрочемъ и у насъ есть очень удачный опытъ: г-нъ Полевой очень забавно пародировалъ Гизота и Тьерри.

—

X. ОБЪЯСНЕНІЕ КЪ ЗАМѢТКѢ ОБЪ ИЛІАДѢ.

Въ одномъ изъ московскихъ журналовъ выписываютъ объявленіе объ «Иліадѣ», напечатанное во 2-мъ № «Литературной Газеты», и говорятъ, что сіе воззваніе на счетъ (?) труда г-на Гнѣдича обнаруживаетъ духъ партіи, которая въ литературѣ не должна быть терпима. Въ доказательство чего даютъ замѣтить, что въ «Литературной Газетѣ» сказано: «Русская

---

* Въ особомъ сатирическомъ приложеніи къ «Московскому Телеграфу» Полеваго помѣщались тогда пародіи стихотвореній поэтовъ Пушкинскаго кружка, особенно Дельвига.—Замѣтка Пушкина напечатана въ «Литературной Газетѣ», тотчасъ за 2-й статьей объ Исторіи Полеваго (смот. выше. стр. 84).

lib.pushkinskijdom.ru

Иліада должна имѣть важное вліяніе на отечественную словесность»; а что въ предисловіи къ своему переводу Н. И. Гнѣдичъ похвалилъ гекзаметры барона Дельвига.

Вотъ лучшее доказательство правила, слишкомъ пренебрегаемаго нашими критиками: ограничиваться замѣчаніями чисто-литературными, не примѣшивая къ онымъ догадокъ на счетъ постороннихъ обстоятельствъ, догадокъ, бо́льшею частію столь же несправедливыхъ, какъ и неблагопристойныхъ. Объявленіе о переводѣ «Иліады» писано мною и напечатано во время отсутствія барона Дельвига. Принужденнымъ нахожусь сказать, что нынѣшнія отношенія барона Дельвига къ Н. И. Гнѣдичу не суть дружескія: но, какъ бы то ни было, это не можетъ повредить ихъ взаимному уваженію. Н. И. Гнѣдичъ, по благородству чувствъ, ему свойственному, откровенно сказалъ свое мнѣніе на счетъ таланта барона Дельвига, похваливъ произведенія музы́ его. Примѣръ утѣшительный въ нынѣшнюю эпоху русской литературы.* Александръ Пушкинъ.

—

XI. О ГЕКЗАМЕТРАХЪ МЕРЗЛЯКОВА.

Въ третьемъ нумерѣ «Московскаго Вѣстника» на нынѣшній годъ мы прочли слѣдующее замѣчаніе. «Въ предисловіи къ переводу Иліады, которымъ подарилъ русскую словесность г. Гнѣдичъ, говорится объ опытахъ гекзаметрами Жуковскаго и Дельвига — и ни слова о гекзаметрахъ Мерзлякова, который прежде всѣхъ въ наше время ввелъ эту мѣру. Не понимаемъ, что значитъ такое упущеніе, и въ слѣдующемъ нумерѣ предложимъ документы въ подтвержденіе истины нашихъ словъ, въ пособіе будущему историку русской словесности.» Странно, подумали мы, обвинять Гнѣдича въ проступкѣ, имъ не сдѣланномъ! Въ предисловіи къ Иліадѣ не говорится, кто у насъ первый по возобновленіи началъ слагать гекзаметры, а именуются два писателя, которыхъ стихи нравятся переводчику Гомера. Можно не раздѣлять съ человѣкомъ образа мыслей, даже осуждать вкусъ его; но требовать, чтобы онъ чувствовалъ, какъ мы, или еще болѣе, укорять его, какъ сдѣлано въ

---

* Ужели переводъ «Иліады» столь незначителенъ, что Н. И. Гнѣдичу нужно покупать себѣ похвалы? Если же нѣтъ, то неужели критикъ, по предполагаемой пріязни съ переводчикомъ, долженъ непремѣнно бранить трудъ его, чтобы показать свое безпристрастіе? А. П.

lib.pushkinskijdom.ru

Московскомъ Вѣстникѣ, зачѣмъ онъ не говоритъ, чего мы желаемъ — несправедливо. Тѣмъ не менѣе ожидали мы четвертаго нумера сего журнала, надѣясь найти въ немъ, для повѣрки нашего мнѣнія о трудахъ г. Мерзлякова, исчисленіе его гекзаметрическихъ пьесъ и хотя поверхностное сужденіе объ оныхъ. Ожидали съ любопытствомъ, потому что знали изъ числа ихъ только двѣ-три небрежныя попытки въ переводахъ съ древнихъ, и читали въ «Трудахъ московскаго общества любителей словесности» его мнѣніе, что гекзаметръ у насъ существовать не можетъ, ибо русскій языкъ не пѣвучій. Наконецъ желанный нумеръ вышелъ, и въ длинной, ученической диссертаціи о старикѣ Гомерѣ, мы прочли: «что честь торжественнаго введенія гекзаметра въ святилище русской словесности составляетъ одну изъ многочисленныхъ заслугъ почтеннаго профессора и поэта, подарившаго насъ прекраснымъ переводомъ изъ Одиссеи и нѣкоторыми оригинальными стихотвореніями въ гекзаметрахъ, задолго до появленія первыхъ отрывковъ изъ настоящаго преложенія Иліады.» Признаемся къ стыду нашему, мы не знаемъ ни одного оригинальнаго гекзаметрическаго стихотворенія г. Мерзлякова; на переводъ же Одиссеи ссылаться нельзя, хотя при первомъ изданіи его было сказано, что онъ переведенъ размѣромъ подлинника. Всякій, умѣющій скандовать стихъ, увидитъ, что помянутый отрывокъ переведенъ не древними гекзаметрами, а неровными амфибрахіями: то шестистопныя, то пятистопныя, и даже есть одинъ стихъ четырехстопный. Такъ неотчетливо привыкли и осуждать и хвалить въ нашихъ журналахъ. Такъ, въ Московскомъ же Вѣстникѣ прошлаго года, укоряли барона Дельвига, зачѣмъ онъ иногда въ пятой стопѣ гекзаметра замѣняетъ дактиль хореемъ. Баронъ Дельвигъ виноватъ въ этомъ только тѣмъ, что не зная правилъ своего критика, слѣдовалъ примѣру Гомера, Виргилія, Горація, Фосса, и правиламъ, изложеннымъ Германомъ, и другими европейскими учеными. Обратимся къ перегодамъ г. Мерзлякова. Гекзаметрами онъ переложилъ: изъ Иліады начало пѣсни VII-й единоборство Аякса и Гектора; изъ Каллимаха — Гимнъ Аполлону; изъ идилій Моска—Европа; изъ Овидіевыхъ Превращеній—Дафна, и Пирамъ и Тизбе. Если произведенія каждаго искусства вначалѣ должны носить на себѣ печать несовершенства, то сіи пьесы имѣютъ неотъемлемое право на первородство. Въ нихъ напрасно

lib.pushkinskijdom.ru

вы будете искать важной и вѣрной гармоніи Гомера, роскошнаго благозвучія Мосха, и до изысканности щеголеватыхъ стиховъ Овидія; въ нихъ вы замѣтите одно намѣреніе коекакъ высказать нечистымъ прозаическимъ языкомъ поэзію подлинника. Словомъ, если г. Гнѣдичъ и зналъ о сихъ опытахъ, то умолчалъ о нихъ по причинамъ понятнымъ. Онъ первый изъ русскихъ переводчиковъ съ древнихъ — чувствовалъ все достоинство своего подлинника и все неприличіе шутить надъ искусствомъ и своими читателями.

—

XII. О ЗАПИСКАХЪ ВИДОКА.

Въ одномъ изъ нумеровъ Литературной Газеты упоминали о Запискахъ парижскаго палача; нравственныя сочиненія Видока, полицейскаго сыщика, суть явленіе не менѣе отвратительное, не менѣе любопытное.

Представьте себѣ человѣка безъ имени и пристанища, живущаго ежедневными донесеніями, женатаго на одной изъ тѣхъ несчастныхъ, за которыми по своему званію обязанъ онъ имѣть присмотръ, отъявленнаго плута, столь же безстыднаго, какъ и гнуснаго, и потомъ вообразите себѣ, если можете, что́ должны быть нравственныя сочиненія такого человѣка.

Видокъ въ своихъ запискахъ именуетъ себя патріотомъ, кореннымъ французомъ (un bon français), какъ будто Видокъ можетъ имѣть какое нибудь отечество! Онъ увѣряетъ, что служилъ въ военной службѣ, и какъ ему не только дозволено, но и предписано всячески переодѣваться, то и щеголяетъ орденомъ почетнаго легіона, возбуждая въ кофейныхъ негодованіе честныхъ бѣдняковъ, состоящихъ на половинномъ жалованьѣ (officiers à la demi-solde). Онъ нагло хвастается дружбою умершихъ извѣстныхъ людей, находившихся въ сношеніи съ нимъ (кто молодъ не бывалъ? а Видокъ человѣкъ услужливый, дѣловой). Онъ съ удивительной важностью толкуетъ о хорошемъ обществѣ, какъ будто входъ въ оное можетъ ему быть дозволенъ, и строго разсуждаетъ объ извѣстныхъ писателяхъ, отчасти надѣясь на ихъ презрѣніе, отчасти по разсчету: сужденія Видока о Казимирѣ-де-ля-Винѣ, о Б. Констанѣ должны быть любопытны именно по своей нелѣпости.

Кто бы могъ повѣрить? Видокъ честолюбивъ. Онъ приходитъ въ бѣшенство, читая неблагосклонный отзывъ журналистовъ

lib.pushkinskijdom.ru

о его слогѣ (слогъ г-на Видока!). Онъ при семъ случаѣ пишетъ на своихъ враговъ доносы, обвиняетъ ихъ въ безнравственности и вольнодумствѣ, и толкуетъ (не въ штуку) о благородствѣ чувствъ и независимости мнѣній: раздражительность смѣшная во всякомъ другомъ писакѣ, но въ Видокѣ утѣшительная, ибо видимъ изъ нея, что человѣческая природа, въ самомъ гнусномъ своемъ униженіи, все еще сохраняетъ благоговѣніе передъ понятіями, священными для человѣческаго рода.

Предлагается важный вопросъ:

Сочиненія шпіона Видока, палача Самсона и проч. не оскорбляютъ ни господствующей религіи, ни правительства, ни даже нравственности въ общемъ смыслѣ этого слова; со всѣмъ тѣмъ, нельзя ихъ не признать крайнимъ оскорбленіемъ общественнаго приличія. Не должна ли гражданская власть обратить мудрое вниманіе на соблазнъ новаго рода, совершенно ускользнувшій отъ предусмотрѣнія законодательства?*

—

XIII. О ЛИЧНОСТЯХЪ ВЪ КРИТИКѢ.

Требуетъ ли публика извѣщенія, что такой-то журналистъ не хочетъ больше снимать шляпы передъ такимъ-то поэтомъ или прозаикомъ? Конечно нѣтъ; но журналистъ объ этомъ публикуетъ, чтобъ его товарищъ, получающій по пріязни даромъ листки его (къ которому бы не мѣшало ему лучше зайти мимоходомъ, да словесно объявить о томъ), узналъ эту важную для нихъ новость. Впрочемъ такія извѣщенія излагаются иногда съ нѣкоторою дипломатическою важностію. Въ одномъ московскомъ журналѣ вотъ какъ отзываются о книгѣ, въ которой собраны статьи разныхъ писателей. «Она не блеститъ именами знаменитаго созвѣздія русскихъ поэтовъ и прозаиковъ. Жалѣть ли объ этомъ? По крайней мѣрѣ мы не пожалѣемъ». Эти господа мы другъ друга вѣрно понимаютъ, но

---

* Статья эта напечатана въ № 20, а въ № 45 замѣчено, что Бестужевъ-Рюминъ въ «Сѣв. Звѣздѣ» увѣряетъ, будто половина стиховъ б. Дельвига писана Пушкинымъ, а другая Баратынскимъ, и что Булгаринъ въ «Сѣв. Пчелѣ» указываетъ, будто всѣ критическія статьи Лит. Газ. писаны или Пушкинымъ, или кн. Вяземскимъ. «Издателю Сѣверной Пчелы Лит. Газета кажется печальною: сознаемся, что онъ правъ, и печальнѣйшею статьею находимъ мнѣніе А. С. Пушкина о сочиненіяхъ Видока».

lib.pushkinskijdom.ru

довѣрчивому, скромному и благомыслящему читателю понять здѣсь нечего. Какъ можно не пожалѣть, что въ книгѣ нѣтъ ни одной статьи, написанной человѣкомъ съ отличнымъ талантомъ? Наконецъ всего смѣшнѣе, что и самъ критикъ, сначала обѣщавшій не жалѣть объ этомъ, признается послѣ, что въ этой книгѣ, которой ему не хотѣлось бы осуждать, нѣтъ ни одной статьи путной: въ 1-й статьѣ нѣтъ общности; во 2-й авторъ не умѣетъ разсказывать; 3-ю читать скучно; 4-я старая пѣсня; въ 5-й надоѣдаютъ офицеры съ своимъ питьемъ, ѣдою, чаемъ и трубками; 6-я перепечатана; 7-я тоже и такъ далѣе. Вотъ до какого противорѣчія доводятъ личности. Ужели названія порядочнаго и здравомыслящаго человѣка лишились въ наше время цѣны своей?

—

XIV. О НЕБЛАГОВИДНОСТИ НАПАДОКЪ НА ДВОРЯНСТВО.

Съ нѣкоторыхъ поръ журналисты наши упрекаютъ писателей, которымъ неблагосклонствуютъ, ихъ дворянскимъ достоинствомъ и литературною извѣстностію. Французская чернь кричала когда-то: les aristocrates à la lanterne! Замѣчательно, что и у французской черни крикъ этотъ былъ двусмысленъ и сначалъ въ одно время аристократію политическую и литературную. Подражаніе наше не дѣльно. У насъ въ Россіи государственныя званія находятся въ такомъ равновѣсіи, которое предупреждаетъ всякую ревнивость между ними. Дворянское достоинство въ особенности, кажется, ни въ комъ не можетъ возбуждать непріязненнаго чувства, ибо доступно каждому. Военная и статская служба, чины университетскіе легко выводятъ въ оное людей прочихъ званій. Ежели негодующій на преимущества дворянскія неспособенъ ни къ какой службѣ, ежели онъ не довольно знающъ, чтобы выдержать университетскіе экзамены, жаловаться ему не на что. Враждебное чувство его конечно извинительно, ибо необходимо соединено съ сознаніемъ собственной ничтожности; но выказывать его неблагоразумно. Что касается долитературной извѣстности, упреки въ оной отмѣнно простодушны. Извѣстный баснописецъ, желая объяснить одно изъ самыхъ жалкихъ чувствъ человѣческаго сердца, обыкновенно скрывающееся подъ какою нибудь личиною, написалъ слѣдующую басню:

lib.pushkinskijdom.ru

Со свѣтлымъ червячкомъ встрѣчается змѣя
И ядомъ вмигъ его смертельнымъ обливаетъ.
«Убійца!» онъ вскричалъ: «за что погибнулъ я!»
— Ты свѣтишь!—отвѣчаетъ.

Современники наши, кажется, желаютъ доказать намъ ребячество подобныхъ примѣненій, и червяковъ и козявокъ замѣнить лицами выразительными. Все это напоминаетъ эпиграмму (Баратынскаго), помѣщенную въ 32-мъ № Литературной Газеты:

«Онъ вамъ знакомъ. Скажите кстати:
Зачѣмъ онъ такъ не терпитъ знати?»
— Затѣмъ, что онъ не дворянинъ.
«Ага! нѣтъ дѣйствій безъ причинъ!
Но почему чужая слава
Его такъ бѣситъ?» — Потому,
Что славы хочется ему,
А на нее Богъ не далъ права;
Что не хвалилъ его никто,
Что плоскій авторъ онъ. «Вотъ что!»

—

XV. О ВЫХОДКАХЪ ПРОТИВЪ ЛИТЕРАТУРНОЙ АРИСТОКРАТІИ.

Новыя выходки противу такъ называемой литературной нашей аристократіи столь же недобросовѣстны, какъ и прежнія. Ни одинъ изъ извѣстныхъ писателей, принадлежавшихъ будто бы этой партіи, не думалъ величаться своимъ дворянскимъ званіемъ. Напротивъ, Сѣверная Пчела помнитъ, кто упрекалъ поминутно г-на Полеваго тѣмъ, что онъ купецъ, кто заступился за него, кто осмѣлился посмѣяться надъ феодальной нетерпимостію нѣкоторыхъ чиновныхъ журналистовъ. При семъ случаѣ замѣтимъ, что если большая часть нашихъ писателей дворяне, то сіе доказываетъ только, что дворянство наше (не въ примѣръ прочимъ) грамотное; этому смѣяться нечего. Если же бы званіе дворянина ничего у насъ не значило, то и это было бы вовсе не смѣшно. Но пренебрегать своими предками изъ опасенія шутокъ гг. Полеваго, Греча и Булгарина, непохвально, а не дорожить своими правами и преимуществами глупо. Недворяне (особливо не русскіе), позволяющіе себѣ насмѣшки на счетъ русскаго дворянства, болѣе извинительны. Но и тутъ шутки ихъ достойны порицанія. Эпиграммы демократическихъ писателей XVIII столѣтія (которыхъ впро-

lib.pushkinskijdom.ru

чемъ ни въ какомъ отношеніи сравнивать съ нашими невозможно) пріуготовили крики; «аристократовъ къ фонарю», и ни чуть не забавные куплеты съ припѣвомъ: «повѣсимъ ихъ, повѣсимъ». Avis au lecteur.

—

ПРОГРАММЫ СТАТЕЙ ДЛЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ.»

I. Что такое потомственное дворянство? Сословіе народа высшее, т. е. награжденное бо́льшими преимуществами касательно собственности и частной свободы.—Кѣмъ?—Народомъ или его представителями.—Съ какою цѣлью?—Съ цѣлью имѣть мощныхъ защитниковъ (народа), или близкихъ и непосредственныхъ къ властямъ представителей.—Какіе люди составляютъ сіе сословіе?—Люди, которые имѣютъ время заниматься чужими дѣлами.—Кто сіи люди?—Отмѣнные по своему богатству или образу жизни.—Почему такъ?—Богатство доставляетъ способъ не трудиться, а быть всегда готову по первому призыву du souverain; образъ жизни, т. е. не ремесленный или земледѣльческій, ибо все сіе налагаетъ на работника или земледѣльца различныя узы.—Почему такъ?—Земледѣлецъ зависитъ отъ земли, имъ обработанной, и болѣе всѣхъ неволенъ: ремесленникъ—отъ числа требователей торговыхъ, отъ мастеровъ и покупателей.—Нужно ли для дворянства пріуготовительное воспитаніе?—Нужно.—Чему учится дворянство?—Независимости, храбрости, благородству, чести вообще. — Не суть ли сіи качества природныя?—Такъ, но образъ жизни можетъ ихъ развить, усилить или задушить.—Нужны ли они въ народѣ, такъ же, напримѣръ, какъ трудолюбіе?—Нужны, и дворянство—la sauvegarde трудолюбиваго класса, которому некогда развивать сіи качества.

—

II. Что составляетъ дворянство въ республикѣ?—Богатые люди, которыми народъ кормится.—А въ государствѣ?—Военные люди, которые составляютъ войско государево.—Чѣмъ ко́нчается (погибаетъ) дворянство въ республикѣ?—Аристократіей правъ.—А въ государствѣ?—Рабствомъ народа. А. В.

—

III. Наслѣдственныя преимущества высшихъ классовъ общества суть условія ихъ независимости. Въ противномъ случаѣ классы эти становятся наемниками и несутъ ихъ обязанности.

lib.pushkinskijdom.ru

РАЗГОВОРЪ.

А.—Читалъ ты замѣчаніе въ «Литературной газетѣ», гдѣ сравниваютъ нашихъ журналистовъ съ демократическими писателями XVIII столѣтія?

Б.—Читалъ.

А.—Какъ же ты его находишь?

Б.—Довольно неумѣстнымъ.

А.—Конечно, иначе нельзя и думать. Какъ не стыдно литераторамъ обижать такимъ образомъ свою братію!..

Б.—Согласенъ.

А.—Русскіе журналисты не заслуживали такого унизительнаго сравненія.

Б.—А! такъ извини: я съ тобою не согласенъ.

А.—Какъ такъ?

Б.—Я было тебя не понялъ. Мнѣ показалось, что ты находишь обиженными демократическихъ писателей XVIII столѣтія, которыхъ (какъ очень хорошо сказано въ «Газетѣ»), съ нашими никакимъ образомъ сравнивать нельзя,—а между тѣмъ сравниваютъ.

А.—Да помилуй, эти французскіе писатели такіе люди, что Боже упаси! посмотри, какъ негодуютъ наши журналисты отъ одной мысли быть имъ уподобленными, этимъ господамъ.

Б.—Да кто же эти французскіе писатели, о коихъ упомянуто въ Литературной Газетѣ?

А.—А я почему знаю.

Б.—Такъ я же тебѣ ихъ назову. Добродѣтельный Томасъ, простодушный Дюкло, твердый Шамфоръ и другіе столь же умные, какъ и честные люди, не безпримѣрные геніи, но литераторы съ отличнымъ талантомъ.

А.—Зачѣмъ же обруганы они въ Литературной Газетѣ?

Б.—То-то я и говорю.

А.—Какъ можно печатать такую клевету? Умные и честные литераторы станутъ кричать: повѣсимъ ихъ, повѣсимъ! и—аристократовъ къ фонарю!

Б.—Извини, братъ. Опять было тебя не понялъ. Этого въ Газетѣ не сказано.

А.—Какъ не сказано? постой, она при мнѣ (вынимаетъ изъ кармана Газету). А, ты правъ, ты правъ. Сказано только, что эпиграммы ихъ пріуготовили крики etc.—Такъ неужто въ самомъ дѣлѣ эпиграммы пріуготовили французскую революцію?

lib.pushkinskijdom.ru

В.—О французской революціи Литературная Газета молчитъ, и хорошо дѣлаетъ.

А.—Помилуй, да посмотри: les aristocrates à la lanterne, повѣсить, ça ira и т. д.

Б.—И ты видишь тутъ французскую революцію?

А.—А ты что тутъ видишь, если смѣю просить?

Б.—Крики бѣшеной черни.

А.—А что значили эти крики?

Б.—Что тогдашняя чернь остервенилась противу дворянства и вообще противу всего, что не было чернь.

А.—Вотъ я тебя поймалъ: и отчего чернь остервенилась именно на дворянство?

Б.—Потому что съ нѣкоторыхъ поръ дворянство было ему представлено сословіемъ презрѣннымъ и ненавистнымъ.

А.—Слѣдственно я и правъ. Въ критикѣ: les aristocrates à la lanterne—вся революція.

Б.—Ты не правъ. Въ критикѣ: les aristocrates à la lanterne—одинъ жалкій эпизодъ французской революціи,—гадкая фарса въ огромной драмѣ.

А.—И честные и добрые писатели были тому причиною! Но если и въ самомъ дѣлѣ, то, ужъ конечно, неумышленно!

Б.—Вѣроятно.

А.—A propos, какого ты мнѣнія о Полиньякѣ?

Б.—Милый мой, ты знаешь, что о политикѣ я съ тобою никогда не говорю.

А.—Итакъ revenons à nos moutons, обратимся къ литераторамъ. Неужто въ самомъ дѣлѣ эпиграммы французскихъ писателей пріуготовили крики—les aristocrates à la lanterne?

Б.—Таково по крайней мѣрѣ мнѣніе Литературной Газеты.

А.—А твое мнѣніе? Нельзя узнать?

Б.—Экой лукавый! заманиваетъ опять меня въ политику: не узнаешь.

А.—И ты мнѣ не будешь отвѣчать?

Б.—Нѣтъ.

А.—Ну, такъ обратимся къ нашимъ литераторамъ. Читалъ ли ты, какъ отдѣлала Пчела всю Литературную Газету, издателя и сотрудниковъ за это замѣчаніе?

Б.—Нѣтъ еще.

А.—Такъ прочти же (даетъ ему журналъ).

lib.pushkinskijdom.ru

Б.—Что значутъ эти точки?

А.—Ахъ, я спрашивалъ: тутъ были ругательства ужасныя, да цензоръ не пропустилъ.

Б.—(Отдавая журналъ).—Жаль, въ этихъ ругательствахъ, можетъ быть, былъ смыслъ, а въ строкахъ печатныхъ нѣтъ.

А.—Вотъ тебѣ еще что-то. (Даетъ другой журналъ).

Б.—(Прочитавъ).—Тутъ и ругательства есть, а смысла все-таки не болѣе.

А.—Такъ ты, видно, стоишь за Литературную Газету. Давно ль ты сдѣлался аристократомъ?

Б.—Какъ аристократомъ? Что такое аристократъ?

А.—Что такое аристократъ? О, да ты журналовъ не читаешь. Вотъ видишь ли: издатель «Литературной Газеты» и сотрудники его, и читатели его—всѣ аристократы (разумѣется въ ироническомъ смыслѣ).

Б.—Воля твоя, я смысла тутъ никакого не вижу. Будучи самъ литераторъ, я читаю «Литературную Газету», ибо мнѣ любопытно знать ея мнѣнія; мнѣ досадно видѣть въ ней иногда личности и колкости, отвѣты, возраженія, мелочную войну, которую нехудо предоставить литературнымъ башкирцамъ; но никогда не видалъ я въ «Литературной Газетѣ» ни дворянской спеси, ни гоненія на другія сословія. Дворяне ли баронъ Дельвигъ, князь Вяземскій, Пушкинъ, Баратынскій и пр.,—мнѣ до этого и дѣла нѣтъ.* Они объ этомъ не толкуютъ. Заступясь за грамотное купечество въ лицѣ г. Полеваго, они сдѣлали хорошо; заступясь нынѣ за просвѣщенное дворянство, они сдѣлали еще лучше.

А.—Это замѣчаніе могло повредить невиннымъ.

Б.—Что—ты, шутишь или ты самъ невинный? Кто же сіи невинные?

А.—Какъ кто, издатели Сѣверной Пчелы.

Б.—Такъ успокойся же. Образъ мнѣній почтенныхъ издателей Сѣверной Пчелы слишкомъ хорошо извѣстенъ, и Литературная Газета повредить имъ не можетъ, а г. Полевой въ

---

* Сначала было: «баронъ Дельвигъ по своему титулу кажется дворянинъ, князь Вяземскій также,—если Пушкинъ происходитъ отъ тѣхъ Пушкиныхъ, коихъ имя встрѣчается на каждой страницѣ русской исторіи, то и онъ—старинный дворянинъ, но мнѣ до этого и дѣла нѣтъ.»

lib.pushkinskijdom.ru

ихъ компаніи, подъ ихъ покровительствомъ можетъ быть безопасенъ.

А.—Что значитъ: avis au lecteur? Къ кому это относится?.. Ты скажешь къ журналистамъ, а я такъ думаю: не къ цензурѣ ли?

Б.—Да хоть бы и къ цензурѣ—что за бѣда? Ужъ если существуетъ у насъ цензура, то нехудо оградить и сословія, какъ ограждены частныя лица, отъ явныхъ нападеній злонамѣренности. Позволяется и нужно нападать на пороки и слабости каждаго сословія, но смѣяться надъ сословіемъ потому только, что оно такое-то сословіе, а не другое, — нехорошо и непозволительно. И на кого журналисты наши нападаютъ? Вѣдь не на новое дворянство, получившее свое начало при императорѣ Петрѣ I и императрицахъ, и по большей части составляющее нашу знать, истинную, богатую, могущественную аристократію. Pas si bête! Наши журналисты передъ этимъ дворянствомъ вѣжливы до крайности; они нападаютъ именно на старинное дворянство, кое нынѣ, по причинѣ раздробленныхъ имѣній, составляетъ у насъ родъ средняго состоянія, состоянія почтеннаго, трудолюбиваго и просвѣщеннаго; состоянія, коему принадлежитъ и бо́льшая часть нашихъ литераторовъ. Издѣваться надъ нимъ (и еще въ оффиціальной газетѣ) нехорошо и даже неблагоразумно: положимъ, что эпиграммы демократическихъ французскихъ писателей пріуготовили крики: les aristocrates à la lanterne. У насъ таковыя же эпиграммы, хоть и не отличаются остроуміемъ, могутъ имѣть послѣдствія еще пагубнѣйшія... Подумай о томъ, что значитъ у насъ сіе дворянство вообще и въ какомъ отношеніи находится оно къ народу...

А.—Кажется ты правъ. Но почему же нѣкоторые журналы вступились съ такою братскою... и рѣзкостію за Сѣверную Пчелу?

Б.—Потому что свой своему по неволѣ братъ.

А.—Отчего же замѣчаніе газеты показалось сначала столь предосудительнымъ даже людямъ, самымъ благомыслящимъ и благороднымъ.

Б.—Потому что политическіе вопросы никогда не бывали у насъ разбираемы. Журналы наши, ненарочно наступивъ на одинъ изъ таковыхъ вопросовъ, сами испугались движенія ими произведеннаго. Нѣтъ пренія безъ двухъ противныхъ сторонъ;

lib.pushkinskijdom.ru

ты политикой занимаешься и это тебѣ понятно, не правда-ли?— Демократическіе наши журналы, напавъ на дворянство...

А.—Опять демократическіе журналы! Какой ты неблагонамѣренный.

Б.—Какъ же ты прикажешь назвать журналы, объявившіе себя противу аристократіи? Въ прямомъ или переносномъ смыслѣ, всетаки они демократическіе журналы. Итакъ эти журналы, нападая на дворянство, должны были найти отпоръ и нашли его въ Газетѣ Литературной. Все это естественно, даже утѣшительно, но, повторяю, вопросы политическіе для насъ еще новость...

А.—Знаешь ли что? Мнѣ хочется разговоръ нашъ передать издателю «Литературной Газеты», чтобъ онъ напечаталъ его себѣ въ оправданіе.

Б.—И хорошо сдѣлаешь. Есть обвиненія, которыя не должны быть оставлены безъ вниманія, отъ кого бы они впрочемъ ни происходили.

САМЪ СЪѢШЬ.

Симъ выраженіемъ въ энергическомъ нарѣчіи нашего народа замѣняется болѣе учтивое, но столь же затѣйливое выраженіе: «обратите это на себя». То и другое употребляется нецеремонными людьми, которые пользуются удачно, безъ церемоніи, шутками и колкостями своихъ же противниковъ. Самъ съѣшь—есть нынѣ главная пружина нашей журнальной полемики. Является колкое стихотвореніе, въ коемъ сказано, что Фебъ, усадивъ было такого-то, велѣлъ его послѣ вывести лаксю за дурной тонъ и заносчивость, нестерпимую въ хорошемъ обществѣ, и тотчасъ въ отвѣтъ явилась эпиграмма, гдѣ тоже самое пересказано немного похуже, съ надписью: самъ съѣшь.

Поэтъ вздумалъ описать любопытное собраніе букашекъ.— Самъ ты букашка, закричали бойко журналы,—и стихи твои букашки, и друзья твои букашки. Самъ съѣшь.

Гг. чиновные журналисты вздумали было напасть на одного изъ своихъ собратіевъ за то, что онъ не дворянинъ. Другіе литераторы позволили себѣ посмѣяться надъ нетерпимостью дворянъ-журналистовъ, осмѣлились спросить: кто сіи феодальные бароны, сіи незнакомые рыцари, гордо требующіе гербовъ

lib.pushkinskijdom.ru

и грамотъ отъ смиренной братьи нашей? Что же они въ отвѣтъ? Помолчавъ немного, гг. чиновные журналисты съ жаромъ возразили, что въ литературѣ дворянства нѣтъ, что чваниться своимъ дворянствомъ передъ своею братіею (особенно мѣщанамъ во дворянствѣ) уморительно смѣшно, что и настоящему дворянину 600-лѣтнія его грамоты не помогутъ въ плохой прозѣ или посредственныхъ стихахъ. Ужасное самъ съѣшь! Къ несчастію въ Литературной Газетѣ отыскали, кто были аристократическіе литераторы, открывшіе гоненіе на не дворянство. А публика-то что? Публика, какъ судія безпристрастный и благоразумный, всегда соглашается съ тѣмъ, кто послѣдній жалуется ей. Напримѣръ, въ сію минуту она покамѣстъ согласна съ нашимъ мнѣніемъ, т. е., что самъ съѣшь вообще показываетъ или мало остроумія или большую надѣянность на безпамятство читателей, и это фиглярство и недобросовѣстность унижаютъ почтенное званіе литераторовъ, какъ сказано въ китайскомъ анекдотѣ № 1.

ПОЛЕМИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

I.

Отчего издателя Литературной Газеты и его сотрудниковъ называютъ аристократами (разумѣется въ ироническомъ смыслѣ, пишутъ остроумно журналы)? Въ чемъ же состоитъ ихъ аристократія? Въ томъ ли, что они дворяне?—Нѣтъ: всѣ журналы побожились уже, что надъ званіемъ никто не имѣлъ и намѣренія смѣяться. Стало быть въ дворянской спеси?—Нѣтъ: въ Литературной Газетѣ доказано, что главные сотрудники оной одни и вооружились противу сего смѣшнаго чванства, и заставили чиновныхъ литераторовъ уважать собратіевъ мѣщанъ. Можетъ быть въ притязаніи на тонъ высшаго общества?—Нѣтъ; они стараются сохранить тонъ хорошаго общества, проповѣдаютъ сей тонъ и другимъ собратіямъ, но проповѣдаютъ въ пустынѣ. Не они поминутно находятъ одно выраженіе бурлацкимъ, другое — мужицкимъ, третье—неприличнымъ для дамскихъ ушей, и т. п.; не они гнушаются просторѣчіемъ и замѣняютъ его простомысліемъ . . . . ..; не они провозгласили себя опекунами высшаго общества, не они вѣчно пишутъ приторныя статейки. гдѣ стараются поддѣлаться подъ

lib.pushkinskijdom.ru

свѣтскій тонъ также удачно, какъ горничныя и камердинеры пересказываютъ разговоры своихъ господъ.

Не они comme un homme de noble race outrage et ne se bat pas; не они находятъ 600-лѣтнее дворянство мѣщанствомъ; не они печатаютъ свои портреты съ гербами весьма сомнительными; не они разбираютъ дворянскія грамоты и провозглашаютъ такого-то мѣщаниномъ, такого-то аристократомъ; не они толкуютъ вѣчно о будуарныхъ читательницахъ, о паркетныхъ дамахъ (?).—Отчего же они аристократы (разумѣется въ ироническомъ смыслѣ?).

II. ПРОТИВЪ БУЛГАРИНА.

Въ одной газетѣ (почти оффиціальной) сказано было, что прадѣдъ мой Абрамъ Петровичъ Ганнибалъ, крестникъ и воспитанникъ Петра Великаго, наперстникъ его (какъ видно изъ собственноручнаго письма Екатерины II), генералъ-аншефъ. отецъ Ганнибала, покорившаго Наваринъ (см. памятникъ, воздвигнутый въ Царскомъ Селѣ гр. Ѳ. Г. Орлову) и проч., былъ купленъ шкиперомъ за бутылку рому. Прадѣдъ мой, если былъ купленъ, то, вѣроятно, дешево, но достался онъ шкиперу, коего имя всякій русскій произноситъ съ уваженіемъ и не всуе.—Простительно выходцу не любить ни русскихъ, ни Россіи, ни исторіи ея, ни славы ея; но непростительно было бы намъ дозволять всякому выходцу клеветать, но не похвально ему за русскую ласку марать грязью священныя страницы нашихъ лѣтописей, поносить лучшихъ согражданъ и, не довольствуясь современниками, издѣваться надъ гробами праотцевъ.

III.

Голиковъ говоритъ, что онъ (Ганнибалъ) былъ камердинеромъ у государя, но что Петръ замѣтилъ въ немъ дарованіе и проч. Голиковъ ошибся. У Петра I не было камердинеровъ; прислуживали ему денщики, между прочими Орловъ и Р., родоначальники историческихъ фамилій.

IV.

Возвратясь изъ подъ Арзрума, написалъ я посланіе къ князю (Юсупову). Въ свѣтѣ оно тотчасъ было замѣчено и... были мною недовольны... Свѣтскіе люди имѣютъ въ высшей степени этого рода чутье. Одинъ журналистъ принялъ мое посланіе за лесть италіянскаго аббата,—а въ статейкѣ, заимствованной у

lib.pushkinskijdom.ru

М..., заставилъ вельможу звать меня по четвергамъ обѣдать.— Такъ-то чувствуютъ они вещи и такъ-то описываютъ свѣтскіе нравы.

V.

Въ одной газетѣ, оффиціальной, сказано было, что я мѣщанинъ во дворянствѣ. Справедливѣе было бы сказать, дворянинъ во мѣщанствѣ. Родъ мой одинъ изъ самыхъ старинныхъ дворянскихъ. Мы происходимъ отъ прусскаго выходца Радши или Рачи, человѣка знатнаго (мужа честна, говоритъ лѣтописецъ), пріѣхавшаго въ Россію во время княженія св. Александра Ярославича Невскаго (см. Русскія Лѣтописи и Исторію Государства Россійскаго). Отъ него произошли Пушкины, Мусины-Пушкины, Бобрищевы-Пушкины, Бутурлины, Мятлевы, Поводовы и другіе. Карамзинъ упоминаетъ объ однихъ Мусиныхъ-Пушкиныхъ (изъ учтивости покойному гр. Алексѣю Ивановичу). Въ маломъ числѣ знатныхъ родовъ, уцѣлѣвшихъ отъ кровавыхъ опалъ царя Ивана Васильевича Грознаго, исторіографъ именуетъ и Пушкиныхъ.

Въ царствованіе Бориса Годунова Пушкины были гонимы и явнымъ образомъ обижаемы въ спорахъ мѣстничества. Г. Г. Пушкинъ, тотъ самый, который выведенъ въ моей трагедіи, принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ лицъ той эпохи, столь богатой историческими характерами.* Другой Пушкинъ, во время междуцарствія, начальствуя отдѣльнымъ войскомъ, одинъ съ Измайловымъ, по словамъ Карамзина, сдѣлалъ честно свое дѣло. Четверо Пушкиныхъ подписались подъ грамотою о избраніи Романовыхъ на царство, а одинъ изъ нихъ, окольничій Матвѣй Степановичъ, подъ соборнымъ дѣяніемъ объ уничтоженіи мѣстничества (что мало дѣлаетъ чести его характеру). При Петрѣ они были въ оппозиціи, и одинъ изъ нихъ, стольникъ Ѳедоръ Алексѣевичъ, былъ замѣшанъ въ

* Въ рукописяхъ поэта еще 1827 года находится слѣдующая замѣтка: «О Гаврилѣ Григорьевичѣ Пушкинѣ.—Онъ передался самозванцу, былъ имъ съ Плещеевымъ посланъ возмущать Москву, пожалованъ имъ въ великіе сокольничіе (небывалый чинъ), находился потомъ думнымъ дворяниномъ (1616 г.) съ Мининымъ, получая 120 руб. окладу. Въ 1630 году находился въ томъ же чинѣ. 1 октября 1619 года у Срѣтенскихъ воротъ, съ Макс. Радиловымъ защищаетъ Москву противъ Владислава и Сагайдашнаго. Въ Вязьмѣ принимаетъ возвращающагося изъ плѣна Филарета; въ 1643 году онъ Елатомскимъ намѣстникомъ и посломъ въ Польшѣ (о границахъ).»

lib.pushkinskijdom.ru

заговорѣ Циклера и казненъ вмѣстѣ съ нимъ и съ Соковнинымъ. Прадѣдъ мой былъ женатъ на меньшой дочери адмирала графа Головина, перваго въ Россіи Андреевскаго кавалера и проч. Онъ умеръ очень молодъ и въ заточеніи, въ припадкѣ ревности или сумашествія зарѣзавъ свою жену, находившуюся въ родахъ. Единственный сынъ его, дѣдъ мой, Левъ Александровичъ, во время мятежа 1762 года остался вѣренъ Петру III и не хотѣлъ присягать Екатеринѣ, и былъ посаженъ въ крѣпость вмѣстѣ съ Измайловымъ (странны судьба и союзъ сихъ именъ), см. Рюліера и Кастера. Чрезъ два года выпущенъ по приказанію Екатерины, и всегда пользовался ея уваженіемъ. Онъ уже никогда не вступалъ въ службу и жилъ въ Москвѣ и въ своихъ деревняхъ. Вообще имя моихъ предковъ встрѣчается почти на каждой страницѣ нашей исторіи.

Нынѣ огромныя имѣнія Пушкиныхъ раздробились и пришли въ упадокъ; послѣднее родовое имѣніе скоро исчезнетъ, имя ихъ останется честнымъ, единственнымъ достояніемъ темныхъ потомковъ нѣкогда знатнаго боярскаго рода.

Я русскій дворянинъ и я зналъ своихъ предковъ прежде чѣмъ узналъ Байрона. Если быть стариннымъ дворяниномъ, значитъ подражать англійскому поэту, то сіе подражаніе весьма невольное. Но что есть общаго между привязанностію лорда къ своимъ феодальнымъ преимуществамъ и безкорыстнымъ уваженіемъ къ мертвымъ прадѣдамъ, коихъ минувшая знаменитость не можетъ доставить намъ ни чиновъ, ни покровительства. Ибо нынѣ знать нашу большею частью составляютъ роды новые, получившіе существованіе уже при императорахъ. Каковъ бы ни былъ образъ моихъ мыслей, никогда не раздѣлялъ я съ кѣмъ бы то ни было демократической ненависти къ дворянству. Оно всегда казалось мнѣ необходимымъ и естественнымъ сословіемъ всякаго образованнаго народа. Смотря около себя и читая старыя наши лѣтописи, я сожалѣлъ, видя, какъ древніе дворянскіе роды уничтожились, какъ остальные упадаютъ и исчезаютъ, какъ новыя фамиліи, новыя историческія имена, заступивъ мѣсто прежнихъ, уже падаютъ, ничѣмъ не огражденныя, и какъ имя дворянина, часъ отъ часу униженное, стало наконецъ въ притчу и въ посмѣяніе даже разночинцамъ, вышедшимъ въ дворяне и досужимъ (праздным журнальнымъ) балагурамъ.

Образованный французъ иль англичанинъ дорожитъ стро-

lib.pushkinskijdom.ru

кою стараго лѣтописца, въ которой упомянуто имя его предка, честнаго рыцаря, падшаго въ такой-то битвѣ или въ такомъ-то году возвратившагося изъ Палестины; но калмыки не имѣютъ ни дворянства, ни исторіи. Дикость, подлость и невѣжество не уважаетъ прошедшаго, пресмыкаясь передъ однимъ настоящимъ, и у насъ иной потомокъ Рюрика болѣе дорожитъ звѣздою двоюроднаго дядюшки, чѣмъ исторіей своего дома, т. е. исторіей отечества. И это ставите вы ему въ достоинство! —Конечно есть достоинства выше знатности рода, именно: достоинство личное, но я видѣлъ родословную Суворова, писанную имъ самимъ. Суворовъ не презиралъ своимъ дворянскимъ происхожденіемъ.

Имена Минина и Ломоносова вдвоемъ перевѣсятъ, можетъ быть, всѣ наши старинныя родословныя, но неужто потомству ихъ смѣшно было бы гордиться сими именами.

VI.

Одинъ изъ самыхъ великихъ нашихъ согражданъ сказалъ однажды мнѣ (онъ удостоивалъ меня своего вниманія и часто оспаривалъ мои мнѣнія), что если у насъ была бы свобода книгопечатанія, то онъ съ женой и дѣтьми уѣхалъ бы въ Константинополь. Все имѣетъ свою злую сторону,—и неуваженіе къ чести гражданъ и удобность клеветы суть однѣ изъ главнѣйшихъ невыгодъ свободы тисненія. У насъ, гдѣ личность ограждена цензурою, естественно нашли косвенный путь для личной сатиры, именно обиняки. Первымъ примѣромъ обязаны мы **, который въ своемъ журналѣ напечаталъ уморительный анекдотъ о двухъ китайскихъ журналистахъ, которыхъ судія наказалъ бамбуковою палкою за плутни, унижающія честное званіе литератора. Этотъ китайскій анекдотъ такъ насмѣшилъ публику и такъ понравился журналистамъ, что съ тѣхъ поръ, коль скоро газетчикъ прогнѣвался на кого нибудь, тотчасъ въ листахъ его является извѣстіе изъ-за границы (и большею частію изъ-за китайской), въ коемъ противникъ расписанъ самыми черными красками въ лицѣ какого нибудь вымышленнаго или безыменнаго писателя. Большею частью, китайскіе анекдоты, если не дѣлаютъ чести изобрѣтательности и остроумію сочинителя, то по крайней мѣрѣ достигаютъ цѣли своей по злости, съ каковой они написаны. Не узнавать себя въ пасквилѣ безыменномъ, но явно направленномъ, было бы малодушіемъ. Тотъ, о которомъ напечатаютъ, что человѣкъ та-

lib.pushkinskijdom.ru

кого-то званія, такихъ-то лѣтъ, такихъ-то примѣтъ, крадетъ напримѣръ, платки изъ кармановъ, — всетаки долженъ отозваться и вступиться за себя, конечно не изъ уваженія къ газетчику, но изъ уваженія къ публикѣ. Что за аристократическая гордость дозволять всякому негодяю швырять въ насъ грязью. Англійскій лордъ равно не отказывается и отъ поединка на кухенрейтерскихъ пистолетахъ съ учтивымъ джентльменомъ и отъ кулачнаго боя съ пьянымъ конюхомъ. Одинъ изъ нашихъ литераторовъ, бывшій, говорятъ, въ военной службѣ, отказывался отъ пистолетовъ подъ предлогомъ, что на своемъ вѣку онъ видѣлъ болѣе крови, чѣмъ его противникъ чернилъ. Отговорка забавная, но въ такомъ случаѣ, что прикажете дѣлать съ тѣмъ, который по выраженію Шатобріана, comme un homme de noble race, outrage et ne se bat pas. Однажды (оффиціально) напечаталъ кто-то, что такой-то французскій стихотворецъ, подражатель Байрону, печатающій критическія статьи въ Литературной Газетѣ, человѣкъ подлый и безнравственный, а что такой-то журналистъ человѣкъ умный, скромный, храбрый, служилъ съ честію сперва одному отечеству, потомъ другому. Фр. (стихотворецъ) отвѣчалъ подлинно такъ, что скромный и храбрый журналистъ объ двухъ отечествахъ, вѣроятно-долго будетъ его помнить. On en rit, j'en ris moi-même.

Въ другой газетѣ объявили, что я собою весьма неблагообразенъ, и что портреты мои слишкомъ льстивы. На эту личность я не отвѣчалъ, хотя она меня глубоко тронула.

VII.

Иной говоритъ: какое дѣло критику или читателю хорошъ ли я собой или дуренъ, старинный ли дворянинъ или изъ разночинцевъ, добръ ли или золъ, ползаю ли въ ногахъ сильныхъ или даже съ ними не кланяюсь, играю ли я въ карты и тому под.—Будущій мой біографъ, если Богъ пошлетъ мнѣ біографа, объ этомъ будетъ заботиться. А критику и читателю дѣло только до моихъ книгъ. — Сужденіе, кажется, поверхностное. Нападенія на писателя и оправданія, къ коимъ подаютъ они поводъ,—суть важный шагъ въ гласности преній о дѣйствіяхъ такъ называемыхъ общественныхъ лицъ (hommes publics), къ одному изъ главнѣйшихъ условій высокообразованныхъ обществъ; въ семъ отношеніи и писатели, справедливо заслуживающіе презрѣніе наше, ругатели и клеветники, приносятъ истинную пользу.

lib.pushkinskijdom.ru

Такимъ образомъ дружина ученыхъ и писателей стоитъ всегда впереди во всѣхъ набѣгахъ просвѣщенія, на всѣхъ приступахъ образованности. Не должно имъ малодушно негодовать, что вѣчно имъ опредѣлено выносить первые выстрѣлы и всѣ невзгоды, всѣ опасности ремесла.

Такимъ образомъ и возрастаетъ могущество общаго мнѣнія, на которомъ въ просвѣщенномъ народѣ основана чистота его нравовъ. Мало по малу образуется и уваженіе къ личной чести гражданина.

АЛЬМАНАШНИКЪ.

СЦЕНЫ.

(1830).

—

I.

Альманашникъ. Господи Боже мой! Вотъ уже четвертый мѣсяцъ живу въ Петербургѣ, таскаюсь по всѣмъ переднимъ, кланяюсь всѣмъ канцелярскимъ начальникамъ, а до сихъ поръ не могу получить мѣста. Я весь прожился, задолжалъ—я жъ отставной—того и гляди, въ яму посадятъ.

Пріятель. А по какой части собираешься служить?

Альманашникъ. Какой части? Господи Боже мой! Да развѣ я не русскій человѣкъ? Я на все гожусь. Разумѣется, хотѣлось бы мнѣ мѣстечко потеплѣе, но дѣло до петли доходитъ, теперь я и всякому былъ бы радъ.

Пріятель. Неужто у тебя нѣтъ таки ни единаго благодѣтеля?

Альманашникъ. Благодѣтеля! Господи Боже мой! Да въ каждомъ министерствѣ у меня по три благодѣтеля сидитъ: всѣ обо мнѣ хлопочутъ, всѣ обо мнѣ докладываютъ, а я все-таки безъ куска хлѣба.

Пріятель. Служба тебѣ, знать, не дается. Возьмись-ка за что нибудь другое.

Альманашникъ. А за что прикажешь?

Пріятель. Напримѣръ за литературу.

Альманашникъ. За литературу? Господи Боже мой! Въ сорокъ три года начать свое литературное поприще!

lib.pushkinskijdom.ru

Пріятель. Что за бѣда? А Руссо?

Альманашникъ. Руссо. вѣроятно, ни къ чему другому не былъ способенъ: онъ не имѣлъ въ виду быть виннымъ приставомъ. Да къ тому же онъ былъ человѣкъ ученый: а я учился въ *** университетѣ.

Пріятель. Что за бѣда? Затѣвай журналъ.

Альманашникъ. Журналъ! а кто же подпишется?

Пріятель. Мало ли кто? Россія велика, охотниковъ довольно.

Альманашникъ. Нѣтъ, братъ, нынче ихъ не надуешь: ихъ отучили. Всѣ говорятъ—деньги возьметъ, а журнала не выдастъ, или не додастъ. Кому охота судиться изъ тридцати пяти рублей?

Пріятель. Ну, такъ пиши романъ.

Альманашникъ. Господи Боже мой! написать романъ не шутка; пожалуй, я вамъ въ четыре мѣсяца отхвачу четыре тома, не хуже Орлова и Булгарина; но покамѣстъ успѣю съ голоду околѣть.

Пріятель. Знаешь ли что? Издай альманахъ.

Альманашникъ. Какъ такъ?

Пріятель. Вотъ какъ: выпроси у нашихъ литераторовъ по нѣскольку пьесъ, кой-что перепечатай, закажи въ долгъ виньетку, самъ выдумай заглавіе, да и тисни съ Богомъ!

Альманашникъ. Въ самомъ дѣлѣ! Да я ни съ кѣмъ изъ этихъ господъ не знакомъ.

Пріятель. Что нужды. Ступай себѣ къ нимъ; скажи, что ты юный питомецъ музъ впервые вступаешь на поприще славы и рѣшился издать альманахъ, а между тѣмъ просишь ихъ вспоможенія и покровительства.

Альманашникъ. А что ты думаешь? Ей Богу съ отчаянія готовъ и на альманахъ.

Пріятель. Совѣтую дѣла не откладывать.

Альманашникъ. Сегодня жъ начну свои визиты.

Пріятель. И дѣло! Желаю тебѣ всякаго успѣха.

II.

Кабинетъ стихотворца. Все въ большомъ безпорядкѣ. Посрединѣ столъ. Стихотворецъ и трое молодыхъ людей играютъ въ кости.

Стихотворецъ (гремя стаканчикомъ). Я въ рукѣ... Sept à la main... neuf... sacre-dieu... neuf et sept... neuf... мое! кто держитъ?

lib.pushkinskijdom.ru

Гость. Экое счастье: держу.

Стихотворецъ. Sept à la main... (про себя). Это кто?

Альманашникъ (входитъ и къ одному изъ гостей). Я давно желалъ имѣть счастіе представиться вамъ. Позвольте одному изъ усерднѣйшихъ вашихъ почитателей... ваши прекрасныя сочиненія...

Гость. Вы ошибаетесь: я кромѣ векселей ничего не сочиняю. Вотъ хозяинъ.

Альманашникъ. Позвольте одному изъ усерднѣйшихъ...

Стихотворецъ. Помилуйте!... Радуюсь, что имѣю честь съ вами познакомиться... садитесь, сдѣлайте милость.

Альманашникъ. Извините — вы заняты — я вамъ помѣшалъ.

Стихотворецъ. О, нѣтъ... мы будемъ продолжать... Sept à la main... trois крепсъ... Какое несчастіе! (Передаетъ кости).

Гость. Сто рублей à prendre.

Стихотворецъ. Держу. (Играютъ). Что за несчастіе! (Смотритъ косо на альманашника).

Альманашникъ. Я въ первый разъ выступаю на поприще славы и рѣшился издать альманахъ... Я надѣюсь, что вы....

Стихотворецъ. Пятую руку проходитъ — и всегда я попадусь.... Вы издаете альманахъ? Подъ какимъ заглавіемъ?... Прошло еще—нѣтъ, я болѣе не держу.

Альманашникъ. «Восточная звѣзда». Я надѣюсь, что вы не откажете украсить ее драгоцѣнными....

Стихотворецъ (беретъ стаканчикъ). Позвольте!... сто рублей à prendre.... Sept à la main.... Это удивительно! Первой руки пройти не могу (плюетъ и вертитъ стулъ). Несносный альманашникъ! онъ мнѣ принесъ несчастіе!

Альманашникъ. Надѣюсь, что вы не откажетесь украсить мой альманахъ своими драгоцѣннѣйшими произведеніями.

Стихотворецъ. Ей Богу, нѣтъ у меня стиховъ: всѣ разобраны журналистами, альманашниками.... Держу все.... Что? прошолъ опять; это непостижимо! Проклятый альманашникъ!

Альманашникъ (вставая). Позвольте надѣяться, что если будетъ у васъ свободная пьеска....

Стихотворецъ (провожая его до дверей). Отыщу непремѣнно и буду имѣть счастіе вамъ доставить.

lib.pushkinskijdom.ru

Альманашникъ. Повѣрьте, что крайность.... бѣдное положеніе.... жена и дѣти.

Стихотворецъ (выпроводивъ его). Насилу отвязался.... Экое дьявольское ремесло!

Гость. Чье? Твое или его?

Стихотворецъ. Ужъ вѣрно мое хуже.... отдавай стихи одному дураку въ альманахъ, чтобъ другой обругалъ ихъ въ журналѣ.... Жена и дѣти! Чортъ бы его взялъ. Человѣкъ, кто тамъ? (Входитъ слуга). Я говорилъ тебѣ—альманашниковъ не пускать.

Слуга. Да кто ихъ знаетъ, альманашникъ ли, нѣтъ ли?

Стихотворецъ. Дуракъ! Это по лицу видно.... Я въ рукѣ.... (Играютъ).

III.

Харчевня. Безстыдинъ (журналистъ) и Альманашникъ обѣдаютъ.

Безстыдинъ. Гей, водки!

Альманашникъ. Девятая рюмка!... И я за все плачу, а что толку?

Безстыдинъ. Увидишь, какъ пойдетъ нашъ альманахъ. Съ моей стороны даю тридцать четыре стихотворенія; подъ пятью подпишу А. П., подъ пятью другими Е. Б., подъ пятью еще К. П. В., остальныя пущу безъ подписи. Въ предисловіи буду благодарить господъ поэтовъ, присланныхъ намъ свои стихотворенія. Прозы у насъ вдоволь: лихое «Обозрѣніе словесности», гдѣ славно обруганы наши знаменитые писатели, наши аристократы—знаешь?

Альманашникъ. Никакъ нѣтъ-съ, не знаю....

Безстыдинъ. Не знаешь!... О, да ты видно журнала моего не читаешь. Вотъ видишь ли.... Аристократами... (разумѣется въ ироническомъ смыслѣ) называются тѣ писатели, которые съ нами не знаются, полагая, вѣроятно, что наше общество незавидное.... Мы было сперва того и не замѣтили, но уже съ годъ какъ спохватились и съ тѣхъ поръ ругаемъ ихъ на повалъ.... Теперь понимаешь....

Альманашникъ. Понимаю.

Безстыдинъ. Водки!... Эти аристократы.... (разумѣется, говорю въ ироническомъ смыслѣ)... вообразили себѣ, что насъ въ хорошее общество не пускаютъ.... Желалъ бы я посмотрѣть, кто меня не впуститъ; чѣмъ я хуже другаго. Ты смотришь на мое платье....

lib.pushkinskijdom.ru

Альманашникъ. Никакъ нѣтъ, ей Богу.

Безстыдинъ. Оно немного поношено, меня обманули на вшивомъ рынкѣ. Къ тому же я не стану франтить въ харчевнѣ, а на балахъ я великой щеголь.... Это моя слабость.... Если бъ ты видѣлъ меня на балахъ.... я славно танцую.... я танцую французскую кадриль.... Ты не вѣришь. (Встаетъ шатаясь и танцуетъ). Каково?

Альманашникъ. Прекрасно! (Безст. зацѣпляетъ стаканъ и роняетъ его).... Боже мой, стаканъ въ дребезгахъ.... Его поставятъ на счетъ.... и еще граненый.

Безстыдинъ. Какъ на счетъ.... его склеятъ... вотъ и все (подбираетъ стекло и подаетъ).

Альманашникъ (расплачивается охая, выводитъ его подъ руку). Онъ на ногахъ не стоитъ. Такъ и быть, взять извощика.

Безстыдинъ. Сдѣлай одолженіе.... посади меня верхомъ.... а самъ садись поперекъ.... да поѣдемъ по Невскому.... Люблю франтить.... это моя слабость....

Альманашникъ. И вотъ моя послѣдняя опора!... Господи, Боже мой!

IV.

Альманашникъ въ передней сочинителя.

Альманашникъ. Можно видѣть барина?

Слуга. Никакъ нѣтъ, онъ ночиваетъ.

Альманашникъ. Какъ, въ 12 часовъ?

Слуга. Онъ возвратился съ балу въ 6-мъ часу.

Альманашникъ. Да когда же его можно застать?

Слуга. Да почти никогда.

Альманашникъ. Когда же ващъ баринъ сочиняетъ?

Слуга. Не могу знать.

Альманашникъ. Экое несчастіе!... Доложи своему барину, что приходилъ рекомендоваться.... Да скажи, не знаешь ли ты какого нибудь сочинителя?...

lib.pushkinskijdom.ru

ДѢТСКАЯ КНИЖКА

(1830).

—

I. ВѢТРЕНЫЙ МАЛЬЧИКЪ.

(Н. А. Полевой).

Алеша былъ очень не глупый мальчикъ, но слишкомъ вѣтренъ и заносчивъ. Онъ ни чему не хотѣлъ порядочно учиться. Когда учитель ему за это выговаривалъ, то онъ старался оправдаться разными увертками. Когда учитель бранилъ его за французскіе и нѣмецкіе вокабулы, то онъ отвѣчалъ, что онъ русскій, и что уже знаетъ Шеллинга, Фихте, Кузеня, Геерена, Нибура, Шлегеля, и проч. Латинскій языкъ, по его мнѣнію, вышелъ совсѣмъ изъ употребленія, а русской грамматикѣ не хотѣлъ онъ учиться потому, что недоволенъ былъ изданною для народныхъ училищъ и ожидалъ новой философической, хотя логика казалась ему наукою прошлаго лѣта, недостойною нашихъ просвѣщенныхъ временъ. Что же? При всемъ своемъ умѣ и способностяхъ Алеша прослылъ невѣждою, всѣ его товарищи надъ нимъ смѣялись.

—

II. МАЛЕНЬКІЙ ЛЖЕЦЪ.

(М. П. Бестужевъ-Рюминъ).

Павлуша былъ опрятный, добрый, примѣрный мальчикъ, но имѣлъ большой порокъ: онъ не могъ сказать трехъ словъ, чтобъ не солгать. Папенька въ его именины подарилъ ему деревянную лошадку. Павлуша увѣрялъ, что его лошадка принадлежала Карлу XII и была та самая, на которой онъ ускакалъ изъ Полтавскаго сраженія. Павлуша увѣрялъ, что въ домѣ его родителей находится поваренокъ — астрономъ, форрейторъ — историкъ, и что птичникъ Прошка — сочиняетъ стихи лучше Ломоносова. Сначала всѣ товарищи ему вѣрили, но скоро догадались и никто уже не хотѣлъ ему вѣрить и тогда, когда случалось ему сказать и правду

—

lib.pushkinskijdom.ru

III. ИСПРАВЛЕННЫЙ ЗАБІЯКА.

(Н. И. Надеждинъ).

Ванюша, сынъ приходскаго дьячка, былъ ужасный шалунъ. Цѣлый день проводилъ онъ на улицѣ съ мальчиками, валяясь съ ними въ грязи и марая свое праздничное платье. Когда проходилъ мимо ихъ порядочный человѣкъ, Ванюша показывалъ ему языкъ, бѣгалъ за нимъ и изо всѣхъ силъ кричалъ: «пьяница, уродъ, развратникъ, зубоскалъ, писака, безбожникъ!»—и кидалъ въ него грязью. Однажды степенный человѣкъ, имъ замаранный, разсердился, и, поймавъ его за вихоръ, больно побилъ его тросточкою. Ванюша въ слезахъ побѣжалъ жаловаться своему отцу. Старый дьячекъ сказалъ ему: «подѣломъ тебѣ, негодяй; дай Богъ здоровья тому, кто не побрезгалъ поучить тебя.» Ванюша сталъ очень печаленъ, и почувствовавъ свою вину, исправился.

О ЖУРНАЛЬНОЙ КРИТИКѢ И ПОЛЕМИКѢ.

I.

Отдавая полную справедливость благонамѣренности и безпристрастію вашей «Газеты,» признаюсь не могъ я согласиться съ мнѣніями, которыя обнаруживаетъ она касательно критики и полемики.

Во первыхъ, что значатъ вѣчные толки о вѣжливости? Если бы критики нашихъ журналовъ погрѣшали единой только грубостію, то бѣда была бы еще небольшая...

Вы помянутно говорите о приличіи журнала, но позвольте дать замѣтить, что и газета, стараясь быть равно учтива и важна въ отношеніи ко всѣмъ книгамъ, ею разбираемымъ, безъ сомнѣнія погрѣшала бы противу правилъ приличія, какъ и прочіе наши журналы. Вы въ обществѣ локтемъ задѣли вашего сосѣда, вы извиняетесь,—очень хорошо; но гуляя, въ толпѣ, подъ качелями, толкнули лавочника,—вы не скажете ему: mille pardon. Вы зовете извозчика и говорите ему—пошолъ въ Коломну, а не—сдѣлайте одолженіе, потрудитесь свезти въ Коломну. Разница—критиковать Исторію Государства Россійскаго и напр.***

У насъ вошло въ обыкновеніе между писателями, заслужившими довѣренность и уваженіе публики, не возражать на

lib.pushkinskijdom.ru

критики. Рѣдко кто изъ нихъ подаетъ голосъ и то не за себя. Обыкновеніе вредное для литературы. Такія антикритики имѣли бы двойную пользу: исправленіе ошибочныхъ мнѣній и распространеніе здравыхъ понятій касательно искусства. Вы скажете, что по большей части журнальная критика заключается въ личностяхъ и брани, что публика, etc.

Возразятъ, что иногда нападающее лицо, само по себѣ, такъ презрительно, что честному человѣку никакъ нельзя войти въ сношеніе съ нимъ, не марая себя. Въ такомъ случаѣ объяснитесь, извинитесь передъ публикою. Видокъ васъ обругалъ, изъяснитесь, почему вы никоимъ образомъ отвѣчать ему не намѣрены. Въ этомъ отношеніи мнѣ нравится одна изъ статей вашего журнала, какъ доброе дѣло...

II.

Нѣкоторые писатели ввели обыкновеніе весьма вредное литературѣ: не отвѣчать на критики. Рѣдко кто изъ нихъ отзовется и подастъ голосъ, и то не за себя. Развѣ и впрямъ они гнушаются своимъ братомъ-литераторомъ?... Если они принадлежатъ хорошему обществу, какъ благовоспитанные и порядочные люди, то это статья особая и литературы не касается... Одинъ писатель извинялся тѣмъ, что-де съ нѣкоторыми людьми неприлично связываться человѣку, уважающему себя и общее мнѣніе, что разница-де между споромъ и дракой, что наконецъ никто-де не въ правѣ требовать, чтобъ человѣкъ разговаривалъ съ кѣмъ не хочетъ разговаривать. Все это не отговорка. Если уже ты пришелъ на сходку, то не прогнѣвайся—какова компанія, таковъ и разговоръ; если шалунъ швырнетъ въ тебя грязью, то смѣшно вызывать его биться на шпагахъ, а не поколотить его просто; а если ты будешь молчать съ человѣкомъ, который съ тобой разговариваетъ, то это съ твоей стороны обида и недостойная гордость...*

Первая замѣтка сообщена по рукописямъ г. Якушкинымъ, а вторая (сквозная) была напечатана г. Анненковымъ, вѣроятно, имѣвшимъ другой, нынѣ утраченный, оригиналъ.

lib.pushkinskijdom.ru

III. РАЗГОВОРЫ О ПОЛОЖЕНІИ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ.

1.

А. Читали вы въ послѣднемъ № Г..... (?) критику NN.?

В. Нѣтъ я не читаю русской критики.

А. Напрасно. Ничто иное не дастъ вамъ лучшаго понятія о состояніи нашей литературы.

В. Какъ! Неужели вы полагаете, что журнальная критика есть окончательный судъ произведеніямъ нашей словесности?

А. Ни мало. У насъ никогда критика не имѣетъ почти никакого вліянія на судьбу какого нибудь произведенія. Но она даетъ понятіе объ отношеніяхъ писателей между собою, о большей или меньшей ихъ извѣстности, наконецъ о мнѣніяхъ господствующихъ въ публикѣ.

В. Мнѣ не нужно читать Вѣстникъ Европы, чтобы знать, что́ находится... въ модѣ, и что романтической поэзіи у насъ никто не понимаетъ. Что же касается до отношеній г. Рамча къ г. Полевому, г. Каченовскаго къ г. Булгарину—это вовсе нелюбопытно.

А. Однако жъ иногда забавно.

В. Вамъ нравятся кулачные бойцы?

А. Почему же нѣтъ? Державинъ ихъ воспѣлъ. Наши бояре ими тѣшились. Мнѣ столь же нравится кн. Вяземскій въ схваткѣ съ какимъ нибудь занощивымъ журнальнымъ буяномъ, какъ гр. Орловъ въ бою съ ямщикомъ. Это черты народности.

В. Вы упомянули о кн. Вяземскомъ; признайтесь, что изъ высшей литературы онъ одинъ пускается въ полемику.

А. Позвольте... что вы называете высшей литературой?

2.

А. Тѣмъ хуже для литературы... Если бы всѣ писатели, заслуживающіе уваженіе, довѣренность публики, взяли на себя трудъ управлять общимъ мнѣніемъ, то вскорѣ критика сдѣлалась бы не тѣмъ, чѣмъ она есть. Не любопытно ли было бы, напримѣръ, читать мнѣнія Гнѣдича или К... объ нынѣшней элегической поэзіи? Не пріятно ли было бы видѣть Пушкина, разбирающаго трагедію Хомякова? Эти господа въ связи между собою и, вѣроятно, другъ другу передаютъ взаимныя замѣчанія о новыхъ произведеніяхъ. Зачѣмъ не сдѣлать и насъ участниками въ ихъ критическихъ бесѣдахъ?

lib.pushkinskijdom.ru

В. Публика довольно равнодушна къ успѣхамъ словесности—истинная критика для нея незанимательна, она изрѣдка смотритъ на драку двухъ журналистовъ, мимоходомъ слушаетъ монологъ раздраженнаго автора или пожимаетъ плечами.

А. Воля ваша, я останавливаюсь, смотрю и слушаю до конца, аплодирую тому, кто сбилъ своего противника. Если бъ я былъ авторъ, то почелъ бы за малодушіе не отвѣчать на нападеніе, какого бы оно роду ни было. Что за аристократическая гордость позволять всякому уличному шалуну метать въ тебя грязью! Посмотрите на англійскаго лорда: онъ готовъ отвѣчать на учтивый вызовъ gentleman и стрѣляться на кухенрейтерскихъ пистолетахъ—или снять съ себя фракъ и box'овать на перекресткѣ съ извощикомъ. Это настоящая смѣлость. Но мы и въ литературѣ и въ общественномъ быту слишкомъ чопорны, слишкомъ дамоподобны.

В. Критика не имѣетъ у насъ никакой самостоятельности; вѣроятно, и писатели вашего круга не читаютъ русскихъ журналовъ и не знаютъ, хвалятъ ли ихъ или бранятъ.

А. Извините, Пушкинъ читаетъ всѣ №№ Вѣстника Европы, гдѣ его ругаютъ, что значитъ. по его энергическому выраженію, — подслушивать у дверей, что говорится объ немъ въ прихожей.

В. Куда какъ любопытно!

А. Любопытство по крайней мѣрѣ очень понятное. Пушкинъ и отвѣчаетъ эпиграммами.

В. Но сатира не критика, эпиграмма не опроверженіе. Я хлопочу о пользѣ словесности, не только о вашемъ удовольствіи.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

(октябрь и ноябрь 1830).

> Сколько ни удаленъ я моими привычками и правилами отъ полемики всякаго рода, но еще не отрекся я совершенно отъ права самозащищенія.
>
> Southey.

Будучи русскимъ писателемъ, я всегда почиталъ долгомъ слѣдовать за текущей литературой и всегда читалъ съ особеннымъ вниманіемъ критики, коимъ подавалъ я поводъ. Чисто-

lib.pushkinskijdom.ru

сердечно признаюсь, что похвалы трогали меня, какъ явные и вѣроятно искренніе знаки благосклонности и дружелюбія. Читая разборы самые непріязненные, смѣю сказать, что всегда старался войти въ образъ мыслей моего критика и слѣдовать за его сужденіями, не отвергая оныхъ съ самолюбивымъ нетерпѣніемъ, но желая съ нимъ согласиться со всевозможнымъ авторскимъ себябереженіемъ, къ несчастію замѣчалъ я, что по большей части мы другъ друга не понимали. Что касается до критическихъ статей, написанныхъ съ одною цѣлію оскорбить меня какимъ бы то ни было образомъ, скажу только, что онѣ очень сердили меня, по крайней мѣрѣ въ первыя минуты, и слѣдственно сочинители оныхъ могутъ быть довольны, удостовѣрясь, что труды ихъ не пропали.

Если въ теченіе 16-лѣтней авторской жизни я никогда не отвѣчалъ ни на одну критику (не говорю ужъ о ругательствахъ), то сіе происходило конечно не изъ презрѣнія.

Состояніе критики само по себѣ доказываетъ степень образованности всей литературы вообще. Если приговоры журналовъ нашихъ достаточны для насъ, то изъ сего слѣдуетъ, что мы не имѣемъ еще нужды ни въ Шлегеляхъ, ни даже въ Лагарпахъ. Презирать критику значило бы презирать публику (чего Боже сохрани!). Какъ наша словесность съ гордостію можетъ выставить передъ Европою Исторію Карамзина, нѣсколько одъ, нѣсколько басенъ, поэмъ, переводъ Иліады, нѣсколько цвѣтовъ элегической поэзіи, такъ и наша критика можетъ представить нѣсколько отдѣльныхъ статей, исполненныхъ свѣтлыхъ мыслей и важнаго остроумія. Но онѣ являлись отдѣльно, въ разстояніи одна отъ другой, и не получили еще ни вѣса и постояннаго вліянія. Время ихъ еще не приспѣло.

Не отвѣчалъ я моимъ критикамъ не потому также, чтобъ недоставало во мнѣ веселости и педантства, не потому, чтобъ я не полагалъ въ сихъ критикахъ никакого вліянія на читающую публику: мнѣ совѣстно было идти судиться передъ публикою и стараться насмѣшить ее (къ чему ни малѣйшей не имѣю склонности); мнѣ было совѣстно, для опроверженія критикъ, повторять школьныя или пошлыя истины, толковать объ азбукѣ, риторикѣ; оправдываться тамъ, гдѣ не было обвиненій, а что всего затруднительнѣе—важно говорить: Et moi je vous soutiens que mes vers sont très bons. Напримѣръ, одинъ изъ моихъ критиковъ, человѣкъ впрочемъ добрый и благонамѣренный, разбирая кажется Полтаву, выставилъ нѣсколько отрывковъ и вмѣсто всякой критики увѣрялъ, что таковые стихи

lib.pushkinskijdom.ru

сами себя дурно рекомендуютъ. Что бы могъ я отвѣтить ему на это! А такъ поступали почти всѣ его товарищи, ибо критики наши говорятъ обыкновенно: хорошо потому, что прекрасно; а это дурно потому, что скверно. Отселѣ ихъ никакъ не выманишь.

Еще причина, и главная: лѣность. Никогда не могъ я до того разсердиться на непонятливость или недобросовѣстность, чтобъ взять перо и приняться за возраженія и доказательства. Нынче, въ несносные часы карантиннаго заключенія, не имѣя съ собою ни книгъ, ни товарищей, вздумалъ я, для препровожденія времени, писать возраженія не на критики (на это никакъ не могу рѣшиться), но на обвиненія нелитературныя, которыя нынче въ большой модѣ. Смѣю увѣрить моего читателя (если Господь пошлетъ мнѣ читателя), что глупѣе сего занятія отъ роду ничего не могъ я выдумать.

2 октября (1830). Болдино.

*

О Цыганахъ одна дама замѣтила, что во всей поэмѣ одинъ только честный человѣкъ, и то медвѣдь. Покойный Рылѣевъ негодовалъ, зачѣмъ Алеко водитъ медвѣдя и еще собираетъ деньги съ глазѣющей публики. Вяземскій повторилъ то же замѣчаніе. (Рылѣевъ просилъ меня сдѣлать изъ Алеко хоть кузнеца, что было бы не въ примѣръ благороднѣе). Всего бы лучше сдѣлать изъ него чиновника или помѣщика, а не цыгана. Въ такомъ случаѣ, правда не было бы и всей поэмы; me tanto meglio. *

*

Между прочими литературными обвиненіями, укоряли меня слишкомъ дорогою цѣною Евгенія Онѣгина и видѣли въ ней ужасное корыстолюбіе. Это хорошо говорить тому, кто отъ роду сочиненій своихъ не продавалъ, или чьи сочиненія не продавались; но какъ могли повторять то же милое обвиненіе издатели Сѣверной Пчелы? Цѣна установляется не писателемъ, а книгопродавцами. Въ отношеніи стихотвореній, число требователей ограниченно. Оно состоитъ изъ тѣхъ лицъ, которыя платятъ по пяти рублей за мѣсто въ театрѣ. Книгопродавцы, купивъ, положимъ, цѣлое изданіе по рублю экземпляръ, все-

* За этимъ слѣдуетъ замѣтка «Борисъ Годуновъ», см. выше, стран. 76, № VIII.

lib.pushkinskijdom.ru

такі продавали бъ по пяти рублей. Правда, въ такомъ случаѣ авторъ могъ бы приступить ко второму, дешовому изданію, но книгопродавецъ могъ бы тогда самъ понизить свою цѣну, и такимъ образомъ уронить новое изданіе. Эти торговые обороты намъ, мѣщанамъ-писателямъ, очень извѣстны. Мы знаемъ, что дешевизна книги не доказываетъ безкорыстіе автора, но или большое требованіе оной, или совершенную остановку оной въ продажѣ. Спрашиваю: что выгоднѣе: напечатать 20,000 экземпляровъ книги и продать по 50 коп., или напечатать 200 экземпляровъ и продать по 50 рублей.

Цѣна послѣдняго изданія басенъ Крылова, во всѣхъ отношеніяхъ самаго народнаго нашего поэта (le plus national et le plus populaire), не противорѣчитъ нами сказанному. Басни (какъ и романы) читаетъ и литераторъ, и купецъ, и свѣтскій человѣкъ, и дамы, и горничныя, и дѣти. Но стихотвореніе лирическое читаетъ только любитель поэзіи. А много ли ихъ?

*

У насъ довольно трудно самому автору узнать впечатлѣніе, произведенное въ публикѣ сочиненіемъ его. * Отъ журналовъ узнаетъ онъ только мнѣніе издателей, на которое положиться невозможно по многимъ причинамъ. Мнѣніе друзей, разумѣется, пристрастно, а незнакомые, конечно не станутъ ему въ глаза бранить его произведеніе, хотя бы оно того и стоило.

При появленіи VII пѣсни Онѣгина журналы вообще отозвались объ ней весьма неблагосклонно. Я бы охотно имъ повѣрилъ, если бы ихъ приговоръ не слишкомъ ужъ противорѣчилъ тому, что говорили они о прежнихъ главахъ моего романа. Послѣ неумѣренныхъ и незаслуженныхъ похвалъ, коими осыпали шесть частей одного и того же сочиненія, странно было мнѣ читать неумѣренную брань и личности, которыми такъ называемые, судіи наши встрѣтили седьмую. **

---

* Эта статья должна была, по первоначальному предположенію, составить предисловіе къ двумъ послѣднимъ главамъ «Онѣгина», какъ значится въ подписи ея: «21 ноября 1830 года, Болдино. Предисловіе къ Ев. Онѣгину»,— но не явилась тогда въ печати за уничтоженіемъ одной главы романа.

** Послѣдняя фраза вставлена Жуковскимъ, а у Пушкина было: «странно было мнѣ читать напримѣръ слѣдующій отзывъ»... но отзывъ не выписанъ. Въ немъ дѣло шло о сравненіи Е. О. съ плохой поэмой «Евгеній Вельскій», на что указываетъ выноска, заготовленная Пушкинымъ: «Евгеній Вельскій. Прошу извиненія у неизвѣстнаго мнѣ поэта, если принимаю смѣлость повторить эту

lib.pushkinskijdom.ru

Въ одномъ изъ нашихъ журналовъ сказано было, что VII глава не могла имѣть никакого успѣха, ибо нашъ вѣкъ и Россія идутъ впередъ, а стихотворецъ остается на прежнемъ мѣстѣ. Рѣшеніе несправедливое (т. е. въ его заключеніи). Вѣкъ можетъ идти себѣ впередъ, и науки, философія и гражданственность могутъ усовершенствоваться и измѣняться, но поэзія остается на одномъ мѣстѣ: цѣль ея одна, средства тѣ же Поэтическое произведеніе можетъ быть слабо, неудачно, ошибочно—виновато ужъ вѣрно дарованіе стихотворца, а не вѣкъ, ушедшій отъ него впередъ.

Произведенія великихъ поэтовъ остаются свѣжи и вѣчно юны—и между тѣмъ, какъ великіе представители старинной астрономіи, физики, медицины и философіи одинъ за другимъ старѣютъ и одинъ другому уступаютъ мѣсто, одна поэзія остается на своемъ неподвижно и никогда не теряетъ своей младости.

Вѣроятно, критикъ хотѣлъ сказать, что Евгеній Онѣгинъ и весь его причетъ уже не новость для публики, и что онъ надоѣлъ и ей, какъ журналистамъ.

Какъ бы то ни было, рѣшусь искусить терпѣніе. Вотъ еще двѣ главы Евгенія Онѣгина—послѣднія, по крайней мѣрѣ для печати. Тѣ, которые стали бы въ нихъ искать занимательности происшествій, могутъ быть увѣрены, что въ нихъ еще менѣе дѣйствія, нежели во всѣхъ предшествовавшихъ. Осьмую главу я хотѣлъ было вовсе уничтожить и замѣнить одной римскою цифрою, но побоялся критики, къ тому же многіе отрывки изъ оной были уже напечатаны.

Мысль, что шутливую пародію можно признать за неуваженіе къ великой и священной памяти также удерживала меня. Но (Ч. Н.) стоитъ на такой высотѣ, что какимъ бы тономъ о немъ ни говорили, мысль оскорбить его не могла во мнѣ родиться.—21 ноября 1830. Болдино. Предисловіе къ Евгенію Онѣгину.

грубость. Судя по отрывкамъ изъ его поэмы, я ничуть не полагаю для себя обиднымъ, если находятъ Евгенія Онѣгина ниже Евгенія Вельскаго.» — «2 замѣч. Стихи очень хороши, но въ нихъ заключающаяся критика неосновательна. Самый ничтожный предметъ можетъ быть избранъ стихотворцемъ, критикѣ нѣтъ нужды разбирать, что стихотворецъ описываетъ, но какъ описываетъ.» Ср. «Атеней» 1828, № 11, стр. 303—306.

lib.pushkinskijdom.ru

Мы такъ привыкли читать ребяческія критики, что онѣ даже насъ и не смѣшатъ. Сравнивая Шекспира съ Байрономъ, недавно одинъ изъ нашихъ критиковъ считалъ по пальцамъ: гдѣ болѣе мертвыхъ? * Но что сказали бы мы, прочитавъ, напримѣръ, слѣдующій разборъ Федры, если бъ къ несчастію написалъ ее русскій и въ наше время? Извольте. «Нѣтъ ничего отвратительнѣе предмета, избраннаго г-мъ сочинителемъ. женщина замужняя, мать семейства. влюблена въ молодаго олуха, побочнаго сына ея мужа (!!!!). Какое неприличіе! Она не стыдится въ глаза ему признаваться въ развратной страсти своей (!!!!). Сего не довольно: сія фурія, употребляя во зло глупую легковѣрность супруга своего, взноситъ на невиннаго Ипполита гнусную небывальщину, которую, изъ уваженія къ нашимъ читательницамъ, не смѣемъ объяснить (!!!!). Злой старичишка, не входя въ обстоятельства, не разобравъ дѣла, проклинаетъ своего собственнаго сына (!!); Федра отравливается; ея гнусная напересница утопляется и только. Вотъ что пишутъ, не краснѣя, писатели, которые, и проч. (тутъ личности и ругательства). Вотъ до какого разврата дошла у насъ литература, кровожадная, развратная вѣдьма съ прыщиками на лицѣ! Шлюсь на совѣсть самихъ критиковъ!».

Но должно ли и можно ли серьезно отвѣчать на таковыя критики, хотя бъ онѣ были писаны и по-латыни? Не такъ ли. хотя и болѣе кудрявымъ слогомъ, разбираютъ онѣ каждый день сочиненія, конечно не равныя достоинствомъ произведеніямъ Расина, но вѣрно ничуть не предосудительнѣе оныхъ въ нравственномъ отношеніи? А пріятели называютъ этотъ вздоръ глубокомысліемъ.

Если бъ Недоросль, сей единственный памятникъ народной сатиры, явился въ наше время, то въ нашихъ журналахъ, посмѣясь надъ правописаніемъ Фонъ-Визина, съ ужасомъ замѣтили бы, что Простакова бранитъ Палашку каналья и собачья дочерью, а себя сравниваетъ съ сукою (!!). «Что скажутъ дамы, воскликнулъ бы критикъ? вѣдь эта комедія можетъ попасться дамамъ!» Въ самомъ дѣлѣ странно. Что за

* Зачеркнуто: Въ трагедіи одного или въ повѣсти другаго? Вотъ что болѣе всего поражаетъ его критическое воображеніе,.. Вотъ въ чемъ полагалъ онъ всю существенную разницу между ними. Мнѣніе нашихъ критиковъ о нравственности и приличіи, если разобрать, удивительно забавно: Хотите ли знать, какъ у насъ критиковали бы Расинову Федру, если бы напр.

lib.pushkinskijdom.ru

нѣжный и разборчивый языкъ должны употреблять господа сіи съ дамами! Гдѣ бы, какъ бы послушать! А дамы наши (Богъ имъ судья) ихъ и не слушаютъ и не читаютъ; а читаютъ этого грубаго В. Скотта, который никакъ не умѣетъ замѣнить просторѣчіе простомысліемъ.

*

(Въ рукописи: Но не смѣшно ли имъ судить о томъ, что принято или не принято въ свѣтѣ, что могутъ, чего не могутъ читать наши дамы, какое выраженіе принадлежитъ гостиной или будуару, какъ говорятъ эти господа. Не забавно ли видѣть ихъ опекунами высшаго общества, куда, вѣроятно, имъ и некогда и вовсе ненужно являться? Не странно ли въ ученыхъ изданіяхъ встрѣчать важныя разсужденія объ отвратительной безнравственности такого-то выраженія (было: графа Нулина) и ссылки на парижскихъ дамъ. Не совѣстно ли въ душѣ видѣть почтенныхъ профессоровъ, краснѣющихъ отъ свѣтской шутки? Почему имъ знать, что вычурное жеманство и напыщенность нестерпимы, еще болѣе выказываютъ мелкое общество, чѣмъ простонародность (vulgarité), и что оно-то именно и обличаетъ свѣтъ? Почему имъ знать, что откровенныя оригинальныя выраженія простолюдиновъ повторяются и въ высшемъ обществѣ, не оскорбляя слуха, между тѣмъ какъ чопорные обиняки провинціальной вѣжливости возбудили бы общую невольную улыбку? Хорошее общество можетъ существовать и не въ одномъ кругу, а вездѣ, гдѣ есть люди честные, умные и образованные.

Эта охота выдавать себя за членовъ высшаго общества вводила иногда нашихъ журналистовъ въ забавные промахи; одинъ изъ нихъ думалъ, что невозможно говорить... и далъ строгій за то выговоръ,—кому же—одному изъ молодыхъ блестящихъ царедворцевъ. Въ одномъ журналѣ сильно напали на неблагопристойность поэмы (графа Нулина), гдѣ сказано, что молодой человѣкъ осмѣлился войти ночью къ спящей красавицѣ; и между тѣмъ, какъ стыдливый рецензентъ разбиралъ ее, какъ самую вольную сказку Боккачіо или ..., всѣ петербургскія дамы читали ее и знали цѣлые отрывки наизусть. Недавно одинъ историческій романъ обратилъ на себя вниманіе всеобщее и отвлекъ на нѣсколько дней всѣхъ нашихъ дамъ отъ fashionable tales и историческихъ записокъ. Что же? Газета важно дала замѣтить автору, что въ простонародныхъ сценахъ находятся слова ужасныя: сукинъ сынъ. Возможно ли! Что скажутъ дамы, если паче чаянья взоръ ихъ упадетъ на это неслыханное выраженіе? Что бы онѣ сказали Фонъ-Визину, который императрицѣ Екатеринѣ читалъ своего Недоросля, гдѣ на каждой страницѣ эта невѣжественная Простакова бранитъ Еремѣеву собачьей дочерью? Что сказали бы нынѣшніе блюстители нравственности и о чтеніи Душеньки, и объ успѣхѣ

lib.pushkinskijdom.ru

сего прелестнаго произведенія? Что думаютъ они о шутливыхъ одахъ Державина, о прелестныхъ сказкахъ Дмитріева? Модная жена не столь же ли безнравственна, какъ и Гр. Нулинъ?)

*

Дворянинъ въ мѣщанствѣ. Но отъ кого бы я ни происходилъ, отъ разночинцевъ, вышедшихъ въ дворяне или отъ одного изъ самыхъ старинныхъ русскихъ родовъ, отъ предковъ, коихъ имя встрѣчается почти на каждой страницѣ исторіи нашей, образъ мыслей моихъ отъ этого никакъ бы не зависѣлъ. Отказываться отъ него ничуть не намѣренъ, и хоть нигдѣ донынѣ я его не обнаруживалъ и никому до него дѣла нѣтъ...

*

Будемъ справедливы: Г-на Полеваго нельзя упрекнуть въ низкомъ подобострастіи предъ знатными; напротивъ, мы готовы обвинить его въ юношеской заносчивости, не уважающей ни лѣтъ, ни званія, ни славы, и оскорбляющей равно память мертвыхъ и отношенія къ живымъ.

*

Китайскій анекдотъ. Недавно въ Пекинѣ случилось очень забавное происшествіе. Нѣкто изъ класса грамотеевъ написалъ трагедію, долго не отдавалъ ее въ печать, но читалъ ее неоднократно въ порядочныхъ пекинскихъ обществахъ и даже ввѣрялъ свою рукопись нѣкоторымъ мандаринамъ. Другой грамотей (слѣдуютъ китайскія ругательства) или подслушалъ трагедію изъ прихожей, что говорятъ за нимъ важивалось, или тихонько взялъ рукопись изъ шкатулки мандарина (что въ старину также съ нимъ случалось) склеилъ на скорую руку изъ довольно нескладной трагедіи чрезвычайно скучный романъ. Грамотей-трагикъ, человѣкъ безталанный, но смирный, поворчавъ немного, оставилъ было въ покоѣ похитителя; но грамотей-романистъ, опасаясь быть обличеннымъ, сталъ кричать изо всей мочи, что трагикъ Фанъ-хо обокралъ его безстыднымъ образомъ. Трагикъ Фанъ-хо, разсердясь не на шутку, позвалъ романиста Фанъ-хи въ совѣстный пекинскій судъ, и проч. и проч. *

*

* Сравните письмо Ѳ. Булгарина къ Пушкину въ «Р. Архивѣ» 1880, кн. III, стр. 432.

lib.pushkinskijdom.ru

У одного изъ нашихъ извѣстныхъ писателей спрашивали, зачѣмъ не возражаетъ онъ никогда на критики?—Критики не понимаютъ меня, отвѣчалъ онъ,—а я не понимаю критиковъ. Если будемъ судиться передъ публикой, вѣроятно и она насъ не пойметъ, и мы напомнимъ старинную эпиграмму:

Глухой глухова звалъ къ суду судья глухова.
Глухой кричалъ: «моя имъ сведена корова.»
—Помилуй, возопилъ глухой тому въ отвѣтъ,
Сей пустошью владѣлъ еще покойный дѣдъ.—
Судья рѣшилъ: «почто идти вамъ братъ на брата?
Ни тотъ и ни другой, а дѣвка виновата!»

*

Можно не удостоивать отвѣтомъ своихъ критиковъ (какъ аристократически говоритъ самъ о себѣ издатель Исторіи русскаго народа), когда нападенія суть чисто-литературныя и вредятъ развѣ одной продажѣ разбраненной книги. Но не должно оставлять безъ вниманія, по лѣности или добродушію, оскорбленія личныя или клеветы, нынѣ къ несчастію слишкомъ обыкновенныя. Публика не заслуживаетъ такого неуваженія. Предлагаемъ благосклоннымъ читателямъ опытъ отраженія оныхъ:

Опытъ отраженія нѣкоторыхъ литературныхъ обвиненій.

§ 1. О личной сатирѣ.—Китайскій анекдотъ.—Самъ съѣшь.+

§ 2. О нравственности, о гр. Нулинѣ.—Что есть безнравственное сочиненіе?—О Видокѣ.

§ 3. Объ литературной аристократіи, о дворянствѣ.

§ 4. Разговоръ о примѣч.

Заключеніе: §.... хи-хи.—§. О цѣнѣ Евгенія Онѣгина.—§. О знаменитости.

+ Происхожденіе сего слова: Остроумный человѣкъ показываетъ шишъ, и говоритъ язвительно: съѣшь, а догадливый противникъ отвѣчаетъ; самъ съѣшь! (Замѣчаніе для будуарныхъ или даже для.... дамъ, какъ называютъ журналисты дамъ, имъ незнакомыхъ).

*

Отчего происходитъ это мѣщанское отвратительное жеманство, эта чопорность деревенской дьячихи, пришедшей въ гости къ петербургской барынѣ, засѣдательницы в ъгостяхъ у пріѣз-

lib.pushkinskijdom.ru

жей горожанки?—Оттого, что нашимъ литераторамъ хочется доказать, что они принадлежатъ высшему обществу (High life), что имъ извѣстны его законы; не лучше ли было бы имъ постараться по своему тону и личному поведенію принадлежать къ хорошему обществу (bonne société).

*

Стихъ: Два вѣка ссорить не хочу, критику показался неправильнымъ. Что гласитъ грамматика? Что дѣйствительный глаголъ съ отрицательною частицею требуетъ не винительнаго, а родительнаго падежа; напримѣръ: я не пишу стиховъ. Но въ моемъ стихѣ частица не относится къ глаголу «хочу», а не къ «ссорить».* Ergo правило сюда нейдетъ. Возьмемъ слѣдующее предложеніе: я не могу вамъ позволить начать писать стихи, а ужъ конечно не стиховъ. Неужто электрическая сила отрицательной частицы должна пройти сквозь всю эту цѣпь глаголовъ и отозваться въ существительномъ? Не думаю.

Кстати о грамматикѣ. Я пишу цыганы, а не цыгане, татаре, а не татары. Почему? Потому что всѣ имена существительныя, кончающіяся на анинъ, янинъ, аринъ и яринъ, имѣютъ свой родительный во множественномъ на анъ, янъ, аръ и яръ; а именительный множественнаго на ане, яне, аре и яре. Всѣ же существительныя, кончающіяся на анъ и янъ, аръ и яръ, имѣютъ во множественномъ именительный на аны, яны, ары и яры, а родительный наановъ, яновъ, аровъ, яровъ.

Единственное исключеніе: имена собственныя. Потомки г-на Булгарина будутъ г-да Булгарины, а не Булгаре.

*

Вотъ уже 16 лѣтъ, какъ я печатаю, и критики замѣтили въ моихъ стихахъ пять грамматическихъ ошибокъ (и справедливо); я всегда былъ имъ искренно благодаренъ и всегда поправлялъ замѣченное мѣсто. Прозой пишу я гораздо неправильнѣе, а говорю еще хуже и почти такъ, какъ пишетъ Гоголь.**

*

---

* Варіантъ: Но въ моемъ стихѣ глаголъ «ссорить» управляетъ не частицею «не», а глаголомъ «хочу». Ergo... и проч.

** Сбоку Пушкинъ выписалъ свои неправильныя выраженія: «1) Остановился взоръ на отдаленныя громады. 2) На темѣ горъ (темени). 3) Воилъ вм. вылъ. 4) Былъ отказанъ вм. ему отказали. 5) Игумену вм. игумну»

lib.pushkinskijdom.ru

У насъ многіе (между прочимъ и г-нъ Каченовскій, котораго, кажется, нельзя упрекнуть въ незнаніи русскаго языка) спрягаютъ: рѣшаю, рѣшаешь, рѣшаетъ—рѣшаемъ, рѣшаете, рѣшаютъ, вмѣсто рѣшу, рѣшить и проч. Рѣшу спрягается, какъ грѣшу.

*

Иностранныя собственныя имена, кончающіяся на е, и, о, не склоняются. Кончащіяся на а, ъ и ь склоняются въ мужескомъ родѣ, а въ женскомъ нѣтъ; и противъ этого многіе у насъ погрѣшаютъ, пишутъ: книга, сочиненная Гётемъ и проч.

*

Какъ надобно писать турковъ или турокъ? То и другое правильно. Турокъ и турка равно употребительны.

*

Многіе пишутъ: юпка, сватьба. Никогда въ производныхъ словахъ т не перемѣняется на д, ни п на б, а мы говоримъ юбочница, свадебный.

*

Двенадцать, а не двѣнадцать—сокращено изъ двое какъ три изъ трое.

*

Пишутъ тѣлега, телѣга. Не правильнѣе ли телега (отъ слова телецъ; телега, запряженная волами)?

*

Разговорный языкъ простаго народа (не читающаго иностранныхъ книгъ и, слава Богу, не искажающаго, какъ мы, своихъ мыслей на французскомъ языкѣ) достоинъ также глубочайшихъ изслѣдованій.

Альфіери изучалъ итальянскій языкъ на флорентинскомъ базарѣ. Не худо намъ иногда прислушиваться къ московскимъ просвирнямъ: онѣ говорятъ удивительно чистымъ и правильнымъ языкомъ.

*

Московскій выговоръ чрезвычайно изнѣженъ и прихотливъ. Звучныя буквы щ и ч передъ другими согласными въ немъ измѣнены. Мы даже говоримъ: женшины, послегъ (см. Богдановича).

*

Шпіоны подобны буквѣ «ъ»: нужны они только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, но и тутъ можно безъ нихъ обойтиться, а они привыкли всюду соваться.

*

lib.pushkinskijdom.ru

Г-нъ Б. Федоровъ, въ журналѣ, который началъ было издавать, разбирая довольно благосклонно IV и V главы Онѣгина, замѣтилъ однако жъ мнѣ, что въ описаніи осени нѣсколько стиховъ сряду начинаются у меня частицею ужъ, что и назвалъ ужами, и что въ риторикѣ зовется единоначатіемъ. Осудилъ онъ также слово корова, и выговорилъ мнѣ за то, что я барышень благородныхъ и, вѣроятно, чиновныхъ, назвалъ дѣвчонками (что конечно неучтиво), между тѣмъ, какъ простую деревенскую дѣвку назвалъ дѣвою: «Въ избушкѣ распѣвая, дѣва прядетъ.»

*

Шестой пѣсни Онѣгина не разбирали, даже не замѣтили въ Вѣстникѣ Европы латинской опечатки. Кстати: съ тѣхъ поръ, какъ вышелъ изъ лицея, я не раскрывалъ латинской книги и совершенно забылъ латинскій языкъ. Жизнь коротка, перечитывать некогда. Замѣчательныя книги тѣснятся одна за другой, а никто нынче по-латыни ихъ не пишетъ. Въ XIV столѣтіи, наоборотъ, латинскій языкъ былъ необходимъ, и справедливо почитался первымъ признакомъ образованнаго человѣка.

*

Критику VII пѣсни въ Сѣверной Пчелѣ пробѣжалъ я въ гостяхъ и въ такую минуту, когда было мнѣ не до Онѣгина... Я замѣтилъ только очень хорошо написанные стихи и довольно смѣшную шутку объ жукѣ. У меня сказано:

Былъ вечеръ. Небо мрачно. Воды
Струились тихо. Жукъ жужжалъ.

Критикъ радовался появленію сего новаго лица и ожидалъ отъ него характера, лучше выдержаннаго прочихъ. Кажется, впрочемъ, ни одного дѣльнаго замѣчанія или мысли критической не было. Другихъ критиковъ я не читалъ, ибо, право, мнѣ было не до нихъ.

NB. Эту критику Сѣверной Пчелы напрасно приписывали Булгарину: 1) стихи въ ней слишкомъ хороши; 2) проза слишкомъ слаба; 3) г. Булгаринъ не сказалъ бы, что описаніе Москвы взято изъ Ив. Выжигина (весь отрывокъ этотъ былъ напечатанъ въ Сѣв. Пч. года два прежде появленія Выжигина), ибо г. Булгаринъ не сказываетъ, что трагедія Борисъ Годуновъ взята изъ его романа.—(Неправильное выраженіе «Ар-

lib.pushkinskijdom.ru

хивны юноши» принадлежитъ не мнѣ, а пріятелю моему Соболевскому).

*

Пропущенныя строфы подавали неоднократно поводъ къ порицанію. Что есть строфы въ Онѣгинѣ, которыя я не могъ, или не хотѣлъ напечатать—этому дивиться нечего. Но, будучи выпущены, онѣ прерываютъ связь разсказа и поэтому означается мѣсто, гдѣ быть имъ надлежало. Лучше было бы замѣнять эти строфы другими, или переплавлять и сплавливать мною сохраненныя.

Но виноватъ, на это я слишкомъ лѣнивъ. Смиренно сознаюсь также, что въ Донъ Жуанѣ есть двѣ выпущенныя строфы!

*

Кстати. Началъ я писать съ 13-тилѣтняго возраста и печатать почти съ того же времени. Многое желалъ бы я уничтожить, какъ недостойное даже и моего дарованія, каково бы оно ни было. Иное тяготѣетъ, какъ упрекъ, на совѣсти моей. По крайней мѣрѣ не долженъ я отвѣчать за перепечатываніе грѣховъ моего отрочества, а тѣмъ паче за чужія проказы. Въ альманахѣ, изданномъ г-мъ Б. Федоровымъ, между найденными, Богъ знаетъ гдѣ, стихами моими, напечатана идиллія, писанная слогомъ переписчика стиховъ г-на Панаева. Г-нъ Бестужевъ, въ предисловіи какого-то альманаха, благодаритъ какого-то Ап. * за доставленіе стихотвореній, объявляя, что не всѣ удостоились напечатанія.

*

* «Сѣверная Звѣзда» 1829 г.—Ап. подпись подъ стихотвореніями Пушкина, произвольно напечатанными въ этомъ альманахѣ. Сравните выше «Альманахъ» съ его «Восточною Звѣздою», стихами и пр. Въ другой рукописи замѣтка изложена иначе: «Возвратясь изъ путешествія, узналъ я, что г. Б., пользуясь моимъ отсутствіемъ, напечаталъ нѣсколько моихъ стихотвореній въ своемъ Альманахѣ. Неуваженіе къ литературной собственности сдѣлалось такъ у насъ обыкновеннымъ, что поступокъ г. Б. ни мало не показался мнѣ страннымъ. Но когда Альманахъ нечаянно попался мнѣ въ руки, и когда въ предисловіи прочелъ нѣжное изъявленіе благодарности издателя г-ну Ап., доставившему ему (г-ну Б.) 13 пьесъ, изъ нихъ 5 и удостоились печати,—то, признаюсь, удивленіе мое было чрезвычайно.—Въ числѣ пьесъ, доставленныхъ г-мъ Ап., нѣкоторыя принадлежатъ мнѣ въ самомъ дѣлѣ, другія мнѣ вовсе неизвѣстны. Г. Ап. собралъ давно мною написанное и замѣнилъ своими стихами тѣ, кои не могли быть пропущены цензурой. Однако въ мои лѣта и въ моемъ положеніи непріятно отвѣчать.... за чужія произведенія, то честь имѣю объявить г-ну Ап, что при первомъ таковомъ же случаѣ принужденъ буду прибѣгнуть къ покровительству законовъ».

lib.pushkinskijdom.ru

Г-нъ An. не имѣлъ никакого права располагать моими стихами, поправлять ихъ по своему, и отсылать въ альманахъ г. Бестужева вмѣстѣ съ собственными произведеніями стихи, преданные мною забвенію или написанные не для печати (напримѣръ: Она мила, скажу межъ нами), или которые простительно мнѣ было написать на 19-мъ году, но непростительно признать публично въ возрастѣ болѣе зрѣломъ и степенномъ (напримѣръ, Посланіе къ Ю).

*

Перечитывая самыя бранчивыя критики, я нахожу ихъ столь забавными, что не понимаю, какъ я могъ на нихъ досадовать; кажется, если бъ я хотѣлъ надъ ними посмѣяться, то ничего не могъ бы лучшаго придумать, какъ только ихъ перепечатать безъ всякаго замѣчанія. Однако жъ я видѣлъ, что самое глупое ругательство и неосновательное сужденіе получаютъ вѣсъ отъ волшебнаго вліянія типографіи. Намъ все еще печатанный листъ кажется святымъ. Мы все думаемъ: какъ это можетъ быть глупо или несправедливо? Вѣдь это печатно!

*

Руслана и Людмилу вообще приняли благосклонно. Кромѣ одной статьи въ Вѣстникѣ Европы, въ которой побранили весьма неосновательно, и весьма дѣльныхъ вопросовъ, изобличающихъ слабость созданія поэмы, кажется, не было объ ней сказано худаго слова. Никто не замѣтилъ даже, что она холодна. Обвиняли ее въ безнравственности за нѣкоторыя, слегка сладострастныя описанія, за стихи, мною выпущенные во второмъ изданіи:

О страшный видъ! волшебникъ хилой
Ласкаетъ смоченной рукой etc.

за вступленіе, не помню, которой пѣсни:

Напрасно вы въ тѣни таились etc.,

и за пародію Двѣнадцати спящихъ дѣвъ. За послѣднее можно было меня пожурить порядкомъ, какъ за недостатокъ эстетическаго чувства. Непростительно было (особенно въ мои лѣта) пародировать, въ угожденіе черни, дѣвственное поэтическое созданіе. Были прочіе упреки, довольно пустые. Есть ли въ Русланѣ хоть одно мѣсто, которое въ вольности шутокъ могло быть сравнено съ шалостями, хоть напримѣръ Аріоста,

lib.pushkinskijdom.ru

о которомъ поминутно твердили мнѣ? Да и выпущенное мною мѣсто было очень смягченное подражаніе Аріосту.

*

Кавказскій плѣнникъ. Первый неудачный опытъ характера, съ которымъ я насилу сладилъ; онъ былъ принятъ лучше всего, что я ни написалъ, благодаря нѣкоторымъ элегическимъ и описательнымъ стихамъ. Но за то Николай и Александръ Раевскіе и я, мы вдоволь надъ нимъ посмѣялись.

*

Бахчисарайскій Фонтанъ слабѣе Плѣнника и, какъ онъ, отзывается чтеніемъ Байрона, отъ котораго я съ ума сходилъ. Сцена Заремы съ Маріей имѣетъ драматическое достоинство. Его кажется не критиковали. Ал. Раевскій хохоталъ надъ слѣдующими стихами:

Онъ часто въ сѣчахъ роковыхъ
Подъемлетъ саблю—и съ размаха
Недвижимъ остается вдругъ,
Глядитъ съ безумiемъ вокругъ,
Блѣднѣетъ etc.

Молодые писатели вообще не умѣютъ изображаютъ физическія движенія страстей. Ихъ герои всегда содрогаются, хохочутъ дико, скрежещутъ зубами и проч. Все это смѣшно, какъ мелодрама.

*

Не помню, кто замѣтилъ мнѣ, что невѣроятно, чтобы скованные вмѣстѣ разбойники могли переплыть рѣку. Все это происшествіе справедливо и случилось въ 1820 году, въ бытность мою въ Екатеринославлѣ.

*

Наши критики долго оставляли меня въ покоѣ. Это дѣлаетъ имъ честь: я былъ далеко, и въ обстоятельствахъ неблагопріятныхъ. По привычкѣ, полагали меня все еще очень молодымъ человѣкомъ. Первыя непріязненныя статьи, помнится, стали появляться по напечатаніи четвертой и пятой пѣсни Евгенія Онѣгина. Разборъ сихъ главъ, напечатанный въ Атенеѣ, удивилъ меня хорошимъ тономъ, хорошимъ слогомъ и странностію привязокъ. Самыя обыкновенныя риторическія фигуры и тропы останавливали критика, напримѣръ: «Можно ли сказать стаканъ шипитъ, вмѣсто вино шипитъ въ стаканѣ? Каминъ дымитъ, вмѣсто паръ идетъ изъ камина? Не слишкомъ ли смѣло ревнивое подозрѣніе? невѣрный ледъ? Какъ думаете, что бы такое значило:

lib.pushkinskijdom.ru

Мальчишки
Коньками звучно рѣжутъ ледъ?»

Критикъ догадывается, однако жъ, что это значитъ: мальчишки бѣгаютъ по льду на конькахъ.

Вмѣсто:

На красныхъ лапкахъ гусь тяжелый
(Задумавъ плыть по лону водъ)
Ступаетъ бережно на ледъ.

Критикъ читалъ:

На красныхъ лапкахъ гусь тяжелый
Задумалъ плыть...

и справедливо замѣчалъ, что не далеко уплывешь на красныхъ лапкахъ.

*

Нѣкоторыя стихотворческія вольности: послѣ отрицательной части не—винительный, а не родительный падежъ; времянъ, вмѣсто временъ (какъ напримѣръ, у Батюшкова:

То древню Русь и нравы
Владиміра времянъ...)

приводили критика моего въ великое недоумѣніе; но болѣе всего раздражалъ его стихъ:

Людскую молвь и конскій топъ.

«Такъ ли изъясняемся мы, учившіеся по старинным грамматикамъ? можно ли такъ коверкать русскій языкъ?» Надъ этимъ стихомъ жестоко потомъ посмѣялись и въ Вѣстникѣ Европы. Молвь (рѣчь) слово коренное русское. Топъ вмѣсто топотъ (слѣдственно, и хлопъ вмѣсто хлопаніе) вовсе не противно духу русскаго языка, какъ и шипъ вмѣсто шипѣніе:

Онъ шипъ пустилъ по змѣиному.
(Древ. Русскія Стихотворенія).

На ту бѣду и стихъ-то весь не мой, а взятъ цѣликомъ изъ русской сказки:

«И вышелъ онъ за ворота градскія, и услышалъ конскій топъ и людскую молвь.»
Бова Королевичъ.

Изученіе старинныхъ пѣсенъ, сказокъ и т. п. необходимо для совершеннаго знанія свойствъ русскаго языка; критики наши напрасно ими презираютъ.

*

Habent sua fata libelli. Полтава не имѣла успѣха. Вѣроятно она и не стоила его, но я былъ избалованъ пріемомъ,

lib.pushkinskijdom.ru

оказаннымъ моимъ прежнимъ, гораздо слабѣйшимъ произведеніямъ; къ тому жъ это сочиненіе совсѣмъ оригинальное, а мы изъ того и бьемся.*

Наши критики взялись объяснить мнѣ причину моей неудачи и вотъ какимъ образомъ. Они, во первыхъ, объявили мнѣ, что отъ роду никто не видывалъ, чтобъ женщина влюбилась въ старика, и что, слѣдственно, любовь Маріи къ старому гетману, NB. исторически доказанная, не могла существовать.

«Ну, что жъ, что ты Честонъ? хоть знаю, да не вѣрю.»

Я не могъ довольствоваться этимъ объясненіемъ: любовь есть самая своенравная страсть. Не говорю уже о безобразіи и глупости, ежедневно предпочитаемыхъ молодости, уму и красотѣ. Вспомните преданія миѳологическія, превращенія Овиліевы, Леду, Филлиру, Пазифаю, Олимпію, Пигмалiона—и признайтесь, что всѣ сіи вымыслы не чужды поэзіи (или, справедливѣе, ей принадлежатъ). А Отелло, старый негръ, плѣнившій Дездемону разсказами о своихъ странствіяхъ и битвахъ?... А Мирра, внушившая италіянскому поэту одну изъ лучшихъ его трагедій?.. Марія (или Матрена) увлечена была, говорили мнѣ, тщеславіемъ, а не любовію — велика честь для дочери генеральнаго судіи быть наложницею гетмана!—Далѣе говорили мнѣ, что мой Мазепа злой и глупый старичишка (старичишка, вмѣсто старикъ—ради затѣйливости). Что изобразилъ я Мазепу злымъ, въ томъ я каюсь. Добрымъ я его не нахожу; особливо въ ту минуту, когда онъ хлопочетъ о казни отца дѣвушки, имъ обольщенной. Глупость же человѣка оказывается или изъ его дѣйствій, или изъ его словъ. Мазепа дѣйствуетъ въ моей поэмѣ точь въ точь какъ и въ исторіи, а рѣчи его объясняютъ его историческій характеръ. (Не довольно, если критикъ и рѣшитъ, что такое-то лицо въ поэмѣ глупо: не худо, если онъ чѣмъ нибудь это и докажетъ). Замѣтили мнѣ, что Мазепа слишкомъ у меня злопамятенъ; что малороссійскій гетманъ не студентъ и за пощечину или за дерганіе усовъ мстить не захочетъ. Опять исторія, опроверженная литературною критикой, опять: хоть знаю, да не вѣрю.

---

* Было: Самое зрѣлое изъ всѣхъ моихъ стихотворныхъ повѣстей, то, въ которомъ почти все оригинально (а мы изъ этого только и бьемся, хоть это не главное), Полтава, которую Жуковскій, Гнѣдичъ, Дельвигъ, Вяземскій предпочитаютъ всему, что я до сихъ поръ написалъ, Полтава не имѣла успѣха.

lib.pushkinskijdom.ru

Мазепа, воспитанный въ Европѣ въ то время, какъ понятія о дворянской чести были на высшей степени силы, Мазепа могъ помнить долго обиду московскаго царя и отомстить ему при случаѣ. Въ этой чертѣ весь его характеръ, скрытый, жестокій, постоянный. Дернуть ляха или казака за усы, все равно было, что схватить россіянина за бороду. Хмѣльницкій за всѣ обиды, претерпѣнныя имъ, помнится, отъ Чаплицкаго (Чернѣцкаго), получилъ въ возмездіе, по приговору Рѣчи Посполитой, остриженный усъ своего непріятеля (см. Лѣтоп. Конисскаго).

Старый гетманъ, предвидя неудачу, наединѣ съ наперсникомъ, бранитъ въ моей поэмѣ молодаго Карла и называетъ его, помнится, мальчишкой и сумасбродомъ. Критики важно укоряли меня въ неосновательномъ мнѣніи о шведскомъ королѣ. У меня сказано гдѣ-то, что Мазепа ни къ кому не былъ привязанъ; критики ссылались на собственныя слова гетмана, увѣряющаго Марію, что онъ любитъ ее «больше славы больше власти.» Какъ отвѣчать на таковыя критики?

(Такъ понимали они драматическое искусство! — Потомъ слѣдовала критика мелочная, критика буквъ, отъ которой пора бы намъ отвыкнуть).

Слова: усы, визжать, вставай, разсвѣтаетъ, ого, пора показались критикамъ низкими, бурлацкими выраженіями. Какъ быть! (Никогда не пожертвую искренностію и точностію выраженія провинціальной чопорности и боязни казаться простонароднымъ, славянофиломъ или т. п.).

Въ Вѣстникѣ Европы замѣтили, что заглавіе поэмы ошибочно, и что, вѣроятно, не назвалъ я ее Мазепой, чтобъ не напомнить о Байронѣ. Справедливо—но была тутъ и другая причина: эпиграфъ. Такъ и Бахчисарайскій Фонтанъ въ рукописи названъ былъ Харемомъ: но меланхолическій эпиграфъ, который конечно лучше всей поэмы, соблазнилъ меня.

Кстати о Полтавѣ, критики упомянули однако жъ о Байроновомъ Мазепѣ. Но какъ они понимали его (или, справедливѣе, какъ не понимали!). Байронъ зналъ Мазепу только по Вольтеровой исторіи Карла XII. Онъ пораженъ былъ только картиной человѣка, привязаннаго къ дикой лошади и несущагося по степямъ. Картина конечно поэтическая, и за то посмотрите, что онъ изъ нея сдѣлалъ! Но не ищите тутъ ни Мазепы, ни Карла, ни сего мрачнаго, ненавистнаго, мучительнаго лица, ко-

lib.pushkinskijdom.ru

торое проявляется во всѣхъ почти произведеніяхъ Байрона, но котораго на бѣду одному изъ моихъ критиковъ, какъ нарочно, въ Мазепѣ и нѣтъ. Байронъ и не думалъ о немъ: онъ выставилъ рядъ картинъ, одна другой разительнѣе—вотъ и все; но какое пламенное созданіе, какая широкая, быстрая кисть! Если жъ бы ему подъ перо его попалась исторія обольщенной дочери казненнаго отца, то вѣроятно никто бы не осмѣлился послѣ него коснуться сего ужаснаго предмета.

*

Прочитавъ въ первый разъ стихи:

Жену страдальца Кочубея
И обольщенную имъ дочь...*

я изумился, какъ могъ поэтъ пройти мимо столь страшнаго обстоятельства. Обременять вымышленными ужасами историческіе характеры—и не мудрено, и не великодушно. Клевета и въ поэмахъ всегда казалась мнѣ не похвальною. Но въ описаніи Мазепы пропустить столь разительную черту было непростительно. Однако жъ какой отвратительный предметъ! Ни одного добраго, благосклоннаго чувства! Ни одной утѣшительной черты! Соблазнъ, вражда, измѣна, лукавство, малодушіе, свирѣпость... Сильные характеры и глубокая трагическая тѣнь, набросанная на всѣ эти ужасы—вотъ что увлекло меня. Полгаву написалъ я въ нѣсколько дней, далѣе не могъ бы ею заниматься и бросилъ бы все.

*

Графъ Нулинъ надѣлалъ мнѣ большихъ хлопотъ. Нашли его (съ позволенія сказать) похабнымъ, разумѣется въ журналахъ (въ свѣтѣ приняли его благосклонно), и никто изъ журналистовъ не захотѣлъ за него вступиться. Молодой человѣкъ ночью осмѣлился войти въ спальню молодой женщины и получилъ отъ нея пощечину. Какой ужасъ! Какъ смѣть писать такія отвратительныя гадости? Авторъ спрашивалъ, что бы на мѣстѣ Натальи Павловны сдѣлали петербургскія дамы? Какая дерзость!

Кстати о моей бѣдной сказкѣ (писанной, будь сказано мимоходомъ, самымъ трезвымъ и благопристойнымъ образомъ): подняли противъ меня всю классическую древность и всю евро-

---

* Въ «Войнаровскомъ» Рылѣева.

lib.pushkinskijdom.ru

пейскую литературу! Вѣрю стыдливости моихъ критиковъ; вѣрю, что графъ Нулинъ точно кажется имъ предосудительнымъ. Но какъ же упоминать о древнихъ, когда дѣло идетъ о благопристойности? И ужели творцы шутливыхъ повѣстей: Аріостъ, Боккачьо, Ляфонтенъ, Касти, Спенсеръ, Чаусеръ, Виландъ, Байронъ, извѣстны имъ по однимъ лишь именамъ? Ужели, по крайней мѣрѣ, не читали они Богдановича и Дмитріева? Какой несчастный педантъ осмѣлится укорить «Душеньку» въ безнравственности и неблагопристойности? Какой угрюмый дуракъ станетъ важно осуждать «Модную жену», сей прелестный образецъ легкаго и шутливаго разсказа? А эротическія стихотворенія Державина? Но отстранивъ неравенство поэтическаго достоинства, графъ Нулинъ долженъ имъ уступить и въ вольности, и въ живости шутокъ.

Эти гг. критики нашли странный способъ судить о степени нравственности какого нибудь стихотворенія. У одного изъ нихъ есть 15-тилѣтняя племянница, у другаго 15-тилѣтняя знакомая, и все, что по благоусмотрѣнію родителей не дозволяется имъ читать, провозглашено неприличнымъ, безнравственнымъ, похабнымъ! Какъ будто литература и существуетъ только для 16-тилѣтнихъ дѣвушекъ! Благоразумный наставникъ, вѣроятно, не дастъ въ руки ни имъ, ни даже ихъ братцамъ, ни единаго изъ полныхъ сочиненій классическаго поэта, особенно древняго; на то издаются хрестоматіи, выбранныя мѣста и т. п.; но публика не 15-тилѣтняя дѣвица и не 13-ти лѣтній мальчикъ. Она, слава Богу, можетъ себѣ прочесть безъ опасенія сказки добраго Ляфонтена и эклогу добраго Виргилія и все, что про себя читаютъ сами гг. критики, если критики наши что нибудь читаютъ, кромѣ корректурныхъ листовъ своихъ журналовъ.

Всѣ эти господа, столь щекотливые на счетъ благопристойности, напоминаютъ стыдливость Тартюфа, накидывающаго платокъ на открытую грудь Доримы и заслуживаютъ забавное возраженіе горничной...

*

Въ Вѣстникѣ Европы съ негодованіемъ говорили о сравненіи Нулина съ котомъ, цапцарапствующимъ кошку (забавный глаголъ: цапцарапствую, цапцарапствуешь, цапцарапствуетъ). Правда, во всемъ графѣ Нулинѣ этого сравненія не на-

lib.pushkinskijdom.ru

ходится, также какъ и глагола цапцарапствую, но хоть бы и было, что за бѣда?

Въ свѣтѣ графъ Нулинъ принятъ былъ благосклоннѣе чѣмъ въ журналахъ.

*

Безнравственное сочиненіе есть то, коего цѣлію или дѣйствіемъ бываетъ потрясеніе правилъ, на коихъ основано общественное счастіе или достоинство человѣческое. Стихотворенія, коихъ цѣль горячить воображеніе любострастными описаніями, унижаютъ поэзію, превращая ея божественный нектаръ въ воспалительный составъ, а музу въ отвратительную колдунью. Но шутка, вдохновенная сердечною веселостію и минутною игрою воображенія, можетъ показаться безнравственною только тѣмъ, которые о нравственности имѣютъ дѣтское или темное понятіе, смѣшивая ее съ нравоученіемъ, и видятъ въ литературѣ одно педагогическое занятіе.

*

Шутки нашихъ критиковъ приводятъ иногда въ изумленіе своею невинностію. Вотъ истинный анекдотъ: въ лицеѣ одинъ изъ младшихъ нашихъ товарищей, и не тѣмъ будь помянутъ, добрый мальчикъ, но довольно простой и во всѣхъ классахъ послѣдній сочинилъ однажды два стиха, извѣстные всему лицею:

Ха, ха, ха, хи, хи, хи,
Дельвигъ пишетъ стихи.

Каково же было намъ, Дельвигу и мнѣ, въ прошломъ 1830 г.,* въ первой книжкѣ важнаго Вѣстника Европы найти слѣдующую шутку: «Альманахъ Сѣверные Цвѣты раздѣляется на прозу и стихи—хи, хи!» Вообразите себѣ, какъ обрадовались мы старой нашей знакомкѣ! Сего не довольно. Это хи, хи, показалось видно столь затѣйливымъ, что его перепечатали съ большой похвалой въ Сѣверной Пчелѣ:

«Хи, хи, какъ весьма остроумно сказано было въ Вѣстникѣ Европы, etc.»

*

Молодой Кирѣевскій, въ краснорѣчивомъ и полномъ мыслей обозрѣніи нашей словесности, говоря о Дельвигѣ, употребилъ сіе изысканное выраженіе: «древняя муза его покрывается

* Статья написана въ ноябрѣ 1830 г., но могла быть напечатанною только въ слѣдующемъ 1831 г., почему Пушкинъ и поставилъ: «въ прошломъ».

lib.pushkinskijdom.ru

иногда душегрѣйкою новѣйшаго уныніа». Выраженіе конечно смѣшное. Зачѣмъ не сказать было просто: въ стихахъ Дельвига отзывается иногда унынiе новѣйшей поэзіи? Журналисты наши, о которыхъ г. Кирѣевскій отозвался довольно непочтительно, обрадовались, подхватили эту душегрѣйку, разорвали на мелкіе лоскутки и вотъ уже годъ какъ ими щеголяютъ, стараясь насмѣшить свою публику. Положимъ, все та же шутка каждый разъ имъ и удается, но какая имъ оттого прибыль? Публикѣ почти дѣла нѣтъ до литературы, а малое число любителей вѣритъ наконецъ не шуткѣ, безпрестанно повторяемой, но постоянно, хотя и медленно, пробивающимся мнѣніямъ здоровой критики и безпристрастія.

*

О РУССКИХЪ СЛОВАХЪ ВЗЯТЫХЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

Множество словъ и выраженій, насильственнымъ образомъ введенныхъ въ употребленіе, остались и укоренились въ нашемъ языкѣ. Напримѣръ: трогательной отъ слова touchant (см. справедливое о томъ разсужденіе г. Шишкова). Хладнокровіе—это слово не только переводъ буквальный, но еще и ошибочный; настоящее выраженіе французское есть sens froid —хладнокровіе, а не sang froid. Такъ и писали это слово до самаго 18-го столѣтія. Dans son assiette ordinaire. Assiette значитъ—положеніе, отъ слова asseoir, но мы перевели каламбуромъ: не въ своей тарелкѣ.

Любезнѣйшій, ты не въ своей тарелкѣ. (Горе отъ ума).

*

РАЗБОРЪ ПОСЛОВИЦЪ.

«Не твоя печаль чужихъ дѣтей качать», т. е. не твоя забота.

«Бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ» пословица латинская.

«Нужда научитъ калачи ѣсть», т. е. нужда мать изобрѣтенія и роскоши.

«Кто въ дѣлѣ, тотъ и въ отвѣтѣ». Въ дѣлѣ, т. е. въ должности; въ отвѣтѣ, т. е. въ посольствѣ.

«Не суйся середа прежде четверга». Смыслъ ироническій и относится къ тѣмъ, которые хотятъ оспаривать явныя, законныя преимущества; вѣроятно, выдумана во время мѣстничества.

«Горе лыкомъ подпоясано». Разительное изображеніе нищеты; см. древнія стихотворенія.

lib.pushkinskijdom.ru

«Иже не ври же, его же пригоже». Насмѣшка надъ книжнымъ языкомъ: и въ старину надъ этимъ острились.

*

ОБЪ АЗБУКѢ.

Буквы, составляющія славянскую азбуку, не представляютъ никакого смысла. Азъ, буки, вѣди, глаголь, добро etc., суть отдѣльныя слова, выбранныя для начальнаго ихъ звука. У насъ Грамотинъ первый, кажется, вздумалъ составить Апофѳегмы изъ нашей азбуки. Онъ пишетъ: первоначальное значеніе буквъ вѣроятно было слѣдующее: Азъ, Букъ (или Бугъ!) вѣдю, т. е. я Бога вѣдаю(!), глаголю добро есть; живетъ на землѣ, кто и какъ люди мыслитъ; нашъ онъ покой рцу. Слово (lohos) тверду... и прочая (говоритъ Грамотинъ); вѣроятно, что въ «прочемъ» не могъ уже найти никакого смысла. Какъ это все натянуто! Мнѣ гораздо болѣе нравится трагедія, составленная изъ азбуки французской. Вотъ она:

*

ENO ET IKAËL.

Tragediê.

Personnages: Le prince Eno—La princesse Ikaël, amante du prince Eno.—L'abbé Pécu, rival du prince Eno.—Ixe, Igrec, Zede—garde du prince Eno.

Scène unique. Le prince Eno, la princesse Ikaël, l'abbé Pécu, Gardes.

Eno.—Abbé cedez...

L'Abb.—Eh! f...

Eno (mettant la main sur sa hache d'arme). J'ai hache!

Ikaël (se jetant dans les bras d'Eno). Ikaël aime Eno! (ils s'embrassent avec tendresse).

Eno (se retournant vivement). Pécu est resté? Ixe, Igrec, Zede! prenez m-r l'Abbé et jettez le par les fenêtres.

*

ЗАМѢТКИ.

Отчего первыя стихотворенія были сатиры.—Ихъ успѣхъ etc.—Отчего сатира существовала еще при Екатеринѣ, а нынѣ совѣмъ уже не существуетъ?

Петръ создалъ войско, флотъ, науки, законы, но не могъ создать словесности, которая рождается сама-собою, — отъ своихъ собственныхъ началъ. Поколѣніе преобразованное презрѣло безграмотную, изустную народную словесность, и князь

lib.pushkinskijdom.ru

Кантемиръ, одинъ изъ воспитанниковъ Петра, въ путеводители себѣ избралъ Буало.

—

О литературной собственности; о правахъ издателя,—писателя,—анонимъ;—наслѣдники.

О цензурѣ вообще, о подраздѣленіи; о книгахъ общедоступныхъ и дешовыхъ; о книгахъ чисто...,—чисто ученыхъ,—огромныхъ; о журналахъ общихъ,—ученыхъ.

О классическихъ книгахъ, въ томъ числѣ сочиненія, принадлежащія роду человѣческому.

О цензурахъ земской и духовной; о кощунствѣ, и вѣротерпимости; о православіи; о сочиненіяхъ, не подлежащихъ суду; о личностяхъ.

РАЗБОРЪ ТЕРМИНОВЪ СОКОЛИНОЙ ОХОТЫ.

(изъ «Урядника» царя Алексѣя Михайловича).

Семеновской потѣшной дворъ.

Свѣтлица для выдержанія птицъ.

Челигъ—самецъ, дикомытъ—самка.

Оленья перчатка.

Обносцы—ремешки оленьи съ краснымъ сукномъ.

Кречетъ—больше и сѣрѣе сокола. Соколъ посизѣе.

Должникъ—въ два аршина ремень сыромятный.

Вабилъ, свабило — гусиныя крылья съ сырымъ мясомъ для вабки.

Шалгачь—мѣшокъ для живой птицы (на ремнѣ).

Пущенная птица—для обученія сокола.

Дербинички напущаютъ попарну — одинъ снизу, другой сверху (дермлички).

Колокольчикъ привязанъ къ ногѣ, коли соколъ отбудетъ, то начинаетъ чесаться etc.

Дермлички съ кречетомъ, копчикъ съ соколомъ.

Вертлугъ желѣзный—на чемъ вертится вабило.

Помычки—ловчіе крестьяне.

Стулъ—гдѣ сначала сидятъ кречеты.

Талунбасы—родъ барабана для пуганья птицъ.

Помцы, Тайникъ } сѣти.

Съ благовѣщенія ихъ подымаютъ, т. е. на руки берутъ, до Петрова дня (учатъ). Учатъ сокола, заструнивъ носъ во-

lib.pushkinskijdom.ru

ронѣ. Соколъ бьетъ ее когтями, за голову носомъ глотку— .... добудетъ—(грачей, галокъ, воронъ, голубей, утку).

Вечеровое поле.

Зарьялъ, зарьяелъ—отъ зноя утомился.

Юрчакъ—конвульція, корчь—болѣзнь сокола.

Чины: Ястребникъ.

Сокольникъ—унтеръ офицеръ.

Кречетникъ.

Начальники: Статейничій, главный.

Подъ-статейничій.

Секретарь: Расходчикъ.

Приказы.

1) Надворный вѣдалъ дѣла переносныя (cour de cassation) Расправная палата (сенатъ); Золотая палата (вѣдала службу дворянъ); Приказъ посольскій, кромѣ дѣль иностранныхъ, вѣдалъ таможни, аптеки, врачей. Приказъ Большія казны—Департаментъ удѣловъ: Земскій—Управа Благочинія Московская. Житный....., Монастырскій, Стрѣлецкій, Пушкарскій, Ямской, Холопій; Казанскій дворецъ вѣдалъ царства Астраханское, Казанское и Сибирское; Каменный приказъ, учрежденный Годуновымъ, вѣдалъ постройку каменныхъ зданій. Сверхъ того временные приказы, напр. приказъ о прекращеніи разбоевъ.

При удѣльныхъ князьяхъ тіуны, судьи, посадники, волостели, тысяцкіе.

Городничій—Дворской.

Губернскій предводитель—воевода, впослѣдствіи Главный уѣздный судья, губной староста, судія, цѣловальникъ — засѣдатель уѣзднаго суда объѣздной — исправникъ. «Прикащикъ»—посадскій—предсѣдатель городской думы. Помѣстный прикащикъ—дворянскій предводитель, (сбивчиво, дурно).

О ЧОПОРНОСТИ И ЖЕМАНСТВѢ.

Хорошее общество можетъ существовать не въ одномъ кругу, а вездѣ, гдѣ есть люди честные, умные, образованные. Жеманство и напыщенность болѣе оскорбляютъ, чѣмъ простонародность. Откровенныя, оригинальныя выраженія простолюдиновъ повторяются и въ высшемъ обществѣ, не оскорбляя слуха между тѣмъ какъ чопорные обиняки провинціальной вѣжли-

lib.pushkinskijdom.ru

вости возбудили бы общую улыбку. Не забавно ли видѣть нашихъ опекуновъ высшаго общества?

Болдино 1830.

О ПРИЛИЧІИ ВЪ ЛИТЕРАТУРѢ.

ПО ПОВОДУ АЛЬФРЕДА ДЕ МЮССЕ.

Между тѣмъ какъ сладкозвучный, но однообразный Ламартинъ готовилъ новыя, благочестивыя размышленія, подъ заслуженнымъ названіемъ Harmonies religieuses; между тѣмъ какъ важный Victor Hugo издавалъ свои блестящія, хотя и натянутыя Восточныя Стихотворенія (les Orientales); между тѣмъ какъ бѣдный скептикъ Делормъ воскресалъ въ видѣ исправляющагося неофита, и строгость приличій была объявлена въ приказѣ по всей французской литературѣ—вдругъ явился молодой поэтъ съ книжечкой сказокъ и пѣсенъ и произвелъ недоумѣніе... Какъ приняли молодаго проказника? За него страшно. Кажется, видишь негодованіе журналовъ и всѣ ферулы, поднятыя на него. Ничуть не бывало. Откровенная шалость любезнаго повѣсы такъ изумила, такъ понравилась, что критика не только его не побранила, но еще сама взялась его оправдать, объявила, что можно описывать разбойниковъ и убійцъ, даже не имѣя цѣлію объяснить, сколь непохвально это ремесло—и быть добрымъ и честнымъ человѣкомъ; что вѣроятно семейство его, читая его стихи, не станетъ раздѣлять ужаса нѣкоторыхъ и видѣть въ немъ изверга; что, однимъ словомъ, поэзія—вымыселъ, и ничего съ прозаической истиной жизни общаго не имѣетъ. Давно бы такъ, милостивые государи...

Итальянскія и испанскія сказки Мюссе отличаются живостію необыкновенной. Изъ нихъ Portia, кажется, имѣетъ болѣе всего достоинства: сцена ночнаго свиданія, картина ревнивца, посѣдѣвшаго вдругъ, разговоръ двухъ любовниковъ на морѣ все это прелесть. Драматическій очеркъ: Les marons du feu обѣщаетъ Франціи романтическаго трагика, а въ повѣсти «Mardoche» Musset, первый изъ французскихъ поэтовъ, умѣлъ схватить тонъ Байрона въ его шуточныхъ произведеніяхъ, что вовсе не шутка. Если мы будемъ понимать слова Горація: difficile est propria communia dicere, какъ понялъ ихъ англійскій поэтъ въ эпиграфѣ къ Донъ-Жуану, то мы согласимся съ

lib.pushkinskijdom.ru

его мнѣніемъ: трудно прилично выражать обыкновенные предметы. Communia значитъ не обыкновенные предметы, но общіе всѣмъ. (Дѣло идетъ о предметахъ трагическихъ, всѣмъ извѣстныхъ, общихъ, въ противоположность предметамъ вымышленнымъ).

Болдино, 1830.

О ДРАМѢ.

Программа.—Что развивается въ трагедіи? Какая цѣль ея? Человѣкъ и народъ—судьба человѣческая, судьба народная. Вотъ почему Расинъ великъ, не смотря на узкую форму своей трагедіи. Вотъ почему Шекспиръ великъ, не смотря на неравенство, небрежность, уродливость отдѣлки.

1.

Что нужно драматическому писателю? Философія, безпристрастіе, государственныя мысли историка, догадливость, живость воображенія, отсутствіе предразсудковъ и всякой любимой мысли.

Между тѣмъ, какъ правила эстетики со временъ Канта и Лессинга развиты съ такой ясностію и обширностію, мы все еще остаемся при понятіяхъ тяжелаго педанта Готштеда; мы еще повторяемъ, что прекрасное есть подражаніе изящной природѣ и что главное достоинство искусства есть польза. Почему же статуи раскрашенныя нравятся намъ менѣе чисто мраморныхъ и мѣдныхъ? Почему поэтъ предпочитаетъ выражать мысли свои стихами? И какая польза въ Тиціановой Венерѣ или въ Аполлонѣ Бельведерскомъ?

Правдоподобіе все еще полагается главнымъ условіемъ и основаніемъ драматическаго искусства. Что, если докажутъ намъ, что и самая сущность драматическаго искусства именно исключаетъ правдоподобіе?

Читая поэму, романъ, мы часто можемъ забыться и полагать, что описываемое происшествіе не есть вымыселъ, но истина; въ одѣ, въ элегіи можемъ думать, что поэтъ изображалъ свои настоящія чувствованія, въ настоящихъ обстоятельствахъ. Но можетъ ли сей обманъ существовать въ зданіи, раздѣленномъ на двѣ части, изъ коихъ одна наполнена зрителями, которые etc. etc.

lib.pushkinskijdom.ru

2.

Если мы будемъ полагать правдоподобіе въ строгомъ соблюденіи костюма, красокъ времени и мѣста, то и тутъ мы увидимъ, что величайшіе драматическіе писатели часто не повиновались сему правилу. У Шекспира римскіе ликторы сохраняютъ обычаи лондонскихъ альдермановъ. У Кальдерона храбрый Коріоланъ вызываетъ противника на дуэль и бросаетъ ему перчатку. У Расина полускиѳъ Ипполитъ ее поднимаетъ и говоритъ языкомъ молодаго благовоспитаннаго маркиза. Корнеля Клитемнестру сопровождаетъ швейцарская гвардія. Римляне Корнеля суть, если не испанскіе рыцари, то гасконскіе бароны. Со всѣмъ тѣмъ Кальдеронъ, Шекспиръ, Корнель и Расинъ стоятъ на высотѣ недосягаемой, а ихъ произведенія составляютъ вѣчный предметъ нашихъ изученій и восторговъ.

Какого же правдоподобія требовать должны мы отъ драматическаго писателя? Для разрѣшенія сего вопроса разсмотримъ сначала, что такое драма и какая ея цѣль.

Драма родилась на площади и составляла увеселеніе народное. Народъ, какъ дѣти, требуетъ занимательности дѣйствія — драма представляетъ ему необыкновенное истинное происшествіе; народъ требуетъ сильныхъ ощущеній (для него и казни зрѣлище)—трагедія преимущественно выводитъ предъ нимъ тяжкія злодѣянія, страданія сверхъестественныя, даже физическія (напр. Филоктетъ, Эдипъ, Лиръ). Но привычка притупляетъ ощущенія; воображеніе привыкаетъ къ убійствамъ и казнямъ, смотритъ на нихъ ужъ равнодушно; изображеніе же страстей и души человѣческой для него всегда занимательно, велико и поучительно. Драма стала завѣдывать страстями и душою человѣческой.

Смѣхъ, жалость и ужасъ суть три струны нашего воображенія, потрясаемыя волшебствомъ драмы, но смѣхъ скоро ослабѣваетъ, и на немъ одномъ невозможно основывать полнаго драматическаго дѣйствія. Древніе трагики пренебрегали сею пружиною. Народная сатира овладѣла ею исключительно и приняла форму драматическую, болѣе какъ пародію. Такимъ образомъ родилась комедія, современемъ столь усовершенствованная. Замѣтили, что высокая комедія не основана единственно на смѣхѣ, но на развитіи характеровъ, и что нерѣдко близко подходитъ къ трагедіи.

Истина страстей, правдоподобіе чувствованій въ предпола-

lib.pushkinskijdom.ru

тасмыхъ обстоятельствахъ—вотъ чего требуетъ нашъ умъ отъ драматическаго писателя.

3.

Драма оставила площадь и перенеслась въ чертоги образованнаго, избраннаго общества. Между тѣмъ, драма остается вѣрною первоначальному своему назначенію дѣйствовать на толпу, занимать ея любопытство. Но тутъ, что привлекаетъ вниманіе образованнаго, просвѣщеннаго зрителя, какъ не изображеніе великихъ, историческихъ происшествій. Отселѣ исторія перенеслась на театръ; народы и вожди ихъ выведены передъ нами драматическимъ поэтомъ. Въ чертогахъ драма измѣнилась, голосъ ея понизился; она не имѣла уже нужды въ крикахъ. Она оставила маску преувеличенія, необходимую на площади, но излишнюю въ комнатѣ; она явилась проще, естественнѣе. Чувства, болѣе утонченныя, уже не требовали сильнаго потрясенія. Она перестала изображать отвратительныя страданія, отвыкла отъ ужасовъ, мало по малу сдѣлалась благопристойна и важна.

Отселѣ важная разница. Творецъ трагедіи народной былъ образованнѣе своихъ зрителей; онъ это зналъ и давалъ имъ свободныя произведенія съ увѣренностію въ своей возвышенности, и публика безпрекословно это признавала. При дворѣ, наоборотъ, поэтъ чувствовалъ себя ниже своей публики: зрители были образованнѣе его — по крайней мѣрѣ такъ думалъ и онъ и они; онъ не предавался вольно и смѣло своимъ вымысламъ; онъ старался угадывать требованія утонченнаго вкуса людей, чуждыхъ ему по состоянію; онъ боялся унизить такое-то высокое званіе, оскорбить такихъ-то спесивыхъ своихъ патроновъ: отъ сего и робкая покорность и отселѣ смѣшная надутость, вошедшая въ пословицу (un heros, un roi de comédie), и привычка влагать въ уста людямъ высшаго состоянія, съ какимъ-то подобострастіемъ, странный, не человѣческій образъ изъясненія. У Расина, напримѣръ, Неронъ не скажетъ просто: je serai caché dans ce cabinet, но caché près de ces lieux je vous verrai, madame. Агамемнонъ будитъ своего наперсника, говоритъ ему съ напыщенностью: Oui, c'est Agamemnon, etc.

Мы къ этому привыкли, намъ кажется, что такъ и быть должно; но надобно признаться, что у Шекспира этого не замѣтно. И если иногда герои выражаются въ его трагедіяхъ

lib.pushkinskijdom.ru

какъ конюхи, то намъ это не странно, ибо мы чувствуемъ, что и знатные должны выражать простыя понятія какъ простые люди.

Не имѣю цѣлію и не смѣю опредѣлять выгоды и невыгоды той и другой трагедіи, развивать существенныя разницы системъ Расина и Шекспира. Спѣшу обозрѣть исторію драматическаго искусства въ Россіи.

4.

Драма никогда не была у насъ потребностію народною. Первыя труппы, появившіяся въ Россіи, не привлекали народа, непонимавшаго драматизма и непривыкшаго къ его условіямъ. Явился Сумароковъ, несчастнѣйшій изъ подражателей. Трагедіи его, исполненныя противомыслія, писанныя варварскимъ изнѣженнымъ языкомъ, нравились двору Елизаветы, какъ новость, какъ подражаніе парижскимъ увеселеніямъ. Сіи вялыя, холодныя произведенія не могли имѣть никакого вліянія на народное пристрастіе. Озеровъ это чувствовалъ. Онъ попытался дать намъ трагедію и вообразилъ, что для сего довольно будетъ, если выберетъ предметъ изъ народной исторіи, забывъ, что поэты Франціи брали всѣ предметы для своихъ трагедій изъ греческой, римской и европейской исторіи, и что самыя народныя трагедіи Шекспировы заимствованы имъ изъ итальянскихъ новеллъ.

Послѣ Дмитрія Донскаго, послѣ Пожарскаго (произведенія незрѣлаго таланта), мы все не имѣли трагедіи. Андромаха Катенина (можетъ быть, лучшее произведеніе нашей драмы по силѣ истинныхъ чувствъ, по духу истинно трагическому), не разбудила, однако жъ, нашу сцену, опустѣлую послѣ Семеновой.

Ермакъ идеализированный — лирическое произведеніе въ формѣ драмы. Ермакъ, лирическое произведеніе пылкаго юношескаго вдохновенія,* не есть произведеніе драматическое. Въ немъ все чуждо нашимъ нравамъ и духу, все даже самая очаровательная прелесть поэзіи.

Комедія была счастливѣе. Мы имѣемъ двѣ драматическія сатиры.

---

* Подразумѣвается трагедія Хомякова.

lib.pushkinskijdom.ru

5.

Отчего же нѣтъ у насъ трагедіи? Не худо было бы рѣшить: можетъ ли она и быть? Мы видѣли, что народная трагедія родилась на площади, образовалась, и потомъ уже была призвана въ аристократическое общество. У насъ было напротивъ. Мы захотѣли придворную сумароковскую трагедію низвести на площадь; но есть препятствія.

Трагедія наша, образованная по примѣру трагедіи Расина, можетъ ли отказаться отъ аристократическихъ своихъ привычекъ, отъ своего разговора, размѣреннаго, важнаго и напыщенно благопристойнаго? Какъ ей перейти къ грубой откровенности народныхъ страстей, къ вольности сужденій площади? какъ ей вдругъ отстать отъ подобострастія? какъ ей обойтись безъ правилъ, къ которымъ она привыкла? и у кого ей выучиться нарѣчію, понятному народу? какія суть страсти сего народа, какія струны его сердца, гдѣ найдетъ она себѣ созвучія—словомъ: гдѣ зрители, гдѣ публика?

Вмѣсто публики встрѣтитъ она тотъ же малый, ограниченный кругъ и оскорбитъ его привычки (dédaigneux), вмѣсто созвучія, отголоска и рукоплесканій услышитъ она мелочную, привязчивую критику. Передъ нею возстанутъ непреодолимыя преграды; для того, чтобъ она могла разставить свои подмостки, надобно было бы перемѣнить обычаи, нравы и понятія...

Передъ нами однако жъ опытъ народной трагедіи... *

6.

РАЗБОРЪ ДРАМЫ: МАРѲА ПОСАДНИЦА.

Прежде чѣмъ станемъ судить, поблагодаримъ неизвѣстнаго автора за добросовѣстность его труда, поруку истиннаго таланта. Онъ написалъ свою трагедію не по разсчетамъ самолюбія, жаждущаго минутнаго успѣха, не въ угожденіе общей массѣ читателей, не только не пріуготовленныхъ къ романтической драмѣ, но даже рѣшительно ей непріятствующихъ. Онъ написалъ трагедію вслѣдствіе сильнаго внутренняго убѣжденія, вполнѣ предавшись независимому вдохновенію, уединясь въ своемъ трудѣ. Безъ сего самоотверженія въ нынѣшнемъ со-

* Марѳа Посадница Погодина, разборъ которой и начатъ.

lib.pushkinskijdom.ru

стояніи нашей литературы ничего нельзя произвести истинно достойнаго вниманія.

Авторъ Марѳы Посадницы имѣлъ цѣлію развитіе важнѣйшаго историческаго происшествія, паденія Новгорода, рѣшившаго вопросъ о единодержавіи Россіи; два великихъ лица предоставлены ему были исторіею. Первое—Іоаннъ уже начертанный у Карамзина во всемъ его грозномъ величіи; второе—Новгородъ, коего черты надлежало угадать. Драматическій поэтъ, безпристрастный какъ судьба, долженъ былъ изобразить столько же искренно отпоръ погибающей вольности, какъ глубоко обдуманный ударъ, утвердившій Россію на ея огромномъ основаніи. Онъ не долженъ былъ хитрить и клониться на одну сторону, жертвуя другою. Не онъ, не его политическій образъ мнѣній, не его тайное или явное пристрастіе должно было говорить въ трагедіи, но люди минувшихъ дней, умы ихъ, предразсудки. Не его дѣло оправдывать, обвинять, подсказывать рѣчи. Его дѣло воскресить минувшій вѣкъ во всей его истинѣ. Исполнилъ ли сіи первоначальныя необходимыя условія авторъ Марѳы Посадницы? Отвѣчаемъ—исполнилъ, и если не вездѣ, то измѣнило ему не желаніе, не убѣжденіе, не совѣсть, но природа человѣка всегда несовершенная—сколько глубокое добросовѣстное изслѣдованіе истины и живость воображенія юнаго, пламеннаго ему послужили.

Іоаннъ наполняетъ трагедію. Мысль его приводитъ въ движеніе всю махину, всѣ страсти, всѣ пружины. Въ первой сценѣ новгородцы узнаютъ о властолюбивыхъ его притязаніяхъ и о начатомъ походѣ. Негодованіе, ужасъ, разногласіе, смятеніе, произведенное симъ извѣстіемъ, даютъ уже понятіе о его могуществѣ. Онъ еще не появился, но ужъ тутъ; какъ Марѳа, мы ужъ чувствуемъ его присутствіе. Поэтъ переноситъ насъ въ московскій станъ, среди недовольныхъ князей, среди бояръ и воеводъ. И тутъ мысль объ Іоаннѣ господствуетъ и правитъ всѣми мыслями, всѣми страстями. Здѣсь видимъ могущество его, владычество, укрощающее мятежныхъ удѣльныхъ князей, страхъ, наведенный на нихъ Іоанномъ, сильную вѣру въ его всемогущество. Князья свободно и ясно понимаютъ его дѣйствія, предвидятъ и объясняютъ высокіе замыслы. Послы новгородскіе ожидаютъ его; является Іоаннъ. Рѣчь его къ посламъ не умаляетъ понятія, которое поэтъ успѣлъ внушить. Хладная рѣшимость, обвиненія сильныя, притворное великодушіе, хит-

lib.pushkinskijdom.ru

рое изложеніе обидъ... мы слышимъ точно Іоанна, мы узнаемъ мощный государственный его смыслъ, мы слышимъ духъ его вѣка. Новгородъ отвѣчаетъ ему въ лицѣ своихъ пословъ. Какая сцена, какая вѣрность историческая! Какъ угадана дипломатика русскаго вольнаго города! Іоаннъ не заботится о томъ, правы ли они или нѣтъ? Онъ предписываетъ свои послѣднія условія. Между тѣмъ готовится къ рѣшительной битвѣ. Но не однимъ оружіемъ дѣйствуетъ осторожный Іоаннъ. Измѣна помогаетъ силѣ. Сцена между Іоанномъ и Борецкимъ кажется намъ невыдержанною. Поэту не хотѣлось унизить совсѣмъ новгородскаго предателя; отселѣ заносчивость его рѣчей и недраматическая (т. е. неправдоподобная) снисходительность Іоанна. Скажутъ: онъ терпитъ, ибо ему нуженъ Борецкій; правда. Но предъ его лицомъ не смѣлъ бы забыться Борецкій, и измѣнникъ не говорилъ бы уже сильнымъ языкомъ Новгорода. За то съ какой полнотой, съ какимъ спокойствіемъ развиваетъ Іоаннъ государственныя свои мысли! и замѣтимъ его откровенность: вотъ лучшая лесть властителей и единственно его достойная. Послѣдняя рѣчь Іоанна (россійскіе бояре) кажется намъ не въ духѣ властолюбиваго Іоанна. Ему не нужно воспламенять ихъ усердія; онъ не станетъ изъяснять причины своихъ дѣйствій. Довольно, если онъ скажетъ имъ: завтра битва, будьте готовы.

Мы разстаемся съ Іоанномъ, узнавъ его намѣреніе, его мысли, его могучую волю — и уже видимъ его опять, когда молча въѣзжаетъ онъ побѣдителемъ въ преданный ему Новгородъ. Его распоряженія, переданныя намъ исторіей, сохранены въ трагедіи безъ добавленій затѣйливыхъ, безъ объясненій. Марѳа предрекаетъ ему семейственныя несчастія и погибель его рода.

Изображеніе Іоанна, согласно съ исторіей, почти вездѣ выдержано. Въ немъ трагикъ не ниже своего предмета. Онъ его понимаетъ ясно, вѣрно, знаетъ коротко и представляетъ намъ безъ надутости, чопорности, безъ противомыслія, безъ шарлатанства...*

(Болдино. 1830).

---

* Ср. письма къ Погодину въ VII томѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

БАРАТЫНСКІЙ.

Пора занять Баратынскому на русскомъ Парнасѣ мѣсто давно ему принадлежащее. Наши поэты не могутъ жаловаться на излишнюю строгость критиковъ и публики; напротивъ: едва замѣтимъ въ молодомъ писателѣ навыкъ въ стихосложенію, знаніе языка и средствъ онаго, уже тотчасъ спѣшимъ привѣтствовать его титломъ генія за гладкіе стишки и нѣжно благодаримъ его въ журналахъ отъ имени человѣчества; нѣвѣрный переводъ, блѣдное подражаніе сравниваемъ безъ церемоніи съ безсмертными произведеніями Гёте и Байрона: добродушіе смѣшное, но безвредное! Истинный талантъ довѣряетъ болѣе собственному сужденію, основанному на любви къ искусству, нежели малообдуманному рѣшенію записныхъ аристарховъ. Зачѣмъ лишать златую посредственность невинныхъ удовольствій, доставляемыхъ журнальнымъ торжествомъ?

Изъ нашихъ поэтовъ Баратынскій всѣхъ менѣе пользуется обычной благосклонностію журналовъ—оттого ли, что вѣрность ума, чувства, точность выраженія, вкусъ, ясность и стройность менѣе дѣйствуютъ на толпу, нежели преувеличеніе (exagération) модной поэзіи, или потому, что нашъ поэтъ нѣкоторыми эпиграммами заслужилъ негодованіе братіи, не всегда смиренной. Какъ бы то ни было, критики изъявляли въ отношеніи къ нему или недобросовѣстное равнодушіе, или даже непріязненное расположеніе. Не упоминая уже объ извѣстныхъ шуткахъ покойнаго «Благонамѣреннаго», извѣстнаго весельчака, замѣтимъ, что появленіе «Эды», произведенія столь замѣчательнаго оригинальной своей простотою, прелестью разсказа, живостью красокъ и очерковъ характеровъ, слегка, но мастерски означенныхъ, появленіе «Эды» подало только поводъ къ неприличной статейкѣ въ «Сѣверной Пчелѣ» и слабому возраженію на нее въ «Московскомъ Телеграфѣ».

Какъ отозвался «Московскій Вѣстникъ» о собраніи стихотвореній нашего перваго элегическаго поэта? (Упоминаю объ всемъ этомъ для назиданія молодыхъ писателей). Между тѣмъ, Баратынскій спокойно совершенствовался. Послѣднія его произведенія являются плодами зрѣлаго таланта. Послѣдняя поэма «Балъ» (напечатанная въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ) подтверждаетъ наше мнѣніе. Сіе блестящее произведніе исполнено оригинальныхъ красотъ и прелести необыкновенной. Поэтъ съ удивитель-

lib.pushkinskijdom.ru

нымъ искусствомъ соединилъ въ своемъ разсказѣ тонъ шутливый и страстный, метафизику и поэзію (два лица являются передъ нами; одно исключительно занимаетъ интересъ). Характеръ героини совершенно новый, развитый con amore, широко и съ удивительнымъ искусствомъ; для него поэтъ нашъ создалъ совершенно новый языкъ и выразилъ на немъ всѣ оттѣнки своей метафизики, для него расточилъ онъ всю элегическую нѣгу, всю прелесть своей поэзіи.[1]

Напрасно поэтъ беретъ иногда строгій тонъ укоризны, напрасно онъ съ принужденной холодностью говоритъ о смерти Нины, сатирически описываетъ намъ ея похороны и шуткою кончаетъ поэму свою: мы чувствуемъ, что онъ любитъ свою бѣдную, страстную героиню; онъ заставляетъ и насъ принимать болѣзненное соучастіе въ судьбѣ падшаго, но еще очаровательнаго созданія.

Арсеній есть тотъ самый, кого должна была полюбить бѣдная Нина. Онъ сильно овладѣлъ ея воображеніемъ, и—никогда вполнѣ не удовлетворяя ни ея страсти, ни любопытству—долженъ былъ до конца сохранить надъ нею роковое свое вліяніе (ascendant).

Перечтите его «Эду» (которую критики наши нашли ничтожной, ибо какъ дѣти отъ поэмы требуютъ они происшествій); перечтите сію краткую восхитительную повѣсть: съ какою глубиною чувствъ развита въ ней женская любовь. Посмотрите на Эду послѣ перваго поцѣлуя предпріимчиваго любовника. Она любитъ какъ дитя, радуется его подаркамъ, рѣзвится съ нимъ; но время идетъ: Эда уже не ребенокъ...[2] Какая роскошная черта, какъ весь отрывокъ исполненъ нѣги!

Баратынскій принадлежитъ къ числу отличныхъ нашихъ поэтовъ. Онъ у насъ оригиналенъ — ибо мыслитъ. Онъ былъ бы оригиналенъ и вездѣ, ибо мыслитъ посвоему, правильно и независимо, между тѣмъ какъ чувствуетъ сильно и глубоко. Гармонія его стиховъ, свѣжесть слога, живость и точность выраженія должны поразить всякаго, хотя нѣсколько одареннаго вкусомъ, чувствомъ. Кромѣ прелестныхъ элегій и мелкихъ стихотвореній, знаемыхъ

---

[1] Оставлено мѣсто для выписки изъ поэмы: «Балъ».

[2] Оставлено мѣсто для выписки изъ Эды.

lib.pushkinskijdom.ru

всѣми наизустъ и столь неудачно подражаемыхъ, Баратынскій написалъ двѣ повѣсти, которыя въ Европѣ доставили бы ему славу, а у насъ были замѣчены одними знатоками. Первыя, юношескія произведенія Баратынскаго были нѣкогда приняты съ восторгомъ; послѣднія, болѣе зрѣлыя, болѣе близкія къ совершенству, въ публикѣ имѣли малый успѣхъ. Постараемся объяснить тому причины. Первою должно почесть самое сіе совершенствованіе, самую зрѣлость его произведеній. Понятія, чувства 18-ти лѣтняго поэта еще близки и сродны всякому; молодые читатели понимаютъ его, и съ восхищеніемъ въ его произведеніяхъ узнаютъ собственныя чувства и мысли, выраженныя ясно, живо и гармонически. Но лѣта идутъ—юный поэтъ мужаетъ, талантъ его растетъ, понятія становятся выше, чувства измѣняются—пѣсни его уже не тѣ, а читатели все тѣ же. и развѣ только сдѣлались холоднѣе сердцемъ и равнодушнѣе къ поэзіи жизни. Поэтъ отдѣляется отъ нихъ и мало по малу уединяется совершенно. Онъ творитъ для самого себя, и если изрѣдка еще обнародываетъ свои произведенія, то встрѣчаетъ холодность, невниманіе, и находитъ отголосокъ своимъ звукамъ голько въ сердцахъ нѣкоторыхъ поклонниковъ поэзіи, какъ онъ, уединенныхъ въ свѣтѣ. Вторая причина есть отсутствіе критики и общаго мнѣнія. У насъ литература не есть потребность народная. Писатели получаютъ извѣстность посторонними обстоятельствами, публика мало ими занимается; классъ писателей ограниченъ, и имъ управляютъ журналы, которые судятъ о литературѣ какъ о политической экономіи, о политической экономіи какъ о музыкѣ, т. е. наобумъ, по наслышкѣ, безъ всякихъ основательныхъ правилъ и свѣдѣній, а большею частію по личнымъ разсчетамъ. Будучи предметомъ ихъ неблагосклонности, Баратынскій никогда за себя не вступался, не отвѣчалъ ни на одну журнальную статью. Правда, что довольно трудно оправдываться тамъ, гдѣ не было обвиненія, и что съ другой стороны довольно легко презирать ребяческук злость и площадныя насмѣшки — тѣмъ не менѣе ихъ приговоры имѣютъ рѣшительное вліяніе.

Третья причина—эпиграммы Баратынскаго; сіи мастерскія, образцовыя эпиграммы не щадили правителей русскаго Парнасса. Поэтъ нашъ никогда не находилъ ума въ полемикѣ и не любилъ состязаться съ нашими аристархами, не смотря на необыкновенную силу своей діалектики, но онъ не могъ удер-

lib.pushkinskijdom.ru

жаться, чтобъ сильно не выразить иногда своего мнѣнія въ этихъ маленькихъ сатирахъ, столь забавныхъ и язвительныхъ. Не смѣемъ упрекать его за нихъ. Слишкомъ было бы жаль, если бъ онѣ не существовали.*

Сія безпечность о судьбѣ своихъ произведеній, сіе неизмѣнное равнодушіе къ успѣху и похваламъ, не только въ отношеніи къ журналистамъ, но и въ отношеніи къ публикѣ, очень замѣчательны. Никогда не старался онъ малодушно угождать господствующему вкусу и требованіямъ мгновенной моды, никогда не прибѣгалъ къ шарлатанству, преувеличенію (exagération) для произведенія бо́льшаго эффекта, никогда не пренебрегалъ трудами неблагодарными, рѣдко замѣчаемыми, трудами отдѣлки и отчетливости. Никогда не тащился онъ по пятамъ свой вѣкъ увлекающаго генія, подбирая имъ оброненные колосья: онъ шелъ своею дорогою одинъ и независимъ. Время ему занять степень, ему принадлежащую, и стать подлѣ Жуковскаго и выше пѣвца Пенатовъ и Тавриды...

РОДОСЛОВНАЯ

ПУШКИНЫХЪ и ГАННИБАЛОВЪ.

(ОКТЯБРЬ—НОЯБРЬ 1830).

Нѣсколько разъ принимался я за ежедневныя записки, и всегда отступался изъ лѣности. Въ 1821 году началъ я мою біографію, и нѣсколько лѣтъ сряду занимался ею. Въ концѣ 1825 г., при открытіи несчастнаго заговора, я принужденъ былъ сжечь свои тетради, которыя могли замѣшать имена многихъ, а можетъ быть и умножить число жертвъ. Не могу не сожалѣть о ихъ потерѣ; я въ нихъ говорилъ о людяхъ, которые послѣ сдѣлались историческими лицами, съ откровенностію дружбы или короткаго знакомства. Теперь какая-то торжественность ихъ окружаетъ, и вѣроятно будетъ дѣйствовать на мой

---

* Эпиграмма, опредѣленная законодателемъ французской піитики: «Un bon mot de deux rimes orné», скоро старѣетъ и живѣе дѣйствуя въ первую минуту, какъ и всякое острое слово, теряетъ всю свою силу при повтореніи. Напротивъ съ эпиграммами Баратынскаго. Сатирическая мысль пріемлетъ оборотъ то сказочный, то драматическій, и улыбнувшись ей, какъ острому слову, съ наслажденіемъ перечитываешь ее, какъ произведеніе искусства.—А. П.

lib.pushkinskijdom.ru

слогъ и образъ мыслей—за то буду осмотрительнѣе въ моихъ запискахъ. Если записки будутъ менѣе живы, то болѣе достовѣрны.

Избравъ себя лицомъ, около котораго постараюсь собрать другія лица, болѣе достойныя замѣчанія, скажу нѣсколько словъ о моемъ происхожденіи.*

Мы ведемъ свой родъ отъ прусскаго выходца Радши или Рачи (мужа честна, говоритъ лѣтописецъ, т. е. знатнаго, благороднаго), въѣхавшаго въ Россію во время княженія св. Александра Ярославича Невскаго. Отъ него произошли Мусины, Бобрищевы. Мятлевы, Повадовы, Каменскіе, Бутурлины, Кологривовы, Шереметиновы и Товарковы. Имя предковъ моихъ встрѣчается поминутно въ нашей исторіи. Въ маломъ числѣ знатныхъ родовъ, уцѣлѣвшихъ отъ кровавыхъ опалъ царя Ивана Васильевича Грознаго, исторіографъ именуетъ и Пушкиныхъ. Григорій ** Гавриловичъ Пушкинъ принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ лицъ въ эпоху самозванцевъ. Другой Пушкинъ, во время междуцарствія, начальствуя отдѣльнымъ войскомъ, одинъ съ Измайловымъ, по словамъ Карамзина, сдѣлалъ честно свое дѣло. Четверо Пушкиныхъ подписались подъ грамотою о избраніи на царство Романовыхъ, а одинъ изъ нихъ, окольничій Матвѣй Степановичъ, подъ соборнымъ дѣяніемъ объ уничтоженіи мѣстничества (что мало дѣлаетъ чести его характеру). При Петрѣ Первомъ, сынъ его, стольникъ Ѳедоръ Матвѣевичъ, уличенъ былъ въ заговорѣ противу государя и казненъ вмѣстѣ съ Циклеромъ и Соковнинымъ. Прадѣдъ мой Александръ Петровичъ былъ женатъ на меньшой дочери графа Головина, перваго андреевскаго кавалера. Онъ умеръ весьма молодъ, въ припадкѣ сумасшествія зарѣзавъ свою жену, находившуюся въ родахъ. Единственный сынъ его Левъ Александровичъ служилъ въ артиллеріи, и въ 1762 году, во время возмущенія остался вѣренъ Петру III. При вступленіи на престолъ Екатерины II, онъ былъ посаженъ въ крѣпость, гдѣ содержался два года. Съ тѣхъ поръ онъ уже въ службу не вступалъ, а жилъ въ Москвѣ и въ своихъ деревняхъ.

Дѣдъ мой былъ человѣкъ пылкій и жестокій. Первая жена

---

* Ср. выше, стр. 109.

** Ошибка, должно быть Гаврило.

lib.pushkinskijdom.ru

его, урожденная Воейкова, умерла на соломѣ, заключенная имъ въ домашнюю тюрьму за мнимую или настоящую ея связь съ французомъ, бывшимъ учителемъ его сыновей, и котораго онъ весьма феодально повѣсилъ на черномъ дворѣ. Вторая жена его, урожденная Чичерина, довольно отъ него натерпѣлась. Однажды онъ велѣлъ ей одѣться и ѣхать съ нимъ куда-то въ гости. Бабушка была на сносяхъ и чувствовала себя нездоровой, но не смѣла отказаться. Дорогой она почувствовала муки. Дѣдъ мой велѣлъ кучеру остановиться, и она въ каретѣ разрѣшилась чуть ли не моимъ отцомъ. Родильницу привезли домой полумертвую, и положили на постелю всю разряженную и въ брилліантахъ. Все это знаю я довольно темно. Отецъ мой никогда не говорилъ о странностяхъ дѣда, а старые слуги давно перемерли.

Родословная матери моей еще любопытнѣе. Дѣдъ ея былъ негръ, сынъ владѣтельнаго князька. Русскій посланникъ въ Константинополѣ какъ-то досталъ его изъ сераля, гдѣ содержался онъ аманатомъ, и отослалъ его Петру Первому, вмѣстѣ съ двумя другими арапчатами. Государь крестилъ маленькаго Ибрагима въ Вильнѣ, въ 1707 году, съ польскою королевою, супругою Августа, и далъ ему фамилію Ганнибалъ. Въ крещеніи наименованъ онъ былъ Петромъ; но какъ онъ плакалъ и не хотѣлъ носить новаго имени, то до самой смерти назывался Абрамомъ. Старшій братъ его пріѣзжалъ въ Петербургъ, предлагая за него выкупъ, но Петръ оставилъ при себѣ своего крестника. До 1716 года Ганнибалъ находился неотлучно при особѣ государя, спалъ въ его токарнѣ, сопровождалъ его во всѣхъ походахъ, потомъ посланъ былъ въ Парижъ, гдѣ нѣсколько времени обучался въ военномъ училищѣ, вступилъ во французскую службу, во время испанской войны былъ въ голову раненъ въ одномъ подземномъ сраженіи (сказано въ рукописной его біографіи), и возвратился въ Парижъ, гдѣ долгое время жилъ въ разсѣяніи большаго свѣта. Петръ Первый неоднократно призывалъ его къ себѣ, но Ганнибалъ не торопился, отговариваясь подъ разными предлогами. Наконецъ государь написалъ ему, что онъ неволить его не намѣренъ, что предоставляетъ его доброй волѣ возвратиться въ Россію или остаться во Франціи; но что во всякомъ случаѣ онъ никогда не оставитъ прежняго своего питомца. Тронутый Ганнибалъ немедленно отправился въ Петербургъ. Государь выѣхалъ къ

lib.pushkinskijdom.ru

нему на встрѣчу и благословилъ образомъ Петра и Павла, который хранился у его сыновей, но котораго я не могъ уже отыскать. Государь пожаловалъ Ганнибала въ бомбардирскую роту преображенскаго полка капитанъ-лейтенантомъ. Извѣстно, что самъ Петръ былъ ея капитаномъ. Это было въ 1722 году.

Послѣ смерти Петра Великаго судьба Ганнибала перемѣнилась. Меньшиковъ, опасаясь его вліянія на императора Петра II, нашелъ способъ удалить его отъ двора. Ганнибалъ былъ переименованъ въ маіоры тобольскаго гарнизона и посланъ въ Сибирь съ препорученіемъ измѣрить китайскую стѣну. Ганнибалъ пробылъ тамъ нѣсколько времени и самовольно возвратился въ Петербургъ, узнавъ о паденіи Меньшикова, и надѣясь на покровительство князей Долгорукихъ, съ которыми былъ онъ связанъ. Судьба Долгорукихъ извѣстна. Минихъ спасъ Ганнибала, отправя его тайно въ ревельскую деревню, гдѣ и жилъ онъ около десяти лѣтъ, въ поминутномъ безпокойствѣ. До самой кончины своей, онъ не могъ безъ трепета слышать звонъ колокольчика. Когда императрица Елизавета взошла на престолъ, тогда Ганнибалъ написалъ ей евангельскія слова: «помяни мя, егда пріидеши во царствіе свое». Елисавета тотчасъ призвала его ко двору, произвела въ бригадиры, и вскорѣ потомъ въ генералъ-маіоры и въ генералъ-аншефы, пожаловала ему нѣсколько деревень въ губерніяхъ Псковской и Петербургской—въ первой: Зуёво, Боръ, Петровское и другія; во второй: Кобрино, Суйду и Таицы, также деревню Раголу, близъ Ревеля, въ которомъ нѣсколько времени былъ онъ оберъ-комендантомъ. При Петрѣ III вышелъ онъ въ отставку и умеръ философомъ (говоритъ его нѣмецкій біографъ), въ 1781 году, на 93-мъ году своей жизни. Онъ написалъ было свои записки на французскомъ языкѣ, но въ припадкѣ паническаго страха, коему былъ подверженъ, велѣлъ ихъ сжечь вмѣстѣ съ другими драгоцѣнными бумагами.*

---

* Напомнимъ примѣчаніе поэта при 1-й главѣ Е. Онѣгина: «Авторъ, со стороны матери, происхожденія африканскаго. Его прадѣдъ, Абрамъ Петровичъ Аннибалъ, на 8-мъ году своего возраста, былъ похищенъ съ береговъ Африки и привезенъ въ Константинополь. Россійскій посланникъ, выручивъ его, послалъ въ подарокъ Петру Великому, который крестилъ его въ Вильнѣ. Вслѣдъ за нимъ братъ его пріѣзжалъ сперва въ Константинополь, а потомъ въ Петербургъ, предлагая за него выкупъ, но Петръ I не согласился возвратить своего

lib.pushkinskijdom.ru

Въ семейственной жизни прадѣдъ мой Ганнибалъ такъ же былъ несчастливъ, какъ и прадѣдъ Пушкинъ. Первая жена его красавица, родомъ гречанка, родила ему бѣлую дочь. Онъ съ нею развелся и принудилъ ее постричься въ Тихвинскомъ монастырѣ, а дочь ея Поликсену оставилъ при себѣ, далъ ей тщательное воспитаніе, богатое приданое, но никогда не пускалъ ее къ себѣ на глаза. Вторая жена его, Христина Регина фонъ-Шеберхъ, вышла за него въ бытность его въ Ревелѣ оберъ-комендантомъ, и родила ему множество черныхъ дѣтей обоего пола.

Старшій сынъ Иванъ Абрамовичъ столь же достоинъ замѣчанія, какъ и его отецъ. Онъ пошелъ въ военную службу, вопреки волѣ родителя, отличился и, ползая на колѣнахъ, выпросилъ отцовское прощеніе. Подъ Чесмою онъ распоряжалъ брандерами и былъ одинъ изъ тѣхъ, которые спаслись съ корабля, взлетѣвшаго на воздухъ. Въ 1770 году взялъ Наваринъ; въ 1779 выстроилъ Херсонъ. Его постановленія донынѣ уважаются въ полуденномъ краю Россіи, гдѣ въ 1821 году видѣлъ я стариковъ, живо еще хранившихъ его память. Онъ поссорился съ Потемкинымъ. Государыня оправдала Ганнибала

крестника. До глубокой старости Аннибалъ помнилъ еще Африку, роскошную жизнь отца, 19 братьевъ, изъ коихъ онъ былъ меньшой; помнилъ, какъ ихъ водили къ отцу, съ руками связанными за спину, между тѣмъ какъ онъ одинъ былъ свободенъ и плавалъ подъ фонтанами отеческаго дома; помнилъ также любимую сестру свою Лагань, плывшую издали за кораблемъ, на которомъ онъ удалялся. 18-ти лѣтъ отъ роду Аннибалъ посланъ былъ царемъ во Францію, гдѣ и началъ свою службу въ арміи регента; онъ возвратился въ Россію съ разрубленной головой и съ чиномъ французскаго лейтенанта. Въ царствованіе Анны Аннибалъ, личный врагъ Бирона, посланъ былъ въ Сибирь подъ благовиднымъ предлогомъ. Наскуча безлюдствомъ и жестокостію климата, онъ самовольно возвратился въ Петербургъ и явился къ своему другу Миниху. Минихъ изумился и совѣтовалъ ему скрыться немедленно. Аннибалъ удалился въ свои помѣстья, гдѣ и жилъ во время царствованія Анны, считаясь въ службѣ и въ Сибири. Елизавета, вступивъ на престолъ, осыпала его своими милостями. А. П. Аннибалъ умеръ уже въ царствованіе Елизаветы, уволенный отъ важныхъ занятій службы съ чиномъ генералъ-аншефа, на 92 г. отъ рожденія. Въ Россіи, гдѣ память замѣчательныхъ людей скоро исчезаетъ по причинѣ недостатка историческихъ записокъ, странная жизнь Аннибала извѣстна только по семейнымъ преданіямъ. Сынъ его генералъ-лейтенантъ И. А. Аннибалъ принадлежитъ безспорно къ числу отличнѣйшихъ людей екатерининскаго вѣка (умеръ 1800 г.). Мы современемъ надѣемся издать полную его біографію.»

lib.pushkinskijdom.ru

и надѣла на него александровскую ленту; но онъ оставилъ службу и съ тѣхъ поръ жилъ по большой части въ Суйдѣ, уважаемый всѣми замѣчательными людьми славнаго вѣка, между прочими Суворовымъ, который при немъ оставлялъ свои проказы, и котораго принималъ онъ не завѣшивая зеркалъ и не наблюдая никакихъ тому подобныхъ церемоній.

Дѣдъ мой, Осипъ Абрамовичъ — настоящее имя его было Январій, но прабабушка моя не согласилась звать его этимъ именемъ, труднымъ для ея нѣмецкаго произношенія. «Шорнъ шортъ, говорила она, дѣлать мнѣ шорна репять и даетъ имъ шертовскъ имя.» Дѣдъ мой служилъ во флотѣ и женился на Маріѣ Алексѣевнѣ Пушкиной, дочери тамбовскаго воеводы, роднаго брата дѣду отца моего (который доводится внучатнымъ братомъ моей матери), и сей бракъ былъ несчастливъ: ревность жены и непостоянство мужа были причиною неудовольствій и ссоръ, которыя кончились разводомъ. Африканскій характеръ моего дѣда, пылкія страсти, соединенныя съ ужаснымъ легкомысліемъ, вовлекли его въ удивительныя заблужденія. Онъ женился на другой женѣ, представя фальшивое свидѣтельство о смерти первой. Бабушка принуждена была подать просьбу на имя императрицы, которая съ живостію вмѣшалась въ это дѣло. Новый бракъ дѣда моего объявленъ былъ незаконнымъ: бабушкѣ моей возвращена трехлѣтняя ея дочь, а дѣдушка посланъ на службу въ черноморской флотъ. 30 лѣтъ они жили розно. Дѣдъ мой умеръ въ 1807 году,* въ своей Псковской деревнѣ, отъ слѣдствій невоздержной жизни. Одиннадцать лѣтъ послѣ того, бабушка скончалась въ той же деревнѣ. Смерть соединила ихъ. Они покоятся другъ подлѣ друга въ Святогорскомъ монастырѣ.

АНЕКДОТЪ О БАЙРОНѢ.

1830.

Горестно видѣть, что нѣкоторые критики вмѣшиваютъ въ мелочныя выходки и придирки своего недоброжелательства или зависти къ какому либо извѣстному писателю, намеки и указанія на личныя его свойства, поступки, образъ мыслей и

* Ошибка—вмѣсто 1806 года.

lib.pushkinskijdom.ru

вѣрованіе. Душа человѣка есть недоступное хранилище его помысловъ: если самъ онъ таитъ ихъ, то ни коварный глазъ непріязни, ни предупредительный взоръ дружбы не могутъ проникнуть въ сіе хранилище. И какъ судить о свойствахъ и образѣ мыслей человѣка по наружнымъ его дѣйствіямъ? Онъ можетъ по произволу надѣвать на себя притворную личину порочности, какъ и добродѣтели. Часто, по какому либо своенравному убѣжденію ума своего, онъ можетъ выставлять на позоръ толпѣ не самую лучшую сторону своего нравственнаго бытія; часто можетъ бросать пыль въ глаза черни однѣми своими странностями. Анекдотъ объ отрубленномъ хвостѣ Алкивіадовой собаки всѣмъ извѣстенъ; странныя поговорки, прыжки и увертки Суворова въ живой еще памяти у всѣхъ русскихъ.

Лордъ Байронъ часто былъ обвиняемъ въ развратности нрава, своекорыстіи, непомѣрномъ эгоизмѣ и безвѣріи: личные непріятели знаменитаго поэта, женщины, лжесвяты-методисты и нѣкоторые благосклонные журналисты безъ умолку такъ о немъ трубили, а одинъ присяжный или увѣнчанный поэтъ (Southey, poète lauréat) назвалъ его поэзію сатанинскою.—На первыя три обвиненія служатъ отвѣтомъ: скорбь благороднаго поэта послѣ развода съ своенравною его супругой и разлуки съ дочерью, неоднократно имъ изъясненная въ разговорахъ съ друзьями и въ письмахъ, выраженная съ необыкновеннымъ чувствомъ въ прекрасной его элегіи: «Прости» и въ нѣсколькихъ краснорѣчивыхъ станцахъ Чайльдъ-Гарольда; безкорыстныя его пожертвованія въ пользу грековъ и даже въ пользу ложныхъ друзей и неблагородныхъ книгопродавцевъ; благодѣянія, оказанныя имъ разнымъ лицамъ въ Италіи и въ Турціи; постоянная его дружба съ Шеллеемъ, Гобгоузомъ и примиреннымъ Т. Муромъ; наконецъ благороднѣйшая и чистѣйшая жертва, принесенная имъ страждущему человѣчеству: смерть его въ стѣнахъ осажденной Миссолонги. — Послѣднее обвиненіе (въ безвѣріи) онъ отчасти самъ отразилъ въ отвѣтѣ своему помянутому увѣнчанному поэту. Но вотъ еще анекдотъ, узнанный уже по смерти Байрона и служащій свидѣтельствомъ въ защиту его отъ злонамѣренныхъ обвинителей. Анекдотъ сей, кажется, нигдѣ еще не былъ помѣщенъ въ русскомъ переводѣ.

Лордъ Байронъ долгое время носилъ на груди своей какую-то драгоцѣнность, на лентѣ. Капитанъ Медуинъ думалъ, что

lib.pushkinskijdom.ru

это былъ портретъ первой его любовницы. Извѣстный оріенталистъ, г. Гаммеръ, напечаталъ въ одной нѣмецкой газетѣ, что это былъ восточный амулетъ. «Сей амулетъ», говоритъ Гаммеръ: «состоитъ изъ лоскутка бумаги, даннаго какимъ-то дервишемъ: это списокъ съ условія, заключеннаго (по мнѣнію магометанъ) между царемъ Соломономъ и дьяволомъ, въ силу котораго сатана обязался не дѣлать никакого зла человѣку, который будетъ носить при себѣ рукописаніе, содержащее пять молитвъ: Адама, Ноя, Іова. Іоны и Авраама.» Догадки того и другаго опровергаются слѣдующимъ повѣствованіемъ.

Во время пребыванія лорда Байрона въ Аѳинахъ (въ первое его путешествіе), онъ поселилъ великую къ себѣ пріязнь въ одномъ монахѣ францисканскаго монастыря, гдѣ Байронъ остановился на жительство. Монахъ сей назывался отцомъ Бернардомъ. Когда освобожденіе Греціи манило Байрона исторгнуться изъ роскошной и веселой Италіи, тогда рѣшась на славный свой подвигъ, разсказывалъ онъ однажды друзьямъ своимъ объ этомъ монахѣ.

— «Странное дѣло, говорилъ Байронъ: отецъ Бернардъ, отдавая мнѣ Христа, котораго самъ онъ носилъ, сказалъ мнѣ пророческимъ голосомъ: «ты будешь защитникомъ христіанъ, ты возвратишься въ Грецію и станешь за правое дѣло вѣрныхъ... но я не буду обрадованъ свиданіемъ съ тобою: боюсь что ты не дойдешь до Аѳинъ».—Лордъ Байронъ по сихъ словахъ погрузился въ глубокую задумчивость, которой никто не осмѣлился нарушить, ибо всѣ привыкли видѣть, что онъ бывалъ иногда молчаливъ и какъ бы одинокъ между людьми, когда какая либо важная или печальная мысль приходила къ нему, и даже въ серединѣ разговора. Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія онъ присовокупилъ слѣдующія замѣчательныя слова:

— «Едва повѣрятъ, что я ни въ какомъ случаѣ не могъ разстаться съ этимъ крестомъ; однако жъ это сущая правда. Я никогда не соглашался отдать его ни матери, ни сестрѣ своей, которыя просили его у меня по возвращеніи моемъ въ Англію; этотъ крестъ данъ мнѣ былъ на память пріоромъ францискановъ, живущимъ въ Діогеновой башнѣ, въ Аѳинахъ. Предобрый этотъ монахъ очень любилъ меня; когда онъ узналъ, что я готовился къ отъѣзду, то крайне опечалился. — «Не забывайте меня, милордъ,» сказалъ онъ, прощаясь со мною: «вы-

lib.pushkinskijdom.ru

берите изо всѣхъ моихъ скудныхъ пожитковъ то, что вамъ понравится, и берегите на память объ отцѣ Бернардѣ.» — Я указалъ рукою на распятіе, бывшее на немъ, и спросилъ не отдастъ ли онъ мнѣ его. Добрый пріоръ такъ былъ обрадованъ моимъ выборомъ, что слезы навернулись у него на глазахъ. Онъ былъ человѣкъ истинно-вѣрующій. Съ тѣхъ поръ я ни на минуту не покидалъ сего распятія. Скажу вамъ даже, что однажды, когда мнѣ показалось, будто бы я потерялъ его, я былъ самъ не свой: меня это мучило... И вотъ наконецъ предсказаніе отца Бернарда сбывается; мнѣ должно ѣхать въ Грецію,» и проч.

Анекдотъ сей находится въ одной любопытной книгѣ о лордѣ Байронѣ, изданной въ Лондонѣ г-мъ де-Сальво, который присовокупляетъ. что распятіе сіе отыскано по кончинѣ благороднаго лорда въ его портфелѣ, лежавшемъ подлѣ его смертнаго одра. Князь Маврокордато отослалъ оное къ наслѣдникамъ Байрона, вмѣстѣ съ его альбомомъ и бумагами. Оно теперь въ рукахъ Гобгоуза.—Прибавимъ, что если въ этомъ случаѣ вмѣшивалось отчасти и суевѣріе, то всетаки видно, что вѣра внутренняя перевѣшивала въ душѣ Байрона скептицизмъ, выказанный имъ мѣстами въ своихъ твореніяхъ. Можетъ быть даже, что скептицизмъ сей былъ только временнымъ своенравіемъ ума, иногда идущаго вопреки убѣжденію внутреннему, вѣрѣ душевной.

ДЕЛЬВИГЪ.

(1831).

Дельвигъ родился въ Москвѣ (1798 года....). Отецъ его, умершій генералъ-маіоромъ въ 1828 году, былъ женатъ на дѣвицѣ Рахмановой.*

Дельвигъ первоначальное образованіе получилъ въ частномъ пансіонѣ; въ концѣ 1811 года вступилъ онъ въ царскосельскій лицей. Способности его развивались медленно. Память у него

* Ошибка. Одна изъ сестеръ Дельвига была за Рахмановымъ, мать же поэта была урожденная Красильникова. Отецъ долго былъ плацъ-маіоромъ въ Москвѣ, потомъ бригаднымъ генераломъ въ Ригѣ и въ Кременчугѣ и наконецъ начальникомъ округа внутренней стражи въ Витебскѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

была тупа; понятія лѣнивы. На 14-мъ году онъ не зналъ никакого иностраннаго языка и не оказывалъ склонности ни къ какой наукѣ. Въ немъ замѣтна была только живость воображенія. Однажды вздумалось ему разсказать нѣсколькимъ изъ своихъ товарищей походъ 1807-го года, выдавая себя за очевидца тогдашнихъ происшествій. Его повѣствованіе было такъ живо и правдоподобно, и такъ сильно подѣйствовало на воображеніе молодыхъ слушателей, что нѣсколько дней около него собирался кружокъ любопытныхъ, требовавшихъ новыхъ подробностей о походѣ. Слухъ о томъ дошелъ до нашего директора А. Ѳ. Малиновскаго, который захотѣлъ услышать отъ самого Дельвига разсказъ о его приключеніяхъ. Дельвигъ постыдился признаться во лжи, столь же невинной, какъ и замысловатой, и рѣшился ее поддержать, что и сдѣлалъ съ удивительнымъ успѣхомъ, такъ что никто изъ насъ не сомнѣвался въ истинѣ его разсказовъ, покамѣстъ онъ самъ не признался въ своемъ вымыслѣ. Будучи еще пяти лѣтъ отъ роду, вздумалъ онъ разсказывать о какомъ-то чудесномъ видѣніи и смутилъ имъ всю свою семью. Въ дѣтяхъ, одаренныхъ игривостію ума, склонность ко лжи не мѣшаетъ искренности и прямодушію. Дельвигъ, разсказывающій о таинственныхъ своихъ видѣніяхъ и о мнимыхъ опасностяхъ, которымъ будто бы подвергался въ обозѣ отца своего, никогда не лгалъ въ оправданіе какой нибудь вины, для избѣжанія выговора или наказанія.

Любовь къ поэзіи пробудилась въ немъ рано. Онъ зналъ почти наизустъ собраніе русскихъ стихотвореній, изданное Жуковскимъ. Съ Державинымъ онъ не разставался. Клопштока, Шиллера и Гёте прочелъ онъ съ однимъ изъ своихъ товарищей, живымъ лексикономъ и вдохновеннымъ комментаріемъ. Горація изучилъ въ классѣ, подъ руководствомъ профессора Кошанскаго. Дельвигъ никогда не вмѣшивался въ игры, требовавшія проворства и силы; онъ предпочиталъ прогулки по аллеямъ Царскаго Села и разговоры съ товарищами, коихъ умственныя склонности сходствовали съ его собственными. Первыми его опытами въ стихотворствѣ были подражанія Горацію. Оды: къ Діону, къ Лилетѣ, Доридѣ, писаны имъ на пятнадцатомъ году и напечатаны въ собраніи его сочиненій безъ всякой перемѣны. Въ нихъ уже замѣтно необыкновенное чувство гармоніи и той классической стройности, которой никогда онъ не измѣнялъ. Какимъ образомъ никто не обратилъ

lib.pushkinskijdom.ru

тогда вниманія на ранніе отпрыски столь прекраснаго таланта? Никто не привѣтствовалъ вдохновеннаго юношу, между тѣмъ какъ стихи одного изъ его товарищей, стихи посредственные, замѣтные только по нѣкоторой легкости и чистотѣ мелочной отдѣлки, въ то же время были расхвалены и прославлены какъ нѣкоторое чудо. Но такова участь Дельвига: онъ не былъ оцѣненъ при раннемъ появленіи на краткомъ своемъ поприщѣ; онъ еще не оцѣненъ и теперь, когда покоится въ своей безвременной могилѣ!*

I. Я ѣхалъ съ Вяземскимъ изъ Петербурга въ Москву. Дельвигъ хотѣлъ проводить меня до Царскаго Села. 10 августа (1830) поутру мы вышли изъ города. Вяземскій долженъ былъ насъ догнать на дорогѣ.—Дельвигъ обыкновенно просыпался очень поздно и разбудить его преждевременно было почти невозможно. Но въ этотъ день всталъ онъ въ осьмомъ часу и у него съ непривычки кружилась и болѣла голова. Мы принуждены были зайти въ низенькій трактиръ. Дельвигъ позавтракалъ. Мы пошли далѣе. Ему стало легче; головная боль прошла. Онъ сталъ веселъ и говорливъ. — Завтракъ въ трактирѣ напомнилъ ему повѣсть, которую намѣревался онъ написать. Дельвигъ долго обдумывалъ свои произведенія, даже самыя мелкія. La raison de ce que Delvig a si peu écrit tient à sa manière de composer. Онъ любилъ въ разговорахъ развивать свои поэтическіе помыслы и мы знали его прекрасныя созданія нѣсколько лѣтъ прежде, нежели были они написаны, но когда наконецъ онъ ихъ читалъ, облеченные въ звучные гекзаметры они казались намъ новыми и неожиданными. Такимъ образомъ «Русская его Идиллія», напечатанная въ самый годъ его смерти,** была въ первый разъ разсказана мнѣ еще въ лицейской залѣ, послѣ скучнаго математическаго класса.

II. Идилліи Дельвига для меня удивительны: какую силу воображенія должно имѣть, дабы такъ совершенно перенестись изъ 19-го столѣтія въ золотой вѣкъ, и какое необыкновенное

---

* Замѣтка эта предназначалась, вѣроятно, въ Лит. Газету, какъ некрологическое извѣстіе, но не напечатана, за помѣщеніемъ болѣе подробнаго некролога. О Дельвигѣ еще см. въ VII томѣ: въ письмахъ къ Плетневу.

** Отставной солдатъ (русская идиллія)—Сѣв. Цвѣты на 1830 г.

lib.pushkinskijdom.ru

чутье изящнаго, дабы такъ угадать греческую поэзію сквозь латинскія подражанія или нѣмецкіе переводы; эту роскошь, эту нѣгу, эту прелесть болѣе отрицательную, чѣмъ положительную, которая не допускаетъ ничего напряженнаго въ чувствахъ, тонкаго, запутаннаго въ мысляхъ, лишняго, неестественнаго въ описаніяхъ.

СОВРЕМЕННЫЕ ФРАНЦУЗСКІЕ ПИСАТЕЛИ.

(1831).

Всѣмъ извѣстно, что французы народъ самый антипоэтическій. Славнѣйшіе представители сего остроумнаго и положительнаго народа: Монтань, Монтескьё, Вольтеръ, доказали это. Монтань, путешествовавшій по Италіи, не упоминаетъ ни о Микель-Анджело, ни о Рафаэлѣ; Монтескьё смѣется надъ Гомеромъ; Вольтеръ, кромѣ Расина и Горація, кажется, не понялъ ни одного поэта... Если обратимъ вниманіе на критическіе результаты, обращающіеся въ народѣ и принятые за литературныя аксіомы, то мы изумимся ихъ бѣдности...

Лямартинъ скучнѣе Юма и не имѣетъ его глубины. Не знаю, признались ли они въ тощемъ однообразіи, въ безцвѣтности своего Лямартина, но тому лѣтъ 10—его ставили наравнѣ съ Байрономъ и Шекспиромъ.

ТОРЖЕСТВО ДРУЖБЫ,

ИЛИ ОПРАВДАННЫЙ АЛЕКСАНДРЪ АНѲИМОВИЧЪ ОРЛОВЪ.

In arenam cum æqualibus descendi.
Cic.

Посреди полемики, раздирающей бѣдную нашу словесность Николай Ивановичъ Гречъ и Ѳаддей Венедиктовичъ Булгаринъ болѣе десяти лѣтъ подаютъ утѣшительный примѣръ согласія, основаннаго на взаимномъ уваженіи, сходствѣ душъ и занятій гражданскихъ и литературныхъ. Сей назидательный союзъ ознаменованъ почтенными памятниками. Ѳаддей Венедиктовичъ скромно призналъ себя ученикомъ Николая Ива-

lib.pushkinskijdom.ru

новича; Николай Ивановичъ поспѣшно провозгласилъ Ѳаддея Венедиктовича ловкимъ своимъ товарищемъ; Ѳаддей Венедиктовичъ посвятилъ Николаю Ивановичу своего «Димитрія Самозванца»; Николай Ивановичъ посвятилъ Ѳаддею Венедиктовичу свою «Поѣздку въ Германію»; Ѳаддей Венедиктовичъ написалъ для «Грамматики» Николая Ивановича хвалебное предисловіе;* Николай Ивановичъ въ Сѣверной Пчелѣ (издаваемой гг. Гречемъ и Булгаринымъ) напечаталъ хвалебное объявленіе объ «Иванѣ Выжигинѣ». Единодушіе истинно трогательное!

Нынѣ Николай Ивановичъ, почитая Ѳаддея Венедиктовича оскорбленнымъ въ статьѣ, напечатанной въ № 9 Телескопа, заступился за своего товарища со свойственнымъ ему прямодушіемъ и горячностію. Онъ напечаталъ въ Сынѣ Отечества (№ 27) статью, которая конечно заставитъ молчать дерзкихъ противниковъ Ѳаддея Венедиктовича, ибо Николай Ивановичъ доказалъ неоспоримо:

1) Что М. И. Голенищевъ-Кутузовъ возведенъ въ княжеское достоинство въ іюнѣ 1812 г. (с. 65).
2) Что не сраженіе, а планъ сраженія составляетъ тайну главнокомандующаго (с. 65).
3) Что священникъ выходитъ на встрѣчу подступающему непріятелю съ крестомъ и святою водою (с. 65).
4) Что секретарь выходитъ изъ дому въ статскомъ изношенномъ мундирѣ, въ треугольной шляпѣ, со шпагою, въ бѣломъ изношенномъ исподнемъ платьѣ (с. 65),
5) Что пословица: vox populi—vox Dei есть пословица латинская, и что она есть истинная причина французской революціи (с. 65).
6) Что «Иванъ Выжигинъ» не есть произведеніе образцовое, но, относительно, явленіе пріятное и полезное (с. 65).
7) Что Ѳаддей Венедиктовичъ живетъ въ своей деревнѣ близъ Дерпта и просилъ его (Николая Ивановича) не посылать къ нему вздоровъ (с. 65).

И что слѣдственно: Ѳ. В. Булгаринъ, своими талантами и трудами, приноситъ честь своимъ согражданамъ:

---

* См. Грамматику Греча, напечатанную въ типографіи Греча. Авт.

lib.pushkinskijdom.ru

что и доказать надлежало!

Противъ этого нечего и говорить; мы первые громко одобряемъ Николая Ивановича, за его откровенное и побѣдоносное возраженіе, приносящее столько же чести его логикѣ, какъ и горячности чувствованій.

Но дружба — (сіе священное чувство)—слишкомъ далеко увлекла пламенную душу Николая Ивановича и съ его пера сорвались нижеслѣдующія строки:

«Тамъ (въ № 9 Телескопа) взяли двѣ глупѣйшія, вышедшія въ Москвѣ (да, въ Москвѣ) книжонки, сочиненныя какимъ-то А. Орловымъ.»

О Николай Ивановичъ, Николай Ивановичъ! Какой примѣръ подаете вы молодымъ литераторамъ? Какія выраженія употребляете вы въ статьѣ, начинающейся сими строгими словами: «у насъ издавна, и по справедливости, жалуются на цинизмъ, невѣжество и недобросовѣстность рецензентовъ?» Куда дѣвалась ваша умѣренность, знаніе приличія, ваша извѣстная добросовѣстность? Перечтите, Николай Ивановичъ, перечтите сіи немногія строки — и вы сами, съ прискорбіемъ, сознаетесь въ своей необдуманности!

«Двѣ глупѣйшія книжонки!... Какой-то А. Орловъ!»... Шлюсь на всю почтенную публику: какой критикъ, какой журналистъ рѣшился бы употребить сіи непріятныя выраженія, говоря о произведеніяхъ живаго автора? ибо, славу Богу, почтенный мой другъ—Александръ Анѳимовичъ Орловъ—живъ! Онъ живъ, не смотря на зависть и злобу журналистовъ; онъ живъ къ радости книгопродавцевъ, къ утѣшенію многочисленныхъ его читателей!

«Двѣ глупѣйшія книжонки!...» Произведенія Александра Анѳимовича, раздѣляющаго съ Ѳаддеемъ Венедиктовичемъ любовь россійской публики, названы: глупѣйшими книжонками! Дерзость неслыханная, удивительная, оскорбительная не для моего друга (ибо и онъ живетъ въ своей деревнѣ близъ Сокольниковъ, и онъ просилъ меня не посылать ему всякаго вздору); но оскорбительная для всей читающей публики. *

«Глупѣйшія книжонки!...» Но чѣмъ докажете вы сію глупость? Знаете ли вы, Николай Ивановичъ, что болѣе пятн

* См. разборъ Денницы въ Сынѣ Отечества.—Авт.

lib.pushkinskijdom.ru

тысячъ экземпляровъ сихъ глупѣйшихъ книжонокъ разошлись и находятся въ рукахъ читающей публики; что Выжигины г. Орлова пользуются благосклонностью публики наравнѣ съ Выжигиными г. Булгарина; а что образованный классъ читателей, которые гнушаются тѣми и другими, не можетъ и не долженъ судить о книгахъ, которыхъ не читаетъ!

Скрѣпя сердце, продолжаю свой разборъ.

«Двѣ глупѣйшія (глупѣйшія!), вышедшія въ Москвѣ (да, въ Москвѣ) книжонки!...»

Въ Москвѣ, да, въ Москвѣ!... Что же тутъ предосудительнаго? Къ чему такая выходка противу первопрестольнаго града?... Не въ первый разъ замѣтили мы сію странную ненависть къ Москвѣ въ издателяхъ Сына Отечества и Сѣверной Пчелы. Больно для русскаго сердца слушать таковые отзывы о матушкѣ-Москвѣ, о Москвѣ бѣлокаменной, о Москвѣ, пострадавшей въ 1612 году отъ поляковъ, а въ 1812 году отъ всякаго сброду.

Москва донынѣ центръ нашего просвѣщенія: въ Москвѣ родились и воспитывались, по большей части, писатели коренные русскіе, не выходцы, не переметчики, для коихъ: ubi bene— ibi patria, для коихъ все равно: бѣгать ли имъ подъ орломъ французскимъ, или русскимъ языкомъ позорить все русское— были бы только сыты.

Чѣмъ возгордилась петербургская литература?... Г. Булгаринымъ?... Согласенъ, что сей великій писатель, равно почтенный и дарованіями и характеромъ, заслужилъ безсмертную себѣ славу; но произведенія г. Орлова ставятъ московскаго романиста, если не выше, то по крайней мѣрѣ наравнѣ съ петербургскимъ его соперникомъ. Не смотря на несогласіе, царствующее между Ѳаддеемъ Венедиктовичемъ и Александромъ Анѳимовичемъ, не смотря на справедливое негодованіе, возбужденное во мнѣ неосторожными строками Сына Отечества, постараемся сравнить между собою сіи два блистательныя солнца нашей словесности.

Ѳаддей Венедиктовичъ превышаетъ Александра Анѳимовича цѣнительною щеголеватостію выраженій; Александръ Анѳимовичъ беретъ преимущество надъ Ѳаддеемъ Венедиктовичемъ живостью и остротою разсказа.

Романы Ѳаддея Венедиктовича болѣе обдуманы, доказы-

lib.pushkinskijdom.ru

ваютъ большое терпѣніе * въ авторѣ (и требуютъ еще большаго терпѣнія въ читателѣ); повѣсти Александра Анѳимовича болѣе кратки, но болѣе замысловаты и заманчивы.

Ѳаддей Венедиктовичъ болѣе философъ; Александръ Анѳимовичъ болѣе поэтъ.

Ѳаддей Венедиктовичъ геній, ибо изобрѣлъ имя Выжигина, и симъ смѣлымъ нововведеніемъ оживилъ пошлыя подражанія Совѣстдралу и Англійскому Милорду; Александръ Анѳимовичъ искусно воспользовался изобрѣтеніемъ г. Булгарина и извлекъ изъ онаго безконечно разнообразные эффекты!

Ѳаддей Венедиктовичъ, кажется намъ, немного однообразенъ, ибо всѣ его произведенія не что иное, какъ Выжигинъ въ различныхъ измѣненіяхъ: Иванъ Выжигинъ, Петръ Выжигинъ, Дмитрій Самозванецъ или Выжигинъ XVII столѣтія, собственныя записки и нравственныя статейки—все сбивается на тотъ же самый предметъ. Александръ Анѳимовичъ удивительно разнообразенъ! Сверхъ несмѣтнаго числа Выжигиныхъ, сколько цвѣтовъ разсыпалъ онъ на полѣ словесности! Встрѣча Чумы съ Холерою; Соколъ былъ бы Соколъ, да Курица его съѣла, или Бѣжавшая Жена; Живые Обмороки; Погребеніе Купца, и проч. и проч.

Однако же безпристрастіе требуетъ, чтобъ мы указали сторону, съ коей Ѳаддей Венедиктовичъ беретъ неоспоримое преимущество надъ своимъ счастливымъ соперникомъ: разумѣю нравственную цѣль его сочиненій. Въ самомъ дѣлѣ, любезные слушатели, что можетъ быть нравственнѣе сочиненій г-на Булгарина? Изъ нихъ мы ясно узнаемъ: сколь не похвально лгать, красть, предаваться пьянству, картежной игрѣ и тому под. Г-нъ Булгаринъ наказуетъ лица разными затѣйливыми именами: убійца названъ у него—Ножовымъ, взяточникъ—Взяткинымъ, дуракъ — Глаздуринымъ, и проч. Историческая точность одна не дозволила ему назвать Бориса Годунова—Хлопоухинымъ, Димитрія Самозванца — Каторжниковымъ, а Марину Мнишекъ—Княжною Шлюхиной; за то и лица сіи представлены нѣсколько блѣдно.

Въ семъ отношеніи г. Орловъ рѣшительно уступаетъ г-ну Булгарину. Впрочемъ самые пламенные почитатели Ѳаддея Венедиктовича признаютъ въ немъ нѣкоторую скуку, искупленную

* Геній есть терпѣніе въ высочайшей степени—сказалъ извѣстный Бюффонъ.—Авт.

lib.pushkinskijdom.ru

назидательностію; а самые ревностные поклонники Александра Анѳимовича осуждаютъ въ немъ иногда необдуманность, извиняемую однако жъ порывами генія.

Совсѣмъ тѣмъ Александръ Анѳимовичъ пользуется гораздо меньшею славою, нежели Ѳаддей Венедиктовичъ. Что же причиною сему видимому неравенству?

Оборотливость, любезные читатели, оборотливость Ѳаддея Венедиктовича, ловкаго товарища Николая Ивановича. Иванъ Выжигинъ существовалъ еще только въ воображеніи почтеннаго автора, а уже въ Сѣверномъ Архивѣ, Сѣверной Пчелѣ и Сынѣ Отечества отзывались о немъ съ величайшею похвалою. Г-нъ Ансело въ своемъ путешествіи, возбудившемъ въ Парижѣ общее вниманіе, провозгласилъ сего, еще не существовавшаго Ивана Выжигина, лучшимъ изъ русскихъ романовъ. Наконецъ Иванъ Выжигинъ явился—и Сынъ Отечества, Сѣверной Архивъ и Сѣверная Пчела превознесли его до небесъ. Всѣ кинулись его читать; многіе прочли до конца; а между тѣмъ похвалы ему не умолкали въ каждомъ нумерѣ Сѣв. Архива, Сына Отечества и Сѣв. Пчелы. Сіи усердные журналы ласково приглашали покупателей; ободряли, подстрекали лѣнивыхъ читателей; угрожали местью недоброжелателямъ, недочитавшимъ Ивана Выжигина изъ единой низкой зависти.

Между тѣмъ какія воспомогательныя средства употреблялъ Александръ Анѳимовичъ Орловъ?

Никакихъ, любезные читатели!

Онъ не задавалъ обѣдовъ иностраннымъ литераторамъ, незнающимъ русскаго языка, дабы за свою хлѣбъ-соль получить мѣстечко въ ихъ дорожныхъ запискахъ.

Онъ не хвалилъ самого себя въ журналахъ, имъ самимъ издаваемыхъ.

Онъ не заманивалъ унизительными ласкательствами и пышными обѣщаніями подписчиковъ и покупателей.

Онъ не шарлатанилъ газетными объявленіями, писанными слогомъ афишъ собачей комедіи.

Онъ не отвѣчалъ ни на одну критику; онъ не называлъ своихъ противниковъ дураками, подлецами, пьяницами, устрицами и тому под.

Но — обезоружилъ ли тѣмъ онъ многочисленныхъ враговъ? Ни мало. Вотъ какъ отзывались о немъ его собратія.

«Авторъ вышеисчисленныхъ твореній сильно штурмуетъ

lib.pushkinskijdom.ru

нашу бѣдную русскую литературу и хочетъ разрушить русскій Парнассъ не бомбами, но каркасами, при помощи услужливыхъ издателей, которые щедро платятъ за каждый манускриптъ знаменитаго сего творца по двадцати рублей ходячею монетою, какъ увѣряли насъ знающіе дѣло книгопродавцы. Авторъ есть мужъ—изъ ученыхъ, какъ видно, по латинскимъ фразамъ, которыми испещрены его творенія, а сущность ихъ доказываетъ, что онъ, какъ сказано въ Недорослѣ: «убоясь бездны премудрости, вспять обратился». Знаменитое лубочное произведеніе: мыши кота хоронятъ или небылицы въ лицахъ, есть Иліада въ сравненіи съ твореніями г. Орлова, а Бова Королевичъ — герой, до котораго не возвысился еще почтенный авторъ... Державинъ есть у насъ Альфа, а г. Орловъ—Омега въ литературѣ, то есть, послѣднее звено въ цѣпи литературныхъ существъ, и потому заслуживаетъ вниманіе, какъ все необыкновенное.* Языкъ его, изложеніе и завязка, могутъ сравняться только съ отвратительными картинами, которыми наполнены сіи чада безвкусія, и съ смѣлостью автора. Никогда въ Петербургѣ подобныя творенія не увидѣли бы свѣта, и ни одинъ изъ петербургскихъ уличныхъ разносчиковъ (не говоримъ о книгопродавцахъ) не взялся бы ихъ издавать. По какому праву г. Орловъ вздумалъ нарѣчь своихъ холопей, Хлыновскихъ степняковъ Игната и Сидора, дѣтьми Ивана Выжигина, и еще въ то самое время, когда авторъ Выжигина издаетъ другой романъ подъ тѣмъ же названіемъ?... Никогда такія омерзительныя картины не появлялись на русскомъ языкѣ. — Да здравствуетъ московское книгопечатаніе!» (Сѣверная Пчела 1831 г., № 46).

Какая злонамѣренная и несправедливая критика! Мы замѣтили уже неприличіе нападеній на Москву; но въ чемъ упрекаютъ здѣсь почтеннаго Александра Анѳимовича?... Въ томъ, что за каждое его сочиненіе книгопродавцы платятъ ему по двадцати рублей? Что же? Безкорыстному сердцу моего друга пріятно думать, что получивъ двадцать рублей, доставилъ онъ другому двѣ тысячи выгоды:** между тѣмъ, какъ нѣкоторый петербургскій литераторъ, взявъ за свою рукопись

---

* Важное сознаніе! Прошу прислушать!—Авт.

** Историческая истина!—Авт.

lib.pushkinskijdom.ru

тридцать тысячъ, заставилъ охать погорячившагося книгопродавца!!!

Ставятъ ему въ грѣхъ, что онъ знаетъ латинскій языкъ. Конечно: доказано, что Ѳаддей Венедиктовичъ (издавшій Горація съ чужими примѣчаніями) не знаетъ по-латыни; но ужели сему незнанію обязанъ онъ своею безсмертною славою?

Увѣряютъ, что г. Орловъ изъ ученыхъ. Конечно: доказано, что г. Булгаринъ вовсе не ученъ, но опять повторяю: развѣ невѣжество есть достоинство столь завидное?

Этого не довольно; грозно требуютъ отвѣта отъ моего друга: какъ дерзнулъ онъ присвоить своимъ лицамъ имя освященное самимъ Ѳаддеемъ Венедиктовичемъ?—Но развѣ А. С. Пушкинъ не дерзнулъ вывести въ своемъ Борисѣ Годуновѣ всѣ лица романа г. Булгарина и даже воспользоваться многими мѣстами въ своей трагедіи (писанной, говорятъ, пять лѣтъ прежде, и извѣстной публикѣ еще въ рукописи)?

Смѣло ссылаюсь на совѣсть самихъ издателей Сѣверной Пчелы: справедливы ли сіи критики? Виноватъ ли Александръ Анѳимовичъ Орловъ?

Но еще смѣлѣе ссылаюсь на почтеннаго Николая Ивановича: не чувствуетъ ли онъ глубокаго раскаянія, оскорбивъ напрасно человѣка съ столь отличнымъ дарованіемъ, не состоящаго съ нимъ ни въ какихъ сношеніяхъ, вовсе его незнающаго, и не писавшаго о немъ ничего дурнаго.*

Ѳеофилактъ Косичкинъ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

О МИЗИНЦѢ Г. БУЛГАРИНА И О ПРОЧЕМЪ.

Я не принадлежу къ числу тѣхъ незлопамятныхъ литераторовъ, которые публично другъ друга обругавъ, обнимаются потомъ всенародно, какъ Пролазъ съ Высоносомъ, говоря въ похвальбу себѣ и въ утѣшеніе:

«Вѣдь кажется у насъ по полной оплеухѣ.»

Нѣтъ, разсердясь единожды, сержусь я долго и утихаю не прежде, какъ истощивъ весь запасъ оскорбительныхъ примѣ-

---

* Сынъ Отечества, № 27, стр. 60.—Авт

lib.pushkinskijdom.ru

чаній, обиняковъ, заграничныхъ анекдотовъ и тому подобнаго. Для поддержанія же себя въ семъ суровомъ расположеніи духа, перечитываю я—тщательно мною переписанныя въ особую тетрадь статьи, подавшія мнѣ поводъ къ таковому ожесточенію. Такимъ образомъ, пересматривая на дняхъ антикритику, подавшую мнѣ случай заступиться за почтеннаго друга моего А. А. Орлова, напалъ я на слѣдующее мѣсто:

«Я рѣшился на сіе (на оправданіе г. Булгарина) не для того, чтобъ оправдать и защищать Булгарина, который въ этомъ не имѣетъ надобности, ибо у него въ одномъ мизинцѣ болѣе ума и таланта, нежели во многихъ головахъ рецензентовъ» (см. № 27 Сына Отечества, издаваемаго гг. Гречемъ и Булгаринымъ).

Изумился я, какимъ образомъ могъ я пропустить безъ вниманія сіи краснорѣчивыя, но необдуманныя строки! Я сталъ по пальцамъ пересчитывать всевозможныхъ рецензентовъ, у коихъ менѣе ума въ головѣ, нежели у г. Булгарина въ мизинцѣ, и теперь догадываюсь, кому Николай Ивановичъ думалъ погрозить мизинцемъ Ѳаддея Венедиктовича.

Въ самомъ дѣлѣ, къ кому можетъ отнестись это затѣйливое выраженіе? Кто наши записные рецензенты?

Вы, г. Издатель Телескопа? Вѣроятно мстительный мизинчикъ указуетъ и на васъ: предоставляю вамъ самимъ вступиться за свою голову.* Но кто же другіе?

Г. Полевой? Но не смотря на прежніе раздоры, на письма Бригадирши, на насмѣшки славнаго Грипусье, на недавнее прозвище Верхогляда и проч. и проч. всей Европѣ извѣстно, что Телеграфъ состоитъ въ добромъ согласіи съ Сѣверной Пчелой и Сыномъ Отечества: мизинчикъ касается не его.

Г. Воейковъ? Но сей замѣчательный литераторъ рецензіями мало занимается, а извѣстенъ болѣе изданіемъ Хамелеонистики, остроумнаго сбора статей, въ коихъ выводятся, такъ сказать, на чистую воду нѣкоторыя, такъ сказать, литературныя плутни. Ловкіе издатели Сѣверной Пчелы ужъ вѣрно не станутъ, какъ говорится, класть ему пальца въ ротъ, хотя бы сей палецъ былъ и знаменитый, выше упомянутый мизинчикъ.

---

* До мизинцевъ ли мнѣ? Изд. Телескопа.

lib.pushkinskijdom.ru

Г. Сомовъ? Но кажется Литературная Газета, совершивъ свой единственный подвигъ—совершенное уничтоженіе (литературной) славы г. Булгарина—почіетъ на своихъ лаврахъ, и г. Гречъ, вѣроятно, не станетъ тревожить сего счастливаго усыпленія, щекотя Газету проказливымъ мизинчикомъ.

Кого же оцарапалъ сей мизинецъ? Кто сіи рецензенты, у коихъ—и такъ далѣе? Просвѣщенный читатель уже догадался, что дѣло идетъ обо мнѣ, о Ѳеофилактѣ Косичкинѣ.

Всему свѣту извѣстно, что никто постояннѣе моего не слѣдовалъ за исполинскимъ ходомъ нашего вѣка. Сколько глубокихъ и блистательныхъ твореній по части политики, точныхъ наукъ и чистой литературы, вышли у насъ изъ печати въ теченіе послѣдняго десятилѣтія (шагнувшаго такъ далеко впередъ) и обратили на себя справедливое вниманіе завидующей намъ Европы! Ни одного изъ таковыхъ явленій не пропустилъ я изъ виду; обо всякомъ, какъ извѣстно, написалъ я по одной статьѣ, отличающейся ученостію, глубокомысліемъ и остроуміемъ. Если долгъ безпристрастія требовалъ, чтобъ я указывалъ иногда на недостатки разбираемаго мною сочиненія, то можетъ ли кто нибудь изъ гг. русскихъ авторовъ жаловаться на заносчивость или невѣжество Ѳеофилакта Косичкина? Можетъ быть, по примѣру г-на Полеваго, я слишкомъ лестно отзываюсь о самомъ себѣ; я могъ бы говорить въ третьемъ лицѣ и попросить моего друга подписать имя свое подъ сими справедливыми похвалами; но я гнушаюсь таковыми уловками, и гг. русскіе журналисты, вѣроятно, не укорятъ меня въ шарлатанствѣ.

И что жъ! г. Гречъ въ журналѣ, съ жадностію читаемомъ во всей просвѣщенной Европѣ, даетъ понимать, будто бы въ мизинцѣ его товарища болѣе ума и таланта, чѣмъ въ головѣ моей! Отзывъ слишкомъ для меня оскорбительный! Полагаю себя въ правѣ объявить во услышаніе всей Европы, что я ни чьихъ мизинцевъ не убоюсь; ибо, не входя въ разсмотрѣніе головъ, увѣряю, что пальцы мои (каждый особо и всѣ пять въ совокупности) готовы воздать сторицею кому бы то ни было.—Dixi!

Взявшись за перо, я не имѣлъ однако жъ цѣлію объявить о семъ почтеннѣйшей публикѣ; подобно нашимъ писателямъ-аристократамъ (разумѣю слово сіе въ его ироническомъ смыслѣ), я никогда не отвѣчалъ на журнальныя критики: дружба,

lib.pushkinskijdom.ru

оскорбленная дружба призываетъ опять меня на помощь угнетеннаго дарованія.

Признаюсь: послѣ статьи, въ которой такъ торжественно оправдалъ и защитилъ я А. А. Орлова (статьи, принятой московскою и петербургскою публикою съ отличной благосклонностію), не ожидалъ я, чтобъ Сѣверная Пчела возобновила свои нападенія на благороднаго друга моего и на первопрестольную столицу. Правда, сіи нападенія уже гораздо слабѣе прежнихъ, но я не умолкну, доколѣ не принужу къ совершенному безмолвію ожесточенныхъ гонителей моего друга и непочтительнаго Сына Отечества, издѣвающагося надъ нашею древнею Москвою.

Сѣверная Пчела (№ 101), объявляя о выходѣ новаго Выжигина, говоритъ: «Заглавіе сего романа заставило насъ подумать, что это одно изъ многочисленныхъ подражаній произведеніямъ нашего блаженнаго г. А. Орлова, знаменитаго автора.... Притомъ же всякое произведеніе московской литературы, носящее на себѣ печать изданія книгопродавцевъ пятнадцатаго класса... приводитъ насъ въ невольный трепетъ.» Блаженный г. Орловъ.... Что значитъ блаженный Орловъ? О! конечно: если блаженство состоитъ въ спокойствіи духа, не возмущаемаго ни завистью, ни корыстолюбіемъ; въ чистой совѣсти, не запятнанной ни плутнями, ни лживыми доносами; въ честномъ и благородномъ трудѣ; въ смиренномъ развитіи дарованія, даннаго отъ Бога: то добрый и небогатый Орловъ блаженъ, и не станетъ завидовать ни богатству плута, ни чинамъ негодяя, ни извѣстности шарлатана!!! Если же слово блаженный употреблено въ смыслѣ, коего здѣсь изъяснять не стану, то удивляюсь охотѣ нѣкоторыхъ людей, старающихся представлять смѣшными вещи, вовсе не смѣшныя, и которыя даже не могутъ извинять неприличія мысли остроуміемъ или веселостію оборота.

Насмѣшки надъ книгопродавцами пятнадцатаго класса обличаютъ аристократію чиновныхъ издателей, нѣкогда осмѣянную такъ называемыми аристократическими писателями. Повторимъ истину, столь же неоспоримую, какъ и нравственныя размышленія г-на Булгарина: «чины не даютъ ни честности плуту, ни ума глупцу, ни дарованія задорному маракѣ. Фильдингъ и Лябрюеръ не были ни статскими совѣтниками, ни даже коллежскими ассесорами. Разночинцы, вышедшіе въ дворян-

lib.pushkinskijdom.ru

ство, могутъ быть почтенными писателями, если только они люди съ дарованіемъ, образованностію и добросовѣстностію, а не фигляры и не наглецы.»

Надѣюсь, что сей умѣренный мой отзывъ будетъ послѣднимъ, и что почтенные издатели Сѣверной Пчелы, Сына Отечества и Сѣвернаго Архива не вызовутъ меня снова на поприще, на которомъ являюсь рѣдко, но не безъ успѣха, какъ изволите видѣть. Я человѣкъ миролюбивый, но всегда готовъ заступиться за моего друга; я не похожу на того китайскаго журналиста, который, потакая своему товарищу и въ глаза выхваляя его бредни, говоритъ на ухо всякому: «этотъ пачкунъ и мерзавецъ ссоритъ меня со всѣми порядочными людьми, маратъ меня своимъ товариществомъ; но что дѣлать? онъ человѣкъ дѣловой и расторопный!»

Между тѣмъ, полагаю себя въ правѣ объявить о существованіи романа, коего заглавіе прилагаю здѣсь. Онъ поступитъ въ печать или останется въ рукописи, смотря по обстоятельствамъ:

НАСТОЯЩІЙ ВЫЖИГИНЪ.

ИСТОРИКО-НРАВСТВЕННО-САТИРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ XIX ВѢКА.

СОДЕРЖАНІЕ.

Глава I. Рожденіе Выжигина въ кудлашкиной канурѣ. Воспитаніе ради Христа.—Глава II. Первый пасквиль Выжигина. Гарнизонъ.—Глава III. Драка въ кабакѣ. Ваше благородіе! Дайте опохмѣлиться!—Глава IV. Дружба съ Евсеемъ. Фризовая шинель. Кража. Бѣгство.—Глава V. Ubi bene, ibi patria.—Глава VI. Московскій пожаръ. Выжигинъ грабитъ Москву.—Глава VII. Выжигинъ перебѣгаетъ.—Глава VIII. Выжигинъ безъ куска хлѣба. Выжигинъ ябедникъ. Выжигинъ торгашъ.—Глава IX. Выжигинъ игрокъ. Выжигинъ и отставной квартальный.—Глава X. Встрѣча Выжигина съ Высухинымъ.—Глава XI. Веселая компанія. Курьозный куплетъ и письмо-анонимъ къ знатной особѣ.—Глава XII. Танта. Выжигинъ попадается въ дураки.—Глава XIII, Свадьба Выжигина. Бѣдный племянничекъ! Ай да дядюшка!—Глава XIV. Господинъ и госпожа Выжигины покупаютъ на трудовыя денежки деревню и съ благодарностію объявляютъ о томъ почтенной публикѣ.—Глава XV. Семейственныя не ріятности. Выжигинъ ищетъ

lib.pushkinskijdom.ru

утѣшенія въ бесѣдѣ музъ, и пишетъ пасквили и доносы.—Глава XVI. Видокъ или маску долой!—Глава XVII. Выжигинъ раскаевается и дѣлается порядочнымъ человѣкомъ.—Глава XVIII и послѣдняя. Мышь въ сырѣ.

Ѳ. Косичкинъ.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.

26 іюля (1831 г.). Вчера государь императоръ отправился въ Военныя Поселенія (въ Новгородской губерніи) для усмиренія возникшихъ тамъ безпокойствъ. Нѣсколько офицеровъ и лекарей убито бунтовщиками. Ихъ депутаты пришли въ Ижору съ повинною головою и съ росписью одного изъ офицеровъ, котораго передъ смертію принудили бунтовщики письменно показать, будто бы онъ и лекарь отравляли людей.

Государь говорилъ съ депутатами мятежниковъ, послалъ ихъ назадъ, приказалъ во всемъ слушаться гр. Орлова, посланнаго въ Поселенія при первомъ извѣстіи о бунтѣ, и обѣщалъ самъ къ нимъ пріѣхать. «Тогда я васъ прощу», сказалъ онъ имъ. Кажется все усмирено, а ежели нѣтъ еще, то все усмирится присутствіемъ государя.

Однако жъ сіе рѣшительное средство, какъ послѣднее, не должно быть употребляемо. Народъ не долженъ привыкать къ царскому лицу, какъ обыкновенному явленію. Расправа полицейская должна одна вмѣшиваться въ волненія площади и царскій голосъ не долженъ угрожать ни картечью ни кнутомъ. Царю не должно сближаться лично съ народомъ. Чернь перестанетъ скоро бояться таинственной власти и начнетъ тщеславиться своими сношеніями съ государемъ. Скоро въ своихъ мятежахъ она будетъ требовать появленія его, какъ необходимаго обряда. Донынѣ государь, обладающій даромъ слова, говорилъ одинъ; но можетъ найтиться въ толпѣ голосъ для возраженія. Таковые разговоры неприличны, а пренія площадныя превращаются тотчасъ въ ревъ и вой голоднаго звѣря. Россія имѣетъ 12.000 верстъ въ ширину. Государь не можетъ явиться вездѣ, гдѣ можетъ вспыхнуть мятежъ.

*

Покамѣстъ полагали, что холера прилипчива какъ чума, до тѣхъ поръ карантины были зло необходимое. Но какъ скоро

lib.pushkinskijdom.ru

начали замѣчать, что холера находится въ воздухѣ, то карантины должны были тотчасъ быть уничтожены. 16 губерній вдругъ не могутъ быть оцѣплены, а карантины, не подкрѣпленные достаточною цѣпью, военною силою, суть только средства къ притѣсненію и причины къ общему неудовольствію. Вспомнимъ что турки предпочитаютъ чуму карантинамъ. Въ прошломъ году карантины остановили всю промышленность, заградили путь обозамъ, привели въ нищету подрядчиковъ и извощиковъ и чуть не взбунтовали 16 губерній. Злоупотребленія неразлучны съ карантинными постановленіями, которыхъ не понимаютъ ни употребляемые на то люди, ни народъ. Уничтожьте карантины — народъ не будетъ отрицать существованія заразы, станетъ принимать предохранительныя мѣры и прибѣгнетъ къ лекарямъ и правительству; но покамѣстъ карантины тутъ, меньшее зло будетъ предпочтено большему, и народъ будетъ болѣе безпокоиться о своемъ продовольствіи, о угрожающей нищетѣ и голодѣ, нежели о болѣзни невѣдомой и коей признаки такъ близки къ отравѣ.

*

29 іюля (1831 г.). Третьяго дня государыня родила великаго князя Николая. Наканунѣ она позволила фрейлинѣ Россети выйти за Смирнова.—Государь пріѣхалъ передъ самыми родами императрицы. Бунтъ въ новгородскихъ колоніяхъ усмиренъ его присутствіемъ. Нѣсколько генераловъ, полковниковъ и почти всѣ офицеры полковъ аракчеевскаго и короля прусскаго перерѣзаны. Мятежники имѣли списки мнимыхъ отравителей, т. е. начальниковъ и лекарей. Генерала они засѣкли на плацѣ. Надъ нѣкоторыми жертвами убійцы ругались. Посадивъ на стулъ одного маіора, они подходили къ нему съ шутками: «Ваше высокоблагородіе, что это вы такъ поблѣднѣли? Вы сами не свои. Вы такъ смирны!» — и съ этимъ словомъ били его по лицу. Лекарей убито 15 человѣкъ. Одинъ изъ нихъ спасенъ больными, лежащими въ лазаретѣ. Этотъ лекарь находился 12 лѣтъ въ колоніи, былъ отмѣнно любимъ солдатами за его усердіе и добродушіе. Мятежники отдавали ему справедливость, но хотѣли однако же его зарѣзать, ибо и онъ стоялъ въ спискѣ жертвъ. Больные вытребовали его изъ подъ караула. Мятежники хотѣли было ѣхать къ Аракчееву въ Грузино, чтобъ убить его, а домъ разграбить. 30 троекъ были уже готовы. Жандармскій офицеръ, взявшій надъ ними власть,

lib.pushkinskijdom.ru

успѣлъ уговорить ихъ оставить это намѣреніе. Онъ было спасъ и офицеровъ полка прусскаго короля, уговоривъ мятежниковъ содержать несчастныхъ подъ арестомъ, но послѣ его отъѣзда убійства совершились. Государь обѣдалъ въ аракчеевскомъ полку. Солдаты встрѣтили его съ хлѣбомъ и медомъ. Арендъ, находившійся при семъ, сказалъ имъ съ негодованіемъ: «вамъ бы должно вынести кутью». Государь собралъ полкъ въ манежѣ, приказалъ попу читать молитвы, приложился, и обратился къ мятежникамъ. Онъ разбранилъ ихъ, объявилъ, что не можетъ ихъ простить и требовалъ, чтобы они выдали ему зачинщиковъ. Полкъ обѣщался. Свидѣтели съ восторгомъ и изумленіемъ говорятъ о мужествѣ и силѣ духа императора. Восемь полковъ, возмутившихся въ Старой Русѣ, получили повелѣніе идти въ Гатчино.

*

Сентября 4. Суворовъ привезъ сегодня извѣстіе о взятіи Варшавы. Паскевичъ раненъ въ бокъ. Мартыновъ и Ефимовичъ убиты. Гейсмаръ раненъ. Нашихъ пало 6.000. Поляки защищались отчаянно. Приступъ начался 24 августа. Варшава сдалась безусловно 27-го. Раненый Паскевичъ сказалъ: Du moins j'ai fait mon devoir. Гвардія все время стояла подъ ядрами. Суворовъ былъ два раза на переговорахъ и въ опасности быть повѣшеннымъ. Государь пожаловалъ его полковникомъ въ суворовскомъ полку. Паскевичъ сдѣланъ княземъ свѣтлѣйшимъ. Скржинецкій скрывается. Лелевель при Ромарино. Суворовъ видѣлъ въ Варшавѣ Montebello, Высоцкаго, зачинщика революціи. гр. А. Потоцкаго и другихъ. Взятіе подъ стражу еще не началось. Государь тому удивился; мы также.

*

На дняхъ скончался въ Петербургѣ Фонъ-Фокъ, начальникъ III отдѣленія государевой канцеляріи (тайной полиціи) человѣкъ твердый, честный и добрый. Смерть его бѣдствіе общественное. Государь сказалъ: «J'ai perdu Fock; je ne puis que le pleurer et me plaindre de n'avoir pas pu l'aimer.» Вопросъ: кто будетъ на его мѣстѣ? важнѣе другаго вопроса: что сдѣлаемъ съ Польшей?

*

Мнѣніе Жомини о польской кампаніи. Главная ошибка Дибича состояла въ томъ, что онъ, предвидя скорую оттепель, поспѣшилъ начать свои дѣйствія, наперекоръ здравому смы-

lib.pushkinskijdom.ru

слу. 15 дней—разницы не сдѣлало бы. Счастье во многомъ помогло Паскевичу. 1) онъ не могъ перейти со всѣми силами Вислу, но на Палена Скржинецкій не напалъ; 2) онъ долженъ былъ пойти на приступъ, а изъ Варшавы выступило 20.000 и ушли слишкомъ далеко. Ошибки Скржинецкаго состояли въ томъ, что онъ пожертвовалъ 8.000 избраннаго войска понапрасну подъ Остроленкой. Позиція его была чрезвычайно сильная и Паскевичъ опасался ея. Но Скржинецкаго смѣнили недовольные его дѣйствіями или бездѣйствіемъ начальники мятежа, и Польша погибла.

*

NB. «Сколько въ суворовскомъ полку осталось?» спросилъ государь у Суворова.—300 человѣкъ, ваше величество. «Нѣтъ 301, ты въ немъ полковникъ».

*

ЗАМѢТКА О ХОЛЕРѢ.

Въ концѣ 1825 года я часто видѣлся съ однимъ дерптскимъ студентомъ (нынѣ онъ гусарскій офицеръ и промѣнялъ свои нѣмецкія книги, свое пиво, свои поединки на гнѣдую лошадь, на польскія грязи).* Онъ много зналъ, чему научаются въ университетахъ, между тѣмъ какъ мы съ вами выучились танцовать. Разговоръ его былъ простъ и важенъ. Онъ имѣлъ обо всемъ затверженное понятіе, въ ожиданіи собственной повѣрки. Его занимали такіе предметы, о которыхъ я и не помышлялъ. Однажды, играя со мною въ шахматы и давъ коемъ матъ моему королю и королевѣ, онъ мнѣ сказалъ: Холера morbus подошла къ нашимъ границамъ и черезъ пять лѣтъ будетъ у насъ. О холерѣ имѣлъ я довольно темное понятіе, хотя въ 1822 году старая молдаванская княгиня, набѣленная и нарумяненная, умерла при мнѣ въ этой болѣзни. Я сталъ его разспрашивать. Студентъ объяснилъ мнѣ, что холера есть повѣтріе, что въ Индіи она поразила не только людей, но и животныхъ, но и самыя растенія, что она желѣзной полосою стелется вверхъ по теченію рѣкъ, что по мнѣнію нѣкоторыхъ она зарождается отъ гнилыхъ плодовъ и прочее—все, чему послѣ мы успѣли наслышаться.

Такимъ образомъ, въ дальнемъ уѣздѣ Псковской губерніи,

---

* Это былъ сосѣдъ Пушкина по имѣнію Алексѣй Николаевичъ Вульфъ.

lib.pushkinskijdom.ru

молодой студентъ и вашъ покорнѣйшій слуга, вѣроятно одни во всей Россіи, бесѣдовали о бѣдствіи, которое черезъ пять лѣтъ сдѣлалось мыслію всей Европы.

Спустя 5 лѣтъ я былъ въ Москвѣ: домашнія обстоятельства требовали непремѣнно моего присутствія въ нижегородской деревнѣ. Передъ моимъ отъѣздомъ Вяземскій показалъ мнѣ письмо, только что имъ полученное: ему писали о холерѣ, уже перелетѣвшей изъ Астрахани въ Саратовскую губернію. По всему видно было, что она не минуетъ и Нижегородской (о Москвѣ мы еще не безпокоились). Я поѣхалъ съ равнодушіемъ, коимъ былъ обязанъ пребыванію моему между азіятцами. Они не боятся чумы, полагаясь на судьбу и на извѣстныя предосторожности. Пріятели, у коихъ дѣла были въ порядкѣ (или въ привычномъ безпорядкѣ, что совершенно одно), упрекали меня за то и важно говорили, что легкомысленное безчувствіе не есть еще истинное мужество.

На дорогѣ встрѣтилъ я Макарьевскую ярмарку, прогнанную холерой. Бѣдная ярмарка! Она бѣжала разбросавъ въ половину свои товары, не успѣвъ пересчитать свои барыши. Воротиться въ Москву казалось мнѣ малодушіемъ; я поѣхалъ далѣе, какъ можетъ быть случалось вамъ ѣхать на ноединокъ, съ досадой и большой неохотой.

Едва успѣлъ я пріѣхать, какъ узнаю, что около меня оцѣпляются деревни, учреждаются карантины. Я занялся моими дѣлами, перечитывая Кольриджа, сочиняя сказочки и не ѣздя по сосѣдамъ. Между тѣмъ начинаю думать о возвращеніи и безпокоиться о карантинѣ. Вдругъ (2 октября) получаю извѣстіе, что холера въ Москвѣ... Я тотчасъ собрался въ дорогу и поскакалъ. Проѣхавъ 20 верстъ, ямщикъ мой останавливается: застава!

Нѣсколько мужиковъ съ дубинами охраняли переправу черезъ какую-то рѣчку. Я сталъ разспрашивать ихъ, и доказывалъ имъ, что вѣроятно гдѣ нибудь да учрежденъ карантинъ, что не сегодня такъ завтра на него наѣду, и въ доказательство предложилъ имъ серебряный рубль. Мужики со мной согласились, перевезли меня и пожелали многія лѣта.

---

lib.pushkinskijdom.ru

О СОЧИНЕНІЯХЪ П. А. КАТЕНИНА.*

1833.

На дняхъ вышли въ свѣтъ сочиненія и переводы въ стихахъ Павла Катенина.

Издатель (г. Бахтинъ) въ началѣ предисловія, весьма замѣчательнаго, упомянулъ о томъ, что П. А. Катенинъ почти при вступленіи на поприще словесности былъ встрѣченъ самыми несправедливыми и самыми неумѣренными критиками.

Намъ кажется, что г. Катенинъ (какъ и всѣ наши писатели вообще) скорѣе могъ бы жаловаться на безмолвіе критики, чѣмъ на ея строгость или пристрастную привязчивость. Критики, по настоящему, у насъ еще не существуетъ: несправедливо было бы намъ и требовать оной. У насъ и литература едва ли существуетъ, а на нѣтъ—суда нѣтъ, говоритъ неоспоримая пословица. Если публика можетъ довольствоваться тѣмъ, что называется у насъ критикой, то это доказываетъ только, что мы еще не имѣемъ нужды ни въ Шлегеляхъ, ни даже въ Лагарпахъ.

Что же касается до несправедливой холодности, оказываемой публикой сочиненіямъ г. Катенина, то во всѣхъ отношеніяхъ она дѣлаетъ ему честь: во-первыхъ она доказываетъ отвращеніе поэта отъ мелочныхъ способовъ добывать успѣхи, а во-вторыхъ и его самостоятельность. Никогда не старался онъ угождать господствующему вкусу въ публикѣ, напротивъ шелъ всегда своимъ путемъ, творя для самого себя, что и какъ ему было угодно. Онъ даже до того простеръ свою гордую независимость, что оставлялъ одну отрасль поэзіи, какъ скоро становилась она модною, и удалялся туда, куда не сопровождало его ни пристрастіе толпы, ни образцы какого нибудь писателя, увлекающаго за собою другихъ. Такимъ образомъ, бывъ одинъ изъ первыхъ приверженцевъ романтизма, первый введши въ кругъ возвышенной поэзіи языкъ и предметы простонародные, онъ первый отрекся отъ романтизма, и обратился къ классическимъ идеаламъ, когда читающей публикѣ начала нравиться новизна литературнаго преобразованія.

---

* Еще прежде, посылая стихотвореніе Катенина: «Русская мысль» въ альманахъ Сѣверные Цвѣты на 1829 г., Пушкинъ сдѣлалъ о Катенинѣ лестный отзывъ. Ср. въ VII т. письма къ Катенину и къ Дельвигу.

lib.pushkinskijdom.ru

Первымъ замѣчательнымъ произведеніемъ г. Катенина былъ переводъ славной Биргеровой Леоноры. Она была уже извѣстна у насъ по невѣрному и прелестному подражанію Жуковскаго, который сдѣлалъ изъ нея то же, что Байронъ въ своемъ Манфредѣ сдѣлалъ изъ Фауста: ослабилъ духъ и формы своего образца. Катенинъ это чувствовалъ, и вздумалъ показать намъ Леонору въ энергической красотѣ ея первобытнаго созданія: онъ написалъ Ольгу. Но сія простота и даже грубость выраженій, сія сволочь, замѣнившая воздушную цѣпь тѣней, сія висѣлица вмѣсто сельскихъ картинъ, озаренныхъ лѣтнею луною, непріятно поразили непривычныхъ читателей и Гнѣдичъ взялся высказать ихъ мнѣнія въ статьѣ, коей несправедливость обличена была Грибоѣдовымъ. Послѣ Ольги явился Убійца, лучшая, можетъ быть, изъ балладъ Катенина. Впечатлѣніе, имъ произведенное, было и того хуже. Убійца, въ припадкѣ сумасшествія, бранилъ мѣсяцъ, свидѣтеля его злодѣянія, плѣшивымъ! Читатели, воспитанные на Флоріанѣ и Парни, расхохотались и почли балладу ниже всякой критики.

Таковы были первыя неудачи Катенина; онѣ имѣли вліяніе и на слѣдующія его произведенія. На театрѣ имѣлъ онъ рѣшительные успѣхи. Отъ времени до времени въ журналахъ и альманахахъ появлялись его стихотворенія, коимъ наконецъ начали отдавать справедливость, и то скупо и неохотно. Между ими отличаются Мстиславъ Мстиславичъ, стихотвореніе, исполненное огня и движенія, и Вторая быль, гдѣ столько простодушія и истинной поэзіи.

Въ книгѣ, нынѣ изданной, просвѣщенные читатели замѣтятъ идиллію, гдѣ съ такою прелестною вѣрностію постигнута буколическая природа, не Геснеровская, чопорная и манерная, но древняя — простая широкая, свободная; меланхолическую элегію, мастерской переводъ трехъ пѣсенъ изъ Inferno и собраніе романсовъ о Сидѣ, сію простонародную хронику, столь любопытную и поэтическую. Знатоки отдадутъ справедливость ученой отдѣлкѣ и звучности гекзаметра и вообще механизму стиха г. Катенина, слишкомъ пренебрегаемому лучшими нашими стихотворцами.

14 марта 1833.

---

lib.pushkinskijdom.ru

ЗАМѢТКИ.

I. Графъ Нулинъ.

Въ концѣ 1825 г. находился я въ деревнѣ, и перечитывая Люкрецію, довольно слабую поэму Шекспира, подумалъ: что, если бы Люкреціи пришла въ голову мысль дать пощечину Тарквинію? Быть можетъ, это охладило бъ его предпріимчивость и онъ со стыдомъ принужденъ былъ отступить. Люкреція бы не зарѣзалась, Публикола не взбѣсился бы—и міръ, и исторія міра были бы не тѣ. Мысль пародировать исторію и Шекспира мнѣ представилась; я не могъ воспротивиться двойному искушенію и въ два утра написалъ эту повѣсть.

2. Моцартъ и Сальери.

Въ первое представленіе Донъ-Жуана, въ то время, когда весь театръ безмолвно упивался гармоніей Моцарта, раздался свистъ: всѣ обратились съ изумленіемъ и негодованіемъ, а знаменитый Сальери вышелъ изъ залы въ бѣшенствѣ, снѣдаемый завистію. Сальери умеръ лѣтъ 8 тому назадъ.* Нѣкоторые нѣмецкіе журналы говорили, что на одрѣ смерти признался онъ будто бы въ ужасномъ преступленіи, въ отравленіи великаго Моцарта.—Завистникъ, который могъ освистать Донъ-Жуана, могъ отравить его творца.

3.

О новѣйшихъ романахъ. Barnave... Eugène Sue, De Vigni, Hugo, Balzac, scène... contes.... Musset, tables de nuit.—Поэзія французская.—Byron.—Муравьевъ.—Полевой. (Полевой—романистъ). Свиньинъ. Карамзинъ.

4.

Д. говаривалъ, что самая полная сатира на нѣкоторыя литературныя общества былъ бы списокъ членовъ съ означеніемъ того, что кѣмъ написано.

5.

Грамматика не предписываетъ законовъ языку, но изъясняетъ и утверждаетъ его обычаи.

---

* 7 мая 1825 годъ.

lib.pushkinskijdom.ru

6. О книгѣ А. Н. Муравьева.

«Путешествіе къ св. мѣстамъ Спб. 1832.»

Въ 1829 году авторъ находился въ главной квартирѣ Дибича.—За Балканами остановились русскія войска; начались переговоры, военныя дѣйствія прекратились. Вниманіе Европы было обращено на Адріанополь, гдѣ рѣшалась судьба Греціи, цѣлыя 8 лѣтъ занимавшей помышленія просвѣщеннаго міра.—Греція оживала. Могущественная помощь Сѣвера возвращала ей независимость и самобытность.

Во время переговоровъ, среди торжествующаго нашего стана, въ виду смятеннаго Константинополя, одинъ молодой поэтъ думалъ о Іерусалимѣ, о... св. храмѣ, нынѣ забытомъ христіанскою Европою для суетныхъ развалинъ Парѳенона и Ликея. Ему представилась возможность исполнить давнее желаніе, любимую мечту отрочества. Г. Муравьевъ черезъ г. Дибича получилъ дозволеніе посѣтить св. мѣста и отправился къ нимъ черезъ Константинополь и Александрію. Нынѣ издалъ онъ свои путевыя записки.

Съ умиленіемъ и невольной завистью прочли мы книгу Г-на Муравьева. Здѣсь нѣтъ, говоритъ другой русскій путешественникъ...—Но молодаго нашего соотечественника привлекало туда не суетное желаніе обрести краски для поэтическаго романа, не безпокойное любопытство, не надежда найти насильственныя впечатлѣнія для сердца усталаго и притупленнаго. Онъ посѣтилъ св. мѣста, какъ вѣрующій, какъ смиренный, простодушный крестоносецъ, жаждущій повергнуться во прахъ передъ гробомъ Христа Спасителя. Онъ traverse Грецію, ... одною великой мыслію, онъ не старается, какъ Шатобріанъ воспользоваться противоположностью миѳологій Библіи и Одиссеи; онъ не останавливается, онъ спѣшитъ, онъ мимоходомъ бесѣдуетъ съ ..... преобразователемъ Египта, проникаетъ въ глубину пирамидъ, проникаетъ въ пустыню, окруженную черными шатрами бедуиновъ и верблюдами каравановъ, вступаетъ въ Обѣтованную землю, наконецъ съ высоты вдругъ видитъ Іерусалимъ...

7. Историческій отрывокъ.

Москва была освобождена Пожарскимъ, польское войско удалилось; король Шведскій думалъ о замиреніи. Послѣдняя опора Марины, Заруцкій, злодѣйствовалъ въ отдаленномъ краю Россіи. Отечество отдохнуло и стало думать объ избраніи себѣ

lib.pushkinskijdom.ru

новаго царя. Выборные люди ото всего государства стеклись въ разоренную Москву и приступили къ великому дѣлу. Долго не могли рѣшиться, помнили горькія послѣдствія двухъ недавнихъ выборовъ. Многіе бояре не уступали въ знатности родамъ Шуйскихъ и Годуновыхъ; каждый думалъ о себѣ, или о родственникѣ; вдругъ, посреди преній и всеобщаго недоумѣнія, произнесено было имя Михаила Романова.

Михаилъ Ѳедоровичъ былъ сынъ знаменитаго боярина Ѳедора Никитича, нѣкогда сосланнаго царемъ Борисомъ и неволею постриженнаго въ монахи, въ царствованіе Лжедмитрія (1605) изъ монастырскаго заточенія возведеннаго на степень митрополита Ростовскаго и прославившаго свое иноческое имя въ исторіи нашего отечества.

Отецъ Ѳедора Никитича, Никита Романовичъ былъ женатъ на сестрѣ царя Іоанна Васильевича, и слѣдовательно юный Михаилъ по женскому колѣну происходилъ отъ Рюрика, ибо родная бабка его, супруга Никиты Романовича, была родная сестра царя Іоанна Васильевича. Съ самыхъ первыхъ лѣтъ испыталъ онъ превратности судьбы. Младенцемъ раздѣлялъ онъ заточеніе съ матерью своею, Ксеніей Ивановной, въ 1600 году подъ именемъ инокини Марѳы постриженной въ пустынномъ Онѣжскомъ монастырѣ.

Лжедмитрій (опредѣливъ имъ приличное роду ихъ содержаніе) перевелъ ихъ въ Костромской Ипатской монастырь.

О ДУРОВѢ.

Дуровъ—братъ той Дуровой, которая въ 1807 году вошла въ военную службу, заслужила георгіевскій крестъ и теперь издаетъ свои записки. Братъ въ своемъ родѣ не уступаетъ въ странности сестрѣ. Я познакомился съ нимъ на Кавказѣ въ 1829 г., возвращаясь изъ Арзрума. Онъ лечился отъ какой-то удивительной болѣзни, вродѣ каталепсіи, и игралъ съ утра до ночи въ карты. Наконецъ онъ проигрался, и я довезъ его до Москвы въ моей коляскѣ. Дуровъ помѣшанъ былъ на одномъ пунктѣ: ему непремѣнно хотѣлось имѣть сто тысячъ рублей. Всевозможные способы достать ихъ были имъ придуманы и передуманы. Иногда ночью, въ дорогѣ, онъ будилъ меня вопросомъ: «Александръ Сергѣевичъ! Александръ Сергѣевичъ! какъ бы, думаете вы, достать мнѣ сто тысячъ?» Однажды сказалъ я ему, что на его мѣстѣ, если ужъ сто тысячъ были не-

lib.pushkinskijdom.ru

обходимы, то я бы ихъ укралъ. «Я объ этомъ думалъ,» отвѣчалъ мнѣ Дуровъ.—Ну, что же? «Мудрено; не у всякаго въ карманѣ можно найти сто тысячъ, а зарѣзать или обокрасть человѣка за бездѣлицу не хочу, у меня есть совѣсть.» Ну, такъ украдьте полковую казну. «Я объ этомъ думалъ.»—Что же? «Это можно сдѣлать лѣтомъ, когда полкъ въ лагерѣ, а фура съ казною стоитъ у палатки полковаго командира. Можно накинуть на дышло длинную веревку и припречь издали лошадь, а тамъ на ней и ускакать; часовой, увидя, что фура скачетъ безъ лошадей, вѣроятно испугается и не будетъ знать что дѣлать; въ двухъ или трехъ верстахъ можно разбить фуру, а съ казною бѣжать. Но тутъ много также неудобства. Не знаете ли вы иного способа?»—Просите денегъ у государя. «Я объ этомъ думалъ.» — Что же? «Я даже и просилъ.» — Какъ! безо всякаго права? «Я съ того и началъ: ваше величество! я никакого права не имѣю просить у васъ то, что составило бы счастіе моей жизни; но, ваше величество, на милость образца нѣтъ, и такъ далѣе.»—Что же вамъ отвѣчали? «Ничего.»—Это удивительно. Вы бы обратились къ Ротшильду. «Я объ этомъ думалъ.»—Что же, зачѣмъ дѣло стало? «Да видите ли: одинъ способъ выманить у Ротшильда сто тысячъ; это было бы такъ странно и такъ забавно; надобно бы написать ему просьбу, чтобъ ему было весело, потомъ разсказать анекдотъ, который стоилъ бы ста тысячъ. Но сколько трудностей!...» Словомъ, нельзя было придумать несообразности и нелѣпости, о которой бы Дуровъ уже не подумалъ. Послѣдній проектъ его былъ—выманить эти деньги у англичанъ, подстрекнувъ ихъ народное самолюбіе и въ надеждѣ на ихъ любовь къ странностямъ. Онъ хотѣлъ обратиться къ нимъ съ слѣдующимъ письмомъ: «Гг. англичане! я бился объ закладъ объ 10,000 рублей, что вы не откажетесь мнѣ дать взаймы 100,000 рублей. Гг. англичане, избавьте меня отъ проигрыша, на который навязался я, въ надеждѣ на ваше всему свѣту извѣстное великодушіе.» Дуровъ просилъ меня похлопотать объ этомъ въ Петербургѣ чрезъ англійскаго посланника, и свой проектъ высказалъ мнѣ не иначе, какъ взявъ съ меня честное слово не воспользоваться имъ. Онъ готовъ былъ всегда биться объ закладъ, и о чемъ бы то ни было. Говорили ли о женщинѣ — «хотите со мной биться объ закладъ, прерывалъ Дуровъ, что черезъ три дня она меня полюбитъ?» Стрѣляли ли въ цѣль изъ пистолета—

lib.pushkinskijdom.ru

Дуровъ предлагалъ стать въ 25-ти шагахъ и бился о 1,000 рублей, что вы въ него не попадете. Страсть его къ женщинамъ была также очень замѣчательна. Бывши городничимъ въ Ямбургѣ, влюбился онъ въ одну рыжую бабу, осужденную къ кнуту, въ ту самую минуту, какъ она уже была привязана къ столбу, а онъ по должности своей присутствовалъ при ея казни. Онъ шепнулъ палачу, чтобы онъ ее поберегъ и не трогалъ ея прелестей, бѣлыхъ и жирныхъ, что и было исполнено; послѣ чего Дуровъ жилъ нѣсколько дней съ прекрасной каторжницею. Недавно получилъ я отъ него письмо. Онъ пишетъ: Исторія моя коротка: я женился, а денегъ все нѣтъ. Я отвѣчалъ ему: Жалѣю, что изъ 100,000 способовъ достать 100,000 рублей ни одинъ еще, видно, вамъ не удался.

3 октября 1833.

ДЕРЖАВИНЪ.

Державина видѣлъ я только однажды въ жизни, но никогда того не забуду. Это было въ 1815 году на публичномъ экзаменѣ въ лицеѣ. Какъ узнали мы, что Державинъ будетъ къ намъ, всѣ мы взволновались. Дельвигъ вышелъ на лѣстницу, чтобъ дождаться его и поцѣловать руку, написавшую «Водопадъ». Державинъ пріѣхалъ. Онъ вошелъ въ сѣни, и Дельвигъ услышалъ, какъ онъ спросилъ у швейцара: гдѣ, братецъ, здѣсь выйти? Этотъ прозаическій вопросъ разочаровалъ Дельвига, который отмѣнилъ свое намѣреніе и возвратился въ залу. Дельвигъ это разсказывалъ мнѣ съ удивительнымъ простодушіемъ и веселостію. Державинъ былъ очень старъ. Онъ былъ въ мундирѣ и въ плисовыхъ сапогахъ. Экзаменъ нашъ очень его утомилъ: онъ сидѣлъ поджавши голову рукою; лицо его было безсмысленно, глаза мутны, губы отвислы. Портретъ его (гдѣ представленъ онъ въ колпакѣ и халатѣ) очень похожъ. Онъ дремалъ до тѣхъ поръ, пока не начался экзаменъ русской словесности. Тутъ онъ оживился: глаза заблистали, онъ преобразился весь. Разумѣется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Онъ слушалъ съ живостію необыкновенной. Наконецъ вызвали меня. Я прочелъ мои Воспоминанія въ Ц. С., стоя въ двухъ шагахъ отъ Державина. Я не въ силахъ описать состоянія души моей: когда дошелъ я до стиха, гдѣ упоминаю имя Державина, голосъ мой отроческій зазвенѣлъ, а сердце забилось съ упоительнымъ во-

lib.pushkinskijdom.ru

сторгомъ... Не помню, какъ я кончилъ свое чтеніе; не помню, куда убѣжалъ. Державинъ былъ въ восхищеніи: онъ меня требовалъ, хотѣлъ меня обнять... Меня искали, но не нашли...*

ШАЙЛОКЪ, АНДЖЕЛО И ФАЛЬСТАФЪ, ШЕКСПИРА.

Лица, созданныя Шекспиромъ, не суть, какъ у Мольера, типы такой-то страсти, такого-то порока, но существа живыя, исполненныя многихъ страстей, многихъ пороковъ; обстоятельства развиваютъ передъ зрителемъ ихъ разнообразные, многосложные характеры. У Мольера скупой скупъ — и только; у Шекспира Шайлокъ скупъ, сметливъ, мстителенъ, чадолюбивъ, остроуменъ. У Мольера лицемѣръ волочится за женою своего благодѣтеля, лицемѣря; принимаетъ имѣніе подъ храненіе, лицемѣря; спрашиваетъ стаканъ воды, лицемѣря. У Шекспира лицемѣръ произноситъ судебный приговоръ съ тщеславною строгостію, но справедливо; онъ оправдываетъ свою жестокость глубокомысленнымъ сужденіемъ государственнаго человѣка; онъ обольщаетъ невинность сильными увлекательными софизмами, не смѣшною смѣсью набожности и волокитства. Анджело лицемѣръ, потому что его гласныя дѣйствія противорѣчатъ тайнымъ страстямъ! А какая глубина въ этомъ характерѣ!

Но нигдѣ, можетъ быть, многосторонній геній Шекспира не отразился съ такимъ многообразіемъ, какъ въ Фальстафѣ, коего пороки, одинъ съ другимъ связанные, составляютъ забавную, уродливую цѣпь, подобную древней вакханаліи. Разбирая характеръ Фальстафа, мы видимъ, что главная черта его есть сластолюбіе. Смолоду, вѣроятно, грубое, дешевое волокитство было первою для него заботою, но ему уже за пятьдесятъ. Онъ растолстѣлъ, одряхъ; обжорство и вино взяли верхъ надъ Венерою. Во-вторыхъ, онъ трусъ; но, проведя свою жизнь съ молодыми повѣсами, поминутно подверженный ихъ насмѣшкамъ и проказамъ, онъ прикрываетъ свою трусость дерзостью уклончивой и насмѣшливой; онъ хвастливъ по при-

---

* Эта замѣтка, можетъ быть, предназначалась въ примѣчанія къ 2-му изданію Евгенія Онѣгина 1833 г. Напомнимъ характеристику Державина въ письмѣ Пушкина къ Дельвигу, въ VII томѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

вычкѣ и по разсчету. Фальстафъ совсѣмъ не глупъ; напротивъ, онъ имѣетъ и нѣкоторыя привычки человѣка, нерѣдко видавшаго хорошее общество. Правилъ нѣтъ у него никакихъ. Онъ слабъ какъ баба. Ему нужно крѣпкое испанское вино (the sack), жирный обѣдъ и деньги для своихъ любовницъ; чтобъ достать ихъ, онъ готовъ на все, только бъ не на явную опасность.

Въ молодости моей случай сблизилъ меня съ человѣкомъ, въ коемъ природѣ, казалось, желая подражать Шекспиру, повторила его геніальное созданіе. *** былъ второй Фальстафъ: сластолюбивъ, трусъ, хвастливъ, не глупъ, забавенъ, безъ всякихъ правилъ, слезливъ и толстъ. Одно обстоятельство придавало ему прелесть оригинальную. Онъ былъ женатъ. Шекспиръ не успѣлъ женить своего холостяка. Фальстафъ умеръ у своихъ пріятельницъ, не успѣвъ быть ни рогатымъ супругомъ, ни отцомъ семейства. Сколько сценъ, потерянныхъ для кисти Шекспира!

Вотъ черта изъ домашней жизни моего почтеннаго друга. Четырехлѣтній сынокъ его, вылитый отецъ, маленькій Фальстафъ III, однажды, въ его отсутствіи, повторялъ про себя: «какой папенька хлаблій! какъ папеньку государь любить!» Мальчика подслушали и кликнули. «Кто тебѣ это сказалъ, Володя?»—Папенька, отвѣчалъ Володя.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ДНЕВНИКА.

1833—1834.

24 ноября (1833). Обѣдалъ у К. А. Карамзиной. Видѣлъ Жуковскаго. Онъ здоровъ и помолодѣлъ. Вечеромъ раутъ у Фикельмонъ.* Странная встрѣча: ко мнѣ подошелъ мужчина лѣтъ 45, въ усахъ и съ просѣдью. Я узналъ по лицу грека, и принялъ за одного изъ моихъ старыхъ кишиневскихъ пріятелей. Это былъ Суццо, бывшій молдавскій господарь. Онъ теперь посланникомъ въ Парижѣ. Не знаю еще, зачѣмъ здѣсь.

---

* Австрійскій посланникъ. Онъ былъ женатъ на дочери Елизаветы Мих. Хитровой, внучкѣ Кутузова.

lib.pushkinskijdom.ru

Онъ напомнилъ мнѣ, что въ 1821 году былъ я у него въ Кишиневѣ вмѣстѣ съ Пестелемъ.* Я разсказалъ ему, какимъ образомъ Пестель обманулъ его и предалъ этерію, представя ее императору Александру отраслію карбонаризма. Суццо не могъ скрыть ни своего удивленія, ни досады: тонкость фанаріота была побѣждена хитростію русскаго офицера! это оскорбило его самолюбіе.

30 ноября. Вчера балъ у Бутурлина. Жомини. Любопытный разговоръ съ Блайемъ. Зачѣмъ у васъ флотъ въ Балтійскомъ морѣ?—Для безопасности Петербурга?—Но онъ защищенъ Кронштадтомъ.—Игрушка!—Долго ли вамъ распространяться? (Мы смотрѣли карту постепеннаго распространенія Россіи, составленную Бутурлинымъ). Ваше мѣсто Азія: тамъ совершите вы достойный подвигъ цивилизаціи... etc.

Нѣсколько офицеровъ подъ судомъ за неисправность въ дежурствѣ. Великій князь засталъ ихъ за ужиномъ: кого въ шлафрокѣ, кого безъ шарфа. Онъ пораженъ мыслію объ упадкѣ гвардіи. Но какими средствами думаетъ онъ возвысить ея духъ? При Екатеринѣ караульный офицеръ ѣхалъ за своимъ взводомъ въ возкѣ и въ лисьей шубѣ. Въ началѣ царствованія Александра офицеры были своевольны, заносчивы, неисправны, а гвардія была въ своемъ цвѣтущемъ состояніи.

*

4-го декабря 1833. Вечеромъ у Загряжской (Натальи Кириловны). Разговоръ о Екатеринѣ. Наталья Кирилловна была на галерѣ вмѣстѣ съ Петромъ III, во время революціи. Только два раза видѣла она Екатерину сердитою, и оба раза на княгиню Дашкову. Екатерина звала ее въ Эрмитажъ. Княгиня Дашкова спросила у придворныхъ, какъ ходятъ они туда. Ей отвѣчали: черезъ алтарь. Дашкова на другой день съ десятилѣтнимъ сыномъ прямо забралась въ алтарь, остановилась на минуту, поговорила съ сыномъ о святости того мѣста, и прошла съ нимъ въ Эрмитажъ. На другой день всѣ ожидали государыню; въ томъ числѣ и Дашкова. Вдругъ дверь отворилась, государыня влетѣла и прямо къ Дашковой. Всѣ замѣтили по краскѣ ея лица и по живости рѣчи, что она была сердита. Фрейлины перепугались. Дашкова извинялась во вчерашнемъ

* Павелъ Ивановичъ, декабристъ, казненный 13 іюля 1826 г.

lib.pushkinskijdom.ru

поступкѣ, говоря, что она не знала, чтобъ женщинѣ былъ запрещенъ входъ въ алтарь. — Какъ вамъ не стыдно! отвѣчала Екатерина. Вы русская и не знаете своего закона; священникъ принужденъ на васъ мнѣ жаловаться.... Наталья Кирилловна разсказала анекдотъ съ большой живостью. Княгиня Кочубей замѣтила, что Дашкова вошла вѣроятно въ алтарь въ качествѣ президента русской академіи. Втораго анекдота я не выслушалъ.

*

1-го января 1834. Третьяго дня я пожалованъ въ камеръ-юнкеры (что довольно неприлично моимъ лѣтамъ). Меня спрашивали, доволенъ ли я моимъ камеръ-юнкерствомъ?—Доволенъ, потому что государь имѣлъ намѣреніе отличить меня, а не сдѣлать смѣшнымъ; а по мнѣ хоть въ камеръ-пажи, только бъ не заставили меня учиться французскимъ вокабуламъ и ариѳметикѣ.

*

7-го января Государь сказалъ княгинѣ Вяземской: J'espère que Pouchkine a pris en bonne part sa nomination. Jusqu'á présent il m'a tenu parole, et j'ai été content de lui, etc. Великій князь намедни поздравилъ меня въ театрѣ.—Покорнѣйше благодарю, ваше высочество; до сихъ поръ всѣ надо мною смѣялись: вы первый меня поздравили.

*

17-го января. Балъ у графа Бобринскаго (Алексѣя Алексѣевича) одинъ изъ самыхъ блистательныхъ. Государь мнѣ о моемъ камеръ-юнкерствѣ не говорилъ, а я не благодарилъ его. Говоря о моемъ Пугачевѣ, онъ сказалъ мнѣ: «Жаль, что я не зналъ, что ты о немъ пишешь; я бы тебя познакомилъ съ его сестрицей, которая тому три недѣли умерла въ крѣпости.»— Возможно-ли? Съ 1774 года! Правда, она жила на свободѣ, въ предмѣстьи, но далеко отъ своей донской станицы, на чужой холодной сторонѣ. Государыня спросила у меня, куда ѣздилъ я лѣтомъ. Узнавъ, что въ Оренбургъ, освѣдомилась о Перовскомъ съ большимъ добродушіемъ.

*

26-го января. Въ прошедшій вторникъ званъ я былъ въ Аничковъ. Пріѣхалъ въ мундирѣ. Мнѣ сказали, что гости во фракахъ. Я уѣхалъ, оставя Наталью Николаевну, и переодѣвшись отправился на вечеръ къ Сергѣю Васильевичу Салтыкову. Государь былъ недоволенъ и нѣсколько разъ принимался

lib.pushkinskijdom.ru

говорить обо мнѣ. Il aurait pu se donner la peine d'aller mettre un frac et de revenir. Faites lui des reproches.

Въ четвергъ былъ у кн. Трубецкаго (Василія Сергѣевича). Государь пріѣхалъ неожиданно, былъ на полчаса. Сказалъ женѣ: Est-ce à propos de bottes ou de boutons que votre mari n'est pas venu dernièrement? (Мундирныя пуговицы). Старуха гр. Бобринская извиняла меня тѣмъ, что у меня не были онѣ нашиты.

Баронъ д'Антесъ и маркизъ де-Пина, два шуана, будутъ приняты въ гвардію прямо офицерами. Гвардія ропщетъ.

*

28-го февраля. Протекшій мѣсяцъ былъ довольно шуменъ. Множество баловъ, раутовъ, etc. Масляница. Я представлялся. Государь позволилъ мнѣ печатать Пугачева; мнѣ возвращена моя рукопись съ его замѣчаніями (очень дѣльными). Въ воскресенье, на балѣ въ концертной, государь долго со мною разговаривалъ. Онъ говоритъ очень хорошо, не смѣшивая обоихъ языковъ, не дѣлая обыкновенныхъ ошибокъ и употребляя настоящія выраженія.

*

6-го марта. Царь далъ мнѣ взаймы 20,000 на напечатаніе Пугачева. Спасибо!

13 іюля 1826 года въ полдень государь находился въ Царскомъ Селѣ. Онъ стоялъ надъ прудомъ, что за Кагульскимъ памятникомъ, и бросалъ платокъ въ воду, заставляя собаку свою выносить его на берегъ. Въ эту минуту слуга прибѣжалъ сказать ему что-то на ухо.* Царь бросилъ и собаку и платокъ. и побѣжалъ во дворецъ. Собака, выплывъ на берегъ и не нашедъ его, оставила платокъ и побѣжала за нимъ. Фрейлина подняла платокъ въ память историческаго дня.

*

17-го марта. Вчера было совѣщаніе литературное у Греча объ изданіи русскаго «Conversations-Lexicon». Насъ было человѣкъ со сто, большею частью неизвѣстныхъ мнѣ русскихъ великихъ людей. Гречъ сказалъ мнѣ предварительно: «Плюшаръ въ этомъ дѣлѣ есть шарлатанъ, а я пальясъ; пью его лекарство и хвалю его». Такъ и вышло. Я подсмотрѣлъ много шар-

* Т. е. извѣстіе о совершеніи поутру казни пяти декабристовъ.

lib.pushkinskijdom.ru

латанства и очень мало толку. Предпріятіе въ милліонъ, а выгоды не вижу, не говоря уже о чести. Охота лѣзть въ омутъ, гдѣ полощутся Булгаринъ, Полевой и Свиньинъ! Гаевскій подписался, но съ условіемъ. Кн. Одоевскій и я послѣдовали его примѣру. Вяземскій не былъ приглашенъ на сіе литературное сборище.—Тутъ я встрѣтилъ добраго Галича и очень ему обрадовался. Онъ былъ нѣкогда моимъ профессоромъ, ободрялъ меня на поприщѣ мною избранномъ. Онъ заставилъ меня написать для экзамена 1814 года мои «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ». Устряловъ сказывалъ мнѣ, что издаетъ процессъ Никоновъ. Важная вещь!

Третьяго дня обѣдъ у австрійскаго посланника (гр. Фикельмонъ). Я сдѣлалъ нѣсколько промаховъ: 1) пріѣхалъ въ 5 часовъ вмѣсто 5½ и ждалъ нѣсколько времени хозяйку; 2) пріѣхалъ въ сапогахъ, что сердило меня во все время. Сидя втроемъ съ посланникомъ и его женою, разговорился я объ 11 марта.... Государь, нынѣ царствующій, первый у насъ имѣлъ право и возможность казнить цареубійцъ или помышленія о царсубійствѣ; его предшественники принуждены были терпѣть и прощать.

*

2-го апрѣля. На дняхъ (въ прошедшій четвергъ) обѣдалъ у князя Трубецкаго съ Вяземскимъ, Нарышкинымъ, съ Кукольникомъ, котораго видѣлъ въ первый разъ. Онъ кажется очень порядочный молодой человѣкъ. Не знаю, имѣетъ ли онъ талантъ. Я не дочелъ его «Тасса» и не видалъ его «Руки» etc. Онъ хорошій музыкантъ. Вяземскій сказалъ объ его игрѣ на фортепіано: il brédouille en musique, comme en vers. Кукольникъ пишетъ «Ляпунова». Хомяковъ тоже. Ни тотъ, ни другой не напишутъ хорошей трагедіи. Баронъ Розенъ имѣетъ болѣе таланта.

Князь Одоевскій, Диринъ, Гаевскій, Зайцевскій и я выключены изъ числа издателей «Conversations-Lexicon». Прочіе были обижены нашею оговоркою; но честный человѣкъ, говоритъ Одоевскій, можетъ быть однажды обманутъ, но въ другой разъ обманутъ только дурака. Этотъ Лексиконъ будетъ не что иное какъ Сѣверная Пчела и Библіотека для Чтенія въ новомъ порядкѣ и объемѣ.

Въ прошлое воскресенье обѣдалъ я у Сперанскаго. Онъ разсказывалъ мнѣ о своемъ изгнаніи въ 1812 году. Онъ посланъ

lib.pushkinskijdom.ru

былъ изъ Петербурга по тихвинской глухой дорогѣ. Ему данъ былъ въ провожатые полицейскій чиновникъ, человѣкъ добрый и глупый. На одной станціи не давали ему лошадей; чиновникъ пришелъ просить покровительства у своего арестанта. Ваше превосходительство! помилуйте! заступитесь великодушно: эти канальи лошадей намъ не даютъ. — Сперанскій у себя очень любезенъ. Я говорилъ ему о прекрасномъ началѣ царствованія Александра. «Вы и Аракчеевъ, вы стойте въ дверяхъ противоположныхъ этого царствованія, какъ геніи зла и блага.» Онъ отвѣчалъ комплиментами и совѣтовалъ мнѣ писать исторію моего времени.

*

7-го апрѣля. «Телеграфъ» запрещенъ. Уваровъ представилъ государю выписки, веденныя нѣсколько мѣсяцевъ и обнаруживающія неблагонамѣрное направленіе, данное Полевымъ его журналу (выписки ведены Бруновымъ по совѣту Блудова). Жуковскій говоритъ: «Я радъ, что «Телеграфъ» запрещенъ, хотя жалѣю, что запретили.» «Телеграфъ» достоинъ былъ участи своей. Мудрено съ большею наглостью проповѣдывать якобинизмъ передъ носомъ правительства; но Полевой былъ баловень полиціи. Онъ умѣлъ увѣрить ее, что его либерализмъ пустая только маска.

Моя «Пиковая Дама» въ большой модѣ. Игроки понтируютъ на тройку, семерку и туза. При дворѣ нашли сходство между старой графиней и кн. Натальей Петровной (Голицыной) и кажется не сердятся.

Вчера Гоголь читалъ мнѣ сказку, какъ Иванъ Ивановичъ поссорился съ Иваномъ Тимофѣичемъ (sic). Очень оригинально и очень смѣшно.

Гоголь, по моему совѣту, началъ исторію русской критики.

*

8-го апрѣля. Сейчасъ ѣду во дворецъ представиться царицѣ.

2 часа.—Представлялся. Ждали царицу часа три. Насъ было человѣкъ 20: братъ Паскевича, Шереметевъ, Болховской, два Корфа, Вальховскій и др. Я по списку былъ послѣдній. Царица подошла ко мнѣ смѣясь: Non, c'est unique! Je me creusais la tête pour savoir quel P. me sera présenté. Il se trouve que c'est vous!.. Comment va votre femme? Sa tante (Ек. Ив. Загряжская) est bien impantiente de la voir en bonne santé la fille de son coeur, sa fille d'adoption... и перевернулась. Я ужас-

lib.pushkinskijdom.ru

но люблю царицу, не смотря на то, что ей уже 35 лѣтъ и даже 36.

*

11-го апрѣля. Сейчасъ получаю отъ графа Строгонова листокъ франкфуртскаго журнала, гдѣ напечатана слѣдующая статья.

St. Pétersbourg, 27 Février. Depuis la catastrophe de la révolte de Varsovie, les coryphées de l'émigration polonaise nous ont démontré trop souvent par leurs paroles et leurs écrits que pour avancer leur desseins et disculper leur conduite antérieure, ils ne craignent pas le mensonge et la calomnie; aussi personne ne s'étonnera des nouvelles preuves de leur imprudence obstinée...

(Дѣло идетъ о праздникѣ, данномъ въ Брюсселѣ польскими эмигрантами, и о рѣчахъ, произнесенныхъ Лелевелемъ, Пулавскимъ, Ворцелемъ и другими. Праздникъ былъ данъ въ годовщину 14 декабря).

.... Après avoir faussé de la sorte l'histoire des siècles passés pour la faire parler en faveur de la cause, m-r Lelevel maltraite de même l'histoire moderne. En ce point il est conséquent.

Il nous retrace à sa manière le dévéloppement progressif du principe révolutionnaire en Russie; il nous cite l'un des meilleurs poètes russes de nos jours afin de révéler par son exemple la tendance politique de la jeunesse russe. Nous ignorons si A. Pouchkine, à une époque où son talent imminent en fermentation ne s'était pas débarassé encore de son écume, a composé les strophes citées par Lelevel; mais nous pouvons assurer avec conviction qu'il se repentira d'autant plus des premiers essais de sa muse, qu'ils ont fourni à un ennemi de sa patrie l'occasion de lui supposer une conformité quelconque d'idées où d'intentions. Quant au jugement porté par Pouchkine relativement à la rébellion polonaise, il se trouve enoncé dans son poëme: Aux détracteurs de la Russie qu'il a fait paraître dans le tems.

Puisque cependant le s. Lelevel semble éprouver de l'interêt sur le sort de ce poète relegué aux confins reculés de l'empire, notre humanité naturelle nous porte à l'informer de la présence de Pouchkine à Pétersbourg, en remarquant qu'on le voit souvent à la cour et qu'il y est traité par son souverain avec bonté et bienveillance.

*

14 апрѣля. Вчера концертъ для бѣдныхъ. Дворъ въ концертѣ. 300 мѣстъ и 2,000 билетовъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Слухъ о томъ, что Полевой былъ взятъ и привезенъ въ Петербургъ, подтверждается. Говорятъ, кто-то его встрѣтилъ въ большомъ смущеніи, здѣсь, на улицѣ, тому съ недѣлю.

*

16-го. Вчера проводилъ Наталью Николаевну до Ижоры. Возвратясь, нашелъ у себя на столѣ приглашеніе на дворянскій балъ и приказъ явиться къ графу Литтѣ. Я догадался, что дѣло идетъ о томъ, что я не явился въ придворную церковь ни къ вечернѣ въ субботу, ни къ обѣднѣ въ вербное воскресенье. Такъ и вышло. Жуковскій сказалъ мнѣ, что государь былъ недоволенъ отсутствіемъ многихъ камергеровъ и камеръюнкеровъ и сказалъ: «если имъ тяжело выполнять свои обязанности, то я найду средства ихъ избавить.» Однако жъ я не поѣхалъ на головомытье, а написалъ изъясненіе.

Говорятъ, будто бы на дняхъ выйдетъ указъ о томъ, что уничтожается право русскимъ подданнымъ пребывать въ чужихъ краяхъ. Жаль во всѣхъ отношеніяхъ, если слухъ сей оправдается.

*

Середа на святой недѣлѣ.—Праздникъ совершеннолѣтія совершился. Я не былъ свидѣтелемъ. Это было вмѣстѣ торжество государственное и семейственное. Всѣ были въ восхищеніи отъ необыкновеннаго зрѣлища. Многіе плакали, а кто не плакалъ, тотъ обтиралъ сухіе глаза, силясь выжать нѣсколько слезъ. Дворецъ былъ полонъ народу. Мнѣ надобно было свидѣться съ Катериною Ивановною Загряжской. Я къ ней пошелъ по задней лѣстницѣ, надѣясь никого не встрѣтить, но и тутъ была давка. Придворные ропщутъ: ихъ не пустили въ церковь, куда говорятъ всѣхъ пускали.

Мёрдеръ умеръ. Человѣкъ добрый и честный, незамѣнимый. Великій князь еще того не знаетъ: отъ него таятъ извѣстіе, чтобъ не отравить его радости. Откроютъ ему послѣ бала 28. Также умеръ Аракчеевъ, и смерть этого самодержца не произвела никакого впечатлѣнія. Губернаторъ новогородскій пріѣхалъ въ Петербургъ и явился къ Блудову съ извѣстіемъ о его болѣзни и для принятія приказаній на счетъ бумагъ, у графа находящихся. Это не мое дѣло, отвѣчалъ Блудовъ, отнеситесь къ Бенкендорфу. Въ Грузино посланы Клейнмихель и Игнатьевъ.

Петербургъ полонъ вѣстями и толками о минувшемъ тор-

lib.pushkinskijdom.ru

жествѣ. Разговоры несносны: слышишь вездѣ одно и то же. Одна Смирнова по прежнему мила и холодна въ окружающей суетѣ. Дай Богъ ей счастливо родить, а страшно за нее.

Вышелъ указъ о русскихъ подданныхъ, пребывающихъ въ чужихъ краяхъ. Онъ есть явное нарушеніе права даннаго дворянству Петромъ III; но такъ какъ допускаются исключенія, то и будетъ одною изъ безчисленныхъ пустыхъ мѣръ, принимаемыхъ ежедневно къ досадѣ благомыслящихъ людей и ко вреду правительства.

*

Гулянье 1-го мая не удалось отъ дурной погоды: было экипажей десять. Случилось несчастіе: какая-то деревянная башня, памятникъ затѣй Милорадовича въ Екатерингофѣ, обрушилась и нѣсколько людей бывшихъ на ней ушиблись. Кстати, вотъ надпись къ воротамъ Екатерингофа:

Хвостовымъ нѣкогда воспѣтая дыра!
Провозглашаешь ты природы русской скупость,
Самодержавіе Петра
И Милорадовича глупость.

Гоголь читалъ у Дашкова свою комедію. Дашковъ звалъ Вяземскаго на свой вечеръ, говоря въ своей запискѣ:

Molière avec Tartuffe y doit jouer son rôle,
Et Lambert, qui plus est, m'a donné sa parole etc.

Вяземскій отвѣчалъ: Какъ? будетъ графъ Лямбертъ и съ нимъ его супруга? Зовите жъ и Ляваль.

*

21-го. Вчера обѣдалъ у Смирновыхъ съ Полетикой, съ Велегорскимъ и съ Жуковскимъ. Разговоръ коснулся Екатерины. Полетика разсказалъ нѣсколько анекдотовъ. Нѣкто Чертковъ, человѣкъ крутой и неустойчивый, былъ однажды во дворцѣ. Зубовъ подошелъ къ нему и обнялъ его, говоря; «ахъ ты, мой красавецъ!» Чертковъ былъ очень дуренъ лицомъ. Онъ осердился и, обратясь къ Зубову, сказалъ: «я сударь, своею фигурою фортуны себѣ не ищу.» Всѣ замолчали. Екатерина, игравшая тутъ же въ карты, обратилась къ Зубову и сказала: «вы не можете помнить такого-то (Черткова по имени и отчеству), а я его помню и могу васъ увѣрить, что онъ очень былъ недуренъ».

*

2-го іюня. Много говорятъ въ городѣ объ Медемѣ, назначеномъ Министромъ въ Лондонъ. Это дипломатическія су-

lib.pushkinskijdom.ru

спиціи, какъ говорятъ городничихи. Англія не посылала намъ посланника: мы отзываемъ Ливена. Бива недоволенъ. Онъ говоритъ: mais Medem c'est un tout jeune homme c'est à dire un blanc bec. Государь не хотѣлъ принять Каннинга (Stratford), потому что будучи великимъ княземъ имѣлъ съ нимъ какую-то непріятность.

26-го мая былъ я на пароходѣ и провожалъ Мещерскихъ (кн. Петръ Иван. и княг. Катер. Никол., дочь Карамзина), отправляющихся въ Италію.

На другой день представлялся великой княгинѣ (Еленѣ Павловнѣ). Насъ было человѣкъ 8, между прочими Красовскій, славный цензоръ. Великая княгиня спросила его: «Cela doit bien vous ennuyer d'être obligé de lire tout ce qui paraît!»—Oui, v. a. i.. отвѣчалъ онъ:—la littérature actuelle est si détestable que c'est un supplice.—Великая княгиня скорѣй отъ него отошла. Говорила со мной о Пугачевѣ.

Вчера вечеръ у Катерины Андреевны (Карамзиной). Она ѣдетъ въ Таицы, принадлежавшія нѣкогда Ганнибалу, моему прадѣду. У нея были Вяземскій, Жуковскій и Полетика. Я очень люблю Полетику. Говорили много о Павлѣ I-мъ, романтическомъ нашемъ императорѣ.

*

3-го іюня. Обѣдали мы у Вяземскаго. Жуковскій, Давыдовъ и Киселевъ. Много говориля объ его управленіи въ Валахіи. Онъ, можетъ, самый замѣчательный изъ нашихъ государственныхъ людей, не исключая Ермолова....

Генералъ Болховской хотѣлъ писать свои записки (и даже началъ ихъ; нѣкогда, въ бытность мою въ Кишиневѣ, онъ ихъ мнѣ читалъ). Киселевъ сказалъ ему: помилуй! да о чемъ ты будешь писать? что ты видѣлъ?—Что я видѣлъ? возразилъ Болховской. Да я видѣлъ такія вещи, о которыхъ никто и понятія не имѣетъ.

Тому недѣли двѣ получено здѣсь извѣстіе о смерти кн. Кочубея. Оно произвело сильное дѣйствіе. Государь былъ неутѣшенъ. Новые министры повѣсили головы... Вотъ сужденіе о немъ: c'était un esprit éminnement conciliant; nul n'excellait comme lui à trancher une question difficile, à amener les opinions à s'entendre, etc. Безъ него Совѣтъ иногда превращался только что не въ драку, такъ что принуждены были посылать за нимъ больнымъ, чтобъ его присутствіемъ усмирить волненіе. Дѣло

lib.pushkinskijdom.ru

въ томъ, что онъ былъ человѣкъ хорошо воспитанный, а это у насъ рѣдко. И за то спасибо!

*

22-го іюля. Прошедшій мѣсяцъ былъ буренъ. Чуть было не поссорился я со дворомъ; но все перемололось. Однако это мнѣ не пройдетъ.

Маршалъ Мезонъ упалъ на маневрахъ съ лошади и чуть не былъ раздавленъ образцовымъ полкомъ. Арендъ объявилъ, что онъ внѣ опасности. Подъ Аустерлицемъ онъ искрошилъ кавалергардовъ. Долгъ платежомъ красенъ.

*

9-го августа. Трощинскій въ концѣ царствованія Павла былъ въ опалѣ. Исключенный изъ службы, просился онъ въ деревню. Государь не велѣлъ ему выѣзжать изъ города. Трощинскій остался въ Петербургѣ, никуда не являясь, сидя дома, вставая рано, ложась рано. Однажды, въ два часа ночи является къ его воротамъ фельдъегерь. Ворота заперты. Весь домъ спитъ. Онъ стучится, никто нейдетъ. Фельдъегерь въ протаявшемъ снѣгу отыскалъ камень и пустилъ его въ окошко. Въ домѣ проснулись, начали отворять ворота и поспѣшно прибѣжали къ спящему Трощинскому, объявляя ему, что государь его требуетъ и что фельдъегерь за нимъ пріѣхалъ. Трощинскій встаетъ, одѣвается, садится въ сани и ѣдетъ. Фельдъегерь привозитъ его прямо къ зимнему дворцу. Трощинскій не можетъ понять, что съ нимъ дѣлается. Наконецъ, видитъ онъ, что его ведутъ на половину великаго князя Александра. Тутъ только догадался онъ о перемѣнѣ, происшедшей въ государствѣ. У дверей кабинета встрѣтилъ его Паленъ, обнялъ и поздравилъ съ новымъ императоромъ. Трощинскій нашелъ государя въ мундирѣ, облокотившимся на столъ и всего въ слезахъ. Александръ кинулся къ нему на шею и сказалъ: «будь моимъ руководителемъ». Тутъ былъ тотчасъ же написанъ манифестъ и подписанъ государемъ, не имѣющимъ силы ничѣмъ заняться.

*

28-го ноября. Я ничего не записывалъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Я былъ въ отсутствіи. Выѣхалъ изъ Петербурга за пять дней до открытія Александровской колонны, чтобы не присутствовать при церемоніи вмѣстѣ съ камеръ-юнкерами, своими товарищами, былъ въ Москвѣ нѣсколько часовъ, видѣлъ

lib.pushkinskijdom.ru

А. Раевскаго, котораго нашелъ поглупѣвшимъ отъ ревматизмовъ въ головѣ. Можетъ быть это пройдетъ. Отправился потомъ въ Калугу на перекладныхъ безъ человѣка. Въ Тарутинѣ пьяные ямщики чуть меня не убили, но я поставилъ на своемъ. «Какіе мы разбойники? говорили мнѣ они: намъ дана вольность, и поставленъ столпъ намъ въ честь.» Графа Румянцова вообще не хвалятъ за его памятникъ [1] и увѣряютъ, что церковь была бы приличнѣе. Я довольно съ этимъ согласенъ. Церковь и при ней школа полезнѣе колонны съ орломъ и длинною надписью, которой безграмотный мужикъ нашъ долго не разберетъ. Въ Заводахъ [2] прожилъ я двѣ недѣли, потомъ привезъ Наталью Николаевну въ Москву, а самъ съѣздилъ въ нижегородскую деревню, гдѣ управители меня морочили, а я предъ ними шарлатанилъ и, кажется, неудачно. Воротился къ 15-му октября въ Петербургъ, гдѣ и проживаю. Пугачевъ мой отпечатанъ. Я ждалъ все возвращенія царя изъ Пруссіи. Вечоръ онъ пріѣхалъ. Великій князь Михаилъ Павловичъ привезъ эту новость на балъ Бутурлина. Балъ былъ прекрасенъ. Воротились въ 3 часа.

*

5-го декабря. Завтра надобно будетъ явиться во дворецъ. У меня еще нѣтъ мундира. Ни за что не поѣду представляться съ моими товарищами камеръ-юнкерами, молокососами 18-лѣтними. Царь разсердится. Да что мнѣ дѣлать? [3]

О КНИГѢ И. И. ДМИТРІЕВА:

ПУТЕШЕСТВІЕ N. N. ВЪ ПАРИЖЪ И ЛОНДОНЪ. 1834.

Путешествіе etc. Картинка представляетъ etc. Эта книжка никогда не была въ продажѣ. Нѣсколько экземпляровъ

---

[1] Въ Тарутинѣ, его имѣніи, въ память 1812 года.

[2] Полотняные заводы, имѣніе Гончаровыхъ, Калужской губерніи.

[3] Къ этимъ строкамъ «дневника», добавляемъ еще отрывокъ, сообщенный въ «Вѣстн. Европы» 1880, № 6; посѣтивъ однажды в. к. Михаила Павловича, Пушкинъ сказалъ ему при разставаньи: «Je connais bien votre famille. Les R. ont été de tout tems révolutionnaires.» Спасибо, отвѣчалъ шутя великій князь, что наградилъ новымъ качествомъ: намъ его недоставало.»

lib.pushkinskijdom.ru

розданы были пріятелямъ автора, отъ котораго имѣлъ я счастіе получить и свой—чуть ли не послѣдній. Я храню его какъ памятникъ благосклонности, для меня драгоцѣнной.

Путешествіе есть веселая незлобная шутка надъ однимъ изъ пріятелей автора. Покойный Вас. Льв. Пушкинъ отправился въ Парижъ, и его младенческій восторгъ подалъ поводъ къ сочиненію этой маленькой поэмы, въ которой съ удивительной точностью изображенъ весь Василій Львовичъ. Это образецъ игривой легкости и шутки живой и незлобной.

Для тѣхъ, которые любятъ поэзію не только въ ея лирическихъ порывахъ или въ дивномъ вдохновеніи элегіи, нетолько въ обширныхъ созданіяхъ драмы и эпопеи, но и въ младенческой живой игривости шутки и въ забавахъ ума, вдохновеннаго веселостью... Виноватъ, я бы отдалъ все, что было писано у насъ въ подражаніе Л. Байрону, за слѣдующіе незадумчивые и не восторженные стихи, въ которыхъ поэтъ заставляетъ героя своего восклицать друзьямъ: (стиховъ не выписано).

Поэзія, какъ природа. Есть люди, которые не понимаютъ Байрона; есть люди, которые находятъ и Горація прозаическимъ (спокойнымъ, умнымъ, разсудительнымъ—такъ ли?) Пусть такъ, но жаль было бы, если бы не существовали прелестныя оды, которымъ подражалъ и нашъ Державинъ. Для тѣхъ, которые любятъ Катулла, Грессета и Вольтера, для тѣхъ etc.

Искренность драгоцѣнна въ поэтѣ. Намъ пріятно видѣть поэта во всѣхъ состояніяхъ и измѣненіяхъ его живой, творческой души; и въ печали, и въ радости, и въ пареніяхъ восторга, и въ маленькой досадѣ на скучнаго сосѣда.

Благоговѣю передъ созданіемъ Фауста, но люблю и эпиграммы etc. Есть люди, которые не признаютъ иной поэзіи, кромѣ выспренней.

ЗАМѢЧАНІЯ НА ПѢСНЬ О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ.

(1834).

Пѣснь о Полку Игоревѣ найдена была въ библіотекѣ графа А. Ив. Мусина-Пушкина и издана въ 1800 году. Рукопись сгорѣла въ 1812-мъ году. Знатоки, видѣвшіе ее, сказываютъ,

lib.pushkinskijdom.ru

что почеркъ ея былъ полууставъ XV вѣка. Первые издатели приложили къ ней переводъ, вообще удовлетворительный, хотя нѣкоторыя мѣста остались темны или вовсе невразумительны. Многіе послѣ того силились ихъ объяснить. Но хотя въ изысканіяхъ таковаго рода послѣдніе бываютъ первыми (ибо ошибки и открытія предшественниковъ открываютъ и очищаютъ дорогу послѣдователямъ), первый переводъ, въ которомъ участвовали люди истинно ученые, все еще остается лучшимъ. Прочіе толкователи наперерывъ затмевали неясныя выраженія своевольными поправками и догадками, ни на чемъ не основанными. Объясненіями важнѣйшими обязаны мы Карамзину, который въ своей Исторіи, мимоходомъ, разрѣшилъ загадочныя мѣста.

Нѣкоторые писатели усомнились въ подлинности древняго памянника нашей поэзіи и возбудили жаркія возраженія. Счастливая поддѣлка можетъ ввести въ заблужденіе людей незнающихъ, но не можетъ укрыться отъ взоровъ истиннаго знатока. Вальполь не вдался въ обманъ, когда Четтертонъ прислалъ ему стихотворенія старого монаха Rowley; Джонсонъ тотчасъ уличилъ Макферсона. Но ни Карамзинъ, ни Ермолаевъ, ни А. Х. Востоковъ никогда не сомнѣвались въ подлинности Пѣсни о Полку Игоревѣ. Великій скептикъ Шлёцеръ, не видѣвъ еще Слова о Полку Игоревѣ, рѣзко назвалъ оное подлогомъ; но, прочитавъ, призналъ подлинно древнее происхожденіе, и не почелъ даже за нужное приводить тому доказательства: такъ очевидна казалась ему истина!

§ 1. «Слово о Плъку Игоревѣ, сына Святъславля, внука Ольгова. Не лѣпо ли ны бяшетъ, братіе, начати старыми словесы, трудныхъ повѣстей о плъку Игоревѣ, Игоря Святъславлича! начати же ся тъй пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню:»

§ 1-й. Всѣ занимавшіеся толкованіемъ Слова о Полку Игоревѣ, перевели: «Не прилично ли будетъ намъ, не лучше ли намъ, не пристойно ли бы намъ, не славно ли, други, братья, братцы—воспѣть древнимъ складомъ, старымъ слогомъ, древнимъ языкомъ трудную, печальную пѣснь о Полку Игоревѣ, Игоря Святославича?» — Но въ древнемъ славянскомъ языкѣ частица ли не всегда даетъ смыслъ вопросительный, подобно латинскому ne. Иногда «ли» значитъ: «только», иногда «бы», иногда «же»; донынѣ въ сербскомъ языкѣ сохраняетъ она сіи знаменованія. Въ русскомъ, частица «ли» есть или союзъ раз-

lib.pushkinskijdom.ru

дѣлительный, или вопросительный, если управляетъ ею отрицательное «не». Въ пѣсняхъ она иногда никакого смысла не имѣетъ, и вставляется для мѣры, также какъ и частицы: «и, что, а какъ ужъ, ужъ какъ» (замѣчаніе Тредьяковскаго).

Въ другомъ мѣстѣ Слова и Полку Игоревѣ «ли» постановлено также, но всѣ переводчики перевели не вопросомъ, а утвердительно. [1] То же надлежало бы сдѣлать и здѣсь.

Во первыхъ разсмотримъ смыслъ рѣчи. По мнѣнію переводчиковъ, поэтъ говоритъ: «Не воспѣть ли намъ объ Игорѣ по старому? начнемъ же пѣть по былинамъ сего времени (т. е. по новому), а не по замышленію Бояню (т. е. не по старому).» Явное противорѣчіе. [2] Если же признаемъ, что частица «ли» смысла вопросительнаго не даетъ, то выйдетъ: «Неприлично, братья, начать стариннымъ слогомъ печальную пѣснь объ Игорѣ Святославичѣ. Начаться же пѣсни по былинамъ сего времени, а не по вымысламъ Бояна».

Стихотворцы никогда не любили упрека въ подражаніи и неизвѣстный творецъ Слова о Полку Игоревѣ не преминулъ объявить въ началѣ своей поэмы, что онъ будетъ пѣть посвоему, а не тащиться по слѣдамъ стараго Бояна. Глаголъ: бяшетъ подтверждаетъ замѣчаніе мое: онъ употребленъ въ прошедшемъ времени (съ неправильностію въ склоненіи, коему примѣры встрѣчаются въ лѣтописяхъ) и предполагаетъ кондиціональную частицу «бы». «Неприлично было бы». Вопросъ же требовалъ бы настоящаго или будущаго.

§ 2. «Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мыслію по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы.»

§ 2. Не рѣшу, упрекаютъ ли здѣсь Бояна или хвалятъ, но во всякомъ случаѣ поэтъ приводитъ сіе мѣсто въ примѣръ того, какимъ образомъ слагали пѣсни въ старину. Здѣсь полагаю описку, или даже поправку, впрочемъ незначительную: «растѣкашется мыслію по древу....» тутъ пропущено «славіемъ», которое довершаетъ уподобленіе. Г. Вельтманъ перевелъ это

---

[1] Зачеркнуто: «рѣшили, что это есть ошибка переписчика.»

[2] Очень понимаемъ, почему А. С. Шишковъ не отступилъ отъ того же мнѣнія. Сочинителю «Разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ» было бы непріятно видѣть, что и во время сочинителя Слова о Полку Игоревѣ предпочитали былины своего времени—старымъ словесамъ.—Авт.

lib.pushkinskijdom.ru

мѣсто: «былое воспѣть, а не вымыслъ Бояна, коего мысли текли въ вышину такъ, какъ соки по древу». Удивительно!

§ 3. «Помняшетъ бо речь первыхъ временъ усобіцѣ, тогда пущашетъ і соколовъ на стадо лебедей, который дотечаше, та преди пѣсь пояше: старому Ярославу, Храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълки Касожьскыми, красному Романови Святъславличю. Боянъ же, братіе, не і соколовъ на стадо лебедѣй пущаше нъ своя вѣщіа пръсты на живая струны въскладаше; они же сами Княземъ славу рокотаху.»

§ 3. Ни одинъ изъ толкователей не перевелъ сего мѣста удовлетворительно. Дѣло здѣсь идетъ о Боянѣ, все это продолженіе прежней мысли: «поминая преданія о прежнихъ браняхъ (усобица значитъ ополченіе, брань, а не междоусобіе, какъ перевели нѣкоторые. Между-усобіе есть уже слово составленное), напускалъ онъ и проч.» Поэтъ изъясняетъ иносказательной языкъ Соловья стараго времени, и изъясненіе столь же великолѣпно, какъ и блестящая аллегорія, приведенная имъ въ примѣръ: 10 соколовъ, напущенныхъ на стадо лебедей, значили 10 пальцевъ, напущенныхъ, возложенныхъ на струны. Толкованіе Ал. Сем. любопытно (томъ 7, стр. 43): «итакъ надлежитъ паче думать, что въ древнія времена соколиная охота служила не къ одному удовольствію, но тако жъ и къ нѣкоторому прославленію героевъ, или къ рѣшенію спора, кому изъ нихъ отдать преимущество. Можетъ быть, отличившіеся въ сраженіяхъ военачальники или князья состязавшіеся въ славѣ —выѣзжали на поле каждый съ соколомъ своимъ, и пускали на стадо лебединое съ тѣмъ, что чей соколъ удалѣе и скорѣе долетитъ, тому прежде и приносить общее поздравленіе въ одержаніи преимущества предъ прочими.»

Г. Пожарскій съ симъ мнѣніемъ не согласуется. Ему кажется неприличнымъ для русскихъ князей «доказывать первенство свое, кровію пріобрѣтенное, полетомъ соколовъ». Онъ полагаетъ, что не князья, а стихотворцы напускали соколовъ, а причина такого древняго обряда, думаетъ онъ, была «скромность» стихотворцевъ; не хотѣвшихъ выставлять себя передъ товарищами, А. С. Шишковъ въ свою очередь видитъ въ мнѣніи Я. Пожарскаго «крайнюю неосновательность и несчастное

lib.pushkinskijdom.ru

самолюбіе—(томъ II, стр. 388). Къ крайнему сожалѣнію г. Пожарскій не возразилъ.[1]

a) «Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря.» Здѣсь опредѣляется эпоха, въ которую написано Слово о Полку Игоревѣ.

b) «Иже истягну умь крѣпостію своею.»—Истягнулъ—вытянулъ, натянулъ, извѣдалъ, попробовалъ (Пожарскій: препоясалъ умъ крѣпостію; первые толковали: напрягши умъ крѣпостію своею). «Натянулъ какъ лукъ, изострилъ какъ мечъ»—метафоры, заимствованныя изъ одного источника.

c) «Наплънився ратнаго духа, наведе своя храбрыя плъкы на землю Половѣцькую за землю Руськую. Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты, и рече Игорь къ дружинѣ своей: братіе и дружино! луце жъ бы потяту быти, неже полонену быти.» Лучше быть убиту, нежели полонену. Въ русскомъ языкѣ сохранилось одно слово, гдѣ «ли» послѣ «не»—не имѣетъ силы вопросительной: «нежели.» Слово «неже» употреблялось во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ и встрѣчается и въ Словѣ о Полку Игоревѣ.

d) «Спала Князю умь похоти, и жалость ему знаменіе заступи, искусити Дону Великаго.» Слова запутаны.[2] Первые издатели перевели: «пришло князю на мысль пренебречь (худое) предвѣщаніе и извѣдать (счастія на) Дону Великомъ.» «Заступить» имѣетъ нѣсколько значеній—омрачить, lumen impedio, помѣшать, удержать. «Спали князю въ умъ—желаніе и печаль. Ему знаменіе мѣшало, запрещало искусити Дону великаго. Такъ хочу же, сказалъ...» хощу бо, рече, копіе приломити конець поля Половецкаго съ вами Русици, хощу, главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону.

e) «О Бояне, соловію стараго времени! абы ты сіа плъкы ущекоталъ, скача славію по мыслену древу, летая умом ъ надъ облакы, свивая славы оба полы сего времени,» т. е. «сплетая хвалы на всѣ стороны сего времени.» Если не ошибаюсь, иронія пробивается сквозь пышную хвалу.

f) «Рища въ тропу Трояню чресъ поля на горы.»

---

[1] Послѣ этого зачеркнуто: «Всѣ эти толкованія крайне любопытны». Затѣмъ въ рукописи идутъ только бѣглыя и часто недописанныя замѣтки.

[2] Зачеркнуто: «смыслъ ясенъ».

lib.pushkinskijdom.ru

(«Четыре раза упоминается въ сей пѣсни о Троянѣ... но кто сей Троянъ—догадаться ни по чему невозможно,» говорятъ первые издатели... 5 стр. изд. Шишкова). Прочіе толкователи не послѣдовали скромному примѣру. Они не хотѣли оставить безъ рѣшенія то, чего не понимали.

Чрезъ всю Бессарабію проходитъ рядъ кургановъ, памятникъ римскихъ укрѣпленій, извѣстный подъ названіемъ «Трояновa валa.» Вотъ куда обратились толкователи и утвердили, что неизвѣстный Троянъ, о коемъ 4 раза упоминаетъ Слово о Полку Игоревѣ, есть не кто иной, какъ римскій императоръ. Должно ли не шутя опровергать такое легкомысленное объясненіе? Но и тропа Троянова можетъ ли быть принята за Трояновъ валъ, когда нѣсколько ниже опредѣляется: «вступилъ дѣвою на землю Трояню... на синѣмъ морѣ, у Дону» (стр. 14, изд. Шишкова). Гдѣ же тутъ Бессарабія? «Слѣды Трояна въ Дакіи видимые по сіе время, должны были быть извѣстны потомкамъ дунайскихъ славянъ,» говоритъ Вельтманъ. Почему же?

g) «Пѣти было пѣсь Игореви, того (Олга) внуку. Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая,» etc. Поэтъ повторяетъ опять изображенія Бояновы и, обращаясь къ Бояну, вопрошаетъ: «или не такъ ли пѣть было, вѣщій Бояне, Велесовъ внуче: комони ржуть за Сулою; звенить слава въ Кыевѣ; трубы трубять въ Новѣградѣ, стоять стязи въ Путивлѣ; Игорь ждетъ мила брата Всеволода.»

Теперь поэтъ говоритъ самъ отъ себя—не по вымыслу Бояню, а по былинамъ сего времени. Должно признаться, что это живое и быстрое описаніе стоитъ иносказаній Соловья стараго времени!

h) «И рече ему Буй-Туръ Всеволодъ: одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты Игорю, оба есвѣ Святъславличи: сѣдлай, брате, свои бръзыи комони, а мои ти готови.» Готовы значатъ здѣсь извѣстны; значеніе сіе сохранилось въ иллирійскомъ славянекомъ нарѣчіи. Ниже мы увидимъ, что половцы бѣгутъ «неготовыми» (неизвѣстными) дорогами. Если же неготовыми значило бы «немощеными». то что же бы значило: «готовые кони—осѣдлани у Курска на переди?»

i) «А мои ти Куряни свѣдоми.» Сіе повтореніе того же понятія другими выраженіями подтверждаетъ предыдущія мои показанія. Это одна изъ древнѣйшихъ формъ поэзіи. Смотри священное писаніе.

lib.pushkinskijdom.ru

k) «Кмети подъ трубами повити.» Г-нъ Вельтманъ... «Кметь» значитъ вообще крестьянинъ, мужикъ. Kar gospóda stori krivo, kmeti mórjo plázhat shivo.»

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЗАМѢТКА.

Другаго доказательства нѣтъ, какъ слова самаго пѣснотворца. Подлинность же самой пѣсни доказывается духомъ древности, подъ который невозможно поддѣлаться. Кто изъ нашихъ писателей въ 18 вѣкѣ могъ имѣть на то довольно таланта? Карамзинъ? Но Карамзинъ не поэтъ. Державинъ? Но Державинъ не зналъ и русскаго языка, не только языка пѣсни о полку Игоревѣ. Прочіе не имѣли всѣ вмѣстѣ столько поэзіи, сколько находится оной въ планѣ ея, въ описаніи битвы и бѣгства. Кому пришло бы въ голову взять въ предметъ пѣсни темный походъ неизвѣстнаго князя? Кто съ такимъ искусствомъ могъ затмить нѣкоторыя мѣста изъ своей Пѣсни словами открытыми въ нашихъ старыхъ лѣтописяхъ, или отысканными въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, гдѣ еще сохранились они во всей свѣжести употребленія? Это предполагало бы знаніе всѣхъ нарѣчій славянскихъ. Положимъ, онъ ими бы и обладалъ—неужто таковая смѣсь естественна? Гомеръ, если и существовалъ, искаженъ рапсодами.

ЕЩЕ ЗАМѢТКА.

Мнѣ сказывалъ знатокъ (покойный А. Н. Ермолаевъ), видѣвшій рукопись до истребленія ея въ 1812 г., что почеркъ ея былъ полууставомъ XV в. Что касается до нарѣчія ея, будто бы несогласнаго ни съ славянскими, ни съ областными, то несходство сіе касается только до нѣкоторыхъ неизвѣстныхъ словъ, какъ-то: харалугъ, стрикусъ и проч. Вообще же нарѣчіе въ ней то же самое, какое и въ лѣтописяхъ и въ другихъ древнихъ памятникахъ языка русскаго, чисто русское, а не польское, ниже какое-либо другое нарѣчіе. Окончаніе глаголовъ на шетъ или шеть вм. ше, и хуть вм. ху, напр. бяшетъ, помняшеть, сыпахуть, говоряхуть, отличается отъ простаго ше или ху только уменьшительною приставкою ть, которая не въ одномъ словѣ о полку Игоревѣ, но и въ другихъ старинныхъ памятникахъ встрѣчается; напр. въ Лаврентьевскомъ спискѣ Временника Несторова: И даръ си отъ Бога пріа, да егда въ церкви внидетъ и слыша пѣніе и абіе слезы попущашетъ. Одѣвахтся есть, вѣроятно, опи-

lib.pushkinskijdom.ru

ска вм. одѣвахуть.—Впрочемъ въ спискѣ XV вѣка, по которому напечатано Слово о полку Игоревѣ, нельзя искать первобытнаго правописанія сей поэмы, сочиненной въ концѣ XII вѣка. Каждый перепищикъ перемѣнялъ правописаніе своего подлинника, частію неумышленно, по привычкѣ, частію же съ умысломъ поправить мнимую ошибку.—Востоковъ.*

О ПОВѢСТЯХЪ ПАВЛОВА.

1835.

Три повѣсти г. Павлова очень замѣчательны и имѣли успѣхъ вполнѣ заслуженный. Онѣ разсказаны съ большимъ искусствомъ, слогомъ, къ которому не пріучили насъ записные наши романисты. Повѣсть Именины, но смотря на свою занимательность, представляетъ нѣкоторыя несообразности. Идеалистическое лаконство имѣетъ въ себѣ что то неестественное, непріятное для здраваго вкуса. Можетъ быть это же самое происшествіе представляло въ разительной простотѣ своей сильнѣйшія краски и положенія болѣе драматическія, но требовало и кисти болѣе сильной и болѣе глубины въ знаніи человѣческаго сердца.—Аукціонъ есть очень милая шутка, легкая картинка, въ которой оригинально вмѣщены три или 4 лица. А я на аукціонъ, а я съ аукціона,—черта истинно комическая.

Объ Ятаганѣ скажемъ то же, что и объ Именинахъ. Занимательность этой повѣсти не извиняетъ несообразности. Развязка несбыточна или, по крайней мѣрѣ, есть анахронизмъ. За то всѣ лица живы, и дѣйствуютъ и говорятъ каждый, какъ ему свойственно и говорить и дѣйствовать. Въ слогѣ г. Павлова, чистомъ и свободномъ, изрѣдка отзывается манерность въ описаніяхъ, близорукая мелочность нынѣшнихъ французскихъ романистовъ. Г. Павлова такъ расхвалили въ Московскомъ Наблюдателѣ, что мы въ сихъ строкахъ хотѣли ограничить наши замѣчанія одними порицаніями, но въ заключеніе должны сказать, что г. Павловъ первый у насъ написалъ

---

* Найденный въ бумагахъ Пушкина и недавно изданный переводъ «Слова» мы не перепечатали, такъ какъ нѣтъ никакихъ указаній на принадлежность его самому Пушкину.

lib.pushkinskijdom.ru

истинно-занимательные разсказы. Книга его принадлежитъ къ числу тѣхъ, отъ которыхъ, по выраженію одной дамы, забываешь даже обѣдать.

Талантъ г. Павлова выше его произведеній. Въ доказательство привожу одно мѣсто, гдѣ чувство истины увлекло автора даже противу его воли. Въ Именинахъ, не смотря на то, что выслужившійся офицеръ видимо герой и любимецъ его воображенія, авторъ далъ ему черты, обнаруживающія холопа: (выписки не сдѣлано).

ЛОРДЪ БАЙРОНЪ.

1835.

Родъ Байроновъ, одинъ изъ самыхъ старинныхъ въ англійской аристократіи, младшей между европейскими, произошелъ отъ нормандца Ральфа де-Бюронъ (или Бирона), одного изъ сподвижниковъ Вильгельма-Завоевателя. Имя Байроновъ съ честію упоминается въ англійскихъ лѣтописяхъ. Лордство дано ихъ фамиліи въ 1643 г. Говорятъ, что Байронъ своею родословною дорожилъ болѣе, нежели своими твореніями. Чувство весьма понятное! Блескъ его предковъ и почести, которыя наслѣдовалъ онъ отъ нихъ, возвышали поэта; напротивъ того слава, имъ самимъ пріобрѣтенная, принесла ему мелочныя оскорбленія, часто унижавшія благороднаго лорда, предавая его на произволъ молвы, ко всему равнодушной и ничего не уважающей.

Капитанъ Байронъ, сынъ знаменитаго адмирала и отецъ великаго поэта, навлекъ на себя соблазнительную славу. Онъ увезъ супругу лорда Cormorthen и женился на ней тотчасъ послѣ ея развода. Вскорѣ потомъ она умерла, въ 1784 году, оставя ему одну дочь. На другой годъ разсчетливый вдовецъ, для поправленія своего разстроеннаго состоянія, женился на миссъ Gordon, единственной дочери и наслѣдницѣ Георгія Gordon, владѣльца гайфскаго. Бракъ сей былъ несчастливъ: 23,500 фунт. стер. (587,500 руб.) были расточены въ два года— mistriss Байронъ осталась при 150 ф. стерл. годоваго дохода. Въ 1786 году мужъ и жена отправились во Францію и возвратились въ Лондонъ въ концѣ 1787 г.

lib.pushkinskijdom.ru

Въ слѣдующемъ году, 22-го января, леди Байронъ родила единственнаго своего сына Георгія Гордона Байрона. (Вслѣдствіе распоряженій фамильныхъ, наслѣдница гайфская должна была сыну своему передать имя Гордона). Новорожденнаго крестили герцогъ Гордонъ и полковникъ Дофъ. При его рожденіи повредили ему ногу, и л. Байронъ полагалъ тому причиною стыдливость или упрямство своей матери.

Въ 1790 году, леди Байронъ удалилась въ Абердинъ, и мужъ ея за нею послѣдовалъ. Нѣсколько времени жили они вмѣстѣ; но характеры были слишкомъ несовмѣстны: вскорѣ потомъ они разошлись. Мужъ уѣхалъ во Францію, выманивъ прежде у бѣдной жены своей деньги, нужныя ему на дорогу. Онъ умеръ въ Валансьенѣ въ слѣдующемъ 1791 году.

Во время краткаго пребыванія своего въ Абердинѣ, онъ однажды взялъ къ себѣ маленькаго сына, который у него и ночевалъ, но на другой же день онъ отослалъ неугомоннаго ребенка къ его матери, и съ тѣхъ поръ уже его не приглашалъ.

Мистриссъ Байронъ была проста, вспыльчива и во многихъ отношеніяхъ безразсудна; но твердость, съ которою она умѣла перенести бѣдность, дѣлаетъ честь ея правиламъ. Она держала одну только служанку, и когда, въ 1798 году, повезла она молодаго Байрона вступать во владѣніе Ньюстида, долги ея не превышали шестидесяти фунтовъ стерлинговъ.

Достойно замѣчанія и то, что Байронъ никогда не упоминалъ о домашнихъ обстоятельствахъ своего дѣтства, находя ихъ унизительными.

Маленькій Байронъ выучился читать и писать въ абердинской школѣ. Въ классахъ онъ былъ изъ послѣднихъ учениковъ и болѣе отличался въ играхъ. По свидѣтельству его товарищей онъ былъ рѣзвый, вспыльчивый и злопамятный мальчикъ, всегда готовый подраться и отплатить старую обиду.

Нѣкто Питерсонъ, строгій пресвитеріанецъ, но тихій и ученый, былъ потомъ его наставникомъ, и Байронъ сохранилъ о немъ благодарное воспоминаніе.

Въ 1799 году леди Байронъ повезла его въ горы, для поправленія его здоровья послѣ скарлатины. Она поселилась близъ Бематера.

Суровыя красоты шотланской природы глубоко впечатлѣлись въ воображеніи отрока.

lib.pushkinskijdom.ru

Около того же времени осьмилѣтній Байронъ влюбился въ Марію Дофъ. Семнадцать лѣтъ послѣ того, въ одномъ изъ своихъ журналовъ, онъ описалъ самъ свою раннюю любовь.

Въ 1798 году умеръ въ Ньюстидѣ старый лордъ Вильгельмъ Байронъ. За четыре года передъ симъ родной внукъ его скончался въ Корсикѣ, и маленькій Георгій Байронъ остался единственнымъ наслѣдникомъ имѣній и титула своего рода; но, какъ несовершеннолѣтній, онъ отданъ былъ въ опеку лорду Карлилю, дальнему его родственнику, и восхищенная mistriss Байронъ осенью того же года оставила Абердинъ и отправилась въ древній Ньюстидъ съ единственнымъ своимъ сыномъ и вѣрною служанкою Лили Гре.

Лордъ Вильгельмъ, братъ адмирала Байрона, роднаго дѣда его, былъ человѣкъ странный и несчастный. Нѣкогда на поединкѣ закололъ онъ своего родственника и сосѣда. г. Hawort'a. Они дрались безъ свидѣтелей, въ трактирѣ, при свѣчкѣ. Дѣло, это произвело много шуму, и палата перовъ признала убійцу виновнымъ. Онъ былъ однако жъ освобожденъ отъ наказанія; съ тѣхъ поръ жилъ въ Ньюстидѣ, гдѣ его причуды, скупость и мрачный характеръ сдѣлали его предметомъ сплетень и клеветы. Посились самые нелѣпые слухи о причинѣ развода его съ женою. Увѣряли, что онъ однажды покушался ее утопить въ ньюстидскомъ пруду. (Онъ былъ всегда вооруженъ и, когда садился обѣдать, требовалъ, чтобы клали на столъ его пистолеты и прочій необходимый приборъ).

Онъ старался разорить свои владѣнія изъ ненависти къ своимъ наслѣдникамъ. Единственные собесѣдники его были старый слуга и ключница, занимавшая при немъ и другое мѣсто. Сверхъ того домъ былъ полонъ сверчками, которыхъ лордъ Вильгельмъ кормилъ и воспитывалъ. Не смотря на свою скупость, старый лордъ имѣлъ часто нужду въ деньгахъ и доставалъ ихъ способами, иногда весьма предосудительными. Такимъ образомъ продалъ онъ Рогдаль, родовое владѣніе, безъ всякаго на то права (что знали и покупщики, но они надѣялись выручить себѣ выгоды прежде, нежели наслѣдники успѣютъ уничтожить незаконную куплю).

Лордъ Вильгельмъ никогда не входилъ въ сношенія съ молодымъ своимъ наслѣдникомъ, котораго звалъ не иначе, какъ мальчикъ, что живетъ въ Абердинѣ.

Первые годы, проведенные Лордомъ Байрономъ въ состоя-

lib.pushkinskijdom.ru

ніи бѣдномъ, не соотвѣтствовавшемъ его рожденію, подъ надзоромъ пылкой матери, столь же безразсудной въ своихъ ласкахъ, какъ и въ порывахъ гнѣва, имѣли сильное, продолжительное вліяніе на всю его жизнь. Уязвленное самолюбіе, поминутно потрясаемая чувствительность, которыя оставили въ сердцѣ его эту горечь, эту раздражительность, потомъ сдѣлались главными признаками его характера.

Странности лорда Байрона—частію врожденныя, частію заимствованныя. Муръ замѣчаетъ справедливо, что въ характерѣ Байрона ясно отразились и достоинства и пороки многихъ изъ его предковъ: съ одной стороны смѣлая предпріимчивость, великодушіе, благородство чувствъ; съ другой — необузданныя страсти, причуды и дерзкое презрѣніе къ общему мнѣнію. Сомнѣнія нѣтъ, что память, оставленная по себѣ лордомъ Вильгельмомъ, сильно подѣйствовала на воображеніе его наслѣдника: многое перенялъ онъ у своего страннаго дѣда въ его обычаяхъ; и нельзя не согласиться въ томъ, что Манфредъ и Лара напоминаютъ уединеннаго ньюстидскаго барона.

Обстоятельство, повидимому маловажное, имѣло столь же сильное вліяніе на его душу. Въ самую минуту его рожденія нога его была повреждена, и Байронъ остался хромъ на всю свою жизнь. Этотъ физическій недостатокъ оскорблялъ его самолюбіе. Онъ воображалъ себя уродомъ. Ничто не могло сравниться съ его бѣшенствомъ, когда однажды мистрисъ Байронъ выбранила его хромымъ мальчишкою. Онъ, будучи собою красавецъ, вообразилъ себя уродомъ и дичился общества людей, мало ему знакомыхъ, опасаясь ихъ насмѣшливаго взгляда. Самый сей недостатокъ усиливалъ въ немъ желаніе отличиться во всѣхъ упражненіяхъ, требующихъ силы физической и проворства....

Черная рѣчка за Мил. 25 іюня 1835 г.

lib.pushkinskijdom.ru

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ АРЗРУМЪ

ВО ВРЕМЯ ПОХОДА 1829 ГОДА.

1829—1835.

ПРЕДИСЛОВІЕ. *

Недавно попалась мнѣ въ руки книга, напечатанная въ Парижѣ въ прошломъ 1834 году подъ названіемъ: Voyages en Orient entrepris par ordre du Gouvernement Français. Авторъ, по своему описывая походъ 1829 года, оканчиваетъ свои разсужденія слѣдующими словами:

Un poëte distingué par son imagination a trouvé dans tant de hauts faits dont il a été temoin, non le sujet d'un poëme mais celui d'une satyre.

---

* Первая половина его Пушкинымъ не была напечатана:

«Сіи записки, будучи занимательны только для немногихъ, никогда не были бы напечатаны, если бъ къ тому не побудила меня особая причина: прошу позволенія объяснить ее и для того войти въ подробности очень неважныя, ибо онѣ касаются одного меня.

«Въ 1829 году отправился я на Кавказскія воды. Въ такомъ близкомъ разстояніи отъ Тифлиса, мнѣ захотѣлось туда съѣздить для свиданія съ братомъ и съ нѣкоторыми изъ моихъ пріятелей. Пріѣхавъ въ Тифлисъ, я уже никого изъ нихъ не нашелъ. Желаніе видѣть войну и сторону малоизвѣстную побудило меня просить у е. с. графа Паскевича-Эриванскаго, позволенія пріѣхать въ армію, Такимъ образомъ видѣлъ я блистательный походъ, увѣнчанный взятіямъ Арзрума.

«Журналисты какъ-то о томъ провѣдали. Въ газетѣ политической (Сѣверной Пчелѣ) побранили меня не на шутку за то, что по возвращеніи моемъ напечаталъ я стихотвореніе, не относившееся ко взятію Арзрума. Мы надѣялись, писалъ неизвѣстный рецензентъ, и пр. Одинъ изъ московскихъ журналовъ также порокталъ на пѣвуновъ, не воспѣвшихъ успѣха нашего оружія.

«Я, конечно, не былъ обязанъ писать по заказу гг. журналистовъ, къ тому же частная жизнь писателя, какъ и всякаго гражданина, не подлежитъ обнародованію. Нельзя было бы, напримѣръ, напечатать въ газетахъ: мы надѣялись, что г. прапорщикъ такой-то возвратится изъ похода съ георгіевскимъ крестомъ, вмѣсто того вывезъ онъ изъ Молдавіи одну лихорадку. Явно, что цензура этого не пропустила бы.

«Зная, что публика столь же мало заботится о моихъ путешествіяхъ, какъ и о требованіяхъ рецензентовъ, я не сталъ оправдываться. Но важнѣйшее обвиненіе заставляетъ меня прервать молчаніе.

«Недавно попалась мнѣ..... и т. д. до конца.

lib.pushkinskijdom.ru

Изъ поэтовъ, бывшихъ въ турецкомъ походѣ, зналъ я только объ А. С. Хомяковѣ и объ А. Н. Муравьевѣ. Оба находились въ арміи графа Дибича. Первый написалъ въ то время нѣсколько прекрасныхъ лирическихъ стихотвореній, второй обдумывалъ свое «Путешестіе къ святымъ мѣстамъ», произведшее столь сильное впечатлѣніе. Но я не читалъ никакой сатиры на арзрумскій походъ.

Никакъ бы я не могъ подумать, что дѣло здѣсь идетъ обо мнѣ, если бы въ той самой книгѣ не нашелъ я своего имени между именами генераловъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса. Parmi les chefs qui la commandaient (l'armée du Prince Paskéwitch) on distinguait le Général Mouravief..., le Prince Georgien Tsitsevaze... le Prince Arménien Beboutof... le Prince Potemkine, le Général Raiewsky, et enfin—M. Pouchkine.... qui avait quitté la capitale pour chanter les exploits de ses compatriotes.

Признаюсь: эти строки французскаго путешественника, не смотря на лестные эпитеты, были мнѣ гораздо досаднѣе, нежели брань русскихъ журналовъ. Искать вдохновенія всегда казалось мнѣ смѣшной и нелѣпой причудою: вдохновенія не сыщешь; оно само должно найти поэта. Пріѣхать на войну съ тѣмъ, чтобъ воспѣвать будущіе подвиги, было бы для меня съ одной стороны слишкомъ самолюбиво, а съ другой слишкомъ непристойно. Я не вмѣшиваюсь въ военныя сужденія. Это не мое дѣло. Можетъ быть, смѣлый переходъ черезъ Саганъ-Лу, движеніе, коимъ графъ Паскевичъ отрѣзалъ Сераскира отъ Османъ-паши, пораженіе двухъ непріятельскихъ корпусовъ въ теченіе однихъ сутокъ, быстрый походъ къ Арзруму—все это, увѣнчанное полнымъ успѣхомъ, можетъ быть, и чрезвычайно достойно посмѣянія въ глазахъ военныхъ людей (каковы, напримѣръ, г. купеческій консулъ Фонтанье, авторъ Путешествія на Востокъ), но я устыдился бы писать сатиры на прославленнаго полководца, ласково принявшаго меня подъ сѣнь своего шатра и находившаго время посреди своихъ великихъ заботъ оказывать мнѣ лестное вниманіе. Человѣкъ, не имѣющій нужды въ покровительствѣ сильныхъ, дорожитъ ихъ радушіемъ и гостепріимствомъ, ибо иного отъ нихъ не можетъ и требовать. Обвиненіе въ неблагодарности не должно быть оставлено безъ возраженія, какъ ничтожная критика или литературная брань. Вотъ почему рѣшился я напечатать это пре-

lib.pushkinskijdom.ru

дисловіе и выдать свои путевыя записки, какъ все, что мною было написано о походѣ 1829 года.

3 Апрѣля 1835.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Стени. Калмыцкая кибитка. Кавказскія воды. Военная грузинская дорога. Владикавказъ. Осетинскія похороны. Терекъ. Дарiальское ущелье. Переѣздъ чрезъ снѣговыя горы. Первый взглядъ на Грузію. Водопроводы. Хозревъ-мирза. Душетскій городничій.

(15 мая. Георгіевскъ).

Изъ Москвы поѣхалъ я (1-го мая) на Калугу, Бѣлевъ и Орелъ и сдѣлалъ такимъ образомъ двѣсти верстъ лишнихъ, за то увидѣлъ Ермолова. Онъ живетъ въ Орлѣ, близъ коего находится его деревня. Я пріѣхалъ къ нему въ 8 часовъ утра и не засталъ его дома. Извощикъ мой сказалъ мнѣ, что Ермоловъ ни у кого не бываетъ, кромѣ какъ у отца своего, простаго, набожнаго старика; что онъ не принимаетъ однихъ только городскихъ чиновниковъ, а что всякому другому доступъ свободенъ. Черезъ часъ я снова къ нему пріѣхалъ. Ермоловъ принялъ меня съ обыкновенною своею любезностію. Съ перваго взгляда я не нашелъ въ немъ ни малѣйшаго сходства съ его портретами, писанными обыкновенно профилемъ. Лицо круглое, огненные сѣрые глаза, сѣдые волосы дыбомъ. Голова тигра на Геркулесовомъ торсѣ. Улыбка непріятная, потому что неестественна. Когда же онъ задумывается и хмурится, то онъ становится прекрасенъ и разительно напоминаетъ поэтическій портретъ, писанный Довомъ. Онъ былъ въ зеленомъ черкесскомъ чекменѣ. На стѣнахъ его кабинета висѣли шашки и кинжалы—памятники его владычества на Кавказѣ. Онъ повидимому нетерпѣливо сноситъ свое бездѣйствіе. Нѣсколько разъ принимался онъ говорить о Паскевичѣ и всегда язвительно: говоря о легкости его побѣдъ, онъ сравнивалъ его съ Навиномъ, предъ которымъ стѣны падали отъ трубнаго звука, и называлъ графа Эриванскаго — графомъ Эрихонскимъ. «Пускай нападетъ онъ,» говорилъ Ермоловъ, «на пашу не умнаго, не искуснаго, но только упрямаго, напримѣръ на пашу, начальствовавшаго въ Шумлѣ — и Паскевичъ пропалъ.» Я передалъ Ермолову слова гр. Толстого, что Паскевичъ такъ хорошо дѣйствовалъ въ персидскую кампанію, что умному человѣку осталось бы только дѣйствовать похуже, чтобы отличиться отъ него. Ермоловъ засмѣялся, но не соглашался. «Можно было бы сбе-

lib.pushkinskijdom.ru

речь людей и издержки,» сказалъ онъ. Думаю, что онъ пишетъ, или хочетъ писать свои записки. Онъ недоволенъ исторіей Карамзина: онъ желалъ бы, чтобы пламенное перо изобразило переходъ русскаго народа отъ ничтожества къ славѣ и могуществу. О запискахъ кн. Курбскаго говорилъ онъ con amore. Нѣмцамъ досталось. «Лѣтъ черезъ 50,» сказалъ онъ, «подумаютъ, что въ нынѣшнемъ походѣ была вспомогательная прусская или австрійская армія, предводительствуемая такими-то нѣмецкими генералами.» Я пробылъ у него часа два; ему было досадно, что не помнилъ моего полнаго имени. Разговоръ нѣсколько разъ касался литературы. О стихахъ Грибоѣдова говоритъ онъ, что отъ ихъ чтенія скулы болятъ. О правительствѣ и политикѣ не было ни слова.

Мнѣ предстоялъ путь черезъ Курскъ и Харьковъ, но я своротилъ на прямую тифлисскую дорогу, жертвуя хорошимъ обѣдомъ въ курскомъ трактирѣ (что не бездѣлица въ нашихъ путешествіяхъ) и не любопытствуя посѣтить харьковскій университетъ, который не стоитъ курской ресторація. До Ельца дороги ужасны. Нѣсколько разъ коляска моя вязла въ грязи достойной грязи одесской. Мнѣ случалось въ цѣлые сутки проѣхать не болѣе 50 верстъ. Смотря на маневры ямщиковъ, я со скуки пародировалъ американца Купера въ его описаніяхъ морскихъ эволюцій. Наконецъ воронежскія степи оживили мое путешествіе. Я свободно покатился по зеленой равнинѣ и благополучно прибылъ въ Новочеркаскъ, гдѣ нашелъ гр. Вл. Пушкина, также ѣдущаго въ Тифлисъ. Я сердечно ему обрадовался, и мы согласились путешествовать вмѣстѣ. Онъ ѣдетъ въ огромной бричкѣ. Это родъ укрѣпленнаго мѣстечка; мы ее прозвали Отрадною. Въ сѣверной ея части хранятся вины и съѣстные припасы; въ южной книги, мундиры, шляпы etc. etc. Съ западной и восточной стороны она защищена ружьями, пистолетами, мушкетонами, саблями и проч. На каждой станціи выгружается часть сѣверныхъ запасовъ, и такимъ образомъ мы проводимъ время, какъ нельзя лучше.

Переходъ отъ Европы къ Азіи дѣлается часъ отъ часу чувствительнѣе: лѣса исчезаютъ, холмы сглаживаются, трава густѣетъ и являетъ большую силу растительности; показываются птицы, невѣдомые въ нашихъ лѣсахъ; орлы сидятъ на кочкахъ, означающихъ большую дорогу, какъ будто на стражѣ, и гордо смотрятъ на путешественника. Калмыки располагаются

lib.pushkinskijdom.ru

около станціонныхъ хатъ. У кибитокъ ихъ пасутся уродливыя, косматыя козы, знакомыя вамъ по прекраснымъ рисункамъ Орловскаго.

Надняхъ посѣтилъ я калмыцкую кибитку (клѣтчатный плетень, обтянутый бѣлымъ войлокомъ). Все семейство собиралось завтракать; котелъ варился по срединѣ, и дымъ выходилъ въ отверстіе, сдѣланное въ верху кибитки. Молодая калмычка, собою очень не дурная, шила, куря табакъ. Я сѣлъ подлѣ нея. «Какъ тебя зовутъ?»—*** «Сколько тебѣ лѣтъ?» Десять и восемь. «Что ты шьешь?» Портка. «Кому?» Себѣ.* Она подала мнѣ свою трубку и стала завтракать. Въ котлѣ варился чай съ бараньимъ жиромъ и солью. Она предложила мнѣ свой ковшикъ. Я не хотѣлъ отказаться и хлебнулъ, стараясь не перевести духа. Не думаю, чтобы другая народная кухня могла произвести что нибуть гаже. Я попросилъ чѣмъ нибудь заѣсть. Мнѣ дали кусочекъ сушеной кобылятины;** я былъ и тому радъ. Калмыцкое кокетство испугало меня: я поскорѣе выбрался изъ кибитки и поѣхалъ отъ степной Цирцеи.

Въ Ставрополѣ увидѣлъ я на краю неба облака, поразившія мнѣ взоры ровно за девять лѣтъ. Они были все тѣ же, все на томъ же мѣстѣ. Это — снѣжныя вершины кавказской цѣпи.

Изъ Георгіевска я заѣхалъ на Горячія воды. Здѣсь нашелъ большую перемѣну. Въ мое время ванны находились въ лачужкахъ, наскоро построенныхъ. Источники большею частію въ первобытномъ своемъ видѣ, били, дымились и стекали съ горъ по разнымъ направленіямъ, оставляя по себѣ бѣлые и красноватые слѣды. Мы черпали кипучую воду ковшикомъ изъ коры или дномъ разбитой бутылки. Нынче выстроены великолѣпныя ванны и дома. Бульваръ, обсаженный липками, проведенъ по склоненію Машука. Вездѣ чистенькія дорожки, зеленыя лавочки, правильные цвѣтники, мостики, павильоны. Ключи обдѣланы, выложены камнемъ; на стѣнахъ

---

* Въ рукописи добавлено: «Поцѣлуй меня». Не можна, стыдно.—Голосъ ея былъ чрезвычайно пріятенъ.

** «и я съ большимъ удовольствіемъ проглотилъ его. Послѣ сего подвига я думалъ, что имѣю право на нѣкоторое вознагражденіе, но моя гордая красавица ударила меня балалайкой по головѣ... Калмыцкая любезность мнѣ надоѣла, я выбрался изъ кибитки и поѣхалъ далѣе. Вотъ къ ней посланіе, которое вѣроятно никогда до нея не дойдетъ...

lib.pushkinskijdom.ru

ваннъ прибиты предписанія отъ полиціи; вездѣ порядокъ, чистота, красивость...

Признаюсь, кавказскія воды представляютъ нынѣ болѣе удобностей; но мнѣ было жаль прежняго, дикаго состоянія; мнѣ было жаль крутыхъ каменныхъ тропинокъ, кустарниковъ и неогороженныхъ пропастей, надъ которыми, бывало, я карабкался. Съ грустью оставилъ я воды и отправился обратно въ Георгіевскъ. Скоро настала ночь. Чистое небо усѣялось милліонами звѣздъ; я ѣхалъ берегомъ Подкумка. Здѣсь бывало сиживалъ съ мною Ал. Раевскій, прислушиваясь къ мелодіи водъ. Величавый Бешту чернѣе и чернѣе рисовался въ отдаленіи, окруженный горами, своими вассалами, и наконецъ исчезъ во мракѣ...

На другой день мы отправились далѣе и прибыли въ Екатериноградъ, бывшій нѣкогда намѣстническимъ городомъ.

(Мая 22. Владикавказъ).

Съ Екатеринограда начинается военная грузинская дорога: почтовый трактъ прекращается. Нанимаютъ лошадей до Владикавказа. Дается конвой казачій и пѣхотный и одна пушка. Почта отправляется два раза въ недѣлю, и проѣзжіе къ ней присоединяются: это называется оказіей. Мы дожидались не долго. Почта пришла на другой день, и на третье утро въ 9 часовъ мы были готовы отправиться въ путь. На сборномъ мѣстѣ соединился весь караванъ, состоявшій изъ пятисотъ человѣкъ или около. Пробили въ барабанъ. Мы тронулись. Впередъ поѣхала пушка, окруженная пѣхотными солдатами. За нею потянулись коляски, брички, кибитки солдатокъ, переѣзжающихъ изъ одной крѣпости въ другую; за ними заскрипѣлъ обозъ двухколесныхъ аробъ. По сторонамъ бѣжали конскіе табуны и стада воловъ. Около нихъ скакали нагайскіе проводники въ буркахъ и съ арканами. Все это сначала мнѣ очень нравилось, но скоро надоѣло. Пушка ѣхала шагомъ, фитиль курился, и солдаты раскуривали имъ трубки. Медленность нашего похода (въ первый день мы прошли только пятнадцать верстъ), несносная жара, недостатокъ припасовъ, безпокойные ночлеги, наконецъ безпрерывный скрыпъ нагайскихъ аробъ выводили меня изъ терпѣнія. Татары тщеславятся этимъ скрыпомъ, говоря, что они разъѣзжаютъ какъ честные люди, не имѣющіе нужды укрываться. На сей разъ пріятнѣе было бы мнѣ путешествовать не въ столь почтенномъ обществѣ. До

lib.pushkinskijdom.ru

рога довольно однообразна: равнина, по сторонамъ холмы. На краю неба—вершины Кавказа, каждый день являющіяся выше и выше. Крѣпости, достаточныя для здѣшняго края, со рвомъ, который каждый изъ насъ перепрыгнулъ бы встарину не разбѣгаясь, съ заржавѣвшими пушками, не стрѣлявшими со временъ графа Гудовича, съ обрушеннымъ валомъ, по которому бродитъ гарнизонъ куриць и гусей. Въ крѣпостяхъ нѣсколько лачужекъ, гдѣ съ трудомъ можно достать десятокъ яицъ и кислаго молока.

Первое замѣчательное мѣсто есть крѣпость Минаретъ. Приближаясь къ ней, нашъ караванъ ѣхалъ по прелестной долинѣ, между курганами, обросшими липой и чинаромъ. Это могилы нѣсколькихъ тысячъ умершихъ чумою. Пестрѣлись цвѣты, порожденные зараженнымъ пепломъ. Справа сіялъ снѣжный Кавказъ; впереди возвышалась огромная, лѣсистая гора, за нею находилась крѣпость: кругомъ ея видны были слѣды разореннаго аула, называвшагося Татартубомъ и бывшаго нѣкогда главнымъ въ Большой Кабардѣ. Легкій, одинокій минаретъ свидѣтельствуетъ о бытіи исчезнувшаго селенія. Онъ стройно возвышается между грудами камней, на берегу изсохшаго потока. Внутренняя лѣстница еще не обрушилась. Я взобрался по ней на площадку, съ которой уже не раздается голосъ муллы. Тамъ нашелъ я нѣсколько неизвѣстныхъ именъ, нацарапанныхъ на кирпичахъ славолюбивыми путешественниками.

Дорога наша сдѣлалась живописна. Горы тянулись надъ нами. На ихъ вершинахъ ползали чуть видныя стада и казались насѣкомыми. Мы различили и пастуха, быть можетъ русскаго, нѣкогда взятаго въ плѣнъ и состарѣвшагося въ неволѣ. Мы встрѣтили еще курганы, еще развалины. Два-три надгробныхъ памятника стояли на краю дороги. Тамъ, по обычаю черкесовъ, похоронены ихъ наѣздники. Татарская надпись, изображеніе шашки, танга, изсѣченныя на камнѣ, оставлены хищнымъ внукамъ въ память хищнаго предка.

Черкесы насъ ненавидятъ. Мы вытѣснили ихъ изъ привольныхъ пастбищъ; аулы ихъ разорены, цѣлыя племена уничтожены. Они часъ отъ часу далѣе углубляются въ горы и оттуда направляютъ свои набѣги. Дружба мирныхъ черкесовъ ненадежна: они всегда готовы помочь буйнымъ своимъ единоплеменникамъ. Духъ дикаго ихъ рыцарства замѣтно упалъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Они рѣдко нападаютъ въ равномъ числѣ на казаковъ, никогда на пѣхоту, и бѣгутъ, завидя пушку. За то никогда не пропустятъ случая напасть на слабый отрядъ или на беззащитнаго. Почти нѣтъ никакого способа ихъ усмирить, пока ихъ не обезоружатъ, какъ обезоружили крымскихъ татаръ, что чрезвычайно трудно исполнить, по причинѣ господствующихъ между ими наслѣдственныхъ распрей и мщенія крови. Кинжалъ и шашка суть члены ихъ тѣла, и младенецъ начинаетъ владѣть ими прежде, нежели лепетать. У нихъ убійство—простое тѣлодвиженіе. Плѣнниковъ они сохраняютъ въ надеждѣ на выкупъ, но обходятся съ ними съ ужаснымъ безчеловѣчіемъ, заставляютъ работать сверхъ силъ, кормятъ сырымъ тѣстомъ, бьютъ, когда вздумается, и приставляютъ къ нимъ для стражи своихъ мальчишекъ, которые за одно слово въ правѣ ихъ изрубить своими дѣтскими шашками. Недавно поймали мирного черкеса, выстрѣлившаго въ солдата. Онъ оправдывался тѣмъ, что ружье его слишкомъ долго было заряжено. Что дѣлать съ таковымъ народомъ? Должно, однако жъ, надѣяться, что пріобрѣтеніе восточнаго края Чернаго Моря, отрѣзавъ черкесовъ отъ торговли съ Турціей, принудитъ ихъ съ нами сблизиться. Вліяніе роскоши можетъ благопріятствовать ихъ укрощенію: самоваръ былъ бы важнымъ нововведеніемъ. Есть наконецъ средство болѣе сильное, болѣе нравственное, болѣе сообразное съ просвѣщеніемъ нашего вѣка: проповѣданіе евангелія; но объ этомъ средствѣ Россія донынѣ и не подумала. Терпимость сама по себѣ вещь очень хорошая, но развѣ апостольство съ ней несовмѣстно? Развѣ истина дана намъ для того, чтобъ скрывать ее подъ спудомъ? Мы окружены народами, пресмыкающимися во мракѣ дѣтскихъ заблужденій, и никто еще изъ насъ не думалъ препоясаться и идти съ миромъ и крестомъ къ бѣднымъ братіямъ, лишеннымъ донынѣ свѣта истиннаго. Такъ ли исполняемъ мы долгъ христіанства? Кто изъ насъ мужъ вѣры и смиренія уподобится святымъ старцамъ, скитающимся по пустынямъ Африки, Азіи и Америки, въ рубищахъ, часто безъ обуви, крова и пищи, но оживленнымъ теплымъ усердіемъ? Какая награда ихъ ожидаетъ?—Обращеніе престарѣлаго рыбака, или странствующаго семейства дикихъ, или мальчика, а за тѣмъ нужда, голодъ, мученическая смерть. Кажется, для нашей холодной лѣности легче, взамѣнъ слова живаго, выливать мертвыя буквы и посылать нѣмыя книги людямъ, не-

lib.pushkinskijdom.ru

знающимъ грамоты, чѣмъ подвергаться трудамъ и опасностямъ, по примѣру древнихъ апостоловъ и новѣйшихъ римско-католическихъ миссіонеровъ. Мы умѣемъ спокойно въ великолѣпныхъ храмахъ блестѣть велерѣчіемъ. Мы читаемъ свѣтскія книги и важно находимъ въ суетныхъ произведеніяхъ выраженія предосудительныя. Предвижу улыбку на многихъ устахъ. Многіе, сближая мои коллекціи стиховъ съ черкесскимъ негодованіемъ, подумаютъ, что не всякій имѣетъ право говорить языкомъ высшей истины. Я не такого мнѣнія. Истина, какъ добро Мольера, тамъ и берется, гдѣ попадется.—Черкесы очень недавно приняли магометанскую вѣру. Они были увлечены дѣятельнымъ фанатизмомъ апостоловъ корана, между коими отличался Мансуръ, человѣкъ необыкновенный, долго возмущавшій Кавказъ противу русскаго владычества, наконецъ схваченный нами и умершій въ Соловецкомъ монастырѣ. Кавказъ ожидаетъ христіанскихъ миссіонеровъ.

Мы достигли Владикавказа, прежняго Капъ-кая, преддверія горъ. Онъ окруженъ осетинскими аулами. Я посѣтилъ одинъ изъ нихъ и попалъ на похороны. Около сакли толпился народъ. Родственники и друзья умершаго съѣзжались со всѣхъ сторонъ и съ громкимъ плачемъ шли въ саклю, ударяя себя кулаками въ лобъ. Женщины стояли смирно. Мертвеца вынесли на буркѣ...

....like a warrior taking his rest
With his martial cloak around him,

положили его на арбу. Одинъ изъ гостей взялъ ружье покойника, сдулъ съ полки порохъ и положилъ его подлѣ тѣла. Волы тронулись. Гости поѣхали слѣдомъ. Тѣло должно было быть похоронено въ горахъ, верстахъ въ тридцати отъ аула. Къ сожалѣнію, никто не могъ объяснить мнѣ сихъ обрядовъ.

Осетинцы самое бѣдное племя изъ народовъ, обитающихъ на Кавказѣ; женщины ихъ прекрасны и, какъ слышно, очень благосклонны къ путешественникамъ. У воротъ крѣпости встрѣтилъ я жену и дочь заключеннаго осетинца. Онѣ несли ему обѣдъ. Обѣ казались спокойны и смѣлы; однако жъ, при моемъ приближеніи обѣ потупили голову и закрылись своими изодранными чадрами. Въ крѣпости видѣлъ я черкесскихъ аманатовъ, рѣзвыхъ и красивыхъ мальчиковъ. Они поминутно проказятъ, и бѣгаютъ изъ крѣпости. Ихъ держатъ въ жалкомъ положеніи. Они ходятъ въ лохмотьяхъ, полунагіе, и въ отвра-

lib.pushkinskijdom.ru

тительной нечистотѣ. На иныхъ видѣлъ я деревянныя колодки. Вѣроятно, что аманаты, выпущенные на волю, не жалѣютъ о своемъ пребываніи въ Владикавказѣ.

Пушка оставила насъ. Мы отправились съ пѣхотой и казаками. Кавказъ насъ принялъ въ свое святилище. Мы услышали глухой шумъ и увидѣли Терекъ, разливающійся по разнымъ направленіямъ. Мы поѣхали по его лѣвому берегу. Шумныя волны его приводятъ въ движеніе колеса низенькихъ осетинскихъ мельницъ, похожихъ на собачьи конуры. Чѣмъ далѣе углублялись мы въ горы, тѣмъ уже становилось ущеліе. Стѣсненный Терекъ съ ревомъ бросаетъ свои мутныя волны чрезъ утесы, преграждающіе ему путь. Ущеліе извивается вдоль его теченія. Каменныя подошвы горъ обточены его волнами. Я шелъ пѣшкомъ и поминутно останавливался, пораженный мрачною прелестію природы. Погода была пасмурная; облака тяжело тянулись около черныхъ вершинъ. Графъ Пушкинъ и Ш., смотря на Терекъ, вспоминали Иматру и отдавали преимущество рѣкѣ, на сѣверѣ гремящей. Но я ни съ чѣмъ не могъ сравнить мнѣ предстоявшаго зрѣлища.

Не доходя до Ларса, я отсталъ отъ конвоя, засмотрѣвшись на огромныя скалы, между коими хлещетъ Терекъ съ яростію неизъяснимой. Вдругъ бѣжитъ ко мнѣ солдатъ, крича издали: не останавливайтесь, в. б., убьютъ! Это предостереженіе съ непривычки показалось мнѣ чрезвычайно страннымъ. Дѣло въ томъ, что осетинскіе разбойники, безопасные въ этомъ узкомъ мѣстѣ, стрѣляютъ черезъ Терекъ въ путешественниковъ. Наканунѣ нашего перехода, они напали такимъ образомъ на генерала Бековича, проскакавшаго сквозь ихъ выстрѣлы. На скалѣ видны развалины какого-то замка: онѣ облѣплены саклями мирныхъ осетинцевъ, какъ будто гнѣздами ласточекъ.

Въ Ларсѣ остановились мы ночевать. Тутъ нашли мы путешественника француза, который напугалъ насъ предстоящею дорогой. Онъ совѣтовалъ намъ бросить экипажи въ Коби и ѣхать верхомъ. Съ нимъ выпили мы въ первый разъ кахетинскаго вина изъ вонючаго бурдюка, вспоминая пированія Иліады:

«И въ козіяхъ мѣхахъ вино, отраду нашу!»

Здѣсь нашелъ я измаранный списокъ Кавказскаго Плѣнника и, признаюсь, прочелъ его съ большимъ удо-

lib.pushkinskijdom.ru

вольствіемъ. Все это слабо, молодо, неполно, но многое угадано и выражено вѣрно.

На другой день поутру отправились мы далѣе. Турецкіе плѣнники разработывали дорогу. Они жаловались на пищу, имъ выдаваемую. Они никакъ не могли привыкнуть къ русскому черному хлѣбу. Это напоминало мнѣ слова моего пріятеля III. по возвращеніи его изъ Парижа: «Худо, братъ, жить въ Парижѣ: ѣсть нечего; чернаго хлѣба не допросишься!»

Въ семи верстахъ отъ Ларса находится Даріальскій постъ. Ущелье носитъ то же имя. Скалы съ обѣихъ сторонъ стоятъ параллельными стѣнами. Здѣсь такъ узко, пишетъ одинъ путешественникъ, что не только видишь, но, кажется, чувствуешь тѣсноту. Клочекъ неба, какъ лента, синѣетъ надъ вашей головою. Ручьи, падающіе съ горной высоты мелкими и разрызганными струями, напоминали мнѣ похищеніе Ганимеда, странную картину Рембрандта. Къ тому же и ущелье освѣщено въ его вкусѣ. Въ иныхъ мѣстахъ Терекъ подмываетъ самую подошву скалъ, и на дорогѣ, въ видѣ плотины, навалены каменья. Недалеко отъ поста мостикъ смѣло переброшенъ черезъ рѣку. На немъ стоишь, какъ на мельницѣ. Мостикъ весь такъ и трясется, а Терекъ шумитъ, какъ колеса движущія жерновъ. Противъ Даріала, на крутой скалѣ, видны развалины крѣпости. Преданіе гласитъ, что въ ней скрывалась какая-то царица Дарья, давшая имя свое ущелію: сказка. Даріалъ на древнемъ персидскомъ языкѣ значитъ ворота. По свидѣтельству Плинія, Кавказскія врата, ошибочно называемыя Каспійскими, находились здѣсь. Ущеліе замкнуто было настоящими воротами, деревянными, окованными желѣзомъ. Подъ ними, пишетъ Плиній, течетъ рѣка Діріодорисъ. Тутъ была воздвигнута и крѣпость для удержанія набѣговъ дикихъ племенъ, и проч. (см. Путешествіе графа И. Потоцкаго, коего ученыя изысканія столь же занимательны, какъ испанскіе романы).

Изъ Даріала отправились мы къ Казбеку. Мы увидѣли Троицкія ворота (арка, образованная въ скалѣ взрывомъ пороха); подъ ними шла нѣкогда дорога, а нынѣ протекаетъ Терекъ, часто мѣняющій свое русло.

Недалеко отъ селенія Казбекъ, переѣхали мы черезъ Бѣшеную Балку, оврагъ, во время сильныхъ дождей превращающійся въ яростный потокъ. Онъ въ это время былъ совершенно сухъ и громокъ однимъ своимъ именемъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Деревня Казбекъ находится у подошвы горы Казбекъ и принадлежитъ князю Казбеку. Князь мужчина лѣтъ сорокапяти, ростомъ выше преображенскаго флигельмана. Мы нашли его въ духанѣ (такъ называются грузинскія харчевни, которыя гораздо бѣднѣе и нечище русскихъ). Въ дверяхъ лежалъ пузастый бурдюкъ (воловій мѣхъ), растопыря свои четыре ноги. Великанъ тянулъ изъ него чихирь и сдѣлалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ, на которые отвѣчалъ я съ почтеніемъ, подобаемымъ его званію и росту. Мы разстались большими пріятелями.

Скоро притупляются впечатлѣнія. Едва прошли сутки, и уже ревъ Терека и его безобразные водопады, уже утесы и пропасти не привлекали моего вниманія. Нетерпѣніе доѣхать до Тифлиса исключительно овладѣло мною. Я столь же равнодушно ѣхалъ мимо Казбека, какъ нѣкогда плылъ мимо Чатырдага. Правда и то, что дождливая и туманная погода мѣшала мнѣ видѣть его снѣговую груду, по выраженію поэта, подпирающую небосклонъ.

Ждали персидскаго принца. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Казбека попались намъ навстрѣчу нѣсколько колясокъ и затруднили узкую дорогу. Покамѣстъ экипажи разъѣзжались, конвойный офицеръ объявилъ намъ, что онъ провожаетъ придворнаго персидскаго поэта, и, по моему желанію, представилъ меня Фазиль-хану. Я, съ помощію переводчика, началъ было высокопарное восточное привѣтствіе, но какъ же мнѣ стало совѣстно, когда Фазиль-ханъ отвѣчалъ на мою неумѣстную затѣйливость простою, умной учтивостію порядочнаго человѣка! «Онъ надѣялся увидѣть меня въ Петербургѣ; онъ жалѣлъ, что знакомство наше будетъ непродолжительно», и проч. Со стыдомъ принужденъ я былъ оставить важно-шутливый тонъ и съѣхалъ на обыкновенныя европейскія фразы. Вотъ урокъ нашей русской насмѣшливости. Впередъ не стану судить о человѣкѣ по его бараньей папахѣ* и по крашенымъ ногтямъ.

Постъ Коби находится у самой подошвы Крестовой горы, чрезъ которую предстоялъ намъ переходъ. Мы тутъ остановились ночевать и стали думать, какимъ бы образомъ совершить сей ужасный подвигъ: сѣсть ли, бросивъ экипажи, на казачьихъ лошадей, или послать за осетинскими волами? На всякой слу-

---

* Такъ называются персидскія шапки.

lib.pushkinskijdom.ru

чай, я написалъ отъ имени всего нашего каравана оффиціальную просьбу къ Ч***, начальствующему въ здѣшней сторонѣ, и мы легли спать въ ожиданіи подводъ.

На другой день около 12 часовъ услышали мы шумъ, крики, и увидѣли зрѣлище необыкновенное: осьмнадцать паръ тощихъ малорослыхъ воловъ, понуждаемыхъ толпою полунагихъ осетинцевъ, на силу тащили легкую вѣнскую коляску пріятеля моего О**. Это зрѣлище тотчасъ разсѣяло всѣ мои сомнѣнія. Я рѣшился отправить мою тяжелую петербургскую коляску обратно въ Владикавказъ и ѣхать верхомъ до Тифлиса. Графъ Пушкинъ не хотѣлъ слѣдовать моему примѣру. Онъ предпочелъ впрячь цѣлое стадо воловъ въ свою бричку, нагруженную запасами всякаго рода, и съ торжествомъ переѣхалъ черезъ снѣговой хребетъ. Мы разстались и я поѣхалъ съ полковникомъ Ог..., осматривающимъ здѣшнія дороги.

Дорога шла черезъ обвалъ, обрушившійся въ концѣ іюня 1827 года. Таковые случаи бываютъ обыкновенно каждыя семь лѣтъ. Огромная глыба, свалясь, засыпала ущелье на цѣлую версту и запрудила Терекъ. Часовые, стоявшіе ниже, слышали ужасный грохотъ и увидѣли, что рѣка быстро мелѣла и въ четверть часа совсѣмъ утихла и истощилась. Терекъ прорылся сквозь обвалъ не прежде, какъ черезъ два часа. То-то былъ онъ ужасенъ!

Мы круто подымались выше и выше. Лошади наши вязли въ рыхломъ снѣгу, подъ которымъ шумѣли ручьи. Я съ удивленіемъ смотрѣлъ на дорогу и не понималъ возможности ѣзды на колесахъ.

Въ это время услышалъ я глухой грохотъ. «Это обвалъ», сказалъ мнѣ г. Ог.... Я оглянулся и узидѣлъ въ сторонѣ груду снѣга, которая осыпалась и медленно съѣзжала съ крутизны. Малые обвалы здѣсь нерѣдки. Въ прошломъ году русскій извощикъ ѣхалъ по Крестовой горѣ; обвалъ оборвался: страшная глыба свалилась на его повозку, поглотила телегу, лошадь и мужика, перевалилась черезъ дорогу и покатилась въ пропасть съ своею добычею. Мы достигли самой вершины горы. Здѣсь поставленъ гранитный крестъ, старый памятникъ, обновленный г. Ермоловымъ.

Здѣсь путешественники обыкновенно выходятъ изъ экипажей и идутъ пѣшкомъ. Недавно проѣзжалъ какой-то иностранный консулъ: онъ такъ былъ слабъ, что велѣлъ завязать себѣ

lib.pushkinskijdom.ru

глаза: его вели подъ руки, и когда сняли съ него повязку, тогда онъ сталъ на колѣна, благодарилъ Бога, и проч., что очень изумило проводниковъ.

Мгновенный переходъ отъ грознаго Кавказа къ миловидной Грузіи восхитителенъ. Воздухъ юга вдругъ начинаетъ повѣвать на путешественника. Съ высоты Гутъ-горы открывается Кайшаурская долина съ ея обитаемыми скалами, съ ея садами, съ ея свѣтлой Арагвой, извивающейся, какъ серебряная лента, и все это въ уменьшенномъ видѣ, на днѣ трехверстной пропасти, по которой идетъ опасная дорога.

Мы спускались въ долину. Молодой мѣсяцъ показался на ясномъ небѣ. Вечерній воздухъ былъ тихъ и теплъ. Я ночевалъ на берегу Арагвы въ домѣ г. Ч. На другой день я разстался съ любезнымъ хозяиномъ и отправился далѣе.

Здѣсь начинается Грузія. Свѣтлыя долины, орошаемыя веселой Арагвою, смѣнили мрачныя ущелія и грозный Терекъ. Вмѣсто голыхъ утесовъ, я видѣлъ около себя зеленыя горы и плодоносныя деревья. Водопроводы доказывали присутствіе образованности. Одинъ изъ нихъ поразилъ меня совершенствомъ оптическаго обмана: вода, кажется, имѣетъ свое теченіе по горѣ снизу вверхъ.

Въ Пайсанаурѣ остановился я для перемѣны лошадей. Тутъ я встрѣтилъ русскаго офицера, провождающаго персидскаго принца. Вскорѣ услышалъ я звукъ колокольчиковъ, и цѣлый рядъ катаровъ (муловъ), привязанныхъ одинъ къ другому и навьюченныхъ по-азіатски, потянулся по дорогѣ. Я пошелъ пѣшкомъ, не дождавшись лошадей, и въ полуверстѣ отъ Ананура, на поворотѣ дороги, встрѣтилъ Хозревъ-Мирзу. Экипажи его стояли. Самъ онъ выглянулъ изъ своей коляски и кивнулъ мнѣ головою. Чрезъ нѣсколько часовъ послѣ нашей встрѣчи, на принца напали горцы. Услыша свистъ пуль, Хозревъ выскочилъ изъ своей коляски, сѣлъ на лошадь и ускакалъ. Русскіе, бывшіе при немъ, удивились его смѣлости. Дѣло въ томъ, что молодой азіатецъ, непривыкшій къ коляскѣ, видѣлъ въ ней скорѣе западню, нежели убѣжище.

Я дошелъ до Ананура не чувствуя усталости. Лошади мои не приходили. Мнѣ сказали, что до города Душета оставалось не болѣе какъ десять верстъ, и я опять отправился пѣшкомъ. Но я не зналъ, что дорога шла въ гору. Эти десять верстъ стоили добрыхъ двадцати.

lib.pushkinskijdom.ru

Наступилъ вечеръ; я шелъ впередъ, подымаясь все выше и выше. Съ дороги сбиться было невозможно; но мѣстами глинистая грязь, образуемая источниками, доходила мнѣ до колѣна. Я совершенно утомился. Темнота увеличилась. Я слышалъ вой и лай собакъ и радовался, воображая, что городъ недалеко. Но ошибался: лаяли собаки грузинскихъ пастуховъ, а выли шакалы, звѣри въ той сторонѣ обыкновенные. Я проклиналъ свое нетерпѣніе; но дѣлать было нечего. Наконецъ увидѣлъ я огни и около полуночи очутился у домовъ, осѣненныхъ деревьями. Первый встрѣчный вызвался провести меня къ городничему и требовалъ за то съ меня абазъ.

Появленіе мое у городничаго, стараго офицера изъ грузинъ, произвело большое дѣйствіе. Я требовалъ, во-первыхъ, комнаты, гдѣ бы могъ раздѣться, во-вторыхъ, стакана вина, въ-третьихъ, абаза для моего провожатаго. Городничій не зналъ, какъ меня принять, и посматривалъ на меня съ недоумѣніемъ. Видя, что онъ не торопится исполнить мои просьбы, я сталъ передъ нимъ раздѣваться, прося извиненіе de la liberté grande. Къ счастію, нашелъ я въ карманѣ подорожную, доказывавшую, что я мирный путешественникъ, а не Ринальдо-Ринальдини. Благословенная хартія возымѣла тотчасъ свое дѣйствіе: комната была мнѣ отведена, стаканъ вина принесенъ, и абазъ выданъ моему проводнику, съ отеческимъ выговоромъ за его корыстолюбіе, оскорбительное для грузинскаго гостепріимства. Я бросился на диванъ, надѣясь послѣ моего подвига заснуть богатырскимъ сномъ: не тутъ-то было! блохи, которыя гораздо опаснѣе шакаловъ, напали на меня и во всю ночь не дали мнѣ покою. Поутру явился ко мнѣ мой человѣкъ и объявилъ, что графъ Пушкинъ благополучно переправился на волахъ чрезъ снѣговыя горы и прибылъ въ Душетъ. Нужно было мнѣ торопиться! Графъ Пушкинъ и Ш. посѣтили меня и предложили опять отправиться вмѣстѣ въ дорогу. Я оставилъ Душетъ съ пріятной мыслію, что ночую въ Тифлисѣ.

Дорога была также пріятна и живописна, хотя рѣдко видѣли мы слѣды народонаселенія. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Гарцискала мы переправились черезъ Куру, по древнему мосту, памятнику римскихъ походовъ, и крупной рысью, а иногда и вскачъ поѣхали къ Тифлису, въ которомъ непримѣтнымъ образомъ и очутились часу въ одиннадцатомъ вечера.

—

lib.pushkinskijdom.ru

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Тифлисъ. Народныя бани. Безносый Гассанъ. Нравы грузинскіе. Пѣсни. Кахетинское вино. Причина жаровъ. Дороговизна. Описаніе города. Отъѣздъ изъ Тифлиса. Грузинская ночь. Видъ Арменіи. Двойной переходъ. Армянская деревня. Гергеры. Грибоѣдовъ. Безобдалъ. Минеральный ключъ. Буря въ горахъ. Ночлегъ въ Гумрахъ. Араратъ. Граница. Турецкое гостепріимство. Карсъ. Армянская семья. Выѣздъ изъ Карса. Лагерь графа Паскевича.

Я остановился въ трактирѣ; на другой день отправился въ славныя тифлисскія бани. Городъ показался мнѣ многолюденъ. Азіатскія строенія и базаръ напомнили мнѣ Кишиневъ. По узкимъ и кривымъ улицамъ бѣжали ослы съ перекидными корзинами; арбы, запряженныя волами, перегорожали дорогу. Армяне, грузинцы, черкесы, персіяне, тѣснились на неправильной площади; между ними молодые русскіе чиновники разъѣзжали верхами на карабахскихъ жеребцахъ. При входѣ въ бани сидѣлъ содержатель, старый персіянинъ. Онъ отворилъ мнѣ дверь; я вошелъ въ обширную комнату, и что же увидѣлъ? Болѣе пятидесяти женщинъ, молодыхъ и старыхъ, полуодѣтыхъ и вовсе не одѣтыхъ, сидя и стоя раздѣвались, одѣвались на лавкахъ, разставленныхъ около стѣнъ. Я остановился. «Пойдемъ, пойдемъ, сказалъ мнѣ хозяинъ, сегодня вторникъ: женскій день. Ничего, не бѣда».—Конечно, не бѣда, отвѣчалъ я ему, напротивъ. Появленіе мужчинъ не произвело никакого впечатлѣнія. Онѣ продолжали смѣяться и разговаривать между собою. Ни одна не поторопилась покрыться своею чадрою; ни одна не перестала раздѣваться. Казалось, я вошелъ невидимкой. Многія изъ нихъ были въ самомъ дѣлѣ прекрасны и оправдывали воображеніе Т. Мура:

... a lovely Georgian maid,
With all the bloom, the freshened glow
Of her own contry maiden's looks,
When warm they rise from Teflis brooks.
Lalla Rookhs.

За то не знаю ничего отвратительнѣе грузинскихъ старухъ: это вѣдьмы.

Персіянинъ ввелъ меня въ бани: горячій, желѣзосѣрный источникъ лился въ глубокую ванну, изсѣченную въ скалѣ. Отъ роду не встрѣчалъ я ни въ Россіи ни въ Турціи ничего роскошнѣе тифлисскихъ бань. Опишу ихъ подробно.

Хозяинъ оставилъ меня на попеченіе татарину-баньщику.

lib.pushkinskijdom.ru

Я долженъ признаться, что онъ былъ безъ носу; это не мѣшало ему быть мастеромъ своего дѣла. Гассанъ (такъ назывался безносый татаринъ) началъ съ того, что разложилъ меня на тепломъ каменномъ полу, послѣ чего началъ онъ ломать мнѣ члены, вытягивать суставы, бить меня сильно кулакомъ, я не чувствовалъ ни малѣйшей боли, но удивительное облегченіе. (Азіатскіе баньщики приходятъ иногда въ восторгъ, вспрыгиваютъ вамъ на плеча, скользятъ ногами по бедрамъ и пляшутъ по спинѣ въ присядку, e sempre bene). Послѣ сего долго теръ онъ меня шерстяною рукавицей и, сильно оплескавъ теплой водою, сталъ умывать намыленнымъ полотнянымъ пузыремъ; ощущеніе неизъяснимое: горячее мыло обливаетъ васъ какъ воздухъ! NB. Шерстяная рукавица и полотняный пузырь непремѣнно должны быть приняты въ русской банѣ: знатоки будутъ благодарны за таковое нововведеніе.

Послѣ пузыря, Гассанъ отпустилъ меня въ ванну; тѣмъ и кончилась церемонія.

Въ Тифлисѣ я надѣялся найти Раевскаго, но, узнавъ, что полкъ его уже выступилъ въ походъ, я рѣшился просить у графа Паскевича позволенія пріѣхать въ армію.

Въ Тифлисѣ пробылъ я около двухъ недѣль и познакомился съ тамошнимъ обществомъ. Санковскій, издатель «Тифлисскихъ Вѣдомостей», разсказывалъ мнѣ много любопытнаго о здѣшнемъ краѣ, о князѣ Циціановѣ, объ А. П. Ермоловѣ и проч. Санковскій любитъ Грузію и предвидитъ для нея блестящую будущность.

Грузія прибѣгнула подъ покровительство Россіи въ 1783 году, что не помѣшало славному Агѣ-Махомеду взять и разорить Тифлисъ и двадцать тысячъ жителей увести въ плѣнъ (1795 г.). Грузія перешла подъ скипетръ императора Александра въ 1802. Грузины народъ воинственный. Они доказали свою храбрость подъ нашими знаменами. Ихъ умственныя способности ожидаютъ большей образованности. Они вообще нрава веселаго и общежительнаго. По праздникамъ мужчины пьютъ и гуляютъ по улицамъ. Черноглазые мальчики поютъ, прыгаютъ и кувыркаются; женщины пляшутъ лезгинку.

Голосъ пѣсенъ грузинскихъ пріятенъ: мнѣ перевели одну изъ нихъ слово въ слово: она, кажется, сложена въ новѣйшее время; въ ней есть какая-то восточная безсмыслица, имѣющая свое поэтическое достоинство. Вотъ вамъ она:

lib.pushkinskijdom.ru

Душа, недавно рожденная въ раю! Душа, созданная для моего счастія! Отъ тебя, безсмертная, ожидаю жизни.

Отъ тебя, весна цвѣтущая, луна двунедѣльная, отъ тебя, ангелъ мой хранитель, отъ тебя ожидаю жизни.

Ты сіяешь лицомъ и веселишь улыбкою. Не хочу обладать міромъ: хочу твоего взора. Отъ тебя ожидаю жизни.

Горная роза, освѣженная росою! избранная любимица природы! Тихое, потаенное сокровище! отъ тебя ожидаю жизни.

Грузинцы пьютъ—и не по нашему, и удивительно крѣпки. Вина ихъ не терпятъ вывоза и скоро портятся; но на мѣстѣ они прекрасны. Кахетинское и карабахское стоятъ нѣкоторыхъ бургонскихъ. Вино держатъ въ маранахъ, огромныхъ кувшинахъ, зарытыхъ въ землю. Ихъ открываютъ съ торжественными обрядами. Недавно русскій драгунъ, тайно открывъ таковой кувшинъ, упалъ въ него и утонулъ въ кахетинскомъ винѣ, какъ несчастный Кларенсъ въ бочкѣ малаги.

Тифлисъ находится на берегахъ Куры, въ долинѣ, окруженной каменистыми горами. Онѣ укрываютъ его со всѣхъ сторонъ отъ вѣтровъ, и раскалясь на солнцѣ, не нагрѣваютъ, а кипятятъ недвижимый воздухъ. Вотъ причина нестерпимыхъ жаровъ, царствующихъ въ Тифлисѣ, не смотря на то, что городъ находится только еще подъ 41 градусомъ широты. Самое его названіе (Тбимикаларъ) значитъ жаркій городъ.

Большая часть города выстроена по азіатски: дома низкіе, кровли плоскія. Въ сѣверной части возвышаются дома европейской архитектуры и около нихъ начинаютъ образовываться правильныя площади. Базаръ раздѣляется на нѣсколько рядовъ; лавки полны турецкихъ и персидскихъ товаровъ. довольно дешовыхъ, если принять въ разсужденіе всеобщую дороговизну. Оружіе тифлисское дорого цѣнится на всемъ востокѣ. Графъ С. и В., прослывшіе здѣсь богатырями, обыкновенно пробовали свои новыя шашки, съ одного маху перерубая на двое барана или отсѣкая голову быку.

Въ Тифлисѣ главную часть народонаселенія составляютъ армяне: въ 1825 году было ихъ здѣсь до двухъ тысячъ пятисотъ семействъ. Во время нынѣшнихъ войнъ число ихъ еще умножилось. Грузинскихъ семействъ считается до тысячи пятисотъ. Русскіе не считаютъ себя здѣшними жителями. Военные, повинуясь долгу, живутъ въ Грузіи, потому что такъ имъ велѣно. Молодые титулярные совѣтники пріѣзжаютъ сюда

lib.pushkinskijdom.ru

за чиномъ ассесорскимъ, толико вожделѣннымъ. Тѣ и другіе смотрятъ на Грузію, какъ на изгнаніе.

Климатъ тифлисскій, сказываютъ, нездоровъ. Здѣшнія горячки ужасны; ихъ лечатъ меркуріемъ, коего употребленіе безвредно, по причинѣ жаровъ. Лекаря кормятъ имъ своихъ больныхъ безъ всякой совѣсти. Генералъ С., говорятъ, умеръ оттого, что его домовый лекарь, пріѣхавшій съ нимъ изъ Петербурга, испугался пріема, предлагаемаго тамошними докторами, и не далъ онаго больному. Здѣшнія лихорадки похожи на крымскія и молдавскія и лечатся одинаково.

Жители пьютъ курскую воду мутную, но пріятную. Во всѣхъ источникахъ и колодцахъ вода сильно отзывается сѣрой. Впрочемъ, вино здѣсь въ такомъ общемъ употребленіи, что недостатокъ въ водѣ былъ бы не замѣтенъ.

Въ Тифлисѣ удивила меня дешевизна денегъ. Переѣхавъ на извощикѣ черезъ двѣ улицы и отпустивъ его черезъ полчаса, я долженъ былъ заплатить два рубля серебромъ. Я сперва думалъ, что онъ хотѣлъ воспользоваться незнаніемъ новопріѣзжаго; но мнѣ сказали, что цѣна точно такова. Все прочее дорого въ соразмѣрности.

Мы ѣздили въ нѣмецкую колонію и тамъ обѣдали. Пили тамъ дѣлаемое пиво, вкусу очень непріятнаго, и заплатили очень дорого за очень плохой обѣдъ. Въ моемъ трактирѣ кормили меня также дорого и дурно. Г. С., извѣстный гастрономъ, позвалъ однажды меня отобѣдать; по несчастію, у него разносили кушанья по чинамъ, а за столомъ сидѣли англійскіе офицеры въ генеральскихъ эполетахъ. Слуги такъ усердно меня обносили, что я всталъ изъ-за стола голодный. Чортъ побери тифлисскаго гастронома!

Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ разрѣшенія моей участи. Наконецъ получилъ я записку отъ Раевскаго. Онъ писалъ мнѣ, чтобы я спѣшилъ къ Карсу, потому что черезъ нѣсколько дней войско должно было идти далѣе. Я выѣхалъ на другой же день.

Я ѣхалъ верхомъ, перемѣняя лошадей на казачьихъ постахъ. Вокругъ меня земля была опалена зноемъ. Грузинскія деревни издали казались мнѣ прекрасными садами, но, подъѣзжая къ нимъ, видѣлъ нѣсколько бѣдныхъ сакель, осѣненныхъ пыльными тополями. Солнце сѣло, но воздухъ все еще былъ душенъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Ночи знойныя!
Звѣзды чудныя!...

Луна сіяла; все было тихо; топотъ моей лошади одинъ раздавался въ ночномъ безмолвіи. Я ѣхалъ долго, но не встрѣчая признаковъ жилья. Наконецъ увидѣлъ уединенную саклю. Я сталъ стучаться въ дверь. Вышелъ хозяинъ. Я попросилъ воды, сперва по-русски, а потомъ по-татарски. Онъ меня не понялъ. Удивительная безпечность! Въ тридцати верстахъ отъ Тифлиса, и на дорогѣ въ Персію и Турцію, онъ не зналъ ни слова ни порусски, ни по-татарски.

Переночевавъ на казачьемъ посту, на разсвѣтѣ я отправился далѣе. Дорога шла горами и лѣсомъ. Я встрѣтилъ путешествующихъ татаръ; между ними было нѣсколько женщинъ. Онѣ сидѣли верхами, окутанныя въ чадры; видны были у нихъ только глаза да каблуки.

Я сталъ подыматься на Безобдалъ, гору, отдѣляющую Грузію отъ древней Арменіи. Широкая дорога, осѣненная деревьями, извивается около горы. На вершинѣ Безобдала я проѣхалъ сквозь малое ущеліе, называемое, кажется, Волчьими Воротами, и очутился на естественной границѣ Грузіи. Мнѣ представились новыя горы, новый горизонтъ; подо мною разстилались злачныя зеленыя нивы. Я взглянулъ еще разъ на опаленную Грузію и сталъ спускаться по отлогому склоненію горы къ свѣжимъ равнинамъ Арменіи. Съ неописаннымъ удовольствіемъ замѣтилъ я, что зной вдругъ уменьшился: климатъ былъ другой.

Человѣкъ мой съ выючными лошадьми отъ меня отсталъ. Я ѣхалъ въ цвѣтущей пустынѣ, окруженной издали горами. Въ разсѣянности проѣхалъ я мимо поста, гдѣ долженъ былъ перемѣнить лошадей. Прошло болѣе шести часовъ, и я началъ удивляться пространству перехода. Я увидѣлъ въ сторонѣ груды камней, похожія на сакли, и отправился къ нимъ. Въ самомъ дѣлѣ, я пріѣхалъ въ армянскую деревню. Нѣсколько женщинъ въ пестрыхъ лохмотьяхъ сидѣли на плоской кровлѣ подземной сакли. Я изъяснился кое-какъ. Одна изъ нихъ сошла въ саклю и вынесла мнѣ сыру и молока. Отдохнувъ нѣсколько минутъ, я пустился далѣе и на высокомъ берегу рѣки увидѣлъ противъ себя крѣпость Гергеры. Три потока съ шумомъ и пѣной низвергались съ высокаго берега. Я переѣхалъ черезъ рѣку. Два вола, впряженные въ арбу, подымались по крутой дорогѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

Нѣсколько грузинъ сопровождали арбу. «Откуда вы?» спросилъ я ихъ.—Изъ Тегерана. «Что вы везете?»—Грибоѣда. — Это было тѣло убитаго Грибоѣдова, которое препровождали въ Тифлисъ.

Не думалъ я встрѣтить уже когда нибудь нашего Грибоѣдова! Я разстался съ нимъ въ прошломъ году, въ Петербургѣ, предъ отъѣздомъ его въ Персію. Онъ былъ печаленъ и имѣлъ странныя предчувствія. Я было хотѣлъ его успокоить, онъ мнѣ сказалъ: Vous ne connaissez pas ces gens là: vous verrez qu'il faudra jouer des couteaux. Онъ полагалъ, что причиною кровопролитія будетъ смерть шаха и междоусобица его семидесяти сыновей. Но престарѣлый шахъ еще живъ, а пророческія слова Грибоѣдова сбылись. Онъ погибъ подъ кинжалами персіянъ, жертвой невѣжества и вѣроломства. Обезображенный трупъ его, бывшій три дня игралищемъ тегеранской черни, узнанъ былъ только по рукѣ, нѣкогда прострѣленной пистолетною пулею.

Я познакомился съ Грибоѣдовымъ въ 1817 году. Его меланхолическій характеръ, его озлобленный умъ, его добродушіе, самыя слабости и пороки, неизбѣжные спутники человѣчества, все въ немъ было необыкновенно привлекательно. Рожденный съ честолюбіемъ, равнымъ его дарованіямъ, долго былъ онъ опутанъ сѣтями мелочныхъ нуждъ и неизвѣстности. Способности человѣка государственнаго оставались безъ употребленія; талантъ поэта былъ не признанъ; даже его холодная и блестящая храбрость оставалась нѣкоторое время въ подозрѣніи. Нѣсколько друзей знали ему цѣну и видѣли улыбку недовѣрчивости, эту глупую, несносную улыбку, когда случалось имъ говорить о немъ, какъ о человѣкѣ необыкновенномъ. Люди вѣрятъ только славѣ и не понимаютъ, что между ними можетъ находиться какой нибудь Наполеонъ, не предводительствовавшій ни одною егерскою ротою, или другой Декартъ, не напечатавшій ни одной строчки въ «Московскомъ Телеграфѣ». Впрочемъ, уваженіе наше въ славѣ происходитъ, можетъ быть, отъ самолюбія: въ составъ славы входитъ и нашъ голосъ.

Жизнь Грибоѣдова была затемнена нѣкоторыми облаками: слѣдствіе пылкихъ страстей и могучихъ обстоятельствъ. Онъ почувствовалъ необходимость разсчесться единожды навсегда съ своею молодостію и круто поворотить свою жизнь. Онъ простился съ Петербургомъ и съ праздной разсѣянностію; уѣхалъ

lib.pushkinskijdom.ru

въ Грузію, гдѣ пробылъ восемь лѣтъ въ уединенныхъ, неусыпныхъ занятіяхъ. Возвращеніе его въ Москву, въ 1824 году, было переворотомъ въ его судьбѣ и началомъ безпрерывныхъ успѣховъ. Его рукописная комедія Горе отъ Ума произвела неописанное дѣйствіе и вдругъ поставила его на ряду съ первыми нашими поэтами. Черезъ нѣсколько времени потомъ совершенное знаніе того края, гдѣ начиналась война, открыло ему новое поприще; онъ назначенъ былъ посланникомъ. Пріѣхавъ въ Грузію, женился онъ на той, которую любилъ... Не знаю ничего завиднѣе послѣднихъ годовъ бурной его жизни. Самая смерть, постигшая его посреди смѣлаго, неровнаго боя, не имѣла для Грибоѣдова ничего ужаснаго, ничего томительнаго. Она была мгновенна и прекрасна.

Какъ жаль, что Грибоѣдовъ не оставилъ своихъ записокъ! Написать его біографію было бы дѣломъ его друзей; но замѣчательные люди исчезаютъ у насъ, не оставляя по себѣ слѣдовъ. Мы лѣнивы и нелюбопытны...

Въ Гергерахъ встрѣтилъ я Б., который, какъ и я, ѣхалъ въ армію. Б. путешествовалъ со всевозможными прихотями. Я отобѣдалъ у него какъ бы въ Петербургѣ. Мы положили путешествовать вмѣстѣ; но демонъ нетерпѣнія опять мною овладѣлъ. Человѣкъ мой просилъ у меня позволенія отдохнуть. Я отправился безъ проводника. Дорога все была одна и совершенно безопасна.

Переѣхавъ черезъ гору и опустясь въ долину, осѣненную деревьями, я увидѣлъ минеральный ключъ, текущій поперегъ дороги. Здѣсь я встрѣтилъ армянскаго попа, ѣхавшаго въ Ахалцыкъ изъ Эривани. «Что новаго въ Эривани?» спросилъ я его.—Въ Эривани чума, отвѣчалъ онъ, а что слыхать объ Ахалцыкѣ?—«Въ Ахалцыкѣ чума», отвѣчалъ я ему. Обмѣнявшись сими пріятными извѣстіями, мы разстались.

Я ѣхалъ посреди плодоносныхъ нивъ и цвѣтущихъ луговъ. Жатва струилась, ожидая серпа. Я любовался прекрасной землею, коей плодородіе вошло на востокѣ въ пословицу. Къ вечеру прибылъ я въ Пернике. Здѣсь былъ казачій постъ. Урядникъ предсказалъ мнѣ бурю и совѣтовалъ остаться ночевать; но я хотѣлъ непремѣнно въ тотъ же день достигнуть Гумровъ.

Мнѣ предстоялъ переходъ черезъ невысокія горы, естественную границу Карскаго пашалыка. Небо покрыто было тучами; я надѣялся, что вѣтеръ, который часъ отъ часу уси-

lib.pushkinskijdom.ru

ливался, ихъ разгонитъ. Но дождь сталъ накрапывать и шелъ все крупнѣе и чаще. Отъ Пернике до Гумровъ считается двадцать семь верстъ. Я затянулъ ремни моей бурки, надѣлъ башлыкъ на картузъ и поручилъ себя провидѣнію.

Прошло болѣе двухъ часовъ. Дождь не переставалъ. Вода ручьями лилась съ моей отяжелѣвшей бурки и съ башлыка, напитаннаго дождемъ. Наконецъ холодная струя начала пробираться мнѣ за галстухъ и вскорѣ дождь меня промочилъ до послѣдней нитки. Ночь была темная. Казакъ ѣхалъ впереди, указывая дорогу. Мы стали подыматься на горы. Между тѣмъ дождь пересталъ и тучи разсѣялись. До Гумровъ оставалось верстъ десять. Вѣтеръ, дуя на свободѣ, былъ такъ силенъ, что въ четверть часа высушилъ меня совершенно. Я не думалъ избѣжать горячки. Наконецъ я достигнулъ Гумровъ около полуночи. Казакъ привезъ меня прямо къ посту. Мы остановились у палатки, куда спѣшилъ я войти. Тутъ нашелъ я двѣнадцать казаковъ, спящихъ одинъ возлѣ другаго. Мнѣ дали мѣсто: я повалился на бурку, не чувствуя самъ себя отъ усталости. Въ этотъ день проѣхалъ я 75 верстъ. Я заснулъ какъ убитый.

Казаки разбудили меня на зарѣ. Первою моею мыслію было: не лежу ли въ лихорадкѣ, но почувствовалъ, что слава Богу былъ здоровъ; не было слѣда не только болѣзни, но и усталости. Я вышелъ изъ палатки на свѣжій утренній воздухъ. Солнце всходило. На ясномъ небѣ бѣлѣла снѣговая, друглавая гора. Что за гора? спросилъ я, потягиваясь, и услышалъ въ отвѣтъ: это Араратъ. Какъ сильно дѣйствіе звуковъ! Жадно глядѣлъ я на библейскую гору, видѣлъ ковчегъ, причалившій къ ея вершинѣ съ надеждой обновленія и жизни— и врана и голубицу излетающихъ, символы казни и примиренія...

Лошадь моя была готова. Я поѣхалъ съ проводникомъ. Утро было прекрасно. Солнце сіяло. Мы ѣхали по широкому лугу, по густой зеленой травѣ, орошенной росою и каплями вчерашняго дождя. Передъ нами блистала рѣчка, черезъ которую должны мы были переправиться. Вотъ и Арпачай, сказалъ мнѣ казакъ. Арпачай! наша граница! Это стоило Арарата. Я поскакалъ къ рѣчкѣ съ чувствомъ неизъяснимымъ. Никогда еще не видалъ я чужой земли. Граница имѣла для меня что то таинственное; съ дѣтскихъ лѣтъ путешествія были

lib.pushkinskijdom.ru

моею любимою мечтою. Долго велъ я потомъ жизнь кочующую, скитаясь то по югу, то по сѣверу, и никогда еще не вырывался изъ предѣловъ необъятной Россіи. Я весело въѣхалъ въ завѣтную рѣку, и добрый конь вынесъ меня на турецкій берегъ. Но этотъ берегъ былъ уже завоеванъ; я все еще находился въ Россіи.

До Карса оставалось еще 75 верстъ. Къ вечеру я надѣялся увидѣть нашъ лагерь. Я нигдѣ не останавливался. На половинѣ дороги, въ армянской деревнѣ, выстроенной въ горахъ на берегу рѣчки, вмѣсто обѣда съѣлъ я проклятый чюрекъ, армянскій хлѣбъ, испеченный въ видѣ лепешки пополамъ съ золою, о которомъ такъ тужили турецкіе плѣнники въ Даріальскомъ ущеліи. Дорого бы я далъ за кусокъ русскаго чернаго хлѣба, который былъ имъ такъ противенъ. Меня провожалъ молодой турокъ, ужасный говорунъ. Онъ во всю дорогу болталъ по турецки, не заботясь о томъ, понималъ ли я его или нѣтъ. Я напрягалъ вниманіе и старался угадать его. Казалось, онъ побранивалъ русскихъ и, привыкнувъ видѣть ихъ всѣхъ въ мундирахъ, по платью принималъ меня за иностранца. На встрѣчу намъ попался русскій офицеръ. Онъ ѣхалъ изъ нашего лагеря и объявилъ мнѣ, что армія уже выступила изъподъ Карса. Не могу описать моего отчаянія: мысль, что мнѣ должно возвратиться въ Тифлисъ, измучась понапрасну въ пустынной Арменіи, совершенно убивала меня. Офицеръ поѣхалъ въ свою сторону. Турокъ началъ опять свой монологъ; но уже мнѣ было не до него. Я перемѣнилъ иноходь на крупную рысь и вечеромъ пріѣхалъ въ турецкую деревню, находящуюся въ двадцати верстахъ отъ Карса.

Соскочивъ съ лошади, я хотѣлъ войти въ первую саклю, но въ дверяхъ показался хозяинъ и оттолкнулъ меня съ бранью. Я отвѣчалъ на его привѣтствіе нагайкою. Турокъ раскричался; народъ собрался. Проводникъ мой, кажется за меня заступился. Мнѣ указали караванъ-сарай; я вошелъ въ большую саклю, похожую на хлѣвъ. Не было мѣста, гдѣ бы я могъ разослать бурку. Я сталъ требовать лошадь. Ко мнѣ явился турецкій старшина. На всѣ его непонятныя рѣчи отвѣчалъ я одно: вербана атъ (дай мнѣ лошадь). Турки не соглашались. Наконецъ я догадался показать имъ деньги (съ чего надлежало бы мнѣ начать). Лошадь тотчасъ была приведена, и мнѣ дали проводника.

lib.pushkinskijdom.ru

Я поѣхалъ по широкой долинѣ, окруженной горами. Вскорѣ увидѣлъ я Карсъ, бѣлѣющійся на одной изъ нихъ. Турокъ мой указывалъ мнѣ на него, повторяя: Карсъ, Карсъ! и пускалъ вскачь свою лошадь; я слѣдовалъ за нимъ, мучась безпокойствомъ: участь моя должна рѣшиться въ Карсѣ. Здѣсь долженъ я былъ узнать, гдѣ находится нашъ лагерь и будетъ ли еще мнѣ возможность догнать армію. Между тѣмъ небо покрывалось тучами, и дождь пошелъ опять; но я объ немъ ужъ не заботился.

Мы въѣхали въ Карсъ. Подъѣзжая къ воротамъ стѣны, услышалъ я русскій барабанъ: били зорю. Часовой принялъ отъ меня билетъ и отправился къ коменданту. Я стоялъ подъ дождемъ около получаса. Наконецъ меня пропустили. Я велѣлъ проводнику везти меня прямо въ бани. Мы поѣхали по кривымъ и крутымъ улицамъ; лошади скользили по дурной турецкой мостовой. Мы остановились у одного дома довольно плохой наружности. Это были бани: Турокъ слѣзъ съ лошади и сталъ стучаться у дверей. Никто не отвѣчалъ. Дождь ливмя лилъ на меня. Наконецъ изъ ближняго дома вышелъ молодой армянинъ и переговоря съ моимъ туркомъ, позвалъ меня къ себѣ, изъясняясь на довольно чистомъ русскомъ языкѣ. Онъ повелъ меня по узкой лѣстницѣ во второе жилье своего дома. Въ комнатѣ, убранной низкими диванами и ветхими коврами, сидѣла старуха, его мать. Она подошла ко мнѣ и поцѣловала мнѣ руку. Сынъ велѣлъ ей разложить огонь и приготовить мнѣ ужинъ. Я раздѣлся и сѣлъ передъ огнемъ. Вошелъ меньшой братъ хозяина, мальчикъ лѣтъ семнадцати. Оба брата бывали въ Тифлисѣ и живали въ немъ по нѣскольку мѣсяцевъ. Они сказали мнѣ, что войска наши выступили наканунѣ, и что лагерь нашъ находится въ двадцати-пяти верстахъ отъ Карса. Я успокоился совершенно. Скоро старуха приготовила мнѣ баранину съ лукомъ, которая показалась мнѣ верхомъ повареннаго искусства. Мы всѣ легли спать въ одной комнатѣ; я разлегся противу угасающаго камина и заснулъ въ пріятной надеждѣ увидѣть на другой день лагерь графа Паскевича.

Поутру пошелъ я осматривать городъ. Младшій изъ моихъ хозяевъ взялся быть моимъ чичероном. Осматривая укрѣпленія и цитадель, выстроенную на неприступной скалѣ, я не понималъ, какимъ образомъ мы могли овладѣть Карсомъ. Мой

lib.pushkinskijdom.ru

армянинъ толковалъ мнѣ, какъ умѣлъ, военныя дѣйствія, коимъ самъ онъ былъ свидѣтелемъ. Замѣтя въ немъ охоту къ войнѣ, я предложилъ ему ѣхать со мною въ армію. Онъ тотчасъ согласился. Я послалъ его за лошадьми. Черезъ полчаса выѣхалъ я изъ Карса, и Артемій (такъ назывался мой армянинъ) уже скакалъ подлѣ меня на турецкомъ жеребцѣ, съ гибкимъ куртинскимъ дротикомъ въ рукѣ, съ кинжаломъ за поясомъ, и бредя о туркахъ и о сраженіяхъ.

Я ѣхалъ по землѣ, вездѣ засѣянной хлѣбомъ; кругомъ видны были деревни, но онѣ были пусты: жители разбѣжались. Дорога была прекрасна и въ топкихъ мѣстахъ вымощена; черезъ ручьи выстроены были каменные мосты. Земля примѣтно возвышалась; передовые холмы хребта Саганъ-лу (древняго Тавра) начинали появляться. Прошло около двухъ часовъ. Я въѣхалъ на отлогое возвышеніе и вдругъ увидѣлъ нашъ лагерь, расположенный на берегу Карсъ-чая; черезъ нѣсколько минутъ я былъ уже въ палаткѣ Раевскаго.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Переходъ черезъ Саганъ-лу. Перестрѣлка. Лагерная жизнь. Язиды. Сраженіе съ Сераскиромъ Арзрумскимъ. Взорванная сакля.

Я пріѣхалъ во время. Въ тотъ же день (13 іюня) войско получило повелѣніе идти впередъ. Обѣдая у Раевскаго, слушалъ я молодыхъ генераловъ, разсуждавшихъ о движеніи, имъ предписанномъ. Генералъ Бурцовъ отряженъ былъ влѣво по большой арзрумской дорогѣ прямо противу турецкаго лагеря, между тѣмъ, какъ все прочее войско должно было идти правою стороною въ обходъ непріятелю.

Въ пятомъ часу войско выступило. Я ѣхалъ съ нижегородскимъ драгунскимъ полкомъ, разговаривая съ Раевскимъ, съ которымъ ужъ нѣсколько лѣтъ не видался. Настала ночь; мы остановились въ долинѣ, гдѣ все войско имѣло привалъ. Здѣсь имѣлъ я честь быть представленъ графу Паскевичу.

Я нашелъ графа дома передъ бивачнымъ огнемъ, окруженнаго своимъ штабомъ. Онъ былъ веселъ и принялъ меня ласково. Чуждый воинскому искусству, я не подозрѣвалъ, что участь похода рѣшилась въ эту минуту. Здѣсь увидѣлъ я на-

lib.pushkinskijdom.ru

шего Вальховскаго, запыленнаго съ ногъ до головы, обросшаго бородой, изнуреннаго заботами. Онъ нашелъ, однако, время побесѣдовать со мною, какъ старый товарищъ. Здѣсь увидѣлъ я и М. П., раненаго въ прошломъ году. Онъ любимъ и уважаемъ, какъ славный товарищъ и храбрый солдатъ. Многіе изъ старыхъ моихъ пріятелей окружили меня. Какъ они перемѣнились! какъ быстро уходитъ время!

Heu fugaces, Posthume, Posthume,
Labuntur anni....

Я воротился къ Раевскому и ночевалъ въ его палаткѣ. Посреди ночи разбудили меня ужасные крики: можно было подумать, что непріятель сдѣлалъ нечаянное нападеніе. Раевскій послалъ узнать причину тревоги. Нѣсколько татарскихъ лошадей, сорвавшихся съ привязи, бѣгали по лагерю, и мусульмане (такъ зовутся татаре, служащіе въ нашемъ войскѣ) ихъ ловили.

На зарѣ войско двинулось. Мы подъѣхали къ горамъ, поросшимъ лѣсомъ. Мы въѣхали въ ущеліе. Драгуны говорили между собою: «смотри, братъ, держись — какъ разъ картечью хватятъ.» Въ самомъ дѣлѣ, мѣстоположеніе благопріятствовало засадамъ; но турки, отвлеченные въ другую сторону движеніемъ генерала Бурцова, не воспользовались своими выгодами. Мы благополучно прошли опасное ущелье и стали на высотахъ Саганъ-лу, въ десяти верстахъ отъ непріятельскаго лагеря.

Природа около насъ была угрюма. Воздухъ былъ холоденъ, горы покрыты печальными соснами. Снѣгъ лежалъ въ оврагахъ.

.... nec Armeniis in oris,
Armice Valgi, stat glacies iners
Menses per omnes....

Только успѣли мы отдохнуть и отобѣдать, какъ услышали ружейные выстрѣлы. Раевскій послалъ освѣдомиться. Ему донесли, что турки завязали перестрѣлку на передовыхъ нашихъ пикетахъ. Я поѣхалъ съ Семичевымъ посмотрѣть новую для меня картину. Мы встрѣтили раненаго казака: онъ сидѣлъ, шатаясь на сѣдлѣ, блѣденъ и окровавленъ. Два казака поддерживали его. Много ли турковъ? спросилъ Семичевъ. «Свиньёмъ валитъ, ваше благородіе,» отвѣчалъ одинъ изъ нихъ. Проѣхавъ ущелье, вдругъ увидѣли мы на склоненіи противоположной горы до двухсотъ казаковъ, выстроенныхъ въ лаву, и надъ

lib.pushkinskijdom.ru

ними около пятисотъ турковъ. Казаки отступали медленно; турки наѣзжали съ большою дерзостію, прицѣливались шагахъ въ двадцати и, выстрѣливъ, скакали назадъ. Ихъ высокія чалмы, красивые доломаны и блестящій уборъ коней составляли рѣзкую противоположность съ синими мундирами и простою збруей казаковъ. Человѣкъ пятнадцать нашихъ было уже ранено. Подполковникъ Басовъ послалъ за подмогой. Въ это время самъ онъ былъ раненъ въ ногу. Казаки было смѣшались; но Басовъ опять сѣлъ на лошадь и остался при своей командѣ. Подкрѣпленіе подоспѣло. Турки, замѣтивъ его, тотчасъ исчезли, оставя на горѣ голый трупъ казака, обезглавленный и обрубленный. Турки отсѣченныя головы отсылаютъ въ Константинополь, а кисти рукъ, обмакнувъ въ крови, отпечатлѣваютъ на своихъ знаменахъ. Выстрѣлы утихли. Орлы, спутники войскъ, поднялись надъ горою, съ высоты высматривая себѣ добычу. Въ это время показалась толпа генераловъ и офицеровъ: графъ Паскевичъ пріѣхалъ и отправился на гору, за которою скрылись турки. Они были подкрѣплены четырьмя тысячами конницы, скрытой въ лощинѣ и въ оврагахъ. Съ высоты горы открылся намъ турецкій лагерь, отдѣленный отъ насъ оврагами и высотами. Мы возвратились поздно. Проѣзжая нашимъ лагеремъ, я видѣлъ нашихъ раненыхъ, изъ коихъ человѣкъ пять умерло въ ту же ночь и на другой день. Вечеромъ навѣстилъ я молодаго Остенъ-Сакена, раненаго въ тотъ же день въ другомъ сраженіи. *

Лагерная жизнь очень мнѣ нравилась. Пушка подымала насъ на зарѣ. Сонъ въ палаткѣ удивительно здоровъ. За обѣдомъ запивали мы азіатскій шашлыкъ англійскимъ пивомъ и шампанскимъ, застывшимъ въ снѣгахъ таврійскихъ. Общество наше было разнообразно. Въ палаткѣ генерала Раевскаго собирались беки мусульманскихъ полковъ, и бесѣда шла черезъ переводчика. Въ войскѣ нашемъ находились и народы закав-

* Объ участіи Пушкина въ этой перестрѣлкѣ, 14 іюня, упоминается въ «Исторіи военныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи», Ушакова, который прибавляетъ, что Пушкинъ «выскочилъ изъ ставки, сѣлъ на лошадь и мгновенно очутился на аванпостахъ... Маіоръ Семичевъ — едва настигнулъ его и вывелъ насильно изъ передовой цѣпи казаковъ въ ту минуту, когда Пушкинъ, одушевленный отвагою, схвативъ пику послѣ одного изъ убитыхъ казаковъ, устремился противъ непріятельскихъ всадниковъ.» Поэтъ былъ въ круглой шляпѣ и въ буркѣ (см. «Исторію.» Варшава. 1843, ч. 2, стр. 303).

lib.pushkinskijdom.ru

казскихъ нашихъ областей, и жители земель, недавно завоеванныхъ. Между ними съ любопытствомъ смотрѣлъ я на язидовъ, слывущихъ на Востокѣ дьяволопоклонниками. Около трехсотъ семействъ обитаютъ у подошвы Арарата. Они признали владычество русскаго государя. Начальникъ ихъ высокій, уродливый мужчина, въ красномъ плащѣ и черной шапкѣ, приходилъ иногда съ поклономъ къ генералу Раевскому, начальнику всей конницы. Я старался узнать отъ язида правду о ихъ вѣроисповѣданіи. На мои вопросы отвѣчалъ онъ, что молва, будто бы язиды поклоняются сатанѣ, есть пустая басня; что они вѣруютъ въ единаго Бога; что по ихъ закону проклинать дьявола, правда, почитается неприличнымъ и неблагороднымъ, ибо онъ теперь несчастливъ, но современемъ можетъ быть прощенъ, ибо нельзя положить предѣловъ милосердію Аллаха. Это объясненіе меня успокоило. Я очень радъ былъ за язидовъ, что они сатанѣ не поклоняются, и заблужденія ихъ показались мнѣ уже гораздо простительнѣе.

Человѣкъ мой явился въ лагерь черезъ три дня послѣ меня. Онъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ вагенбургомъ, который въ виду непріятеля благополучно соединился съ арміей. NB. Во все время похода ни одна арба изъ многочисленнаго нашего обоза не была захвачена непріятелемъ. Порядокъ, съ какимъ обозъ слѣдовалъ за войскомъ, въ самомъ дѣлѣ удивителенъ.

17 іюня утромъ услышали вновь мы перестрѣлку и черезъ два часа увидѣли карабахскій полкъ возвращающимся съ осьмью турецкими знаменами: полковникъ Фридериксъ имѣлъ дѣло съ непріятелемъ, засѣвшимъ за каменными завалами, вытѣснилъ его и прогналъ; Османъ-паша, начальствовавшій конницей, едва успѣлъ спастись.

18 іюня лагерь передвинулся на другое мѣсто. 19-го, едва пушка разбудила насъ, все въ лагерѣ пришло въ движеніе. Генералы поѣхали къ своимъ постамъ. Полки строились; офицеры становились у своихъ взводовъ. Я остался одинъ, не зная, въ которую сторону ѣхать, и пустилъ лошадь на волю Божію. Я встрѣтилъ генерала Бурцова, который звалъ меня на лѣвый флангъ. Что такое лѣвый флангъ? подумалъ я, и поѣхалъ далѣе. Я увидѣлъ генерала Муравьева, разставлявшаго пушки. Вскорѣ показались дели-баши и закружились въ долинѣ, перестрѣливаясь съ нашими казаками. Между тѣмъ, густая толпа ихъ пѣхоты шла по лощинѣ. Генералъ Муравьевъ приказалъ

lib.pushkinskijdom.ru

стрѣлять. Картечь хватила въ самую середину толпы. Турки повалили въ сторону и скрылись за возвышеніемъ. Я увидѣлъ графа Паскевича, окруженнаго своимъ штабомъ. Турки обходили наше войско, отдѣленное отъ нихъ глубокимъ оврагомъ. Графъ послалъ П. осмотрѣть оврагъ. П. поскакалъ. Турки приняли его за наѣздника и дали по немъ залпъ. Всѣ засмѣялись. Графъ велѣлъ выставить пушки и палить. Непріятель разсыпался по горѣ и по лощинѣ. На лѣвомъ флангѣ, куда звалъ меня Бурцовъ, происходило жаркое дѣло. Передъ нами (противу центра) скакала турецкая конница. Графъ послалъ противъ нея генерала Раевскаго, который повелъ въ атаку свой нижегородскій полкъ. Турки исчезли. Татаре наши окружали ихъ раненыхъ и проворно раздѣвали, оставляя нагихъ посреди поля. Генералъ Раевскій остановился на краю оврага. Два эскадрона, отдѣлясь отъ полка, занеслись въ своемъ преслѣдованіи; они были выручены полковникомъ Симоничемъ.

Сраженіе утихло. Турки у насъ въ глазахъ начали копать землю и таскать каменья, укрѣпляясь по своему обыкновенію. Ихъ оставили въ покоѣ. Мы слѣзли съ лошадей и стали обѣдать чѣмъ Богъ послалъ. Въ это время къ графу привели нѣсколькихъ плѣнниковъ. Одинъ изъ нихъ былъ жестоко раненъ. Ихъ разспросили. Около шестаго часу войска опять получили приказъ идти на непріятеля. Турки зашевелились за своими завалами, приняли насъ пушечными выстрѣлами и вскорѣ начали отступать. Конница наша была впереди; мы стали спускаться въ оврагъ. Земля обрывалась и сыпалась подъ ногами. Поминутно лошадь моя могла упасть, и тогда (сводный) уланскій полкъ переѣхалъ бы черезъ меня. Однако, Богъ вынесъ. Едва выбрались мы на широкую дорогу, идущую горами, какъ вся наша конница поскакала во весь опоръ. Турки бѣжали; казаки стегали нагайками пушки, брошенныя на дорогѣ, и неслись мимо. Турки бросились въ овраги, находящіеся по обѣимъ сторонамъ дороги: они уже не стрѣляли; по крайней мѣрѣ ни одна пуля не просвистала мимо моихъ ушей. Первые въ преслѣдованіи были наши татарскіе полки, коихъ лошади отличаются быстротою и силою. Лошадь моя, закусивъ повода, отъ нихъ не отставала: я насилу могъ ее сдержать. Она остановилась передъ трупомъ молодаго турка, лежавшимъ поперегъ дороги. Ему, казалось, было лѣтъ осьмнадцать; блѣдное дѣвическое лицо не было обезображено; чалма его валялась въ пы-

lib.pushkinskijdom.ru

ли; обритый затылокъ прострѣленъ былъ пулею. Я поѣхалъ шагомъ; вскорѣ нагналъ меня Раевскій. Онъ написалъ карандашемъ на клочкѣ бумаги донесеніе графу Паскевичу о совершенномъ пораженіи непріятеля и поѣхалъ далѣе. Я слѣдовалъ за нимъ издали. Настала ночь. Усталая лошадь моя отставала и спотыкалась на каждомъ шагу. Графъ Паскевичъ повелѣлъ не прекращать преслѣдованія и самъ имъ управлялъ. Меня обогнали конные наши отряды. Я увидѣлъ полковника Полякова, начальника казацкой артиллеріи, игравшей въ тотъ день важную роль, и съ нимъ вмѣстѣ прибылъ въ оставленное селеніе, гдѣ остановился графъ Паскевичъ, прекратившій преслѣдованіе по причинѣ наступившей ночи.

Мы нашли графа на кровлѣ подземной сакли передъ огнемъ. Къ нему приводили плѣнныхъ. Тутъ находились почти всѣ начальники. Казаки держали въ поводьяхъ ихъ лошадей. Огонь освѣщалъ картину, достойную Сальватора-Розы; рѣчка шумѣла во мракѣ. Въ это время донесли графу, что въ деревнѣ спрятаны пороховые запасы, и что должно опасаться взрыва. Графъ оставилъ саклю со всею своею свитою. Мы поѣхали къ нашему лагерю, находившемуся уже въ тридцати верстахъ отъ мѣста, гдѣ мы ночевали. Дорога полна была конныхъ отрядовъ. Только успѣли мы прибыть на мѣсто, какъ вдругъ небо освѣтилось, какъ будто метеоромъ, и мы услышали глухой взрывъ. Сакля, оставленная нами назадъ тому четверть часа, взорвана была на воздухъ; въ ней находился пороховой запасъ. Разметанные камни задавили нѣсколькихъ казаковъ.

Вотъ все, что въ то время успѣлъ я увидѣть. Вечеромъ я узналъ, что въ семъ сраженіи разбитъ Сераскиръ Арзрумскій, шедшій на присоединеніе къ Гаки-пашѣ съ тридцатью тысячами войска. Сераскиръ бѣжалъ къ Арзруму; войско его, переброшенное за Саганъ-лу, было разсѣяно, артиллерія взята, и Гаки-паша одинъ оставался у насъ на рукахъ. Графъ Паскевичъ не далъ ему времени распорядиться.

—

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Сраженіе съ Гаки-пашею. Смерть татарскаго бека. Гермафродитъ. Плѣнный паша. Аракскъ. Мостъ пастуха. Гассанъ-Кале. Горячій источникъ. Походъ къ Арзруму. Переговоры. Взятіе Арзрума. Турецкіе плѣнники. Дервишъ.

На другой день въ пятомъ часу лагерь проснулся и полу-

lib.pushkinskijdom.ru

чилъ приказаніе выступить. Вышедъ изъ палатки, встрѣтилъ я графа Паскевича, вставшаго прежде всѣхъ. Онъ увидѣлъ меня. «Êtes-vous fatigué de la journée d'hier?» Mais un peu, M. le Comte.—«J'en suis fâché pour vous, car nous allons faire encore une marche pour joindre le Pacha, et puis il faudra poursuivre l'ennemi encore une trentaine de verstes.»

Мы тронулись и къ осьми часамъ пришли на возвышеніе съ котораго лагерь Гаки-паши виденъ былъ какъ на ладони. Турки открыли безвредный огонь со всѣхъ своихъ батарей. Между тѣмъ, въ лагерѣ ихъ замѣтно было большое движеніе. Усталость и внутренній жаръ заставили многихъ изъ насъ слѣзть съ лошадей и лечь на свѣжую траву. Я опуталъ поводья около руки и сладко заснулъ, въ ожиданіи приказа идти впередъ. Чрезъ четверть часа меня разбудили. Все было въ движеніи. Съ одной стороны колонны шли на турецкій лагерь, съ другой конница готовилась преслѣдовать непріятеля. Я поѣхалъ было за нижегородскимъ полкомъ, но лошадь моя хромала, я отсталъ. Мимо меня пронесся уланскій полкъ. Потомъ Вальховскій проскакалъ съ 3 пушками. Я очутился одинъ въ лѣсистыхъ горахъ. Мнѣ попался на встрѣчу драгунъ, который объявилъ, что лѣсъ наполнился непріятелемъ. Я воротился. Я встрѣтилъ генерала Муравьева съ пѣхотнымъ полкомъ. Онъ отрядилъ одну роту въ лѣсъ, дабы его очистить. Подъѣзжая къ лощинѣ, увидѣлъ я необыкновенную картину. Подъ деревомъ лежалъ одинъ изъ нашихъ татарскихъ бековъ, раненый смертельно. Подлѣ него рыдалъ его любимецъ. Мулла, стоя на колѣнахъ, читалъ молитвы. Умирающій бекъ былъ чрезвычайно спокоенъ и неподвижно глядѣлъ на молодаго своего друга. Въ лощинѣ собрано было человѣкъ пятьсотъ плѣнныхъ. Нѣсколько раненыхъ турокъ подзывали меня знаками, вѣроятно, принимая меня за лекаря и требуя помощи, которой я не могъ подать. Изъ лѣсу вышелъ турокъ, зажимая свою рану окровавленною тряпкою. Солдаты подошли къ нему, съ намѣреніемъ его приколоть, можетъ быть, изъ человѣколюбія. Но это слишкомъ меня возмутило: я заступился за бѣднаго турку и насилу привелъ его, изнеможеннаго и истекающаго кровью, къ кучкѣ его товарищей. При нихъ былъ полковникъ А. Онъ курилъ дружелюбно изъ ихъ трубокъ, не смотря на то, что были слухи о чумѣ, будто бы открывшейся въ турецкомъ лагерѣ. Плѣнные сидѣли, спокойно разговаривая между собою. Почти

lib.pushkinskijdom.ru

всѣ были молодые люди. Отдохнувъ, пустились мы далѣе. По всей дорогѣ валялись тѣла. Верстахъ въ пятнадцати нашелъ я нижегородскій полкъ, остановившійся на берегу рѣчки, посреди скалъ. Преслѣдованіе продолжалось еще нѣсколько часовъ. Къ вечеру пришли мы въ долину, окруженную густымъ лѣсомъ, и наконецъ могъ я выспаться въ волю, проскакавъ въ эти два дня болѣе восьмидесяти верстъ.

На другой день войска, преслѣдовавшія непріятеля, получили приказъ возвратиться въ лагерь. Тутъ узнали мы, что между плѣнниками находился гермафродитъ. Я увидѣлъ высокаго, довольно толстаго мужика, съ лицомъ старой курносой чухонки. Мы осмотрѣли его въ присутствіи лекаря... Сія болѣзнь, извѣстная Иппократу, по свидѣтельству путешественниковъ, встрѣчается часто у кочующихъ татаръ и у турокъ. Коосъ есть турецкое названіе симъ мнимымъ гермафродитамъ.

Войско наше стояло въ турецкомъ лагерѣ, взятомъ наканунѣ. Палатка графа Паскевича стояла близъ зеленаго шатра Гаки-паши, взятаго въ плѣнъ нашими казаками. Я вошелъ къ нему и нашелъ его окруженнаго нашими офицерами. Онъ сидѣлъ, поджавъ подъ себя ноги и куря трубку. Онъ казался лѣтъ сорока. Важность и глубокое спокойствіе изображались на прекрасномъ лицѣ его. Отдавшись въ плѣнъ, онъ просилъ, чтобъ ему дали чашку кофею и чтобъ его избавили отъ вопросовъ.

Мы стояли въ долинѣ. Снѣжныя и лѣсистыя горы Саганъ-лу были уже за нами. Мы пошли впередъ, не встрѣчая нигдѣ непріятеля. Селенія были пусты, окрестная сторона печальна. Мы увидѣли Араксъ, быстро текущій въ каменистыхъ берегахъ своихъ. Въ пятнадцати верстахъ отъ Гассанъ-Кале находится мостъ, прекрасно и смѣло выстроенный на семи неравныхъ сводахъ. Преданіе приписываетъ его построеніе разбогатѣвшему пастуху, умершему пустынникомъ на высотѣ холма, гдѣ донынѣ показываютъ его могилу, осѣненную двумя пустынными соснами. Сосѣдніе поселяне стекаются къ ней на поклоненіе. Мостъ называется Чабанъ-Кэпри (мостъ пастуха). Дорога въ Тебризъ лежитъ черезъ него.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моста посѣтилъ я темныя развалины караванъ-сарая. Я не нашелъ въ немъ никого кромѣ больнаго осла, вѣроятно брошеннаго здѣсь бѣгущими поселянами.

lib.pushkinskijdom.ru

24 іюня утромъ пошли мы къ Гассанъ-Кале, древней крѣпости, наканунѣ занятой княземъ Бековичемъ. Она была въ пятнадцати верстахъ отъ мѣста нашего ночлега. Длинные переходы утомили меня. Я надѣялся отдохнуть; но вышло иначе.

Передъ выступленіемъ конницы, явились въ нашъ лагерь армяне, живущіе въ горахъ, требуя защиты отъ турковъ, когорые три дня тому назадъ отогнали ихъ скотъ. Полкобникъ А., хорошо не разобравъ, чего они хотѣли, вообразилъ, что турецкій отрядъ находился въ горахъ, и съ однимъ эскадрономъ уланскаго полка поскакалъ въ сторону, давъ знать Раевскому, что три тысячи турковъ находятся въ горахъ. Раевскій отправился вслѣдъ за нимъ, дабы подкрѣпить его въ случаѣ опасности. Я почиталъ себя прикомандированнымъ къ нижегородскому полку, и съ великою досадою поскакалъ на освобожденіе армянъ. Проѣхавъ верстъ двадцать, въѣхали мы въ деревню и увидѣли нѣсколько отставшихъ улановъ, которые, спѣшась, съ обнаженными саблями преслѣдовали нѣсколькихъ куръ. Здѣсь одинъ изъ поселянъ растолковалъ Раевскому, что дѣло шло о трехъ тысячахъ воловъ, три дня назадъ отогнанныхъ турками, и которыхъ весьма легко будетъ догнать дня черезъ два. Раевскій приказалъ уланамъ прекратить преслѣдованіе куръ и послалъ полковнику А. повелѣніе воротиться. Мы поѣхали обратно, и выбравшись изъ горъ, прибыли подъ Гассанъ-Кале. Но такимъ образомъ дали мы сорокъ верстъ крюку, дабы спасти жизнь нѣсколькимъ армянскимъ курицамъ, что вовсе не казалось мнѣ забавнымъ.

Гассанъ-Кале почитается ключемъ Арзрума. Городъ выстроенъ у подошвы скалы, увѣнчанной крѣпостью. Въ немъ находилось до ста армянскихъ семействъ. Лагерь нашъ стоялъ въ широкой равнинѣ, разстилающейся передъ крѣпостью. Тутъ посѣтилъ я круглое, каменное строеніе, въ коемъ находится горячій желѣзосѣрный источникъ.

Круглый бассейнъ имѣетъ сажени три въ діаметрѣ. Я переплылъ его два раза и, вдругъ почувствовавъ головокруженіе и тошноту, едва имѣлъ силу выдти на каменный край источника. Эти воды славятся на востокѣ; но не имѣя порядочныхъ лекарей, жители пользуются ими наобумъ и вѣроятно безъ большаго успѣха.

Подъ стѣнами Гассанъ-Кале течетъ рѣка Мургъ; берега ея покрыты желѣзными источниками, которые бьютъ изъ подъ

lib.pushkinskijdom.ru

камней и стекаютъ въ рѣку. Они не столь пріятны вкусу, какъ кавказскій Нарзанъ, и отзываются мѣдью.

25 іюня, въ день рожденія государя императора, въ лагерѣ нашемъ подъ стѣнами крѣпости полки отслушали молебенъ. За обѣдомъ у графа Паскевича, когда пили здоровье государя, графъ объявилъ походъ къ Арзруму. Въ пять часовъ вечера войско уже выступило.

26 іюня мы стали въ горахъ въ пяти верстахъ отъ Арзрума. Горы эти называются Акъ-дагъ (бѣлыя горы); онѣ мѣловыя. Бѣлая язвительная пыль ѣла намъ глаза; грустный видъ ихъ наводилъ тоску. Близость Арзрума и увѣренность въ окончаніи похода утѣшала насъ.

Вечеромъ графъ Паскевичъ ѣздилъ осматривать мѣстоположеніе. Турецкіе наѣздники, цѣлый день кружившіеся передъ нашими пикетами, начали по немъ стрѣлять. Графъ нѣсколько разъ погрозилъ имъ нагайкою, не переставая разсуждать съ генераломъ Муравьевымъ. На ихъ выстрѣлы не отвѣчали.

Между тѣмъ въ Арзрумѣ происходило большое смятеніе. Сераскиръ, прибѣжавшій въ городъ послѣ своего пораженія, распустилъ слухъ о совершенномъ разбитіи русскихъ. Вслѣдъ за нимъ отпущенные плѣнники доставили жителямъ воззваніе графа Паскевича. Бѣглецы уличили Сераскира во лжи. Вскорѣ узнали о быстромъ приближеніи русскихъ. Народъ сталъ говорить о сдачѣ. Сераскиръ и войско думали защищаться. Произошелъ мятежъ. Нѣсколько франковъ были убиты озлобленной чернью.

Въ лагерь нашъ (26-го утромъ) явились депутаты отъ народа и Сераскира. День прошелъ въ переговорахъ; въ пять часовъ вечера депутаты отправились въ Арзрумъ, и съ ними генералъ князь Бековичъ, хорошо знающій азіатскіе языки и обычаи.

На другой день утромъ войско наше двинулось впередъ. Съ восточной стороны Арзрума, на высотѣ Топъ-дага, находилась турецкая батарея. Полки пошли къ ней, отвѣчая на турецкую пальбу барабаннымъ боемъ и музыкою. Турки бѣжали, и Топъ-дагъ былъ занятъ. Я пріѣхалъ туда съ поэтомъ Юзефовичемъ. На оставленной батареѣ нашли мы графа Паскевича со всею его свитою. Съ высоты горы въ лощинѣ открывался взору Арзрумъ со всею цитаделью, съ зелеными кровлями, наклеенными одна на другую. Графъ былъ верхомъ. Передъ нимъ на

lib.pushkinskijdom.ru

землѣ сидѣли турецкіе депутаты, пріѣхавшіе съ ключами города. Но въ Арзрумѣ замѣтно было волненіе. Вдругъ на городскомъ валу мелькнулъ огонь, закурился дымъ, и ядра полетѣли къ Топъ-дагу. Нѣсколько ихъ пронеслись надъ головою графа Паскевича: «Voyez les turcs — сказалъ онъ мнѣ — on ne peut jamais se fier à eux». Въ сію минуту прискакалъ на Топъ-дагъ князь Бековичъ, со вчерашняго дня находившійся въ Арзрумѣ на переговорахъ. Онъ объявилъ, что Сераскиръ и народъ давно согласны на сдачу, но что нѣсколько непослушныхъ арнаутовъ, подъ предводительствомъ Топчи-паши, овладѣли городскими батареями, бунтуютъ. Генералы подъѣхали къ графу, прося позволенія заставить молчать турецкія батареи. Арзрумскіе сановники, сидѣвшіе подъ огнемъ своихъ же пушекъ, повторили ту же просьбу. Графъ нѣсколько времени медлилъ, наконецъ далъ повелѣніе, сказавъ: «полно имъ дурачиться.» Тотчасъ подвезли пушки, стали стрѣлять, и непріятельская пальба мало по малу утихла. Полки наши пошли въ Арзрумъ, и 27 іюня, въ годовщину полтавскаго сраженія, въ шесть часовъ вечера русское знамя развилось надъ арзрумской цитаделью.

Раевскій поѣхалъ въ городъ; я отправился съ нимъ. Мы въѣхали въ городъ, представлявшій удивительную картину. Турки съ плоскихъ кровель своихъ угрюмо смотрѣли на насъ. Армяне шумно толпились въ тѣсныхъ улицахъ. Ихъ мальчишки бѣжали передъ нашими лошадьми, крестясь и повторяя: христіянъ! христіянъ!.. Мы подъѣхали къ крѣпости, куда входила наша артиллерія. Съ крайнимъ изумленіемъ встрѣтилъ я тутъ моего Артемія, уже разъѣзжающаго по городу, не смотря на строгое предписаніе никому изъ лагеря не отлучаться безъ особеннаго позволенія.

Улицы города тѣсны и кривы, дома довольно высоки. Народу множество; лавки были заперты. Пробывъ въ городѣ часа съ два, я возвратился въ лагерь: Сераскиръ и четверо пашей, взятые въ плѣнъ, находились уже тутъ. Одинъ изъ пашей, сухощавый старичокъ, ужасный хлопотунъ, съ живостію говорилъ нашимъ генераламъ. Увидѣвъ меня во фракѣ, онъ спросилъ, кто я таковъ. П. далъ мнѣ титулъ поэта. Паша сложилъ руки на грудь и поклонился мнѣ, сказавъ черезъ переводчика: «Благословенъ часъ, когда встрѣчаемъ поэта. Поэтъ — братъ дервишу. Онъ не имѣетъ ни отечества, ни благъ земныхъ и

lib.pushkinskijdom.ru

между тѣмъ, какъ мы, бѣдные, заботимся о славѣ, о сокровищахъ, онъ стоитъ на равнѣ съ властелинами земли и ему поклоняются.»

Восточное привѣтствіе паши всѣмъ намъ очень полюбилось. Я пошелъ взглянуть на сераскира. При входѣ въ его палатку встрѣтилъ я его любимаго пажа, черноглазаго мальчика лѣтъ четырнадцати, въ богатой арнаутской одеждѣ. Сераскиръ, сѣдой старикъ, наружности самой обыкновенной, сидѣлъ въ глубокомъ унынiи. Около него была толпа нашихъ офицеровъ. Выходя изъ его палатки, увидѣлъ я молодаго человѣка, полунагаго, въ бараньей шапкѣ, съ дубиной въ рукѣ и съ мѣхомъ (outre) за плечами. Онъ кричалъ во все горло. Мнѣ сказали, что это былъ братъ мой дервишъ, пришедшій привѣтствовать побѣдителей. Его на силу отогнали.

—

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Арзрумъ. Азіятская роскошь. Климатъ. Кладбища. Сатирическіе стихи Сераскирскій дворецъ. Харемъ турецкаго паши. Чума. Смерть Бурцова. Выѣздъ изъ Арзрума. Обратный путь. Русской журналъ.

Арзрумъ (неправильно называемый Арзерумъ, Эрзрумъ, Эрзронъ) основанъ около 415 года, во время Ѳеодосія втораго, и названъ Ѳеодосіополемъ. Никакого историческаго воспоминанiя не соединяется съ его именемъ. Я зналъ о немъ только то, что здѣсь, по свидѣтельству Гаджи-Бабы, * поднесены были персидскому послу, въ удовлетвореніе какой-то обиды, телячьи уши вмѣсто человѣческихъ.

Арзрумъ почитается главнымъ городомъ въ Азіятской Турціи, Въ немъ считалось до ста тысячъ жителей: но, кажется, число сіе слишкомъ увеличено. Дома въ немъ каменные, кровли покрыты дерномъ, что даетъ городу чрезвычайно странный видъ, если смотришь на него съ высоты,

Главная сухопутная торговля между Европою и Востокомъ производится чрезъ Арзрумъ. Но товаровъ въ немъ продается мало; ихъ здѣсь и не выкладываютъ, что замѣтилъ и Турнфоръ, ** пишущій, что въ Арзрумѣ больной можетъ умереть за невоз-

---

* Хаджи-Баба—главное дѣйствующее лицо романа Моріера того же имени.

** Извѣстный путешественникъ по Востоку.

lib.pushkinskijdom.ru

можностію достать ложку ревеня, между тѣмъ, какъ цѣлые мѣшки онаго находятся въ городѣ.

Не знаю выраженія, которое было бы безсмысленнѣе словъ: «азіатская роскошь». Эта поговорка, вѣроятно, родилась во время крестовыхъ походовъ, когда бѣдные рыцари, оставя голыя стѣны и дубовыя стулья своихъ замковъ, увидѣли въ первый разъ красные диваны, пестрые ковры и кинжалы съ цвѣтными камешками на рукояти. Нынѣ можно сказать: «азіатская бѣдность, азіатское свинство» и проч., но роскошь, конечно, принадлежность Европы. Въ Арзрумѣ ни за какія деньги нельзя купить того, что вы найдете въ мелочной лавкѣ перваго уѣзднаго городка Псковской губерніи.

Климатъ арзрумскій суровъ. Городъ выстроенъ въ лощинѣ, возвышающейся надъ моремъ на семь тысячъ футовъ. Горы, окружающія его, покрыты снѣгомъ большую часть года. Земля безлѣсна, но плодоносна. Она орошена множествомъ источниковъ и отвсюду пересѣчена водопроводами. Арзрумъ славится своею водою. Эвфратъ течетъ въ трехъ верстахъ отъ города; но фонтановъ вездѣ множество. У каждаго виситъ жестяной ковшикъ на цѣпи, и добрые мусульмане пьютъ и не нахвалятся. Лѣсъ доставляется изъ Саганъ-лу.

Въ арзрумскомъ арсеналѣ нашли множество стариннаго оружія, шлемовъ, латъ, сабель, ржавѣющихъ, вѣроятно, еще со временъ Годфреда.

Мечети низки и темны. За городомъ находится кладбище. Памятники состоятъ обыкновенно въ столбахъ, убранныхъ каменною чалмою. Гробницы двухъ или трехъ пашей отличаются большей затѣйливостью; но въ нихъ нѣтъ ничего изящнаго; никакого вкусу, никакой мысли.... Одинъ путешественникъ пишетъ, что изо всѣхъ азіатскихъ городовъ въ одномъ Арзрумѣ нашелъ онъ башенные часы, и тѣ были испорчены.

Нововведенія, затѣваемыя султаномъ, не проникли еще въ Арзрумъ. Войско носитъ еще свой живописный восточный нарядъ. Между Арзрумомъ и Константинополемъ существуетъ соперничество, какъ между Казанью и Москвою. Вотъ начало сатирической поэмы, сочиненной янычаромъ Аминомъ-Оглу.

Стамбулъ Гяуры нынче славятъ,
А завтра кованной пятой,
Какъ змія спящаго, раздавятъ,

lib.pushkinskijdom.ru

И прочь пойдутъ—и такъ оставятъ:
Стамбулъ заснулъ передъ бѣдой.
Стамбулъ отрекся отъ Пророка,
Въ немъ правду древняго Востока
Лукавый западъ омрачилъ.
Стамбулъ для сладостей порока,
Мольбѣ и саблѣ измѣнилъ.
Стамбулъ отвыкъ онъ поту битвы
И пьетъ вино въ часы молитвы.
Въ немъ вѣры чистой жаръ потухъ,
Въ немъ жены по кладбищамъ ходятъ,
На перекрестки шлютъ старухъ,
А тѣ мужчинъ въ харемы вводятъ,
И спитъ подкупленный евнухъ.
Но не таковъ Арзрумъ нагорный,
Многодорожный нашъ Арзрумъ,
Не спимъ мы въ роскоши позорной,
Не черплемъ чашей непокорной
Въ винѣ развратъ, огонь и шумъ.
Постимся мы: струею трезвой
Святыя воды насъ поятъ;
Толпой безтрепетной и рѣзвой
Джигиты наши въ бой летятъ;
Харемы наши недоступны,
Евнухи строги, неподкупны.
И смирно жены тамъ сидятъ.*

Я жилъ въ сераскировомъ дворцѣ, въ комнатахъ, гдѣ находился харемъ. Цѣлый день бродилъ я по безчисленнымъ переходамъ, изъ комнаты въ комнату, съ кровли на кровлю, съ лѣстницы на лѣстницу. Дворецъ казался разграбленнымъ. Сераскиръ, предполагая бѣжать, вывезъ изъ него что только могъ. Диваны были ободраны, ковры сняты. Когда гулялъ я по городу, турки подзывали меня и показывали мнѣ языкъ. (Они принимаютъ всякаго франка за лекаря). Это мнѣ надоѣло—я готовъ былъ отвѣчать имъ тѣмъ же. Вечера проводилъ я съ умнымъ и любезнымъ Сухоруковымъ; сходство нашихъ занятій сближало насъ. Онъ говорилъ мнѣ о своихъ литературныхъ предположеніяхъ, о своихъ историческихъ изысканіяхъ, нѣкогда начатыхъ имъ съ такою ревностію и удачей. Ограниченность его желаній и требованій поистинѣ трогательна. Жаль, если они не будутъ исполнены.

* Имя поэта янычара Амина-Оглу вымышлено Пушкинымъ. Въ первоначальной рукописи этого стихотворенія, написаннаго въ 1830 году, есть варіанты (см. т. II).

lib.pushkinskijdom.ru

Дворецъ Сераскира представлялъ картину вѣчно оживленную: тамъ, гдѣ угрюмый паша молчаливо курилъ посреди своихъ женъ и отроковъ, тамъ его побѣдитель получалъ донесенія о побѣдахъ своихъ генераловъ, раздавалъ пашалыки, разговаривалъ о новыхъ романахъ. Мушскій паша пріѣзжалъ къ графу Паскевичу просить у него мѣста для своего племянника. Ходя по дворцу, важный турокъ остановился въ одной изъ комнатъ, съ живостію проговорилъ нѣсколько словъ и впалъ потомъ въ задумчивость: въ этой самой комнатѣ обезглавленъ былъ его отецъ по повелѣнію Сераскира. Вотъ впечатлѣнія настоящія восточныя! Славный Бей-Булатъ, гроза Кавказа, пріѣзжалъ въ Арзрумъ съ двумя старшинами черкесскихъ селеній, возмутившихся во время послѣднихъ войнъ. Они обѣдали у графа Паскевича. Бей-Булатъ мужчина лѣтъ тридцати-пяти, малорослый и широкоплечій. Онъ по-русски не говоритъ, или притворяется, что не говоритъ. Пріѣздъ его въ Арзрумъ меня очень обрадовалъ: онъ былъ уже мнѣ порукой въ безопасномъ переѣздѣ черезъ горы и Кабарду.

Османъ-паша, взятый въ плѣнъ подъ Арзрумомъ и отправленный въ Тифлисъ вмѣстѣ съ Сераскиромъ, просилъ графа Паскевича за безопасность харема, имъ оставляемаго въ Арзрумѣ. Въ первые дни объ немъ было забыли. Однажды за обѣдомъ, разговаривая о тишинѣ мусульманскаго города занятаго десятью тысячами войска, и въ которомъ ни одинъ изъ жителей ни разу не пожаловался на насиліе солдата, графъ вспомнилъ о харемѣ Османа-паши и приказалъ г. А. съѣздить въ домъ паши и спросить у его женъ, довольны ли онѣ и не было ли имъ какой нибудь обиды. Я просилъ позволенія сопровождать г. А. Мы отправились. Г. А. взялъ съ собою въ переводчики русскаго офицера, коего исторія любопытна. Осьмнадцати лѣтъ попался онъ въ плѣнъ къ персіянамъ... онъ болѣе двадцати лѣтъ служилъ евнухомъ въ харемѣ одного изъ сыновей шаха. Онъ разсказывалъ о своемъ несчастіи въ пребываніе въ Персіи съ трогательнымъ простодушіемъ. Въ физіологическомъ отношеніи, показанія его были драгоцѣнны.

Мы пришли къ дому Османа-паши; насъ ввели въ открытую комнату, убранную очень порядочно, даже со вкусомъ; на цвѣтныхъ окнахъ начертаны были надписи, взятыя изъ корана. Одна изъ нихъ показалась мнѣ очень замысловата для мусульманскаго харема: тебѣ подобаетъ связывать и раз-

lib.pushkinskijdom.ru

вязывать. Намъ поднесли кофію въ чашечкахъ, оправленныхъ въ серебрѣ. Старикъ съ бѣлой почтенной бородою, отецъ Османа-паши, пришелъ отъ имени женъ благодарить графа Паскевича, но г. А. сказалъ на отрѣзъ, что онъ посланъ къ женамъ Османа-паши и хочетъ ихъ видѣть, дабы отъ нихъ самихъ удостовѣриться. Едва персидскій плѣнникъ успѣлъ все это перевести, какъ старикъ, въ знакъ негодованія, защелкалъ языкомъ и объявилъ, что никакъ не можетъ согласиться на наше требованіе, и что если паша, по своемъ возвращеніи, провѣдаетъ, что чужіе мужчины видѣли его женъ, то и ему старику и всѣмъ служителямъ харема велитъ отрубить голову. Прислужники, между коими не было ни одного евнуха, подтвердили слова старика; но г. А. былъ непоколебимъ. «Вы боитесь своего паши, сказалъ онъ имъ, а я своего сераскира, и не смѣю ослушаться его приказаній.» Дѣлать было нечего. Насъ повели черезъ садъ, гдѣ были два тощіе фонтана. Мы приближились къ маленькому каменному строенію. Старикъ сталъ между нами и дверью, осторожно ее отперъ, не выпуская изъ рукъ задвижки; мы увидѣли женщину, съ ногъ до желтыхъ туфель покрытую бѣлой чадрою. Нашъ переводчикъ повторилъ ей вопросъ: мы услышали шамканіе семидесятилѣтней старухи; г. А. прервалъ ее: «это мать паши, сказалъ онъ, а я присланъ къ женамъ, приведите одну изъ нихъ.» Всѣ изумились догадкѣ гяуровъ: старуха ушла и черезъ минуту возвратилась съ женщиной, покрытой также какъ и она — изъ подъ покрывала раздался молодой пріятный голосокъ. Она благодарила графа за его вниманіе къ бѣднымъ вдовамъ и хвалила обхожденіе русскихъ. Г. А. имѣлъ искусство вступить съ нею въ дальнѣйшій разговоръ; я между тѣмъ, глядя около себя, увидѣлъ вдругъ надъ самой дверью круглое окошко, и въ этомъ кругломъ окошкѣ пять или шесть круглыхъ головокъ съ черными любопытными глазами. Я хотѣлъ было сообщить о своемъ открытіи г. А., но головки закивали, замигали, и нѣсколько пальчиковъ стали мнѣ грозить, давая знать, чтобъ я молчалъ. Я повиновался и не подѣлился моею находкою. Всѣ онѣ были пріятны лицомъ, но не было ни одной красавицы; та, которая разговаривала у дверей съ г. А., была, вѣроятно, повелительницею харема, сокровищницею сердецъ, розою любви—по крайней мѣрѣ, я такъ воображалъ.

Наконецъ г. А. прекратилъ свои разспросы. Дверь затво-

lib.pushkinskijdom.ru

рилась. Лица въ окошкѣ исчезли. Мы осмотрѣли садъ и домъ и возвратились очень довольные своимъ посольствомъ.

Такимъ образомъ видѣлъ я харемъ: это удалось рѣдкому европейцу. Вотъ вамъ основаніе для восточнаго романа.

Война, казалось, кончена. Я собирался въ обратный путь. 14 іюля пошелъ я въ народную баню, и не радъ былъ жизни. Я проклиналъ нечистоту простынь, дурную прислугу и проч. Какъ можно сравнить бани арзрумскія съ тифлисскими.

Возвращаясь во дворецъ, узналъ я отъ К., стоявшаго въ караулѣ, что въ Арзрумѣ открылась чума. Мнѣ тотчасъ представились ужасы карантина, и я въ тотъ же день рѣшился оставить армію. Мысль о присутствіи чумы очень непріятна съ непривычки. Желая изгладить это впечатлѣніе, я пошелъ гулять по базару. Остановясь передъ лавкою оружейнаго мастера, я сталъ разсматривать какой-то кинжалъ, какъ вдругъ ударили меня по плечу. Я оглянулся: за мною стоялъ ужасный нищій. Онъ былъ блѣденъ какъ смерть; изъ красныхъ, загноенныхъ глазъ его текли слезы. Мысль о чумѣ опять мелькнула въ моемъ воображеніи. Я оттолкнулъ нищаго съ чувствомъ отвращенія неизъяснимаго, и воротился домой, очень недовольный своею прогулкою.

Любопытство однако жъ превозмогло; на другой день я отправился съ лекаремъ въ лагерь, гдѣ находились зачумленные. Я не сошелъ съ лошади и взялъ предосторожность стать по вѣтру. Изъ палатки вывели намъ больнаго; онъ былъ чрезвычайно блѣденъ и шатался какъ пьяный. Другой больной лежалъ безъ памяти. Осмотрѣвъ чумнаго и обѣщавъ несчастному скорое выздоровленіе, я обратилъ вниманіе на двухъ турковъ, которые выводили его подъ руки, раздѣвали, щупали, какъ будто чума была не что иное какъ насморкъ. Признаюсь, я устыдился моей европейской робости въ присутствіи такого равнодушія и поскорѣе возвратился въ городъ.

19 іюля, пришедъ проститься съ графомъ Паскевичемъ, я нашелъ его въ сильномъ огорченіи. Получено было извѣстіе, что генералъ Бурцовъ былъ убитъ подъ Байбуртомъ. Жаль было храбраго Бурцова, но это происшествіе могло быть печально и для всего нашего малочисленнаго войска, зашедшаго глубоко въ чужую землю и окруженнаго непріязненными народами, готовыми возстать при слухѣ о первой неудачѣ. Итакъ война возобновилась! Графъ предлагалъ мнѣ быть свидѣтелемъ

lib.pushkinskijdom.ru

дальнѣйшихъ предпріятій; но я спѣшилъ въ Россію.... Графъ подарилъ мнѣ на память турецкую саблю. Она хранится у меня памятникомъ моего странствованія вослѣдъ блестящаго героя по завоеваннымъ пустынямъ Арменіи. Въ тотъ же день я оставилъ Арзрумъ.

Я ѣхалъ обратно въ Тифлисъ, по дорогѣ уже мнѣ знакомой. Мѣста, еще недавно оживленныя присутствіемъ пятнадцати тысячъ войска, были молчаливы и печальны. Я переѣхалъ Саганъ-лу и едва могъ узнать мѣсто, гдѣ стоялъ нашъ лагерь. Въ Гумрахъ выдержалъ я трехдневный карантинъ. Опять увидѣлъ я Безобдалъ и оставилъ возвышенныя равнины холодной Арменіи для знойной Грузіи. Въ Тифлисъ я прибылъ 1-го августа. Здѣсь остался я нѣсколько дней въ любезномъ и веселомъ обществѣ. Нѣсколько вечеровъ провелъ я въ садахъ при звукѣ музыки и пѣсенъ грузинскихъ. Я отправился далѣе. Переѣздъ мой черезъ горы замѣчателенъ былъ для меня тѣмъ, что близъ Коби ночью застала меня буря. Утромъ, проѣзжая мимо Казбека, увидѣлъ я чудное зрѣлище: бѣлыя, оборванныя тучи перетягивались черезъ вершину горы, и уединенный монастырь, озаренный лучами солнца, казалось, плавалъ въ воздухѣ, несомый облаками. Бѣшеная Балка также явилась мнѣ во всемъ своемъ величіи: оврагъ, наполнившійся дождевыми водами, превосходилъ въ своей свирѣпости самый Терекъ, тутъ же грозно ревѣвшій. Берега были растерзаны; огромные камни сдвинуты съ мѣста и загромождали потокъ. Множество осетинцевъ разработывали дорогу. Я переправился благополучно. Наконецъ я выѣхалъ изъ тѣснаго ущелія на раздолье широкихъ равнинъ Большой Кабарды. Во Владикавказѣ нашелъ я Д. и П. Оба ѣхали на воды лечиться отъ ранъ, полученныхъ ими въ нынѣшніе походы. У П. на столѣ нашелъ я русскіе журналы. Первая статья, мнѣ попавшаяся, была разборъ одного изъ моихъ сочиненій. Въ ней всячески бранили меня и мои стихи. Я сталъ читать ее въ слухъ. П. остановилъ меня, требуя, чтобъ я читалъ съ большимъ мимическимъ искусствомъ. Надобно знать, что разборъ былъ украшенъ обыкновенными затѣями нашей критики: это былъ разговоръ между дьячкомъ, просвирней и корректоромъ типографіи, Здравомысломъ, этой маленькой комедіи. Требованіе П—на показалось мнѣ такъ забавно, что досада, произведенная на

lib.pushkinskijdom.ru

меня чтеніемъ журнальной статьи, совершенно исчезла, и мы расхохотались отъ чистаго сердца.

Таково было мнѣ первое привѣтствіе въ любезномъ отечествѣ. *

АНЕКДОТЫ.

(TABLE TALK).

1834—1836.

I.

Славный анекдотъ объ указѣ, разорванномъ княземъ Яковомъ Долгорукимъ, разсказанъ у Голикова ошибочно и не вполнѣ. Долгорукій послѣ дерзкаго своего поступка уѣхалъ домой изъ сената. Государь, узнавъ обо всемъ, очень прогнѣвался и пріѣхалъ къ нему. Князь Яковъ сталъ передъ нимъ на колѣна и просилъ помилованія. Государь, побранивъ его, сталъ съ нимъ разсуждать о сущности разорваннаго указа. Долгорукій изложилъ ему свое мнѣніе. «Развѣ не могъ ты то же самое сказать, замѣтилъ ему Петръ, не раздирая моего указа?» Правда твоя, государь, отвѣчалъ Долгорукій; но я зналъ, что если я его раздеру, то уже впредь таковыхъ подписывать не станешь, жалѣя мою старость и усердіе.—Государь съ нимъ помирился, но пріѣхавъ къ себѣ, приказалъ царицѣ, которая къ князьямъ Долгорукимъ была особенно милостива, призвать князя Якова и присовѣтовать ему на другой день при всемъ сенатѣ просить прощенія у государя. Князь Яковъ начисто отказался. На другой день онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, встрѣтилъ въ сенатѣ государя и болѣе, нежели когда нибудь,

---

* Въ Историческомъ Вѣстникѣ 1885 г., № 11, г. Мартьяновъ напечаталъ будто бы неизданный открывокъ изъ «Путешествія», относящійся до встрѣчи Пушкина съ Бестужевымъ. Копія была будто бы снята А. Д. Комовскимъ съ подлинника, въ 1835 г., возвращеннаго отъ Бенкендорфа, но этого отрывка не находится въ возвращенныхъ Бенкендорфомъ подлинникахъ «Путешествія», хранящихся нынѣ у П. Я. Дашкова, и нѣтъ въ рукописяхъ Московскаго Музея, гдѣ сохранился весь подлинный черновой оригиналъ. Слогъ отрывка до того напыщенъ, разсказъ такъ полонъ риторики, что нисколько не напоминаетъ Пушкина, почему мы и не рѣшились на перепечатку.

lib.pushkinskijdom.ru

его оспаривалъ. Петръ, видя, что съ нимъ дѣлать нечего, оставилъ это дѣло, и болѣе о томъ уже не упоминалъ. (Слыш. отъ кн. А. Н. Г.).

II.

Кречетниковъ, по возвращеніи своемъ изъ Польши, позванъ былъ въ кабинетъ императрицы. «Исполнилъ ли ты мои приказанія?» спросила императрица. Нѣтъ, государыня, отвѣчалъ Кречетниковъ. Государыня вспыхнула. «Какъ нѣтъ?» Кречетниковъ сталъ излагать причины, не дозволившія ему исполнить высочайшія повелѣнія. Императрица его не слушала; въ порывѣ величайшаго гнѣва, она осыпала его укоризнами и угрозами. Кречетниковъ ожидалъ своей погибели. Наконецъ императрица умолкла и стала ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Кречетниковъ стоялъ ни живъ, ни мертвъ. Чрезъ нѣсколько минутъ, государыня снова обратилась къ нему и сказала уже гораздо тише: «Скажите же мнѣ, какія причины помѣшали вамъ исполнить мою волю?» Кречетниковъ повторилъ свои прежнія оправданія. Екатерина, чувствуя его справедливость, но не желая признаться въ своей вспыльчивости, сказала ему съ видомъ совершенно успокоеннымъ: «Это дѣло другое. Зачѣмъ же ты мнѣ тотчасъ этого не сказалъ?» (Слыш. отъ гр. Вельг.).

III.

Нѣкто кн. Х., возвратясь изъ Парижа въ Москву, отличался невоздержностію языка и при всякомъ случаѣ язвительно поносилъ Екатерину. Императрица велѣла сказать ему черезъ фельдмаршала графа Салтыкова, что за таковыя дерзости въ Парижѣ сажаютъ въ Бастилію, а у насъ недавно рѣзали языки; что не будучи отъ природы жестока, она для такого бездѣльника, каковъ Х., нравъ свой перемѣнять не намѣрена; однако, совѣтуетъ ему впредь быть осторожнѣе.

IV.

Когда графъ д'Артуа пріѣзжалъ въ Петербургъ, то государыня приняла его самымъ ласковымъ и блистательнымъ образомъ. Онъ ей однако надоѣлъ, и она велѣла сказать дамамъ своимъ, чтобъ онѣ постарались его занять. Однажды посадила она графа д'Артуа въ свою карету. Графъ Д. Ав...., капитанъ гвардіи принца, имѣя право повсюду слѣдовать за нимъ, хо-

lib.pushkinskijdom.ru

тѣлъ было сѣсть также въ карету, но государыня остановила его сказавъ: Cette fois-ci c'est moi qui me charge d'être le capitaine de gardes de Mr. le c. d'Artois. (Слыш. отъ кн. К. Ѳ. Долг.).

V.

Французскіе принцы имѣли большой успѣхъ при всѣхъ дворахъ, куда они являлись. Были однако жъ съ ихъ стороны нѣкоторые промахи. Они сыпали деньги и дорогіе подарки. Въ Берлинѣ старый князь Витгенштейнъ сказалъ Брессону, который хвастался ихъ расточительностію: «mais, mon cher Mr. Bresson, ce n'est pas convenable du tout; vos princes sont de la maison de Bourbon et non pas de la maison Rotschild.» (Слыш. отъ гр. Вельг.—Іюнь 1836).

VI.

Потемкину доложили однажды, что нѣкто графъ Морелли, житель Флоренціи, превосходно играетъ на скрипкѣ. Потемкину захотѣлось его послушать; онъ приказалъ его выписать. Одинъ изъ адъютантовъ отправился курьеромъ въ Италію, явился къ графу Морелли, объявилъ ему приказъ свѣтлѣйшаго и предложилъ тотъ же часъ садиться въ его тележку и скакать въ Россію. Благородный виртуозъ взбѣсился и послалъ къ чорту и Петербургъ и курьера съ его тележкою. Дѣлать было нечего Но какъ явиться къ князю, не исполнивъ его приказанія? Догадливый адъютантъ отыскалъ какого-то скрипача, бѣдняка не безъ таланта, и легко уговорилъ его назваться графомъ Морелли и ѣхать въ Россію. Его привезли и представили Потемкину, который остался доволенъ его игрою.

VII.

Одинъ изъ адъютантовъ Потемкина, жившій въ Москвѣ и считавшійся въ отпуску (Спечинскій), получилъ приказъ немедленно явиться къ своей должности. Родственники засуетились; не знаютъ, чему приписать требованіе свѣтлѣйшаго. Одни боятся внезапной немилости, другіе видятъ неожиданное счастіе. Молодаго человѣка снаряжаютъ наскоро въ путь. Онъ отправляется изъ Москвы, скачетъ день и ночь и пріѣзжаетъ въ лагерь свѣтлѣйшаго. Объ немъ тотчасъ докладываютъ. Потемкинъ приказываетъ ему явиться. Адъютантъ съ трепетомъ входитъ въ его палатку и находитъ Потемкина въ постели, со святцами въ рукахъ. Вотъ ихъ разговоръ: Потемкинъ. Ты,

lib.pushkinskijdom.ru

братецъ, мой адъютантъ такой-то?—Адъютантъ. Точно такъ, ваша свѣтлость.—Потемкинъ. Правда ли, что ты святцы знаешь наизустъ?—Адъютантъ. Точно такъ.—Потемкинъ (смотря въ святцы). Какого же святаго празднуютъ 18 мая?—Адъютантъ. Мученика Ѳеодота, ваша свѣтлость.—Потемкинъ. Такъ. А 29 сентября?—Адъютантъ. Преподобнаго Куріака.—Потемкинъ. Точно. А 5 февраля?—Адъютантъ. Мученицы Агаѳьи.—Потемкинъ (закрывая святцы). Ну, поѣзжай же себѣ домой.

VIII.

N. N., вышедшій изъ пѣвчихъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, былъ недоволенъ обхожденіемъ князя Потемкина. «Развѣ не знаетъ князь, говорилъ онъ на своемъ нарѣчіи,* что я такой же генералъ?» Это пересказали Потемкину, который сказалъ ему при первой встрѣчѣ: «что ты врешь? какой ты генералъ? ты генералъ-басъ!»

IX.

РАЗГОВОРЫ Н. К. ЗАГРЯЖСКОЙ.

1) 12 августа 1835 г.—Вы слыхали про Ветошкина? Это удивительно, что никто его не знаетъ. Надобно вамъ сказать, что Торжокъ былъ въ то время деревушка. Государыня сдѣлала изъ него порядочный городокъ. Жители торговали (не знаю, какъ, это сказать: ils faisaient le commerce des grains) крупами, что ли? и привозили на баркахъ, не помню куда. Вотъ этотъ Ветошкинъ былъ прикащикомъ на этихъ баркахъ. Онъ былъ раскольникъ. Однажды онъ является къ митрополиту и проситъ объяснить ему догматы православія. Митрополитъ отвѣчалъ ему, что для того нужно быть ученымъ, знать по-гречески, по-еврейски и Богъ вѣдаетъ, что еще. Ветошкинъ уходитъ отъ него и черезъ два года является опять. Вообразите, что въ это время успѣлъ онъ выучиться всему этому. Онъ отрекся отъ своего раскола и принялъ истинную вѣру. Въ городѣ только что про него и говорили. Я жила тогда на Мойкѣ, дверь объ дверь съ графомъ А. С. Строгоновымъ. Ромъ жилъ у нихъ въ учителяхъ, тотъ самый, что подписалъ потомъ опредѣленіе. Онъ очень былъ умный человѣкъ, c'était une forte tête,

* «Хиба вінъ не тямитъ того, що я такій едноралъ, якъ винъ самъ». А. П.

lib.pushkinskijdom.ru

un grand raisonneur, il vous eut rendu claire l'Apocalypse. Онъ у меня былъ каждый день съ своимъ питомцемъ Я ему разсказываю про Ветошкина. «Madame, c'est impossible.» — Mon cher Mr. Rome, je vous répète ce que tout le monde me dit. Au reste si vous êtes curieux de voir Ветошкинъ chez le prince Potemkine, il y vient tous les jours.—«Madame, je n'y manquerai pas.» Ромъ отправился къ Потемкину и увидѣлся съ Ветошкинымъ. Онъ приходитъ ко мнѣ. Hé bien, M-r?—«Madame, je n'en reviens pas: c'est que véritablement c'est un savant.» Мнѣ очень хотѣлось встрѣтить Ветошкина. И. И. Шуваловъ доставилъ мнѣ случай увидѣть его въ своемъ домѣ. Я застала тамъ двухъ молодыхъ раскольниковъ, съ которыми Ветошкинъ имѣлъ une controverse (преніе). Ветошкинъ былъ щедушный мужчина лѣтъ 35. Преніе ихъ очень меня занимало. Послѣ того за ужиномъ я сидѣла противъ Ветошкина. Я спросила его, какимъ образомъ добился онъ учености. «Сначала было трудно, отвѣчалъ онъ, а потомъ все легче и легче. Книги доставляли мнѣ добрые люди, графъ Иванъ Ивановичъ да князь Григорій Александровичъ.» — Вамъ, думаю, скучно въ Торжкѣ.—«Нѣтъ, сударыня, я живу съ моими родителями и цѣлый день занятъ книгами.» Потемкинъ, страстный ко всему необыкновенному, наконецъ такъ полюбилъ Ветошкина, что не могъ съ нимъ разстаться. Онъ взялъ его съ собою въ Молдавію, гдѣ Ветошкинъ занемогъ тамошней лихорадкою и умеръ почти въ одно время съ княземъ. Очень странный человѣкъ этотъ Ветошкинъ.

—

2) 12 августа.—Это было передъ самымъ Петровымъ днемъ. Мы ѣхали въ Знаменское: матушка, сестра Елизавета Кириловна, я—въ одной каретѣ; батюшка (гр. Разумовскій) съ Василіемъ Ивановичемъ (Чулковымъ)—въ другой. На дорогѣ останавливаетъ насъ курьеръ изъ Кабинета, подходитъ къ каретамъ и объявляетъ, что государь (Петръ III) приказалъ звать насъ въ Петергофъ. Батюшка велѣлъ было ѣхать, а Василій Ивановичъ сказалъ ему: «полно, не слушайся; знаю, что такое. Государь сказалъ, что онъ когда нибудь пошлетъ за дамами, чтобъ онѣ явились во дворецъ, какъ ихъ застанутъ, хоть въ однѣхъ рубашкахъ. И охота ему проказить наканунѣ праздника.» Но курьеръ попросилъ батюшку выдти на минуту. Они поговорили — и батюшка велѣлъ тотчасъ ѣхать въ Петергофъ. Подъѣзжаемъ ко дворцу; насъ не пускаютъ; ча-

lib.pushkinskijdom.ru

совой сунулъ намъ въ окошко пистолетъ или что-то эдакое. Я испугалась и начала плакать и кричать. Отецъ мнѣ сказалъ: «полно, перестань; что за глупость,» и потомъ, оборотясь къ часовому: «мы пріѣхали по приказанію государя.»—«Извольте же идти въ караульню.» Батюшка пошелъ, а насъ отправили къ***, который жилъ въ домикахъ. Насъ приняли. Часа черезъ два приходятъ отъ батюшки просить насъ на Monplaisir; всѣ поѣхали; матушка въ спальномъ платьѣ, какъ была. Пріѣзжаемъ въ Monplaisir; видимъ множество дамъ, разряженныхъ en robe de cour, а государь съ шляпою на бекрень и ужасно сердитый. Увидя государя, я испугалась, сѣла на полъ и закричала: «ни за что не пойду на галеру». Насилу меня уговорили. Минихъ былъ съ нами. Мы пріѣхали въ Кронштадтъ. Государь первый вышелъ на берегъ; всѣ дамы за нимъ; матушка осталась съ нами на галерѣ (мы не принадлежали той партіи). Графиня Анна Карловна Воронцова обѣщала прислать за нами шлюбку. Вмѣсто шлюбки черезъ нѣсколько минутъ видимъ государя и всю его компанію. Бѣгутъ назадъ всѣ опять на галеру. Кричатъ, что сейчасъ станутъ насъ бомбардировать. Государь ушелъ à fond de cale съ графиней Лизаветой Романовной; а Минихъ, какъ ни въ чемъ не бывало, разговариваетъ съ дамами, leur faisant la cour. Мы пріѣхали въ Ораніенбаумъ. Государь пошелъ въ крѣпость, а мы во дворецъ.—На другой день зовутъ насъ къ обѣднѣ. Мы знали уже все. Государь былъ очень жалокъ. На эктиньѣ его еще поминали. Мы съ нимъ простились. Онъ далъ матушкѣ траурную свою карету съ короною. Мы поѣхали въ ней. Въ Петербургѣ народъ принялъ насъ за императрицу и кричалъ намъ ура. На другой день государыня привезла матушкѣ ленту.

—

3) 12 августа.—Потемкинъ очень меня любилъ; не знаю, что бы онъ для меня не сдѣлалъ. У Машеньки была une maitresse de clavecin. Разъ она мнѣ говоритъ: «Madame, je ne puis rester à Pétersbourg». Pourquoi ça? — «Pendant l'hiver je puis donner des leçons, mais en été tout le monde est à la campagne et je ne suis pas en état de payer un équipage, ou bien de rester oisive.»—Mademoiselle, vous ne partirez pas; il faut arranger cela de manière ou d'autre. Пріѣзжаетъ ко мнѣ Потемкинъ. Я говорю ему: «какъ ты хочешь, Потемкинъ, а мамзель мою пристрой куда нибудь.»—Ахъ, моя голубушка, сердечно радъ; да что

lib.pushkinskijdom.ru

для нея сдѣлать, право не знаю. — Что же? черезъ нѣсколько дней приписали мою мамзель къ какому-то полку и дали ей жалованье. Нынче этого сдѣлать уже нельзя.

—

4) Orloff était mal élevé et avait un très mauvais ton. Однажды у государыни сказалъ онъ при насъ: по одежкѣ держи ножки. Je trouvai cette expressiou bien triviale et bien inconvenante: c'était un homme d'esprit et depuis je crois qu'il s'est formé. Il avait l'air de brigand avec sa balafre.

—

5) Потемкинъ, сидя у меня, сказалъ мнѣ однажды: «Наталья Кириловна, хочешь ты зе́мли?»—Какія земли?—«У меня тамъ есть въ Крыму».—Зачѣмъ мнѣ брать у тебя земли, къ какой стати! — «Разумѣется, государыня подаритъ, а я только ей скажу.»—Сдѣлай одолженіе.—Я говорила объ этомъ съ Тепловымъ, который мнѣ сказалъ: «спросите у князя планы, а я вамъ выберу земли.» Такъ и сдѣлалось. Проходитъ годъ, мнѣ приносятъ 80 рублей. «Откуда, батюшки?»—Съ вашихъ новыхъ земель; тамъ ходятъ стада, и за это вотъ вамъ деньги.—«Спасибо, батюшки.» Проходитъ еще годъ, другой, Тепловъ говоритъ мнѣ: «Что же вы не думаете о заселеніи вашихъ земель? Десять лѣтъ пройдетъ, такъ худо будетъ: вы заплатите большой штрафъ.»—Да что же мнѣ дѣлать? — «Напишите вашему батюшкѣ письмо: онъ не откажетъ вамъ дать крестьянъ на заселеніе.» Я такъ и сдѣлала: батюшка пожаловалъ мнѣ 300 душъ; я ихъ поселила; на другой годъ они всѣ разбѣжались, не знаю отчего. Въ то время сватался К. за Машу. Я ему и сказала: «возьми, пожалуйста, мои крымскія земли, мнѣ съ ними только что хлопоты». Что же? Эти земли давали послѣ К. 50,000 рублей доходу. Я очень была рада.

—

6) Я была очень смѣшлива. Государь, который, часто ѣзжалъ къ матушкѣ, бывало нарочно смѣшилъ меня разными гримасами. Онъ не похожъ былъ на государя.

—

7) Государь однажды объявилъ, что будетъ въ нашемъ домѣ церемонія въ сѣняхъ. У него былъ арапъ Нарцисъ. Этотъ арапъ Нарцисъ подрался на улицѣ съ пал..емъ, и государь хотѣлъ снять съ него безчестье (il voulait le réhabiliter). Привели арапа къ намъ въ сѣни, принесли знамена и прикрыли его ими. Тѣмъ и дѣло кончилось.

lib.pushkinskijdom.ru

8) Потемкинъ пріѣхалъ со мною проститься. Я сказала ему: «Ты не повѣришь, какъ я о тебѣ грущу.» — А что такое? — «Не знаю, куда мнѣ будетъ тебя дѣвать.» — Какъ такъ? — «Ты моложе государыни; ты ее переживешь; что тогда изъ тебя будетъ? Я знаю тебя какъ свои руки: ты никогда не согласишься быть вторымъ человѣкомъ.» Потемкинъ задумался и сказалъ: «не безпокойся, я умру прежде государыни; я умру скоро.» И предчувствіе его сбылось. Ужъ я больше его не видала.

—

9) Orloff était... dans l'ame; c'était comme une mauvaise habitude. Я встрѣтилась съ нимъ въ Дрезденѣ въ загородномъ саду. Онъ сѣлъ подлѣ меня на лавочкѣ. Мы разговорились о комъ-то. «Что за уродъ! какъ это его терпятъ?» — Ахъ, батюшка, да что же ты прикажешь дѣлать. Вѣдь не задушить же его? «А почему же и нѣтъ, матушка?» — Какъ! и ты согласился бы, чтобы дочь твоя Анна Алексѣевна вмѣшалась въ это дѣло? «Не только согласился бы, а былъ бы очень тому радъ.» Вотъ каковъ былъ человѣкъ!

X.

Когда Пугачевъ сидѣлъ на Мѣновомъ дворѣ, праздные Москвичи, между обѣдомъ и вечеромъ, заѣзжали на него поглядѣть, подхватить какое нибудь отъ него слово, которое спѣшили потомъ развозить по городу. Однажды сидѣлъ онъ задумавшись. Посѣтители молча окружали его, ожидая, чтобъ онъ заговорилъ. Пугачевъ сказалъ: «извѣстно по преданіямъ, что Петръ I, во время персидскаго похода, услыша, что могила Стеньки Разина находилась невдалекѣ, нарочно къ ней поѣхалъ и велѣлъ разметать курганъ, дабы увидѣть его кости...» Всѣмъ извѣстно, что Разинъ былъ четвертованъ и сожженъ въ Москвѣ. Тѣмъ не менѣе сказка замѣчательна, особенно въ устахъ Пугачева. Въ другой разъ нѣкто ***, симбирскій дворянинъ, бѣжавшій отъ него, пріѣхалъ на него посмотрѣть и, видя его крѣпко привинченнаго къ цѣпи, сталъ осыпать его укоризнами. *** былъ очень дуренъ лицомъ, къ тому же и безъ носу. Пугачевъ, на него посмотрѣвъ, сказалъ: «правда, много перевѣшалъ я вашей братіи, но такой гнусной образины, признаюсь, не видывалъ.»

XI.

Денисъ Давыдовъ явился однажды въ авангардъ къ князю

lib.pushkinskijdom.ru

Багратіону и сказалъ: «главнокомандующій приказалъ доложить вашему сіятельству, что непріятель у насъ на носу, и проситъ васъ немедленно отступить.» Багратіонъ* отвѣчалъ: непріятель у насъ на носу? на чьемъ? если на твоемъ, такъ онъ близко; а коли на моемъ, такъ мы успѣемъ еще отобѣдать.

XII.

Генералъ Раевскій былъ насмѣшливъ и жолченъ. Во время турецкой войны, обѣдая у главнокомандующаго гр. Каменскаго, онъ замѣтилъ, что кандитеръ вздумалъ выставить вензель на крыльяхъ мельницы изъ сахара, и сказалъ какую-то колкую шутку. Въ тотъ же день Раевскій былъ высланъ изъ главной квартиры. Онъ сказывалъ мнѣ, что Каменскій былъ трусъ и не могъ хладнокровно слышать ядра; однако, подъ какою-то крѣпостію онъ видѣлъ Каменскаго вдавшагося въ опасность. Одинъ изъ нашихъ генераловъ, не пользующійся блистательною славой, въ 1812 году взялъ нѣсколько пушекъ, брошенныхъ непріятелемъ, и выпросилъ себѣ за то награжденіе. Встрѣтясь съ ген. Раевскимъ и боясь его шутокъ, чтобы ихъ предупредить, онъ бросился было его обнимать; Раевскій отступилъ и сказалъ ему съ улыбкою: «кажется, ваше превосходительство принимаете меня за пушку безъ прикрытія.

XIII.

Раевскій говорилъ объ одномъ майорѣ, жившемъ у него въ управителяхъ, что онъ былъ заслуженный офицеръ, отставленный за отличія съ мундиромъ безъ штановъ.

XIV.

Херасковъ очень уважалъ Кострова и предпочиталъ его талантъ своему собственному. Это приноситъ большую честь и его сердцу и его вкусу. Костровъ нѣсколько времени жилъ у Хераскова, который не давалъ ему напиваться. Это наскучило Кострову. Онъ однажды пропалъ. Его бросились искать повсей Москвѣ и не нашли. Вдругъ Херасковъ получаетъ отъ него письмо изъ Казани. Костровъ благодарилъ его за всѣ его милости, «но, писалъ поэтъ, воля для меня всего дороже.»

---

* Можетъ быть не всѣмъ извѣстно, что у князя Багратіона былъ очень большой носъ. А. П. (Сравн. выше, стр. 2).

lib.pushkinskijdom.ru

Костровъ былъ отъ императрицы Екатерины наименованъ университетскимъ стихотворцемъ и въ семъ званіи получалъ 1,500 рублей жалованья.

Когда наступали торжественные дни, Кострова искали по всему городу для сочиненія стиховъ и находили обыкновенно въ кабакѣ или у дьячка, великаго пьяницы, съ которымъ былъ онъ въ тѣсной дружбѣ.

Однажды въ университетѣ сдѣлался шумъ. Студенты, недовольные своимъ столомъ, разбили нѣсколько тарелокъ и швырнули въ эконома нѣсколькими пирогами. Начальники, разбирая это дѣло, въ числѣ бунтовщиковъ нашли баккалавра Ермила Кострова. Всѣ очень изумились. Костровъ былъ нрава самаго кроткаго, да ужъ и не въ такихъ лѣтахъ, чтобъ бить тарелки и швырять пирогами. Его позвали въ конференцію. «Помилуй, Ермилъ Ивановичъ, сказалъ ему ректоръ, ты-то какъ сюда попался?»—«Изъ состраданія къ человѣчеству,» отвѣчалъ добрый Костровъ.

XV.

Никто такъ не умѣлъ сердить Сумарокова, какъ Барковъ. Сумароковъ очень уважалъ Баркова, какъ ученаго и острагс критика, и всегда требовалъ его мнѣнія касательно своихъ сочиненій. Барковъ, который обыкновенно его не баловалъ, придя однажды къ Сумарокову, сказалъ ему: «Сумароковъ великій человѣкъ! Сумароковъ первый русскій стихотворецъ!» Обрадованный Сумароковъ велѣлъ тотчасъ подать ему водки, а Баркову только того и хотѣлось. Онъ напился. Выходя, сказалъ онъ ему: «нѣтъ, Александръ Петровичъ, я тебѣ солгалъ: первый-то русскій стихотворецъ—я, второй Ломоносовъ, а ты только что третій.» Сумароковъ чуть его не зарѣзалъ.

XVI.

Д*** однажды вызвалъ на дуэль Б***. Б*** отказался, сказавъ: «скажите Д***, что я на своемъ вѣку видѣлъ болѣе крови, нежели онъ чернилъ.«

XVII.

Сатирикъ Милоновъ пришелъ однажды къ Гнѣдичу пьяный. По своему обыкновенію, оборванный и растрепанный. Гнѣдичъ принялся увѣщевать его. Растроганный Милоновъ заплакалъ и, указывая на небо, сказалъ: «тамъ найду я награду за всѣ мои страданія...»—Братецъ, возвразилъ ему Гнѣдичъ, посмотри на себя въ зеркало: пустятъ ли тебя туда?

lib.pushkinskijdom.ru

XVIII.

У Крылова надъ диваномъ (гдѣ онъ обыкновенно сиживалъ), сорвавшись съ одного гвоздика, висѣла наискось по стѣнѣ большая картина въ тяжелой рамѣ. Кто-то ему далъ замѣтить, что и остальной гвоздь, на которомъ она еще держалась, не проченъ, и что картина когда нибудь можетъ упасть и убить его. «Нѣтъ, отвѣчалъ Крыловъ, уголъ рамы долженъ будетъ въ такомъ случаѣ непремѣнно описать косвенную линію и миновать мою голову.»

XIX.

На Потемкина часто находила хандра. Онъ по цѣлымъ суткамъ сидѣлъ одинъ, никого къ себѣ не пуская, въ совершенномъ бездѣйствіи. Однажды, когда былъ онъ въ такомъ состояніи, множество накопилось бумагъ, требовавшихъ немедленнаго его разрѣшенія; но никто не смѣлъ къ нему войти съ докладомъ. Молодой чиновникъ, по имени Пѣтушковъ, подслушавъ толки, вызвался представить нужныя бумаги князю для подписи. Ему поручили ихъ съ охотою, и съ нетерпѣніемъ ожидали, что изъ этого будетъ. Потемкинъ сидѣлъ въ халатѣ, босой, нечесанный, грызя ногти въ задумчивости. Пѣтушковъ смѣло объяснилъ ему въ чемъ дѣло и положилъ предъ нимъ бумаги. Потемкинъ, молча, взялъ перо и подписалъ ихъ одну за другою. Пѣтушковъ поклонился и вышелъ въ переднюю съ торжествующимъ лицомъ. «Подписалъ!...» Всѣ къ нему кинулись, глядятъ: всѣ бумаги въ самомъ дѣлѣ подписаны. Пѣтушкова поздравляютъ. «Молодецъ! нечего сказать.» Но кто-то всматривается въ подпись—что же? На всѣхъ бумагахъ вмѣсто: князь Потемкинъ—подписано Пѣтушковъ, Пѣтушковъ, Пѣтушковъ....

XX.

Надменный въ сношеніяхъ своихъ съ вельможами, Потемкинъ былъ снисходителенъ къ низшимъ. Однажды ночью онъ проснулся и началъ звонить. Никто не шелъ. Потемкинъ соскочилъ съ постели, отворилъ дверь и увидѣлъ ординарца своего, спящаго въ креслахъ. Потемкинъ сбросилъ съ себя туфли и босой прошелъ въ переднюю тихонько, чтобъ не разбудить молодаго офицера.

XXI.

Молодой Ш. какъ-то напроказилъ. Князь Безбородко соби-

lib.pushkinskijdom.ru

рался пожаловаться на него самой государынѣ. Родня перепугалась. Кинулись къ князю Потемкину, прося его заступиться за молодаго человѣка. Потемкинъ велѣлъ Ш. быть на другой день у него и прибавилъ: «да сказать ему, чтобъ онъ со мною былъ посмѣлѣе.»—Ш. явился въ назначенное время. Потемкинъ вышелъ изъ кабинета въ обыкновенномъ своемъ нарядѣ, не сказалъ никому ни слова и сѣлъ играть въ карты. Въ это время пріѣзжаетъ князь Безбородко. Потемкинъ принимаетъ его какъ нельзя хуже и продолжаетъ играть. Вдругъ онъ подзываетъ къ себѣ Ш. «Скажи, братъ, говоритъ Потемкинъ, показывая ему свои карты, какъ мнѣ тутъ сыграть?» — Да мнѣ какое дѣло, ваша свѣтлость, отвѣчалъ ему Ш., играйте какъ умѣете? «Ахъ, мой батюшка, возразилъ Потемкинъ, и слова нельзя тебѣ сказать; ужъ и разсердился!» Услыша таковой разговоръ, князь Безбородко раздумалъ жаловаться.

XXII.

Графъ Румянцевъ однажды рано утромъ расхаживалъ по своему лагерю. Какой-то майоръ въ шлафрокѣ и въ колпакѣ стоялъ передъ своею палаткою и въ утренней темнотѣ не узналъ приближающагося фельдмаршала, пока не увидѣлъ его передъ собою лицомъ къ лицу. Майоръ хотѣлъ-было скрыться, но Румянцевъ взялъ его подъ руку и, дѣлая ему разные вопросы, повелъ съ собою по лагерю, который между тѣмъ проснулся. Бѣдный майоръ былъ въ отчаяніи. Фельдмаршалъ, разгуливая такимъ образомъ, возвратился въ свою ставку, гдѣ уже вся свита ожидала его. Майоръ, умирая отъ стыда, очутился посреди генераловъ, одѣтыхъ во всей формѣ. Румянцевъ, тѣмъ еще недовольный, имѣлъ жестокость напоить его чаемъ и потомъ уже отпустилъ, не сдѣлавъ никакого замѣчанія.

XXIII.

Нѣкто, отставной мичманъ, будучи еще ребенкомъ, представленъ былъ Петру I въ числѣ дворянъ, присланныхъ на службу. Государь открылъ ему лобъ, взглянулъ въ лицо и сказалъ: «Ну! этотъ плохъ. Однако, записать его во флотъ. Домичмановъ авось дослужится.» Старикъ любилъ разсказывать этотъ анекдотъ и всегда прибавлялъ: «таковъ былъ пророкъ, что и въ мичманы-то попалъ я только при отставкѣ!» (Слыш отъ кн. А. Н. Г.).

lib.pushkinskijdom.ru

XXIV.

Всѣмъ извѣстны слова Петра Великаго, когда представили ему двѣнадцатилѣтняго школьника Василія Тредьяковскаго: вѣчный труженикъ! Какой взглядъ! какая точность въ опредѣленіи! Въ самомъ дѣлѣ, что былъ Тредьяковскій, какъ не вѣчный труженикъ?

XXV.

Графъ Самойловъ получилъ Георгія на шею въ чинѣ полковника. Однажды во дворцѣ государыня замѣтила его, заслоненнаго толпою генераловъ и придворныхъ. «Графъ Александръ Николаевичъ, сказала она ему, ваше мѣсто здѣсь впереди, какъ и на войнѣ.»

XXVI.

Государыня Екатерина II говаривала: «когда хочу заняться какимъ нибудь новымъ установленіемъ, я приказываю порыться въ архивахъ и отыскать, не говорено ли было уже о томъ при Петрѣ Великомъ—и почти всегда открывается, что предполагаемое дѣло было уже имъ обдумано.» (Слыш. отъ кн. А. Н. Г.).

XXVII.

Петръ I говаривалъ: «несчастія бояться—счастья не видать.»

XXVIII.

Любимый изъ племянниковъ князя Потемкина былъ покойный Н. Н. Раевскій. Потемкинъ для него написалъ нѣсколько наставленій; Н. Н. ихъ потерялъ и помнилъ только первыя строки: «во-первыхъ старайся испытать, не трусъ ли ты; если нѣтъ, то укрѣпляй врожденную смѣлость частымъ обхожденіемъ съ непріятелемъ.»

XXIX.

Я встрѣтился съ Надеждинымъ у Погодина. Онъ показался мнѣ весьма простонароднымъ, vulgar, скученъ, заносчивъ и безъ всякаго приличія. Напримѣръ, онъ поднялъ платокъ мною уроненный. Критики его были очень глупо написаны, но съ живостью, а иногда и съ краснорѣчіемъ. Въ нихъ не было мыслей, но было движеніе; шутки были плоски.

lib.pushkinskijdom.ru

XXX.

Графа Кочубея похоронили въ Невскомъ монастырѣ. Графиня выпросила у государя позволеніе огородить рѣшоткою часть пола, подъ которой онъ лежитъ. Старушка Новосильцева сказала: посмотримъ, каково-то ему будетъ въ день втораго пришествія; онъ еще будетъ карабкаться черезъ свою рѣшотку, а другіе давно ужъ будутъ на небесахъ.

XXXI.

Будри, профессоръ французской словесности въ царскосельскомъ лицеѣ, былъ родной братъ Марату. Екатерина II перемѣнила ему фамилію по просьбѣ его, придавъ ему аристократическую частицу de, которую Будри тщательно сохранялъ. Онъ былъ родомъ изъ Будри. Онъ очень уважалъ память своего брата, и однажды въ классѣ, говоря о Робеспьерѣ, сказалъ намъ, какъ ни въ чемъ не бывало: «C'est lui qui sous main travailla l'esprit de Charlotte Corday et fit de cette fille une seconde Ravaillac.» Впрочемъ Будри, не смотря на свое родство, демократическія мысли, замасленный жилетъ и вообще наружность, напоминавшую якобинца, былъ на своихъ коротенькихъ ножкахъ очень ловкій придворный. Будри сказывалъ, что братъ его былъ необыкновенно силенъ, не смотря на свою сухощавость и малый ростъ. Онъ разсказывалъ также много о его добродушіи, любви къ родственникамъ, etc. etc. Въ молодости его, чтобы отвратить брата отъ развратныхъ женщинъ, Маратъ повелъ его въ госпиталь, гдѣ показалъ ему ужасы венерической болѣзни.

XXXII.

Голландская королева, женщина съ умомъ замѣчательнымъ и рѣзкимъ, сказала принцу Орлеанскому на балѣ: «J'avais des projets hostiles pour vous.» Et quoi donc, Madame?—«Je voulais paraitre inondée de fleurs de lis.» Madame, отвѣчалъ принцъ, croyez que j'aurais donné tout mon sang pour avoir le droit de porter cet emblême.

(1836 іюнь).

XXXIII.

Когда въ 1815 году дѣло шло о возстановленіи Польши, тогда графъ Поццо-ди-Борго прислалъ государю свое мнѣніе. (Графъ противился всѣми силами исполненію сей великой

lib.pushkinskijdom.ru

ошибки). Государь, прочитавъ его, сказалъ князю Козловскому: Le comte Pozzo a plus d'esprit que moi, je le lui accorde. Mais ce que je sais bien, c'est que j'ai plus de conscience, et vous pouvez le lui dire. Козловскій не преминулъ. Поццо отвѣчалъ: cela peut-être, aussi dans cette occasion, n'ai-je pas parlé comme confesseur.

XXXIV.

Однажды маленькій арапъ (зачеркнуто въ рукописи: Ганнибалъ), сопровождавшій Петра I въ его прогулкѣ, остановился за нѣкоторой нуждой и вдругъ закричалъ въ испугѣ: «государь! государь: изъ меня кишка лѣзетъ.» Петръ подошелъ къ нему и, увидя въ чемъ дѣло, сказалъ: «врешь, это не кишка, а глиста!»—и выдернулъ глисту своими пальцами. Анекдотъ довольно не чистъ, но рисуетъ обычаи Петра.*

XXXV.

Объ арапѣ гр. Ст. — У графа С** былъ арапъ, молодой и статный мужчина. Дочь его отъ него родила. Въ городѣ о томъ узнали вотъ по какому случаю. У графа С** по субботамъ раздавали милостыню. Въ назначенный день нищіе пришли по своему обыкновенію; но швейцаръ прогналъ ихъ, говоря сердито: «ступайте прочь, не до васъ! у насъ графинюшка родила арапченка, а вы лѣзете за милостыней.»

XXXVI.

О Потемкинѣ.—Однажды Потемкинъ, недовольный запорожцами, сказалъ одному изъ нихъ. «Знаете ли вы, хохлачи, что у меня въ Николаевѣ строится такая колокольня, что какъ станутъ звонить, такъ въ Сѣчѣ будетъ слышно. — Тутъ дива нѣтъ, отвѣчалъ запорожецъ, у насъ есть такіе бандуристы, что какъ заиграютъ въ Сѣчѣ, такъ въ Петербургѣ затанцуютъ.» (Перевести по малороссійски, прибавляетъ Пушкинъ, и внизу переводитъ: то не диво у насъ у Запорощинѣ е такіе кобзары, що якъ заграютъ, то аже у Петербурси затанцюютъ).

---

* Приводя вполнѣ этотъ анекдотъ въ своей книгѣ «Пушкинъ въ Александровскую эпоху» г. Анненковъ указываетъ, что много другихъ подробностей касающихся Ганнибала и сбереженныхъ Пушкинымъ въ его «Table-talks», не пущено въ дѣло, напр., что состоя при Петрѣ, Ганнибалъ переписывалъ у него между прочимъ то, что ночью, въ темнотѣ, «вѣчно-трудящійся духъ царя чертилъ несвязно на аспидной доскѣ» (слова Пушкина).

lib.pushkinskijdom.ru

XXXVII.

Князь Потемкинъ во время очаковскаго похода, влюбленъ былъ въ графиню***. Добившись свиданія и находясь съ нею наединѣ въ своей ставкѣ, онъ вдругъ дернулъ за звонокъ, и пушки кругомъ всего лагеря загремѣли. Мужъ графини***, человѣкъ острый и безнравственный, узнавъ о причинѣ пальбы, сказалъ, пожимая плечами: ке-кирикуку!

XXXVIII.

Зоричъ былъ очень простъ. Собираясь въ чужіе края, онъ не зналъ какъ назвать себя, и непремѣнно думалъ путешествовать подъ чужимъ именемъ, чтобъ не обезпокоить Европу. Онъ былъ влюбленъ въ кн. Долгорукую, которая жила въ Москвѣ, гдѣ мужъ ея начальствовалъ дивизіей. У Зорича былъ домашній театръ и княгиня играла въ немъ въ оперѣ Annette et Lubin. Зоричъ, не зная какъ ее угостить, вздумалъ велѣть палить изъ пушекъ, когда Annette войдетъ хозяйкой въ свою хижину. Когда она бросается на колѣна передъ своимъ господиномъ, то изъ-за кулисъ велѣно было выдвинуть ей бархатную подушку, etc.

XXXIX.

Государь долго не производилъ въ генералы Болдырева за карточную игру. Однажды въ какой-то праздникъ во дворцѣ, проходя мимо его въ церковь, онъ сказалъ: «Болдыревъ, поздравляю тебя.» Болдыревъ обрадовался; всѣ бывшіе тутъ думали, какъ и онъ, и поздравили его. Государь, вышедъ изъ церкви и проходя мимо Болдырева, сказалъ ему: «поздравляю тебя— ты, говорятъ, вчера выигралъ.»—Болдыревъ былъ въ отчаяніи.

XL.

Дельвигъ звалъ однажды Рылѣева къ д...мъ. Я женатъ, отвѣчалъ Рылѣевъ. «Такъ что же, отвѣчалъ Дельвигъ, развѣ ты не можешь отобѣдать въ ресторацiи, потому только, что у тебя дома есть кухня.»

XLI.

Когда Потемкинъ вошелъ въ силу, онъ вспомнилъ объ одномъ изъ своихъ деревенскихъ пріятелей и написалъ ему слѣдующіе стишки:

lib.pushkinskijdom.ru

Любезный другъ,
Коль тебѣ досугъ—
Пріѣзжай ко мнѣ.
Коли не такъ,
. . . . . .
Лежи въ дермѣ.

Любезный другъ поспѣшилъ пріѣхать на ласковое приглашеніе.

XLII.

Графъ К. Разумовскій былъ въ заговорѣ 1762 г. Исполненіе было ускорено измѣною одного изъ сообщниковъ. Екатерина уже бѣжала изъ Петергофа, а Разумовскій еще ничего не зналъ. Онъ былъ дома. Вдругъ слышитъ къ нему стучатся. «Кто тамъ?»—«Орловъ. Отоприте.» Алексѣй Орловъ, котораго до тѣхъ поръ гр. Разумовскій не видывалъ, вошелъ и объявилъ, что Екатерина въ измайловскомъ полку; но что полкъ, взволнованный двумя офицерами (дѣдомъ моимъ А. А. Пушкинымъ и не помню кѣмъ еще), не хочетъ ей присягать. Разумовскій взялъ пистолеты въ карманы, поѣхалъ въ фурѣ, приготовленной для посуды, явился въ полкъ и увлекъ его. Дѣдъ мой посаженъ былъ въ крѣпость, гдѣ и сидѣлъ два года.

XLIII.

6 октября 1834 г.—Дмитріевъ предлагалъ императору А. Муравьева въ сенаторы. Царь отказалъ начисто и, помолчавъ, объяснилъ на то причину. Онъ былъ въ заговорѣ Палена. Паленъ заставилъ Муравьева писать конституцію и между тѣмъ произошло—11 марта. Муравьевъ хвастался, впослѣдствіи времени, что будто бы онъ не иначе соглашался на перемѣны, какъ съ тѣмъ, чтобы Н.....ъ подписалъ хартію. Вздоръ. Планъ былъ начертанъ Рибасомъ и Паленомъ. Первый отсталъ, раскаясь и будучи осыпанъ милостями.—Паденіе Палена произошло отъ того, что онъ сказалъ, что все произошло по его плану. Слова сіи были доведены—и Паленъ былъ удаленъ. (Слышалъ отъ Дм.).

XLIV.

Потемкинъ, встрѣчаясь съ Шешковскимъ (или Шишковскимъ), обыкновенно говаривалъ ему: «что, Степанъ Ивановичъ, каково кнутобойничаешь?» На что Шешковскій отвѣчалъ всегда съ низкимъ поклономъ: «помаленьку, ваша свѣтлость,»

lib.pushkinskijdom.ru

XLV.

Когда родился Иванъ Антоновичъ, то императрица Анна Ивановна послала къ Эйлеру приказаніе составить гороскопъ новорожденному. Эйлеръ сначала отказывался, но принужденъ былъ повиноваться. Онъ занялся гороскопомъ вмѣстѣ съ другимъ академикомъ—и какъ добросовѣстные нѣмцы, они составили его по всѣмъ правиламъ астрологіи, хотя и не вѣрили ей. Заключеніе, выведенное ими, ужаснуло обоихъ математиковъ, и они послали императрицѣ другой гороскопъ, въ которомъ предсказывали новорожденному всякія благополучія. Эйлеръ сохранилъ однако первый и показывалъ его графу К. Разумовскому, когда судьба несчастнаго Ивана VI совершилась. (Слышалъ отъ Загряжской Н. К.).

XLVI.

Барковъ заспорилъ однажды съ Сумароковымъ о томъ, кто изъ нихъ скорѣе напишетъ оду. Сумароковъ заперся въ своемъ кабинетѣ, оставя Баркова въ гостиной. Черезъ четверть часа Сумароковъ входитъ съ готовой одой и не застаетъ уже Баркова. Люди докладываютъ, что онъ ушелъ и приказалъ сказать Александру Петровичу, что-де его дѣло въ шляпѣ. Сумароковъ догадывается, что тутъ какія нибудь проказы. Въ самомъ дѣлѣ, видитъ онъ на полу свою шляпу...

XLVII.

Суворовъ соблюдалъ посты. Потемкинъ однажды сказалъ ему, смѣясь: «видно, графъ, хотите вы въѣхать въ рай верхомъ на осетрѣ.» Эта шутка, разумѣется, принята была съ восторгомъ придворными свѣтлѣйшаго. Нѣсколько дней послѣ, одинъ изъ самыхъ низкихъ угодниковъ Потемкина, прозванный имъ Сенькою-Бандуристомъ, вздумалъ повторить самому Суворову: «правда ли, ваше сіятельство, что вы хотите въѣхать въ рай на осетрѣ?» Суворовъ обратился къ забавнику и сказалъ ему холодно: «знайте, что Суворовъ иногда дѣлаетъ вопросы, а никогда не отвѣчаетъ.»

—

1830 — 1831.

XLVIII.

Старый генералъ Щ. представлялся однажды Екатеринѣ II-й.

lib.pushkinskijdom.ru

«Я до сихъ поръ не знала васъ,» сказала императрица. «Да и я, матушка государыня, не зналъ васъ до сихъ поръ,» отвѣчалъ онъ простодушно. «Вѣрю,» возразила она съ улыбкой; «гдѣ и знать меня, бѣдную вдову!»

XLIX.

Шуваловъ, заспоривъ однажды съ Ломоносовымъ, сказалъ ему сердито: «Мы отставимъ тебя отъ академіи.»—«Нѣтъ, возразилъ великій человѣкъ; развѣ академію отставите отъ меня.»

L. богородицыны дочки.

Царевича Алексѣя Петровича положено было отравить ядомъ. Деньщикъ Петра Перваго N. заказалъ оный аптекарю Беру. Въ назначенный день онъ прибѣжалъ за нимъ, но аптекарь, узнавъ для чего требуется ядъ, разбилъ склянку объ полъ. Деньщикъ взялъ на себя убіеніе царевича и вонзилъ ему тесакъ въ сердце. (Все это мало правдоподобно). Какъ бы то ни было, употребленный въ семъ дѣлѣ деньщикъ былъ отправленъ въ дальнюю деревню, въ Смоленскую губернію. Тамъ женился онъ на бѣдной дворянкѣ изъ роду, кажется, Энгельгардовыхъ. Семейство сіе долго томилось въ бѣдности и неизвѣстности. Въ послѣдствіи времени N. умеръ, оставя вдову и трехъ дочерей. Объ нихъ напомнили императрицѣ Елизаветѣ,—она не знала подъ какимъ предлогомъ вытребовать ко двору молодыхъ N. Князь Одоевскій выдумалъ сказку о Богородицѣ, будто бы явившейся къ умирающей матери и приказавшей ей надѣяться на ея милость. Дѣвицы призваны были ко двору и приняты на ногѣ фрейлинъ. Онѣ вышли замужъ уже при Екатеринѣ: одна за Панина, другая за Чернышева (Анна Родіоновна, умершая въ прошломъ 1830 году), третья не помню за кѣмъ.*

LI.

При Елизаветѣ было всего три фрейлины. При воцареніи Екатерины сдѣлали новыхъ шесть—вотъ по какому случаю. Она, не зная какъ благодарить шестерыхъ заговорщиковъ, возвед-

---

* Графы Петръ Ив. Панинъ и Захаръ Григ. Чернышевъ было женаты на родныхъ сестрахъ фрейлинахъ Ведель, первый на Марьѣ, а второй на Аннѣ Родіоновнѣ (1744 ум. 9 іюля 1830).

lib.pushkinskijdom.ru

шихъ ее на престолъ, заказала шесть вензелей, съ тѣмъ, чтобъ повѣсить ихъ на шею шестерыхъ избранныхъ.—Но Никита Панинъ отсовѣтовалъ ей сіе, говоря: это будетъ вывѣска. Императрица отмѣнила свое намѣреніе и отдала вензели фрейлинамъ.

1836

О СОЧИНЕНІЯХЪ ГЕОРГІЯ КОНИСКАГО.

Георгій Конискій извѣстенъ у насъ краткою рѣчью, которую произнесъ онъ въ Мстиславлѣ императрицѣ Екатеринѣ во время ея путешествія въ 1787 году: «Оставимъ астрономамъ...» и проч. Рѣчь сія, прославленная во всѣхъ нашихъ реторикахъ, не что иное, какъ остроумное привѣтствіе и заключаетъ въ себѣ игру выраженій, можетъ быть, слишкомъ затѣйливую; по нашему мнѣнію, привѣтствіе коимъ высокопреосвященный Филаретъ встрѣтилъ государя императора, пріѣхавшаго въ Москву въ концѣ 1830 года, въ своей умилительной простотѣ заключаетъ гораздо болѣе краснорѣчія. Впрочемъ, различіе обстоятельствъ изъясняетъ и различіе чувствъ, выражаемыхъ обоими ораторами. Императрица путешествовала, окруженная всею пышностію двора своего, встрѣчаемая всюду торжествами и празднествами; государь посѣтилъ Москву, опустошаемую заразой, пораженную скорбью и ужасомъ.

Но Георгій есть одинъ изъ самыхъ достопамятныхъ мужей минувшаго столѣтія. Жизнь его принадлежитъ исторіи. Онъ вступилъ въ управленіе своею епархіею, когда Бѣлоруссія находилась еще подъ игомъ Польши. Православіе было гонимо католическимъ фанатизмомъ. Церкви наши стояли пустыя или отданы были уніатамъ. Миссіонеры насильно гнали народъ въ уніятскіе костелы, ругались надъ ослушниками, сѣкли ихъ, заключали въ темницы, томили голодомъ, отымали у нихъ дѣтей, дабы воспитывать ихъ въ своей вѣрѣ, уничтожали браки, совершенные по обрядамъ нашей церкви, ругались надъ могилами православныхъ. Георгій искалъ защиты у русскаго правительства; онъ доносилъ обо всемъ святѣйшему сѵноду и жаловался нашему посланнику, находившемуся въ Варшавѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

Ревность его пуще озлобила гонителей. Доминиканецъ Овлачинскій, прославившійся ненавистію къ нашей церкви, замыслилъ принести Георгія въ жертву своему изувѣрству. Въ 1759 году Георгій, презирая опасности, ему угрожающія, поѣхалъ обозрѣвать сѣтующую свою епархію. Овлачинскій и миссіонеры возмутили въ Оршѣ шляхту и жолнеровъ. Они разогнали народъ, вышедшій съ хоругвями на встрѣчу своему архипастырю, остановили колокольный звонъ и съ воплемъ ворвались въ церковь, гдѣ Георгій священнодѣйствовалъ. Преосвященный едва успѣлъ спастись отъ сабель въ стѣнахъ Кутеинскаго монастыря, откуда тайно вывезли его въ телегѣ, прикрывъ навозомъ. Другой изувѣръ, свирѣпый Зеновичъ, предводительствуя езуитскими воспитанниками, ночью въ Могилевѣ напалъ на архіерейскій домъ. Буйные молодые люди вломились въ ворота, перебили окна, ранили нѣсколько монаховъ, семинаристовъ и слугъ; но, къ счастію, не нашли Георгія, скрывшагося въ подвалахъ своего дома.

Дерзость гонителей часъ отъ часу усиливались. Польское правительство имъ потворствовало. Миссіонеры своевольничали, поносили православную церковь, лестью и угрозами преклоняли къ уніи не только простой народъ, но и священниковъ. Георгій снова жаловался Россіи. Императрица Елизавета Петровна, передъ самой своей кончиною, и государь Петръ III, при своемъ восшествіи на престолъ, требовали отъ польскаго двора, чтобъ гоненія надъ нашими единовѣрцами были прекращены; но избавленіе православія предоставлено было Екатеринѣ II.

Георгій предсталъ передъ нею въ 1762 году въ Москвѣ, когда она короновалась, и вслѣдъ за русскимъ духовенствомъ принесъ ей, вмѣстѣ съ поздравленіями, тихія сѣтованія народа, издревле намъ роднаго, но отчужденнаго отъ Россіи жребіями войны. Екатерина съ глубокимъ вниманіемъ выслушала печальную рѣчь представителя будущихъ ея подданныхъ, и когда, нѣсколько времени спустя, святѣйшій сунодъ думалъ вызвать Георгія и поручить въ его управленіе псковскую епархію, императрица на то не согласилась и сказала: «Георгій нуженъ въ Польшѣ.»

Въ 1765 Георгій явился въ Варшавѣ и предъ тономъ Станислава съ жаромъ заступился за тѣхъ, которые именовались еще подданными Польши. Король пораженъ былъ его словами. Онъ обѣщалъ свое покровительство диссидентамъ, и въ слѣ-

lib.pushkinskijdom.ru

дующемъ году дѣйствительно повелѣлъ «уніятскимъ архіереямъ, изъ среды своей избравъ одного епископа, прислать въ Варшаву, для изысканія и постановленія надлежащихъ мѣръ ко взаимному успокоенію враждующихъ.» Но гордые польскіе магнаты, презрѣвъ посредничество Россіи и Пруссіи, отвергли справедливыя требованія диссидентовъ. Вслѣдствіе сего Екатерина повелѣла своимъ войскамъ двинуться къ Варшавѣ. Тамъ, за оградою русскихъ штыковъ, созванъ былъ сеймъ, учреждена согласительная коммиссія, и диссидентамъ возвращены ихъ прежнія права.

Георгій, одинъ изъ первыхъ членовъ Слуцкой конфедераціи, опредѣленъ былъ въ члены сей коммиссіи. Онъ опять отправился въ Варшаву и дѣятельно занялся объясненіемъ древнихъ грамотъ, на коихъ основаны были права диссидентовъ. Онъ умѣлъ пріобрѣсти уваженіе своихъ противниковъ и даже ихъ довѣренность. «Мы за вами еще живемъ,» сказалъ однажды ему уніятскій епископъ Шептицкій: «а когда католики васъ догрызутъ, то примутся и за насъ.» Уніяты втайнѣ готовы были отложиться отъ папы и снова соединиться съ греко-россійскою церковью. Между тѣмъ Барская конфедерація, поддерживаемая политикою Шуазёля, воспламенила новую войну. Слѣдствіемъ оной былъ первый раздѣлъ Польши. Семь областей, древнее достояніе нашего отечества, были ему возвращены—и въ 1773 году Георгій явился предъ Екатериною, уже какъ подданный, радостно привѣтствуя избавительницу и законную владычицу Бѣлоруссіи.

Съ тѣхъ поръ Георгій могъ спокойно посвятить себя на управленіе своею епархіею. Просвѣщеніе духовенства, ему подвластнаго, было главною его заботою. Онъ учреждалъ училища, безпрестанно поучалъ свою паству, а часы досуга посвящалъ ученымъ занятіямъ. Онъ умеръ въ 1795 году, будучи семидесяти семи лѣтъ отъ роду.

Нынѣ протоіерей І. Григоровичъ издалъ собраніе сочиненій Георгія Конискаго, присовокупивъ къ книгѣ своей любопытное и прекрасно изложенное жизнеописаніе Георгія Конискаго.

Проповѣди Георгія просты, и даже нѣсколько грубы, какъ поученія старцевъ первоначальныхъ: но ихъ искренность увлекательна. Политическія рѣчи его имѣютъ большое достоинство. Лучшая изъ нихъ произнесена Екатеринѣ, по совершеніи ея коронованія. Помѣщаемъ здѣсь нѣсколько изъ его отдѣль-

lib.pushkinskijdom.ru

ныхъ мыслей. (Въ «Современникѣ» приведены обширныя выписки, № 1, стр. 89—95).

Конискій написалъ также нѣсколько стихотвореній русскихъ, польскихъ и латинскихъ. Въ художественномъ отношеніи они имѣютъ мало достоинства, хотя въ нихъ и видѣнъ духъ мыслящій. Слѣдующая элегія показалась намъ достопримѣчательна:

Серпа ожидаютъ созрѣлые классы;
А намъ вѣстники смерти—сѣдые власы и пр.

Но главное произведеніе Конискаго остается до сихъ поръ неизданнымъ: Исторія Малороссіи извѣстна только въ рукописи. * Георгій написалъ ее съ цѣлію государственною. Когда императрица Екатерина учредила коммиссію о составленіи новаго уложенія, тогда депутатъ малороссійскаго шляхетства Андрей Григорьевичъ Полетика обратился къ Георгію, какъ человѣку, свѣдущему въ старинныхъ правахъ и постановленіяхъ сего края. Конискій, справедливо полагая, что одна только исторія народа можетъ объяснить истинныя требованія онаго, принялся за свой важный трудъ и совершилъ его съ удивительнымъ успѣхомъ. Онъ сочеталъ поэтическую свѣжесть лѣтописи съ критикой, необходимой въ исторіи. Не говорю здѣсь о нѣкоторыхъ этнографическихъ и этимологическихъ объясненіяхъ, помѣщенныхъ имъ въ началѣ его книги, которыя перенесъ онъ въ исторію изъ хроники, не видя въ нихъ никакой существенной важности и не находя нужнымъ противорѣчить общепринятымъ въ то время понятіямъ. Подъ словомъ критики я разумѣю глубокое изученіе достовѣрныхъ событій и ясное, остроумное изложеніе ихъ истинныхъ причинъ и послѣдствій.

Смѣлый и добросовѣстный въ своихъ показаніяхъ, Конискій не чуждъ нѣкотораго невольнаго пристрастія. Ненависть къ изувѣрству католическому и угнетеніямъ, коимъ онъ самъ такъ дѣятельно противился, отзывается въ краснорѣчивыхъ его повѣствованіяхъ. Любовь къ родинѣ часто увлекаетъ его за предѣлы строгой справедливости. Должно замѣтить, что чѣмъ ближе подходитъ онъ къ настоящему времени, тѣмъ искреннѣе, небрежнѣе и сильнѣе становится его разсказъ. Онъ лю-

* Она напечатана въ «Чтеніяхъ общества исторіи и древностей при моск. унив.» 1846 г., но, какъ оказалось впослѣдствіи, принадлежитъ не Конискому

lib.pushkinskijdom.ru

битъ говорить о подробностяхъ войны, и описываетъ битвы съ удивительною точностію. Видно, что сердце дворянина еще бьется въ немъ подъ иноческою рясою (Конискій происходилъ отъ старинаго шляхетскаго роду, и этимъ вовсе не пренебрегалъ, какъ видно даже изъ эпитафіи, вырѣзанной надъ его гробомъ и сочиненной имъ самимъ). Множество мѣстъ въ Исторіи Малороссіи суть картины, начертанныя кистію великаго живописца. Дабы дать о немъ нѣкоторое понятіе тѣмъ, которые еще не читали его, помѣщаемъ здѣсь два открывка изъ его рукописи. (Выписаны: «Введеніе уніи» и «Казнь Остраницы,» см. «Исторію Руссовъ,» стр. 40—42 и 53—57).

Какъ историкъ, Георгій Конискій еще не оцѣненъ по достоинству, ибо счастливый мадригалъ приноситъ иногда болѣе славы, нежели созданіе истинно высокое, рѣдко понятное для записныхъ цѣнителей ума человѣческаго и мало доступное для большаго числа читателей.

Протоіерей І. Григоровичъ, издавъ сочиненія великаго архіепископа Бѣлоруссіи, оказалъ обществу важную услугу. Будемъ надѣяться, что и великій историкъ Малороссіи найдетъ себѣ наконецъ столь же достойнаго издателя.

ВАСТОЛА, ИЛИ ЖЕЛАНІЯ.

повѣсть въ стихахъ Виланда, издалъ А. Пушкинъ.

Въ одномъ изъ нашихъ журналовъ дано было почувствовать, что издатель Вастолы хотѣлъ присвоить себѣ чужое произведеніе, выставя свое имя на книгѣ, имъ изданной. Обвиненіе несправедливое: печатать чужія произведенія съ согласія или по просьбѣ автора до сихъ поръ никому не воспрещалось. Это называется *издавать*; слово ясно; по крайней мѣрѣ до сихъ поръ другаго не придумано.

Въ томъ же журналѣ сказано было, что «Вастола» переведена какимъ-то бѣднымъ литераторомъ, что А. С. П. только далъ ему на прокатъ свое имя, и что лучше бы сдѣлалъ, давъ ему изъ своего кармана тысячу рублей.

Переводчикъ Виландовой поэмы, гражданинъ и литераторъ заслуженный, почтенный отецъ семейства, не могъ ожидать нападенія столь жестокаго. Онъ человѣкъ небогатый, но честный и благородный. Онъ могъ поручить другому пріятный

lib.pushkinskijdom.ru

трудъ издать свою поэму, но конечно бы не принялъ милостыни, отъ кого бы то ни было.

Послѣ таковаго объясненія не можемъ рѣшиться здѣсь именовать настоящаго переводчика. Жалѣемъ, что искреннее желаніе ему услужить могло подать поводъ къ намекамъ, столь оскорбительнымъ.

ВЕЧЕРА НА ХУТОРѢ, ИЗДАНІЕ 2-е.

Читатели наши конечно помнятъ впечатлѣніе, произведенное надъ ними появленіемъ «Вечеровъ на хуторѣ». Всѣ обрадовались этому описанію племени поющаго и пляшущаго, этимъ свѣжимъ картинамъ малороссійской природы, этой веселости, простодушной и вмѣстѣ лукавой. Какъ изумились мы русской книгѣ, которая заставляла насъ смѣяться, мы, не смѣявшіеся со временъ Фонъ-Визина! Мы такъ были благодарны молодому автору, что охотно простили ему неровность и неправильность его слога, безсвязность и неправдоподобіе нѣкоторыхъ разсказовъ, предоставя сіи недостатки на поживу критики. Авторъ оправдалъ таковое снисхожденіе. Онъ съ тѣхъ поръ непрестанно развивался и совершенствовался. Онъ издалъ «Арабески», гдѣ находится его «Невскій проспектъ», самое полное изъ его произведеній. Вслѣдъ за тѣмъ явился «Миргородъ», гдѣ съ жадностію всѣ прочли и «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ», эту шутливую, трогательную идиллію, которая заставляетъ васъ смѣяться сквозь слезы грусти и умиленія, и «Тараса Бульбу», коего начало достойно Вальтеръ-Скотта. Г. Гоголь идетъ еще впередъ. Желаемъ и надѣемся имѣть часто случай говорить о немъ въ нашемъ журналѣ.*

КЪ РАЗСКАЗУ: ДОЛИНА АЖИТУГАЙ.

Вотъ явленіе, неожиданное въ нашей литературѣ! Сынъ полудикаго Кавказа становится въ ряды нашихъ писателей; черкесъ изъясняется на русскомъ языкѣ свободно, сильно и жи-

---

* На дняхъ будетъ представлена на здѣшнемъ театрѣ его комедія Ревизоръ.—А. П.—О первомъ изданіи «Вечеровъ» см. письмо къ А. Ѳ. Воейкову, въ VII томѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

вописно. Мы ни одного слова не хотѣли перемѣнить въ предлагаемомъ отрывкѣ; любопытно видѣть, какъ Султанъ Казы-Гирей (потомокъ крымскихъ Гиреевъ), видѣвшій вблизи роскошную образованность, остался вѣренъ привычкамъ и преданіямъ наслѣдственнымъ; какъ русскій офицеръ помнитъ чувства ненависти къ Россіи, волновавшія его отроческое сердце; какъ наконецъ магометанинъ съ глубокой думою смотритъ на крестъ, эту хоругвь Европы и просвѣщенія.

РОССІЙСКАЯ АКАДЕМІЯ.

18-го января нынѣшняго года россійская академія была удостоена присутствія его свѣтлости принца Петра Ольденбургскаго, избраннаго ею въ почетные члены. Непремѣнный секретарь, Д. И. Языковъ, открылъ засѣданіе чтеніемъ краткой исторіи академіи.

Екатерина II основала россійскую академію въ 1783 году и повелѣла княгинѣ Дашковой быть предсѣдателемъ оной.

Екатерина, стремившаяся во всемъ установить законъ и незыблемый порядокъ, хотѣла дать уложеніе и русскому языку. Академія, повинуясь ея наказу, тотчасъ приступила къ составленію словаря. Императрица приняла въ немъ участіе не только словомъ, но и дѣломъ. Часто освѣдомлялась она объ успѣхѣ начатаго труда, и нѣсколько разъ слыша, что словарь доведенъ до буквы Нашъ, сказала однажды съ видомъ нѣкотораго нетерпѣнія: «все Нашъ да Нашъ! когда же вы мнѣ скажете: вашъ?» Академія удвоила стараніе. Черезъ нѣсколько времени на вопросъ императрицы: что словарь? отвѣчали ей, что академія дошла до буквы Покой, Императрица улыбнулась и замѣтила, что академіи пора было бы покой оставить.

Не смотря на сіи шутки, академія должна была изумить государыню поспѣшнымъ исполненіемъ ея воли: словарь оконченъ былъ въ теченіе шести лѣтъ.* Карамзинъ справедливо

---

* Французская академія, основанная въ 1634 году, и съ тѣхъ поръ безпрерывно занимавшаяся составленіемъ своего словаря, издала оный не прежде, какъ въ 1694 году. Словарь обветшалъ, пока еще надъ нимъ трудились, говоритъ Вильменъ. Стали его передѣлывать. Прошло нѣсколько лѣтъ, и все еще академія пересматривала букву А. Дѣятельный Кольберъ, удивлявшійся такой

lib.pushkinskijdom.ru

удивляется такому подвигу. «Полный словарь, изданный академіей, говоритъ онъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ феноменовъ, коими Россія удивляетъ внимательныхъ иноземцевъ; наша, безъ сомнѣнія, счастливая судьба во всѣхъ отношеніяхъ есть какая-то необыкновенная скорость: мы зрѣемъ не вѣками, а десятилѣтіями. Италія, Франція, Англія, Германія славились уже многими великими писателями, еще не имѣя словаря: мы имѣли церковныя, духовныя книги; имѣли стихотворцевъ, писателей, но только одного истинно классическаго (Ломоносова) и представили систему языка, которая можетъ равняться съ знаменитыми твореніями академій флорентинской и парижской.»

Многіе изъ членовъ академіи участвовали въ изданіи Собесѣдника любителей россійскаго слова. Слѣдующее происшествіе, говоритъ г. Языковъ, достойно быть сохранено въ памяти: Фонъ-Визинъ доставилъ въ Собесѣдникъ статью подъ названіемъ: «Нѣсколько вопросовъ, могущихъ возбудить въ умныхъ и честныхъ людяхъ особливое вниманіе.» Вопросы явились въ Собесѣдникѣ съ весьма остроумными отвѣтами. Приведемъ здѣсь нѣкоторые.

В. Отчего всѣ въ долгахъ?

О. Оттого, что проживаютъ болѣе, нежели дохода имѣютъ.

В. Отчего не только въ Петербургѣ, но и въ самой Москвѣ, перевелись общества между благородными?

О. Отъ размноженія клубовъ.

В. Отчего главное стараніе большой части дворянъ состоитъ не въ томъ, чтобы поскорѣе сдѣлать дѣтей своихъ людьми, а въ томъ, чтобы поскорѣе сдѣлать ихъ гвардіи унтеръ-офицерами?

О. Оттого, что одно легче другаго.

В. Отчего въ вѣкъ законодательный никто въ сей части не помышляетъ отличиться?

О. Оттого, что сіе не есть дѣло всякаго.

В. Отчего у насъ не стыдно не дѣлать ничего.

медленности, пріѣхалъ однажды въ собраніе академіи. Разбирали слово ami. Но были такіе споры о точномъ опредѣленіи онаго; разсуждали съ такою утонченностію о томъ, что въ словѣ ami предполагается ли свѣтская обязанность или сердечное отношеніе; чувство раздѣленное, или одно наружное изъявленіе, или усердіе безъ вознагражденія, что министръ, у коего при дворѣ такъ много друзей, признался, что онъ болѣе ужъ не удивляется медленности и затрудненіямъ академіи. А. П.

lib.pushkinskijdom.ru

О. Сіе не ясно: стыдно дѣлать дурное, а въ обществѣ жить не есть не дѣлать ничего.

В. Отчего у насъ начинаются дѣла съ великимъ жаромъ и пылкостію, потомъ оставляются, а не рѣдко и совсѣмъ забываются?

О. По той же причинѣ, по которой человѣкъ старѣется.

В. Въ чемъ состоитъ нашъ національный характеръ?

О. Въ остромъ и скоромъ понятіи всего, въ образцовомъ послушаніи и въ корнѣ всѣхъ добродѣтелей, отъ Творца человѣку данныхъ.

В. Отчего въ прежнія времена шуты, шпыни и балагуры чиновъ не имѣли, а нынѣ имѣютъ и весьма большіе?

О. Предки наши не всѣ грамотѣ умѣли.

NB. Сей вопросъ родился отъ свободоязычія, котораго предки наши не имѣли.

Сіи отвѣты писаны самой императрицей.

Подъ предсѣдательствомъ А. А. Нартова (1802—1813) академія издала:

1) Грамматику россійскую. 2) Сочиненія и переводы академіи. 3) Словарь расположенный по азбучному порядку. 4) Переводъ путешествія Младшаго Анахарсиса.

Въ 1813 году, по смерти Нартова, А. С. Шишковъ, бывшій въ то время за границей съ государемъ императоромъ, назначенъ предсѣдателемъ россійской академіи. Подъ его руководствомъ академія издала слѣдующія книги.

1) Извѣстія академіи, 11 книжекъ (1815—1823). 2) Повременное изданіе, 4 части (1829—1838). 3) Краткія записки, 3 книжки (1834—1836). 4) Квинтиліановы критическія наставленія (1834). 5. Собраніе сочиненій и переводовъ А. С. Шишкова, 16 частей.

Нынѣ академія приготовляетъ третье изданіе своего словаря, коего распространеніе часъ отъ часу становится необходимѣе. Прекрасный нашъ языкъ, подъ перомъ писателей неученыхъ и неискусныхъ, быстро клонится къ паденію. Слова искажаются, грамматика колеблется. Орѳографія, сія геральдика языка, измѣняется по произволу всѣхъ и каждаго.

Вслѣдъ за непремѣннымъ секретаремъ, преосвященный Филаретъ представилъ отрывокъ изъ рукописи 1073 года, писанной для великаго князя Святослава и хранящейся нынѣ въ московской сунодальной библіотекѣ.

«Рукопись называется Изборникъ, т. е. извлеченіе избранныхъ мѣстъ изъ разныхъ писателей.—Она содержитъ наиболѣе предметы, относящіеся до христіанскаго ученія, но частію и

lib.pushkinskijdom.ru

метафизическіе по разуму того вѣка, напримѣръ: о естествѣ, о собствѣ, о лици, о различіи, о случаніи, о супротивныхъ, о оглаголемыихъ.—На оборотѣ листа 937 начинается 175 статья книги, которая говоритъ о тропахъ и фигурахъ. Вотъ ея начало: Георьгия Хоуровьска о образѣхъ. Творьчьсти образи суть 27 (кз): 1. Инословіе. 2. Прѣводъ (metaphora). 3. Напотребніе. 4. Пріятніе. 5. Прѣходьноіе. 6. Възвратъ. 7. Съпріятніе. 8. Сънятніе. 9. Именотворніе (onomatopeia). 10. Сътворенніе. 11. Въименомѣстьство. 12. Отъименніе (metonymia). 13. Въспятословніе. 14. Окроугословіе. 15. Нестатькъ. 16. Изрядніе. 17. Лихорѣчые. 18. Притъча. 19. Прикладъ. 10. Отъданніе. 21. Лицетворые (олицетвореніе). 22. Сълогъ. 27. Пороуганніе (ironia). 24. Видъ. 25. Послѣдословніе. — Инословніе оубо іесть ино нѣчто глаголюшти, а инъ разоумъ оуказаіюшти, якоже іеже іе речено отъ Бога къ змыи проклята ты и отъ всѣхъ звѣрий слово бо акы зміи іесть на диавола же, яко рѣчь вѣзмыевъ нарицаіема разоумѣваіемъ. — Далѣе слѣдуютъ подобныя сему опредѣленія и прочихъ выше исчисленныхъ наименованій, но не довольно понятныя для читателя, можетъ быть, и потому, что не довольно понимаемы были предметы составителемъ или переводчикомъ, издателями русской энциклопедіи IX вѣка.

Непремѣнный секретарь прочелъ главу И изъ устава академіи и слѣдующій отрывокъ изъ всеподданнѣйшаго доклада президента академіи, при поднесеніи на высочайшее усмотрѣніе проекта устава.

«Академія есть стражъ языка: и потому должно ей со всевозможною къ общей пользѣ ревностію вооружаться противъ всего несвойственнаго, чуждаго, невразумительнаго, темнаго, ненравственнаго въ языкѣ. Но сіе вооруженіе ея долженствуетъ быть на единой пользѣ словесности основанное, кроткое, правдивое, безъ лицепріятія, безъ нападеній и потворства, непохожее на тѣ предосудительныя сочиненія, въ которыхъ, подъ мнимымъ разборомъ, пристрастное невѣжество или злость расточаютъ недостойныя похвалы или язвительныя хулы безъ всякой истины и доказательствъ, въ коихъ однихъ заключается достоинство и польза сего рода писаній».

За симъ дѣйствительный членъ М. Е. Лобановъ занялъ собраніе чтеніемъ мнѣнія своего: О духѣ словесности, какъ иностранной, такъ и отечественной. Мнѣніе сіе заслуживаетъ особеннаго разбора, какъ по своей сущности, такъ и по важности мѣста, гдѣ оное было произнесено.

В. А. Полѣновъ прочелъ: Краткое жизнеописаніе И. И. Лепехина, перваго непремѣннаго секретаря россійской акаде-

lib.pushkinskijdom.ru

міи: статью дѣльную, полную, прекрасно изложенную, словомъ истинно академическую.

Послѣ сего дѣйствительные члены: М. Е. Лобановъ, князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ и Б. М. Федоровъ читали, одинъ послѣ другаго, сочиненія своего стихи.

Наконецъ князь Ширинскій-Шихматовъ прочелъ написанную г. президентомъ краткую статью подъ заглавіемъ: Нѣчто о Карамзинѣ. Невозможно было безъ особеннаго чувства слышать искреннія, простыя похвалы, воздаваемыя почтеннымъ старцемъ великому писателю.... При семъ случаѣ А. С. Шишковъ упомянулъ о пребываніи Карамзина въ Твери въ 1811 году, при дворѣ блаженной памяти государыни великой княгини Екатерины Павловны, матери его свѣтлости принца Петра Ольденбургскаго. Извѣстно, что Карамзинъ читалъ тогда въ присутствіи покойнаго государя и августѣйшей сестры его нѣкоторыя главы Исторіи Государства Россійскаго. «Вы слушали», пишетъ историографъ въ своемъ посвященіи. «съ восхитительнымъ для меня вниманіемъ; сравнивали давно минувшее съ настоящимъ, и не завидовали славнымъ опасностямъ Димитрія, ибо предвидѣли для себя еще славнѣйшія.» Пребываніе Карамзина въ Твери ознаменовано еще однимъ обстоятельствомъ, важнымъ для друзей его славной памяти, неизвѣстнымъ еще для современниковъ. По вызову государыни великой княгини, женщины съ умомъ необыкновенно возвышеннымъ, Карамзинъ написалъ свои мысли: «О древней и новой Россіи,»* со всею искренностію прекрасной души, со всею смѣлостію убѣжденія сильнаго и глубокаго. Государь прочелъ эти краснорѣчивыя страницы.... прочелъ, и остался по прежнему милостивъ и благосклоненъ къ прямодушному своему подданному. Когда нибудь потомство оцѣнитъ и величіе государя, и благородство патріота...

Засѣданіе 18 января 1836 года будетъ памятно въ лѣтописяхъ россійской академіи.

---

* Записка Карамзина, но все еще не вполнѣ, напечатана въ № 12 Р. Архива 1870 г.

lib.pushkinskijdom.ru

ЗАПИСКИ Н. А. ДУРОВОЙ,

ИЗДАВАЕМЫЯ А. ПУШКИНЫМЪ.

Modo vir, modo foemina.—Ov.

Въ 1808 году молодой мальчикъ, по имени Александровъ, вступилъ рядовымъ въ конно-польскій уланскій полкъ, отличился, получилъ за храбрость солдатскій георгіевскій крестъ, и въ томъ же году произведенъ былъ въ офицеры въ маріупольскій гусарскій полкъ. Впослѣдствіи перешелъ онъ въ литовскій уланскій и продолжалъ свою службу столь же ревностно, какъ и началъ.

Повидимому все это въ порядкѣ вещей и довольно обыкновенно; однако жъ это самое надѣлало много шуму, породило много толковъ и произвело сильное впечатлѣніе, отъ одного нечаянно открывшагося обстоятельства: корнетъ Александровъ былъ дѣвица Надежда Дурова.

Какія причины заставали молодую дѣвушку хорошей дворянской фамиліи оставить отеческій домъ, отречься отъ своего пола, принять на себя труды и обязанности, которыя пугаютъ и мужчинъ, и явиться на полѣ сраженій—и какихъ еще? Наполеонскихъ! Что побудило ее? Тайныя семейныя огорченія? Воспаленное воображеніе? Врожденная, неукротимая склонность? Любовь?... Вотъ вопросы, нынѣ забытые, но которые въ то время сильно занимали общество.

Нынѣ Н. А. Дурова сама разрѣшаетъ свою тайну. Удостоенные ея довѣренности, мы будемъ издателями ея любопытныхъ записокъ. Съ неизъяснимымъ участіемъ прочли мы признанія женщины, столь необыкновенной; съ изумленіемъ увидѣли, что нѣжные пальчики, нѣкогда сжимавшіе окованную рукоять уланской сабли, владѣютъ и перомъ быстрымъ, живописнымъ и пламеннымъ. Надежда Андреевна позволила намъ украсить страницы Современника отрывками изъ журнала, веденнаго ею 1812—13 году. Съ глубочайшей благодарностію спѣшимъ воспользоватся ея позволеніемъ.

ЗАМѢТКИ ВО 2-й КН. СОВРЕМЕННИКА.

Отъ редакціи. I. (О хроникѣ русскаго въ Парижѣ,» А. И. Тургенева).—Для очистки совѣсти нашей и для предупрежде-

lib.pushkinskijdom.ru

нія всѣхъ возможныхъ толковъ и недоразумѣній вольныхъ и невольныхъ, почитаемъ обязанностью сознаться, что напечатаніе въ первой книжкѣ журнала нашего Хроники русскаго въ Парижѣ есть не что иное, какъ слѣдствіе нашей нескромности; что сіи отрывки изъ дружескихъ писемъ, или лучше сказать домашняго журнала, никогда не были предназначены къ печати, особенно въ томъ видѣ, въ какомъ они представлены публикѣ. Глубокомысліе, остроуміе, вѣрность и тонкая наблюдательность, оригинальность и индивидуальность слога, полнаго жизни и движенія, которыя вездѣ пробиваются сквозь небрежность и бѣглость выраженія, служатъ лучшимъ доказательствомъ того, чего можно было бы ожидать отъ пера, писавшаго такимъ образомъ про себя, когда слѣдовало бы ему писать про другихъ. Мы имѣли случай стороною подслушать этотъ a-parte, подсмотрѣть эти ежедневныя, ежеминутныя отмѣтки, и поторопились, какъ водится нынѣ, въ эпоху разоблаченія всѣхъ тайнъ, подѣлиться удовольствіемъ и свѣжими современными новинками съ читателями «Современника». Можно было бы, и по нѣкоторымъ отношеніямъ слѣдовало бы для порядка, дать этимъ разбросаннымъ чертамъ стройное единство, облачить въ литературную форму. Но мы предпочли сохранить въ немъ живой, теплый, внезапный отпечатокъ мыслей, чувствъ, впечатлѣній, городскихъ вѣстей, бульварныхъ, академическихъ, салонныхъ, кабинетныхъ движеній, такъ сказать, стенографировать эти горячіе слѣды, эту лихорадку парижской жизни: впрочемъ, кажется, мы и не ошиблись въ своемъ предпочтеніи. По всѣмъ отзывамъ образованныхъ и просвѣщенныхъ людей, парижская хроника возбудила живѣйшее любопытство и вниманіе. Даже и тупыя печатныя замѣчанія подтвердили насъ въ убѣжденіи, что способъ, нами избранный, едва ли не лучшій. Вкусъ иныхъ людей можетъ служить всегда надежнымъ и неизмѣннымъ руководствомъ: стоитъ только вывороти́ть вкусъ ихъ на изнанку. То, чего они оцѣнить не могли, что показалось имъ неприличнымъ, неумѣстнымъ, то, безъ сомнѣнія, имѣетъ внутреннее многоцѣнное достоинство, слѣдовательно не ихъ имѣемъ въ виду въ настоящемъ объясненіи. Но мы желали только, по обязанности редакторской, принявъ на себя всю отвѣтственность за произвольное напечатаніе помянутыхъ выписокъ, отклонить ее отъ того, который писалъ ихъ, забывая, что есть книгопечатаніе на бѣломъ свѣтѣ.

—

lib.pushkinskijdom.ru

II. Статья, присланная намъ изъ Твери съ подписью А. Б(езсоновъ) не могла быть напечатана въ сей книжкѣ по недостатку времени.

—

III. Мы получили также статью г. Косичкина. Но къ сожалѣнію и эта статья доставлена поздно, и мы, боясь замедлить выходъ этой книжки, отлагаемъ ее до слѣдующей. *

ОБЪ ИСТОРІИ ПОЭЗІИ ШЕВЫРЕВА.

Исторія поэзіи—явленіе утѣшительное, книга важная!

Россія по своему положенію географическому и политическому etc. есть судилище, «приказъ Европы» nous sommes les grands jugeurs. Безпристрастіе и здравый смыслъ нашихъ сужденій, касательно того, что дѣлается не у насъ, удивителенъ. Примѣры тому.

Критика литературная у насъ ничтожна: почему? потому что въ ней требуется не одного здраваго смысла, но и любви къ наукѣ. Взглядъ на нашу критику: Мерзляковъ, Шишковъ, Дашковъ etc.

Шевыревъ при самомъ вступленіи своемъ обѣщаетъ не слѣдовать ни эмпирической системѣ французской критики, ни отвлеченной философіи нѣмцевъ (стр. 2). Онъ избираетъ способъ изложенія историческій—и по дѣломъ: такимъ образомъ придаетъ онъ наукѣ заманчивость разсказа.

Критикъ приступаетъ къ исторіи западной словесности.

Въ Италіи видитъ онъ чувственность римскую, побѣжденную христіанствомъ, воскресшую въ художествахъ, покорившую своему роскошному вліянію строгій католицизмъ, и снова овладѣвшую своей отчизною.

Въ Испаніи признаетъ то же начало, но встрѣчаетъ мавровъ и видитъ въ ней магометанское направленіе (?) (не магометанское, а .....)

Оставляя роскошный югъ, Шевыревъ переходитъ къ сѣвернымъ народамъ, рабамъ нужды, пасынкамъ природы.

Въ туманной Англіи видитъ онъ нужду, развивающую богатство, промышленность, трудъ, изученіе, литературу безъ преданій, вещественность.

---

* Письмо Безсонова напечатано въ 3-й книгѣ, но статья Косичкина (т. е. Пушкина) не явилась въ печати.

lib.pushkinskijdom.ru

Въ Германскихъ священныхъ лѣсахъ открываетъ онъ уже то стремленіе къ отвлеченности, къ уединенію, къ феодальному разъединенію, которыя и донынѣ господствуютъ въ политической системѣ Германіи и въ (твореніяхъ) ея мыслителей, и при дворахъ ея князей, и на каѳедрахъ ея профессоровъ.

Франція, средоточіе Европы, представительница жизни общественной, жизни в.... эгоистической и народной. Въ ней науки и поэзія не цѣли, а средство. Народъ (der Herr omnis) властвуетъ въ ней отвратительною властью демокраціи... Въ немъ всѣ признаки невѣжества, презрѣніе къ чужому, une marque pétulente et tranchante etc.

Девизъ Россіи—suum cuique.

(Съ черноваго оригинала 1836 г.)

МЫСЛИ НА ДОРОГѢ.

(замѣчанія на книгу Радищева).*

1833—1834.

I. ШОССЕ.

Узнавъ, что новая московская дорога совсѣмъ окончена, я вздумалъ съѣздить въ Петербургъ, гдѣ не бывалъ болѣе пятнадцати лѣтъ. Я записался въ конторѣ поспѣшныхъ дилижансовъ (которые показались мнѣ спокойнѣе прежнихъ почтовыхъ каретъ), и 15-го октября, въ десять часовъ утра, выѣхалъ изъ Тверской заставы.

Катясь по гладкому шоссе, въ спокойномъ экипажѣ, не заботясь ни о его прочности, ни о прогонахъ, ни о лошадяхъ, я вспомнилъ о послѣднемъ своемъ путешествіи въ Петербургъ по старой дорогѣ. Не рѣшившись скакать на перекладныхъ, я купилъ тогда дешовую коляску, и съ однимъ слугою отправился въ путь. Не знаю, кто изъ насъ, Иванъ или я, согрѣшили передъ выѣздомъ, но путешествіе наше было неблагополучно. Проклятая коляска требовала поминутно починки. Кузнецы

---

* Чтобы не рознить, мы помѣщаемъ рядомъ обѣ статьи о Радищевѣ. Н. С. Тихонравовъ ошибочно полагаетъ, что и первая написана въ 1836 г., тогда какъ подъ одною изъ главъ ея подписано «9 декабря». Поэтому выходило бы, что первая статья написана уже черезъ 3 мѣсяца послѣ запрещенія второй статьи цензурою.

lib.pushkinskijdom.ru

меня притѣсняли; рытвины и, мѣстами, деревянная мостовая совершенно измучили. Цѣлые шесть дней тащился я по несносной дорогѣ и пріѣхалъ въ Петербургъ полумертвый. Мои пріятели смѣялись надъ моей изнѣженностію, но я не имѣю и притязаній на фельдъегерское геройство, и по зимнему пути возвратясь въ Москву, съ той поры уже никуда не выѣзжалъ.

Вообще, дороги въ Россіи (благодаря пространству) хороши, и были бы еще лучше, если бы менѣе объ нихъ заботились губернаторы. Напримѣръ, дернъ есть уже природная мостовая; зачѣмъ его сдирать и замѣнять наносной землею, которая, при первомъ дождикѣ, обращается въ слякоть? Поправка дорогъ, одна изъ самыхъ тяжелыхъ повинностей, не приноситъ почти никакой пользы и есть большею частью предлогъ къ утѣсненію и взяткамъ. Возьмите перваго мужика, хотя крошечку смышленнаго и заставьте его провести новую дорогу: онъ начнетъ вѣроятно съ того, что прорoетъ два параллельные рва для стеченія дождевой воды. Лѣтъ сорокъ тому назадъ, одинъ воевода вмѣсто рвовъ подѣлалъ парапеты, такъ что дороги сдѣлались ящиками для грязи.

Лѣтомъ дороги прекрасны; но весной и осенью путешественники принуждены ѣздить по пашнямъ и полямъ, потому что экипажи вязнутъ и тонутъ на большой дорогѣ, между тѣмъ, какъ пѣшеходы, гуляя по парапетамъ, благословляютъ память мудраго воеводы. Такихъ воеводъ на Руси весьма довольно.

Великолѣпное московское шоссе начато по повелѣнію императора Александра; дилижансы учреждены обществомъ частныхъ людей. Такъ должно быть и во всемъ: правительство открываетъ дорогу, частные люди находятъ удобнѣйшіе способы ею пользоваться. *

Не могу не замѣтить, что, со временъ восшествія на пре-

---

* Въ черновой рукописи еще: «Я началъ записки свои не для того, чтобы льстить властямъ, товарищъ мною избранный—худой внушитель ласкательства, но нельзя не замѣтить, что со времени возведенія Романовыхъ, отъ Михаила Ѳеодоровича до Николая I, правительство у насъ всегда впереди на поприщѣ образованія и просвѣщенія. Народъ слѣдуетъ за нимъ всегда лѣниво, а иногда и неохотно. Вотъ что и составляетъ силу нашего самодержавія. Не худо было бы инымъ европейскимъ государствамъ понять эту простую истину: бурбоны не были бы выгнаны в..... и каменьями, и англійская аристократія не принуждена была бы уступить радикализму. Я упомянулъ о моемъ товарищѣ. Должно мнѣ познакомить съ нимъ читателя.

lib.pushkinskijdom.ru

столъ дома Романовыхъ, у насъ правительство всегда впереди на поприщѣ образованности и просвѣщенія. Народъ слѣдуетъ за нимъ всегда лѣниво, а иногда и не охотно.

Собравшись въ дорогу, вмѣсто пироговъ и холодной телятины я хотѣлъ запастись книгою, понадѣясь довольно легкомысленно на трактиры и боясь разговоровъ съ почтовыми товарищами. Въ тюрьмѣ и въ путешествіи всякая книга есть Божій даръ, и та, которую не рѣшитесь вы и раскрыть, возвращаясь изъ англійскаго клуба или собираясь на балъ, покажется вамъ занимательна, какъ арабская сказка, если попадется вамъ въ казематѣ, или поспѣшномъ дилижансѣ. Скажу болѣе, въ такихъ случаяхъ чѣмъ книга скучнѣе, тѣмъ она предпочтительнѣе. Книгу занимательную вы проглотите слишкомъ скоро, она слишкомъ врѣжется въ вашу память и воображеніе; перечесть ее уже невозможно. Книга скучная, напротивъ, читается съ разстановкою, съ отдохновеніемъ; оставляетъ вамъ способность позабыться, мечтать; опомнившись, вы опять за нее принимаетесь, перечитываете мѣста, вами пропущенныя безъ вниманія, и проч. Книга скучная представляетъ болѣе развлеченія. Понятіе о скукѣ весьма относительное. Книга скучная можетъ быть очень хороша; не говорю о книгахъ ученыхъ, но и о книгахъ писанныхъ съ цѣлію просто литературною. Многіе читатели согласятся со мною, что Клярисса очень утомительна и скучна, но совсѣмъ тѣмъ романъ Ричардсоновъ имѣетъ необыкновенное достоинство.

Вотъ на что хороши путешествія. *

Итакъ, собравшись въ дорогу, зашелъ я къ старому моему пріятелю Соболевскому, коего библіотекой привыкъ пользоваться. Я просилъ у него книгу скучную, но любопытную, въ какомъ бы то ни было отношеніи. Пріятель мой хотѣлъ было мнѣ дать нравственно-сатирическій романъ, утверждая, что скучнѣе ничего быть не можетъ, а что книга очень любопытна въ отношеніи участи ея въ публикѣ; но я его благодарилъ, зная уже по опыту непреодолимость нравственно-сатирическихъ романовъ. «Постой, сказалъ мнѣ Соболевскій: есть у меня для

---

* Зачеркнуто: Покойный Ив. Долгорукій поступилъ гораздо благоразумнѣе. Онъ, собравшись въ подмосковную:

Посовѣстившись брать съ собой въ дорогу книжку,
Отъ голода въ запасъ взялъ вяземску ковряжку.

lib.pushkinskijdom.ru

тебя книжка.» Съ этимъ словомъ вынулъ онъ изъ-за полнаго собранія сочиненій Александра Сумарокова и Михайлы Хераскова книгу, повидимому, изданную въ концѣ прошлаго столѣтія. «Прошу беречь ее, сказалъ онъ таинственнымъ голосомъ. Надѣюсь, что ты вполнѣ оцѣнишь и оправдаешь мою довѣренность.» Я раскрылъ ее и прочелъ заглавіе: «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву», съ эпиграфомъ:

«Чудище обло, озорно, огромно, стозѣвно и лаяй.»
Телемахида. Томъ II. Книга XVIII, ст. 514.

Книга—нѣкогда прошумѣвшая соблазномъ и навлекшая на сочинителя гнѣвъ Екатерины, смертный приговоръ и ссылку въ Сибирь, нынѣ типографическая рѣдкость, потерявшая свою заманчивость, случайно встрѣчаемая на пыльной полкѣ библіомана, или въ мѣшкѣ бородатаго разнощика.

Я искренно благодарилъ Соболевскаго и взялъ съ собою Путешествіе. Содержаніе его всѣмъ извѣстно. Радищевъ написалъ нѣсколько отрывковъ, давъ каждому въ заглавіе названіе одной изъ станціи, находящихся на дорогѣ изъ Петербурга въ Москву. Въ нихъ излилъ онъ свои мысли безъ всякой связи и порядка. Въ Черной Грязи, пока перемѣняли лошадей, я началъ книгу съ послѣдней главы и такимъ образомъ заставилъ Радищева путешествовать со мною изъ Москвы въ Петербургъ.

II. МОСКВА.*

«Москва! Москва!» восклицаетъ Радищевъ на послѣдней страницѣ своей книги, и бросаетъ жолчью напитанное перо, какъ будто мрачныя картины его воображенія разсѣялись при взглядѣ на золотыя маковки Москвы бѣлокаменной. Вотъ уже Всесвятское... Онъ прощается съ утомленнымъ читателемъ, онъ проситъ своего спутника подождать его у околицы; на возвратномъ пути онъ примется опять за свои горькія полуистины, за свои дерзкія мечтанія. Теперь ему некогда: онъ скачетъ успокоиться въ семьѣ родныхъ, позабыться въ вихрѣ

---

* Въ черновой рукописи набросана программа: Что была Москва? — Мнѣніе Екатерины. Что Москва теперь? Отчего сіе происходитъ? — Чѣмъ Москва еще держится? — Что изъ нея будетъ? — Сравненіе Москвы съ боярствомъ.— (Литература). Московскій университетъ.—Горе отъ ума.

lib.pushkinskijdom.ru

московскихъ забавъ. До свиданья, читатель! «Ямщикъ, погоняй!... Москва, Москва!»

Многое перемѣнилось со временъ Радищева... Покидая нынѣ смиренную Москву и готовясь увидѣть блестящій Петербургъ, я заранѣе встревоженъ при мысли перемѣнить мой тихій образъ жизни на вихрь и шумъ, ожидающіе меня; голова моя заранѣе кружится...

Fuit Troja, fuimus Trojani. Нѣкогда соперничество между Москвой и Петербургомъ дѣйствительно существовало. Нѣкогда въ Москвѣ пребывало богатое неслужащее боярство, вельможи оставившіе дворъ, люди независимые, безпечные, страстные къ безвредному злорѣчію и къ дешовому хлѣбосольству. Нѣкогда Москва была сборнымъ мѣстомъ для всего русскаго дворянства, которое изо всѣхъ провинцій съѣзжалось въ нее на зиму. Блестящая гвардейская молодежь налетала туда жъ изъ Петербурга. Во всѣхъ концахъ древней столицы гремѣла музыка и вездѣ была толпа. Въ залѣ благороднаго собранія, два раза въ недѣлю, было до пяти тысячъ народу. Тутъ молодые люди знакомились между собою; улаживались свадьбы. Москва славилась невѣстами, какъ Вязьма пряниками. Московскіе обѣды (такъ оригинально описанные княземъ Долгорукимъ) вошли въ пословицу. Невинныя странности москвичей были признакомъ ихъ независимости. Они жили по своему, забавлялись какъ хотѣли, мало заботясь о мнѣніи ближняго. Бывало, богатый чудакъ выстроитъ себѣ на одной изъ главныхъ улицъ китайскій домъ съ зелеными драконами, съ деревянными мандаринами подъ золочеными зонтиками. Другой выѣдетъ въ Марьину Рощу въ каретѣ изъ кованаго серебра 84-й пробы. Третій на запятки четвероместныхъ саней поставитъ человѣкъ пять араповъ, егерей и скороходовъ—и цугомъ тащится по лѣтней мостовой. Щеголихи, перенимая петербургскія моды, налагали и на наряды неизгладимую печать. Надменный Петербургъ издали смѣялся и не вмѣшивался въ затѣи старушки Москвы. Куда дѣвалась эта шумная, праздная, беззаботная жизнь? Куда дѣвались балы, пиры, чудаки и проказники?—Все исчезло! Остались однѣ невѣсты, къ которымъ нельзя по крайней мѣрѣ примѣнить грубую пословицу: vieilles comme les rues. Московскія улицы, благодаря 1812 году, моложе московскихъ красавицъ, все еще цвѣтущихъ розами! Нынѣ въ присмирѣвшей Москвѣ огромные боярскіе дома стоятъ печально между широкимъ дво-

lib.pushkinskijdom.ru

ромъ, заросшимъ травою и садомъ, запущеннымъ и одичалымъ. Подъ вызолоченнымъ гербомъ торчитъ вывѣска портнаго, который платитъ хозяину тридцать рублей въ мѣсяцъ за квартиру; великолѣпный бель-этажъ нанятъ мадамой для пансіона— и то слава Богу! На всѣхъ воротахъ прибито объявленіе, что домъ продается и отдается въ наймы — и никто его не покупаетъ, и никто его не нанимаетъ. Улицы мертвы; рѣдко по мостовой раздается стукъ кареты; барышни бѣгутъ къ окошкамъ, когда ѣдетъ одинъ изъ полицмейстеровъ со своими казаками. Подмосковныя деревни также пусты и печальны: роговая музыка не гремитъ въ рощахъ Свирлова и Останкина; плошки и цвѣтные фонари не освѣщаютъ англійскихъ дорожекъ, нынѣ заросшихъ травою, а бывало уставленныхъ миртовыми и померанцовыми деревьями. Пыльныя кулисы домашняго театра тлѣютъ въ залѣ, оставленной послѣ послѣдняго представленія французской комедіи. Барскій домъ дряхлѣетъ. Во флигелѣ живетъ нѣмецъ-управитель и хлопочетъ о проволочномъ заводѣ. Обѣды даются уже не хлѣбосолами старинаго покроя въ день хозяйскихъ именинъ, или въ угоду веселыхъ обжоръ, въ честь вельможи, удалившагося отъ двора, но обществомъ игроковъ, задумавшихъ обобрать навѣрное юношу, вышедшаго изъ подъ опеки, или саратовскаго откупщика. Московскіе балы... Увы! Посмотрите на эти домашнія прически, на эти бѣлые башмачки, искусно забѣленные мѣломъ... Кавалеры набраны кое-гдѣ—и что за кавалеры! Горе отъ ума есть картина обветшалая, печальный анахронизмъ. Вы въ Москвѣ уже не найдете ни Фамусова, который «всякому, ты знаешь, радъ»: и князю Петру Ильичу, и французу изъ Бордо, и Загорѣцкому, и Скалозубу, и Чацкому; ни Татьяны Юрьевны, которая «балы даетъ нельзя богаче, отъ Рождества и до поста, а лѣтомъ праздники на дачѣ.» Хлёстова въ могилѣ; Репетиловъ въ деревнѣ. Бѣдная Москва!...

Петръ I-й не любилъ Москвы, гдѣ на каждомъ шагу встрѣчалъ воспоминанія мятежей и казней, закоренѣлую старину и упрямое сопротивленіе суевѣрія и предразсудковъ. Онъ оставилъ Кремль, гдѣ ему было не душно, но тѣсно, и на дальнемъ берегу Балтійскаго моря искалъ досуга, простора и свободы для своей мощной и безпокойной дѣятельности. Послѣ этого, когда старая аристократія возымѣла прежнюю силу и вліяніе, Долгорукіе чуть было не возвратили Москвѣ своихъ

lib.pushkinskijdom.ru

государей; но смерть молодаго Петра II-го снова утвердила за Петербургомъ его недавнія права. [1]

Упадокъ Москвы есть неминуемое слѣдствіе возвышенія Петербурга. Двѣ столицы не могутъ въ равной степени процвѣтать въ одномъ и томъ же государствѣ. какъ два сердца не существуютъ въ тѣлѣ человѣческомъ. Но обѣднѣніе Москвы доказываетъ и другое — обѣднѣніе русскаго дворянства, происшедшее частію отъ раздробленія имѣній, исчезающихъ съ ужасной быстротою, частію отъ другихъ причинъ, о которыхъ успѣемъ еще потолковать. [2]

Но Москва, утративши свой блескъ аристократическій, процвѣтаетъ въ другихъ отношеніяхъ: промышленность, сильно покровительствуемая, въ ней оживилась и развилась съ необыкновенной силою. Купечество богатѣетъ и начинаетъ селиться въ палатахъ, покидаемыхъ дворянствомъ. Съ другой стороны, просвѣщеніе любитъ городъ, гдѣ Шуваловъ основалъ университетъ по предначертанію Ломоносова. [3]

Московская словесность выше петербургской. Литераторы петербургскіе по большей части не литераторы, но предпріимчивые и смышленные литературные откупщики. Ученость, любовь къ искусству и таланты, неоспоримо, на сторонѣ Москвы.

---

[1] Въ бѣловой рукописи зачеркнуто: «Нынѣ царствующій императоръ чаще другихъ удостоиваетъ Москву своимъ посѣщеніемъ. Неожиданный пріѣздъ его въ концѣ 1830 г., во время заразы, принадлежитъ будущему историку.»

[2] Въ черновой рукописи было еще: «Нынѣ нѣтъ въ Москвѣ мнѣнія общаго народнаго; нынѣ бѣдствія или слава отечества не отзываются въ этомъ сердцѣ Россіи. Грустно было слышать толки московскаго общества во время послѣдняго польскаго возмущенія; гадко было видѣть бездушныхъ читателей французскихъ газетъ, улыбающихся при вѣсти о нашихъ неудачахъ....»

[3] Послѣ этого зачеркнуто: «Признаюсь въ моей слабости: московскую словесность я всегда предпочиталъ петербургской, и охотнѣе читаю «Вѣдомости» кн. Шаликова, нежели Сѣверную Пчелу. Московская словесность выше петербургской. Г-нъ А. заводитъ журналъ, потому что онъ отставленъ отъ выгоднаго мѣста. Г-нъ В. пишетъ романъ, потому что романы въ цѣнѣ. Критики пишутся потому, что по краямъ газетнаго листа нуженъ фельетонъ въ полтора вершка, какъ кайма для шали. — Даже въ «Телеграфѣ», журналѣ московскомъ, принадлежащемъ къ предпріятіямъ чисто-торговымъ, даже и тутъ перевѣсъ на сторонѣ московскаго издателя. Какая смышленость въ выборѣ переводныхъ статей! какая оборотливость въ сужденіяхъ о предметахъ, вовсе чуждыхъ понятіямъ критика! какое бойкое шарлатанство! Куда петербургскимъ торгашамъ за нашими!»

lib.pushkinskijdom.ru

Московскій журнализмъ убьетъ петербургскій. Московская критика съ честью отличается отъ петербургской. Шевыревъ, Кирѣевскій, Погодинъ и другіе писатели написали нѣсколько опытовъ, достойныхъ стать на ряду съ лучшими статьями англійскихъ Reviews; между тѣмъ какъ петербургскіе журналы судятъ о литературѣ какъ о музыкѣ, о музыкѣ какъ о политической экономіи, т. е. наобумъ и какъ нибудь, иногда впопадъ и остроумно, но большею частію неосновательно и поверхностно.

Философія нѣмецкая, которая нашла въ Москвѣ, можетъ быть, слишкомъ много молодыхъ послѣдователей, кажется, начинаетъ уступать духу болѣе практическому. Тѣмъ не менѣе вліяніе ее было благотворно: она спасла нашу молодежь отъ холоднаго скептицизма французской философіи и удалила ее отъ упоительныхъ и вредныхъ мечтаній, которыя имѣли столь ужасное вліяніе на лучшій цвѣтъ предшествовавшаго поколѣнія.

Кстати, я отыскалъ въ моихъ бумагахъ любопытное сравненіе между обѣими столицами; оно написано однимъ изъ моихъ пріятелей, великимъ меланхоликомъ, имѣющимъ иногда свои свѣтлыя минуты веселости: Москва и Петербургъ....*

Ш. ЛОМОНОСОВЪ.

Въ концѣ книги своей Радищевъ помѣстилъ слово о Ломоносовѣ. Оно написано слогомъ надутымъ и тяжелымъ. Радищевъ имѣлъ тайное намѣреніе нанести ударъ неприкосновенной славѣ русскаго Пиндара. Достойно замѣчанія и то, что Радищевъ тщательно прикрылъ это намѣреніе уловками уваженія и обошелся со славою Ломоносова гораздо осторожнѣе, нежели съ верховной властію, на которую напалъ съ такой безумной дерзостію. Онъ болѣе тридцати страницъ наполнилъ похвалами стихотворцу, ритору и грамматику, чтобы въ концѣ своего слова помѣстить слѣдующія мятежныя строки:

«Мы желаемъ показать, что въ отношеніи русской словесности тотъ, кто путь ко храму славы проложилъ, есть первый виновникъ въ пріобрѣтеніи славы, хотя бы онъ войти во храмъ

---

* Статья эта составила часть «Петербургскихъ Замѣтокъ» Гоголя, впослѣдствіи напечатанныхъ въ I т. Современника 1837 г

lib.pushkinskijdom.ru

не могъ. Баконъ Веруламскій не достоинъ развѣ напоминанія, что могъ только сказать, какъ можно размножать науки? Не достойны развѣ признательности мужественные писатели, возстающіе на губительство и всесиліе для того, что не могли избавить человѣчества изъ оковъ и плѣненія? И мы не почтимъ Ломоносова для того, что не разумѣлъ правилъ позорищнаго стихотворенія и томился въ эпопеи, что чуждъ былъ въ стихахъ чувствительности, что не всегда проницателенъ въ сужденіяхъ, и что въ самыхъ одахъ своихъ вмѣщалъ иногда болѣе словъ, нежели мыслей?

Ломоносовъ былъ великій человѣкъ.* Между Петромъ I и Екатериною II онъ одинъ является самобытнымъ сподвижникомъ просвѣщенія. Онъ создалъ первый университетъ: онъ, лучше сказать, самъ былъ первымъ нашимъ университетомъ. Но въ семъ университетѣ профессоръ поэзіи и элоквенціи не что иное, какъ исправный чиновникъ, а не поэтъ, вдохновенный свыше, не ораторъ, мощно увлекательный. Однообразныя и стѣснительныя формы, въ кои отливалъ онъ свои мысли, даютъ его прозѣ ходъ утомительный и тяжелый. Эта схоластическая величавость, полуславянская, полулатинская, сдѣлалась было необходимостію; къ счастію Карамзинъ освободилъ языкъ отъ чуждаго ига и возвратилъ ему свободу, обративъ его къ живымъ источникамъ народнаго слова.

Въ Ломоносовѣ нѣтъ ни чувства, ни воображенія. Оды его, писанныя по образцу тогдашнихъ нѣмецкихъ стихотворцевъ, давно уже забытыхъ въ самой Германіи, утомительны и надуты.** Его вліяніе на словесность было вредное и до сихъ поръ въ ней отзывается. Высокопарность, изысканность, отвращеніе отъ простоты и точности, отсутствіе всякой народности и оригинальности — вотъ слѣды, оставленные Ломоносовымъ. Ломоносовъ самъ не дорожилъ своею поэзіею и гораздо болѣе заботился о своихъ химическихъ опытахъ, нежели о должностныхъ одахъ на высокоторжественный день тезоименитства и проч. Съ какимъ презрѣніемъ говоритъ онъ о Сумароковѣ, страстномъ къ своему искусству, объ этомъ чело-

---

* Въ черн. рук. Какъ Петръ, онъ посвятилъ жизнь свою образованности своего отечества.

** Въ черн. рук. Подражаніе псалмамъ и книгѣ Іова лучше, но отличаются только хорошимъ слогомъ и то не всегда точнымъ; ихъ поэзія не принадлежитъ Ломоносову.

lib.pushkinskijdom.ru

вѣкѣ, который ни о чемъ, кромѣ какъ о бѣдномъ своемъ риѳмичествѣ, не думаетъ.... За то съ какимъ жаромъ говоритъ онъ о наукахъ, о просвѣщеніи. Смотрите письма его къ Шувалову, къ Воронцову и проч.

Ничто не можетъ дать лучшаго понятія о Ломоносовѣ, какъ слѣдующій рапортъ, поданный имъ Шувалову о своихъ упражненіяхъ съ 1751 года по 1757. (Выписанъ «Рапортъ» Ломоносова. См. изд. 1847 г., т. I, стр. 728—735).

Сумароковъ былъ шутомъ у всѣхъ тогдашнихъ вельможъ: у Шувалова, у Панина; его дразнили, подстрекали и забавлялись его выходками.

Фонъ-Визинъ, коего характеръ имѣетъ нужду въ оправданіи, забавлялъ знатныхъ, передразнивая Александра Петровича въ совершенствѣ. Державинъ изподтишка писалъ сатиры на Сумарокова и пріѣзжалъ, какъ ни въ чемъ не бывало, наслаждаться его бѣшенствомъ. Ломоносовъ былъ инаго покроя. Съ нимъ шутить было накладно. Онъ вездѣ былъ тотъ же: дома, гдѣ всѣ его трепетали; во дворцѣ, гдѣ онъ диралъ за уши пажей; въ академіи, гдѣ, по свидѣтельству Шлёцера, не смѣли при немъ пикнуть. Немногимъ извѣстна стихотворная перепалка его съ Димитріемъ Сѣченовымъ, по случаю Гимна Бородѣ, не напечатаннаго ни въ одномъ собраніи его сочиненій.* Она можетъ дать понятіе о заносчивости поэта, какъ и о нетерпимости проповѣдника. Со всѣмъ тѣмъ Ломоносовъ былъ добродушенъ. Какъ хорошо его письмо о семействѣ несчастнаго Рихмана! Въ отношеніи къ самому себѣ онъ былъ очень безпеченъ, и, кажется, жена его, хоть была и нѣмка, но мало смыслила въ хозяйствѣ. Вдова одного стараго профессора, услыша что рѣчь идетъ о Ломоносовѣ, спросила: «О какомъ Ломоносовѣ говорите вы? Не о Михайлѣ ли Васильевичѣ? То-то былъ пустой человѣкъ! Бывало отъ него всегда бѣгали къ намъ за кофейникомъ. Вотъ Тредьяковскій, Василій Кириловичъ, вотъ этотъ былъ почтенный и порядочный человѣкъ!» Тредьяковскій былъ конечно почтенный и порядочный человѣкъ. Его филологическія и грамматическія изъясненія очень замѣчательны. Онъ имѣлъ о русскомъ стихосложеніи обширнѣйшее понятіе, нежели Ломоносовъ и Сумароковъ. Любовь его къ Фе-

* Онъ напечатанъ въ 1858 г. въ Библіографическихъ Запискахъ.

lib.pushkinskijdom.ru

нслонову эпосу дѣлаетъ ему честь, а мысль перевести его стихами и самый выборъ стиха доказываетъ необыкновенное чувство изящнаго. Въ Телемахидѣ находится много хорошихъ стиховъ и счастливыхъ оборотовъ. Дельвигъ приводилъ часто слѣдующій стихъ въ примѣръ прекраснаго гекзаметра:

Корабль Одиссеевъ
Бѣгомъ волны дѣля, отъ очей ушелъ и сокрылся.

Вообще изученіе Тредьяковскаго приноситъ болѣе пользы, нежели изученіе прочихъ нашихъ старыхъ писателей. Сумароковъ и Херасковъ вѣрно не стоятъ Тредьяковскаго.

Радищевъ укоряетъ Ломоносова въ лести и тутъ же извиняетъ его. Ломоносовъ наполнилъ торжественныя свои оды высокопарною хвалою; онъ безъ обиняковъ называетъ благодѣтеля своего, графа Шувалова, своимъ благодѣтелемъ; онъ въ какой-то придворной идилліи воспѣваетъ графа К. Разумовскаго подъ именемъ Полидора, онъ стихами поздравляетъ графа Орлова съ возвращеніемъ его изъ Финляндіи; онъ пишетъ: «Его сіятельство графъ М. Л. Воронцовъ, по своей высокой ко мнѣ милости изволилъ взять отъ меня пробы мозаическихъ составовъ для показанія ея величеству.» Нынѣ все это вывелось изъ обыкновенія. Дѣло въ томъ, что разстояніе отъ одного сословія до другаго въ то время еще существовало. Ломоносовъ, рожденный въ низкомъ сословіи, не думалъ возвысить себя наглостію и запанибратствомъ съ людьми высшаго состоянія (хотя впрочемъ, по чину, онъ могъ быть имъ и равный). Но за то умѣлъ онъ за себя постоять, и не дорожилъ ни покровительствомъ своихъ меценатовъ, ни своимъ благосостояніемъ, когда дѣло шло о его чести или о торжествѣ его любимыхъ идей. Послушайте, какъ пишетъ онъ этому самому Шувалову, предстателю музъ, высокому своему патрону, который вздумалъ было надъ нимъ пошутить: «Я, ваше высокопревосходительство, не только у вельможъ, но ниже у Господа моего Бога дуракомъ быть не хочу.»*

Въ другой разъ, заспоря съ тѣмъ же вельможею, Ломоносовъ такъ его разсердилъ, что Шуваловъ закричалъ: «Я отставлю тебя отъ академіи.»—«Нѣтъ, возразилъ гордо Ломоносовъ: развѣ академію отъ меня оставятъ.» Вотъ каковъ былъ этотъ

* См. его письмо къ Ив. Ив. Шувалову.—Авт.

lib.pushkinskijdom.ru

униженный сочинитель похвальныхъ одъ и придворныхъ идиллій!*

Patronage (покровительство) до сей поры сохраняется въ обычаяхъ англійской литературы. Почтенный Креббъ, умершій недавно, поднесъ всѣ свои прекрасныя поэмы to his grace the Duck etc. Въ своихъ смиренныхъ посвященіяхъ онъ почтительно упоминаетъ о милостяхъ и высокомъ покровительствѣ, коихъ онъ удостоился, и проч. Въ Россіи вы не встрѣтите ничего подобнаго. У насъ, какъ замѣтила m-me de Staël, словесностію занимались большею частію дворяне (en Russie quelques gentilshommes se sont occupés de littérature). Это дало особенную физіономію нашей литературѣ; у насъ писатели не могутъ изыскивать милостей и покровительства у людей, которыхъ почитаютъ себѣ равными, и подносить свои сочиненія вельможѣ или богачу, въ надеждѣ получить отъ него пятьсотъ рублей или перстень, украшенный драгоцѣнными каменьями. Что жъ изъ этого слѣдуетъ? Что нынѣшніе писатели благороднѣе мыслятъ и чувствуютъ, нежели мыслили и чувствовали Ломоносовъ и Костровъ? Позвольте въ томъ усомниться.

Нынче писатель, краснѣющій при одной мысли посвятить книгу свою человѣку, который выше его двумя или тремя чинами, не стыдится публично жать руку журналисту, ошельмованному въ общемъ мнѣніи, но который можетъ повредить продажѣ книги, или хвалебнымъ объявленіемъ заманивать покупщиковъ. Нынѣ послѣдній изъ писакъ, готовый на всякую приватную подлость, громко проповѣдуетъ независимость и пишетъ безыменные пасквили на людей, передъ которыми разстилается въ ихъ кабинетѣ.

Къ тому жъ съ нѣкоторыхъ поръ литература стала у насъ ремесло выгодное, и публика въ состояніи дать болѣе денегъ, нежели его сіятельство такой-то или его высокопревосходитель-

---

* Въ черновомъ: «Радищевъ говоритъ, что Ломоносовъ ни въ какой отрасли наукъ не проложилъ новыхъ слѣдовъ, и тутъ же сравниваетъ его съ лордомъ Бекономъ. Такое странное понятіе имѣлъ XVIII вѣкъ о величайшемъ умѣ новѣйшихъ временъ, о человѣкѣ, произведшемъ въ наукахъ сильнѣйшій переворотъ и давшемъ имъ то направленіе, на которомъ онѣ нынѣ.—Если Ломоносова можно назвать русскимъ Бекономъ, то это развѣ въ такомъ же смыслѣ, какъ Хераскова называли русскимъ Гомеромъ. Къ чему эти прозвища! Ломоносовъ есть русскій Ломоносовъ—этого съ него, право, довольно.»

lib.pushkinskijdom.ru

ство такой-то. Какъ бы то ни было, повторяю, что формы ничего не значатъ. Ломоносовъ и Креббъ достойны уваженія всѣхъ честныхъ людей, не смотря на ихъ смиренныя посвященія; а господа NN все-таки презрительны, не смотря на то, что въ своихъ книжкахъ они проповѣдуютъ благородную гордость, и что они свои сочиненія посвящаютъ не доброму и умному вельможѣ, а какому нибудь бестіи и плуту, подобному имъ.

IV. ЧЕРНАЯ ГРЯЗЬ.

«Здѣсь я видѣлъ такъ же изрядный опытъ самовластія дворянскаго надъ крестьянами. Проѣзжала тутъ свадьба. Но вмѣсто радостнаго поѣзда и слезъ боязливой невѣсты, скоро въ радость претвориться опредѣленныхъ, зрѣлись на челѣ опредѣленныхъ вступить въ супружество печаль и уныніе. Они другъ друга ненавидятъ и властію господина своего влекутся на казнь, къ алтарю отца всѣхъ благъ, подателя нѣжныхъ чувствованій и веселій, зиждителя истиннаго блаженства, Творца вселенныя. И служитель его пріиметъ исторгнутую властію клятву и утвердитъ бракъ! И сіе назовется союзомъ божественнымъ! И богохуленіе сіе останется на примѣръ другимъ! И не устройство сіе въ законѣ останется ненаказаннымъ!.. Почто удивляться сему? Благословляетъ бракъ наемникъ; градодержатель, для охраненія закона опредѣленный—дворянинъ. Тотъ и другой имѣютъ въ семъ дѣлѣ свою пользу. Первый, ради полученія мзды; другой, дабы истребляя поносительное человѣчеству насиліе, не лишиться самому лестнаго преимущества —управлять себѣ подобнымъ самовластно.—О! горестная участь многихъ милліоновъ! конецъ твой сокрытъ еще отъ взора и внучатъ моихъ ..» (Путешествія стр. 417—418).

Черная Грязь. Браки. Радищевъ въ главѣ: Черная Грязь говоритъ о бракахъ поневолѣ, и горько порицаетъ самовластіе господъ и потворство градодержателей (городничихъ). Вообще, несчастіе жизни семейственной есть отличительная черта въ нравахъ русскаго народа. Шлюсь на русскія пѣсни: обыкновенное ихъ содержаніе—или жалобы красавицы, выданной за. мужъ насильно, или упреки молодаго мужа постылой женѣ. Свадебныя пѣсни наши унылы, какъ вой похоронный. Спрашивали однажды у старой крестьянки: по страсти ли вышла она замужъ? «По страсти, отвѣчала старуха; я было заупрямилась, да староста грозилъ меня высѣчь.» Таковыя страсти обыкновенны. Неволя браковъ давнее зло. Недавно правительство обратило вниманіе на лѣта вступающихъ въ супружество: это уже шагъ къ улучшенію. Осмѣливаюсь замѣтить одно: возрастъ, назначенный законнымъ срокомъ для вступленія въ

lib.pushkinskijdom.ru

бракъ, могъ бы для женскаго пола быть уменьшенъ. Пятнадцатилѣтняя дѣвка въ нашемъ климатѣ уже на выдачѣ, а крестьянскія семейства нуждаются въ работницахъ.

V. ГОРОДНЯ.

Въѣжжая въ сію деревню не стихотворческимъ пѣснопѣніемъ слухъ мой былъ увѣряемъ. но пронзающимъ сердца воплемъ женъ, дѣтей и старцевъ. Вставъ изъ моей кибитки, отпустилъ я ее къ почтовому двору, любопытствуя узнать причину примѣтнаго на улицѣ смятенія.

Подошедъ къ одной кучѣ, узналъ я, что рекрутскій наборъ былъ причиною рыданія и слезъ многихъ толпящихся. Изъ многихъ селеній казенныхъ и помѣщичьихъ сошлися отправляемые на отдачу рекруты.

Въ одной толпѣ старуха лѣтъ 50. держа за голову 20-ти лѣтняго парня, вопила. Любезное мое дитетко. на кого ты меня покидаешь? Кому ты поручаешь домъ родительской? Поля наши порастутъ травой; мохомъ наша хижина. Я бѣдная, престарѣлая мать твоя скитаться должна по міру. Кто согрѣетъ мою дряхлость отъ холода, кто укроетъ ее отъ зноя? кто напоитъ меня и накормитъ? Да все то не столь сердцу тягостно: кто закроетъ мои очи при издыханіи? Кто приметъ мое родительское благословеніе? Кто тѣло предастъ общей нашей матери—сырой землѣ? Кто придетъ вспомянуть меня надъ могилою? Не канетъ на нее твоя горячая слеза; не будетъ мнѣ отрады той.—Подлѣ старухи стояла дѣвка уже взрослая. Она такъ же вопила. Прости, мой другъ сердечной, прости, мое красное солнушко! Мнѣ, твоей невѣстѣ нарѣченной, не будетъ больше утѣхи, ни веселья. Не позавидуютъ мнѣ подруги мои. Не взойдетъ надо мною солнце для радости. Горевать ты меня покидаешь, ни вдовою ни мужнею женою. Хотя бы безчеловѣчные наши старосты, хоть дали бъ намъ обвѣнчаться; хотя бы ты, мой милой другъ, хоть бы одну уснулъ ночиньку, уснулъ бы на бѣлой моей груди. Авось ли бы Богъ меня помиловалъ. и далъ бы мнѣ паренька на утѣшенье.—Парень имъ говорилъ. Перестаньте плакать, перестаньте рвать мое сердце. Зоветъ насъ государь на службу, на меня палъ жребій. Воля Божія! кому не умирать, тотъ живъ будетъ. Авось либо я съ полкомъ къ вамъ приду. Авось либо дослужуся до чина. Не крушися, моя матушка родимая! береги для меня Прасковьюшку.—Рекрута сего отдавали изъ экономическаго селенія.

Совсѣмъ другаго рода слова внялъ слухъ мой въ близь стоящей толпѣ. Среди оной я увидѣлъ человѣка лѣтъ 30, посредственнаго роста, стоящаго бодро, и весело на окрестъ стоящихъ взирающаго. Услышалъ Господь молитву мою, вѣщалъ онъ. Достигли слезы несчастнаго до утѣшителя всѣхъ. Теперь буду хотя знать, что жребій мой зависѣть можетъ отъ

lib.pushkinskijdom.ru

добраго или худаго моего поведенія. Доселѣ зависѣлъ онъ отъ своенравія женскаго. Одна мысль утѣшаетъ, что безъ суда батожьемъ наказанъ не буду!—Узнавъ изъ рѣчей его, что онъ господской былъ человѣкъ, любопытствовалъ отъ него узнать причину необыкновеннаго удовольствія. На вопросъ мой о семъ онъ отвѣтствовалъ. Если бы, государь мой, съ одной стороны поставлена была висѣлица, а съ другой глубокая рѣка, и стоя между двухъ гибелей неминуемо бы должно было идти направо или налѣво, въ петлю или въ воду, что избрали бы вы, чего бы заставилъ желать разсудокъ и чувствительность? Я думаю, да и всякой другой избралъ бы броситься въ рѣку, въ надеждѣ, что переплывъ на другой брегъ, опасность уже минется. Никто не согласился бы испытать, тверда ли петля, своей шеею. Таковъ мой былъ случай. Трудна солдатская жизнь, но лучше петли. Хорошо бы и то, когда бы тѣмъ и конецъ былъ, но умирать томною смертію, подъ батожьемъ, подъ кошками, въ кандалахъ, въ погребѣ, нагу, босу, алчущу, жаждущу, при всегдашнемъ поруганіи; государь мой, хотя холопей щитаете вы своимъ имѣніемъ, нерѣдко хуже скотовъ, но къ нещастію ихъ горчайшему они чувствительности не лишены. Вамъ удивительно, вижу я, слышать таковыя слова въ устахъ крестьянина, но слышавъ ихъ, для чего не удивляетесь жестокосердію своей собратіи дворянъ.» (Путешествіе, стр. 370—374).

Самая необходимая и тягчайшая изъ повинностей народныхъ есть рекрутскій наборъ. Образъ набора вездѣ различествуетъ и вездѣ влечетъ за собою великія неудобства. Англійской прессъ подвергается ежедневно горькимъ выходкамъ оппозиціи и всѣмъ тѣмъ существуетъ во всей силѣ. Прусское Landwehr—система сильная и искусная, но приноровленная къ государству еще не оправданная опытомъ, возбуждаетъ уже ропотъ въ терпѣливыхъ пруссакахъ. Наполеоновская конскрипція производилась при громкихъ рыданіяхъ и проклятіяхъ всей Франціи.—«Чудовище, склонясь на колыбель дѣтей, считало годы ихъ кровавыми перстами, сыны въ дому отцовъ минутными гостями являлись...» и пр.*

Рекрутство наше тяжело, лицемѣрить нечего. Довольно упомянуть о законахъ противу крестьянъ, изувѣчивающихся во избѣжаніе солдатства. Сколько труда стоило Петру Великому, чтобы пріучить народъ къ рекрутству. Но можетъ ли государство обойтиться безъ постояннаго войска? Полумѣры ни къ чему доброму не ведутъ. Конскрипція по кратковременности

* Изъ извѣстнаго стихотворенія Жуковскаго (т. I, стр. 394),

lib.pushkinskijdom.ru

службы, въ теченіе 15 лѣтъ дѣлаетъ изо всего народа однихъ солдатъ. Въ случаѣ народныхъ мятежей, мѣщане бьются какъ солдаты; солдаты плачутъ и толкуютъ какъ мѣщане, обнимаются, и обращаются противъ правительства. Обѣ стороны одна съ другой тѣсно связаны. Русскій солдатъ, на 24 года отторженный изъ среды своихъ согражданъ, дѣлается чуждъ всему, кромѣ своего долга. Онъ возвращается на родину уже въ старости. Самое его возвращеніе уже есть порука за его добрую нравственность; ибо отставка дается только за безпорочную службу. Онъ жаждетъ одного спокойствія. На родинѣ находитъ онъ только нѣсколькихъ знакомыхъ стариковъ. Новое поколѣніе его не знаетъ и съ нимъ не братается.

Власть помѣщиковъ въ томъ видѣ, какъ она теперь существуетъ, необходима для рекрутскаго набора. Безъ нея правительство въ губерніяхъ не могло бы собрать и десятой доли требуемаго числа рекрутъ. Вотъ одна изъ тысячи причинъ, повелѣвающихъ намъ присутствовать въ нашихъ помѣстьяхъ; а не разоряться въ столицахъ подъ предлогомъ усердія къ службѣ, но въ самомъ дѣлѣ изъ единой любви къ разсѣянности и чинамъ.

Очередь, къ которой придерживаются нѣкоторые помѣщики филантропы, не должна существовать, пока существуютъ наши дворянскія права. Лучше употребить сіи права въ пользу нашихъ крестьянъ и удаляя изъ среды ихъ вредныхъ негодяевъ, людей, заслужившихъ тяжкое наказаніе и проч., дѣлать изъ нихъ полезныхъ членовъ обществу. Безразсудно жертвовать полезнымъ крестьяниномъ, трудолюбивымъ, добрымъ отцомъ семейства, а щадить вора и пьяницу обнищалаго, изъ уваженія къ какому-то правилу, самовольно нами признанному. И что значитъ эта жалкая пародія законности! Радищевъ сильно нападаетъ на продажу рекрутъ и другія злоупотребленія. Продажа рекрутъ была въ то время уже запрещена, но производилась еще подъ рукою. Простодумъ въ комедіи Княжнина говоритъ, что

Три тысячи скопилъ онъ дома лѣтъ въ десять,
Не хлѣбомъ, не скотомъ, не выводомъ телятъ,
Но кстати въ рекруты торгуючи людьми!

Но запрещеніе сіе имѣло свою невыгодную сторону: богатый крестьянинъ лишался возможности избавиться рекрутства,

lib.pushkinskijdom.ru

а судьба бѣдняковъ, коими торговалъ безжалостный помѣщикъ, врядъ ли черезъ то улучшилась.

VI. КЛИНЪ.

Слѣпой старикъ поетъ стихъ объ Алексіѣ, Божьемъ человѣкѣ; крестьяне плачутъ; Радищевъ рыдаетъ вслѣдъ за ямскимъ собраніемъ... «О природа! колико ты властительна!» Крестьяне даютъ старику милостыню. Радищевъ дрожащею рукою даетъ ему рубль. Старикъ отказывается отъ него, потому что Радищевъ—дворянинъ! Онъ разсказываетъ, что въ молодости лишился онъ глазъ на войнѣ за свои жестокости. Между тѣмъ баба подноситъ ему пирогъ. Старикъ принимаетъ его съ восторгомъ. Вотъ истинная благостыня, восклицаетъ онъ. Радищевъ наконецъ даритъ ему шейный платокъ, и извѣщаетъ насъ, что старикъ умеръ нѣсколько дней послѣ, похороненъ съ этимъ платкомъ на шеѣ. Имя Вертера, встрѣчаемое въ началѣ главы, поясняетъ загадку.

Вмѣсто всего сего пустословія, лучше было бы, если бы Радищевъ, кстати о старомъ и всѣмъ извѣстномъ стихѣ, поговорилъ намъ о нашихъ народныхъ пѣсняхъ, которыя до сихъ поръ еще не напечатаны, и которыя заключаютъ въ себѣ столько много истинной поэзіи.

VII. ТВЕРЬ.

«Стихотворство у насъ, говорилъ товарищъ мой трактирнаго обѣда, въ разныхъ смыслахъ, какъ оно пріемлется, далеко еще отстоитъ величія. Поэзія было пробудилась, но нынѣ паки дремлетъ, а стихосложеніе — шагнуло одинъ разъ и стало въ пень.

Ломоносовъ, уразумѣвъ смѣшное въ польскомъ одѣяніи нашихъ стиховъ, снялъ съ нихъ несродное имъ полукафтанье. Подавъ хорошіе примѣры новыхъ стиховъ, надѣлъ на послѣдователей своихъ узду великаго примѣра, и никто доселѣ отматнуться отъ него не дерзнулъ. По нещастію случилося, что Сумароковъ въ то же время былъ, и былъ отмѣнной стихотворецъ. Онъ употреблялъ стихи по примѣру Ломоносова, и нынѣ всѣ въ слѣдъ за ними не воображаютъ, чтобы другіе стихи быть могли, какъ ямбы, какъ такіе, какими писали сіи оба знаменитые мужи. Хотя оба сіи стихотворцы преподавали правила другихъ стихосложеній, а Сумароковъ и во всѣхъ родахъ оставилъ примѣры, но они столь маловажны, что ни отъ кого подражанія не заслужили. Если бы Ломоносовъ преложилъ

lib.pushkinskijdom.ru

Іова Псалмопѣвца дактилями, или если бы Сумароковъ Семиру или Димитрія написалъ хореями, то и Херасковъ вздумалъ бы, что можно писать другими стихами опричь ямбовъ, и болѣе бы славы въ осьмилѣтнемъ своемъ пріобрѣлъ трудѣ, описавъ взятіе Казани свойственнымъ эпопеи стихосложеніемъ. Не дивлюсь, что древній треухъ на Виргилія надѣтъ Ломоносовскимъ покроемъ, но желалъ бы я, чтобы Омиръ между нами не въ ямбахъ явился, но въ стихахъ, подобныхъ его, гекзаметрахъ, и Костровъ, хотя не стихотворецъ, а переводчикъ, сдѣлалъ бы эпоху въ нашемъ стихосложеніи, ускоривъ шествіе нашей поэзіи цѣлымъ столѣтіемъ.

Но не одни Ломоносовъ и Сумароковъ составили россійское стихосложеніе. Неутомимой возовикъ Тредіаковскій не мало къ тому способствовалъ своею Телемахидою. Теперь дать примѣръ новаго стихосложенія очень трудно, ибо примѣры въ добромъ и худомъ стихосложеніи глубокій пустили корень. Парнасъ окруженъ ямбами и риѳмы стоятъ вездѣ на караулѣ. Кто бы ни задумалъ писать дактилями, тому тотчасъ Тредіаковскаго приставятъ дядькою и прекраснѣйшее дитя долго казаться будетъ уродомъ, доколѣ не родится Мильтона, Шекеспира или Вольтера. Тогда и Тредіаковскаго выроютъ изъ поросшей мхомъ забвенія могилы, въ Телемахидѣ найдутся добрые стихи, и будутъ въ примѣръ поставляемы.

Долго благой перемѣнѣ въ стихосложеніи препятствовать будетъ привыкшее ухо къ краесловію. Слышавъ долгое время единогласное въ стихахъ окончаніе, безриѳміе покажется грубо, негладко и нестройно. Таково оно и будетъ, доколѣ французскій языкъ будетъ въ Россіи больше другихъ языковъ въ употребленіи. Чувства наши, какъ гибкое и молодое дерево, можно выростить прямо и криво, по произволенію. Сверхъ же того въ стихотвореніи, такъ какъ и во всѣхъ вещахъ, можетъ господствовать мода, и если она хотя нѣсколько имѣетъ въ себѣ естественнаго, то принята будетъ безъ прекословія. Но все модное мгновенно, а особливо въ стихотворствѣ. Блескъ наружный можетъ заржавѣть, но истинная красота не поблекнетъ никогда. Омиръ, Виргилій, Мильтонъ, Расинъ, Вольтеръ, Шекеспиръ, Тассо и многіе другіе читаны будутъ, доколѣ не истребится родъ человѣческій.

Излишнимъ почитаю я бесѣдовать съ вами о разныхъ стихахъ, россійскому языку свойственныхъ. Что такое ямбъ, хорей, дактиль, или анапестъ, всякъ знаетъ, если немного кто разумѣетъ правила стихосложенія. Но то бы было неизлишнее, если бы я могъ дать примѣры въ разныхъ родахъ достаточные. Но силы мои и разумѣніе коротки. Если совѣтъ мой поможетъ что либо сдѣлать, то я бы сказалъ, что россійское стихотворство, да и самъ россійскій языкъ гораздо обогатились бы, если бы переводы стихотворныхъ сочиненій дѣлали не всегда ямбами. Гораздо бы эпической поэмѣ свойственнѣе

lib.pushkinskijdom.ru

было, если бы переводъ Генріады не былъ въ ямбахъ, а ямбы некраесловные хуже прозы.» (Путешествіе, стр. 350—354).

Радищевъ, будучи нововводителемъ въ душѣ, силился перемѣнить и русское стихосложеніе. Его изученія Телемахиды замѣчательны. Онъ первый писалъ у насъ древними лирическими размѣрами. Стихи его лучше его прозы. Прочтите его: Осьмнадцатое столѣтіе, Сафическія строфы, басню или вѣрнѣе элегію Журавли—все это имѣетъ достоинство. Въ главѣ, изъ которой выписалъ я приведенный отрывокъ, помѣщена его извѣстная ода на вольность; въ ней много сильныхъ стиховъ.—Обращаюсь къ русскому стихосложенію. Думаю, что современемъ мы обратимся къ бѣлому стиху. Риѳмъ въ русскомъ языкѣ слишкомъ мало. Одна вызываетъ другую. Пламень неминуемо тащитъ за собою камень. Изъ за чувства выглядываетъ непремѣнно искусство. Кому не надоѣли любовь и кровь, трудной и чудной, вѣрной и лицемѣрной и проч.

Много говорили о настоящемъ русскомъ стихѣ. А. Востоковъ опредѣлилъ его съ большою ученостію и смѣлостію. Вѣроятно, будущій нашъ эпическій поэтъ изберетъ его и сдѣлаетъ народнымъ.

VIII. МѢДНОЕ.

«Во полѣ береза стояла, во полѣ кудрявая стояла, ой люли, люли, люли, люли... Хороводъ молодыхъ бабъ и дѣвокъ—пляшутъ—пойдемъ поближе, говорилъ я самъ себѣ, развертывая найденныя бумаги моего пріятеля. Но я читалъ слѣдующее. Не могъ дойти до хоровода. Уши мои задернулися печалію, и радостный гласъ нехитростнаго веселія до сердца моего не проникъ. О мой другъ! гдѣ бы ты ни былъ, внемли и суди.

Каждую недѣлю два раза вся россійская имперія извѣщается, что Н. Н. или Б. Б. въ несостояніи или не хочетъ заплатить того, что занялъ, или взялъ, или чего отъ него требуютъ. Занятое либо проиграно, проѣзжено, прожито, проѣдено, пропито, про... или раздарено, потеряно въ огнѣ, или водѣ, или Н. Н. или Б. Б. другими какими либо случаями вошелъ въ долгъ или подъ взысканіе. То и другое наравнѣ въ вѣдомостяхъ пріемлется.—Публикуется: Сего... дня по полуночи въ 10 часовъ, по опредѣленію уѣзднаго суда или городоваго магистрата, продаваться будетъ съ публичнаго торга отставнаго капитана Г... недвижимое имѣніе: домъ, состоящій въ... части, подъ №... и при немъ шесть душъ мужескаго и женскаго полу; продажа будетъ при ономъ домѣ. Желающіе могутъ осмотрѣть заблаговременно.» (Путешествіе, стр. 341—342).

lib.pushkinskijdom.ru

Слѣдуетъ картина, ужасная тѣмъ, что она правдоподобна. Не стану теряться вслѣдъ за Радищевымъ въ его надутыхъ, но искреннихъ мечтаніяхъ.... съ которыми на сей разъ соглашаюсь поневолѣ.

IX. ВЫШНІЙ ВОЛОЧОКЪ.

Въ Вышнемъ Волочкѣ Радищевъ любуется шлюзами и благословляетъ память того, кто уподобясь природѣ въ ея благодѣяніяхъ, сдѣлалъ рѣку рукодѣльную—и всѣ концы единой области привелъ въ сообщеніе. Съ наслажденіемъ смотрѣлъ онъ на каналъ, наполненный нагруженными барками: онъ видѣлъ тутъ истинное земли изобиліе, избытки земледѣльчества. и во всемъ его блескѣ мощнаго пробудителя человѣческихъ дѣяній—корыстолюбіе. Но вскорѣ мысли его принимаютъ обыкновенное свое направленіе. Мрачными красками рисуетъ состояніе русскаго земледѣльца, и разсказываетъ слѣдующее:

«Нѣкто, не нашедъ въ службѣ, какъ то по просторѣчію называютъ, счастія, или не желая онаго въ ней снискать, удалился изъ столицы, пріобрѣлъ небольшую деревню, напримѣръ во сто или въ двѣсти душъ, опредѣлилъ себя искать прибытка въ земледѣліи. Не самъ онъ себя опредѣлялъ къ сохѣ, но вознамѣрился наидѣйствительнѣйшимъ образомъ всевозможное сдѣлать употребленіе естественныхъ силъ своихъ крестьянъ, прилагая оныя къ обработыванію земли. Способомъ къ сему надежнѣйшимъ почелъ онъ уподобить крестьянъ своихъ орудіямъ, ни воли ни побужденія не имѣющимъ, и уподобилъ ихъ дѣйствительно въ нѣкоторомъ отношеніи нынѣшняго вѣка воинамъ, управляемымъ грудою, устремляющимся на бою грудою, а въ единственности ничего не значущимъ. Для достиженія своея цѣли, онъ отнялъ у нихъ малый удѣлъ пашни и сѣнныхъ покосовъ, которые имъ на необходимое пропитаніе даютъ обыкновенно дворяне, яко въ возданіе за всѣ принужденныя работы, которыя они отъ крестьянъ требуютъ. Словомъ, сей дворянинъ Нѣкто всѣхъ крестьянъ, женъ ихъ и дѣтей заставилъ во всѣ дни года работать на себя, а дабы они не умирали съ голоду, то выдавалъ онъ имъ опредѣленное количество хлѣба, подъ именемъ мѣсячины извѣстное. Тѣ, которые не имѣли семействъ, мѣсячины не получали, а по обыкновенію лакедемонянъ пировали вмѣстѣ на господскомъ дворѣ, употребляя для соблюденія желудка въ мясоѣдъ пустыя шти, а въ посты и постные дни хлѣбъ съ квасомъ. Истинные розговины бывали развѣ на святой недѣлѣ.—Таковымъ урядникамъ производилась также приличная и соразмѣрная ихъ состоянію одежда. Обувь для зимы, т. е. лапти, дѣлали они сами. онучи получали отъ

lib.pushkinskijdom.ru

господина своего, а лѣтомъ ходили босы. Слѣдственно, у таковыхъ урядниковъ не было ни коровы, ни лошади, ни овцы, ни барана. Дозволеніе держать ихъ господинъ у нихъ не отымалъ, но способы къ тому. Кто былъ позажиточнѣе, кто былъ умѣреннѣе въ пищѣ, тотъ держалъ нѣсколько птицъ, которыхъ господинъ иногда биралъ себѣ, платя за нихъ цѣну по своей волѣ.—При таковомъ заведеніи не удивительно, что земледѣліе въ деревнѣ г-на Нѣкто было въ цвѣтущемъ состояніи. Когда у всѣхъ худой урожай, у него родился хлѣбъ самъ-четвертъ; когда у другихъ хорошій былъ урожай, то у него приходилъ хлѣбъ самъ-десять и болѣе. Въ недолгомъ времени къ 200 душами, онъ еще купилъ 200 жертвъ своему корыстолюбію, и поступая съ ними равно какъ и съ первыми, годъ отъ году умножалъ свое имѣніе, усугубляя число стенящихъ на его пивахъ. Теперь онъ считаетъ ихъ уже тысячами и славится какъ знаменитый земледѣлецъ.» (Путшествіе, стр. 272—275).

Помѣщикъ, описанный Радищевымъ, привелъ мнѣ на память другаго бывшаго мнѣ знакомаго лѣтъ 15 тому назадъ. Молодой образъ мыслей и пылкость тогдашнихъ чувствованій отвратили меня отъ него и помѣшали мнѣ изучать одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ характеровъ, которые удалось мнѣ встрѣтить. Этотъ помѣщикъ былъ родъ маленькаго Людовика XI. Онъ былъ тиранъ, но тиранъ по системѣ и по убѣжденію, съ цѣлью, къ которой двигался онъ съ силою души необыкновенной и съ презрѣніемъ къ человѣчеству, котораго онъ не думалъ и скрывать. Сдѣлавшись помѣщикомъ 2000 душъ, онъ нашелъ своихъ крестьянъ, какъ говорится, избалованными слабымъ и безпечнымъ своимъ предшественникомъ. Первымъ стараніемъ его было общее и совершенное разореніе. Онъ немедленно приступилъ къ совершенію своего предположенія и въ три года привелъ крестьянъ въ жестокое положеніе. Крестьянинъ не имѣлъ никакой собственности; онъ пахалъ барскою сохою, запряженной барской клячею; скотъ его былъ весь проданъ; онъ садился за спартанскую трапезу на барскомъ дворѣ; дома не имѣлъ онъ ни штей, ни хлѣба. Одежда, обувь выдавалась ему отъ господина. Словомъ, статья Радищева кажется картиною хозяйства моего помѣщика.—Какъ бы вы думали? Мучитель имѣлъ виды филантропическіе. Пріучивъ своихъ крестьянъ къ нуждѣ, терпѣнію и труду, онъ думалъ постепенно ихъ обогатить, возвратить имъ собственность, даровать имъ права! Судьба не поз-

lib.pushkinskijdom.ru

волила ему исполнить его предначертанія. Онъ былъ убитъ своими крестьянами во время пожара.

X. ТОРЖОКЪ.

(о цензурѣ).

Расположась обѣдать въ славномъ трактирѣ Пожарскаго, я прочелъ статью подъ заглавіемъ: Торжокъ. Въ ней дѣло идетъ о свободѣ книгопечатанія. Любопытно видѣть разсужденіе о семъ предметѣ человѣка, вполнѣ разрѣшившаго самому себѣ сію свободу, напечатавъ въ собственной типографіи книгу, въ которой дерзость мыслей и выраженій выходитъ изъ всѣхъ предѣловъ.

Было время—слава Богу, что оно прошло и, вѣроятно, уже не возвратится—что наши писатели были преданы на произволъ цензуры самой безсмысленной. Нѣкоторыя изъ тогдашнихъ рѣшеній могутъ показаться выдумкой и клеветою. Напримѣръ, какой-то стихотворецъ говоритъ о небесныхъ глазахъ своей возлюбленной. Цензоръ велѣлъ ему, вопреки просодіи, поставить вмѣсто небесныхъ — голубые, «ибо слово небо принимается иногда въ смыслѣ высшаго промысла.» Въ шотландской балладѣ Жуковскаго назначается свиданіе наканунѣ Иванова дня; цензоръ нашелъ, что въ такой великій праздникъ грѣшить неприлично, и не хотѣлъ пропустить баллады. Нѣкто критиковалъ трагедію Сумарокова; цензоръ вымаралъ всю статью, и написалъ на полѣ: «перемѣнить, соображаясь съ мнѣніемъ публики.»

Одинъ изъ французскихъ публицистовъ остроумнымъ софизмомъ захотѣлъ доказать безразсудность цензуры. «Если, говоритъ онъ, способность говорить была бы новѣйшимъ изобрѣтеніемъ, то нѣтъ сомнѣнія, что правительство не замедлило бъ установить цензуру и на языкъ; издали бы извѣстныя правила, и два человѣка, чтобъ поговорить между собою о погодѣ, должны были бы получить предварительное на то позволеніе.»

Конечно, если бы слово не было общею принадлежностію всего человѣческаго рода, а только милліонной части онаго, то правительства необходимо должны были бы ограничить законами права мощнаго сословія людей говорящихъ. Но грамота не есть естественная способность, дарованная Богомъ всему

lib.pushkinskijdom.ru

человѣчеству, какъ языкъ или зрѣніе. Человѣкъ безграмотный не есть уродъ и не находится внѣ вѣчныхъ законовъ природы. И между грамотеями не всѣ равно обладаютъ возможностію и самою способностію писать книги или журнальныя статьи. Писатели во всѣхъ странахъ міра суть классъ самый малочисленный изо всего народонаселенія. Печатный листъ обходится около 35 рублей, бумага также чего нибудь да стоитъ. Слѣдовательно печать доступна не всякому (не говоря уже о талантѣ и проч.), и очевидно, что аристократія самая мощная, самая опасная, есть аристократія людей, которые на цѣлыя поколѣнія, на цѣлыя столѣтія налагаютъ свой образъ мыслей, свои страсти, свои предразсудки. Что значитъ аристократія породы и богатства въ сравненіи съ аристократіей пишущихъ талантовъ? Никакое богатство не можетъ перекупить вліяніе обнародованной мысли. Никакая власть, никакое правленіе не можетъ устоять противу всеразрушительнаго дѣйствія типографическаго снаряда. Уважайте классъ писателей, но не допускайте же его овладѣть вами совершенно.

Мысль—великое слово! Что жъ и составляетъ величіе человѣка, какъ не мысль? Да будетъ же она свободна, какъ долженъ быть свободенъ человѣкъ: въ предѣлахъ закона, при полномъ соблюденіи условій, налагаемыхъ обществомъ.

«Мы въ томъ и не споримъ, говорятъ противники цензуры. Но книги, какъ и граждане, отвѣтствуютъ за себя. Есть законы для тѣхъ и для другихъ. Къ чему же предварительная цензура? Пускай книга сначала выйдетъ изъ типографіи, и тогда, если найдете ее преступною, вы можете ее ловить, хватать и казнить, а сочинителя или издателя присудить къ заключенію и къ положенному штрафу.»

Но мысль уже стала гражданиномъ, уже отвѣтствуетъ за себя, какъ скоро она родилась и выразилась. Развѣ рѣчь и рукопись не подлежатъ закону? Всякое правительство въ правѣ не позволять проповѣдывать на площадяхъ, что кому въ голову придетъ, и можетъ остановить раздачу рукописи, хотя строки оной начертаны перомъ, а не тиснуты станкомъ типографическимъ. Законъ не только наказываетъ, но и предупреждаетъ. Это даже его благодѣтельная сторона.

Дѣйствіе человѣка мгновенно и одно (isolé); дѣйствіе книги множественно и повсемѣстно. Законы противу злоупотребленій книгопечатанія не достигаютъ цѣли закона: не предупреждаютъ

lib.pushkinskijdom.ru

зла, рѣдко его пресѣкая. Одна цензура можетъ исполнить то и другое.

XI. РУССКАЯ ИЗБА.

Въ Пешкахъ (на станціи, нынѣ уничтоженной) Радищевъ съѣлъ кусокъ говядины и выпилъ чашку кофею. Онъ пользуется симъ случаемъ, дабы упомянуть о несчастныхъ африканскихъ невольникахъ, и тужитъ о судьбѣ русскаго крестьянина, не употребляющаго сахара. Все это было тогдашнимъ модным красноловіемъ. Но замѣчательно описаніе русской избы:

«Четыре стѣны, до половины покрытыя, такъ какъ и весь потолокъ, сажею; полъ въ щеляхъ, на вершокъ по крайней мѣрѣ поросшій грязью; печь безъ трубы, но лучшая защита отъ холода; и дымъ всякое утро зимою и лѣтомъ наполняющій избу; окончины, въ коихъ натянутой пузырь смеркающійся въ полдень пропускалъ свѣтъ; горшка два или три (щастлива изба, коли въ одномъ изъ нихъ всякій день есть пустыя щи!). Деревянная чашка и кружки, тарелками называемые; столъ топоромъ срубленой, которой скоблятъ скребкомъ по праздникамъ; корыто кормить свиней, или телятъ, буде есть, спать съ ними вмѣстѣ, глотая воздухъ, въ коемъ горящая свѣча какъ будто въ туманѣ или за завѣсою кажется. Къ щастію кадка съ квасомъ на уксусъ похожимъ, и на дворѣ баня, въ коей коли не парятся, то спитъ скотина. Посконная рубаха, обувь данная природою, онучки съ лаптями для выхода». (Путешествіе, стр. 412—413).

Очевидно, что Радищевъ начерталъ каррикатуру; но онъ упоминаетъ о банѣ и о квасѣ, какъ о необходимостяхъ русскаго быта. Это уже признакъ довольства. Замѣчательно, что наружный видъ русской избы мало перемѣнился со временемъ Мейерберга. Посмотрите на рисунки, присовокупленные къ его путешествію. Ничто такъ не похоже на русскую деревню въ XVI столѣтіи, какъ русская деревня въ 1833 году. Изба, мельница, заборъ, даже эта елка, это печальное тавро сѣверной природы — ничто, кажется, не измѣнилось. Однако, произошли улучшенія, по крайней мѣрѣ на большихъ дорогахъ: труба въ каждой избѣ; стекла замѣнили натянутый пузырь; вообще болѣе чистоты, удобства, того, что англичане называютъ comfort. Замѣчатеьно и то, что Радищевъ, заставивъ свою хозяйку жаловаться на голодъ и неурожай, оканчиваетъ картину нужды и бѣдствія сею чертою: «и начала сажать хлѣбы въ печь.»

lib.pushkinskijdom.ru

Фонъ-Визинъ, лѣтъ 15 передъ тѣмъ путешествовавшій по Франціи, говоритъ, что, по чистой совѣсти, судьба русскаго крестьянина показалась ему счастливѣе судьбы французскаго земледѣльца. Вѣрю. Вспомнимъ описаніе Лябрюера; * слова госпожи Севиньи еще сильнѣе тѣмъ, что она говоритъ безъ негодованія и горечи, а просто разсказываетъ, что видитъ и къ чему привыкла. Судьба французскаго крестьянина не улучшилась въ царствованіе Людовика XV и его преемника....

Прочтите жалобы англійскихъ фабричныхъ работниковъ: волоса встанутъ дыбомъ отъ ужаса. Сколько отвратительныхъ истязаній, непонятныхъ мученій! какое холодное варварство съ одной стороны, съ другой какая страшная бѣдность! Вы думаете, что дѣло идетъ о строеніи фараоновыхъ пирамидъ, о евреяхъ, работающихъ подъ бичами египтянъ. Совсѣмъ нѣтъ: дѣло идетъ о сукнахъ г-на Смидта, или объ иголкахъ г-на Джаксона. И замѣтьте, что все это есть не злоупотребленіе, не преступленіе, но происходитъ въ строгихъ предѣлахъ закона. Кажется, что нѣтъ въ мірѣ несчастнѣе англійскаго работника; но посмотрите, что дѣлается тамъ при изобрѣтеніи новой машины, избавляющей вдругъ отъ каторжной работы тысячъ пять или шесть народу и лишающей ихъ послѣдняго средства къ пропитанію.... У насъ нѣтъ ничего подобнаго. Повинности вообще не тягостны. Подушная платится міромъ, барщина опредѣлена закономъ; оброкъ неразорителенъ, кромѣ какъ въ близости Москвы и Петербурга, гдѣ разнообразіе оборотовъ промышленности усиливаетъ и раздражаетъ корыстолюбіе владѣльцевъ. Помѣщикъ, наложивъ оброкъ, оставляетъ на произволъ своего крестьянина доставать оный, какъ и гдѣ онъ хочетъ. Крестьянинъ промышляетъ, чѣмъ онъ вздумаетъ, и уходитъ иногда за 2,000 верстъ выра-

---

* L'on voit certains animaux farouches, des mâles et des femelles, repandus par la campagne, noirs, livides et tout brulés du soleil, attachés à la terre qu'ils fouillent, qu'ils remuent avec une opiniâtreté invincible: ils ont comme une voix articulée, et quand ils se lèvent sur leurs pieds, ils montrent une face humaine et en effet ils sont des hommes. Ils se retirent la nuit dans des tanières où ils vivent de pain noir, d'eau et de racines; ils épargnent aux autres hommes la peine de semer, de labourer et de recueillir pour vivre, et méritent ainsi de ne pas manquer dece pain qu'ils ont semé. Les caractères.—Авт.

lib.pushkinskijdom.ru

ботывать себѣ деньгу.....* Злоупотребленій вездѣ много; уголовныя дѣла вездѣ ужасны.

Взгляните на русскаго крестьянина; есть ли и тѣнь рабскаго уничиженія въ его поступи и рѣчи? О его смѣлости и смышленности и говорить нечего. Переимчивость его извѣстна; проворство и ловкость удивительны. Путешественникъ ѣздитъ изъ края въ край по Россіи, не зная ни одного слова порусски, и вездѣ его понимаютъ, исполняютъ его требованія, заключаютъ съ нимъ условія, Никогда не встрѣтите вы въ нашемъ народѣ того, что французы называютъ un badaud; никогда не замѣтите въ немъ ни грубаго удивленія, ни невѣжественнаго презрѣнія къ чужому. Въ Россіи нѣтъ человѣка, который бы не имѣлъ собственнаго своего жилища. Нищій, уходя скитаться по міру, оставляетъ свою избу. Этого нѣтъ въ чужихъ краяхъ. Имѣть корову вездѣ въ Европѣ есть знакъ роскоши; у насъ не имѣть коровы есть знакъ ужасной бѣдности. Нашъ крестьянинъ опрятенъ по привычкѣ и по правилу: каждую субботу ходитъ онъ въ баню; умывается по нѣскольку разъ въ день.... Судьба крестьянина улучшается со дня на день, по мѣрѣ распространенія просвѣщенія.... Благосостояніе крестьянъ тѣсно связано съ благосостояніемъ помѣщиковъ; это очевидно для всякаго. Конечно, должны еще произойти великія перемѣны; но не должно торопить времени, и безъ того уже довольно дѣятельнаго. Лучшія и прочнѣйшія измѣненія суть тѣ, которыя происходятъ отъ одного улучшенія нравовъ, безъ насильственныхъ потрясеній политическихъ, страшныхъ для человѣчества....

XII. ЭТИКЕТЪ.

«Власть и свободу сочетать должно на всеобщую пользу.» Истина неоспоримая, коею Радищевъ заключаетъ начертаніе о уничтоженіи придворныхъ чиновъ, исполненное мыслей большею частью ложныхъ, хотя и пошлыхъ.**

---

* Въ черн. рук. «Избави меня Боже быть поборникомъ и провозвѣстникомъ рабства, я говорю только, что благосостояніе нашихъ крестьянъ тѣсно связано съ пользою помѣщиковъ,—и это очевидно для всякаго. Злоупотребленія встрѣчаются вездѣ».

** Въ настоящей главѣ Пушкинъ дѣлаетъ замѣчаніе на главу «Путешествія» называющуюся «Выдропускъ».

lib.pushkinskijdom.ru

Предполагать униженіе въ обрядахъ, установленныхъ этикетомъ, есть просто глупость. Англійскій лордъ, представляясь своему королю, становится на колѣна и цѣлуетъ ему руку. Это не мѣшаетъ ему быть въ оппозиціи, если онъ того хочетъ. Мы всякій день подписываемся покорнѣйшими слугами — и, кажется, никто изъ этого еще не заключалъ, чтобъ мы просились въ камердинеры.

Придворные обычаи, соблюдаемые нѣкогда при дворахъ нашихъ царей, уничтожены Петромъ Великимъ при всеобщемъ переворотѣ. Екатерина II занялась и симъ уложеніемъ, и установила новый этикетъ. Онъ имѣлъ передъ этикетомъ, наблюдаемымъ въ другихъ державахъ, то преимущество, что былъ основанъ на правилахъ здраваго смысла и вѣжливости общепонятной, а не на забытыхъ преданіяхъ и обыкновеніяхъ, давно измѣнившихся. Покойный государь Александръ Павловичъ любилъ простоту и непринужденность. Онъ ослабилъ снова этикетъ, который во всякомъ случаѣ нехудо возобновить. Конечно, государи не имѣютъ нужды въ обрядахъ, часто для нихъ утомительныхъ; но этикетъ есть также законъ; къ тому же онъ при дворѣ необходимъ, ибо всякому, имѣющему честь приближаться къ царскимъ особамъ, необходимо знать свою обязанность и границы службы. Гдѣ нѣтъ этикета, тамъ придворные въ поминутномъ опасеніи сдѣлать что нибудь неприличное. Нехорошо прослыть невѣжею, непріятно казаться и подслужливымъ выскочкою.

ПРИБАВЛЕНІЯ.

I. РАЗГОВОРЪ СЪ АНГЛИЧАНИНОМЪ О РУССКИХЪ КРЕСТЬЯНАХЪ. *

... Строки Радищева навели на меня унынiе. Я думалъ о судьбѣ русскаго крестьянина:

Къ тому жъ подушны, барщина, оброкъ!

Подлѣ меня въ каретѣ сидѣлъ англичанинъ, человѣкъ лѣтъ 36. Я обратился къ нему съ вопросомъ: что можетъ быть несчастнѣе русскаго крестьянина?

---

* Часть его потомъ внесена была Пушкинымъ въ XI-ю главу.

lib.pushkinskijdom.ru

Англичанинъ.—Англійскій крестьянинъ.

Я.—Какъ! свободный англичанинъ, по вашему мнѣнію несчастнѣе русскаго раба?

Онъ.—Что такое свобода?

Я.—Свобода есть возможность поступать по своей волѣ.

Онъ.—Слѣдовательно свободы нѣтъ нигдѣ; ибо вездѣ есть или законы или естественныя препятствія.

Я.—Такъ; но разница: покоряться законамъ, предписаннымъ нами самими, или повиноваться чужой волѣ.

Онъ.—Ваша правда. Но развѣ народъ англійскій участвуетъ въ законодательствѣ? Развѣ власть не въ рукахъ малаго числа? Развѣ требованія народа могутъ быть исполнены его повѣренными?

Я.—Въ чемъ вы полагаете народное благополучіе?

Онъ.—Въ умѣренности и соразмѣрности податей.

Я.—Какъ?

Онъ.—Вообще повинности въ Россіи не очень тягостны для народа: подушныя платятся міромъ, оброкъ не разорителенъ (кромѣ въ близости Москвы и Петербурга, гдѣ разнообразіе оборотовъ промышленника умножаетъ корыстолюбіе владѣльцевъ). Во всей Россіи помѣщикъ, наложивъ оброкъ, оставляетъ на произволъ своему крестьянину доставать оный, какъ и гдѣ онъ хочетъ. Крестьянинъ промышляетъ чѣмъ вздумаетъ и уходитъ иногда за 2,000 верстъ выработывать себѣ деньгу. И это называете вы рабствомъ? Я не знаю во всей Европѣ народу, которому было бы дано болѣе простора дѣйствовать.

Я.—Но злоупотребленія частныя...

Онъ.—Злоупотребленій вездѣ много. Прочтите жалобы англійскихъ фабричныхъ работниковъ—волоса встанутъ дыбомъ; вы подумаете, что дѣло идетъ о строеніи фараоновыхъ пирамидъ, о евреяхъ работающихъ подъ бичами египтянъ. Совсѣмъ нѣтъ: дѣло идетъ о сукнахъ г-на Шмидта или объ иголкахъ г-на Томпсона. Сколько отвратительныхъ истязаній, непонятныхъ мученій! Какое холодное варварство съ одной стороны, съ другой—какая страшная бѣдность! Въ Россіи нѣтъ ничего подобнаго.

Я.—Вы не читали нашихъ уголовныхъ дѣлъ.

Онъ.—Уголовныя дѣла вездѣ ужасны. Я говорю вамъ о томъ, что въ Англіи происходитъ въ строгихъ предѣлахъ закона, не о злоупотребленіяхъ, не о преступленіяхъ: нѣтъ въ

lib.pushkinskijdom.ru

мірѣ несчастнѣе англійскаго работника. Но посмотрите, что дѣлается у насъ при изобрѣтеніи новой машины, вдругъ избавляющей отъ каторжной работы тысячъ пять-десять народу, но лишающей ихъ послѣдняго средства къ пропитанію...

Я.—Живали вы въ нашихъ деревняхъ?

Онъ.—Я видалъ ихъ проѣздомъ и жалѣю, что не успѣлъ изучить нравы любопытнаго вашего народа.

Я.—Что поразило васъ болѣе всего въ русскомъ крестьянинѣ?

Онъ.—Его опрятность и свобода.

Я.—Какъ это?

Онъ.—Вашъ крестьянинъ каждую субботу ходитъ въ баню; умывается каждое утро, сверхъ того нѣсколько разъ въ день моетъ себѣ руки. О его смышлености говорить нечего: путешественники ѣздятъ изъ края въ край по Россіи, не зная ни одного слова вашего языка, и вездѣ ихъ понимаютъ, исполняютъ ихъ требованія, заключаютъ условія; никогда не встрѣчалъ я между ними то, что сосѣди называютъ un badaud, никогда не замѣчалъ въ нихъ ни грубаго удивленія, ни невѣжественнаго презрѣнія къ чужому. Переимчивость ихъ всѣмъ извѣстна: проворство и ловкость удивительны.

Я.—Справедливо. Но свобода? Неужто вы русскаго крестьянина почитаете свободнымъ?

Онъ.—Вгляните на него: что можетъ быть свободнѣе его обращенія съ вами? Есть ли и тѣнь рабскаго униженія въ его поступи и рѣчи? Вы не были въ Англіи?

Я.—Не удалось.

Онъ.—То-то! Вы не видали оттѣнковъ подлости, отличающей у насъ одинъ классъ отъ другаго; вы не видали раболѣпнаго masters нижней палаты передъ верхней; джентельмена передъ аристократіею, купечества передъ джентельменствомъ, бѣднаго передъ богатымъ, повиновенія предъ властію. А продажные голоса, а уловки министерства, а поведеніе наше съ Индіею, а отношенія наши со всѣми другими народами!

Англичанинъ мой разгорячился и совсѣмъ отдалился отъ предмета нашего разговора. Я продолжалъ слѣдовать за его мыслями, и мы пріѣхали въ Клинъ.

9 Декабря.

---

lib.pushkinskijdom.ru

II. НАБРОСКИ О ЛИТЕРАТУРѢ.

(ЧЕРНОВОЕ ОКОНЧАНІЕ III ГЛАВЫ, СТР. 306).

Во Франціи вся блестящая литература вѣка Людовика XIV была въ передней. Анекдотъ о Б.... даетъ понятіе о тогдашнихъ нравахъ (изъ Беля), и замѣтьте, что Бель приводитъ эту черту безо всякаго замѣчанія, какъ дѣло весьма обыкновенное! Нынѣ во Франціи нравы уже не тѣ, но сословіе писателей потому только не ползаетъ передъ министрами, что публика въ состояніи дать больше денегъ. За то какъ безстыдно ползаютъ они передъ господствующими модами! Какой талантъ нынѣ не запачкалъ себя грязью и кровью въ угоду толпы, требующей грязи и крови?.....

Даже теперь наши писатели, не принадлежащіе къ дворянскому сословію, весьма малочисленны. Не смотря на то, ихъ дѣятельность овладѣла всѣми отраслями литературы, у насъ существующими. Это есть важный признакъ и непремѣнно будетъ имѣть важныя послѣдствія. Писатели-дворяне или тѣ, которые почитаютъ себя à tort ou à raison членами высшаго общества, постепенно начинаютъ отъ нихъ удаляться подъ предлогомъ какого-то неприличія. Странно, что въ то время, когда во всей Европѣ готическій предразсудокъ противу наукъ и словесности, будто бы несовмѣстимыхъ съ благородствомъ и знатностью, почти совершенно исчезъ, у насъ онъ только что начинаетъ показываться. Уже одинъ изъ самыхъ плодовитыхъ нашихъ писателей провозгласилъ, что литературой заниматься онъ болѣе не намѣренъ, потому что она дѣло не дворянское. Жалко! Конечно, не слишкомъ лестное товарищество нѣкоторыхъ новичковъ, ихъ невѣжество отчасти тому причиною, но развѣ безчестное поведеніе двухъ или трехъ выслужившихся проходимцевъ можетъ быть достаточнымъ предлогомъ для всѣхъ офицеровъ оставить шпагу и отречься отъ честнаго званія воиновъ!

У насъ писатель, который краснѣетъ при мысли посвятить свою книгу порядочному человѣку, который двумя или тремя чинами выше его, не стыдится изгибаться передъ какимъ нибудь журналистомъ, ошельмованномъ въ общемъ мнѣніи, но который площадной руганью можетъ повредить продажѣ книги или хвалебнымъ объявленіемъ заманить покупщиковъ. Нынѣ

lib.pushkinskijdom.ru

послѣдній писака готовый etc. на всякую приватную подлость, на всякій беззымянный пасквиль...

Всѣ журналы пришли въ благородное бѣшенство, возстали противъ стихотворца (Пушкина), который (о, верхъ униженія!) въ отвѣтъ на приглашеніе кн. (Юсупова) извинялся въ стихахъ, что не можетъ къ нему пріѣхать и обѣщался къ нему пріѣхать на дачу. Сіе несчастное посланіе было предано всенародно проклятію, и съ той поры, говоритъ одинъ журналъ, слава (Пушкина) упала совершенно!

Россія не участвовала въ умственной дѣятельности эпохи возрожденія. Латинская словесность—... Толпы южныхъ ученыхъ...—Нашествіе татаръ не было подобно наводненію мавровъ плодотворнымъ. Татары не принесли намъ ни алгебры, ни поэзіи...

Цари и боярство, враждующіе между собой, согласны были въ одномъ: въ необходимости сблизить Россію съ Европою,— отселѣ сношенія Ивана Васильевича съ Англіей, переписка Годунова съ... Условія, подписанныя польскимъ королевичемъ аристократіи XVII стол., посольства Алексѣя Михайловича во Францію, къ Людовику XIV. Наконецъ крутой и кровавый переворотъ, произведенный мощнымъ самодержавіемъ Петра.

Россія вошла въ Европу, какъ спущенный корабль при стукѣ топора и при громѣ пушекъ. Предпринятыя Петромъ войны были благодѣтельны и плодотворны какъ для Россіи такъ и для человѣчества. Успѣхъ петровскаго преобразованія былъ слѣдствіемъ Полтавской битвы, и европейское просвѣщеніе причалило къ берегамъ завоеванной Невы.

Петръ не успѣлъ довершить начатое имъ. Онъ умеръ въ полную пору мужества, во всей силѣ своей творческой дѣятельности, еще только въ полножны вложивъ побѣдительный свой мечъ. Онъ умеръ, но движеніе, переданное мощною его рукою, долго продолжалось въ огромныхъ составахъ государства. Даже мѣры революціонныя, предпринятыя имъ по необходимости въ минуту.... и которыя потомъ не успѣлъ онъ отмѣнить, надолго еще возымѣли силу закона. Напримѣръ, дворянство, даруемое порядкомъ службы, мимо верховной власти, преимущества, данныя... (замѣчательный неуспѣхъ).

Петръ Великій бросилъ на словесность взоръ разсѣянный, но проницательный. Онъ возвысилъ Ѳеофана, ободрилъ Копіе-

lib.pushkinskijdom.ru

вича, наказалъ Татищева, угадалъ Тредьяковскому, вѣчному труженику, печальную его участь, безсиліе и трудолюбіе.

Наслѣдники Великаго пошли суевѣрно по его слѣдамъ. Но... интрига Меншикова, пронырство Долгорукихъ, тайный заговоръ стариннаго боярства, наконецъ, притѣсненнаго мощною рукою Бирона, слишкомъ занимали русское дворянство... Наконецъ воцарилась Елизавета,—при ней родилась русская словесность.

Вступленіе. 1) отчужденіе Россіи отъ Европы.—Долго Россія была совершенно отдѣлена отъ судебъ Европы. Она совершила свое предназначеніе. Съ XI вѣка, принявъ христіанство изъ Византіи, она не участвовала въ умственной дѣятельности католическаго міра въ эпоху возрожденія латинской Европы. Ея широкія равнины поглотили безчисленныя толпы монголовъ и остановили ихъ разрушительное нашествіе. Варвары не осмѣлились оставить у себя въ тылу порабощенную Русь и возвратились въ степи своего востока. Христіанское просвѣщеніе было спасено истерзанной и издыхающей Россіей.

Духовенство, пощаженное удивительною сметливостью татаръ, одно, въ теченіе двухъ мрачныхъ столѣтій, питало искры блѣдной византійской образованности. Въ безмолвіи келій иноки вели свои безпрерывныя лѣтописи; архіереи въ посланіяхъ своихъ бесѣдовали съ князьями и боярами въ тяжкія времена искушеній и безнадежности. Но духовная жизнь порабощеннаго народа не развивалась. Великая эпоха возрожденія не имѣла на него никакого вліянія, рыцарство не одушевляло его дѣвственными восторгами, и благодѣтельныя потрясенія крестовыхъ походовъ не отозвались въ краяхъ печальнаго сѣвера.

II) Ничтожество древнихъ нашихъ памятниковъ.—Боярство домогалось аристократіи. Два великана — Іоаннъ III и Іоаннъ IV. Едва Россія успѣла свергнуть съ себя иго татарское, и уже ей были нужны всѣ возрождающіяся ея силы дабы противоборствовать Польшѣ.. Царская власть ополчилась на боярство... Цари и бояре согласны были въ одномъ,—въ необходимости сблизить Россію съ Европой; отселѣ...

Просвѣщеніе Россіи.—Крутой переворотъ, произведенный мощнымъ самодержавіемъ Петра, ниспровергнулъ все старое,

lib.pushkinskijdom.ru

и европейское вліяніе разлилось по всей Россіи. Голландія и Англія образовали наши флоты. Пруссія и Франція наши войска.—Лейбницъ начерталъ планъ гражданскихъ учрежденій.

Но сѣмена просвѣщенія были посѣяны.

Петръ первый былъ нетерпѣливъ: ставъ главою новыхъ идей, онъ, можетъ быть, далъ слишкомъ крутой оборотъ огромнымъ колесамъ государства.

Въ общемъ презрѣніи ко всему народному включена и народная поэзія, столь живо проявившаяся въ грустныхъ народныхъ пѣсняхъ, въ сказкахъ и въ лѣтописяхъ...

Новая словесность—отголосокъ новообразованнаго общества. Сынъ молдавскаго господаря, юноша, обрусѣвшій въ походахъ Петровыхъ.... въ Парижѣ перекладывалъ стихи Горація и писалъ сатиры по образцу, данѣому придворнымъ поэтомъ Людовика XIV; между тѣмъ, какъ сынъ холмогорскаго рыбака скитался по германскимъ университетамъ, вслушивался въ уроки Готшеда и передавалъ звучному русскому языку... Но приступая къ описанію словесности русской мы должны будемъ изслѣдовать и ту словесность иноземную, которая имѣла на нее долгое, рѣшительное вліяніе.

Въ началѣ XVIII столѣтія французская литература обладала Европою. Она естественнымъ образомъ должна была имѣть и на Россію долгое, рѣшительное вліяніе. Итакъ, изслѣдуемте: что такое французская словесность?

Въ XII столѣтіи подъ небомъ полуденной Франціи пробудилась поэзія, не имѣвшая ничего общаго съ поэзіей греческаго и латинскаго міра; риѳма отозвалась etc. Таково было смиренное начало романской поэзіи. Но она быстро и пышно расцвѣла: Италія, Испанія, Португалія, Германія, Англія, Франція и проч.! Буало, человѣкъ, одаренный умомъ, рѣзкимъ и здравымъ, и мощнымъ талантомъ, обнародовалъ...

Разсматривая произведенія французской поэзіи въ теченіе XVI вѣка, нельзя не быть поражену ихъ ничтожествомъ; нѣсколько любовныхъ пѣсенъ отличаются легкостью и нѣжностью, нѣсколько сказокъ—веселостью и простодушіемъ, но вообще напрасно-бы стали въ нихъ искать высокаго и сильнаго чувства или яркаго воображенія. Проза имѣетъ уже рѣшительный перевѣсъ; Раблэ, Montaigne etc.

lib.pushkinskijdom.ru

Нѣкто у насъ сказалъ, что французская словесность родилась въ передней etc.—Это слово было повторено и во французскихъ журналахъ и замѣчено, какъ жалкое мнѣніе (opinion deplorable). Это не мнѣніе, но истина историческая, буквально выраженная: Маротъ былъ камердинеромъ Франциска 1-го (valet de chambre), Мольеръ — камердинеромъ Людовика XIV; Буало, Расинъ и Вольтеръ (особенно Вольтеръ), конечно, дошли до гостиной, но все-таки черезъ переднюю. Объ новѣйшихъ поэтахъ говорить нечего: они, конечно, на площади, съ чѣмъ ихъ и поздравляемъ.

Вліяніе, которое французскіе писатели произвели на общество, должно приписать ихъ старанію приноравливаться къ господствующему вкусу, къ мнѣніямъ публики. Замѣчательно, что ни одинъ изъ извѣстныхъ французскихъ поэтовъ изъ Парижа. Вольтеръ, изгнанный изъ столицы тайнымъ указомъ Людовика XV, полу-шутливымъ, полу-важнымъ тономъ совѣтуетъ писателямъ оставаться въ Парижѣ, если дорожатъ они покровительствомъ Аполлона и бога вкуса.

Ни одинъ изъ французскихъ поэтовъ не дерзнулъ быть самобытнымъ, ни одинъ, подобно Мильтону, не отрекся отъ современной славы.

Расинъ пересталъ писать, увидя неуспѣхъ своей Гоѳоліи. Публика (о которой Шамфоръ спрашивалъ такъ забавно: сколько нужно глупцовъ, чтобы составить публику)... невѣжественная публика была единственною руководительницею и образовательницею писателей. Когда писатели перестали толпиться по переднимъ вельможъ, они.... обратились къ народу, лаская его любимыя мнѣнія или фиглярствуя независимостью и странностями, но съ одною цѣлію: выманить себѣ репутацію или деньги! Въ нихъ нѣтъ и не было безкорыстной любви къ искусству и къ изящному: жалкій народъ!

Не смотря на ея видимую ничтожность, Ришелье чувствовалъ важность литературы. Великій человѣкъ, унизившій во Франціи феодализмъ, захотѣлъ также... и литературу. Писатели, во Франціи, классъ бѣдный и незнатный, были призваны ко двору и задарены. Людовикъ XIV слѣдовалъ системѣ кардинала. Вскорѣ словесность сосредоточилась около его трона. Всѣ писатели получили придворную должность. Корнель, Ра-

lib.pushkinskijdom.ru

синъ тѣшили короля трагедіями... Буало воспѣвалъ его побѣды и назначалъ ему писателей, достойныхъ его вниманія; Боссюэтъ и проповѣдывали слово Божіе въ его придворной каппелѣ. Академія хвастливо первымъ правиломъ своего устава положила—хвалу великаго короля. Были исключенія: бѣдный дворянинъ Ляфонтенъ, не смотря на господствующую набожность, печаталъ въ Голландіи свои веселыя сказки о монахиняхъ... и сладкорѣчивый епископъ въ книгѣ, исполненной смѣлой философіею, помѣщалъ язвительную сатиру на прославленное царствованіе; за то Ляфонтенъ умеръ безъ пенсіи, а Фенелонъ—въ своей епархіи, отдаленный отъ двора за мистическую ересь. Отселѣ вѣжливая, тонкая словесность, блестящая, аристократическая, немного жеманная, но тѣмъ самымъ понятная для всѣхъ дворовъ Европы, ибо высшее общество, какъ справедливо замѣтилъ одинъ изъ новѣйшихъ писателей, составляетъ во всей Европѣ одно семейство.

Между тѣмъ духъ изслѣдованія и порицанія начиналъ проявляться во Франціи. Ничто не могло быть противуположнѣе поэзіи, какъ та философія, которой XVIII вѣкъ далъ свое имя. Она была направлена противъ господствующей религіи, вѣчнаго источника поэзіи у всѣхъ народовъ, и любимымъ орудіемъ ея была иронія, холодная и осторожная, и насмѣшка, бѣшеная и площадная. Вольтеръ, великанъ сей эпохи, овладѣлъ и стихами, какъ важной отраслью умственной дѣятельности человѣка. Онъ написалъ съ намѣреніемъ очернить католицизмъ. Онъ 60 лѣтъ наполнялъ театръ трагедіями, въ которыхъ, не заботясь ни о правдоподобіи характеровъ, ни о законности средствъ, заставилъ онъ свои лица кстати и некстати выражать правила своей философіи. Онъ наводнилъ Парижъ прелестными бездѣлками, въ которыхъ философія говорила общепонятнымъ и шутливымъ языкомъ, одною риѳмою и метромъ, отличавшимся отъ прозы. И эта личность... верхомъ поэзіи; наконецъ и онъ однажды въ своей старости становится истиннымъ поэтомъ, когда весь его разрушительный геній со всею свободою излился въ циничной поэмѣ, гдѣ всѣ высокія чувства, драгоцѣнныя человѣчеству, были принесены въ жертву демону смѣха и ироніи. Вліяніе Вольтера было неимовѣрно. Возвышенные умы слѣдуютъ за нимъ. Задумчивый Руссо провозглашаетъ себя его ученикомъ; пылкій Дидротъ есть самый ревнивый изъ его апостоловъ. Англія въ лицѣ Юма, Гиббона

lib.pushkinskijdom.ru

и В... привѣтствуетъ его. Екатерина вступаетъ съ нимъ въ дружескую переписку; Фридрихъ съ нимъ ссорится и мирится; общество ему покорно. Европа ѣдетъ въ Ферней на поклонъ. Вольтеръ умираетъ, благословивъ внука Франклина и привѣтствуя новый свѣтъ словами, дотолѣ неслыханными.

Общество созрѣло для великаго разрушенія. Все еще спокойно, но уже голосъ молодаго Мирабо, подобно отдаленной бурѣ, глухо гремитъ изъ глубины темницъ, по которымъ онъ скитается.

Смерть Вольтера не останавливаетъ потока. Министры Людовика XVI нисходятъ въ арену спорить съ писателями.... созданная Людовикомъ XIV хохочетъ и рукоплещетъ. Бомарше влечетъ на сцену и терзаетъ все, что еще почитается неприкосновеннымъ.

Европа, оглушенная, очарованною славою французскихъ писателей, преклоняетъ къ нимъ подобострастное вниманіе. Германскіе профессора съ высоты каѳедры провозглашаютъ правила французской критики. Англія слѣдуетъ за Франціей на поприще философіи; поэзія въ отечествѣ Шекспира и Мильтона становится суха и ничтожна, какъ и во Франціи; Ричардсонъ, Фильдингъ и Стернъ поддерживаютъ славу прозаическихъ сочиненій; Италія отрекается отъ Dante, Metastasio подражаетъ Расину.

Обратимся къ Россіи. Кантемиръ. Ломоносовъ. Тредіаковскій. Вліяніе Кантемира уничтожается Ломоносовымъ. Вліяніе Тредьяковскаго уничтожается его бездарностью. Постоянное бореніе Тредьяковскаго; онъ побѣжденъ. Сумароковъ. Екатерина. (Вольтеръ). Фонъ-Визинъ. Державинъ.

АЛЕКСАНДРЪ РАДИЩЕВЪ.

1836.

Il ne faut pas qu'un honnête homme mérite d'être pendu.

Слова Карамзина въ 1819 году.

Въ концѣ перваго десятилѣтія царствованія Екатерины II, нѣсколько молодыхъ людей, едва вышедшихъ изъ отрочества, отправлены были, по ея повелѣнію, въ Лейпцигскій университетъ, подъ надзоромъ одного наставника и въ сопровожденіи

lib.pushkinskijdom.ru

духовника. Ученіе пошло имъ не въ прокъ: * надзиратель думалъ только о своихъ выгодахъ; духовникъ, монахъ добродушный, но необразованный, не имѣлъ никакого вліянія на ихъ умъ и нравственность. Молодые люди проказничали и вольнодумствовали. Они возвратились въ Россію, гдѣ служба и заботы семейственныя замѣнили для нихъ лекціи Геллерта и студенческія шалости. Большая часть изъ нихъ исчезла, не оставивъ по себѣ слѣдовъ; двое сдѣлались извѣстны: одинъ на чредѣ замѣтной обнаружилъ совершенное безсиліе и несчастную посредственность,** другой прославился совсѣмъ иначе.

Александръ Радищевъ родился около 1750 года. Онъ обучался сперва въ пажескомъ корпусѣ и обратилъ на себя вниманіе начальства, какъ молодой человѣкъ, подающій о себѣ великія надежды. Университетская жизнь принесла ему мало пользы. Онъ не взялъ даже на себя труда выучиться порядочно латинскому и нѣмецкому языку, дабы по крайней мѣрѣ быть въ состояніи понимать своихъ профессоровъ. Безпокойное любопытство, болѣе нежели жажда познаній, была отличительная черта ума его. Онъ былъ кротокъ и задумчивъ. Тѣсная связь съ молодымъ Ушаковымъ имѣла на всю его жизнь вліяніе рѣшительное и глубокое.. Ушаковъ былъ немногимъ старше Радищева, но имѣлъ опытность свѣтскаго человѣка. Онъ уже служилъ секретаремъ при тайномъ совѣтникѣ Тепловѣ, и его честолюбію открыто было блестящее поприще. Такъ оставилъ онъ службу изъ любви къ познаніямъ и вмѣстѣ съ молодыми студентами отправился въ Лейпцигъ. Сходство умовъ и занятій сблизили съ нимъ Радищева. Имъ попался въ руки Гельвецій. Они жадно изучали начала его пошлой и безплодной метафизики. Гриммъ, странствующій агентъ французской философіи въ Лейпцигѣ засталъ русскихъ студентовъ за книгою О разумѣ, и привезъ Гельвецію извѣстіе, лестное для его тщеславія и радостное для всей братіи. Теперь было бы для насъ непонятно, какимъ образомъ холодный и сухой Гельвецій могъ сдѣлаться любимцемъ молодыхъ людей пылкихъ и чувствительныхъ, если

---

* Первоначально было: «Ученіе принесло имъ мало пользы. Они не взяли на себя труда выучиться порядочно латинскому и нѣмецкому языку, дабы по крайней мѣрѣ быть въ состояніи понимать своихъ профессоровъ. Они проказничали и вольнодумствовали.»

** О. П. Ководавлевъ, бывшій впослѣдствіи министромъ внутреннихъ дѣлъ.

lib.pushkinskijdom.ru

бы мы, по несчастію, не знали какъ соблазнительны для развивающихся умовъ мысли и правила новыя, отвергаемыя закономъ и преданіями. Намъ уже слишкомъ извѣстна французская философія XVIII столѣтія, она разсмотрѣна со всѣхъ сторонъ и оцѣнена. То, что нѣкогда слыло скрытнымъ ученіемъ гіерофантовъ, было потомъ обнародовано, проповѣдано на площадяхъ, и навѣкъ утратило прелесть таинственности и новизны. Другія мысли, столь же дѣтскія, другія мечты столь же несбыточныя, замѣнили мысли и мечты учениковъ Дидрота и Руссо, и легкомысленный поклонникъ молвы видитъ въ нихъ опять и цѣль человѣчества, и разрѣшенія вѣчной загадки, не воображая, что въ свою очередь онѣ замѣнятся другими.

Радищевъ написалъ Житіе Ѳ. В. Ушакова. Изъ этого отрывка видно, что Ушаковъ былъ отъ природы остроуменъ, краснорѣчивъ и имѣлъ даръ привлекать къ себѣ сердца. Онъ умеръ на 21-мъ году своего возраста отъ слѣдствій невоздержной жизни; но на смертномъ одрѣ онъ еще успѣлъ преподать Радищеву ужасный урокъ. Осужденный врачами на смерть, онъ равнодушно услышалъ свой приговоръ; вскорѣ муки его сдѣлались нестерпимы, и онъ потребовалъ яду отъ одного изъ своихъ товарищей.* Радищевъ тому воспротивился, но съ тѣхъ поръ самоубійство сдѣлалось однимъ изъ любимыхъ предметомъ его размышленій.

Возвратясь въ Петербургъ, Радищевъ вступилъ въ гражданскую службу, не переставая между тѣмъ заниматься и словесностію. Онъ женился. Состояніе его было для него достаточно Въ обществѣ онъ былъ уважаемъ какъ сочинитель. Графъ Воронцовъ ему покровительствовалъ. Государыня знала его лично и опредѣлила въ собственную свою канцелярію. Слѣдуя обыкновенному ходу вещей, Радищевъ долженъ былъ достигнуть одной изъ первыхъ степеней государственныхъ. Но судьба готовила ему иное.

Въ то время существовали въ Россіи люди, извѣстные подъ именемъ мартинистовъ. Мы еще застали нѣсколько стариковъ, принадлежавшихъ этому полуполитическому, полурелигіозному обществу. Странная смѣсь мистической набож-

---

* А. М. Кутузова, которому Радищевъ посвятилъ Житіе Ѳ. В. Ушакова. А. П.

lib.pushkinskijdom.ru

ности и философическаго вольнодумства, безкорыстная любовь къ просвѣщенію, практическая филантропія ярко отличали ихъ отъ поколѣнія, которому они принадлежали. Люди, находившіе свою выгоду въ коварномъ злословіи, старались представить мартинистовъ заговорщиками и приписывали имъ преступные, политическіе виды. Императрица, долго смотрѣвшая на ученія французскихъ философовъ, какъ на игры искусныхъ бойцовъ, и сама ихъ ободрявшая своимъ царскимъ рукоплесканіемъ, съ безпокойствомъ видѣла ихъ торжество, и съ подозрѣніемъ обратила вниманіе на русскихъ мартинистовъ, которыхъ считала проповѣдниками безначалія и адептами энциклопедистовъ. Нельзя отрицать, чтобы многіе изъ нихъ не принадлежали къ числу недовольныхъ, но ихъ недоброжелательство ограничивалось брюзгливымъ порицаніемъ настоящаго, невинными надеждами на будущее и двусмысленными тостами на франкъ-масонскихъ ужинахъ. Радищевъ попалъ въ ихъ общество. Таинственность ихъ бесѣдъ воспламенила его воображеніе. Онъ написалъ свое Путешествіе изъ Петербурга въ Москву—сатирическое воззваніе къ возмущенію, напечаталъ въ домашней типографіи и спокойно пустилъ его въ продажу.

Если мысленно перенесемся мы къ 1791 году, если вспомнимъ тогдашнія политическія обстоятельства, если представимъ себѣ силу нашего правительства, наши законы, не измѣнившіеся со времени Петра I, ихъ строгость, въ то время еще не смягченную двадцати-пятилѣтнимъ царствованіемъ Александра, самодержца, умѣвшаго уважать человѣчество; если подумаемъ: какіе суровые люди окружали престолъ Екатерины, то преступленіе Радищева покажется намъ дѣйствіемъ сумасшедшаго. Мелкій чиновникъ, человѣкъ безъ всякой власти, безъ всякой опоры, дерзаетъ вооружаться противу общаго порядка, противу самодержавія, противу Екатерины! И замѣтьте: заговорщикъ надѣется на соединенныя силы своихъ товарищей; членъ тайнаго общества, въ случаѣ неудачи, или готовится извѣтомъ заслужить себѣ помилованіе, или, смотря на многочисленность своихъ соумышленниковъ, полагается на безнаказанность. Но Радищевъ одинъ. У него нѣтъ ни товарищей, ни соумышленниковъ. Въ случаѣ неуспѣха—а какого успѣха можетъ онъ ожидать?—онъ одинъ отвѣчаетъ за все, онъ одинъ представляется жертвой закону. Мы никогда не почитали Радищева великимъ человѣкомъ. Поступокъ его всегда казался

lib.pushkinskijdom.ru

намъ преступленіемъ, ничѣмъ неизвиняемымъ, а «Путешествіе въ Москву» весьма посредственною книгою, но со всѣмъ тѣмъ не можемъ въ немъ не признать преступника съ духомъ необыкновеннымъ; политическаго фанатика, заблуждающагося, конечно, но дѣйствующаго съ удивительнымъ самоотверженіемъ и съ какою-то рыцарскою совѣстливостію.

Но, можетъ быть, самъ Радищевъ не понялъ всей важности своихъ безумныхъ заблужденій. Какъ иначе объяснить его безпечность и страшную мысль разослать свою книгу ко всѣмъ своимъ знакомымъ, между прочимъ къ Державину, котораго поставилъ онъ въ затруднительное положеніе! * Какъ бы то ни было, книга его сначала не замѣченная, вѣроятно потому, что первыя страницы чрезвычайно скучны и утомительны, вскорѣ произвела шумъ. Она дошла до государыни. Екатерина сильно была поражена. Нѣсколько дней сряду читала она эти горькія, возмутительныя сатиры. «Онъ мартинистъ,» говорила она Храповицкому (смотри его записки). «Онъ хуже Пугачева: онъ хвалитъ Франклина.» Слово глубокозамѣчательное: монархиня, стремившаяся къ соединенію во едино всѣхъ разнородныхъ частей государства, не могла равнодушно видѣть отторженіе колоній отъ владычества Англіи. Радищевъ преданъ былъ суду. Сенатъ осудилъ его на смерть (см. полное собраніе законовъ). Государыня смягчила приговоръ. Преступника лишили чиновъ и дворянства и въ оковахъ сослали въ Сибирь.

Въ Илимскѣ Радищевъ предался мирнымъ литературнымъ занятіямъ. Здѣсь написалъ онъ большую часть своихъ сочиненій; многія изъ нихъ относятся къ статистикѣ Сибири, къ китайской торговлѣ и проч. Сохранилась его переписка съ однимъ изъ тогдашнихъ вельможъ, который, можетъ быть, не вовсе былъ чуждъ изданію Путешествія.** Радищевъ былъ тогда вдовцомъ. Къ нему поѣхала его свояченица, дабы раздѣлить съ изгнанникомъ грустное его уединеніе. Онъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній упоминаетъ о семъ трогательномъ обстоятельствѣ.

---

* Извѣстно, что Державинъ вывернулся изъ этого положенія, представивъ книгу императрицѣ.

** Графомъ А. Р. Воронцовымъ; она напечатана теперь въ 5 и 12 книгахъ «Воронцовскаго Архива».

lib.pushkinskijdom.ru

Воздохну на томъ я мѣстѣ,
Гдѣ Ермакъ съ своей дружиной,
Садясь въ лодки, устремлялся
Въ ту страну ужасну, хладну,
Въ ту страну, гдѣ я средь бѣдствій—
Но на лонѣ жаркой дружбы
Былъ блаженъ, и гдѣ оставилъ
Души нѣжной половину. (Бова. Вступленіе).

Императоръ Павелъ I, взошедъ на престолъ, вызвалъ Радищева изъ ссылки, возвратилъ ему чины и дворянство, обошелся съ нимъ милостиво и взялъ съ него обѣщаніе не писать ничего противнаго духу правительства. Радищевъ сдержалъ свое слово. Онъ во все время царствованія императора Павла I не писалъ ни одной строчки. Онъ жилъ въ Петербургѣ, удаленный отъ дѣлъ, и занимаясь воспитаніемъ своихъ дѣтей. Смирённый опытностію и годами, онъ даже перемѣнилъ образъ мыслей, ознаменовавшій его бурную и кичливую молодость. Онъ не питалъ въ сердцѣ своемъ никакой злобы къ прошедшему и помирился съ славной памятію великой царицы.

Не станемъ укорять Радищева въ слабости и непостоянствѣ характера. Время измѣняетъ человѣка, какъ въ физическомъ, такъ и въ духовномъ отношеніи. Мужъ со вздохомъ иль съ улыбкою отвергаетъ мечты, волновавшія юношу. Моложавыя мысли, какъ и моложавое лицо, всегда имѣютъ что-то странное и смѣшное. Глупецъ одинъ не измѣняется, ибо время не приноситъ ему развитія, а опыты для него не существуютъ. Могъ ли чувствительный и пылкій Радищевъ не содрогнуться при видѣ того, что происходило во Франціи во время ужаса? Могъ ли онъ безъ омерзенія глубокаго слышать нѣкогда любимыя свои мысли, проповѣдуемыя съ высоты гильотины, при гнусныхъ рукоплесканіяхъ черни? Увлеченный однажды львинымъ ревомъ колоссальнаго Мирабо, онъ уже не хотѣлъ сдѣлаться поклонникомъ Робеспьера, этого сентиментальнаго тигра.

Императоръ Александръ, вступивъ на престолъ, вспомнилъ о Радищевѣ, и извиняя въ немъ то, что можно было приписать пылкости молодыхъ лѣтъ и заблужденіямъ вѣка, увидѣлъ въ сочинителѣ Путешествія отвращеніе отъ многихъ злоупотребленій и нѣкоторые благонамѣренные виды. Онъ опредѣлилъ Радищева въ коммиссію составленія законовъ, и приказалъ ему изложить свои мысли касательно нѣкоторыхъ гражданскихъ постановленій. Бѣдный Радищевъ, увлеченный предметомъ, нѣ-

lib.pushkinskijdom.ru

когда близкимъ къ его умозрительнымъ занятіямъ, вспомнилъ старину и въ проектѣ, представленномъ начальству, предался своимъ прежнимъ мечтаніямъ. Графъ Завадовскій удивился молодости его сѣдинъ и сказалъ ему съ дружескимъ упрекомъ: «Эхъ, Александръ Николаевичъ, охота тебѣ пустословить по прежнему! или мало тебѣ было Сибири?» Въ этихъ словахъ Радищевъ увидѣлъ угрозу. Огорченный и испуганный, онъ возвратился домой, вспомнилъ о другѣ своей молодости, объ лейпцигскомъ студентѣ, подавшемъ ему нѣкогда первую мысль о самоубійствѣ... и отравился. Конецъ, имъ давно предвидѣнный и который онъ самъ себѣ напророчилъ!

Сочиненія Радищева въ стихахъ и прозѣ (кромѣ Путешествія) изданы были въ 1807 году. Самое пространное изъ его сочиненій есть философическое разсужденіе «О человѣкѣ и его смертности и безсмертіи». Умствованія онаго пошлы и не оживлены слогомъ. Радищевъ хотя и вооружается противу матеріализма, но въ немъ все еще виденъ ученикъ Гельвеція. Онъ охотнѣе излагаетъ, нежели опровергаетъ доводы чистаго аѳеизма. Между статьями литературными замѣчательно его сужденіе о Телемахидѣ и о Тредьяковскомъ, котораго онъ любилъ по тому же самому чувству, которое заставило его бранить Ломоносова: изъ отвращенія отъ общепринятыхъ мнѣній. Въ стихахъ лучшее произведеніе его есть «Осьмнадцатый вѣкъ»—лирическое стихотвореніе, писанное древнимъ элегическимъ размѣромъ, гдѣ находятся слѣдующіе стихи, столь замѣчательные подъ его перомъ:

ОСЬМНАДЦАТОЕ СТОЛѢТІЕ.

Урна временъ часы изливаетъ каплямъ подобно;
Капли въ ручьи собрались; въ рѣку ручьи возрасли,
И на дальнѣйшемъ брегу изливаютъ пѣнистыя волны
Вѣчности въ море; а тамъ нѣтъ ни предѣлъ, ни береговъ...
Не возвышается островъ, ни дна тамъ лотъ не находитъ:
Вѣки въ него протекли, въ немъ исчезаетъ ихъ слѣдъ;
Но, знаменито во вѣки, своею кровавой струею
Съ звуками грома течетъ наше столѣтье туда;
И сокрушивъ наконецъ корабль, надежды несущій,
Пристани близокъ уже, въ водоворотъ поглощенъ.
Счастіе и добродѣтель и вольность пожралъ омутъ ярый.
Зри: восплываютъ еще страшны обломки въ струѣ.
Нѣтъ! ты не будешь забвенно, столѣтье безумно и мудро!
Будешь проклято во вѣкъ, въ вѣкъ удивленіемъ всѣхъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Крови—въ твоей колыбели, припѣваніе—громы сраженьевъ;
Ахъ, омоченный въ крови вѣкъ, низпадаешь во гробъ!..
Но зри: двѣ взнеслися скалы во средѣ струй кровавыхъ—
Екатерина и Петръ, вѣчности чада! и Россъ.

Первая пѣснь Бовы имѣетъ также достоинства. Характеръ Бовы обрисованъ оригинально, и разговоръ его съ Каргою забавенъ. Жаль, что въ Бовѣ, какъ и въ Алешѣ Поповичѣ, другой его поэмѣ, исключенной, не знаемъ почему, въ собраніи его сочиненій,* нѣтъ и тѣни народности, необходимой въ твореніяхъ такого рода; но Радищевъ думалъ подражать Вольтеру, потому что онъ вѣчно кому нибудь да подражалъ. Вообще Радищевъ писалъ лучше стихами, нежели прозою. Въ неи не имѣлъ онъ образца, а Ломоносовъ, Херасковъ, Державинъ и Костровъ успѣли уже обработать нашъ стихотворный языкъ.

«Путешествіе въ Москву», причина его несчастія и славы, есть, какъ уже мы сказали, очень посредственное произведеніе, не говоря уже о варварскомъ слогѣ. Сѣтованія на несчастное состояніе народа, на насиліе вельможъ и проч. преувеличены и пошлы. Порывы чувствительности, жеманной и надутой, иногда чрезвычайно смѣшны. Мы бы могли подтвердить сужденіе наше множествомъ выписокъ. Но читателю стоитъ открыть его книгу на удачу, чтобъ удостовѣриться въ истинѣ нами сказаннаго.

Въ Радищевѣ отразилась вся французская философія его вѣка: скептицизмъ Вольтера, филантропія Руссо, политическій цинизмъ Дидрота и Рналя; но все въ нескладномъ и искаженномъ видѣ, какъ всѣ предметы криво отражаются въ кривомъ зеркалѣ. Онъ есть истинный представитель полупросвѣщенія. Невѣжественное презрѣніе ко всему прошедшему, слабоумное изумленіе передъ своимъ вѣкомъ, слѣпое пристрастіе къ новизнѣ, частныя, поверхностныя свѣдѣнія, на обумъ приноровленныя ко всему, вотъ что мы видимъ въ Радищевѣ.** Онъ какъ будто старается раздражить верховную власть своимъ горькимъ злорѣчіемъ: не лучше ли было бы указать на благо, которое она въ состояніи сотворить? Онъ поноситъ власть господъ, какъ явное беззаконіе: не лучше ли было представить правительству и умнымъ помѣщикамъ способы къ постепен-

* Она написана сыномъ Радищева, а не имъ самимъ.

** Зачеркнуто: «Отымите у него честность, въ остаткѣ будетъ Полевой. Вліяніе его было ничтожно».

lib.pushkinskijdom.ru

ному улучшенію состоянія крестьянъ? Онъ злится на цензуру: не лучше ли было потолковать о правилахъ, коими долженъ руководствоваться законодатель, дабы съ одной стороны сословіе писателей не было притѣснено и мысль, священный даръ Божій, не была рабой и жертвой безсмысленной и своенравной управы; а съ другой—чтобъ писатель не употреблялъ сего божественнаго орудія къ достиженію цѣли низкой или преступной? Но все это было бы просто полезно и не произвело бы ни шума, ни соблазна; ибо правительство не только не пренебрегало писателями и ихъ не притѣсняло, но еще требовало ихъ соучастія, вызывало на дѣятельность, вслушивалось въ ихъ сужденія, принимало ихъ совѣты, чувствовало нужду въ содѣйствіи людей просвѣщенныхъ и мыслящихъ, не пугаясь ихъ смѣлости и не оскорбляясь ихъ искренностію.

Какую цѣль имѣлъ Радищевъ? Чего именно желалъ онъ? На сіи вопросы врядъ ли могъ онъ самъ отвѣчать удовлетворительно. Вліяніе его было ничтожно. Всѣ прочли его книгу и забыли ее, не смотря на то, что въ ней есть нѣсколько благоразумныхъ мыслей, нѣсколько благонамѣренныхъ предположеній, которыя не имѣли никакой нужды быть облечены въ бранчивыя и напыщенныя выраженія и незаконно тиснуты въ станкахъ тайной типографіи, съ примѣсью пошлаго и преступнаго пустословія. Онѣ принесли бы истинную пользу, будучи представлены съ большей искренностію и благоволеніемъ; ибо нѣтъ убѣдительности въ поношеніяхъ, и нѣтъ истины, гдѣ нѣтъ любви.

3 апрѣля 1836. Спб.

—

ПРИБАВЛЕНІЯ.

I. Отъ императрицы, главнокомандовавшему въ Санктъ-Петербургѣ генералъ-аншефу Брюсу.

Графъ Яковъ Александровичъ! Недавно издана здѣсь книга подъ названіемъ «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву», наполненная самыми вредными умствованіями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властямъ уваженіе, стремящимися къ тому, чтобъ произвесть въ народѣ негодованіе противу начальниковъ и начальства, наконецъ оскорбительными выраженіями противу сана и власти царской. Сочинителемъ сей книги оказался коллежскій совѣтникъ Александръ Радищевъ, который самъ учинилъ въ томъ признаніе, присовокупивъ къ сему, что послѣ цензуры Управы

lib.pushkinskijdom.ru

благочинія взнесъ онъ многіе листы въ помянутую книгу, въ собственной его типографіи напечатанную, и потому взять подъ стражу. Таковое его преступленіе повелѣваемъ разсмотрѣть и судить узаконеннымъ порядкомъ въ Палатѣ уголовнаго суда Санктпетербургской губерніи и заключа приговоръ, взнесть оный въ Сенатъ нашъ. Пребываемъ вамъ благосклонны Екатерина.

II. Изъ записокъ Храповицкаго.

26-го іюня (1790). Говорено (государыня) о книгѣ Путешествіе изъ Петербурга до Москвы. «Тутъ разсѣваніе французской заразы: отвращеніе отъ начальства, авторъ мартинистъ. Я прочла тридцать страницъ.» Открывается подозрѣніе на Радищева. Посылка за Рылѣевымъ (оберъ-полицмейстеромъ).

2-го іюля. Продолжаютъ писать примѣчанія на книгу Радищева; а онъ, сказываютъ, препорученъ Шешковскому и сидитъ въ крѣпости.

7-го іюля. Примѣчанія на книгу Радищева посланы къ Шешковскому. Сказывать изволили, что онъ бунтовщикъ, хуже Пугачева, показавъ мнѣ, что въ концѣ хвалитъ Франклина, какъ начинщика, а себя такимъ же представляетъ. Говорено съ жаромъ и чувствительностію.

11-го августа. Докладъ о Радищевѣ; съ примѣтною чувствительностію приказано разсмотрѣть въ Совѣтѣ, чтобъ не быть пристрастною, и объявить, дабы не уважили до меня касающееся, понеже я презираю.

III. Клинъ.

(Глава изъ книги Радищева выписана сполна и добавлено): Вотъ какимъ слогомъ написана вся книга!*

МНѢНІЕ М. А. ЛОБАНОВА О ДУХѢ СЛОВЕСНОСТИ,

КАКЪ ИНОСТРАННОЙ, ТАКЪ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ.

(Читано имъ 18 января 1836 г., въ императорской россійской академіи).

Г-нъ Лобановъ заблагоразсудилъ дать своему мнѣнію форму неопредѣленную, вовсе не академическую: это краткая статья вродѣ журнальныхъ отмѣтокъ, помѣщаемыхъ въ Литературныхъ прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду. Можетъ статься, то, что хорошо въ журналѣ, покажется,

---

* На рукописи рукою самого автора написано: «Пушкинъ покорнѣйше проситъ Александра Лукича представить сію статью куда слѣдуетъ на разрѣшеніе.» Потомъ: «Не дозволено къ напечатанію предписаніемъ главнаго управленія цензуры, отъ 26 августа 1836 г., № 271. Цензоръ А. Крыловъ.»

lib.pushkinskijdom.ru

слишкомъ легковѣснымъ, если будетъ произнесено въ присутствіи всей академіи и торжественно потомъ обнародовано. Какъ бы то ни было, мнѣніе г. Лобанова заслуживаетъ и даже требуетъ самаго внимательнаго разсмотрѣнія.

«Любовь къ чтенію и желанію образованія (такъ начинается статья г. Лобанова) сильно увеличились въ нашемъ отечествѣ въ послѣдніе годы. Умножились типографіи, умножилось число книгъ; журналы расходятся въ большемъ количествѣ; книжная торговля распространяется.»

Находя событіе сіе пріятнымъ для наблюдателя успѣховъ въ нашемъ отечествѣ, г. Лобановъ изрекаетъ неожиданное обвиненіе:

«Безпристрастные наблюдатели», говоритъ онъ, «носящіе въ сердцахъ своихъ любовь ко всему, что клонится къ благу отечества, переходя въ памяти своей все, въ послѣднія времена ими читанное, не безъ содроганія могутъ сказать: есть и въ нашей новѣйшей словесности нѣкоторый отголосокъ безнравія и нелѣпостей, порожденныхъ иностранными писателями.»

Г. Лобановъ, не входя въ объясненіе того, что разумѣетъ онъ подъ словами безнравіе и нелѣпость, продолжаетъ:

«Народъ заимствуетъ у народа, и заимствовать полезное, подражать изящному — предписываетъ благоразуміе. Но что жъ заимствовать нынѣ (говорю о чистой словесности) у новѣйшихъ писателей иностранныхъ? Они часто обнажаютъ такія нелѣпыя, гнусныя и чудовищныя явленія, распространяютъ такія пагубныя и разрушительныя мысли, о которыхъ читатель до тѣхъ поръ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, и которыя насильственно влагаютъ въ душу его зародышъ безнравія, безвѣрія и, слѣдовательно, будущихъ заблужденій или преступленій.

«Ужели жизнь и кровавыя дѣла разбойниковъ, палачей и имъ подобныхъ, наводняющихъ нынѣ словесность въ повѣстяхъ, романахъ, въ стихахъ и прозѣ, и питающихъ одно только любопытство, представляются въ образецъ для подражанія? Ужели отвратительнѣйшія зрѣлища, внушающія не назидательный ужасъ, а омерзеніе, возмущающее душу, служатъ въ пользу человѣчеству? Ужели истощилось необъятное поприще благороднаго, назидательнаго, добраго и возвышеннаго, что обратились къ нелѣпому, отвратному (?), омерзительному и даже ненавистному?»

Въ подтвержденіе сихъ обвиненій г. Лобановъ приводитъ извѣстное мнѣніе эдинбургскихъ журналистовъ о нынѣшнемъ состояніи французской словесности. При семъ случаѣ своды академіи огласились собственными именами Жюль-Жанена, Евгенія Сю и прочихъ; имена сіи снабжены

lib.pushkinskijdom.ru

были странными прилагательными.... Но что, если (паче всякаго чаянія) статья г. Лобанова будетъ переведена, и сіи господа увидятъ имена свои, напечатанныя въ отчетѣ императорской россійской академіи? Не пропадетъ ли втунѣ все краснорѣчіе нашего оратора? Не въ правѣ ли будутъ они гордиться такой честію неожиданной, неслыханной въ лѣтописяхъ европейскихъ академій, гдѣ доселѣ произносились имена только тѣхъ изъ живыхъ людей, которые воздвигнули себѣ вѣковѣчные памятники своими талантами, заслугами и трудами? (Академіи безмолствовали о другихъ). Критическая статья англійскаго аристарха напечатана была въ журналѣ; тамъ она заняла ей приличное мѣсто и произвела свое дѣйствіе. У насъ Библіотека перевела ее, и хорошо сдѣлала. Но тутъ надлежало остановиться.*

«Для Франціи,» пишетъ г. Лобановъ, «для народовъ, отуманенныхъ гибельною для человѣчества новѣйшею философіею, огрубѣлыхъ въ кровавыхъ явленіяхъ революцій, и упавшихъ въ омутъ душевнаго и умственнаго разврата, самыя отвратительнѣйшія зрѣлища, напримѣръ: гнуснѣйшая изъ драмъ, омерзительнѣйшій хаосъ ненавистнаго безстыдства и кровосмѣшенія, Люкреція Борджіа, не кажутся имъ таковыми, самыя разрушительнѣйшія мысли для нихъ не столь заразительны, ибо они давно ознакомились и, такъ сказать, срослись съ ними въ ужасахъ революцій.»

Спрашиваю: можно ли на цѣлый народъ изрекать такую страшную анаѳему? Народъ, который произвелъ Фенелона, Расина, Боссюэта, Паскаля и Монтескьё; который и нынѣ гордится Шатобріаномъ и Балланшемъ; народъ, когорый Ламартина признаетъ первымъ изъ своихъ поэтовъ, который Нибуру и Галляму противопоставилъ Баранта, обоихъ Тьерри и Гизо; народъ, который оказываетъ столь сильное религіозное стремленіе, который такъ торжественно отрекается отъ жалкихъ скептическихъ умствованій минувшаго столѣтія; ужели весь сей народъ долженъ отвѣтствовать за произведенія нѣсколькихъ писателей, большею частію молодыхъ людей, употребляющихъ во зло свои таланты, и основывающихъ корыстные раз-

---

* Въ рукописи далѣе: Есть высоты, съ которыхъ не должны падать сатирическія укоризны; есть званія, которыя налагаютъ на насъ обязанности умѣренности и благоприличія, независимо отъ надзора цензуры, sponte sua, sine lege.

lib.pushkinskijdom.ru

счеты на любопытствѣ и нервной раздражительности читателей? Для удовлетворенія публики, всегда требующей новизны и сильныхъ впечатлѣній, многіе писатели обратились къ изображеніямъ отвратительнымъ, мало заботясь объ изящномъ, объ истинѣ, о собственномъ убѣжденіи. Но нравственное чувство, какъ и талантъ, дается не всякому. Нельзя требовать отъ всѣхъ писателей стремленія въ одной цѣли. Никакой законъ не можетъ сказать: пишите именно о такихъ-то предметахъ, а не о другихъ. Мысли какъ и дѣйствія, раздѣляются на преступныя и на неподлежащія никакой отвѣтственности. Законъ не вмѣшивается въ привычки частнаго человѣка, не требуетъ отчета о его обѣдѣ, о его прогулкахъ и тому подобномъ; законъ также не вмѣшивается въ предметы, избираемые писателемъ, не требуетъ, чтобъ онъ описывалъ нравы женевскаго пастора, а не приключенія разбойника или палача, выхвалялъ счастіе супружеское, а не смѣялся надъ невзгодами брака. Требовать отъ всѣхъ произведеній словесности изящества или нравственной цѣли было бы то же, что требовать отъ всякаго гражданина безпорочнаго житья и образованности. Законъ постигаетъ одни преступленія, оставляя слабости и пороки на совѣсть каждаго. Вопреки мнѣнію г. Лобанова, мы не думаемъ, чтобъ нынѣшніе писатели представляли разбойниковъ и палачей въ образецъ для подражанія. Лесажъ, написавъ «Жилблаза» и «Гусмана д'Альфарашъ», конечно не имѣлъ намѣренія преподавать уроки въ воровствѣ и въ плутняхъ. Шиллеръ сочинилъ своихъ «Разбойниковъ» вѣроятно не съ тою цѣлію, чтобъ молодыхъ людей вызвать изъ университетовъ на большія дороги. Зачѣмъ же и въ нынѣшнихъ писателяхъ предполагать преступные замыслы, когда ихъ произведенія просто изъясняются желаніемъ занять и поразить воображеніе читателя? Приключенія ловкихъ плутовъ, страшныя исторіи о разбойникахъ, о мертвецахъ и пр. всегда занимали любопытство не только дѣтей, но и взрослыхъ ребятъ; а разскащики и стихотворцы изстари пользовались этой наклонностію души нашей.

Мы не полагаемъ, чтобы нынѣшняя раздражительная, опрометчивая, безсвязная французская словесность была слѣдствіемъ политическихъ волненій.*

---

* Современникъ № 1: «О движеніи журнальной литературы». А. П.

lib.pushkinskijdom.ru

Въ словесности французской совершилась своя революція, чуждая политическому перевороту, ниспровергшему старинную монархію Людовика XIV. Въ самое мрачное время революціи, литература производила приторныя, сентиментальныя, нравоучительныя книжки. Литературныя чудовища начали появляться уже въ послѣднія времена кроткаго и благочестиваго «возстановленія» (restauration). Начало сему явленію должно искать въ самой литературѣ. Долгое время покорствовавъ своенравнымъ уставамъ, давшимъ ей слишкомъ стѣснительныя формы. она ударилась въ крайнюю сторону, и забвеніе всякихъ правилъ стала почитать законною свободой. Мелочная и ложная теорія, утвержденная старинными риторами, будто бы польза есть условіе и цѣль изящной словесности, сама собою уничтожилась. Почувствовали, что цѣль художества есть идеалъ, а не нравоученіе. Но писатели французскіе поняли одну только половину истины неоспоримой, и положили, что и нравственное безобразіе можетъ быть цѣлію поэзіи, т. е. идеаломъ! Прежніе романисты представляли человѣческую природу въ какой-то жеманной напыщенности; награда добродѣтели и наказаніе порока были непремѣннымъ условіемъ всякаго ихъ вымысла; нынѣшніе, напротивъ, любятъ выставлять порокъ всегда и вездѣ торжествующимъ, и въ сердцѣ человѣческомъ обрѣтаютъ только двѣ струны: эгоизмъ и тщеславіе. Таковой поверхностный взглядъ на природу человѣческую обличаетъ, конечно, мелкомысліе, и вскорѣ такъ же будетъ смѣшонъ и приторенъ, какъ чопорность и торжественность романовъ Арно и г-жи Котенъ. Покамѣстъ онъ еще новъ, и публика, т. е. большинство читателей, съ непривычки, видитъ въ нынѣшнихъ романистахъ глубочайшихъ знатоковъ природы человѣческой. Но уже «словесность отчаянія» (какъ назвалъ ее Гёте), «словесность сатаническая» (какъ говоритъ Соувей), словесность гальваническая, каторжная, пуншевая, кровавая, цыгарочная и проч.—эта словесность, давно уже осужденная высшею критикою, начинаетъ упадать даже и во мнѣніи публики.

Французская словесность, со временъ Кантемира имѣвшая всегда прямое или косвенное вліяніе на рождающуюся нашу литературу, должна была отозваться и въ нашу эпоху. Но нынѣ вліяніе ея было слабо. Оно ограничилось только переводами и кой какими подражаніями, не имѣвшими большаго усцѣха. Журналы наши, которые, какъ и вездѣ, правильно и непра-

lib.pushkinskijdom.ru

вильно управляютъ общимъ мнѣніемъ, вообще оказались противниками новой романической школы. Оригинальные романы, имѣвшіе у насъ наиболѣе успѣха, принадлежатъ къ роду нравоописательныхъ и историческихъ. Лесажъ и Вальтеръ-Скоттъ служили имъ образцами, а не Бальзакъ и не Жюль-Жанень. Поэзія осталась чужда вліянію французскому: она болѣе и болѣе дружится съ поэзіей германскою, и гордо сохраняетъ свою независимость отъ вкусовъ и требованій публики.

«Останавливаясь на духѣ и направленіи нашей словесности,» продолжаетъ г. Лобановъ, «всякій просвѣщенный человѣкъ, всякій благомыслящій русскій видитъ: въ теоріяхъ наукъ—сбивчивость, непроницаемую тьму и хаосъ несвязныхъ мыслей; въ приговорахъ литературныхъ — совершенную безотчетность, безсовѣстность, наглость и даже буйство. Приличіе, уваженіе, здравый умъ отвергнуты, забыты, уничтожены. Романтизмъ, слово до сихъ поръ неопредѣленное, но слово магическое, сдѣлался для многихъ эгидою совершенной безотчетливости и литературнаго сумасбродства. Критика, сія кроткая наставница и добросовѣстная подруга словесности, нынѣ обратилась въ площадное гаерство, въ литературное пиратство, въ способъ добывать себѣ поживу изъ кармана слабоумія дерзкими и буйными выходками, не рѣдко даже противъ мужей государственныхъ, знаменитыхъ и гражданскими, и литературными заслугами. Ни санъ, ни умъ, ни талантъ, ни лѣта, ни что не уважается. Ломоносовъ слыветъ педантомъ. Величайшій геній, оставившій въ достояніе Россіи высокую пѣснь Богу, пѣснь, которой нѣтъ равной ни на одномъ языкѣ народовъ вселенной, какъ бы не существуетъ для нашей словесности: онъ, какъ бы безталанный (г. Лобановъ, вѣроятно, хотѣлъ сказать безталантный), оставленъ безъ вниманія. Имя Карамзина, мудреца глубокаго, писателя добросовѣстнаго, мужа чистаго сердцемъ, предано глумленію.»

Конечно, критика находится у насъ еще въ младенческомъ состояніи. Она рѣдко сохраняетъ важность и приличіе ей свойственныя; можетъ быть, ея рѣшенія часто внушены разсчетами, а не убѣжденіемъ. Неуваженіе къ именамъ, освященнымъ славою (первый признакъ невѣжества и слабомыслія), къ несчастію, почитается у насъ не только дозволеннымъ, но еще и похвальнымъ удальствомъ. Но и тутъ г. Лобановъ сдѣлалъ несправедливыя указанія: у Ломоносова оспаривали (весьма неосновательно) титло поэта, но никто, нигдѣ, сколько я помню, не называлъ его педантомъ: напротивъ, нынѣ вошло въ обыкновеніе хвалить въ немъ мужа ученаго, унижая стихотворца. Имя великаго Державина всегда произносится съ чувствомъ

lib.pushkinskijdom.ru

пристрастія, даже суевѣрнаго. Чистая, высокая слава Карамзина принадлежитъ Россіи, и ни одинъ писатель съ истиннымъ талантомъ, ни одинъ истинно ученый человѣкъ, даже изъ бывшихъ ему противниками, не отказалъ ему дани уваженія глубокаго и благодарности.

Мы не принадлежимъ къ числу подобострастныхъ поклонниковъ нашего вѣка, но должны признаться, что науки сдѣлали шагъ впередъ. Умствованія великихъ европейскихъ мыслителей не были тщетны и для насъ. Теорія наукъ освободилась отъ эмпиризма, возымѣла видъ болѣе общій, оказала болѣе стремленія къ единству. Германская философія, особенно въ Москвѣ, нашла много молодыхъ, пылкихъ, добросовѣстныхъ послѣдователей, и хотя говорили они языкомъ мало понятнымъ для непосвященныхъ, но тѣмъ не менѣе ихъ вліяніе было благотворно и часъ отъ часу становится болѣе ощутительно.

«Не стану говорить ни о господствующемъ вкусѣ, ни о понятіяхъ и ученіяхъ объ изящномъ. Первый явно вездѣ и во всемъ обнаруживается и всякому извѣстенъ; а послѣднія такъ сбивчивы и превратны въ новѣйшихъ эфемерныхъ и разрушающихъ одна другую системахъ, или такъ спутаны въ суесловныхъ мудрованіяхъ, что они непроницаемы для здраваго разума. Нынѣ едва ли вѣрятъ, что изящное, при нѣкоторыхъ только измѣненіяхъ формъ, было и есть одно и то же для всѣхъ вѣковъ и народовъ; что Гомеры, Данты, Софоклы, Шекспиры, Шиллеры, Расины, Державины, не смотря на различіе ихъ формъ, рода, вѣры и нравовъ, всѣ созидали изящное и для всѣхъ вѣковъ; что писатели, романтики ли они или классики, должны удовлетворять умъ, воображеніе и сердце образованныхъ и просвѣщенныхъ людей, а не одной толпы немысленной, плещущей безъ разбора и гаерамъ подкачельнымъ. Нѣтъ, нынѣ проповѣдуютъ, что умъ человѣческій далеко ушелъ впередъ, что онъ можетъ оставить въ покоѣ древнихъ и даже новѣйшихъ знаменитыхъ писателей, что ему не нужны руководители и образцы, что нынѣ, всякій пишущій есть самобытный геній—и подъ знаменемъ сего ложнаго ученія, поражая великихъ писателей древности именемъ тяжелыхъ и приторныхъ классиковъ (которые однако жъ за тысячи лѣтъ плѣняли своихъ согражданъ, и всегда будутъ давать много возвышенныхъ наслажденій своему читателю), подъ знаменемъ сего ложнаго ученія, новѣйшіе писатели безотчетно омрачаютъ разумъ неопытной юности и ведутъ къ совершенному упадку и нравственность и словесность.»

Оставляя безъ возраженія сію филиппику, не могу не оста-

lib.pushkinskijdom.ru

новиться на заключеніи, выведенномъ г. Лобановымъ изо всего имъ сказаннаго:

«По множеству сочиняемыхъ нынѣ безнравственныхъ книгъ цензурѣ предстоитъ непреодолимый трудъ проникнуть всѣ ухищренія пишущихъ. Не легко разрушить превратность мнѣній въ словесности и обуздать дерзость языка, если онъ, движимый злонамѣренностію, будетъ провозглашать нелѣпое и даже вредное. Кто жъ долженъ содѣйствовать въ семъ трудномъ подвигѣ? Каждый добросовѣстный русскій писатель, каждый просвѣщенный отецъ семейства, а всего болѣе академія, для сего самаго учрежденная. Она, движимая любовію къ государю и отечеству, имѣетъ право, на ней лежитъ долгъ неослабно обнаруживать, поражать и разрушать зло, гдѣ бы оно ни встрѣтилось на поприщѣ словесности. «Академія (сказано въ ея уставѣ, гл. III, § 2, и во всеподданнѣйшемъ докладѣ § III), яко сословіе, учрежденное для наблюденія нравственности, цѣломудрія и чистоты языка, разборъ книгъ, или критическія сужденія, долженствуетъ почитать одною изъ главнѣйшихъ своихъ обязанностей.» Итакъ, милостивые государи, каждый изъ почтенныхъ сочленовъ моихъ да представляетъ для разсмотрѣнія и напечатанія въ собраніи сей академіи, согласно съ ея уставомъ, разборы сочиненій и сужденія о книгахъ и журналахъ новѣйшей нашей словесности, и тѣмъ содѣйствуя общей пользѣ, да исполняетъ истинное назначеніе сего высочайше утвержденнаго сословія.»

Но гдѣ же у насъ это множество безнравственныхъ книгъ? Кто сіи дерзкіе, злонамѣренные писатели, ухищряющіеся ниспровергать законы, на коихъ основано благоденствіе общества? И можно ли укорять у насъ цензуру въ неосмотрительности и послабленіи? Вопреки мнѣнію г. Лобанова, цензура не должна проникать всѣ ухищренія пишущихъ. «Цензура долженствуетъ обращать особенное вниманіе на духъ разсматриваемой книги, на видимую цѣль и намѣреніе автора, и въ сужденіяхъ своихъ принимать всегда за основаніе явный смыслъ рѣчи, не дозволяя себѣ произвольнаго толкованія оной въ дурную сторону» (уставъ о цензурѣ § 6). Такова была высочайшая воля, даровавшая намъ литературную собственность и законную свободу мысли! Если съ перваго взгляда сіе основное правило нашей цензуры и можетъ показаться льготою чрезвычайною, то по внимательнѣйшемъ разсмотрѣніи увидимъ, что безъ того не было бы возможности напечатать ни одной строчки, ибо всякое слово можетъ быть перетолковано въ худую сторону. Нелѣпое, если оно просто нелѣпо, а не заклю-

lib.pushkinskijdom.ru

чаетъ въ себѣ ничего противнаго вѣрѣ, правительству, нравственности и чести личной, не подлежитъ уничтоженію цензуры. Нелѣпость, какъ и глупость, подлежитъ осмѣянію общества и не вызываетъ на себя дѣйствія закона. Просвѣщенный отецъ семейства не дастъ въ руки своимъ дѣтямъ многихъ книгъ, дозволенныхъ цензурою; книги пишутся не для всѣхъ возрастовъ одинаково. Нѣкоторые моралисты утверждаютъ, что и восьмнадцатилѣтней дѣвушкѣ нельзя позволить чтеніе романовъ: изъ того еще не слѣдуетъ, чтобъ цензура должна была запрещать всѣ романы. Цензура есть установленіе благодѣтельное, а не притѣснительное; она есть вѣрный стражъ благоденствія частнаго и государственнаго, а не докучливая нянька, слѣдующая по пятамъ шаловливыхъ ребятъ.

Заключимъ искреннимъ желаніемъ, чтобы россійская академія, уже принесшая истинную пользу нашему прекрасному языку и совершившая столь много знаменитыхъ подвиговъ, ободрила, оживила отечественную словесность, награждая достойныхъ писателей дѣятельнымъ своимъ покровительствомъ, а недостойныхъ—наказывая однимъ невниманіемъ.

ВОЛЬТЕРЪ.

(Correspondance inédite de Voltaire avec le président de Brosses, etc. Paris 1836).

Недавно издана въ Парижѣ переписка Вольтера съ президентомъ де Броссомъ. Она касается покупки земли, совершенной Вольтеромъ въ 1758 году.

Всякая строчка великаго писателя становится драгоцѣнной для потомства. Мы съ любопытствомъ разсматриваемъ автографы, хотя бы они были не что иное, какъ отрывокъ изъ расходной тетради, или записки къ портному объ отсрочкѣ платежа. Насъ невольно поражаетъ мысль, что рука, начертавшая эти смиренныя цифры, эти незначущія слова, тѣмъ же самымъ почеркомъ и можетъ быть тѣмъ же самымъ перомъ написала и великія творенія, предметъ нашихъ изученій и восторговъ. Но, кажется, одному Вольтеру предоставлено было составить изъ дѣловой переписки о покупкѣ земли книгу, на каждой страницѣ заставляющую васъ смѣяться, и передать сдѣлкамъ и купчимъ всю заманчивость остроумнаго памфлета.

lib.pushkinskijdom.ru

Судьба на столь забавнаго покупщика послала продавца не менѣе забавнаго. Президентъ де Броссъ есть одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ писателей прошедшаго столѣтія. Онъ извѣстенъ многими учеными сочиненіями,* но лучшимъ изъ его произведеній мы почитаемъ письма, имъ написанныя изъ Италіи въ 1730—1740, и недавно вновь изданныя подъ заглавіемъ: «L'Italie il y a cent ans». Въ этихъ дружескихъ письмахъ де Броссъ обнаружилъ необыкновенный талантъ. Ученость истинная, но никогда неотягощенная педантизмомъ, глубокомысліе, шутливая острота, картины, набросанныя съ небреженіемъ, но живо и смѣло, ставятъ его книгу выше всего, что писано было въ томъ же родѣ.

Вольтеръ, изгнанный изъ Парижа, принужденный бѣжать изъ Берлина, искалъ убѣжища на берегу Женевскаго озера. Слава не спасала его отъ безпокойствъ. Личная свобода его была не безопасна; онъ дрожалъ за свои капиталы, розданные имъ въ разныя руки. Покровительство маленькой, мѣщанской республики не слишкомъ его ободряло. Онъ хотѣлъ на всякій случай помириться съ своимъ отечествомъ и желалъ (пишетъ онъ самъ) имѣть одну ногу въ монархіи, другую въ республикѣ— дабы перешагать туда и сюда, смотря по обстоятельствамъ. Мѣстечко Турне (Tournoy), принадлежавшее президенту де Броссъ, обратило на себя его вниманіе. Онъ зналъ президента за человѣка безпечнаго, расточительнаго, вѣчно имѣющаго нужду въ деньгахъ, и вступилъ съ нимъ въ переговоры слѣдующимъ письмомъ:

«Я прочелъ съ величайшимъ удовольствіемъ то, что вы пишете объ Австраліи; но позвольте сдѣлать вамъ предложеніе, касающееся твердой земли. Вы не такой человѣкъ, чтобъ Турне могло приносить вамъ доходъ. Шуэ, вашъ арендаторъ, думаетъ уничтожить свой контрактъ. Хотите ли продать мнѣ землю вашу пожизненно? Я старъ и хворъ. Я знаю, что дѣло это для меня невыгодно; но вамъ оно будетъ полезно, а мнѣ пріятно — и вотъ условія, которыя вздумалось мнѣ повергнуть вашему благоусмотрѣнію.

«Обязуюсь изъ матеріаловъ вашего прегадкаго замка выстроить хорошенькій домикъ. Думаю на то употребить

---

* Histoire des navigations aux terres Australes; Traité de la formation mécanique des langues; Histoire du VII siècle de la République Romaine; Traité du culte des dieux fétiches. и проч. А. П.

lib.pushkinskijdom.ru

25,000 ливровъ. Другія 25,000 ливровъ заплачу вамъ чистыми деньгами.

«Все, чѣмъ украшу землю, весь скотъ, всѣ земледѣльческія орудія, коими снабжу хозяйство, будетъ вамъ принадлежать. Если умру, не успѣвъ выстроить домъ, то у васъ останутся въ рукахъ 25,000 ливровъ, и вы достроите его, коли вамъ будетъ угодно. Но я постараюсь прожить еще два года, и тогда вы будете даромъ имѣть очень порядочный домикъ.

«Сверхъ сего обязуюсь прожить не болѣе четырехъ или пяти лѣтъ.

«Въ замѣнъ сихъ честныхъ предложеній, требую вступить въ полное владѣніе вашимъ движимымъ и недвижимымъ имѣніемъ, правами, лѣсомъ, и даже каноникомъ, до самаго того времени, какъ онъ меня похоронитъ. Если этотъ забавный торгъ покажется вамъ выгоднымъ, то вы однимъ словомъ можете утвердить его не на шутку. Жизнь слишкомъ коротка: дѣла не должны длиться.

«Прибавлю еще слово. Я украсилъ мою норку,* прозванную les Délices; я украсилъ домъ въ Лозанѣ; то и другое теперь стоитъ вдвое противъ прежней цѣны: то же сдѣлаю и съ вашей землею. Въ теперешнемъ ея положеніи, вы никогда ее съ рукъ не сбудете.

«Во всякомъ случаѣ прошу васъ сохранить все это въ тайнѣ, и честь имѣю», и проч.

Де Бросъ не замедлилъ своимъ отвѣтомъ. Письмо его, какъ и Вольтерово, исполнено ума и веселости.

«Если бы я былъ въ вашемъ сосѣдствѣ (пишетъ онъ) въ то время, какъ вы поселились такъ близко къ городу,* то, восхищаясь вмѣстѣ съ вами физическою красотою береговъ вашего озера, я бы имѣлъ честь шепнуть вамъ на ухо, что нравственный характеръ жителей требовалъ, чтобы вы поселились во Франціи, по двумъ важнымъ причинамъ: во-первыхъ, потому что надобно жить у себя дома, во-вторыхъ, потому что не надобно жить у чужихъ. Вы не можете вообразить, до какой степени эта республика заставляетъ меня любить монархіи... Я бы вамъ и тогда предложилъ свой замокъ, еслибъ онъ былъ васъ достоинъ; но замокъ мой не имѣетъ даже чести быть древностью: это просто ветошь. Вы вздумали возвратить ему юность, какъ Мемнону: я очень одобряю ваше предположеніе. Вы не знаете, можетъ быть, что г. д'Аржанталь имѣлъ для васъ то же намѣреніе.—Приступимъ къ дѣлу.»

Тутъ де Броссъ разбираетъ одно за другимъ всѣ условія,

---

* Вольтеръ въ 1755 году купилъ les Délices sur St. Jean близъ самой Женевы—А. П.

lib.pushkinskijdom.ru

предлагаемыя Вольтеромъ; съ иными соглашается, другимъ противорѣчитъ, обнаруживая сметливость и тонкость, которыхъ Вольтеръ отъ президента, кажется, не ожидалъ. Это подстрекнуло его самолюбіе. Онъ началъ хитрить; переписка завязалась живѣе. Наконецъ 15 декабря купчая была совершена.

Эти письма, заключающія въ себѣ переговоры торгующихся и нѣсколько другихъ, писанныхъ по заключеніи торга, составляютъ лучшую часть переписки Вольтера съ де Броссомъ. Оба другъ передъ другомъ кокетничаютъ; оба поминутно оставляютъ дѣловые запросы для шутокъ самыхъ неожиданныхъ, для сужденій самыхъ искреннихъ о людяхъ и происшествіяхъ современныхъ. Въ этихъ письмахъ Вольтеръ является Вольтеромъ, т. е. любезнѣйшимъ изъ собесѣдниковъ; де Броссъ—тѣмъ острымъ писателемъ, который такъ оригинально описалъ Италію въ ея правленіи и привычкахъ, въ ея жизни художественной и сладострастной.

Но вскорѣ согласіе между новымъ хозяиномъ земли и прежнимъ ея владѣльцемъ было прервано. Война, какъ и многія другія войны, началась отъ причинъ маловажныхъ. Срубленныя деревья осердили нетерпѣливаго Вольтера; онъ поссорился съ президентомъ, не менѣе его раздражительнымъ. Надобно видѣть, что́ такое гнѣвъ Вольтера! Онъ уже смотритъ на де Бросса какъ на врага, какъ на Фрерона, какъ на великаго инквизитора. Онъ собирается его погубить: «qu'il tremble!»—восклицаетъ онъ въ бѣшенствѣ—«il ne s'agit pas de le rendre ridicule: il s'agit de le déshonorer!» Онъ жалуется, онъ плачетъ, онъ скрежещетъ.... а все дѣло въ двухстахъ франкахъ. Де Броссъ съ своей стороны не хочетъ уступить вспыльчивому философу; въ отвѣтъ на его жалобы, онъ пишетъ знаменитому старцу надменное письмо, укоряетъ его въ природной дерзости, совѣтуетъ ему въ минуты сумасшествія воздерживаться отъ пера, чтобъ не краснѣть опомнившись потомъ, и оканчиваетъ письмо желаніемъ Ювенала: «Mens sana in corpore sano».

Посторонніе вмѣшиваются въ распрю сосѣдей. Общій ихъ пріятель, г. Рюфе, старается усовѣстить Вольтера и пишетъ къ нему ѣдкое письмо (которое, вѣроятно, диктовано самимъ де Броссомъ): «Вы боитесь быть обманутымъ», говоритъ г. Рюфе, «но изъ двухъ ролей это лучшая.... Вы не имѣли никогда тяжебъ: онѣ разорительны, даже когда ихъ и выигрываемъ.... Вспомните устрицу Ляфонтена, и пятую сцену втораго дѣй-

lib.pushkinskijdom.ru

сѣвія въ Скапиновыхъ Обманахъ.* Сверхъ адвокатовъ, вы должны еще опасаться и литературной черни, которая рада будетъ на васъ броситься....»

Вольтеръ первый утомился, и уступилъ. Онъ долго дулся на упрямаго президента, и былъ причиною тому, что де Броссъ не попалъ въ академію (что въ то время много значило). Сверхъ того Вольтеръ имѣлъ удовольствіе его пережить: де Броссъ, младшій изъ двухъ пятнадцатью годами, умеръ въ 1777 году, годомъ прежде Вольтера.

Не смотря на множество матеріаловъ, собранныхъ для исторіи Вольтера (ихъ цѣлая библіотека), какъ человѣкъ дѣловой, капиталистъ и владѣлецъ, онъ еще весьма мало извѣстенъ. Нынѣ изданная переписка открываетъ многое. «Надобно видѣть», пишетъ издатель въ своемъ предисловіи, «какъ баловень Европы, собесѣдникъ Екатерины Великой и Фридерика II, занимается послѣдними мелочами для поддержанія своей мѣстной важности; надобно видѣть, какъ онъ въ праздничномъ кафтанѣ въѣзжаетъ въ свое графство, сопровождаемый своими обѣими племянницами (которыя всѣ въ брилліантахъ); какъ выслушиваетъ онъ рѣчь своего священника, и какъ новые подданные привѣтствуютъ его пальбой изъ пушекъ, взятыхъ на прокатъ у Женевской республики.—Онъ въ вѣчной распрѣ со всѣмъ мѣстнымъ духовенствомъ. Габель (налогъ на соль) находитъ въ немъ тонкаго и дѣятельнаго противника. Онъ хочетъ быть банкиромъ своей провинціи. Вотъ онъ пускается въ спекуляціи. У него свои дворяне: онъ шлетъ ихъ посланниками въ Швейцарію. И все это его ворочаетъ; онъ искренно тревожится обо всемъ, съ этой раздражительностію страстей, исключительно ему свойственной. Онъ расточаетъ то искусныя разсужденія адвоката, то прицѣпки прокурора, то хитрости купца, то гиперболы стихотворца, то порывы истиннаго краснорѣчія. Письмо его къ президенту о дракѣ въ кабакѣ, право, напоминаетъ его заступленіе за семейство Коласа.»

Въ одномъ изъ этихъ писемъ встрѣтили мы неизвѣстные стихи Вольтера. На нихъ легкая печать его неподражаемаго таланта. Они написаны сосѣду, который прислалъ ему розаны:

---

* Сцену, въ которой Леандръ заставляетъ Скапина на колѣнахъ признаваться во всѣхъ своихъ плутняхъ. А. П.

lib.pushkinskijdom.ru

Vos rosiers sont dans mes jardins
Et leur fleurs vont bientôt paraître
Doux asile où je suis mon maître!
Je renonce aux lauriers si vains,
Qu'à Paris j'aimais trop peut être.
Je me suis trop piqué les mains
Aux épines qu'ils ont fait naître.

Признаемся въ рококо нашего запоздалаго вкуса: въ этихъ семи стихахъ мы находимъ болѣе слога, болѣе мысли, нежели въ полдюжинѣ длинныхъ французскихъ стихотвореній, написанныхъ въ нынѣшнемъ вкусѣ, гдѣ мысль замѣняется исковерканнымъ выраженіемъ, ясный языкъ Вольтера—напыщеннымъ языкомъ Ронсара, живость его—несноснымъ однообразіемъ, а остроуміе—площаднымъ цинизмомъ или вялой меланхоліей.

Вообще переписка Вольтера съ де Броссомъ представляетъ намъ творца Меропы и Кандида съ его милой стороны. Его притязанія, его слабости, его дѣтская раздражительность—все это не вредитъ ему въ нашемъ воображеніи. Мы охотно извиняемъ его, и готовы слѣдовать за всѣми движеніями пылкой его души и спокойной чувствительности. Но не такое чувство рождается при чтеніи писемъ, приложенныхъ издателемъ къ концу книги, нами разбираемой. Эти новыя письма найдены въ бумагахъ г. де ла Туша, бывшаго французскимъ посланникомъ при дворѣ Фридерика II (въ 1752 году).

Въ это время Вольтеръ не ладилъ съ Сѣвернымъ Соломономъ,* своимъ прежнимъ ученикомъ. Мопертюи, президентъ берлинской академіи, поссорился съ профессоромъ Кёнигомъ. Король взялъ сторону своего президента; Вольтеръ заступился за профессора. Явилось сочиненіе безъ имени автора, подъ заглавіемъ: Письмо къ Публикѣ. Въ немъ осуждали Кенига и задѣвали Вольтера. Вольтеръ возразилъ, и напечаталъ свой колкій отвѣтъ въ нѣмецкихъ журналахъ. Спустя нѣсколько времени «Письмо къ Публикѣ» было перепечатано въ Берлинѣ, съ изображеніемъ короны, скиптра и прусскаго орла на заглавномъ листѣ. Вольтеръ только тогда догадался съ кѣмъ имѣлъ онъ неосторожность состязаться, и сталъ помышлять о благо-

* Такъ называлъ Вольтеръ Фридерика II въ хвалебныхъ своихъ посланіяхъ. А. П.

lib.pushkinskijdom.ru

разумномъ отступленіи. Онъ видѣлъ въ поступкахъ короля явное къ нему охлажденіе и предчувствовалъ опалу. «Я стараюсь тому не вѣрить»—писалъ онъ въ Парижъ къ д'Аржанталю—«но боюсь быть подобну рогатымъ мужьямъ, которые силятся увѣрить себя въ вѣрности своихъ женъ. Бѣдняжки втайнѣ чувствуютъ свое горе!» Не смотря на свое уныніе, онъ однако жъ не могъ удержаться, чтобъ еще разъ не задѣть своихъ противниковъ. Онъ написалъ самую язвительную изъ своихъ сатиръ (la Diatribe du Dr. Akakia) и напечаталъ ее, выманивъ обманомъ позволеніе на то отъ самого короля.

Слѣдствія извѣстны. Сатира, по повелѣнію Фридерика, сожжена была рукою палача. Вольтеръ уѣхалъ изъ Берлина, задержанъ былъ во Франкфуртѣ прусскими приставами, нѣсколько дней находился подъ арестомъ, и принужденъ былъ выдать стихотворенія Фридерика, напечатанныя для немногихъ, и между коими находилась сатирическая поэма противъ Людовика XV и его двора.

Вся эта жалкая исторія мало приноситъ чести философіи. Вольтеръ, во все теченіе долгой своей жизни, никогда не умѣлъ сохранить своего собственнаго достоинства. Въ его молодости заключеніе въ Бастилію, изгнаніе и преслѣдованіе не могли привлечь на его особу состраданія и сочувствія, въ которыхъ почти никогда не отказывали страждущему таланту. Наперсникъ государей, идолъ Европы, первый писатель своего вѣка, предводитель умовъ и современнаго мнѣнія, Вольтеръ и въ старости не привлекалъ уваженія къ своимъ сѣдинамъ: лавры, ихъ покрывающіе, были обрызганы грязью. Клевета, преслѣдующая знаменитость, но всегда уничтожающаяся передъ лицомъ истины, вопреки общему закону, для него не исчезала, ибо была всегда правдоподобна. Онъ не имѣлъ самоуваженія и не чувствовалъ необходимости въ уваженіи людей. Что влекло его въ Берлинъ? Зачѣмъ ему было промѣнивать свою независимость на милости государя, ему чужаго, не имѣвшаго права его къ тому принудить?..

Къ чести Фридерика II скажемъ, что самъ отъ себя король, вопреки природной своей насмѣшливости, не сталъ бы унижать своего стараго учителя, не надѣлъ бы на перваго изъ французскихъ поэтовъ шутовскаго кафтана, не предалъ бы его на посмѣяніе свѣта, если бы самъ Вольтеръ не напрашивался на такое жалкое посрамленіе.

lib.pushkinskijdom.ru

До сихъ поръ полагали, что Вольтеръ самъ отъ себя, въ порывѣ благороднаго огорченія, отослалъ свой каммергерскій ключъ и прусскій орденъ, знаки непостоянныхъ его милостей; но теперь открывается, что король самъ ихъ потребовалъ обратно. Роль перемѣнена: Фридерикъ негодуетъ и грозитъ, Вольтеръ плачетъ и умоляетъ...

Что изъ этого заключить? Что геній имѣетъ свои слабости, которыя утѣшаютъ посредственность, но печалятъ благородныя сердца, напоминая имъ о несовершенствѣ человѣчества; что настоящее мѣсто писателя есть его ученый кабинетъ, и что наконецъ независимость и самоуваженіе одни могутъ насъ возвысить надъ мелочами жизни и надъ бурями судьбы.

ДЖОНЪ ТЕННЕРЪ.

Съ нѣкотораго времени Сѣверо-Американскіе Штаты обращаютъ на себя въ Европѣ вниманіе людей наиболѣе мыслящихъ. Не политическія происшествія тому виною: Америка спокойно совершаетъ свое поприще, донынѣ безопасная и цвѣтущая, сильная миромъ, упроченнымъ ей географическимъ ея положеніемъ, гордая своими учрежденіями. Но нѣсколько глубокихъ умовъ въ недавнее время занялись изслѣдованіемъ нравовъ и постановленій американскихъ, и ихъ наблюденія возбудили снова вопросы, которые полагали давно уже рѣшенными. Уваженіе къ сему новому народу и къ его уложенію, плоду новѣйшаго просвѣщенія, сильно поколебалось. Съ изумленіемъ увидѣли демократію въ ея отвратительномъ цинизмѣ, въ ея жестокихъ предразсудкахъ, въ ея нестерпимомъ тиранствѣ. Все благородное, безкорыстное, все возвышающее душу человѣческую, подавленное неумолимымъ эгоизмомъ и страстію къ довольству (comfort); большинство, нагло притѣсняющее общество; рабство негровъ посреди образованности и свободы; родословныя гоненія въ народѣ, не имѣющемъ дворянства; со стороны избирателей алчность и зависть; со стороны управляющихъ робость и подобострастіе; талантъ, изъ уваженія къ равенству, принужденный къ добровольному остракизму; богачъ, надѣвающій оборванный кафтанъ, дабы на улицѣ не оскорбить надменной нищеты, имъ втайнѣ презираемой: та-

lib.pushkinskijdom.ru

кова картина Американскихъ Штатовъ, недавно выставленная передъ нами.

Отношенія Штатовъ къ индѣйскимъ племенамъ, древнимъ владѣльцамъ земли, нынѣ заселенной европейскими выходцами, подверглись также строгому разбору новыхъ наблюдателей. Явная несправедливость, ябеда и безчеловѣчіе американскаго конгресса осуждены съ негодованіемъ: такъ или иначе, чрезъ мечъ и огонь, или отъ рома и ябеды, или средствами болѣе нравственными, но дикость должна исчезнуть при приближеніи цивилизаціи. Таковъ неизбѣжный законъ. Остатки древнихъ обитателей Америки скоро совершенно истребятся; и пространныя степи, необозримыя рѣки, на которыхъ сѣтьми и стрѣлами добывали они себѣ пищу, обратятся въ обработанныя поля, усѣянныя деревнями, и въ торговыя гавани, гдѣ задымятся пироскафы, и разовьется флагъ американскій.

Нравы сѣверо-американскихъ дикарей знакомы намъ по описанію знаменитыхъ романистовъ. Но Шатобріанъ и Куперъ оба представили намъ индѣйцевъ съ ихъ поэтической стороны, и закрасили истину красками своего воображенія. «Дикари, выставленные въ романахъ, пишетъ Вашингтонъ-Ирвингъ, такъ же похожи на настоящихъ дикарей, какъ идиллическіе пастухи на пастуховъ обыкновенныхъ.» Это самое подозрѣвали и читатели; и недовѣрчивость къ словамъ заманчивыхъ повѣствователей уменьшала удовольствіе, доставляемое ихъ блестящими произведеніями.

Въ Нью-Йоркѣ недавно изданы: «Записки Джона Теннера», проведшаго тридцать лѣтъ въ пустыняхъ Сѣверной Америки, между дикими ея обитателями. Эти «Записки» драгоцѣнны во всѣхъ отношеніяхъ. Онѣ самый полный, и вѣроятно послѣдній документъ бытія народа, коего скоро не останется и слѣдовъ. Лѣтописи племенъ безграмотныхъ, онѣ разливаютъ истинный свѣтъ на то, что нѣкоторые философы называютъ естественнымъ состояніемъ человѣка; показанія простодушныя и безстрастныя, онѣ наконецъ будутъ свидѣтельствовать передъ свѣтомъ о средствахъ, которыя Американскіе Штаты употребляли въ XIX столѣтіи къ распространенію своего владычества и христіанской цивилизаціи. Достовѣрность сихъ «Записокъ» не подлежитъ никакому сомнѣнію. Джонъ Теннеръ еще живъ; многія особы (между прочимъ Токвиль, авторъ славной книги: «De la démocratie en Amérique») видѣли его, и купили отъ него

lib.pushkinskijdom.ru

самого эту книгу. По ихъ мнѣнію, подлога тутъ быть не можетъ. Да и стоитъ прочитать нѣсколько страницъ, чтобы въ томъ удостовѣриться: отсутствіе всякаго искусства и смиренная простота повѣствованія ручаются за истину.*

ѲРАКІЙСКІЯ ЭЛЕГІИ.

СТИХОТВОРЕНІЯ ТЕПЛЯКОВА.

Въ наше время молодому человѣку, который готовится посѣтить великолѣпный Востокъ, мудрено, садясь на корабль, не вспомнить лорда Байрона и невольнымъ соучастіемъ не сблизить судьбы своей съ судьбою Чильдъ-Гарольда. Ежели, паче чаянія, молодой человѣкъ еще и поэтъ, и захочетъ выразить свои чувствованія, то какъ избѣжать ему подражанія. Можно ли за то его укорять? Талантъ неволенъ, и его подражаніе не есть постыдное похищеніе—признакъ умственной скудости, но благородная надежда на свои собственныя силы, надежда открыть новые міры, стремясь по слѣдамъ генія; или чувство, въ смиреніи своемъ еще болѣе возвышенное, желаніе изучить свой образецъ и дать ему вторичную жизнь.**

Нѣтъ сомнѣнія, что фантастическая тѣнь Чильдъ-Гарольда сопровождала г. Теплякова на кораблѣ, принесшемъ его къ ѳракійскимъ берегамъ. Звуки прощальныхъ строфъ: «Adieu, adieu my native land!» отзываются въ самомъ началѣ его пѣсенъ: «Плывемъ!... Блѣднѣетъ день; бѣгутъ брега родные» и т. д.

Но уже съ первыхъ стиховъ поэтъ обнаруживаетъ самобытный талантъ: «Безумецъ! что за грусть? Въ минуту разлученья» и т. д.

Тутъ есть гармонія, лирическое движеніе, истина чувствъ!

Вскорѣ поэтъ плыветъ мимо береговъ, прославленныхъ изгнаніемъ Овидія; они мелькаютъ передъ нимъ на краю волнъ: «Какъ поясъ желтый и струистый.»

---

* Далѣе слѣдуетъ изложеніе «Записокъ Теннера», которое мы не перепечатываемъ, какъ заключающее простой пересказъ.

** Въ рукописи зачеркнуто: Такъ Брюловъ, усыпляя нарочно свою творческую силу, съ пламеннымъ и благороднымъ подобострастіемъ списывалъ Аѳинскую школу Рафаэля. А между тѣмъ въ головѣ его уже шаталась поколебленная Помпея, кумиры падали, народъ бѣжалъ по тѣсной улицѣ, чудно освѣщенной волканомъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Поэтъ привѣтствуетъ незримую гробницу Овидія стихами слишкомъ небрежными.... Тишина гробницы, громкая какъ дальній шумъ колесницы; стонъ, звучащій какъ плачъ души; слова, которыя святѣе ропота волнъ... все это не точно, фальшиво, или просто ничего не значитъ.

Гресетъ въ одномъ изъ своихъ посланій пишетъ:

Je cesse d'estimer Ovide,
Quand il vient sur de faibles tons
Mechanter, pleureur insipide,
De longues lamentations.

Книга Tristium не заслужила такого строгаго осужденія. Она выше, по нашему мнѣнію, всѣхъ прочихъ сочиненій Овидіевыхъ (кромѣ «Превращеній»). Героиды, Элегіи любовныя, и самая поэма «Ars amandi», мнимая причина его изгнанія, уступаютъ Элегіямъ Понтійскимъ. Въ сихъ послѣднихъ болѣе истиннаго чувства, болѣе простодушія, болѣе индивидуальности, и менѣе холоднаго остроумія. Сколько яркости въ описаніи чуждаго климата и чуждой земли! сколько живости въ подробностяхъ! и какая грусть о Римѣ! какія трогательныя жалобы! Благодаримъ г. Теплякова за то, что онъ не ищетъ блистать душевной твердостью на счетъ бѣднаго изгнанника, а съ живостію заступается за него: «И ты ль тюремный вопль, о странникъ! назовешь» и т. д.

Пѣснь, которую поэтъ влагаетъ въ уста Назоновой тѣни, имѣла бы болѣе достоинства, если бы г. Тепляковъ болѣе соображался съ характеромъ Овидія, такъ искренно обнаруженнымъ въ его плачѣ. Онъ не сказалъ бы, что при набѣгахъ гетовъ и бессовъ, поэтъ: «Радостно на смертный мчался бой.» Овидій добродушно признается, что онъ и смолоду не былъ охотникъ до войны, что тяжело ему подъ старость покрывать сѣдину свою шлемомъ, и трепетной рукою хвататься за мечъ при первой вѣсти о набѣгѣ (См. Trist. Lib. IV. El. I).

Элегія «Томисъ» оканчивается прекрасными стихами «Не буря ль это, кормчій мой?» и т. д.

Вскорѣ изъ глазъ поэта исчезаютъ берега, съ которыхъ низвергаются въ море воды семиустнаго Дуная: «Какъ старъ сей шумный Истръ! Чела его морщины» и т. д.

Слѣдуетъ идиллическая, немного блѣдная картина народа кочующаго; размышленія при видѣ развалинъ Венеціянскаго

lib.pushkinskijdom.ru

зáмка имѣютъ ту невыгоду, что напоминаютъ нѣкоторыя строфы изъ четвертой пѣсни Чильдъ-Гарольда, строфы, слишкомъ сильно врѣзанныя въ наше воображеніе. Но вскорѣ поэтъ снова одушевляется: «Улегся вѣтеръ; водъ стекло» и т. д.

Элегія «Гебеджинскія Развалины,» по мнѣнію нашему, лучшая изъ всѣхъ. Въ ней обнаруживается необыкновенное искусство въ описаніяхъ, яркость въ выраженіяхъ и сила въ мысляхъ. Пользуясь намъ даннымъ позволеніемъ, выписываемъ большую часть этой элегіи. (Слѣдуетъ выписка, оканчивающаяся стихами):

Ты правъ, божественный пѣвецъ,
Вѣка вѣковъ лишь повторенье!
Сперва—свободы обольщенье,
Гремушки славы наконецъ;
За славой—роскоши потоки,
Богатства съ золотымъ ярмомъ,
Потомъ—изящные пороки,
Глухое варварство потомъ!...

Это прекрасно! Энергія послѣднихъ стиховъ удивительна!

Остальныя элегіи (между коими шестая весьма замѣчательна) заключаютъ въ себѣ недостатки и красоты, уже нами указанные: силу выраженія, переходящую часто въ надутость; яркость описанія, затемненную иногда неточностію. Вообще главныя достоинства «Ѳракійскихъ Элегій»: блескъ и энергія; главные недостатки—напыщенность и однообразіе.

Къ «Ѳракійскимъ Элегіямъ» присокуплены разныя мелкія стихотворенія, имѣющія неоспоримое достоинство: вездѣ гармонія, вездѣ мысли, изрѣдка истина чувствъ. Если бы г. Тепляковъ ничего другаго не написалъ, кромѣ элегіи Одиночество и станса Любовь и Ненависть, то и тутъ занялъ бы онъ почетное мѣсто между нашими поэтами. Заключимъ разборъ, выписавъ стихотвореніе, которымъ заключается и книга г. Теплякова. (Выписано стихотвореніе «Одиночество»).

ОБЪ ОБЯЗАННОСТЯХЪ ЧЕЛОВѢКА, СОЧИНЕНІЕ СИЛЬВІО ПЕЛЛИКО.

На дняхъ выйдетъ изъ печати новый переводъ книги: Dei doveri degli uomini, сочиненія славнаго Сильвіо Пеллико.

Есть книга, коей каждое слово истолковано, объяснено, проповѣдано во всѣхъ концахъ земли, примѣнено ко всевозмож-

lib.pushkinskijdom.ru

нымъ обстоятельствамъ жизни и происшествіямъ міра; изъ коей нельзя повторить ни единаго выраженія, котораго не знали бы всѣ наизустъ, которое не было бы уже пословицею народовъ; она не заключаетъ уже для насъ ничего неизвѣстнаго; но книга сія называется евангеліемъ — и такова ея вѣчно новая прелесть, что если мы, пресыщенные міромъ, или удрученные унынiемъ, случайно откроемъ ее, то уже не въ силахъ противиться ея сладостному увлеченію, и погружаемся духомъ въ ея божественное краснорѣчіе.

И не всуе, собираясь сказать нѣсколько словъ о книгѣ кроткаго страдальца, дерзнули мы упомянуть о божественномъ евангеліи: мало было избранныхъ (даже между первоначальными пастырями церкви), которые бы въ своихъ твореніяхъ приближились кротостію духа, сладостію краснорѣчія и младенческою простотою сердца къ проповѣди небеснаго учителя.

Въ позднѣйшія времена неизвѣстный творецъ книги «О подражаніи Іисусу Христу», Фенелонъ и Сильвіо Пеллико въ высшей степени принадлежатъ къ симъ избраннымъ, которыхъ ангелъ господній привѣтствовалъ именемъ человѣковъ благоволенія.

Сильвіо Пеллико десять лѣтъ провелъ въ разныхъ темницахъ, и получа свободу, издалъ свои Записки. Изумленіе было всеобщее: ждали жалобъ, напитанныхъ горечью—прочли умилительныя размышленія, исполненныя яснаго спокойствія, любви и доброжелательства.

Признаемся въ нашемъ суетномъ зломыслiи. Читая сіи записки, гдѣ ни разу не вырывается изъ подъ пера несчастнаго узника выраженія нетерпѣнія, упрека или ненависти, мы невольно предполагали скрытое намѣреніе въ этой ненарушимой благосклонности ко всѣмъ и ко всему; эта умѣренность казалась намъ искусствомъ. И восхищаясь писателемъ, мы укоряли человѣка въ неискренности. Книга: Dei doveri устыдила насъ, и разрѣшила намъ тайну прекрасной души, тайну человѣка христіанина.

Сказавъ, какую книгу напомнило намъ сочиненіе Сильвіо Пеллико, мы ничего болѣе не можемъ и не должны прибавить къ похвалѣ нашей.

Въ одномъ изъ нашихъ журналовъ (Московскій Наблюдатель), въ статьѣ писателя съ истиннымъ талантомъ, критика, заслужившаго довѣренность просвѣщенныхъ читателей, съ

lib.pushkinskijdom.ru

удивленіемъ прочли мы слѣдующія строки о книгѣ Сильвіо Пеллико:

«Если бы книга Обязанностей не вышла вслѣдъ за книгою Жизни (Мои темницы), она показалась бы намъ общими мѣстами, сухимъ, произвольно-догматическимъ урокомъ, который мы бы прослушали безъ вниманія.»

Неужели Сильвіо Пеллико имѣетъ нужду въ извиненіи? Неужели его книга, вся исполненная сердечной теплоты, прелести неизъяснимой, гармоническаго краснорѣчія, могла кому бы то ни было, и въ какомъ бы то ни было случаѣ, показаться сухой и холодно-догматической? Неужели, если бъ она была написана въ тишинѣ Өиваиды или въ библіотекѣ философа, а не въ грустномъ уединеніи темницы, недостойна была бы обратить на себя вниманія человѣка, одареннаго сердцемъ?—Не можемъ повѣрить, чтобы въ самомъ дѣлѣ такова была мысль автора «Исторіи поэзіи».

Это ужъ не ново, это было уже сказано—вотъ одно изъ самыхъ обыкновенныхъ обвиненій критики. Но все уже было сказано, всѣ понятія выражены и повторены въ теченіе столѣтій; что жъ изъ этого слѣдуетъ? Что духъ чѣловѣческій уже ничего новаго не производитъ? Нѣтъ, не станемъ на него клеветать; разумъ неистощимъ въ соображеніи понятій, какъ языкъ неистощимъ въ соединеніи словъ. Всѣ слова находятся въ лексиконѣ; мысли же могутъ быть разнообразны до безконечности.

Какъ лучшее опроверженіе мнѣнія г-на Шевырева привожу собственныя его слова:

«Прочтите ее (книгу Пеллико) съ тою же вѣрою, съ какою она писана, и вступите изъ темнаго міра сомнѣній, разстройства, раздора головы съ сердцемъ въ свѣтлый міръ порядка и согласія. Задача жизни и счастія вамъ покажется проста. Вы какъ-то соберете себя, разсѣяннаго по мелочамъ страстей, привычекъ и прихотей—и въ вашей душѣ вы ощутите два чувства, которыя, къ сожалѣнію, очень рѣдки въ эту эпоху: чувство довольства и чувство надежды.»

---

lib.pushkinskijdom.ru

СЛОВАРЬ О СВЯТЫХЪ,

ПРОСЛАВЛЕННЫХЪ ВЪ РОССІЙСКОЙ ЦЕРКВИ, И ПР. Кн. ЭРИСТОВА.

Въ наше время главный недостатокъ, отзывающійся во всѣхъ почти ученыхъ произведеніяхъ, есть отсутствіе труда. Рѣдко случается критикѣ указывать на плоды долгихъ изученій и терпѣливыхъ розысканій. Что же изъ того происходитъ? Наши такъ называемые ученые принуждены замѣнять существенныя достоинства изворотами болѣе или менѣе удачными: порицаніемъ предшественниковъ, новизною взглядовъ, приноровленіемъ модныхъ понятій къ старымъ, давно извѣстнымъ предметамъ и пр. Таковыя средства (которыя, въ нѣкоторомъ смыслѣ, можно назвать шарлатанствомъ) не подвигаютъ науки ни на шагъ, поселяютъ жалкій духъ сомнѣнія и отрицанія въ умахъ незрѣлыхъ и старыхъ, и печалятъ людей истинно ученыхъ и здравомыелящихъ.

Словарь о святыхъ не принадлежитъ къ числу опрометчивыхъ и скороспѣлыхъ произведеній, наводняющихъ наши книжныя лавки. Отчетливость въ предварительныхъ изысканіяхъ, полнота въ совершеніи предпринятаго труда поставили сію книгу высоко во мнѣніи знающихъ людей. Издатель на своемъ поприщѣ имѣлъ предшественникомъ Новикова, напечатавшаго въ 1784 году: Опытъ историческаго словаря о всѣхъ въ истинной православной вѣрѣ святою непорочною жизнію прославившихся святыхъ мужахъ. Съ того времени прошло болѣе пятидесяти лѣтъ; средства и источники умножились; для новаго издателя трудъ былъ облегченъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и удвоенъ. Въ опытѣ Новикова помѣщено 169 именъ угодниковъ, съ описаніемъ ихъ житія, или безо всякаго объясненія: Словарь о святыхъ заключаетъ въ себѣ, триста шестьдесятъ три имени, т. е. болѣе, нежели вдвое. У Новикова источники изрѣдка указаны внизу самаго текста: въ нынѣшнемъ «Словарѣ» полный «Указатель» источникамъ напечатанъ особо, въ два столбца, мелкимъ шрифтомъ, и составляетъ цѣлый листъ.

«Церковь россійская», сказано въ предисловіи, «весьма осторожно оглашала святыми угодниковъ своихъ, и только по явномъ открытіи нетлѣнія мощей, прославленныхъ чудесами,

lib.pushkinskijdom.ru

помѣщала ихъ въ мѣсяцесловы. Россія къ утвержденію православія своего видѣла во многихъ мѣстахъ явное знаменіе благодати надъ мощами тѣхъ, кои святостію жизни, примѣромъ благочестія или христіанскимъ самоотверженіемъ явили себя достойными почитанія; но имена сихъ угодниковъ не были внесены въ «Общія святцы россійской церкви;» а память ихъ совершалась въ тѣхъ только мѣстахъ, гдѣ они почиваютъ. Причиною такой мѣстности было отдѣленіе духовной власти Новгорода отъ главной духовной власти Россіи, и потомъ раздѣленіе митрополіи на кіевскую и московскую. Уже въ половинѣ XVI вѣка московскій митрополитъ Макарій, составляя «Великія четьи-минеи», собралъ житія и нѣкоторыхъ святыхъ, еще дотолѣ въ патерикахъ не помѣщенныхъ, и для установленія имъ служебъ имѣлъ въ Москвѣ, 1547 года, соборъ, на которомъ двѣнадцати святымъ россійскимъ назначено повсюду празднованіе и службы, а девяти — только въ мѣстахъ, гдѣ мощи ихъ почиваютъ. Тѣ церкви, которыя не успѣли на соборъ представить свидѣтельствъ о своихъ мѣстныхъ угодникахъ, послѣ получали, по разсмотрѣнію митрополита, дозволеніе совершать память ихъ, и потомъ, при патріархахъ, нѣкоторые изъ нихъ внесены въ общіе мѣсяцесловы. Митрополитъ ростовскій, Димитрій, въ своихъ «Четьи-минеяхъ» помѣстилъ преподобныхъ кіевопечерскихъ подъ числомъ совершенія ихъ памяти. Но и за симъ многіе не внесены въ мѣсяцесловы, хотя нѣкоторымъ сочинены особыя службы, кондаки и тропари, таковы угодники новогородскіе, псковскіе, вологодскіе, и другіе.

«Въ предлагаемомъ «Словарѣ» помѣщены житія святыхъ, прославленныхъ въ россійской церкви; житія нѣкоторыхъ другихъ подвижниковъ благочестія, коихъ память благоговѣйно сохраняется тамъ, гдѣ они жили или почили; наконецъ краткія извѣстія о тѣхъ богоугодно-поживших, которыхъ имена выписаны изъ синодиковъ, или древнихъ монастырскихъ записокъ. При описаніи жизни святаго, прославленнаго во всей россійской церкви, обозначены въ «Словарѣ» мѣсяцъ и число совершенія памяти; относительно прочихъ также означается мѣсто и день, когда чтится ихъ память совершеніемъ молебныхъ пѣній или панихидъ, по введенному постановленіями или преданіемъ обычаю.».

Слогъ издателя долженъ будетъ служить образцомъ для всѣхъ ученыхъ словарей. Онъ простъ, полонъ и кратокъ. Намъ

lib.pushkinskijdom.ru

случилось въ «Энциклопедическомъ лексиконѣ» (впрочемъ, книгѣ необходимой и имѣющей столь великое достоинство) найти въ описаніи какого-то сраженія уподобленіе одного изъ корпусовъ кораблю или птицѣ, не помнимъ навѣрное чему; таковыя риторическія фигуры въ какомъ нибудь иномъ сочиненіи могутъ быть дурны или хороши, смотря по таланту писателя, но въ словарѣ онѣ во всякомъ случаѣ нестерпимы.

Издатель «Словаря о святыхъ» оказалъ важную услугу исторіи. Между тѣмъ книга его имѣетъ и общую занимательность: есть люди, не имѣющіе никакого понятія о житіи того св. угодника, чье имя носятъ отъ купели до могилы, и чью память празднуютъ ежегодно. Не дозволяя себѣ никакой укоризны, не можемъ, по крайней мѣрѣ, не дивиться крайнему ихъ нелюбопытству.

Наконецъ и библіофилы будутъ благодарны за типографическую изящность изданія: «Словарь» напечатанъ въ большую осьмушку, на лучшей веленевой бумагѣ, и есть отличное произведеніе типографіи втораго отдѣленія собственной канцеляріи е. и. в.

НОВЫЙ РОМАНЪ: СЕЛО МИХАЙЛОВСКОЕ.

Недавно одна рукопись, подъ заглавіемъ: Село Михайловское, ходила въ обществѣ по рукамъ и произвела большое впечатлѣніе. Это романъ, сочиненный дамою. Говорятъ, въ немъ много оригинальности, много чувства, много живыхъ и сильныхъ изображеній. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ его появленія. *

ЗАМѢТКА КЪ ПОВѢСТИ: НОСЪ.

Н. В. Гоголь долго не соглашался на напечатаніе этой шутки; но мы нашли въ ней такъ много неожиданнаго, фантастическаго, веселаго, оригинальнаго, что уговорили его позволить

---

* Этотъ романъ В. С. Миклашевичевой, не имѣющій никакого отношенія къ Пушкинскому селу Михайловскому, изданъ только въ 1864 г)4 части). Рукопись 1-й части была взята Пушкинымъ у автора для пріисканія эпиграфовъ къ главамъ.

lib.pushkinskijdom.ru

намъ подѣлиться съ публикою удовольствіемъ. которое доставила намъ его рукопись.

ЗАМѢТКА О СТАТЬѢ ГОГОЛЯ.

Съ удовольствіемъ помѣщая здѣсь письмо г. А. Б(езсонова), нахожусь въ необходимости дать моимъ читателямъ нѣкоторыя объясненія. Статья: «О движеніи журнальной литературы» напечатана въ моемъ журналѣ, но изъ сего еще не слѣдуетъ, чтобы всѣ мнѣнія, въ ней выраженныя съ такою юношескою живостію и прямодушіемъ, были совершенно сходны съ моими собственными. Во всякомъ случаѣ она не есть и не могла быть программою «Современника».

ЗАМѢТКИ ОТЪ РЕДАКЦІИ, ВЪ 3-й КНИГѢ.

I. Современникъ будетъ издаваться и въ слѣдующемъ 1837 году. Каждые три мѣсяца будетъ выходить по одному тому. Цѣна за всѣ четыре тома, составляющіе годовое изданіе, 25 рублей асс., съ пересылкою 30 руб. асс. Подписка въ С. П. Б принимается во всѣхъ книжныхъ лавкахъ. Иногородные могутъ адресоваться въ газетную экспедицію.

—

II. Издатель «Современника» не печаталъ никакой программы своего журнала, полагая, что слова: литературный журналъ уже заключаютъ въ себѣ достаточное объясненіе.

Нѣкоторые изъ журналистовъ почли нужнымъ составить программу новаго журнала. Одинъ изъ нихъ объявилъ, что «Современникъ» будетъ имѣть цѣлію—уронить «Библіотеку для Чтенія», издаваемую г. Смирдинымъ; въ «Сѣверной же Пчелѣ» сказано, что «Современникъ» будетъ продолженіемъ «Литературной Газеты», издаваемой нѣкогда спокойнымъ барономъ Дельвигомъ.

Издатель «Современника» принужденъ объявить, что онъ не имѣетъ чести быть въ сношеніи съ гг. журналистами, взявшими на себя трудъ составить за него программу, и что онъ никогда имъ того не поручалъ. Отклоняя однако жъ отъ себя цѣль, недостойную литератора и несправедливо ему приписанную въ «Библіотекѣ для Чтенія», онъ вполнѣ признаетъ спра-

lib.pushkinskijdom.ru

ведливость объявленія, напечатаннаго въ «Сѣверной Пчелѣ»: «Современникъ» по духу своей критики, по многимъ именамъ сотрудниковъ, въ немъ участвующихъ, по неизмѣнному образу мнѣнія о предметахъ, подлежащихъ его суду, будетъ продолженіемъ «Литературной Газеты».

—

III. Обстоятельства не позволили издателю лично заняться печатаніемъ первыхъ двухъ нумеровъ своего журнала; вкрались нѣкоторыя ошибки, и одна довольно важная, происшедшая отъ недоразумѣнія: публикѣ дано обѣщаніе, которое издатель ни въ какомъ случаѣ не можетъ, и не намѣренъ исполнить—сказано было въ примѣчаніи къ статьѣ: Новыя книги, что книги, означенныя звѣздочкою, будутъ современемъ разобраны. Въ спискѣ вновь вышедшимъ книгамъ звѣздочкою означены были у издателя .тѣ, которыя показались ему замѣчательными, или которыя намѣренъ онъ былъ прочитать, но онъ не предполагалъ отдавать о всѣхъ отчетъ публикѣ: многія не входятъ въ область литературы, о другихъ потребны свѣдѣнія, которыхъ онъ не пріобрѣлъ.

—

IV. Въ первомъ томѣ «Современника», въ статьѣ Новыя книги, подъ параграфомъ, относящимся къ «Вастолѣ», поэмѣ Виланда, изданной А. Пушкинымъ, ошибкою пропущена подпись издателя.

—

V. Редакція «Современника» не можетъ принять на себя обратнаго доставленія присылаемыхъ статей.

ОБЪЯСНЕНІЕ.

(о стихотвореніи «Полководецъ»).

Одно стихотвореніе, напечатанное въ моемъ журналѣ, навлекло на меня обвиненіе, въ которомъ долгомъ полагаю оправдаться. Это стихотвореніе заключаетъ въ себѣ нѣсколько грустныхъ размышленій о заслуженномъ полководцѣ, который въ великій 1812 годъ прошелъ первую половину поприща и взялъ на свою долю всѣ невзгоды отступленія, всю отвѣтственность за неизбѣжные уроны, предоставя своему безсмертному преемнику славу отпора, побѣдъ и полнаго торжества. Я не могъ

lib.pushkinskijdom.ru

подумать, чтобы тутъ можно было увидѣть намѣреніе оскорбить чувство народной гордости и стараніе унизить священную славу Кутузова; однако же меня въ томъ обвинили.

Слава Кутузова неразрывно соединена со славою Россіи, съ памятью о величайшемъ событіи новѣйшей исторіи. Его титло: спаситель Россіи; его памятникъ: скала святой Елены! Имя его не только священно для насъ, но не должны ли мы еще радоваться, мы русскіе, что оно звучитъ русскимъ звукомъ?

И могъ ли Барклай-де-Толли совершить имъ начатое поприще? Могъ ли онъ остановиться и предложить сраженіе у кургановъ Бородина? Могъ ли онъ послѣ ужасной битвы, гдѣ равенъ былъ неравный споръ, отдать Москву Наполеону и стать въ бездѣйствіи на равнинахъ Тарутинскихъ? Нѣтъ! (Не говорю уже о превосходствѣ военнаго генія). Одинъ Кутузовъ могъ предложить Бородинское сраженіе; одинъ Кутузовъ могъ отдать Москву непріятелю; одинъ Кутузовъ могъ остаться въ своемъ мудромъ, дѣятельномъ бездѣйствіи, усыпляя Наполеона на пожарищѣ Москвы и выжидая роковой минуты, ибо Кутузовъ одинъ облеченъ былъ въ народную довѣренность, которую такъ чудно онъ оправдалъ!

Неужели должны мы быть неблагодарны къ заслугамъ Барклая-де-Толли, потому что Кутузовъ великъ? Ужели послѣ 25-лѣтняго безмолвія, поэзіи не позволено произнести его имя съ участіемъ и умиленіемъ? Вы упрекаете стихотворца въ несправедливости его жалобъ; вы говорите, что заслуги Барклая были признаны, оцѣнены, награждены. Такъ, но кѣмъ и когда?... Конечно не народомъ, и не въ 1812 году. Минута, когда Барклай принужденъ былъ уступить начальство надъ войсками, была радость для Россіи, но тѣмъ не менѣе тяжела для его стоическаго сердца. Его отступленіе, которое нынѣ является яснымъ и необходимымъ дѣйствіемъ, казалось вовсе не таковымъ: не только ропталъ народъ, ожесточенный и негодующій, но даже опытные воины горько упрекали его и почти въ глаза называли измѣнникомъ. Барклай, не внушающій довѣренности войску ему подвластному, окруженный враждою, язвимый злорѣчіемъ, но убѣжденный въ самого себя, молча идущій къ сокровенной цѣли и уступающій власть, не успѣвъ оправдать себя передъ глазами Россіи, останется навсегда въ исторіи высоко-поэтическимъ лицомъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Слава Кутузова не имѣетъ нужды въ похвалѣ чей бы то ни было; а мнѣніе стихотворца не можетъ ни возвысить, ни унизить того, кто низложилъ Наполеона и вознесъ Россію на ту степэнь, на которой она явилась въ 1813 году. Но не могу не огорчиться, когда въ смиренной хвалѣ моей вождю, забытому Жуковскимъ, соотечественники мои могли подозрѣвать низкую и преступную сатиру на того, кто нѣкогда внушилъ мнѣ слѣдующіе стихи, конечно недостойные великой тѣни, но искренніе и изліянные изъ души. «Передъ гробницею святой» и пр. (до словъ: ты всталъ и спасъ. См. томъ III).

ЗАМѢТКА ОТЪ РЕДАКЦІИ, ВЪ 4-й КНИГѢ.

(О сборникѣ кн. Вяземскаго).

Спѣшимъ увѣдомить публику, что вначалѣ будущаго 1837 г. выйдетъ въ свѣтъ: «Старина и Новизна, историческій и литературный сборникъ», изданный кн. Вяземскимъ.—Въ сей книгѣ будутъ помѣщены многіе любопытные матеріалы, относящіеся до исторіи нашей, извлеченные изъ бумагъ гр. Ивана Захаровича Чернышева, подаренныхъ издателю сыномъ его гр. Григорьемъ Ивановичемъ. Между прочими статьями упоминаемъ о письмахъ и рескриптахъ царевича Алексѣя Петровича, Екатерины II, гр. Чернышева, объ анекдотѣ о принцѣ Биронѣ и проч. и проч., почерпнутыхъ изъ другихъ достовѣрныхъ источниковъ. Будутъ еще письма Екатерины II къ вице-адмиралу принцу Нассау-Зигену, отрывокъ изъ собственноручныхъ записокъ гр. Ростопчина, воспоминаніе о гр. Каподистріи и нѣкоторыхъ современныхъ ему происшествіяхъ. Литературное отдѣленіе будетъ также разнообразно и составлено изъ отрывковъ изъ собственноручныхъ записокъ Ив. Ив. Дмитріева, нѣсколькихъ писемъ Карамзина, изъ повѣстей, разныхъ стихотвореній, писемъ о современной русской литературѣ, нѣсколькихъ главъ изъ біографическихъ и литературныхъ записокъ о Фонъ-Визинѣ и временахъ его, извѣстія о первыхъ трехъ пѣсняхъ «Потеряннаго Рая,» съ англійскаго прозою на русскій языкъ переведенныхъ нашимъ поэтомъ Петровымъ и ненапечатанныхъ въ собраніи твореній его, и проч. и проч. Въ концѣ книги будутъ помѣщены снимки съ разныхъ рукописей, вошедшихъ въ составъ сборника.

---

lib.pushkinskijdom.ru

О ВЫХОДѢ КНИГИ: КАВАЛЕРИСТЪ-ДѢВИЦА,

въ изданіи Ив. Бутовскаго.

Подъ симъ заглавіемъ вышелъ въ свѣтъ первый томъ записокъ Н. А. Дуровой. Читатели «Современника» видѣли уже отрывки изъ этой книги. Они оцѣнили безъ сомнѣнія прелесть этого искренняго и небрежнаго разсказа, столь далекаго отъ авторскихъ притязаній, и простоту, съ которою пылкая героиня описываетъ самыя необыкновенныя происшествія. Въ семъ первомъ томѣ описаны дѣтскія лѣта, первая молодость и первые походы Надежды Андреевны. Ожидаемъ появленія послѣдняго тома, дабы подробнѣе разобрать книгу, замѣчательную по всѣмъ отношеніямъ.

КЛЮЧЪ КЪ ИСТОРІИ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

Издавъ сіи два тома, г. Строевъ оказалъ болѣе пользы русской исторіи, нежели всѣ наши историки съ высшими взглядами, вмѣстѣ взятые. Тѣ изъ нихъ, которые не суть еще закоренѣлые верхогляды, принуждены будутъ въ томъ сознаться. Г. Строевъ облегчилъ до невѣроятной степени изученіе русской исторіи. «Ключъ» составленъ по второму изданію Исторіи Государства Россійскаго, «самому полному и исправному», пишетъ г. Строевъ. Издатели «И. Г. Р.» должны будутъ поскорѣе пріобрѣсти право на перепечатаніе «Ключа», необходимаго дополненія къ безсмертной книгѣ Карамзина.

КЪ ЗАПИСКѢ О ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ РОССІИ.

Во второмъ нумерѣ «Современника» упомянуто было о неизданномъ сочиненіи покойнаго Карамзина.* Мы почитаемъ себя счастливыми, имѣя возможность представить нашимъ читателямъ хотя отрывокъ изъ драгоцѣнной рукописи. Они услышатъ, если не полную рѣчь великаго нашего соотечественника, то по крайней мѣрѣ звуки его умолкнувшаго голоса.— А. Пушкинъ.

---

* № 2 ошибочно указанъ вмѣсто № 3-го Современника.

lib.pushkinskijdom.ru

О МИЛЬТОНѢ И ШАТОБРІАНОВОМЪ ПЕРЕВОДѢ «ПОТЕРЯННАГО РАЯ».

Долгое время французы пренебрегали словесность своихъ сосѣдей. Увѣренные въ своемъ превосходствѣ надъ всѣмъ человѣчествомъ, они цѣнили славныхъ писателей иностранныхъ по мѣрѣ ихъ бо̀льшаго или меньшаго отдаленія отъ французскихъ привычекъ и отъ правилъ, установленныхъ французскими критиками; переводя ихъ, они никогда не думали быть вѣрными своимъ подлинникамъ. напротивъ, тщательно ихъ преобразовывали. Во французскихъ переводахъ, изданныхъ въ прошломъ столѣтіи, нельзя прочесть ни одного предисловія, гдѣ бы не находилась неизбѣжная фраза: «мы думали угодить публикѣ и съ тѣмъ вмѣстѣ оказать услугу и нашему автору.» И въ увѣренности, что оказываетъ услугу публикѣ и самому автору, переводчикъ исключалъ изъ книги мѣста, которыя могли бы оскорбить вкусъ образованнаго французскаго читателя. Странно, когда подумаешь, кто, кого и передъ кѣмъ извинялъ такимъ образомъ! И вотъ къ чему ведетъ невѣжественная страсть къ народности!... Наконецъ критики спохватились. Стали подозрѣвать, что гг. Летурнёры могли ошибочно судить о Шекспирѣ и не совсѣмъ благоразумно поступили переправляя на свой ладъ Гамлета, Ромео и Лира. Отъ переводчиковъ стали требовать болѣе вѣрности, а менѣе щекотливости и усердія къ публикѣ; пожелали видѣть Данте, Шекспира и Сервантеса въ ихъ собственномъ видѣ; въ ихъ народной одеждѣ— народные недостатки. Даже мнѣніе, утвержденное вѣками и принятое всѣми, что переводчикъ долженъ стараться передать духъ, а не букву, нашло противниковъ и искусныя опроверженія.

Нынѣ (примѣръ неслыханный!) первый изъ французскихъ писателей переводитъ Мильтона слово въ слово и объявляетъ, что подстрочный переводъ былъ бы верхомъ его искусства, если бъ только оный былъ возможенъ! Таковое смиреніе во французскомъ писателѣ, первомъ мастерѣ своего дѣла, должно было сильно изумить поборниковъ исправительныхъ переводовъ и, вѣроятно, будетъ имѣть большое вліяніе на словесность.

Изъ всѣхъ иноземныхъ писателей, Мильтонъ былъ всѣхъ несчастнѣе во Франціи. Не говоримъ о переводахъ въ прозѣ, въ которыхъ онъ былъ безвинно оклеветанъ, не говоримъ о

lib.pushkinskijdom.ru

переводѣ въ стихахъ аббата Делиля, который ужасно поправилъ его грубые недостатки и украсилъ его безъ милосердія; но какъ же выводили его собственное лицо въ трагедіяхъ и романахъ писатели новѣйшей романической школы? Что сдѣлалъ изъ него г-нъ Альфредъ де-Виньи, котораго французскіе критики безъ церемоніи поставили на одной доскѣ съ В. Скоттомъ? Какъ поступилъ съ нимъ Викторъ Гюго, другой любимецъ парижской публики? Можетъ быть, читатели забыли и «St. Mars» и «Кромвеля», а потому не могутъ судить о нелѣпости вымысловъ гг. Альфреда де-Виньи и Виктора Гюго. Выведемъ того и другаго на судъ всякаго знающаго и благомыслящаго человѣка.

Начнемъ съ трагедіи, одного изъ самыхъ нелѣпыхъ произведеній человѣка, впрочемъ одареннаго талантомъ.

Мы не станемъ слѣдовать за спотыкливымъ ходомъ этой драмы, скучной и чудовищной: мы хотимъ только показать нашимъ читателемъ, въ какомъ видѣ въ ней представленъ Мильтонъ, еще неизвѣстный поэтъ, но политическій писатель, уже славный въ Европѣ своимъ горькимъ и заносчивымъ краснорѣчіемъ.

Кромвель во дворцѣ своемъ бесѣдуетъ съ лордомъ Рочестеромъ, переодѣтымъ въ методиста, и съ четырьмя шутами; тутъ же находится Мильтонъ съ своимъ вожатымъ (лицомъ довольно ненужнымъ, ибо Мильтонъ ослѣпъ уже гораздо послѣ). Протекторъ говоритъ Рочестеру:

«Такъ какъ мы теперь одни, то я хочу посмѣяться: представляю вамъ моихъ шутовъ. Когда мы находимся въ веселомъ духѣ, тогда они бываютъ очень забавны. Мы всѣ пишемъ стихи, даже и мой старый Мильтонъ.

Мильтонъ (съ досадою). — Старый Мильтонъ! Извините, Милордъ, я девятью годами моложе васъ.

Кромвель.—Какъ угодно.

Мильтонъ.—Вы родились въ 99-мъ, а я въ 608-мъ.

Кромвель.—Какое свѣжее воспоминаніе!

Мильтонъ (съ живостію).—Вы бы могли обходиться со мною учтивѣе: я сынъ нотаріуса, городоваго альдермана.

Кромвель.—Ну, не сердись; я знаю, что ты великій ѳеологъ и даже хорошій стихотворецъ, хотя пониже Вайсерса и Донна.

Мильтонъ (говоря самъ про себя).—Пониже! какъ это слово жестоко! Но погодимъ. Увидятъ, отказало ли мнѣ небо въ своихъ дарахъ. Потомство мнѣ судія. Оно пойметъ мою Евву, падающую въ адскую ночь, какъ сладкое сновидѣніе; Адама

lib.pushkinskijdom.ru

преступнаго и добраго; и неукротимаго Духа, царствующаго также надъ одною вѣчностію, высокаго въ своемъ отчаяніи, въ безуміи, исходящаго изъ огненнаго озера, которое бьетъ онъ огромнымъ своимъ крыломъ; ибо пламенный геній во мнѣ работаетъ. Я обдумываю молча странное намѣреніе. Я живу въ мысли моей, и ею Мильтонъ утѣшенъ. Такъ, я хочу въ свою очередь создать свой міръ между адомъ, землею и небомъ.

Лордъ Рочестеръ (про себя). — Что онъ тамъ городитъ?

Одинъ изъ шутовъ,—Смѣшной мечтатель!

Кромвель (пожимая плечами).—Твой «Иконокластъ» очень хорошая книга, но твой чортъ Левіаѳанъ... (смѣясь) очень плохъ....

Мильтонъ (сквозь зубы, съ негодованіемъ). Кромвель смѣется надъ моимъ сатаною!

Рочестеръ (подходитъ къ нему).—Г-нъ Мильтонъ!

Мильтонъ (не слыша его и обратясь къ Кромвелю). — Онъ это говоритъ изъ зависти.

Рочестеръ (Мильтону, который слушаетъ его съ разсѣянностію).—По чести, вы не понимаете поэзіи. Вы умны, но у васъ недостаетъ вкуса. Послушайте: французы—учители наши во всемъ; изучайте Ракана, читайте его пастушескія стихотворенія. Пусть Аминта и Тиртисъ гуляютъ у васъ по лугамъ, пусть она ведетъ за собою барашка на голубой ленточкѣ; но Евва, Адамъ, адъ, огненное озеро! Сатана голый, съ опаленными крыльями! Другое дѣло: если бы вы прикрыли щегольскимъ платьемъ, если бы вы дали ему огромный парикъ и шлемъ съ золотою шишкою, розовый камзолъ и мантію флорентинскую, какъ недавно видѣлъ я во французской оперѣ солнце въ праздничномъ кафтанѣ.

Мильтонъ (удивленный).—Это что за пустословіе?

Рочестеръ (кусая губы).—Опять я забылся! Я, сударь, шутилъ.

Мильтонъ.—Очень глупая шутка!»

Далѣе Мильтонъ утверждаетъ, что править государствомъ—бездѣлица; то ли дѣло писать латинскіе стихи!

Спустя немного времени, Мильтонъ бросается въ ноги Кромвелю, умоляя его не домогаться престола, на что протекторъ отвѣчаетъ: Мильтонъ, государственный секретарь! ты піитъ, ты въ лирическомъ восторгѣ забылъ, кто я таковъ и пр.

Въ сценѣ, не имѣющей ни исторической истины, ни драматическаго правдоподобія, въ безсмысленной пародіи церемоніала, наблюдаемаго при коронаціи англійскихъ королей, Мильтонъ и одинъ изъ придворныхъ шутовъ играютъ главную роль.

lib.pushkinskijdom.ru

Мильтонъ проповѣдуетъ республику, шутъ подымаетъ перчатку королевскаго рыцаря...

Вотъ какимъ жалкимъ безумцемъ, какимъ пустомелей выведенъ Мильтонъ человѣкомъ, который, вѣроятно, самъ не вѣдалъ, что творилъ, оскорбляя великую тѣнь! Въ теченіе всей трагедіи, кромѣ насмѣшекъ и ругательства, ничего инаго Мильтонъ не слышитъ; правда и то, что и самъ онъ, во все время, ни разу не вымолвилъ дѣльнаго слова. Это старый болтунъ, котораго всѣ презираютъ и на котораго никто не обращаетъ никакого вниманія.

Нѣтъ, господинъ Гюго! не таковъ былъ Мильтонъ, другъ и сподвижникъ Кромвеля, суровый фанатикъ, строгій творецъ «Иконокласта» и книги: «Defensio populi»! Не такимъ языкомъ изъяснялся бы съ Кромвелемъ тотъ, который написалъ ему свой славный пророческій сонетъ: Cromwell, our chief etc.!

Не могъ быть посмѣшищемъ развратнаго Рочестера и придворныхъ шутовъ тотъ, кто, въ злые дни жертва злыхъ языковъ, въ бѣдности, въ гоненіи и въ слѣпотѣ сохранилъ непреклонность души и продиктовалъ «Потерянный Рай».

Если г-нъ Гюго, будучи самъ поэтъ (хотя и второстепенный), такъ худо понялъ поэта Мильтона, то всякъ легко себѣ вообразитъ, что̀ подъ его перомъ стало изъ лица Кромвеля, съ которымъ не имѣлъ онъ ужъ ровно никакого сочувствія! Но это не касается до нашего предмета. Отъ неровнаго, грубаго Виктора Гюго и его уродливыхъ драмъ перейдемъ къ чопорному, манерному гр. Виньи и къ его облизанному роману.

Альфредъ де-Виньи въ своемъ «Сенъ-Марсѣ» также выводитъ передъ нами Мильтона, и вотъ въ какихъ обстоятельствахъ:

У славной Маріи де-Лормъ, любовницы кардинала Ришельё, собирается общество придворныхъ и ученыхъ. Скюдери толкуетъ имъ свою аллегорическую карту любви; гости въ восхищеніи отъ крѣпости Красоты, стоящей на рѣкѣ Гордости, отъ деревни Нѣжныхъ Записочекъ, отъ гавани Равнодушія, и пр. и пр. Всѣ осыпаютъ г-жу Скюдери напыщенными похвалами, кромѣ Мольера, Корнеля и Декарта, которые тутъ же находятся. Вдругъ хозяйка представляетъ обществу молодаго путешествующаго англичанина Мильтона и заставляетъ его читать гостямъ отрывки изъ «Потеряннаго Рая». Хорошо. Да какъ же французы, не зная англійскаго языка, поймутъ

lib.pushkinskijdom.ru

Мильтоновы стихи? Очень просто: мѣста, которыя онъ будетъ читать, переведены на французскій языкъ, переписаны на особыхъ листочкахъ и списки розданы гостямъ. Мильтонъ будетъ декламировать, а гости слѣдовать за нимъ. Да зачѣмъ же ему безпокоиться, если уже стихи переведены? Стало быть, Мильтонъ великій декламаторъ, или звуки англійскаго языка чрезвычайно любопытны? А какое дѣло графу де-Виньи до всѣхъ этихъ нелѣпыхъ несообразностей? Ему надобно, чтобъ Мильтонъ читалъ въ парижскомъ обществѣ свой «Потерянный Рай», и чтобъ французскіе умники надъ нимъ посмѣялись и не поняли духа великаго поэта.

Мильтонъ, не смотря на то, что назначенныя мѣста для чтенія переведены, и что онъ долженъ читать ихъ по порядку, ищетъ въ памяти своей то, что по его мнѣнію болѣе произведетъ дѣйствія на слушателей, не заботясь о томъ, поймутъ ли его или нѣтъ. Но посредствомъ какого-то чуда (неизъясненнаго г-мъ де-Виньи) всѣ его понимаютъ. Де-Барро находитъ его приторнымъ, Скюдери скучнымъ и холоднымъ, Марія де-Лормъ очень тронута описаніемъ Адама въ первобытномъ его состояніи; Мольеръ, Корнель и Декартъ осыпаютъ его комплиментами, и проч., и проч.

Или мы очень ошибаемся, или Мильтонъ, проѣзжая черезъ Парижъ, не сталъ бы показывать себя какъ заѣзжій фигляръ, и въ домѣ непотребной женщины забавлять общество чтеніемъ стиховъ, писанныхъ на языкѣ неизвѣстномъ никому изъ присутствующихъ, жеманясь и рисуясь, то закрывая глаза, то взводя ихъ въ потолокъ. Разговоры его съ де-Ту, съ Корнелемъ и Декартомъ не были бы пошлымъ и изысканнымъ пустословіемъ; а въ обществѣ игралъ бы онъ роль, ему приличную, скромную, роль благороднаго, хорошо воспитаннаго молодаго человѣка.

Послѣ удивительныхъ вымысловъ Виктора Гюго и графа де-Виньи, хотите ли видѣть картину, просто набросанную другимъ живописцемъ? Прочтите въ «Вудстокѣ» встрѣчу одного изъ дѣйствующихъ лицъ съ Мильтономъ, въ кабинетѣ Кромвеля.

Французскій романистъ, конечно, не довольствовался бы такимъ незначущимъ и естественнымъ изображеніемъ. У него Мильтонъ, занятый государственными дѣлами, непремѣнно терялся бы въ піитическихъ мечтаніяхъ и на поляхъ какого

lib.pushkinskijdom.ru

нибудь отчета намаралъ бы нѣсколько стиховъ изъ «Потеряннаго Рая»; Кромвель бы это подмѣтилъ, разбранилъ бы своего секретаря, назвалъ бы его стихоплетомъ, вралемъ и проч., и изъ того бы вышелъ эффектъ, о которомъ бѣдный Вальтеръ-Скоттъ и не подумалъ.

Переводъ, изданный Шатобріаномъ, заглаживаетъ до нѣкоторой степени презрѣніе молодыхъ французскихъ писателей, такъ невинно, но такъ жестоко оскорбившихъ великую тѣнь. Мы сказали уже, что Шатобріанъ переводилъ Мильтона почти слово въ слово, такъ близко, какъ только то могъ позволить синтаксисъ французскаго языка: трудъ тяжелый и неблагодарный, незамѣтный для большинства читателей и который можетъ быть оцѣненъ двумя тремя знатоками. Но удаченъ ли новый переводъ? Шатобріанъ нашелъ въ Низарѣ критика неумолимаго. Низаръ въ статьѣ, исполненной тонкой сметливости, сильно напалъ и на способъ перевода, избранный Шатобріаномъ, и на самый переводъ. Нѣтъ сомнѣнія, что стараясь передать Мильтона слово въ слово, Шатобріанъ, однако, не могъ соблюсти въ своемъ преложеніи вѣрности смысла и выраженія. Подстрочный переводъ никогда не можетъ быть вѣренъ. Каждый языкъ имѣетъ свои обороты, свои усвоенныя выраженія, которыя не могутъ быть переведены на другой языкъ соотвѣтствующими словами. Возьмемъ первыя фразы Comment vous portez vous; How do you do. Попробуйте перевести ихъ слово въ слово на русскій языкъ.*

Если уже русскій языкъ, столь гибкій и мощный въ своихъ оборотахъ и средствахъ, столь переимчивый и общежительный въ своихъ отношеніяхъ къ чужимъ языкамъ, не способенъ къ переводу подстрочному, къ преложенію слово въ слово, то какимъ образомъ языкъ французскій, столь осторожный въ своихъ привычкахъ, столь пристрастный къ своимъ преданіямъ, столь непріязненный къ языкамъ, даже ему единоплеменнымъ, выдержитъ таковой опытъ, особенно въ борьбѣ съ языкомъ Мильтона, сего поэта, вмѣстѣ и изысканнаго и

---

* Кстати: недавно (въ Телескопѣ, кажется), кто-то, критикуя переводъ, хотѣлъ, вѣроятно, блеснуть знаніемъ итальянскаго языка и пенялъ переводчику, зачѣмъ онъ пропустилъ въ своемъ переводѣ выраженіе «battersi la guencia»— бить себя по щекамъ. «Battersi la guencia» значитъ раскаяться; перевести иначе не имѣло бы никакого смысла. А. П.

lib.pushkinskijdom.ru

простодушнаго, и темнаго и запутаннаго, и выразительнаго и своенравнаго, и смѣлаго даже до безсмыслія?

Переводъ «Потеряннаго Рая» есть торговая спекуляція. Первый изъ современныхъ французскихъ писателей, учитель всего пишущаго поколѣнія, бывшій нѣкогда первымъ министромъ, нѣсколько разъ посланникомъ, Шатобріанъ на старости лѣтъ перевелъ Мильтона для куска хлѣба. Каково бы то ни было исполненіе труда, имъ предпринятаго, но самый сей трудъ и цѣль онаго дѣлаютъ честь знаменитому старцу. Шатобріанъ, который, поторговавшись немного съ самимъ собою, могъ бы спокойно пользоваться щедротами новаго правительства, властію, почестями и богатствомъ, предпочелъ имъ честную бѣдность и, уклонившись отъ палаты перовъ, гдѣ могущественно раздавался краснорѣчивый его голосъ, приходитъ въ книжную лавку съ продажной рукописью, но съ неподкупной совѣстію. Послѣ этого—что скажетъ критика? Станетъ ли она строгостію оцѣнки смущать благороднаго труженика и, подобно скупому покупщику, хулить его товаръ? Но Шатобріанъ не имѣетъ нужды въ снисхожденіи: къ своему переводу присовокупилъ онъ два тома, столь же блестящіе, какъ и всѣ прежнія его произведенія, и критика можетъ оказаться строгою къ ихъ недостаткамъ столько, сколько ей будетъ угодно; несомнѣнныя красоты, страницы, достойныя лучшихъ временъ великаго писателя, спасутъ его книгу отъ пренебреженія читателей, не смотря на всѣ ея недостатки.

Англійскіе критики строго осудили «Опытъ объ англійской литературѣ». Они нашли его слишкомъ поверхностнымъ, слишкомъ недостаточнымъ; повѣривъ заглавію, они отъ Шатобріана требовали ученой критики и совершеннаго знанія предметовъ, близко знакомыхъ имъ самимъ; но совсѣмъ не того должно было искать въ семъ блестящемъ обозрѣніи. Въ ученой критикѣ Шатобріанъ не твердъ, робокъ и самъ не свой; онъ говоритъ о писателяхъ, которыхъ не читалъ; судитъ о нихъ вскользь и по наслышкѣ и кое-какъ отдѣлывается отъ скучной должности библіографа; но поминутно изъ-подъ пера его вылетаютъ вдохновенныя страницы; онъ поминутно забываетъ критическія изысканія и на свободѣ развиваетъ свои мысли о великихъ историческихъ эпохахъ, которыя сближаетъ съ тѣми, коихъ самъ онъ былъ свидѣтель. Много искренности, много сердечнаго краснорѣчія, много простодушія (иногда дѣт-

lib.pushkinskijdom.ru

скаго, но всегда привлекательнаго) въ сихъ отрывкахъ, чуждыхъ исторіи англійской литературы, но составляющихъ главное, блистательное достоинство «Опыта».

ПОСЛѢДНІЙ ИЗЪ РОДСТВЕННИКОВЪ ІОАННЫ Д'АРКЪ.

Въ Лондонѣ, въ прошломъ 1836 году, умеръ нѣкто г. Дюлисъ (Jean-François-Philippe Dulys), потомокъ роднаго брата оанны д'Аркъ, славной Орлеанской дѣвственницы. Г-нъ Дюлисъ переселился въ Англію въ началѣ французской революціи. Онъ былъ женатъ на англичанкѣ, и не оставилъ по себѣ дѣтей. По своей духовной назначилъ онъ по себѣ наслѣдникомъ родственника жены своей, Джемса Белли, книгопродавца эдинбургскаго. Между его бумагами найдены подлинныя грамоты королей Карла VII, Генриха III и Людовика XIII, подтверждающія дворянство рода господъ д'Аркъ Дюлисъ (d'Arc Dulys). Всѣ сіи грамоты проданы были съ публичнаго торгу а весьма дорогую цѣну, такъ же какъ и любопытный автографъ: письмо Вольтера къ отцу покойнаго г-на Дюлиса.

Повидимому, Дюлисъ, отецъ, былъ добрый господинъ, мало занимавшійся литературою. Однако жъ, около 1767 года, дошло до него, что нѣкто Mr. de Voltaire издалъ какое-то сочиненіе объ Орлеанской героинѣ. Книга продавалась очень дорого. Г-нъ Дюлисъ рѣшился однако жъ ее купить, полагая найти въ ней достовѣрную исторію славной своей прабабки. Онъ былъ изумленъ самымъ непріятнымъ образомъ, когда получилъ маленькую книжку, in-18, напечатанную въ Голландіи и украшенную удивительными картинами. Въ первомъ пылу негодованія. написалъ онъ Вольтеру слѣдующее письмо, съ котораго копія найдена также между бумагами покойника. (Письмо сіе, также какъ и отвѣтъ Вольтера, напечатано въ журналѣ Morning Chronicle):

«Милостивый государь! Недавно имѣлъ я случай пріобрѣсти за шесть луидоровъ написанную вами исторію осады Орлеана въ 1429 году. Это сочиненіе преисполнено не только грубыхъ ошибокъ, непростительныхъ для человѣка, знающаго сколько нибудь исторію Франціи, но еще и нелѣпою клеветою касательно Короля Карла VII, Іоанны д'Аркъ, по прозванію Орлеанской дѣвственницы, Агнессы Сорель, господъ Лятримулья, Лягира, Бодрикура и другихъ благородныхъ и знатныхъ особъ. Изъ приложенныхъ копій съ достовѣрныхъ гра-

lib.pushkinskijdom.ru

мотъ, которыя хранятся у меня въ замкѣ моемъ (Tournebu, baillage de Chaumont en Tourraine), вы ясно увидите, что Іоанна д'Аркъ была родная сестра Лукѣ, д'Аркъ дю-Ферону (Lucas d'Arc, seigneur du Feron), отъ котораго происхожу по прямой линіи. А посему не только я полагаю себя въ правѣ, но даже и ставлю себѣ въ непремѣнную обязанность требовать отъ васъ удовлетворенія за дерзкія, злостныя и лживыя показанія, которыя вы себѣ дозволили напечатать касательно вышеупомянутой дѣвственницы. Итакъ, прошу васъ, милостивый государь, дать мнѣ знать о мѣстѣ и времени, также и объ оружіи, вами избираемомъ для немедленнаго окончанія сего дѣла. Честь имѣю и проч.»

Не смотря на смѣшную сторону этого дѣла, Вольтеръ принялъ его не въ шутку. Онъ испугался шуму, который могъ бы изъ того произойти, а можетъ быть и шпаги щекотливаго дворянина, и тотчасъ прислалъ слѣдующій отвѣтъ:

22 Мая 1767 г.

«Милостивый государь! Письмо, которымъ вы меня удостоили, застало меня въ постели, съ которой не схожу вотъ уже около осьми мѣсяцевъ. Кажется, вы не изволите знать, что я бѣдный старикъ, удрученный болѣзнями и горестями, а не одинъ изъ тѣхъ храбрыхъ рыцарей, отъ которыхъ вы произошли. Могу васъ увѣрить, что я никакимъ образомъ не участвовалъ въ составленіи глупой риѳмованной хроники (l'impertinente chronique rimée), о которой изволите мнѣ писать. Европа наводнена печатными глупостями, которыя публика великодушно мнѣ приписываетъ. Лѣтъ сорокъ тому назадъ, случилось мнѣ напечатать поэму подъ заглавіемъ Генріада. Исчисляя въ ней героевъ, прославившихъ Францію, взялъ я на себя смѣлость обратиться къ знаменитой вашей родственницѣ (votre illustre cousine) съ слѣдующими словами:

—Et toi, brave Amazone,
La honte des Anglais et le soutien du trône.

Вотъ единственное мѣсто въ моихъ сочиненіяхъ, гдѣ упомянуто о безсмертной героинѣ, которая спасла Францію. Жалѣю, что я не посвятилъ слабаго своего таланта на прославленіе Божіихъ чудесъ, вмѣсто того, чтобы трудиться для удовольствія публики, безсмысленной и неблагодарной.—Честь имѣю быть, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою Voltaire gentilhomme de la chambre du Roy.

Англійскій журналистъ, по поводу напечатанія сей переписки, дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія:

«Судьба Іоанны д'Аркъ, въ отношеніи къ ея отечеству, поистинѣ достойна изумленія: мы, конечно, должны раздѣлить съ французами стыдъ ея суда и казни. Но варварство англи-

lib.pushkinskijdom.ru

чанъ можетъ еще быть извинено предразсудками вѣка, ожесточеніемъ оскорбленной народной гордости, которая искренно приписала дѣйствію нечистой силы подвиги юной пастушки. Спрашивается, чѣмъ извинить малодушную неблагодарность французовъ? Конечно, не страхомъ дьявола, котораго изстари не боялись. По крайней мѣрѣ мы хоть что нибудь да сдѣлали для памяти славной дѣвы: нашъ лауреатъ посвятилъ ей первые дѣвственные порывы своего (еще не купленнаго) вдохновенія. Англія дала пристанище послѣднему изъ ея сродниковъ. Какъ же Франція постаралась загладить свое кровавое пятно, замаравшее самую меланхолическую страницу ея хроники? Правда, дворянство дано было родственникамъ Іоанны д'Аркъ но ихъ потомство пресмыкалось въ неизвѣстности. Ни одного д'Арка или Дюлиса не видно при дворѣ французскихъ королей отъ Карла VII до самаго Карла X. Новѣйшая исторія не представляетъ предмета болѣе трогательнаго—жизни и смерти Орлеанской героини; что же сдѣлалъ изъ того Вольтеръ, сей достойный представитель своего народа? Разъ въ жизни случилось ему быть истинно поэтомъ, и вотъ на что онъ употребляетъ вдохновеніе! Онъ сатаническимъ дыханіемъ раздуваетъ искры, тлѣвшія въ пеплѣ мученическаго костра, и какъ пьяный дикарь пляшетъ около своего потѣшнаго огня. Онъ какъ римскій палачъ присовокупляетъ поруганіе къ смертнымъ мученіямъ дѣвы. Поэма лауреата не стоитъ, конечно, поэмы Вольтера въ отношеніи силы вымысла; но твореніе Соуте есть подвигъ честнаго человѣка и плодъ благороднаго восторга. Замѣтимъ, что Вольтеръ, окруженный во Франціи врагами и завистниками, на каждомъ своемъ шагу подвергавшійся сатирическимъ ядовитымъ порицаніямъ, почти не нашелъ обвинителей, когда явилась его преступная поэма. Самые ожесточенные враги его были обезоружены. Всѣ съ восторгомъ приняли книгу, въ которой презрѣніе ко всему, что почитается священнымъ для человѣка и гражданина, доведено до послѣдней степени цинизма. Никто не вздумалъ заступиться за честь своего отечества, и вызовъ добраго и честнаго Дюлиса, если бы сталъ тогда извѣстенъ, возбудилъ бы неистощимый хохотъ не только въ философическихъ гостиныхъ барона д'Ольбаха и M-me Jeoffrin, но и въ старинныхъ залахъ потомковъ Лягира и Лятримулья. Жалкій вѣкъ! жалкій народъ!»

---

lib.pushkinskijdom.ru

ЖЕЛѢЗНАЯ МАСКА.

Вольтеръ въ своемъ «Siècle de Louis XIV» (въ 1760) первый сказалъ нѣсколько словъ о Желѣзной Маскѣ: «Нѣсколько времени послѣ смерти кардинала Мазарини», пишетъ онъ, «случилось происшествіе безпримѣрное и, что еще удивительнѣе, неизвѣстное ни одному историку. Нѣкто, высокаго роста, молодыхъ лѣтъ, благородной и прекрасной наружности, съ величайшей тайною посланъ былъ въ заточеніе на островъ св. Маргариты. Дорогою невольникъ носилъ маску, коей нижняя часть была на пружинахъ, такъ что онъ могъ ѣсть, не сымая ея съ лица. Приказано было, въ случаѣ если бъ онъ открылся, его убить. Онъ оставался на островѣ до 1690 года, когда Сенъ-Марсъ, губернаторъ Пиньерольской крѣпости, бывъ назначенъ губернаторомъ въ Бастилію, пріѣхалъ за нимъ и препроводилъ его въ Бастилію, все также маскированнаго. Передъ тѣмъ Маркизъ де-Лювуа посѣтилъ его на семъ островѣ и говорилъ съ нимъ стоя, съ видомъ уваженія. Неизвѣстный посаженъ былъ въ Бастилію, гдѣ всевозможныя удобства были ему доставляемы. Ему ни въ чемъ не отказывали. Онъ любилъ самое тонкое бѣлье и кружева. Онъ игралъ на гитарѣ. Столъ его былъ самый отличный. Губернаторъ рѣдко садился передъ нимъ. Старый лекарь, часто его лечившій въ разныхъ болѣзняхъ, сказывалъ, что никогда не видывалъ его лица, хотя и осматривалъ его языкъ и другія части тѣла. По словамъ лекаря, онъ былъ прекрасно сложенъ, цвѣтомъ довольно смуглъ. Голосъ его былъ трогателенъ; онъ никогда не жаловался и не намекалъ на свое состояніе.

«Неизвѣстный умеръ въ 1703 году, и былъ похороненъ ночью, въ приходѣ св. Павла. Удивительно и то, что въ то время, когда привезенъ онъ былъ на островъ св. Маргариты, никого изъ важныхъ особъ въ Европѣ не исчезало. Невольникъ сей, безъ всякаго сомнѣнія, былъ особа важная. Доказательствомъ тому служитъ происшествіе, случившееся въ первые дни его заточенія на островѣ. Самъ губернаторъ приносилъ ему кушанье на столъ, запиралъ дверь и удалялся. Однажды невольникъ начертилъ что-то ножемъ на серебряной тарелкѣ и бросилъ ее изъ окошка. Рыбакъ поднялъ тарелку на берегу моря и принесъ ее губернатору. Сей изумился. «Читалъ ли ты, что тутъ написано», спросилъ онъ у рыбака, «и видѣлъ ли

lib.pushkinskijdom.ru

кто у тебя эту тарелку?»—Я не умѣю читать, отвѣчалъ рыбакъ: я сейчасъ ее нашелъ; никто ее не видалъ.—Рыбака задержали, пока не удостовѣрились, что онъ въ самомъ дѣлѣ безграмотный, и что тарелки никто не видалъ. Губернаторъ отпустилъ его, сказавъ: «ступай; счастливъ ты, что не умѣешь читать...» Г-нъ де-Шамильяръ былъ послѣдній изъ министровъ, знавшихъ эту странную тайну. Зять его, маршалъ де-ля-Фельядъ, сказывалъ мнѣ, что при смерти своего тестя онъ на колѣняхъ умолялъ его открыть, кто таковъ былъ человѣкъ въ желѣзной маскѣ. Шамильяръ отвѣтствовалъ, что это государственная тайна, и что клялся ее не открывать. Многіе изъ моихъ современниковъ подтвердятъ истину моихъ словъ. Я не знаю, ничего ни удивительнѣе, ни достовѣрнѣе.»

Сіи строки произвели большое впечатлѣніе. Любопытство было сильно возбуждено. Стали розыскивать, разгадывать, предполагать. Иные думали, что Желѣзная Маска былъ графъ de Vermandois, осужденный на вѣчное заключеніе, будто бы за пощечину, имъ данную дофину (Людовику XIV). Другіе видѣли въ немъ герцога де-Бофоръ, сего феодальнаго демагога, мятежнаго любимца черни парижской, пропавшаго безъ вѣсти во время осады Кандіи въ 16..; третьи утверждали, что онъ былъ не кто иной, какъ герцогъ Монмуфъ, и проч., и проч. Самъ Вольтеръ, опровергнувъ всѣ сіи мнѣнія съ ясностью критики, ему свойственной, романически думалъ или выдумалъ, что славный невольникъ былъ старшій братъ Людовика XIV, жертва честолюбія и политики жестокосердой. Доказательства Вольтера были слабы. Загадка оставалась неразрѣшенною. Взятіе Бастиліи въ 1789 году и обнародованіе ея архива ничего не могло открыть касательно таинственнаго затворника.

lib.pushkinskijdom.ru

ЗАПИСКИ БРИГАДИРА МОРЪ-ДЕ-БРАЗЕ.

О ПОХОДѢ 1711 ГОДА.

ПРЕДИСЛОВІЕ А. С. ПУШКИНА.

Въ числѣ иноземцевъ, писавшихъ о Россіи, Моро-де-Бразе заслуживаетъ особенное вниманіе. Онъ принадлежалъ къ толпѣ тѣхъ наемныхъ храбрецовъ, которыми Европа была наводнена еще въ началѣ XVIII столѣтія и которыхъ Вальтеръ-Скоттъ такъ геніально изобразилъ въ лицѣ своего капитана Dalgetty.

Моро былъ родомъ французскій дворянинъ. Вслѣдствіе какой-то ссоры принужденъ онъ былъ оставить полкъ, въ которомъ служилъ офицеромъ, и искать фортуны въ чужихъ государствахъ. Въ началѣ 1711 года, услыша о выгодахъ, доставляемыхъ Петромъ I иностраннымъ офицерамъ, пріѣхалъ онъ въ Россію, и принятъ былъ въ службу полковникомъ. Онъ былъ свидѣтелемъ несчастнаго похода въ Молдавію, и послѣ Прутскаго мира былъ отставленъ отъ службы съ чиномъ бригадира. Онъ скитался потомъ по Европѣ, предлагалъ свои услуги то Австріи, то Саксоніи, то Венеціанской республикѣ, получалъ отказы и вспоможенія; сидѣлъ въ тюрьмѣ и проч.

Онъ былъ женатъ на вдовѣ, женщинѣ хорошей дворянской фамиліи, и которая для него перемѣнила свое вѣроисповѣданіе. Она, какъ кажется, была то, что французы называютъ une aventurière. Въ 1714 году, г-жа Моро-де-Бразе была при дворѣ государыни великой княгини, супруги несчастнаго царевича, но не ужилась съ молодымъ графомъ Левенвольдомъ, и была выслана изъ Петербурга.

Въ 1735 году, Моро издалъ свои записки подъ заглавіемъ: Mémoires politiques, amusans et satiriques de messire J. M. d. B., c. de Lion, colonel du régiment de dragons de Casanski et brigadier des armées de Sa M. Czarienne, à Véritopolis chez Jean Disant-vrai. 3 volumes.

Въ сихъ запискахъ слишкомъ часто принужденъ онъ оправдывать то себя, то свою жену. Онѣ не имѣютъ ни прелести Гамильтона, ни оригинальности Казановы; слогъ ихъ столь же тяжелъ какъ и неправиленъ. Впрочемъ Моро писалъ свои сочиненія съ небрежной увѣренностію дворянина, а смотрѣлъ на ихъ успѣхъ съ философіей человѣка, знающаго цѣну славѣ и деньгамъ. «Qui que vous soyez, ami lecteur».

lib.pushkinskijdom.ru

говоритъ онъ въ своемъ предисловіи: «quelque élevé que soit votre génie, quelques supérieures que soient vos lumières, quelque délicate enfin que soit votre manière de parler et d'écrire, je ne vous demande point de grâce et vous pouvez vous égayer en critiquant ces amusements, que je laisse à la censure publique; mais en vous donnant carrière à mes dépens et aux vôtres, car il vous en coutera vôtre argent pour lire mes ouvrages, souvenez-vous qu'un galant homme qui se trouve au fond du nord, avec des gens la plupart barbares dont il n'entend pas la langue serait bien à plaindre, s'il ne savait pas se servir d'une plume pour se désennuier en écrivant tout ce qui ce passe sous ses yeux. Vous savez qu'il n'est pas donné à tout le monde de penser et d'écrire finement. Sur ce pied vous m'excuserez, s'il vous plait, s'entend, par la raison qu'il y aurait bien des gens inutiles, s'il n'y avait que ceux qui pensent et qui écrivent dans le goût raffiné qui s'en mélassent; vous y perdriez les nouvelles de ces pays perdus, que je vous donne, où les bonnes plumes ne sont pas familières. Adieu, lecteur mon ami, critiquez; plus il y aura des censeurs, mieux mon libraire s'en trouvera. Ce sera une marque qu'il débitera mon livre et qu'il retirera le fruit de son travail.

Sunt sanis omnia sana».

Записки Моро перемѣшаны съ разными стихотвореніями, иногда чрезвычайно вольными, большею частію собранными имъ; ибо онъ, вѣроятно, по своей драгунской привычкѣ, располагалъ иногда чужою литературной собственностію, какъ непріятельскою.

Впрочемъ онъ и самъ написалъ множество стиховъ. Выпишемъ нѣсколько строфъ изъ его оды къ королю Августу, какъ образецъ его поэтическаго таланта.

En quittant le Brabant j'épousai la querelle
Du Czar votre allié, je crus le bien servir,
J'ai même cru longtemps pouvoir lui convenir.
Et quoiqu'il agréa mon zèle,
Je fus contraint de revenir.

Le sang que j'ai versé, les pertes que j'ai faites
D'un équipage entier que je n'ai point gagné,
Qui fut par le Turban dans le combat pillé,
Furent les tristes interprètes
Qui m'annoncèrent mon congé.

lib.pushkinskijdom.ru

Renvoyé sans argent du fond de la Russie,
Etranger, sans patron et toujours malheureux,
Je cherche le secours d'un généreux,
A qui je viens offrir ma vie
Egalement comme mes vœux.
Ne croyez pas, grand Roi, qu'ardent en esperance,
J'ose vous demander plus que mon entretien,
Dans mon état present, que je ne me sais rien.
Un peu d'honneur pour ma naissance
Un peu de bien pour mon soitien.

Эти стихи доказываютъ, что финансы отставнаго бригадира находились не въ цвѣтущемъ состояніи. Впрочемъ Августъ велѣлъ выдать ему триста гульденовъ, и Моро былъ очень доволенъ; должно признаться, что ода и того не стоила.

Разсказъ Моро-де-Бразе о походѣ 1711 года, лучшее мѣсто изо всей книги, отличается умомъ и веселостію беззаботнаго бродяги; онъ заключаетъ въ себѣ множество любопытныхъ подробностей и неожиданныхъ откровеній, которыя можно подмѣтить только въ пристрастныхъ и вмѣстѣ искреннихъ сказаніяхъ современника и свидѣтеля.

Renvoyé sans argent du fond de la Russie,

Моро не любитъ русскихъ и недоволенъ Петромъ; тѣмъ замѣчательнѣе свидѣтельства, которыя вырываются у него поневолѣ. Съ какой простодушной досадою жалуется онъ на Петра, предпочитающаго своихъ полудикихъ подданныхъ храбрымъ и образованнымъ иноземцамъ! Какъ живо описанъ Петръ во время сраженія при Прутѣ! Съ какой забавной вѣтренностію говоритъ Моро о нашихъ гренадерахъ, qui, quoique russes, c'est à dire peu pitoyables, voulaient monter à cheval pour sécourir ces braves hongrois, на что чувствительные нѣмцы, ихъ начальники, не хотѣли однако согласиться. Мы не хотѣли скрыть или ослабить и порицанія, и вольныя сужденія нашего автора, будучи увѣрены, что таковыя нападенія не могутъ повредить ни славѣ Петра Великаго, ни чести русскаго народа. Предлагаемъ «Записки бригадира Моро,» какъ важный историческій документъ, который не должно смѣшивать съ нелѣпыми повѣствованіями иностранцевъ о нашемъ отечествѣ.

КОНЕЦЪ ПЯТАГО ТОМА.

lib.pushkinskijdom.ru

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЯТАГО ТОМА.

		Стр.
1815—17.	Отрывки изъ лицейскихъ записокъ	1
1821—23.	Изъ Кишиневскаго дневника и замѣтокъ	5
	Программа комедіи	6
	Изъ журнала греческаго возстанія	9
1822.	Историческія замѣчанія	11
	Планъ поэмы «Владиміръ»	15
	Критическіе отрывки	16
1824.	О стихотвореніи демонъ	17
	Первоначальное предисловіе къ Евгенію Онѣгину	18
	Замѣтка къ поэмѣ цыганы	19
	О причинахъ, замедлившихъ ходъ нашей словесности.	20
	О вдохновеніи и восторгѣ	—
	Встрѣча съ П. А. Ганнибаломъ	21
1825.	О г-жѣ Сталь и о г-нѣ Мухановѣ	—
	О предисловіи г-на Лемонте къ переводу басенъ И. А. Крылова	24
	Объ опредѣленіи романтизма по формѣ произведеній.	28
	О народности въ литературѣ	29
	О старой русской словесности, съ очеркомъ французской	30
1825.	Замѣтки при чтеніи книгъ:	
	I. Мелкія замѣтки	34
	II. О романахъ Вальтеръ-Скотта	35
	III. Объ Андре Шенье	—
	IV. О дѣленіи Европы на классическую и романтическую	—
	V. Замѣчанія на Анналы Тацита	—
1825—26.	Остатки автобіографіи Пушкина	38
	Историческая программа	—
	Воображаемый разговоръ съ Александромъ Павловичемъ	41
	О народномъ воспитаніи	42
1827.	О байронѣ.	47
1827.	Встрѣча съ Кюхельбекеромъ	48
1827—31.	Отрывки изъ писемъ, мысли и замѣчанія	49
1828.	Предисловіе ко 2-му изданію Руслана и Людмилы.	61

lib.pushkinskijdom.ru

Стр.

Предисловіе ко 2-му изданію Кавказскаго Плѣнника 65
1829. Ромео и Джюльета, Шекспира 66
Замѣтка о критикѣ . . . . . —
Отрывокъ изъ литературныхъ лѣтописей . . . . —
1829. Засѣданіе новаго литературнаго общества 71
1825—30. Замѣтки о Борисѣ Годуновѣ 73
Статьи и замѣтки изъ литературной газеты 77
I. О некрологіи Раевскаго . . . . . —
II. О выходѣ Иліады въ переводѣ Гнѣдича . . . —
III. О литературной критикѣ . . . . . —
IV. Объ исторіи русскаго народа, Полеваго . . . 79
V. О романѣ Загоскина: Юрій Милославскій . . . 89
VI. О запискахъ Самсона. 91
VII. О разговорѣ у княгини Халдиной, фонъ-Визина 92
VIII. О статьяхъ кн. Вяземскаго 93
IX. О каррикатурѣ въ Англіи и о Полевомъ . . . 94
X. Объясненіе къ замѣткѣ объ Иліадѣ. . . . . —
XI. О гекзаміетрахъ Мерзлякова. 95
XII. О запискахъ Видока. 97
XIII. О личностяхъ въ критикѣ 98
XIV. О неблаговидности нападокъ на дворянство. 99
XV. О выходкахъ противъ литературной аристократіи 100
Программы статей для «литературной газеты . . 101
Разговоръ 102
Самъ съѣшь 106
Полемическія замѣтки 107
1830. Альманашникъ. 113
1830. Дѣтская книжка:
I. Вѣтреный мальчикъ (Н. А. Полевой) 118
II. Маленькій лжецъ. (М. П. Бестужевъ-Рюминъ) . —
III. Исправленный забіяка. (Н. И. Надеждинъ). . 119
О журнальной критикѣ и полемикѣ . . . . . —
III. Разговоры о положеніи литературной критики. 121
Критическія замѣтки 122
Объ азбукѣ 144
ENO ET IKAËL . . . . . —
Замѣтки. . . . . —
Термины соколиной охоты 145
Приказы 146
Чопорность . . . . . —
О приличіи въ литературѣ 147
О драмѣ. 148
Разборъ драмы: Марѳа посадница 152
Баратынскій. 155

lib.pushkinskijdom.ru

		Стр.
	Родословная Пушкиныхъ и Ганнибаловъ. (октябрь—ноябрь 1830).	158
1830.	Анекдотъ о Байронѣ	163
1831.	Дельвигъ	166
1831.	Современные французскіе писатели	169
	Торжество дружбы, или оправданный Александръ Аѳимовичъ Орловъ	—
	Нѣсколько словъ о мизинцѣ г. Булгарина и о прочемъ	176
	Изъ записной книжки	181
1833.	О сочиненіяхъ П. А. Катенина	186
	Замѣтки	188
	О Дуровѣ	190
	Державинъ	192
	Шайлокъ, Анджело и Фальстафъ, Шекспира	193
1833—1834.	Отрывки изъ дневника	194
1834.	О книгѣ И. И. Дмитріева	205
1834.	Замѣчанія на пѣснь о полку Игоревѣ	206
1835.	О повѣстяхъ Павлова	213
1835.	Лордъ Байронъ	214
1829—35.	Путешествіе въ Арзрумъ во время похода 1829 г.	218
1834—36.	Анекдоты	261
1836.	О сочиненіяхъ Георгія Конискаго	280
	Вастола, или желанія	284
	Вечера на хуторѣ, изданіе 2-е	285
	Къ разсказу: Долина Ажитутай	—
	Россійская Академія	286
	Записки Н. А. Дуровой, издаваемыя А. С. Пушкинымъ	291
	Замѣтки во 2-й кн. современника	—
1836.	Объ исторіи поэзіи Шевырева	293
1833—34.	Мысли на дорогѣ	294
	I. Шоссе	—
	II. Москва	297
	III. Ломоносовъ	301
	IV. Черная грязь	306
	V. Городня	307
	VI. Клинъ	310
	VII. Тверь	—
	VIII. Мѣдное	312
	IX. Вышній Волочокъ	313
	X. Торжокъ	315
	XI. Русская изба	317
	XII. Этикетъ	319
	Разговоръ съ англичаниномъ о русскихъ крестьянахъ	320
	Наброски о литературѣ	322

lib.pushkinskijdom.ru

Стр.
1836. Александръ Радищевъ 329
Осьмнадцатое столѣтіе 335
Прибавленія:
I. Отъ императрицы, главнокомандовавшему въ С.-Петербургѣ генералъ-аншефу Брюсу 337
II. Изъ записокъ Храповицкаго 338
III. Клинъ. . . . . —
Мнѣніе М. А. Лобанова о духѣ словесности, какъ иностранной, такъ и отечественной 338
Вольтеръ 346
Джонъ Теннеръ 353
Ѳракійскія элегіи. 355
Объ обязанностяхъ человѣка, сочиненіе Сильвіо Пеллико. 357
Словарь о святыхъ, прославленныхъ въ россійской церкви, и пр. кн. Эристова 360
Новый романъ: село Михайловское 362
Замѣтка къ повѣсти: Носъ . . . . . —
Замѣтка о статьѣ Гоголя 363
Замѣтки отъ редакціи, въ 3-й книгѣ. . . . . —
Объясненіе. (О стихотвореніи «Полководецъ) . . . 364
Замѣтка отъ ртдакціи, въ 4-й книгѣ (О сборникѣ кн. Вяземскаго). 366
О выходѣ книги: Кавалеристъ-дѣвица, въ изданіи Ив. Бутовскаго 367
Ключъ къ исторіи государства Россійскаго . . . —
Къ запискѣ о древней и новой Россіи . . . . . —
О Мильтонѣ и Шатобріановомъ переводѣ «Потеряннаго рая 368
Послѣдній изъ родственниковъ Іоанны Д'Аркъ . . 375
Желѣзная маска 378
Записки бригадира Морѣ-де-Бразе о походѣ 1711 г. 380

lib.pushkinskijdom.ru